

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА

в пятнадцати томах

Под общей редакцией
С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова

Руководитель авторского коллектива А. И. Подберезкин

Редакционный совет

А. Н. Артизов, А. А. Ахтамзян, Ю. А. Булатов, А. В. Мальгин, В. Р. Мединский, М. А. Мунтян,
М. Ю. Мягков, Н. А. Нарочницкая, М. М. Наринский, В. В. Наумкин, Я. В. Новиков,
А. А. Орлов, В. О. Печатнов, А. И. Подберезкин, К. К. Провалов, Л. П. Решетников,
О. А. Ржешевский, О. Е. Родионов, Г. Р. Ручкин, А. В. Серегин, И. И. Сирош,
В. М. Фалин, В. С. Христофоров, А. О. Чубарьян

Московский государственный институт международных
отношений (Университет) МИД России

Издание осуществлено при финансовой поддержке
ОАО «Концерн ПВО „Алмаз-Антей“»

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА

Под общей редакцией
С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова

ПОБЕДА

III

Издательство
«МГИМО–Университет»
2015

УДК 9(47)
ББК 63.3(2)622
В27

Издание осуществлено во взаимодействии с ОАО «Концерн ПВО „Алмаз-Антей“»

Под общей редакцией

С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова

Руководитель авторского коллектива

А. И. Подберезкин

Редакционный совет

А. Н. Артизов, А. А. Ахтамзян, Ю. А. Булатов, А. В. Мальгин, В. Р. Мединский, М. А. Мунтян,
М. Ю. Мягков, Н. А. Нарочницкая, М. М. Наринский, В. В. Наумкин, Я. В. Новиков,
А. А. Орлов, В. О. Печатнов, А. И. Подберезкин, К. К. Провалов, Л. П. Решетников,
О. А. Ржешевский, О. Е. Родионов, Г. Р. Ручкин, А. В. Серегин, И. И. Сирош, В. М. Фалин,
В. С. Христофоров, А. О. Чубарьян

Редакционная коллегия

Е. А. Бондаренко, Т. Г. Занина, Н. А. Калантарова, Н. К. Капитонова, Е. А. Тюрина, В. Б. Чернолецкий

В27 Великая Победа : в 15 т. / под общ. ред. С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, Центр военно-политических исследований. — М. : МГИМО-Университет, 2015.

ISBN 978-5-9228-1300-6

Т. 3: Победа — 2015. — 360 с., [20] с. : ил. ISBN 978-5-9228-1303-7

Пятнадцатитомное издание «Великая Победа» подготовлено на основе современных представлений ведущих отечественных историков академических институтов и образовательных центров и ряда иностранных ученых-историков о событиях Второй мировой войны. Впервые за последние годы в отечественном историческом пространстве появилось столь объемное издание, повествующее о сложнейших и трагических перипетиях политических, дипломатических и военных столкновений, затронувших интересы практически половины населения нашей планеты.

В многотомнике особое внимание уделяется попыткам недобросовестного или политически мотивированного толкования событий Второй мировой войны и её итогов, нередко ставящего под сомнение великий подвиг нашего народа, принесший освобождение миру от самой чудовищной и бесчеловечной «коричневой чумы» XX века с её доктриной мирового господства на основе расового деления мира. В книгах многотомного издания таким попыткам дается должный отпор.

Издание рассчитано на широкий круг читателей.

УДК 9(47)
ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-9228-1303-7 (т. 3)

© Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, 2010

© Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, 2015

ISBN 978-5-9228-1300-6

На обложке: 09 мая 1945 г., место съемки: Москва, автор съемки: Халип Яков Николаевич, ЦААДМ.

Книга седьмая

**ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ
АККОРДЫ
«БОЛЬШОЙ
ВОЙНЫ»**

К предыстории пакта о ненападении между СССР и Германией

В. М. Фалин*

В октябре 1998 г. официальный Лондон покался: было такое — в канун капитуляции нацистской Германии объединенный штаб планирования военного кабинета Великобритании, во исполнение директивы премьера У. Черчилля, действительно готовил нападение на Советский Союз. Цель «экстренной операции», получившей кодовое название «Немыслимое», обозначили так: «принудить Россию подчиниться воле Соединенных Штатов и Британской империи». Способ достижения цели — «разгром России в тотальной войне». Дата начала агрессии — 1 июля 1945 года объединенными силами США, Англии, Британских доминионов, Польского экспедиционного корпуса и 10 дивизий вермахта с последующим наращиванием немецкого контингента, возможно, до 40 боевых единиц.

Альбион поднимал забрало: ситуация, по аршиону Черчилля, созрела для реализации многовекового британского умысла — перекрыть «русским варварам» кислород. Изможденному запредельным напряжением в противоборстве с нацистским нашествием СССР, полагал премьер, не удалось бы отразить новую напасть, по масштабам и ресурсному обеспечению затмевавшую все прежде изведенное.

Не стану вдаваться в разбор причин, как и почему отцам «демократии» и почитателям «прав человека» не удалось с ходу перевести Вторую мировую войну в Третью мировую. Для раскрытия темы существенней прояснить, являлось ли намерение Лондона пуститься во все тяжкие спонтанной реакцией на выскользнувшее из его тенет развитие в Европе или же опять раскрывалась натура оборотня, не ведающего ни вечных друзей, ни вечных врагов, ставящего свой интерес выше заповедей в христианском и любом ином их прочтении?

Присмотримся к стратегии и тактике Альбиона в роковые фазы первой половины XX века. Что каса-

ется Восточного полушария, едва ли не во всех кризисах проступал британский след — сценарный или исполнительский. К сожалению, час недозированных откровений на Биг-Бене не пробил. Иначе сколько, помимо «Немыслимого», открылось бы нам сокровенных тайн — о братании Лондона с Токио в 1900–1939 гг., о британских «треволнениях» под этикеткой «Балканы», высекавших пламя Первой мировой войны, о пестовании «демократами» экстремизма в Италии и Германии, мостившем пути-дороги во Вторую мировую! Нет, молчание не всегда золото, особенно если помнить, что семена войны, даже ненароком оброненные, сохраняют всхожесть дольше, чем просто семена, десятилетиями поджидающие каплю влаги в знойных пустынях.

Для тех, кому не чужд системный анализ становления фронтов Второй мировой войны, идейный подтекст операции «Немыслимое» не является неожиданным-негаданным. Черчилль не единожды в 1941–1945 гг. примерялся сдать «русского союзника». Сначала, чтобы не запоздать к дележу наследства фатально, в сознании премьера, обреченного. Позже его идефикс сделалось затягивание войны, дабы в итоге Россия поспела не на пир победителей, а в реанимацию.

Обратимся к черчиллевскому прочтению советско-британского соглашения от 12 июля 1941 года. Минула пара месяцев после его подписания, и премьер озадачил своих коллег по военному кабинету: «Возможность сепаратного мира не может быть исключена». В момент, когда битва под Москвой решала исход всей войны, Черчилль развил свою задумку: «Мы сделали публичное заявление (так межгосударственное соглашение от 12.07.1941 г. деградировали в некую декларацию), что не будем вести переговоры с Гитлером или нацистским режимом... Но мы зашли бы слишком далеко, если бы заявили, что не будем вести переговоры с Германией, взятой под контроль

* Валентин Михайлович Фалин — доктор исторических наук.

ее армией. Невозможно предсказать, какое по форме правительство может оказаться в Германии тогда, когда ее сопротивление будет ослаблено и она захочет вести переговоры». В октябре 1942 г., за три недели до перехода Красной Армии в контрнаступление под Сталинградом, британский лидер назвал долгом «демократий» «задержать русских варваров настолько далеко на востоке, насколько возможно». Понятно, с помощью нацистского вермахта.

Этого вектора Лондон держался до дня капитуляции Третьего рейха. К нему он всячески старался в 1941–1944 гг. приобщить Соединенные Штаты (и небезрезультатно). Неверность ангосаксов бравшимся перед Советским Союзом обязательствам, разрыв слов и дел продлили кровопролитие на европейском ТВД минимум на два — два с половиной года, что обошлось народам в миллионы и миллионы дополнительных жертв. Двурушничество «демократов» и стало повивальной бабкой «Немыслимого».

Отступим от хронологии. По недосмотру получили огласку фрагменты протокола «Военные соображения в отношениях с Россией», обобщившего содержание переговоров руководителей США и Великобритании, а также их военных чинов в Квебеке. Адмиралы и генералы, следуя из протокола, обсуждали 20 августа 1943 г. вопрос: «не помогут ли немцы» высадке войск США и Англии на территорию Германии, «чтобы сообща дать отпор русским». Под намеренный альянс «демократов» и вермахта президент Рузвельт и премьер Черчилль утвердили в Квебеке план «Рэнкин», призванный застопорить продвижение Советского Союза на дальних подступах к Центральной Европе. Пресловутый второй фронт перекаптовывался в войну на два фронта. Замечу для ясности — самая жестокая в истории человечества, сломавшая хребет нацистской нечести Курская битва закончилась 23 августа.

Почему за ориентир старта «Немыслимого» было взято 1 июля? Если судить по документам, весной 1945 года англо-американские прорицатели полагали, что вермахт удержит фронт против Красной Армии еще примерно с полгода, а то и дольше. Тем временем рассчитывали со второго захода провести рокировку во властных структурах Германии и сделать явью кредо «Рэнкина» — под контроль Вашингтона и Лондона, наряду с Австрией, Чехословакией, Югославией, Албанией, Грецией, должны были попасть Болгария, Румыния, Прибалтика и Польша. Таким образом, состоялось бы переиздание «санитарного кордона», отрезающего «российских варваров» от «лучезарной западной цивилизации».

К чему, могут спросить, копать в непристойном коварстве Альбиона, в «самой необузданной разновидности дебоша, сбивающего с толку», как аттестовал действия Черчилля военный министр рузвельтовской администрации Г. Стимсон? На то наличествуют более чем веские доводы. Выборочный подход к трагическим перипетиям недавнего

прошлого не позволяет постичь связь времен, взаимообусловленность доктрин и явлений. Лондон и Вашингтон, повторюсь, не горят желанием распахнуть свои документальные закрома. Им есть что таить от стороннего взгляда, что ни по каким критериям не делает чести оракулам либерализма, отвесь они хоть сто раз по сто поклонов виртуальной демократии. Тем не менее умолчанию британских и вашингтонских доброхотов наперекор можно при желании достоверно установить, кто кем был в XX веке и кто есть что сейчас.

Позволю себе дерзкое сопоставление. Попробуем вскрыть концептуальные совпадения в событиях Первой и Второй мировых войн, равно как и «холодных войн», за ними последовавших.

Внешне британская линия поведения выглядит алогичной до несуразности, а кому-то может показаться прагматичной до приспособленчества. Ложное впечатление. Основные вехи стратегии Альбиона, задававшего тон в европейских и отчасти в глобальных делах до середины XX века, выводились одним пером и порой одной жесткой рукой. Морской министр У. Черчилль, вкупе с шефом Форин-офиса Э. Греем, преднамеренно рулил к вооруженному столкновению Германии и Австрии с Россией и Сербией, переросшему в мировую схватку. Он же, Черчилль, стал заводилой дарданелльской авантюры (февраль 1915 г. — январь 1916 г.) с задачей навесить британский замок на черноморские проливы. Побоку дававшиеся Николаю II заверения, что в вопросе о проливах приоритеты за Россией.

Хуже того. Англичане и с их подачи французы прикидывали, как бы и где бы ущемить российскую безопасность по периметру царской империи. Германия — противник, и ее флирт с сепаратистами в Грузии, происки в Прибалтике, Польше, Белоруссии, Украине объяснимы. Но ведь заодно с немцами на Кавказе, а затем уже без немцев в Среднеазиатском регионе обустривались «демократы». Как прикажете сие толковать?

Или. Отречение Николая II Лондон воспринял без надрыва. Русские солдаты своими жизнями продолжали восполнять прорехи на западном ТВД. Это — главное. Новая внутрirosсийская диспозиция их даже устраивала: нет царя — нет стеснительных обязательств перед Петроградом. И чем глубже Россия погружалась в хаос, тем больше появлялось шансов довершить задумки Крымской войны в Европе и Азии. Тут, как нельзя кстати, подоспел Октябрь. Сыскался жупел, позволявший переокрасить банальные империалистические вождедения, выдать русофобию за некую «спасительную миссию» от угроз, нависших над привычным для «цивилизованных» европейцев образом жизни.

Закоперщиками предания российского бастарда анафеме выступили французский президент Ж. Клемансо и британский военный министр У. Черчилль. Последний потребовал «усмирить революцию вой-

ной», «отгородить Советскую Россию от Западной Европы кордоном неистово ненавидящих большевиков государств». Верховный совет Антанты принял решение о вооруженном вмешательстве в российские события. 23 декабря 1917 г. была утверждена конвенция о разделе России на «сферы действий». Англичанам вверялись Кавказ, казачьи области на Дону и Кубани плюс прикаспийские регионы. За французами закреплялись Белоруссия, Украина, Крым. Соединенные Штаты, формально не авторизуя конвенцию, выговорили себе Сибирь и Дальний Восток.

Тогда же, в декабре, ангlosаксы вошли в контакт с австрийцами на предмет блокирования Антанты и Четвертного союза (Германия, Австро-Венгрия, Болгария и Турция) за счет России и против России. Так откликнулись «демократы» на советское приглашение (21 ноября 1917 г.) всех конфликтующих сторон к замирению. Не принесли плодов также попытки Советской республики склонить нейтральные государства к посредничеству в налаживании мирного диалога.

Петроград предупреждал: если обструкция Антанты сделает невозможным взаимное согласие об основах послевоенного мироустройства, он будет вынужден действовать по собственному усмотрению. Советы не собирались причинять ущерб бывшим союзникам России. На открывшихся 3 декабря в Брест-Литовске советско-германских переговорах наши делегаты настояли на включении в решение о перемирии оговорки — выводимые из боя на востоке кайзеровские войска не должны перебрасываться на западный фронт.

Протянутые сквозь прокрустово ложе XX века, мы понимаем иллюзорность апелляций к здравому смыслу и элементарной порядочности, раздававшихся под занавес как Первой, так и Второй мировой войны. Не Устав Лиги Наций и не Устав ООН, эти многочастные оды, воспевавшие мирную благодать, не заветы «мечтателей», в которые без достаточных к тому оснований зачисляли постверсальского Бриана и послелялтинского Фр. Рузвельта, маркировали маршруты движения. «Если в жизни есть что-то неизбежное, то таким неизбежным является война между США и Россией, и ее надо начать как можно раньше», — гласил документ госдепартамента от 19 мая 1945 года. А в 1946 г. администрация Трумэна твердо решила для себя и за других — какую бы политику ни проводила Москва, само существование Советского Союза не совместимо с американской безопасностью, и принялась по новой отсчитывать круги ада.

Чем досадила империалистическому истеблишменту смена социальной формации в отдельно взятой стране? Советы звали к «справедливому демократическому миру без аннексий и контрибуций», к обузданию милитаризма, к признанию за всеми нациями, большими и малыми, равных прав на свободное самоопределение, к развитию экономических связей на основе взаимной выгоды. Декреты о национали-

зации иностранной собственности и введении монополии государства во внешнеэкономических связях будут приняты позднее. Внутреннее переустройство в России еще не выродилось в братоубийство. Избрание нового патриарха двести лет спустя после ликвидации Петром I этого сана вроде бы сулило модус вивенди мирского и духовного начал. Новая Россия материально не могла ни на кого напасть. Солдат распустили по домам: крестьян ждала истосковавшаяся по плугу земля, рабочим предстояло оживить пришедшие в упадок заводы.

Объективность требует не списывать попытки Д. Ллойд Джорджа и В. Вильсона остудить пыл Клемансо и Фоша, Черчилля и Лансинга. Британский премьер убеждал партнеров: «Большевики, что бы о них ни думали, ведут за собой, по-видимому, большинство населения. Это, безусловно, факт печальный, но негоже игнорировать факты лишь потому, что они неприятны». Президент США в свою очередь сомневался, что английские и американские войска преуспеют в России ввиду «опасений, что их усилия приведут к реставрации старых порядков, которые были даже ужаснее нынешних. Угроза интервенции только укрепляет большевизм».

В конце января 1919 г. Вильсон предложил «союзному совету» вступить в переговоры с правительством Ленина. Из-за категорических возражений Клемансо предложение не прошло. Тем не менее глава Белого дома обратился 21 января 1919 г. ко всем противоборствующим российским группировкам делегировать своих представителей на конференцию, имевшую задачей восстановление мира в стране. Совнарком выразил готовность немедленно вступить в переговоры как с державами Антанты, так и с белогвардейскими «правительствами». Белые отказались садиться за один стол с большевиками. Конференция на Принцевых островах не состоялась.

В марте 1919 г. с ведома Вильсона и Ллойд Джорджа в Москву прибыл У. Буллит, член американской делегации на Парижской мирной конференции. В ходе его переговоров с В. И. Лениным и Г. В. Чичериним был выработан проект урегулирования, который наряду с повсеместным прекращением военных действий предусматривал обсуждение вопроса о мире на следующих принципах: все фактически существующие на территории бывшей Российской империи и Финляндии правительства сохраняют власть и признают свою ответственность за финансовые обязательства бывшей империи по отношению к иностранным державам и гражданам этих держав; экономическая блокада России прекращается; возобновляется обмен официальными представителями между Советской республикой и иностранными государствами; политзаключенных обеих сторон амнистируют. Советская сторона настояла на внесении в документ еще двух положений, предусматривавших немедленный вывод войск «союзных и объединившихся правительств и других

нерусских правительств» из Советской республики и прекращение военной помощи антисоветским силам в России. Итоги миссии Буллита были дезавуированы Парижем. Вильсон запретил публиковать выработанный проект соглашения, а Ллойд Джордж отрекся от причастности к организации переговоров с Советской Россией.

Чего было больше в лавировании Вильсона и Ллойда Джорджа — хваленого «идеализма», пробиравшихся сквозь заскорузлый консерватизм ростков трезвомыслия или стремления не мытьем, так катаньем раздробить Россию, на время закрепив отдельные ее части за теми или иными воеводами? Возможно, это не удастся распознать и следующему поколению историков. Не все умыслы доверялись бумаге.

Выдвинутая Октябрем программа отвержения насилия, раскабаления всех народов, принятия социальной и межнациональной справедливости за основу добрососедства и согласия — этот «варварский вызов» грозил спровоцировать пандемию. Дискуссии вокруг вариантов реакции «демократий» кончались на неизменной ноте: крамолу извести, если удасться — то заодно с ее носителем, Россией. Клемансо требовал возвести против «заразы» «санитарный заслон». Враги врагов превращались в друзей. Так же, как это повторялось по ходу советско-германской войны 1941–1945 гг.

Курс антантовских авторитетов и курс правителей Германии в 1917–1919 гг. по отношению к России дополнял *in grosso modo* один другого. Каждого из антагонистов устраивал развал Российской державы. По крайней мере, публично «демократы» не поднимали голос в защиту территориальной целостности «союзника», когда еще до Октябрьской революции немцы приобщали к своей добыче Прибалтику и Польшу. Со сменой в Петрограде социальных знаков отличия посягательство на национальные интересы россиян стало нормой. Если бы не прусская фанаберия, неумное британское высокомерие и жажда мести французов за поражение в 1870–1871 гг., их было бы сложно сомкнуть в единый кулак. Опять напрашивается аналогия с провалом потуг «демократов» сговориться с «лучшими немцами» по ходу Второй мировой¹.

Заявки Берлина на чужие владения отражены в стенограммах брестских переговоров. Меньшую известность получили наметки «радетелей» о достойном будущем России. В «Программе мира», представленной президентом США В. Вильсоном конгрессу 8 января 1918 г., признавалось (п. 6) право новой России определять свою политику и пути развития. Как виделась реализация сего «права», следует из комментариев полковника Э. М. Хауза — соавтора «Программы». За оптимальную модель решения «русского вопроса» принималось расчленение бывшей Российской империи на ряд отдельных государств и территорий, зависимых от заграницы. Чтобы так и стало, предлагалось ввести опеку над внут-

ророссийскими «демократическими силами», к коим Советы явно не причислялись.

Госдепартамент США оснастил американскую делегацию на Парижской мирной конференции географической картой, на которой были прочерчены «подновленные» границы Российского государства. За Москвой оставлялась Среднерусская возвышенность, отсекались Прибалтика, Белоруссия, Украина, Кавказ, Средняя Азия, Сибирь. Установки Вильсона–Хауза–Лансинга есть первые (к сожалению, не последние) правительственные документы, в коих черным по белому прописано: России надлежит изрядно «подужаться», во имя торжества «Пакс Американа».

На начальной стадии предпочтение отдавалось использованию наемников, коих «демократы» накачивали оружием и деньгами. 10 декабря 1917 г. секретарь Лансинг в записке Вильсону рекомендовал насадить в России военную диктатуру. С благословения президента было отдано распоряжение — «действовать без промедления» в поддержку «движения Каледина». Но скрытно. А ежели правда о «сочувствии» и финансовой помощи атаману со стороны США просочится, все валить на Англию и Францию, которые в свою очередь подряжали казачество на борьбу с советской властью.

Помимо Каледина, Дутова и прочих атаманов западные державы пасли, в частности, главнокомандующего русской армией Духонина, генералов Алексева и Щербачева (в его подчинении находились объединенные русские и румынские армии), предводителя Польского офицерского корпуса Доббор-Мусницкого. Немалые надежды возлагались на Украинскую раду. Последняя доила не одних «демократов». За оказываемые услуги она попутно сбирала мзду и с немцев.

Пестрая свора присягала единственному ультиматуму — прав не правый, но сильный, доказывая на каждом шагу: цивилизованная дикость есть худшая из всех дикостей (К. Вебер, немецкий философ и писатель, 1767–1832 гг.). Как ненавистники России приводили свои акции к общему знаменателю? Лучше слов это пояснят конкретные примеры.

Аннексионистские происки по периферии России упоминались. Не заставили себя долго ждать и покушения на исконно русские земли. 18 февраля 1918 г. австро-германские войска ринулись в наступление по всему фронту — от Балтики до Черного моря. Захватчиков не угомонила ратификация (15.03.1918 г.) IV Чрезвычайным съездом Советов Брестского мира. Петроград запросил Вашингтон: не может ли Россия рассчитывать на поддержку США, Англии и Франции на случай дальнейших враждебных актов немцев? Одновременно наша сторона поинтересовалась возможной реакцией бывших союзников на действия Японии, собиравшейся по сговору с Берлином прихватить Владивосток и КВЖД. Обращение осталось без ответа. Французы, правда, прозондировали, не удостоят ли американцы Со-

ветскую Россию помощи в борьбе против Германии. Лансинг вывел на бумаге резолюцию: «Об этом не может быть и речи».

Чем хуже самочувствие Советской республики, тем, по логике Антанты и США, весомее должно было быть давление на нее извне. С ведома Вашингтона Лондон готовил интервенцию в северные регионы России. Как ни печально, этим планам тайно потворствовал зампредседателя Мурманского совета Юрьев. По указке Троцкого он заключил с англичанами и французами «словесное соглашение», освящавшее высадку в Мурманске «дружеского десанта». Для вящей доказательности стремления дружить всерьез и надолго «демократы» собирались послать «союзный отряд» численностью 15 тыс. человек также в район Архангельска. Наступление немцев на западном фронте вынудило англичан и французов притормозить операцию. Однако уже 3 июня совет Антанты постановил: вторжению на Кольский полуостров и в устье Северной Двины быть. На него отряжались британские (28 тыс. человек), американские, французские и итальянские части (более 13 тыс. человек).

Пауза с марта по июнь на Севере восполнялась поощрением Японии к оккупации советского Дальнего Востока. 5 апреля 1918 г. японские войска захватили Владивосток. Американцы и англичане тут же сочли, что и им причитается доля от богатых ресурсов этого региона. Протесты советского правительства по обыкновению были проигнорированы. Это не все. 16 марта, день спустя после ратификации Брестского договора, посол США в России Фрэнсис призвал контрреволюционные силы дружно подняться на свержение советской власти. Им была обещана «немедленная помощь» для — как же иначе — продолжения борьбы с Германией до победного конца. Победы над кем?

Обратимся к Компьенскому перемирию. Зачастую историки обходят те его статьи, что отразили планы победителей превратить Германию в «бастион против русского большевизма» (тезис военного министра Англии лорда Мильнера). Кайзеровские войска подлежали выводу из всех областей Франции, Бельгии, Люксембурга, Австро-Венгрии, Румынии, Турции, Восточной Африки. Немецких солдат удаляли из Эльзаса и Лотарингии, а также с левого берега Рейна. Но убираться из России, согласно ст. 12, им надлежало лишь тогда, когда «союзники, приняв во внимание внутреннюю ситуацию на этих территориях, признают, что для этого настал момент». Союзники выговорили себе свободный доступ на означенные территории (ст. 16), чтобы убеждаться в исправном исполнении немцами данных им инструкций.

Сравним брестский диктат с компьенским. Затруднительно определить, чей жаргон был «похабней». Ясно одно: имперский министр Эрцбергер, как ни прилаживался к русофобскому хомуту, не сумел вывести Германию из компьенского ошипа менее ободранной и обесчещенной. Вместе с тем никто не оспорит, что немцы выволокли Финляндию, Литву,

Латвию и Эстонию на антисоветскую стезю. И пока правителям Германии кое-что перепало от зарешечивания петровского окна в Европу, неудобства холуйства оставались терпимыми. Веймарская республика избегала лезть на рожон.

Но вот Антанта замыслила «поход Авалова» на Петроград. Германским контингентам, что дислоцировались в Прибалтике согласно ст. 433 Версальского договора, отводили роль коренника в авантюре. Берлину достало характера произнести «нет». На это «нет» сыскался суд — немцев выставили из Литвы, Латвии и Эстонии. Почти непоправимо веймарцы разочаровали «демократов» в апреле 1922 г. Рапальский договор пробил брешь в кольце дипломатической изоляции Советов. Сверх того, договор разборчиво — для понятливых — перелагал в правовые формулы философию октябрьского Декрета о мире, взывавшего к добрососедству без цензов и привилегий.

В восприятии Вашингтона, Лондона и Парижа немцы совершили святотатство. Еще бы! Сколько миллиардов фунтов, долларов, франков потрачено, сколько жертв принесено, чтобы распять Россию! Общая численность иностранных солдат и офицеров, осаждавших в 1918–1922 гг. под стягами Антанты и ее присных Советскую республику, составляла 320–330 тыс. человек. На Дальнем Востоке и в Сибири буйствовало более 150 тыс. интервентов, на юге, в Средней Азии и на Кавказе — около 130 тыс., в северных районах — свыше 40 тыс. И это без зачета почти миллионной группировки Германии и Австро-Венгрии, хозяйничавшей в Белоруссии и в Украине с весны 1918 по середину 1919 г. А удар по престижу?

Особняком стоит польский сюжет. Воссозданная день в день с капитуляцией рейха в Компьене (11.11.1918 г.), Польша под «началом» Пилсудского тотчас зарекомендовала себя возмутителем европейского спокойствия. Оставим без разбора выверты «демократий» на потребу польскому экстремизму, повлекшие, в числе прочего, утрату Литвой Вильнюсского края, а немцами Верхней Силезии с ее угольными богатствами, хотя, строго говоря, это — не эпизоды, но вехи в расшатывании версальской пирамиды. Сосредоточимся на более близком нам — на оттачивании «демократами» подржавевшего «польского копья», обращенного с древних времен против восточного супостата.

Западные державы устроили три похода против Советской республики. В первом (март—июль 1919 г.) главной силой выступала армия Колчака, возведенного с подачи Вашингтона в «верховные правители» России. Это «решающее», по аттестации маршала Фоша, наступление бесславно провалилось. Второй, прозванный Черчиллем «походом 14 держав», длился с июля 1919 по февраль 1920 года. Ставка делалась на генерала Деникина. Ему должны были ассистировать пограничные с Советской Россией страны. За исключением поляков, малые страны рвения не

проявили. Опять фиаско. Костяк последнего, третьего похода Антанты (апрель–ноябрь 1920 г.) составляли Войско польское и белогвардейская армия Врангеля.

Еще до провозглашения Польши суверенным государством «польский национальный комитет», обосновавшийся в Париже, передал своим покровителям меморандум, в котором требовал передачи под контроль армии генерала Галлера, что в ударном темпе формировалась во Франции, Каменеце-Подольска, Брест-Литовска и Ковно. «Эта оккупация, — читаем мы в меморандуме, — гарантировала бы Польше безопасность на востоке и могла бы служить базой для будущих военных операций союзников в России».

При рассмотрении на союзном совещании сей заявки министр иностранных дел Франции Пишон предложил не мелочиться и принять за основу будущего территориального устройства границы «Польского королевства до его первого раздела в 1772 г.». Несмотря на возражения США и Англии, ориентировавшихся на этнический принцип при межевании границ, президент Клемансо продвигал шедшую от Наполеона модель «Польши 1772 года» также на Версальской мирной конференции. Споры кончились наилучшим из возможных вариантов — вопрос о точных границах Польши и, следовательно, о западной границе России оставили открытым.

Голый расчет понудил «демократов» прочертить «линию Керзона» (08.12.1919 г.), обещавшую теперь уже самостоятельным Белоруссии и Украине «светлое будущее».

После выхода Деникина из игры французы и американцы решили — за неимением лучшего — ввести в действие польский резерв. Его сколачиванием «демократы» занялись по весне 1919 г. США, Англия и Франция поставили полякам полторы тысячи орудий и 10 млн снарядов к ним, 2800 пулеметов, около 400 тыс. винтовок и 576 млн патронов, порядка 700 самолетов², две сотни броневиков, средства транспорта, связи, медикаменты, 3 млн комплектов обмундирования.

Пикантная подробность — для вооружения «свободной Польши» сгодились арсеналы подвергшейся разоружению Германии. Полякам перепало из немецкого наследства 1200 пулеметов, 360 пушек и гаубиц для 30 дивизионов тяжелой артиллерии, 1100 пушек для 63 дивизионов полевой артиллерии.

Штабные разработки запланированных операций велись в основном французским персоналом. 70-тысячная «армия Галлера» проходила обкатку при захвате поляками Минска 8 августа 1919 г. и в других «пограничных инцидентах». Ползучая агрессия набирала обороты с лета 1919 года. Но за официальную дату начала польско-советской войны берется 25 апреля 1920 года. В этот день Пилсудский огласил приказ «о восстановлении исторических польских границ». 7 мая 1920 г. пал Киев. Украшенный венком Батория «начальник» Польши предвкушал триумфальный марш по Москве.

Фортуна — дама капризная. Контрудар Красной армии поверг захватчиков в бегство. Путь панов до Киева и обратно был отмечен погромами и насилием над беззащитными детьми, женщинами и стариками. С особой яростью они бесчинствовали в поселках Белоруссии и Украины, населенных преимущественно евреями³. Чуть позже устроители «великой Польши» станут отыгрываться на попавших к ним в плен красноармейцах.

«Демократы» включили все рычаги и регистры ради спасения своих протезе — от угроз новой интервенции до «ублажения» Москвы. Но пока англичане заговаривали нам зубы обещаниями затвердить в качестве границы между Польшей и Советской Россией «линию Керзона», если дальше этой линии войска Тухачевского не продвинулись, французы брали быка за рога. Не теряя ни часа, они организовали массивные поставки (через Германию) оружия, боеприпасов, техники для восполнения польских потерь. Французские офицеры де-факто переняли командование войсками Пилсудского, сотворив «чудо на Висле». Части Красной Армии были вынуждены откатиться на исходные позиции.

Маршал Фош, вдохновитель «чуда», подбивал западных политиков на мобилизацию 2-миллионной орды против России. Нашествие с западного направления должно было сочетаться с приливом японской агрессивности на востоке. Не упустим, что под контролем Японии оставались в это время обширные районы Дальнего Востока. Советское политическое руководство дрогнуло. Во избежание худшего оно пошло на подписание 18 марта 1921 г. Рижского мирного договора, на восемнадцать с половиной лет располозовавшего по живому Украину и Белоруссию.

«Чудо на Висле», коим французы одарили Пилсудского, стало его путеводной звездой. В мае 1926 г. он установил в стране личную диктатуру, знавшую ответственность лишь «перед Богом и историей». «Начальника» Польши заносило почти на каждом вираже. Он требовал надления Польши статусом «великой державы», обладающей под стать Франции и Англии правом вето по меньшей мере в восточноевропейском, а еще лучше и в центральноевропейском диапазоне. Польские запросы осложняли ход Локарнской конференции 1925 года. Ее решения лишь усугубляли пороки версальской конструкции, обещавшей благоустроенность на западе и простор для военно-политического блуда на востоке.

Мининдел Франции А. Бриан подал было голос в пользу гарантий неприкосновенности всех сложившихся европейских рубежей и тут же замолк, встретив афронт со стороны англичан и немцев. Квазикомпромисса удостоили польско-германскую и германо-чехословацкую границы — возможные споры предложили решать в арбитраже, а Литве и Советскому Союзу не перепало и сей толики. Веймарский шеф-дипломат Г. Штреземан резюмировал: «В Локарно был взорван краеугольный камень всей

версальской системы». Помимо восстановления суверенитета Германии над Рейнской областью министр предвкусил «возвращение немецких территорий на востоке».

Н. Чемберлен, глава британского Форин-офиса, смотрел глубже и дальше. Он выстраивал безопасную Европу «без России и против России». В локарном договорном комплексе ему виделся новый «священный союз», в котором Германии отводилась функция «бастиона западной цивилизации». Тогда-то лорд Бальфур ввел в оборот понятие «умиротворение».

Британский зов плотнее сомкнуть ряды русофобов чутко восприняла Польша. Локарно лишней раз подтвердил, что большая Антанта сникла, а малая трещала по швам. Прорисовывались контуры иных военно-политических комбинаций, и Варшаве требовалось держать ухо остро, дабы не промахнуть в сотворении очередного кумира. На кого облокотиться — на Лондон или на поднимавшийся с колен Берлин? Пилсудский определится на рубеже 1933–1934 гг.

Между тем А. Бриан, чтобы подлатать реноме Франции, выступил в апреле 1927 г. с предложением объявить войну вне закона и кодифицировать идею «вечного мира» посредством договора между Францией и Соединенными Штатами. Вашингтон настоял на придании договоренности многостороннего характера. Путевку в жизнь пакту Бриана–Келлога дали 15 стран, поставившие под ним 27 августа 1928 г. свои подписи.

Москву не допустили к выработке текста документа. Это наводило на мысль, как заявил Г. В. Чичерин, что в очередной раз оттачивается «орудие изоляции и борьбы против СССР». Наркоминдел имел предостаточно оснований так оценивать ситуацию.

Англия, а также Польша выступили против участия в пакте Советского Союза, утверждая, что осуждение войны и отказ от нее как орудия национальной политики трудно сделать «универсальным» или «подходящим» в отношении непризнанных всеми государствами и к тому же неспособных «обеспечить поддержание доброго порядка и безопасности в пределах их территорий». Французы колебались. За приглашение СССР войти в состав стран — учредителей пакта высказались США. Сошлись на варианте — советских представителей на церемонии подписания документа в Париже не будет, но в тот же день посольство Франции в Москве официально предложит Советскому Союзу присоединиться к пакту.

В конце концов к пакту Бриана–Келлога примкнуло 63 государства. Количество участников, однако, не компенсировало качественных пробелов, присущих этому акту. Мировое сообщество обогатилось декларацией о намерениях. Отдавая себе в этом отчет, Бриан тогда же выступил за учреждение «федеративного европейского союза» как постоянно действующего института (прообраз ОБСЕ), наделенного исполнительскими полномочиями. Советская Россия

загодя исключалась из «союза». На него автор проекта собирался возложить улаживание также социальных трений, упреждение революционных взрывов, преодоление рыночными механизмами экономических трудностей. Против этой инициативы Парижа выступили Англия и Испания, Веймарская республика обусловила присоединение к «союзу» установлением «всеобщего равенства» членом федерации.

Награждение творцов Локарно — А. Бриана, Н. Чемберлена, Г. Штресмана Нобелевскими премиями мира выдавало мину замедленного действия за добродетель. Ситуацию не просветлил и «международный поцелуй», как саркастически квалифицировал пакт Бриана — Келлога один американец. Бал правила одержимость — во что бы то ни стало очистить планету от «скверны». Ее называли «большевицкой», пристегивая сей ярлык к любому неудобью.

Читателю дано самому вычислить, имелась ли — и какая — взаимосвязь между посулами вернуть немцам «территории на востоке», разрывом Лондоном дипломатических отношений с Москвой (1927 г.) и британскими попытками вовлечь в новое издание антисоветского альянса Германию, Францию, Польшу, Японию, США. «Демократы» уподобили женевские переговоры о разоружении толчению воды в ступе. Они срывали попытки купировать негативную динамику Локарно, откуда бы таковые ни исходили.

Тем больше досадило рьяным «цивилизаторам» заключение СССР и Германией 24 апреля 1926 г. договора о нейтралитете. Он устанавливал: (1) основой взаимоотношений двух стран остается Рапалльский договор; (2) в случае неспровоцированного нападения третьей державы или группы третьих держав другая сторона будет соблюдать нейтралитет; (3) стороны не будут примыкать к коалиции третьих стран, имеющей целью подвергнуть экономическому и финансовому бойкоту одного из участников договора.

Москве, кроме того, удалось убедить прибалтов, Румынию и даже Польшу подписать т. н. «протокол Литвинова», который вводил в силу принцип отказа от войны как метода решения межгосударственных споров, не дожидаясь завершения процедуры ратификации пакта Бриана–Келлога другими странами. Позднее СССР достиг договоренности с Литвой, Чехословакией, Югославией, Румынией, Турцией об определении понятия «агрессия».

Англичане в ту пору не уставали твердить: будучи империалистической державой, Британия не может не быть агрессивной.

Эти фланкирующие действия являлись органичной частью советской программы неделимой международной безопасности. Разрыв между накоплением орудий насилия и недеklarативным противовесом им год от года разрастался. Конец мировой войны никак не приближал конца чумы милитаризма. Подрывными акциями и рейдами против Советского Союза воинственный дурман не исчерпывался. Причем раздел мирового сообщества на победителей

и побежденных, на чистых и нечистых не отражал специфики назревавшего очередного передела сфер господства. Геополитика диктовала новое измерение пространства и времени.

Германия в веймаровском издании, повторим, не спешила стелиться под образцовых «демократов». Где выпадал шанс, она искусно играла на слабых струнах претендентов во вселенские поводыри и, случалось, с громким эхо. Рапалло 1922 г. или Берлинский договор 1926 г. тому подтверждение. Беспокойства в Лондоне, Париже и Вашингтоне добавляла чехарда в немецком высшем эшелоне — 14 выборов в рейхстаг за 14 лет (вдвое чаще, чем предусматривала конституция), 14 канцлеров. Теряйся, в кого инвестировать, не будучи уверенным, что на очередном разезде Берлин не сделает своевольный привал. Непорядок. Устранить его могла только твердая рука.

Что касается США, известно — они положили глаз на нацистскую активность еще в 1922 г. Помощник американского военного атташе Т. Смит не преминул отразить в докладной о встрече с Гитлером браваду будущего фюрера — не дожидайтесь, когда вам придется столкнуться с коммунистами на поле брани, поручите нам разделаться с ними. В Вашингтоне сентенции будущего фюрера не оставили без внимания. Так или иначе, помимо «швейцарских» средств к нацистам потекли полновесные американские доллары. И чтобы они не пропали втуне, к Гитлеру пристроили Э. Ганфштенгля. Рожденный от немца и американки, выпускник Гарвардского университета, он был вхож в круг, где обкатывалась политика Соединенных Штатов. По окончании Первой мировой Ганфштенгль прибыл в родные пенаты, завел связи среди мюнхенской знати, деятелей культуры и искусства. Двери их салонов он разомкнул нацистам.

Обтесывание Гитлера, коим занимался Ганфштенгль, дало всходы. Что-то нашло отражение на страницах «Майн Кампф», над которыми подраставший фюрер корпел в 1924 году. Ссуды американца позволили превратить захудалый листок «Фелькишер беобахтер» в общегерманский рупор НСДАП. Заслуги Ганфштенгля будут щедро оплачены. Он получит пост иностранного пресс-секретаря партии и руководителя отдела иностранной прессы в штабе заместителя фюрера. Ганфштенгль организовал контакт Гитлера с семейством Черчилля за полгода до того, как фюрер делается рейхсканцлером⁴.

В 1937 г. Ганфштенгль покинул фюрера и Германию. Исчез незаметно, испытывая, согласно легенде, тревогу за свою безопасность. Или Гитлер сбился с маршрута, на который его наставляли, и тогда из друга сделался врагом? Или Центр счел законченной возложенную на Ганфштенгля миссию? Финал необыкновенной карьеры американца свидетельствует сам за себя — спустя некоторое время однокашник Фр. Рузвельта по Гарварду станет советником президента США.

Подведем промежуточный итог. Нацистское движение обрело размах, и его предводитель покорил властные высоты не вдруг и не с тощей мощной. Сброс в небытие Веймарской республики и замещение ее «тысячелетним рейхом» не верно замыкать на недовольство вялой властью немецкого олигархического капитала, юнкерства и его отпрысков или на мировой экономической кризис.

Конец 1920-х гг. отмечен нагнетанием международной напряженности. «Дыхание грядущей войны чувствуется повсюду», — подчеркивалось в декларации делегации СССР, оглашенной 30 ноября 1927 г. на заседании подготовительной комиссии Лиги Наций по разоружению. Британские консерваторы вкупе с администрацией США моделировали «решительное» нашествие на Советскую Россию. На него планировали подрядить с запада — Францию, Германию, Польшу, Латвию, Эстонию, Румынию, Венгрию, Югославию, остатки группировок Деникина, Врангеля, казачьих атаманов и с востока — Японию, а также Чан Кайши.

Межимпериалистическая рознь подкосила умысел. Разрыв Лондоном дипотношений с СССР не нашел подражателей (кроме Канады). Немцы охотно кассировали предоплату за будущие «подвижки». К 1930 г. на восстановление и модернизацию экономики Германии с внедрением технологий двойного назначения притекло из-за рубежа 28–30 млрд долларов. Немцы выплатили за тот же период репараций на сумму 10–11 млрд марок. Баланс недурной. Однако роль галерных гребцов веймаровскую поросль не соблазняла, что продемонстрировала история с захватом КВЖД, совершенным Чан Кайши по подстрекательству Соединенных Штатов в 1928 году. Подробнее об этом чуть ниже.

Разразившийся в конце 1929 г. «великий кризис» развенчивал империалистическую систему как таковую. Вашингтон, Лондон, Париж пытались обуздать стихию, утоляя аппетиты хищников судьбами других народов. Разящий удар кризиса пришелся на его эпицентр. Промышленное производство в Соединенных Штатах сократилось на 46,2%, национальный доход уменьшился вдвое. 17 млн человек потеряли работу. Для сравнения: в Германии спад производства составил 40,6%, в Японии — 36,7%, во Франции — около трети. Число лишившихся работы — 7,5 млн у немцев, около 3 млн у японцев. Над Англией кризис чуть ослабил, там производство уменьшилось на четверть.

Политический небосвод заволокли грозовые тучи. Впервые после войны Севера и Юга в США повисла на волоске гражданская система власти. Пронесло — недостало поруки меж заговорщиками. Иначе силовики оседлали бы Белый дом с необозримыми последствиями для Западного и Восточного полушарий.

Вспомним, что с кознями Москвы, «демпингом» советских товаров, производимых «принудительным трудом», связывали само возникновение кризиса. К «крестовому походу» против СССР под предло-

гом преследования религий взывал Ватикан. Военная хунта, унаследуй она гуверовские наработки, не стала бы мельтешить и почти наверное ринулась, увлекая «демократическую» челядь, во все тяжкие. Между участниками планировавшегося в президентство Гувера антисоветского похода уже были до деталей проработаны варианты раздела России.

Вернемся к КВЖД. Зазеркалье тогдашней драмы заслуживает пристального внимания. На захват дороги и арест ее советского персонала Чан Кайши подбили Вашингтон и Лондон. Американцы прикидывали, как после непродолжительного управления объектом «нейтральной комиссией» они выкупят КВЖД и создадут плацдарм вдоль 2500-километровой советской границы («план Стимсона»). Японцы же рассудили примерно так: США вздумали пожать плоды чужого рвения. Токио с конца XIX века шаг за шагом превращал Поднебесную в сферу своего исключительного или, по меньшей мере, преимущественного влияния.

«План Стимсона» вошел в клинч с «планом Та-наки». Последний будет введен в действие в 1931 г. Госсекретарь Стимсон со знанием дела отслеживал в своих мемуарах путь во Вторую мировую войну «от железнодорожных рельсов под Мукденом».

Англия не возразила против присмотра «нейтралов» над отобранной у России КВЖД. С характерным для британцев подтекстом: соглашайся в принципе, отвергай по существу. Экспансии в регион Соединенных Штатов Лондон предпочитал упрочение позиций Японии. Отметим, что англо-американские противоречия во многом определяли расстановку сил на мировой арене вплоть до 1939–1940 гг. В период кризиса они приняли конфликтную окраску. Англичанам удалось оттеснить американцев с первого места в международной торговле, подурезать влияние США в Европе, на Ближнем и Среднем Востоке.

По экономическим и прочим соображениям Берлин не хотел омрачать отношения с СССР. Вместе с тем немцы давали понять, что стратегическая линия на восстановление статуса мировой державы и допуск Германии на равных, в частности, к азиатской периферии вне конъюнктурных колебаний. Но рейхсканцлеров Мюллера (1928–1930 гг.) и Брюнинга (1930–1932 гг.), искавших, как бы капитал приобрести и невинность соблюсти, теснили Папен, Людендорф и Гитлер. Канцлер Шлейхер (1932–1933 гг.) подыгрывал этой троице, которую не надо было уговаривать включиться в искоренение социальной ереси и ее носителя — России, которая ипсо факто — в силу существования отравляла жизнь наций, назначенных свыше вершить земные дела.

Чтобы жила Британия, провозглашал Н. Чемберлен, Советская Россия должна исчезнуть. Вхожий в сферы, где зарождались доктрины Альбиона, лорд Ллойд обозначил их суть так: «Отвлечь от нас (англичан) Японию и Германию и держать СССР под постоянной угрозой». «Мы, — заявлял лорд, — предоставим Японии свободу действий против СССР. Пусть она

расширяет корейско-маньчжурскую границу вплоть до Ледовитого океана и присоединит к себе дальневосточную часть Сибири... Мы откроем Германии дорогу на восток и тем обеспечим столь необходимую ей возможность экспансии».

Откровения Ллойда датируются 1934 г. и нуждаются в существенной поправке. «Свобода действий» Японии уже была фактически предоставлена, а «дорога на восток» Германии приоткрыта.

Лондон и Вашингтон наперебой обхаживали как реальных, так и потенциальных агрессоров. Мининдел Германии Г. Штресеман отмечал, что в постверсальский период внешняя политика Берлина ни у кого «не находила более искреннего признания, чем в Соединенных Штатах».

Какими идеями наполнялся с середины 1920-х гг. этот «подновленный» немецкий курс? Нацистские установки отличались от достопочтенных заявок своей оголтелой лозунговой заостренностью. «Германия не в состоянии реализовать свои потенциальные возможности внутри четырех стен рейха». Но это не Гитлер. Это министр юстиции Е. Кох-Везер. Возвращения немцам ее бывших колоний требовал президент рейхсбанка и главный финансист нацистов Я. Шахт. Обербургомистр Кельна К. Аденауэр собственноручно отписал: «В самом рейхе слишком мало места для большого населения. Нам нужно иметь для нашего народа больше пространства и, стало быть, иметь колонии».

За что расточал Штресеман комплименты в адрес США? Основные кредиты — легальные и тайные — текли в Германию из-за океана. Усилиями Вашингтона рейх избавился от бремени репараций. Именно американцы сочинили планы Дауэса (1924 г.) и Юнга (1928 г.), «мораторий Гувера» (1932 г.). «Деньги — мышцы войны». Не важно, были ли Гувер и его госсекретари знакомы с этой максимой Цицерона. Но действовали они соответственно: чтобы конь не споткнулся в заданном походе, его должно было подковать и снабдить поводьями, не ведавшим страха и сомнений⁵.

Руководство США, судя по всему, еще неопределенно долго не подпустит посторонних к документам, изъятым американцами в 1945 г. из последней штабквартиры Гитлера в Тюрингии. Слишком много там взрывного материала, излишних ответов на вопрос, как и почему человечество было сброшено в пучину Второй мировой, какие хороводы водил Вашингтон с нацистами с 1922 г. и отчего на фоне мирового кризиса напрягал усилия в пользу возведения Гитлера на рейхсканцлерский престол.

Сегодня мало кто из сведущих усомнится в том, что на сходке у банкира Шредера в Кельне, когда на Германию напяливали НСДАПское ярмо, там зримо или незримо присутствовали эмиссары США. Крутился ли у порога Ганфштенгль? Кто-то разглядел в тамошних апартаментах тень Дж. Ф. Даллеса. А почему бы, собственно, ему не быть в той компании? Он же состоял на службе в адвокатской конторе, совладельцем которой был Шредер-старший, осевший

до Первой мировой войны в США и набравший заметный вес на американской финансовой ниве.

Потомки разберутся, кто в демонтаже Веймарской республики вел ведущую партию — американские олигархи вкупе с германскими или правительственные инстанции США. Неоспоримо одно: крестники Гитлера должны были отдавать себе отчет — они вступают на тропу войны.

Почему на 1931–1932 гг. пал перелом в развитии Германии, а в Японии «зацвела вишня»?⁶

«Выполнение пятилетки (в Советском Союзе) создает серьезную угрозу Японии. Соответственно монголо-маньчжурская проблема требует быстрого и эффективного разрешения», — зафиксировала стенограмма заседания Кабинета министров в Токио 7 июля 1931 года.

В Германии на выборах 1932 г. нацисты собрали 37,4% голосов. Шляйхер, в сговоре с Гитлером, вскоре распустил рейхстаг, полагая, что на волне отчаяния, порожденного кризисом, НСДАП добьется при внеочередном голосовании абсолютного большинства. Но 6 ноября 1932 г. от гитлеровцев отпало 2 млн избирателей. Маятник общественного настроения качнулся влево, и 19 ноября 1932 г. хозяева более 160 крупнейших банков и промышленных компаний направили президенту Гинденбургу меморандум с рекомендацией учредить «диктаторское правительство» во главе с Гитлером.

Реакцию в Европе и за океаном насторожили и результаты ноябрьских выборов (1932 г.) в США. Г. Гувер, олицетворявший крайне правый спектр, уступил Белый дом Фр. Рузвельту, пообещавшему электорату «новый курс» во внутренней и внешней политике. Во что выльется «новизна»? Надежней казалось без заминки завершать начатое, поставив Рузвельта перед свершившимися фактами. В Азии, как некогда у нас говорили, процесс уже пошел. На очереди — Европа.

18 сентября 1931 г. Токио вписал первую строку в летопись Второй мировой. Малыми силами (всего-то 14 тыс. военных!) японцы напали на казармы китайских войск в Мукдене, Чанчуне и ряде других городов. Это была разведка боем. Она оправдала расчеты. Чан Кайши приказал армии сопротивления агрессору не оказывать, а народ наставлял «соблюдать спокойствие и выдержку».

Не обманулись японцы и в ожидавшейся реакции со стороны США, Англии и Франции — они не собирались ничего предпринимать в защиту Китая, невнятно взывая (причем, обе стороны) к уважению устава Лиги Наций, пакта Бриана — Келлога, «договора девяти держав»⁷.

Попутно учреждались «комиссии», ублажавшие Токио и выкручивавшие руки Нанкину. Китайцев понуждали признать «особые права» Японии в Северо-Восточном Китае с учетом опасности, исходившей «со стороны североманьчжурских границ». Признать с благодарностью, ибо японцы помогали

режиму Чан Кайши расправиться с теснившим его «красным драконом».

Впрочем, «договор девяти» пришел «демократиям» на ум после того, как японцы атаковали (28 января 1932 г.) Чапей — предместье Шанхая. Вашингтон предложил объявить примыкавший к Шанхаю район, средоточие интересов американских монополий, «нейтральной зоной». Американский «компромисс» Токио отверг.

Адвокатами Японии в Лиге Наций выступали британцы. При обсуждении «доклада Литтона» (опубликован в октябре 1932 г.) глава Форин-офиса Саймон парировал все обвинения Японии в агрессивности. Пока и если экспансия Токио не уклонится излишне на юг, японцы могли полагаться на «лояльность» Альбиона. Англо-японский союзный договор 1902 г., нацеленный перво-наперво против России, хотя и не против нее одной, официально скончался в 1921 году. Но перед нами случай, когда дух бодрствовал в отрыве от плоти. И аукнется он, в чем мы убедимся, еще не единожды.

Если мировые события не растаскивать по национальным сусекам, нельзя не заметить очевидных заимствований из японского опыта германским нацизмом и итальянским фашизмом при выработке их захватнических сценариев. Та же игра на противоречиях в стане «демократий» и их готовности откупаться чужими интересами, бойкот Лиги Наций, шантаж «левыми призраками». «Цивилизаторы» прикрывали свой стыд «невмешательством», когда нацисты и фашисты распинали Испанскую республику. На поставки республиканцам военных материалов было наложено эмбарго. Японцы же не испытывали ни малейших неудобств с приобретением оружия в США и Англии по ходу «экспедиции» в Китай.

Пространное повествование о политике Токио в XX веке призвано помочь точнее разобраться в связи времен и во взаимосвязи явлений, тем паче что в 20–30-х гг. заглавные роли на европейской и дальневосточной сценах озвучивали подчас одни и те же исполнители. К сожалению, и поныне за новое слывет основательно заблудшее старое. Э. Деладье, подводя в 1963 г. черту под своим бурным политическим прошлым, признавался: в разгар кризисов «идеологические проблемы часто затмевали стратегические императивы». Не часто, а как правило. И не только после Первой мировой войны, но и по окончании Второй.

Итак, 4 января 1933 г. А. Гитлер был определен в душеприказчики Веймарской республики. 30 января президент П. Гинденбург выдал ему мандат на формирование правительства «национальной концентрации» (позаимствуем сей термин у К. Аденауэра). 28 февраля появился декрет «В защиту народа и государства», которым открывалась серия актов, сводивших на нет означенные конституцией гражданские права. Месяц спустя, рейхстаг — при поддержке партии центра — наделил Гитлера чрезвычайными полномочиями. 14 июля имперский кабинет провозгласил НСДАП единственной державной пар-

тией. Остальные политические сообщества, а также профсоюзы, распускались.

Вот лишь несколько этапных дат перехода от рунбежа, «где Германия кончила 600 лет назад», «к политике будущего — к политике завоеваний» («Майн Кампф»). «Не провинции, а геополитические категории, не национальные меньшинства, а континенты, не нанесение поражения, а уничтожение противника, не союзники, а сателлиты, не смещение границ, а перетасовка государства всего земного шара, не мирный договор, а смертный приговор — такими должны были быть, по Гитлеру, цели великой войны».

Спросим: «демократы» этого не знали? Им что, не было известно, где оседают миллиарды британских или американских банков и их филиалов в самой Германии? Что, «Виккерс», «Империял Кемикл», «Стандарт ойл», «Дюпон» и пр. не догадывались, зачем немцам нужно новейшее ноу-хау? Обойдемся без упрощений. Не станем приписывать вся и все нацистскому искусству сколачивать пятые колонны, «разрушать врага изнутри, заставляя его разбить самого себя своими же руками» (Гитлер). Ограничимся констатацией — социальные инстинкты затмевали здравый смысл.

Судя по доступным исследователям данным, правившие структуры США усерднее британцев мостили нацистам путь к власти. Но очевидно и другое. Тяготы кризиса сузили возможности Вашингтона выступать «мировым поводырем». Деляческая посылка В. Вильсона — «перед нами стоит задача финансировать весь мир, а тот, кто дает деньги, должен научиться управлять миром» — дала сбой. «Новый курс» Рузвельта с упором на самодостаточность — ресурсную и оборонную — верстал оппортунизм, выдававшийся за осмотрительность либо за изоляционизм.

Тут же встрял Альбион и, играя на опережение, принялся «осовременивать» версальскую конструкцию. Обычно авторство «пакта четырех» приписывают Б. Муссолини. Первый эскиз соглашения о «сотрудничестве четырех держав в европейских и внеевропейских, в том числе колониальных вопросах» набросал дуче. А не вернее ли, что Муссолини лишь обобщил активно ведущийся обмен мнениями с Лондоном по поводу сдвигов в политическом климате, сопряженных, не в последний черед, со сменой дорожных знаков в США, с приходом к власти в Германии ультрарадикалов, с разгоравшимся дальневосточным пожаром? Только неисправимо наивные поверят, что премьера Макдональда и его мининдел Саймона можно было заманить в Рим сырой, необкатанной идеей. На кону перегруппировка сил, коррекция версальского кругозора. И логично, что предметом обсуждения на итало-британском саммите стала ревизия договоров, продиктованных после Первой мировой войны Германии, Австрии, Венгрии, Болгарии, предоставление Третьему рейху равноправия в области вооружений, и над всем остальным — наделение «квартета» прерогативой

подчинять («воздействовать») своей воле третьей страны. Полтора десятилетия Веймарская республика без толку домогалась очищения от «скверны Версаля». Не минуло и полутора месяцев с момента возведения Гитлера в канцлеры, как Германию одарили статусом великой державы и пригласили на равных с Лондоном, Парижем и Римом вершить европейские дела.

Информируя 23 марта 1933 г. палату общин о римском вояже, Саймон в обоснование военно-политического сговора с Германией и Италией упирал на то, что «лучше мирным путем изменить тот или иной пункт (версальской системы), чем явное нарушение его». О каких «пунктах» велась речь? Наряду с равенством в вооружениях за рейхом признавалось право на пересмотр «законным путем» всех прежних урегулирований. Оговорка, что участники пакта будут согласованно действовать в спорных вопросах, сути не меняла. Куда весомей было признание несовершенств передела мира, учиненного в 1919–1920 гг., фактическое освящение реваншизма в нацистской редакции.

Под гнетом широкого возмущения текст пакта ко дню его парафирования (7 июня 1933 г.) прихорошили ссылками на Устав Лиги Наций, пакет локарнских договоренностей, пакт Бриана — Келлога. Опустили упоминание Австрии, Венгрии и Болгарии. Убрали тезис о «воздействии» на третьи страны. Полноправие Германии в вооружениях связали с подработкой системы обеспечения безопасности всех наций.

В этом виде «пакт четырех» нашел поддержку у США. Вашингтон охарактеризовал его как «доброе предзнаменование». Словесная эквилибристика, однако, не развеяла подозрений и тревог стран Малой Антанты и Польши. Тем не менее 15 июля пакт о «согласии и сотрудничестве» был подписан. Подписан, но не ратифицирован французским Национальным собранием.

Берлин это не обескуражило. Не без сочувствия Лондона он принялся реализовывать задуманное явочным порядком. Ровно два месяца спустя, 15 сентября, немцы ультимативно потребовали полного равноправия в области вооружений, а через четыре недели объявили, что покидают Женевскую конференцию по разоружению и Лигу Наций. Гитлер мотивировал решение соображениями «чести» и отвержением попыток обращаться с «немецкой нацией как бесправной и второразрядной».

Нацистские литавры несколько смутили «демократов». Они предпочли бы менее шумную аранжировку при движении к общей цели. Лондон и правые группировки Франции влекли нацистские приманки: двусторонние проблемы решать полюбовно, а общеевропейские — за счет России. «Отношение Германии к определенным другим странам зависит от того, какова будет точка зрения англосаксонских держав в отношении Германии», — подчеркивал внешнеполитический спикер нацистов А. Розенберг в ответ на просьбу американского дипломата Н. Дэвиса пояснить подход Берлина к СССР (апрель 1933 г.). Отчего

подобная взаимоувязка? Подтекст отчасти раскрывает беседа Гитлера с Раушнингом. Фюрер не исключал сделки с Польшей против России, но добавлял:

«Советская Россия — большой кусок. Им можно и подавиться. Не с нее я буду начинать».

В мае 1933 г. А. Розенберг донес до сведения британцев «большой план» своего шефа, некоторые его элементы прокомментировал дипломат Бисмарк: «Польша скоро увидит, что Франция ее покинула. Тогда она будет вынуждена отказаться от польского коридора в обмен на право пользоваться вольной гаванью Данцига и на возможные территориальные компенсации (на Украине) ...» На замечание канадского интервьюера, что Советский Союз воспротивится подобной компенсации, Бисмарк ответил: «Мы парализуем СССР, сосредоточив против него ненависть и силы всего мира». Забыл внук железного канцлера заветы деда.

Гугенберг, немецкий министр хозяйства, выступая на Международной экономической и финансовой конференции в Лондоне (июнь 1933 г.), призывал западные державы совместными усилиями положить конец «революции и внутренней разрухе», исходной точкой которых является Россия. Он потребовал далее вернуть Германии колонии и предоставить «лишенному территории народу» новые земли, где «эта энергичная раса могла бы расселиться». Гугенберг хватил лишнего и был отозван с конференции. Свежеиспеченные берлинские власти налегали в тот момент на «миролюбие». Надо было обхаживать партнеров по «пакту четырех».

«Пакт четырех» отводил Варшаве роль статиста, место в шеренге безликих «третьих стран». Надежды на Францию, конечно же, рухнули. В апреле 1933 г. поляки предложили французскому правительству обсудить возможность принятия жестких мер против перевооружения Германии, но услышаны не были. Пилсудский занялся тестированием, на кого ему выгодней облокотиться. Диктатору Польши импонировал хваткий стиль германского диктатора. Он принял к сведению заверения Гитлера, что «германское правительство намерено действовать строго в рамках существующих договоров», и дал отмашку на долгий диалог с инсценировкой консенсуса и лоббизаций. На сие поприще Пилсудский отрядил особо доверенных мининдел Ю. Бека и Ю. Липского (с июля 1933 г. посла в Берлине).

Поубавив мрачных тонов при систематизации свершений 1933–1934 гг., СССР и США установили дипотношения. В нотах, которыми 16 ноября обменялись две столицы, выражалась надежда на то, что советско-американские отношения навсегда останутся нормальными и дружественными и им «отныне удастся сотрудничать для своей взаимной пользы и для ограждения всеобщего мира». Воистину, больше всего пострадавших — на переходах от слов к делу. От добрых, разумеется, слов к конструктивному делу (Г. Малкин. Максимумы и минимумы. М., 1990. С. 29).

Распад Большой Антанты, как результат третигования британцами интересов Франции, охлаждение отношений с Польшей, вздымавшийся германский национализм отрезвляюще подействовали на некоторых французских политиков. 29 ноября 1932 г. был подписан советско-французский договор о ненападении. Потребность в упрочении безопасности повлекла рассмотрение моделей совместного реагирования на подготовку Германии к войне. В декабре 1933 г. Москва предложила заключить с Францией и Польшей региональное соглашение о взаимной защите от германской агрессии. Включиться в него были приглашены Бельгия, ЧСР, Литва, Латвия, Эстония и Финляндия. Кроме «взаимной защиты» от немецких поползновений договаривающиеся страны были бы обязаны оказывать одна другой дипломатическую, моральную и возможную материальную помощь при военном нападении, не означенном в тексте соглашения.

В течение 1934 г. СССР и Франция деятельно продвигали идею восточного пакта. По мысли Л. Барту, он должен был охватить Советский Союз, Германию, Польшу, Литву, Латвию, Эстонию, Финляндию и Чехословакию. Франция, не будучи непосредственным участником пакта, выступала бы гарантом его выполнения. Москва приняла соображения Барту за основу. Совместными усилиями был составлен проект пакта взаимопомощи между восемью названными странами, также увязанного с франко-советским договором о взаимопомощи, который подлежал одновременному заключению.

Со ссылкой на «страх перед советской агрессией» и под утверждения, что «пакт служит окружению Германии», Берлин категорически отказался примкнуть к проекту. Вслед за немцами отвергло пакт польское руководство. Еще раньше против восточного пакта выступил Лондон.

Главная ошибка людей, заметил Клаузевиц, состоит в том, что бед сегодняшних они боятся больше бед завтрашних. Это как раз про поляков. Посол США В. Буллит писал в июле 1934 г. из Москвы госсекретарю К. Хэллу: отказ Пилсудского участвовать в восточном пакте связан с ожиданием советско-японской войны; маршал хотел бы сохранить свободу рук на востоке, чтобы «воссоздать там прежнее величие Польши».

Борьба против восточного пакта сближала Варшаву, Берлин и Токио. Пилсудский и Гитлер сговаривались касательно аншлюса Австрии и раздела ЧСР и, главное, о совместных действиях против СССР при ожидавшихся осложнениях в Дальневосточном регионе. Практическому наполнению «декларации Липский–Нейрат» (январь 1934 г.) стороны придали подчеркнuto русофобскую окраску к вящему удовлетворению Англии. 27 июля 1934 г. немцы и поляки условились, коль скоро восточный пакт состоится, оформить военный союз с Японией и попытаться вовлечь в него Венгрию, Румынию, прибалтов и Финляндию.

Посылка, что развитие идет к вооруженному советско-японскому конфликту и что он разразится не

позднее весны 1935 г., застилала полякам глаза. Им мерещилось, писал Ф. Марек, посол Австрии в Праге, как «при активном участии Японии и посильном участии Германии от России будет отделена Украина». В такт политическому ухаживанию друг за другом Варшава и Токио энергично развивали военно-техническое сотрудничество, налаживали координацию деятельности их разведок и других спецслужб⁸.

Судьба, сходная с восточным пактом, постигла советское предложение (май 1934 г.) о преобразовании конференции по сокращению и ограничению вооружений в постоянную конференцию мира, наделенную полномочиями оказывать государствам, над которыми нависла угроза, «своевременную, посильную помощь». Франция и ряд малых стран проявили интерес к этой инициативе и тут же сникли. Англия — безапелляционно против. Госсекретарь США К. Хэлл заявил советскому представителю, что он не может связывать себя определенным «за» или «против» проекта по причине сдержанного отношения американцев к участию в любой международной организации.

Убийство Л. Барту (9 октября 1934 г.) истончило связующую нить, что наметилась в советско-французских контактах и обещала подвижки на благо европейской безопасности. Новый мининдел П. Лаваль демонстрировал «преемственность» курса Барту. Да, 5 декабря 1934 г. он подписал соглашение, обязавшее Францию и СССР не вступать с правительствами, приглашенными участвовать в восточном пакте, и в особенности с теми из них, которые пока не выразили готовности присоединиться к пакту, в переговоры, могущие нанести ущерб подготовке восточного регионального пакта или соглашений, с ним связанных. Тем самым выражалось намерение «способствовать усилению духа взаимного доверия в отношениях» между Парижем и Москвой. Неделю спустя к этому соглашению присоединилась Чехословакия. Открылась перспектива выхода на франко-советский и советско-чехословацкий договоры о взаимной помощи.

Продвижению идеи коллективной безопасности в Европе способствовало вступление СССР в Лигу Наций (сентябрь 1934 г.). Русофобам стало сложнее заглушать голос Москвы, получившей статус постоянного члена совета Лиги.

Да, 2 мая 1935 г. состоялся франко-советский договор о взаимопомощи. Стороны обязывались оказать друг другу помощь и поддержку в случае угрозы нападения «какого-либо европейского государства» и покушений на их территориальную целостность и существующую политическую независимость. Подписанный двумя неделями позже советско-чехословацкий договор о взаимопомощи был средактирован в сходном ключе. Мининдел ЧСР Э. Бенеш оговорил вступление в силу обязательства об оказании друг другу помощи готовностью Франции выступить в защиту жертвы агрессии.

Последующие годы доказали — эффективность международных актов предопределяется не совер-

шением употребленных в них формулировок, но практикой исполнения взятых обязательств. Для Лаваль договоры с СССР и Чехословакией являлись не руководством к действию, а рычагом давления на Германию. «Иметь больше преимуществ» в переговорах с Берлином и предвосхитить сближение немцев с Москвой — так разъяснил французский министр Беку смысл достигнутых договоренностей. Лаваль просаботировал заключение военной конвенции, без которой обязательства о взаимопомощи недорого стоили.

Тем временем в движение пришел «западный фронт». 13 января 1935 г. жители Саара выступили за присоединение к Германии. В канун плебисцита Лаваль публично заявил о «незаинтересованности Франции в исходе голосования». Вердикту в пользу Германии поспособствовали Англия и Италия. И, как следовало ожидать, саарский прецедент подстегнул экспансионистские притязания нацистов. «Фелькшпер беобахтер», например, потребовала проведения плебисцита в «восточном Сааре» — в Мемеле.

«Демократии» стоически не замечали связи между вожделениями нацистов касательно «жизненного пространства» и демонстративной милитаризацией Германии. К началу 1935 г. численность регулярных войск дошла до 480 тыс. человек (против 100 тыс. человек, разрешенных Версальским договором). Советские предостережения не возымели действия — англичане и французы в феврале 1935 г. известили Берлин о готовности погасить — с соблюдением некоторого декора — военные статьи Версаля.

МИД Германии препроводил 16 марта послам Англии, Франции, Польши и Италии текст «закона о воссоздании сил национальной обороны». Вводилась всеобщая воинская повинность, а запланированные 12 корпусов и 36 дивизий объявлялись «армией мирного времени». Тут даже Лаваль покоробил нахрап нацистов. Он отважился внести в Лигу Наций предложение о коллективном протесте. Забегая в апрель, отметим, что старания Англии заблокировать принятие любой резолюции с антинацистской окраской не сработали. Совет Лиги квалифицировал закон от 16 марта как нарушение действовавших урегулированных, на что Берлин заявил: Лига Наций не имеет права выступать «судьей Германии».

Форин-офис слегка пожурил немцев за угловатость и предложил себя в модераторы. Британская консервативная пресса прокомментировала линию Альбиона достаточно внятно: «принудительные меры в отношении Германии не должны предприниматься. Локарно было ошибкой, а восточное Локарно было бы еще большей ошибкой».

В беседах с Саймоном (24–26 марта 1935 г.) Гитлер убеждал гостя, что только национал-социализм способен «сохранить Германию, а также всю Европу от самой страшной (большевистской) катастрофы». Но это станет возможно, напирал фюрер, если Германия вооружится. Возражений со стороны Саймона, судя по записям бесед, не последовало.

21 мая 1935 г. Гитлер презентовал общественности уточненный вариант «программы мира». Отвергая в принципе пакты о взаимопомощи и, соответственно, осуждая франко-советский договор, он выражал готовность заключать двусторонние договоры о ненападении со всеми соседями, кроме Литвы. Нарушителями Версальского договора фюрер объявил другие страны и выступил за урегулирование взаимоотношений немцев с заграницей на базе «морального разоружения». В подтверждение германской покладистости был опубликован закон о всеобщей воинской повинности. Численность вооруженных сил рейха доводилась в течение года до 700 тыс. человек, танковый парк — до 3 тыс. единиц, число самолетов — до 2 тыс., орудий — до 3,5 тысячи.

Сменивший Макдональда на посту британского премьера Болдуин вместе с Хором, принявшим от Саймона Форин-офис, поддали жару «умиротворению» Гитлера. 18 июня 1935 г. была подписана англо-германская морская конвенция. Она легализовала выход нацистов в море. Мощь германского ВМФ могла отныне равняться 35% от совокупного британского тоннажа, а по подводным лодкам — даже 45%. Предусматривалось последующее повышение контрольной планки для немцев. Балтийское море отдавалось на откуп немцам. Состав морских сил рейха фактически уравнивался с французским флотом.

Но, пожалуй, не менее важно следующее. До середины 1935 г. в гонке вооружений Берлин вел сольную партию, пусть и под аккомпанемент Лондона. Теперь темпы обрушения Версаля зашумелись. Британские тори и германские наци двойной тягой тащили мир к краю пропасти.

Муссолини не захотел отставать от германского собрата. Он загодя запасся одобрением Парижа и Лондона, а также толерантностью Вашингтона при планировании захвата Эфиопии (Абиссинии). Старт операции походил на японскую схему «освоения» Китая. В декабре 1934 г. итальянцы атаковали отряд эфиопов в оазисе Уал-Уал, расположенном в глубине страны, и приступили к сосредоточению войск вдоль ее границ. Правительство Аддис-Абебы обратилось в Лигу Наций с требованием принять меры, способные сдержать агрессию. Лига образовала «комитет пяти», потом «комитет восемнадцати». На нечто большее, чем создание видимости санкций, Лига не сподобилась. Введение ограничений на поставки военных материалов било не по Италии. У нее оружие имелось в избытке. Страдала Эфиопия. Ахиллесова пята итальянцев — зависимость от внешних поставок нефти. Но только 10 государств, в том числе СССР, Румыния, Ирак и Голландия, выразили готовность перекрыть краны. Официальный Лондон сделал все, чтобы затянуть обсуждение вопроса о «нефтяных санкциях», и между тем британские и американские концерны нарастили нефтепотоки в Италию.

В общем и целом воспроизводилась история с комиссиями, что тянули канитель в Маньчжурии.

С парой поправок Вашингтон получил разведывательные данные о подготовке Италии к захвату Эфиопии в августе 1934 года. В декабре госсекретарь К. Хэлл дал указание американскому поверенному в делах в Аддис-Абебе воздерживаться от любых шагов, способных поощрить правительство Эфиопии на обращение к Соединенным Штатам с просьбой о посредничестве. В предвидении серьезных осложнений в Европе, Азии и Африке конгресс принял в августе 1935 г. так называемый «билл о нейтралитете». Буквально в канун перехода итальянцев к широкомасштабным действиям против Эфиопии распоряжением Рузвельта «билл» ввели в действие. Таким образом, Вашингтон загодя освобождал себя от моральной и политической потребности прикнуть к антиитальянским санкциям и демаршам, коль скоро таковые прорисовались бы, или иным способом выражать сочувствие жертве агрессии.

Японцы извлекли свои уроки из эфиопской кампании Италии. Для подавления сопротивления фашистские войска широко применяли боевые отравляющие вещества. «Демократии» бесстрастно созерцали. Почему бы для быстрейшего завершения «экспедиции» не прибегнуть к ОВ и в Китае, спрашивал себя Токио. Спросил и свыше 530 раз прибегал к этому бесчеловечному оружию, а затем «поэкспериментировал» и со смертоносными бактериями. Но поскольку «экспедиции», «инциденты», «ситуации» принимались за что угодно, только не за войны, то на них не распространялись Гагская и Женевская конвенции. «Никаких правил» значило «никаких запретов», и, стало быть, во Второй мировой войне химическое и бактериологическое оружие не применялось.

Откройте справочники со сводными данными о потерях во Второй мировой. До 1 сентября 1939 г., принятого с подачи «демократий» за дату начала войны, японская агрессия стоила Китаю около 20 млн убитых. Всего же «экспедиция» Токио обошлась китайскому народу в 30–35 млн жизней. Число жертв от агрессии Италии против Эфиопии оценивается сугубо приблизительно — 500–600 тыс. человек. Устроенный Римом и Берлином мятеж Франко и итало-германская интервенция погубили около 1,5 млн испанцев. Но эти преступления набраны петитом в исторических хрониках, если поминаются вообще. Сгинули миллионы в небытие, как слиняли с политической карты государства Австрия, Эфиопия, Чехословакия, Албания. «Стечение обстоятельств», уверяют общественность апологеты «умиротворения», когда им приходится объяснять не в меру любопытным генезис мировой катастрофы.

«Умиротворение» имеет несколько ипостасей. Под этим ярлыком может идти и принуждение к миру, и ублажение агрессора, и, самый скверный, перенацеливание разрушительной энергии сообщника или даже соперника против основного антагониста. По принципу — враг моего врага есть друг. К середине 1930-х гг. расклад сил на международной арене об-

рел четкую конфигурацию. О социально-корпоративные и имперские догмы «демократов» разбилась идея неделимости безопасности и ее коллективного обеспечения. Региональные конфликты и очаги напряженности сплавлялись в глобальный взрыв.

Именно тогда внутри Германии военная элита переняла гегемонистские устремления нацистов и присягнула на верность Гитлеру, развернулась милитаризация экономики, науки, школы, информатики страны, перевод на военные рельсы ее внешней политики. Статс-секретарь МИД Германии фон Бюлов вместе с группой единомышленников пытался препятствовать адаптации «восточного курса» к новейшим поветриям. «К сожалению, — отмечает профессор И. Фляйшхауэр, — со смертью Бюлова и приходом на Вильгельмштрассе Риббентропа эта борьба преждевременно закончилась. Вместе с Бюловым в Троицын день 1936 г. умерло старое министерство иностранных дел»⁹.

В марте 1936 г. Гитлер аннулировал локарные договоренности и отдал приказ «германским войскам» войти в демилитаризованную рейнскую зону. И всего-то этих войск набралось около 30 тыс. человек, из них Рейн пересекли, чтобы продефилировать в Аахене, Трире и Саарбрюккене три батальона. На 48 часов нацистским правителям достало волнений: неужели сойдет с рук? «Европа наблюдала. Никто не действовал», — читаем мы в монументальном труде «Германский рейх и Вторая мировая война» (Т. 1. С. 603).

Причин поразмыслить и сделать выводы имелось в избытке. Аргументация разрыва Берлина с Локкарно не могла не настораживать: заключив договор о взаимопомощи с СССР, Франция совершила враждебный шаг по отношению к Германии. В переводе на общепонятный язык это означало: попытки закрепить статус-кво на востоке будут оборачиваться расшатыванием статус-кво на западе.

В октябре 1936 г. Берлин и Рим подписали секретный протокол о взаимодействии. Через месяц был заключен антикоминтерновский пакт Германии с Японией. В секретном приложении к нему объектом притязаний его участников значился Советский Союз. На случай возникновения или угрозы войны между Страной Советов и одной из договаривающихся сторон другая сторона обязывалась не «предпринимать никаких мер, осуществление которых могло бы облегчить положение СССР». Было, кроме того, условлено, что Германия и Япония не будут вступать с Москвой в какие-либо политические договоры, противоречащие духу пакта. В ноябре 1937 г. к пакту присоединились Италия и Венгрия, в 1939 г. — франкистская Испания и Маньчжоу-Го, в 1941 г. — Болгария, Финляндия, Румыния, Дания, Словакия, Хорватия. «Стальной пакт» (1939 г.) и тройственный пакт (1940 г.) увенчали блокирование агрессоров во Второй мировой войне.

Британский премьер С. Болдуин признавал в 1936 г., что в случае вооруженного конфликта Англия «могла бы разгромить Германию с помощью Рос-

сии, но это, по-видимому, имело бы своим результатом лишь большевизацию Германии». Он предпочел продолжить линию, исходившую из того, что «потребность в экспансии толкнет Германию на восток, поскольку это будет единственной открытой для нее областью, и, пока в России существует большевистский режим, эта экспансия не может ограничиться лишь формами мирного проникновения» (меморандум МИД Англии от 17.02.1935 г.). Дабы так и произошло, Альбион не скупился ни на комплименты Гитлеру, ни на подсказки, как лучше обеспечить немцев «жизненным пространством».

В ходе визита в Берлин (ноябрь 1937 г.) глава МИД Англии лорд Галифакс благодарил фюрера за «великое дело» — «уничтожив коммунизм в собственной стране, он закрыл ему путь в Западную Европу». Тем самым Германия заслужила право считаться «оплотом Запада против большевизма». Создана основа взаимопонимания между двумя державами, от коего не стоило бы отлучать Францию и Италию. «Хозяевами дома», подчеркивал Галифакс, должны были бы выступать эти четыре державы, и только они.

Гитлер обусловил «взаимопонимание», в частности, аннулированием Францией и Чехословакией договоров о взаимопомощи с СССР, как осложняющих европейскую ситуацию и подстегивающих гонку вооружений. И словно малиновый звон в ухо британцу: «Лишь одна страна — Советская Россия — могла бы выиграть от всеобщего конфликта». Принимая эстафету, Галифакс заявил: Лондон «смотрит в глаза (потребности) подлаживания к новым обстоятельствам, исправления прежних ошибок и на ставшие необходимыми изменения существующих реалий». «Мир, — по словам лорда, — не статичен, и никакие модальности перемен в существующих реалиях нельзя исключать». В нарушение британской традиции Галифакс не оставил собеседнику расшифровывать ребусы и продолжал: «рано или поздно» в европейском порядке произойдут подвижки, которых желает Германия, конкретно — «в вопросах, касающихся Данцига, Австрии, и Чехословакии». Англию заботит лишь, чтобы «перемены эти состоялись посредством мирной эволюции».

Выводы напрашивались сами собой: хватай перво-наперво то, что даруют. С накоплением могущества откроются новые возможности. Гитлер не обманывал себя и знал, что его стратегия молниеносных действий, построенная на предельном напряжении сил, не допускала серьезного сбоя. Неудача на старте могла бы стать началом конца. 5 ноября 1937 г. Гитлер созвал совещание с участием Геринга, военного министра Бломберга, министра иностранных дел Нойрата, главнокомандующих родами войск. Если в памятной записке к «четырёхлетнему плану» (август 1936 г.) он требовал: Германия должна приготовиться к войне с любым противником к 1940 г., то на сей раз задача ставилась так: «проблема германского пространства» подлежит решению к 1943–1945 гг. Австрия и Чехословакия —

затравка и выверка британской покладистости, степени заинтересованности «демократий» в сколачивании всемирного альянса против СССР.

12 марта 1938 г. Германия присоединила Австрию. Двумя днями ранее Г. Вильсон, главный советник Н. Чемберлена, просветил Берлин, что предстоящее подведение черты под австрийским вопросом не помешает Лондону «продолжать курс на согласие с Германией и Италией». Интересами СССР, заметил англичанин, можно пренебречь: «в один прекрасный день господствующая там система должна исчезнуть». Британцы погасили минутный порыв французов заступить за Австрию. Обращаясь к палате общин, Чемберлен «сурово порицал» тех, чьи разглагольствования о применении силы, чинят помехи дипломатии. Правительство его величества не готово принимать никаких обязательств в отношении района, где интересы Англии «не затрагиваются в такой степени, как это имеет место быть в отношении Франции и Бельгии».

Кое-что должно было перепасть от лондонских щедрот и Италии, не выказывавшей восторга от аншлюса Австрии. 16 апреля 1938 г. Чемберлен и Муссолини подписали договор о дружбе и сотрудничестве, скрепивший английское признание захвата итальянцами Эфиопии. Тут же и Франко получил от премьера статус воюющей стороны. Путь к довершению распытия Испанской республики был расчищен.

Германия, конечно, не являлась удобным партнером. Однако неудобства с лихвой окупались ее «непримиримой враждой» к Советскому Союзу. Требовалось только подобающим способом ее канализировать. В ноябре 1937 г. Англия и Франция сговорились «уступить» Гитлеру Чехословакию. Установку — Англия не пойдет на войну из-за Чехословакии — Чемберлен обосновал без витийств: «Достоточно посмотреть на карту, и станет ясным — ничто из того, что в состоянии сделать Франция или мы, не может уберечь Чехословакию от нашествия немцев, если они на него решатся... Поэтому я отказался от мысли дать какие-либо гарантии Чехословакии, а также французам в контексте их обязательств по отношению к этой стране». Он требовал искать «решение, приемлемое для всех, кроме России».

Заявлением в палате общин Чемберлен ответил на мартовское (1938 г.) предложение советского правительства созвать конференцию с участием СССР, Англии, Франции, США и Чехословакии, чтобы противопоставить «большой союз» нацистским планам закабаления мира. Готовность Москвы выполнить свои военные обязательства перед Чехословакией Лондон расценивал как неприемлемый для его политики вызов. Было бы «несчастьем, — слова премьера, — если бы Чехословакия спаслась благодаря советской помощи».

Прага и Париж откликнулись было на советскую инициативу, но сразу сникли. Поставленные перед альтернативой — СССР или Британия, они поддались последней. Англичанам не подошла также инициатива

Вашингтона по созыву конференции для «очищения» мировых проблем и выработки «правил» мирного международного сотрудничества. Мотив — «любое вмешательство Соединенных Штатов в европейские дела» недопустимо. Соответственно американцы не прореагировали на советское приглашение включиться в усилия по спасению ЧСР. Позднее госсекретарь К. Хэлл напишет: ответа не последовало, чтобы не разочаровывать советскую сторону формальным «нет».

Б. Селовский, автор солидного исследования «Мюнхенское соглашение», констатировал: западные державы руководствовались «не принципами демократии и права, а антисоветизмом». Англия была преисполнена решимости не допустить «полуазиатскую» Россию в Европу¹⁰.

Крайний экстремизм был присущ Варшаве в канун аншлюса Австрии и Мюнхенского сговора. Мининдел Ю. Бек увязывал германские претензии на Австрию с польскими планами по «освоению» Литвы. Сговор скрепили заявления Бек—Герингу (январь 1938 г.) и Геринг — послу Липскому (март 1938 г.). В предвидении советских контршагов правители рейха предложили условиться о «польско-германском военном сотрудничестве против России». 17 марта Липский получил указание информировать Геринга о готовности Варшавы учесть интересы рейха в контексте «возможной акции». Имелось в виду, что польские и германские войска войдут в соответствующие районы Литвы одновременно. Антилитовскую затею сорвало советское предостережение. В отместку поляки повели дело к сколачиванию враждебного Советскому Союзу альянса (западные соседи СССР плюс Югославия и Греция), рассчитывая затруднить оказание нашей помощи Чехословакии и Франции в случае их конфликта с Германией.

Из слов польского посла в Париже Лукашевича (беседа с послом США 25 сентября 1938 г.) вытекало, что Варшава и Берлин обговаривали возможность синхронных военных действий против Чехословакии, не подчинись Прага политическому давлению. В этом случае помимо Тешинского анклава польские войска вошли бы также в Словакию, образовав общий фронт с «дружественной Венгрией». Поляки рыли себе яму. Обязательства Франции перед ними не могли иметь большей практической ценности, чем обещания Парижа поддерживать ЧСР. Раздел Чехословакии делал стратегическое положение Польши в противостоянии с Германией безнадежным¹¹.

Мюнхенское соглашение было выработано без участия правительства ЧСР и подписано Германией, Великобританией, Францией, Италией 29 сентября. Образцовый диктат. В нем устанавливалось, что ввод германских войск в «районы с преобладающим немецким населением начнется с 1 октября» и завершится за неделю. Дополнительные соглашения определяли порядок отторжения от Чехословакии районов, где компактно проживало «польское и венгерское меньшинство».

Попутно 30 сентября 1938 г. англо-германской декларацией были оформлены соглашения, «символизирующие желание двух народов никогда более не воевать друг с другом». Лондон и Берлин обязались использовать метод консультаций «для рассмотрения всех других вопросов, которые могут касаться двух стран», выразили решимость продолжать «усилия по устранению возможных источников разногласий и таким образом содействовать обеспечению мира в Европе».

Французам немцы тоже пообещали мир и стабильность границ, как и взаимные консультации на случай международных осложнений. Декларацию с набором заверений в добрососедстве Ж. Боннэ и И. Риббентроп подписали 6 декабря 1938 г. «Устранялись, — отмечал Риббентроп, — последние остатки опасности франко-русского сотрудничества». Информировав французских послов об итогах переговоров с главой МИД Германии, Боннэ писал: «Германская политика отныне ориентируется на борьбу с большевизмом. Германия проявляет свою волю к экспансии на восток». Еще бы — при подготовке декларации Париж уверял Берлин, что не будет «интересоваться восточными и юго-восточными делами».

Подзабытый эпизод. На встрече в Мюнхене Чемберлен и Даладье предложили Гитлеру и Муссолини приостановить «гражданскую войну» в Испании, чтобы затем совместными усилиями склонить конфликтующие стороны к компромиссу. Нацисты решительно отклонили сей демарш. МИД Германии однозначно высказался за продолжение «гражданской войны» ради учреждения в Испании «авторитарного государственного правления с военным уклоном», что представлялось важным с точки зрения создания «наиболее благоприятных условий» для Германии и Италии в ожидании европейского конфликта.

Интервенцией в Испанию нацисты решали задачу ресурсного обеспечения своей военной промышленности. К осени 1939 г. под контроль Германии перешло более 70 испанских горнодобывающих предприятий. Использование Испании в качестве военного полигона для испытания в деле новейших систем оружия — авиации, танков, артиллерии, а также подготовки личного состава, их обслуживающего, не нуждается в пояснении. Стоит лишь упомянуть, что в «помощь» Франко немцы и итальянцы вложили от 1,5 до 2 млрд марок. Потери тоже впечатляли. Итальянским контингентам сражения с республиканцами стоили порядка 50 тыс. убитыми и ранеными.

«Демократии» располагали обширным набором возможностей дать отпор агрессорам. В союзе с СССР и даже без него. Но никак не против Советского Союза. Любой из вариантов предполагал верность долгу и твердость. В наличии не оказалось ни того ни другого. Желание снискать нацистскую «покладистость» и приручить дуче было у Лондона столь велико, что он пускался в фальсификацию позиции Франции, когда говорил от ее имени. В беседе

с Гитлером 27 сентября 1938 г. Г. Вильсон, дабы «не раздражать фюрера», заменил в предостережении Франции слова «наступательные действия» на «активные враждебные действия». Даже эта смягченная редакция побудила фюрера прислушаться к рекомендациям своих генералов и не манкировать, как он изначально намеревался, предложением Муссолини собраться вчетвером в Мюнхене.

Убедив себя, что скорый триумф в случае войны с Германией нереален, а война на измор социально опасна для Британской империи, Чемберлен все поставил на одну карту — на сделку с Гитлером. 1 сентября 1938 г. Г. Вильсон известил поверенного в делах Германии Т. Кордта, что при достижении согласия между Англией и Германией мнениями Франции и ЧСР можно будет пренебречь. Урегулирование чехословацкого кризиса, посулил Вильсон, откроет Германии простор для экономической экспансии в Юго-Восточную Европу. В письме королю Георгу VI Чемберлен (13 сентября 1938 г.) упирал на намерение превратить Германию и Англию в «два столпа мира в Европе и оплоты против коммунизма».

После Мюнхена Лондону, Парижу и многим в Вашингтоне привиделось, что игра стоила свеч, зажженных за упокой Эфиопии, Испанской республики, Австрии, теперь Чехословакии. Бывший президент США Г. Гувер открыто заявлял: если не мешать германской экспансии, «естественно, ориентированной на восток», Западной Европе нечего опасаться Третьего рейха. Оставалось, чтобы также думали и в Берлине.

Поначалу все, как будто, сходилось. Нацистское руководство интенсивно прощупывало, насколько Варшава созрела для превращения сотрудничества, наладившегося во время аншлюса Австрии и ликвидации ЧСР, а также при параллельных контактах с Японией в военный союз против СССР. Принципиальных возражений касательно движения на восток у поляков не возникало. Они склонялись поддержать подобный разворот с условием, что вермахт обрушится на «большевистскую Россию» в обход территории Польши, например через Прибалтику или Румынию. Диалог МИД Польши с румынским правительством показывал, что почва для немецкого обращения к Бухаресту имела.

Встреча Риббентропа 24 октября 1938 г. с послом Липским и его же беседы с Беком в Варшаве 6 и 26 января 1939 г. вроде бы подтверждали, что Польша будет на стороне Берлина в германо-советском конфликте. Но это впечатление померкло после 15 марта 1939 г., когда вермахт прихватил остатки Чехословакии. Нацисты заранее не посвятили польских партнеров в свои намерения презреть территориальные прописи Мюнхена.

Настроение в Варшаве не поднялось от того, что Лондон и Париж приняли этот новый агрессивный акт Германии к сведению без комментариев. Вашингтон тоже не обнаружил озабоченности, если она вообще имела. Помощник госсекретаря А. Берли

заметил, что президент, как и многие англичане, возможно, надеялся, что германская экспансия на восток облегчит положение Англии и Франции. Посол У. Буллит указывал на стремление англичан и французов после Мюнхена довести дело до «войны между германским рейхом и Россией», под финал которой «демократии» смогли бы «атаковать Германию и добиться ее капитуляции». У. Черчилль был категоричней — он считал, что война уже началась, хотя и не уточнил, кого с кем.

По прикидкам Гитлера 1937 г., основные военные операции, которые выведут Германию на искомое «жизненное пространство», развернутся «не позднее 1943–1945 г.». Затем «день икс» он перенес на 1942 году. Японцы находили 1946 г. наиболее удобным временным рубежом для подчинения Индонезии, Филиппин и прочих территорий Южной Азии и Океании. США собирались к этому сроку покинуть свои филиппинские базы. Наряду с экономическими выкладками в пользу форсирования развязки говорили, по мнению нацистских правителей, растерянность и податливость западных держав. Психологически и материально «демократии» не были настроены на пробу сил.

Представляются сомнительными утверждения, будто осенью 1938 г. Гитлер созрел для крутого виража: Германия подчинит Францию прежде, чем он, фюрер, отдастся призванию своей жизни — изничтожению России. В июне 1939 г. Геринг в разговоре с британским послом Гендерсоном обронил фразу: если бы Лондон подождал «хотя бы 10 дней» с выдачей гарантий Польше, ситуация сложилась бы совсем иначе. То же самое повторил Гитлер Чиано 12 августа 1939 г. Схожее услышал Саймон от Гесса после не совсем удачного приземления заместителя фюрера в Шотландии. По версии Гесса, поляки склонялись к принятию немецких условий и по Данцигу, и по коридору, но изменили свою позицию под влиянием Англии. Оценки Гитлера, Геринга и Гесса подтверждаются французскими источниками.

В политико-правовом смысле Советский Союз был отброшен к дорепалльскому положению. Париж положил франко-советский договор о взаимопомощи на лед. Союзный договор с Чехословакией скончался вместе с этим государством. Отношения с Германией находились в расстройстве. При нападении с запада или с востока СССР мог рассчитывать лишь на себя и гадать, какие театры в войне будут главными, кто и какую позицию займет, когда умолкнут дипломаты и заговорит оружие. Многие указывало на то, что следующим в нацистском графике агрессии записан Советский Союз.

Министра иностранных дел Риббентропа занимали выгоды разрыва отношений с СССР как стимула для вовлечения Японии в полновесный военный союз с Германией и для навязывания Москве войны на два фронта. Но тогда же, к концу 1938 г., группа дипломатов старой школы предалась изучению вариантов разыгрывания «русской карты» в герман-

ских интересах. Пока так и не прояснено, кто лично инициировал поиск неординарной мысли — вместо разрыва, по возможности, нормализация отношений с Советским Союзом: деятельный Шуленбург, германский посол в Москве, т. н. «русская фракция» в самом МИДе или же кто-то со стороны. Тут порой всплывает имя Геринга.

Без вспомоществования свыше не обошлось, по меньшей мере при улаживании разногласий между дипломатами и экономическими инстанциями рейха, когда вырабатывалась экономическая оферта Москве. Как бы то ни было, 22 декабря 1938 г. в торгпредство СССР в Берлине поступило предложение заключить правительственное соглашение, по которому советская сторона получала бы кредит в 200 млн марок для закупок немецкой промышленной продукции в обмен на встречные поставки в течение двух лет советских сырьевых товаров.

11 января 1939 г. полпред (посол) А. Мерикалов известил германский МИД, что советская сторона готова вступить в соответствующие переговоры и приглашает немецких уполномоченных прибыть с этой целью в Москву. Буквально на следующий день Гитлер — во время новогоднего приема дипкорпуса — проявил повышенное внимание к советскому послу и тем дал пищу для спекуляций о намерении «выровнять» советско-германские отношения. Жест фюрера и кредитный зондаж предназначались больше Лондону, Парижу и Варшаве, должны были оживить «кошмары Рапалло», сделать три столицы восприимчивей к нацистским запросам. Так, между прочим, истолковали сии эпизоды британские эксперты, о чем свидетельствует специальное досье в архиве МИД Великобритании.

Пару недель слабо мерцавший огонек поддерживался в немецкой лампаде. Была запрошена советская виза для советника МИД Германии К. Шнурре. Он даже сел в поезд, направлявшийся в Москву, но был снят с него в пути следования, чтобы «не дразнить поляков, коих обхаживал и уламывал Риббентроп, не совсем, если верить Гитлеру, Герингу, Гессу и Мольтке, безрезультатно. Дальше затишье и повод сделать промежуточное замечание: инициатива «оживления» отношений с СССР принадлежала немецкой стороне и имела сугубо прикладное назначение — облегчить продвижение на совсем других направлениях, враждебных Советскому Союзу.

Кочующее из публикации в публикацию утверждение, будто советско-германский диалог открылся отчетным докладом Сталина на XVIII партийном съезде (10 марта 1939 г.) или, вернее, двумя его тезисами: «проводить и впредь политику мира и укрепления деловых связей со всеми странами», «соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками», — легенда. Ни в германском посольстве в Москве, ни в берлинском МИДе эти тезисы не привлекли особого внимания.

Осталась без комментариев также констатация докладчика: «война, так незаметно подкрадываясь к народам, втянула в свою орбиту свыше 500 млн населения, распространив сферу действия на громадную территорию от Тяньцзина, Шанхая и Кантона через Абиссинию до Гибралтара; новая империалистическая война стала фактом... На наших глазах происходит открытый передел мира и сфер влияния». Одновременно оговаривалось, что «неагрессивные демократические государства, взятые вместе, бесспорно сильнее фашистских государств и в экономическом, и в военном отношении». Если не вырывать из контекста отдельные куски, не сложно установить, какой адрес был для СССР на тот момент предпочтительней.

Возможно поэтому, или алогизмы бытия так повели, первыми среагировали на доклад Сталина англичане. 18 марта 1939 г. Галифакс известил И. Майского и в тот же день британский посол Сидс М. Литвинова о давлении Германии на Румынию и поинтересовался, не собирается ли СССР что-либо предпринимать в случае нацистской агрессии. Начались затяжные англо-советские, чуть позднее — англо-франко-советские контакты и переговоры.

Германские правители повторно вытащили из колоды «русскую карту» после того, как англичане упредили заготовленный Ю. Беком финт, по-видимому, обговоренный с Берлином, — министр намеивался в ходе визита в Великобританию объявить, что доверие к Парижу и Лондону утрачено и Варшава переключается на сотрудничество с рейхом. Кабинет Чемберлена 30 марта 1939 г., еще до прибытия Бека, опубликовал одностороннее заявление о готовности защитить Польшу, если она подвергнется нападению. Неделью спустя заявление превратилось в польско-британский договор о взаимопомощи «на случай любой угрозы, прямой или косвенной, независимости одной из сторон». Сходные заверения Лондон дал вслед за тем Румынии и Греции.

Мотив прилива решимости Альбиона — «не защита отдельных стран, которые могли оказаться под германской угрозой, а стремление предотвратить установление германского господства над континентом, в результате чего Германия стала бы настолько мощной, что могла бы угрожать нашей (британской) безопасности» (протокол заседания правительства Великобритании). Постоянный заместитель министра иностранных дел А. Кадоган тридцатью годами позже признавал: Чемберлен «поставил себе дорожный знак. Он связал себя обязательствами, и в случае германского нападения на Польшу больше не могло быть мучительных сомнений и колебаний». Гарантии являлись, по выражению Кадогана, «ужасной игрой», ибо Лондон, как и Париж, не собирался воевать за Польшу в поле.

Британские военные руководители доказывали, что «без немедленной эффективной помощи со стороны России поляки смогут противостоять германскому наступлению ограниченное время... Заклю-

ние договора с Россией представляется нам лучшим средством предотвращения войны... Напротив, при срыве переговоров с русскими возможно сближение между Россией и Германией». В чемберленовском табеле ценностей идеологическая чистота стояла выше военных предостережений и выгод.

На смену британских дорожных знаков Гитлер отвечал приказом готовить вторжение в Польшу. 3 апреля В. Кейтель поставил перед командующими вооруженными силами задачу — приступить к реализации плана «Вайс» так, чтобы операция могла начаться в «любое время, начиная с 1 сентября 1939 г.». Десять дней спустя Гитлер утвердил окончательный вариант плана:

«Политическое руководство считает своей задачей по возможности изолировать Польшу в данном случае, то есть ограничить войну боевыми действиями с Польшей.

Усиление внутреннего кризиса во Франции и вытекающая отсюда сдержанность Англии в недалеком будущем могли бы привести к созданию такого положения.

Вмешательство России, если бы она была на него способна, по всей вероятности, не помогло бы Польше, т. к. означало бы ее уничтожение большевизмом.

Позиция лимитрофов (прибалты и Финляндия) будет определяться исключительно военными требованиями Германии.

Немецкая сторона не может рассчитывать на Венгрию как на безоговорочного союзника. Позиция Италии определяется осью Берлин — Рим».

Замечаем — 11 апреля Гитлер числил СССР среди противников. И тем не менее в середине апреля германским дипломатам давалась инструкция: при первом подходящем случае заняться тем, что фюрер назвал «инсценировкой в германо-русских отношениях нового рапальского этапа». Повод дало обращение А. Мерекалова в МИД Германии с протестом ввиду чинившихся немецким командованием в Чехословакии препятствий выполнению фирмой «Шкода» советских заказов, выданных ей в апреле — июне 1938 года. До этого, еще 18 марта 1939 г., советская сторона зафиксировала, что не признает актов, объявлявших Чехословацкое государство несуществующим, а оккупацию Чехии германскими войсками и последующие действия Берлина квалифицировала как «произвольные, насильственные и агрессивные», нарушающие политическую устойчивость в Средней Европе и увеличивающие тревогу среди народов.

Статс-секретарь Э. Вайцзеккер принял советского посла 17 апреля. А. Мерекалов не отразил в телеграмме в Москву концептуальные особенности речений собеседника. Между тем Э. Вайцзеккер, согласно немецкой записи беседы, установил взаимозависимость экономического обмена и тона политический отношений. Он дал понять, что Советскому Союзу не удастся выстраивать равные отношения с Германией и Англией, «ответственной за напряженность в Европе».

Через месяц советник МИД Германии К. Шнурре известил советского поверенного в делах Г. Астахова (Мерекалов был снят с дистанции), что Берлин «положительно изучит» возможность оставления в силе на территории «протекторатов Богемии и Моравии» положений советско-чехословацкого торгового договора 1935 года. 20 мая немцы подняли уровень контактов. Посол Ф. Шуленбург запросился на прием к В. М. Молотову, возглавившему Наркомат иностранных дел. Молотов обошелся с послом жестко, приписав немцам желание использовать экономические переговоры в недостойных играх. «Полная сдержанность» — постановили в Берлине, пока русские сами не подадут сигнал. Москва безмолвствовала. Следующий шаг опять исходил от немцев.

30 мая Э. Вайцзеккер пригласил Г. Астахова. МИД Германии, заявил статс-секретарь, вступил в контакт с советской стороной по распоряжению фюрера и действует под его наблюдением. «России, — продолжал Вайцзеккер, — предоставляется в немецкой политической лавке весьма разнообразный выбор — от нормализации отношений до непримиримой вражды». В своем дневнике он отразил атмосферу встречи в словах: «Германия вносит инициативные предложения и наталкивается на недоверие русских». В тот же день до Шуленбурга была доведена новая тактическая схема розыгрыша «русской карты» — за исходную точку контактов выдавалось ходатайство о предоставлении торгпредству в Праге статуса филиала торгпредства СССР в Берлине. Поскольку это тянуло за собой ряд принципиальных моментов, в рассмотрение советской просьбы включился имперский министр иностранных дел, нормализация отношений увязывается с наличием обоюдной заинтересованности.

В мае–июне 1939 г. на роль посредника между Германией и СССР вышел итальянский министр иностранных дел Г. Чиано. Он первым делом подсыпал сомнений в искренности Лондона: «Англия будет тянуть с (англо-франко-советскими) переговорами, и может настать момент, когда будет уже поздно и вы сами не захотите торопиться со вступлением в коалицию». Он выразил полную поддержку «плану Шуленбурга», который агитировал свое правительство встать на путь решительного улучшения отношений с СССР и для этого рекомендовал: (1) оказать содействие урегулированию японо-советских отношений и ликвидации пограничных конфликтов; (2) предложить Москве заключить пакт о ненападении или вместе гарантировать независимость Прибалтийских стран; (3) прийти к широкому торговому соглашению.

28 июня Шуленбург запросился на визит к Молотову, чтобы «поделиться впечатлениями» от своей поездки в Берлин. Посол пространно говорил об отсутствии у Германии «злых побуждений» и сослался, в частности, на тот факт, что она не аннулировала Берлинский договор о нейтралитете. «Германское правительство, — акцентировал Шуленбург, — желает не только нормализации, но и улучшения отно-

шений с СССР», заметив, что это заявление он делает по поручению Риббентропа и оно «одобрено Гитлером». После доклада в центр о встрече с Молотовым Шуленбург получил указание: «сказано достаточно», впредь до поступления новых инструкций от политических бесед воздерживаться.

Наступила пауза продолжительностью около месяца. Паузы в политике — понятие условное. Берлин отнюдь не бездействовал — ни в июле, ни раньше, ни позже. Велись интенсивные переговоры с японцами и итальянцами о военном союзе, с англичанами о сбалансировании региональных и глобальных интересов. Риббентроп сделал Варшаве предложение: образовать германо-польский альянс для «совместного подавления Советской России» и отторжения Украины, подлежавшей полюбовному разделу. Польские правители жались. Чемберлен и Галифакс подбивали их к «мирному решению» проблемы Данцига и коридора, но вместе с тем советовали не бросаться в объятия рейха.

Клубок запутаннейший: Лондон занят обменом мнениями с японцами и немцами, с французами и поляками, с греками и турками, с американцами и русскими; Берлин перетягивает канат с англичанами, играет в кошки-мышки с поляками, ищет способы теснее привязать к себе японцев, не подчиняя собственные планы стратегии Токио; Вашингтон в позе сфинкса; Москва выясняет отношения с англичанами и французами, переполнена недоверия к немецким послам, одной ногой в войне с Японией. Как все решится?

На май–август 1939 г. пришелся пик событий на реке Халхин-Гол. В развернувшихся кровопролитных сражениях участвовали с обеих сторон десятки тысяч солдат при поддержке крупных сил авиации и танков. Потери в живой силе сравнимы или превышают число убитых и раненых при захвате нацистами Польши. Не случайно, что развитие ситуации на Халхин-Голе скрупулезно калькулировались в кратко- и среднесрочных планах агрессивных держав и их умиротворителей.

Германский посол в Токио Э. Отт телеграфировал 7 июня 1939 г. Э. Вайцзеккеру: «Вечером 5 июня послу Осиме (японский посол в Берлине) направлена инструкция. В соответствии с ней Япония должна быть готовой автоматически вступить в любую войну, начатую Германией, при том условии, что Россия будет противником Германии». Аналогичного обязательства японцы на основе взаимности ожидали от немцев. Сообщение Отта дополнил Р. Зорге в донесении Генеральному штабу РККА 24 июня: в случае войны между Германией и СССР Япония автоматически включается в войну против Советского Союза; в случае войны Италии и Германии с Англией, Францией и СССР Токио также в автомате присоединяется к Германии и Италии; если Германия и Италия начнут войну только против Франции и Англии (Советский Союз не будет втянут в войну), Япония будет считать себя союзником Германии и Италии, но военные действия против англичан и французов начнет в зависи-

мости от общей обстановки. Если, однако, интересы «тройственного союза» потребуют этого, то Япония вступит в войну немедленно.

Доступные материалы показывают, что формула автоматизма смущала Берлин. От Токио зависело, как ранжировать те же события на Халхин-Голе: продолжать выдавать их за «инцидент», вызванный «неясностью» прохождения границы, либо поднять ставки и союзническую помощь СССР Монголии превратить в казус бelligeris и для Германии. Кроме прочего, немцы держались не слишком высокого мнения о военном потенциале Японии. С другой стороны, на испытательный стенд выносился антикоминтерновский пакт. Гитлер решил — ставить японских «друзей» перед свершившимися фактами, вынуждая Токио примериваться к берлинской стратегии.

Переименования дат в политике случаются. Досадные и даже роковые. Но «соглашение Арита — Крейги», под этим названием в международную летопись занесено совместное заявление правительств Великобритании и Японии от 24 июля 1939 г., к хронологическим курьезам никак не причислишь.

В разгар сражений на Халхин-Голе с неясным прогнозом и на фоне англо-франко-советских переговоров, имевших официальным назначением возведение заслона агрессорам, Лондон освящал захватническую политику Токио. Британское правительство, записано в «соглашении Арита — Крейги», «полностью признает нынешнее положение в Китае, где происходят военные широкомасштабные действия, и считает, что до тех пор, пока такое положение продолжает существовать, вооруженные силы Японии в Китае имеют специальные нужды в целях обеспечения их собственной безопасности и поддержания общественного порядка в районах, находящихся под их контролем, и что они должны будут подавлять или устранять любые такие действия или причины, мешающие им или выгодные их противнику. Правительство Его Величества не имеет намерения поощрять любые действия или меры, препятствующие достижению японскими вооруженными силами упомянутых выше целей».

Странное соглашение. Не по форме единой. Лондон брал всецело сторону Японии в ее агрессии против Китая. Или Крейги делал какие-то оговорки, а Арита, идя на встречные подвижки, дал некоторые заверения? В тексте об этом ни слова. Может быть, существовало секретное приложение? Те, кому повесть, узнают об этом после 2017–2020 гг.

О «специальных нуждах» японских вооруженных сил в Китае, способах их «обеспечения» и «устранения причин», мешающих названным силам добиваться своих целей, будет написано еще много книг. Здесь же надобно отметить следующее. «Полное признание нынешнего (на 1939 г.) положения в Китае» было тождественно признанию японского начертания внешних китайских границ. Соглашение могло читаться так, что британская сторона перенимала японскую версию «инцидента» на Халхин-Голе, по ко-

торой не Квантунская армия вторглась в Монголию, а монгольский персонал при поддержке советских вооруженных сил отхватил часть территории Китая.

Отсутствие официальной реакции Лондона на нападение 11 мая 1939 г. регулярных японских войск на монгольские погранзаставы в районе озера Буир-Нур, сочлененное с попытками английской агентуры поднять восстание в Синьцзяне, через который шел основной поток советской помощи Китаю, как и двусмысленная позиция госдепартамента США, наводили на грустные размышления. Токио явно приглашали круче заворачивать на север и тем сделать привлекательней в глазах Гитлера «дранг нах остен».

Июльскую паузу заполняли встречи и контакты доверенных представителей британского и германского руководства. Порядочный шум после разоблачений в прессе вызвали переговоры нацистского чиновника по особым поручениям К. Вольтата с советником премьера Г. Вильсоном и министром внешней торговли Англии Р. Хадсоном. Перед Вольтатом была развернута обширная программа сотрудничества по политическим, военным и экономическим «пунктам», одобренная Чемберленом. Премьер предлагал Вольтату личную встречу, от которой немец уклонился со ссылкой на отсутствие у него полномочий.

Англичане предлагали совместный отказ от агрессии как таковой и взаимное невмешательство в дела, соответственно, Британского Содружества и «великой Германии». В военной сфере Лондон интересовало уточнение параметров гонки вооружений на море, суше и в воздухе. Экономическое сотрудничество могло бы включать образование «интернациональной колониальной зоны» в Африке, открытие источников сырья и рынков сбыта для немецкой промышленности, урегулирование проблем международной задолженности, финансовое содействие «санированию» Германией Восточной и Юго-Восточной Европы. Хадсон обещал рейху «международный займ» до 1 млрд фунтов стерлингов.

Конечная цель виделась в «англо-германской договоренности по всем важным вопросам», которая позволила бы Англии освободиться от обязательств по отношению к Польше и Румынии.

Вильсон заверил собеседника в готовности Лондона принять к рассмотрению другие вопросы, интересующие немцев. Согласие Гитлера на переговоры, заключал британец, рассматривалось бы как «признак восстановления доверия».

Не нужно растрового микроскопа, чтобы распознать меру двоедушия официального Лондона. Причем не только при ведении дел с СССР, но также с французами, американцами и поляками. До «совместной англо-германской политики» не дотянули. Гитлер, похоже, счел, что железо разогрето недостаточно, чтобы заняться его фасонной ковкой, и в третий раз упустил случай сорвать банк. В ноябре 1937 г. Галифакс подводил его к «генеральному урегулированию». В сентябре 1938 г. Чемберлен

направившись на исторический союз двух империй. Предложения Вильсона летом 1939 г. имели поддержку консервативного большинства в палате общин.

Восстановим хронологию — она красноречивей парадных слов. 8–21 июля Г. Вильсон, Р. Хадсон и видный консерватор Дж. Болл плели кружева с К. Вольгатом в расчете на скорый положительный ответ Берлина. 23 июля Галифакс известил советского посла Майского о готовности вступить в военные переговоры, не дожидаясь окончания переговоров политических, и обещал, что британская делегация сможет отправиться в Москву «через 7–10 дней».

Десять дней пролетели. Отзвука из Берлина на вильсоновскую «программу» все нет. Дабы выиграть время, англичане избирают грузопассажирский тиход — самый медленный из технически возможных способов доставки их представителей на переговоры в Москве. И чтобы немцы не заблудились в догадках, Вильсон приглашает к себе 3 августа посла Г. Дирксона, чтобы продолжить сопряжение позиций Британии и рейха. Из слов Вильсона, докладывая в Берлин посол, вытекало, что «возникшие за последние месяцы связи с другими государствами (контакты с СССР, Польшей и Румынией) являются лишь резервным средством для подлинного примирения с Германией и что эти связи отпадут, как только будет действительно достигнута единственно важная и достойная усилий цель — соглашение с Германией... Соглашение должно быть достигнуто между Германией и Англией; если бы это было сочтено желательным, можно было бы, конечно, привлечь Италию и Францию».

Из британских послов, полученных через Вольгата, Гитлер заключил: германо-польский конфликт не обернется большой войной. Англия останется в сторонке. Для перестраховки он предпринял, тем не менее, необычный ход. 11 августа фюрер пригласил К. Буркхардта, верховного комиссара Лиги Наций в Данциге, и попросил его о «доброй услуге» — помочь разъяснить Западу суть происходившего. «Все, что я предпринимаю, — подчеркнул он, — направлено против России; если Запад столь глуп и слеп, что не понимает этого, я буду вынужден сговориться с русскими, чтобы разбить Запад и затем после его поражения, собрав все силы, повернуться против Советского Союза. Мне нужна Украина, чтобы никто, как в прошлую войну, не морил нас голодом».

Дотошные журналисты раскрыли секрет визита Буркхардта на Оберзальцберг и девальвировали его «миссию». Зачем Буркхардт понадобился Гитлеру? Однозначного объяснения этому нет. Едва ли случайно, однако сигнал, выданный через него Западу, приурочивался к началу тройственных военных переговоров в Москве. Надо было укрепить англичан в намерении уклониться от договоренностей с Москвой, сколько-нибудь связывавших им руки.

12–13 августа Гитлер выжидал, не аукнется ли афера Буркхардта чем-либо примечательным. 14 августа запас терпения иссяк, и нацистский предводитель

поставил Геринга, фельдмаршала Браухича и адмирала Редера в известность — решение атаковать Польшу самое позднее через две недели принято.

Информация, поступавшая к советскому руководству, позволяла ему быть в курсе многих заговоров и уловок. Вот совещание у Гитлера с высшим командным составом вермахта в декабре 1936 года. Нападению на Советский Союз должен предшествовать разгром Польши. Пару дней спустя сообщение об этом легло на стол Сталину. О решении 3 апреля 1939 г., активизировавшем план «Вайс», Кремлю доложили через десять дней. Утверждать, что наш диктатор знал все или почти все, было бы никому не нужным перебором. Еще меньше оснований говорить, что Сталин выводил свои суждения только из фактов. Зачастую его поступки оказывались противоположными тому, чего требовали факты. Наверное, это отличает всех политических деятелей в любой стране, наделенных чрезмерной и бесконтрольной властью.

Загишь после того, как 28 июня Риббентроп, по его выражению, «запустил блоху в ухо Сталину», было прервано 24 июля приглашением Г. Астахова в МИД Германии для ознакомления с точкой зрения правительства рейха на возможные этапы перестройки отношений двух стран. Глава дипломатического ведомства, сообщил Шнурре, представлял себе этот процесс так: сначала успешные торгово-кредитные переговоры, затем нормализация по линии прессы, культурных связей и т. п., наконец — политическое сближение. Германская сторона обеспокоена, что Молотов уклоняется от конкретного обмена мнениями с Шуленбургом, а советские представители в Берлине не отвечают на вопросы Вайцеккера, которыми «интересуется сам фюрер». Если Москва, закончил Шнурре, не готова к обмену мнениями на уровне руководителей, почему бы не попытаться сдвинуть процесс с мертвой точки «людям, менее высокопоставленным».

2 августа Астахова затребовал к себе Риббентроп. Министр настойчиво проводил мысль, что между Балтийским и Черным морем нет проблем, не поддающихся решению. «На Балтике, — по словам Риббентропа, — достаточно места для обеих стран, и русские интересы здесь не обязательно должны сталкиваться с немецкими. Что до Польши, то «Германия наблюдает за событиями внимательно и хладнокровно, но расплата за провокации последует в течение недели». Министр намекнул на желательность достижения взаимопонимания с Москвой в преддверии любого оборота. Он заметил также, что имеет «свою точку зрения на состояние советско-японских отношений» и не исключает здесь модус вивенди.

3 августа поверенного в делах опять вызвали в МИД. По заданию министра К. Шнурре «уточнил и дополнил» разговор, состоявшийся накануне. Если советская сторона желает улучшения отношений, то не может ли она назвать вопросы, которых хотела бы коснуться при обмене мнениями? Германская сторона готова сделать это. Высказывалась просьба уточнить,

кто с советской стороны мог бы быть уполномочен вести диалог. Предпочтительным местом проведения обмена мнениями был бы для немцев Берлин, поскольку данное направление политики в поле зрения лично Гитлера. Наконец, с учетом скорого объезда Риббентропа в летнюю резиденцию он рассчитывает хотя бы на подтверждение того, что Москва в принципе готова к переговорам.

О степени нетерпения Берлина свидетельствовало предписание Шуленбургу немедленно запроситься на прием к Молотову и сдублировать разговор Риббентропа с Астаховым. Встреча состоялась 3 августа. Как докладывал посол, внешне нарком держался свободней, однако и на сей раз не показал желания двигаться навстречу по существу. Реагируя на призыв посла не ворошить прошлого и подумать о нехоженных тропах, Молотов увязал возможность сделать это с получением удовлетворительных разъяснений по трем пунктам: антикоминтерновский пакт, поддержка Германией агрессивных действий Японии, попытки вытеснить СССР из международного сообщества. 4 августа Шуленбург телеграфировал в МИД Германии: СССР «преисполнен решимости договариваться с Англией и Францией».

Нелишне отметить: перед встречами с Риббентропом, Вайцзеккером или Шнурре Москва не оснащала Г. Астахова деловыми инструкциями. В. М. Молотов наставлял подчиненного, что тот поступает правильно, ограничиваясь выслушиванием заявлений собеседников и обещанием сообщить их содержание в Москву. Установлено три случая отсылки полпредству не слишком внятных, но все же ориентировок по проблематике улучшения отношений между СССР и Германией. 4 августа Астахову было сообщено: продолжение обмена мнениями об улучшении отношений желательно; что касается прочих пунктов, поднятых Риббентропом, то «многое будет зависеть от исхода ведущихся в Берлине торгово-кредитных переговоров».

4 августа из уст Шнурре впервые прозвучали слова «секретный протокол». Молотов сразу предостерег Астахова: «Считаем неподходящим при подписании торгового соглашения предложение о секретном протоколе», ибо «неудобно» создавать впечатление, что «договор, имеющий чисто кредитно-торговый характер... заключен в целях улучшения политических отношений. Это нелогично и, кроме того, это означало бы неуместное и непонятное забегание вперед».

Наконец, откликаясь на аналитическую записку Г. Астахова, в ней дипломат привлекал внимание к опасности вероломства Берлина и вместе с тем излагал свое видение «объектов», которые немцы собирались затрагивать в политическом диалоге, Молотов отстучал еще одну телеграмму: «Перечень объектов, указанный в Вашем письме от 8 августа, нас интересует. Разговоры о них требуют подготовки и некоторых переходных ступеней от торгово-кредитного соглашения к другим вопросам. Вести переговоры по этим вопросам предпочитаем в Москве».

Германской стороне было невдомек, что на столь остром направлении, как противоборство двух диктатур, официальные лица в состоянии контактировать с кем-либо без помочей высшей инстанции. Правила рейха переносились на советские государственные институты. За словами Г. Астахова (или его уклонением от ответов) немецким собеседникам виделась режиссура Москвы, тогда как им в пору было задуматься, отчего А. Мерекалов отпал, едва начался марафон. Ведь в полпредстве он один, согласно верительным грамотам, обладал полномочиями без ссылок на поручения вещать за свою страну.

Из совокупности доступных документов следует: весной и летом 1939 г. Советский Союз впустую тратил время и силы на создание коалиции против агрессивных держав. При наличии минимума доброй воли договориться с «демократиями» было можно, и сравнительно быстро. Но Англия, читаем мы в дневнике Г. Икеса, министра внутренних дел рузвельтовской администрации, «лежала надежду, что ей удастся столкнуть Россию и Германию между собой, а самой выйти из воды сухой». Британское руководство нуждалось в видимости деловых переговоров с Москвой, чтобы мешать сближению СССР и Германии.

Кабинет Чемберлена, как отмечалось выше, отверг доводы начальников штабов трех родов войск Англии в пользу «солидного фронта внушительной силы против агрессии» с участием СССР. Позиция премьера была непреклонной: он «скорее подаст в отставку, чем подпишет союз с Советами». Консерваторы сошлись на том, что прагматизм требует какое-то время поддерживать переговоры с Москвой и что для создания видимости движения стоит перейти от обмена нотами к дискуссиям за «круглым столом». Что касается Англии и Франции — на уровне послов. Приглашение, направленное советской стороной Галифаксу, лично включиться в переговоры Чемберлен отклонил с ремаркой: визит в Москву министра «был бы унижительным».

Посол Англии У. Сидс и выделенный ему на подмогу У. Стрэнг получили задание коротать время, создавая впечатление, будто Лондон за договоренность. 4 июля британский кабинет подтвердил: «Главная цель в переговорах с СССР — предотвратить установление Россией каких-либо связей с Германией». На заседании кабинета 10 июля, рассматривавшем процедуру «технических» военных переговоров с советской стороной, Галифакс заявил: «Начавшись, военные переговоры не будут иметь большого успеха. Переговоры будут затягиваться, и в конечном счете каждая из сторон добьется от другой обязательств общего характера. Таким образом, мы выиграем время и извлечем максимум из ситуации, которой не можем сейчас избежать».

Канцлер казначейства, небезызвестный нам Дж. Саймон, держался еще циничней: «Нам важно обеспечить свободу рук, чтобы можно было заявить

России, что мы не обязаны вступать в войну, т. к. мы не согласны с ее интерпретацией фактов». Иначе говоря, если не удастся перехитрить русских и придется подписывать какое-то соглашение, то его текст должен быть самым расплывчатым. Из слов Саймона напрашивался вывод, что по британской модели союзничества Лондон мог воздержаться от объявления войны рейху и в случае германской агрессии против Польши, удовлетворившись тем, что в военную пучину погрузился бы только Советский Союз.

Вопрос — что оставалось делать Москве, зная о хитросплетениях Чемберлена и его министров? Как держаться, доподлинно зная, с какими инструкциями, после долгого хождения по морям и посещения музеев Ленинграда, прибыл на военные переговоры в советскую столицу адмирал Дракс? Выданное главе британской делегации предписание гласило: «Британское правительство не желает принимать на себя какие-либо конкретные обязательства, которые могли бы связать нас при тех или иных обстоятельствах. Поэтому следует стремиться свести военное соглашение к самым общим формулировкам». Провожая адмирала, Галифакс поручил ему «тянуть с переговорами возможно дольше». «Дольше» расшифровывалось — до конца сентября — начала октября, когда осенняя распутица и без государств-противников спутает планы Гитлера¹².

Война уже у порога. 7 августа к советскому руководству поступило донесение: «Развертывание немецких войск против Польши и концентрация необходимых средств будут закончены между 15 и 20 августа. Начиная с 25 августа следует считаться с началом военной акции против Польши». К англичанам аналогичный сигнал попал день или два спустя. Предупреждения, ранее полученные Лондоном от советника германского посольства Т. Кордта и от итальянцев, обрели зловещую актуальность. Время для ворожбы истекло.

«Первые же 24 часа моего пребывания в Москве, — отмечал Дракс, — свидетельствовали, что Советы стремятся к достижению соглашения с нами». На встрече трех делегаций 15 августа начальник генштаба Б. Шапошников сообщил, что СССР готов выставить против агрессора в Европе 136 дивизий, 5 тыс. тяжелых орудий, 9–10 тыс. танков и 5–5,5 тыс. самолетов. Дракс докладывал в Лондон, что Советский Союз «не собирается придерживаться оборонительной тактики, которую нам предписывалось (ему) предлагать». В случае войны он намерен «принимать участие в наступательных операциях». Глава французской делегации генерал Ж. Думенк телеграфировал в Париж, что советские представители изложили план «весьма эффективной помощи, которую они полны решимости оказать нам». МИД Франции со своей стороны рекомендовал председателю правительства Э. Даладьё «поставить условием этих (англо-французских) гарантий Польше советскую поддержку, которую мы считаем необходимой».

Почему же за день до этих обнадеживающих — для непосвященных — оценок адмирал Дракс в кругу своих коллег изрек: «Я думаю, наша миссия закончилась»? Ответ, наверное, прост. «Демократы» не собирались сами дать Германии встречный бой, не удосужились в канун московских переговоров войти в контакт с Польшей на предмет ее сотрудничества с советской стороной и предоставления Виленского коридора на севере и Галицийского на юге, чтобы соединения Красной армии могли своевременно «непосредственно соприкоснуться с противником». Пришлось (по предложению Дракса) объявлять перерыв в переговорах до 21 августа, пока французы и англичане не обсудят с Польшей тему военного взаимодействия.

19 августа генерал Ф. Мюсс и британский военный атташе в Варшаве три часа полемизировали с начальником генштаба Польши Стахевичем, который, кроме площадных ругательств в адрес СССР и его лидера, не придумал, что сказать. Доклад Мюсса побудил МИД Франции предъявить Беку ультиматум, после чего во второй половине дня 23 августа Варшава уполномочила главу французской военной миссии в Москве генерала Думенка заявить К. Ворошилову: «Мы убедились, что в случае совместной акции против германской агрессии не исключено (или возможно) сотрудничество между Польшей и СССР на подлежащих более детальному определению условиях...». Телеграмма в посольство Франции в Москве поступила утром 24 августа. Пакт о ненападении между СССР и Германией уже был подписан.

Превратимся на мгновение в сверхоптимистов и возьмем за данность: Варшава спустилась с облаков на земную твердь и приняла бы советскую помощь. Как в реальности выглядела бы координация действий трех держав?

Советские военные предлагали, применительно к развитию ситуации, выставить против агрессора мощную группировку до 70–100% от уровня сил, выделяемых Англией и Францией. Войска трех держав должны были бы быть готовыми к сражению начиная с 15–16-го дня объявленной мобилизации. А если бы англичане и французы ничего не отряжали и месяц, другой, третий избегали соприкосновения с агрессором?

Допустим, делегациям Англии и Франции не удалось бы уклониться от фиксирования в конвенции потребного количества контингентов, а также районов и сроков введения их в действие. Как они выполнили бы подобные обязательства, если совершенно не готовились к этому? Московские переговоры не сопровождались проработкой в штабах Англии и Франции конкретных аспектов оперативного и стратегического взаимодействия с командованием РККА. В прикидках «демократий» не исключалось восточное издание ведения ими «странной войны» при германо-советском вооруженном столкновении.

Догадывались ли в Лондоне и Париже, что для Гитлера летом 1939 г. критически важным было отнюдь не заключение с СССР пакта о ненападении, но срыв договоренностей трех держав о военном союзе? В отсутствие договоренностей Англии и Франции с Москвой, заявлял Гитлер, «я смогу разбить Польшу без опасности конфликта с Западом». Не случайно он ринулся в польский поход без скомпонованных планов операций на западном фронте.

19 августа Риббентроп передал итальянскому послу Аттолико ответ на поступившее накануне послание Муссолини, которым германский союзник ставился в известность — Италия не готова к европейской войне. В ответе было спрессовано кредо Гитлера:

- решение напасть на Польшу принято и пересмотру не подлежит;
- польский конфликт останется локальным событием, поскольку Англия и Франция не рискнут напасть на «ось»;
- если эти державы все-таки окажут военную поддержку Польше, то для «оси» вряд ли представится лучшая возможность, чтобы свести счеты;
- война, если даже она разрастется, будет ввиду превосходства «оси» скоротечной.

Германо-советский обмен мнениями обрел осязаемые контуры 15 августа. Но пока это диалог, а не переговоры. Окончательный выбор Москвой не сделан, несмотря на сверхнадежные доказательства того, что Англия и Франция не созрели для сдерживания совместно с СССР агрессора. Больше того, из перехватывавшихся спецслужбами подлинных материалов вытекало — западные державы намерены устроить «второй Мюнхен», опять без СССР и всецело против него.

Наряду с Г. Вильсоном, не щадя себя, трудился на англогерманское согласие британский посол в Берлине Н. Гендерсон. Ему ассистировали швейцарские, шведские, американские представители. Согласно заметкам Буркхардта, 11 августа Гитлер выражал готовность немедленно встретиться с британским деятелем «формата Галифакса». В качестве подходящего партнера он назвал маршала Айронсайда и просил Буркхардта известить об этом Лондон.

Не к чему отрицать, что выпадение Советского Союза как реального противника Германии, по каким бы причинам оно ни произошло, облегчило Гитлеру его предприятие против Польши. Вместе с тем утверждение, что без договора о ненападении с СССР фюрер перевоплотился бы в агнца, было бы еще большим насилием над истиной. Непредсказуемость — вот что должны были излучать из Москвы вовне тройственные переговоры. Оба, Гитлер и Чемберлен, ставили на выигрыш недель и дней. Но каждого из них непредсказуемость устраивала по-разному. Премьер жаждал осенней слякоти в надежде, что погода ниспошлет Лондону шанс уладить семейные дрязги с Германией. Фюрера британские маневры устраивали по совсем иным мотивам.

Затягивание тройственных переговоров, игнорируя «час икс», исключало действенные контрмеры Англии, Франции, СССР в решающие первые часы войны. Как встретили бы агрессию три державы, продолжай свои московские сидения до рокового 1 сентября? Во «всеоружии» планов, отводивших на бумаге 15–16 дней для мобилизации, прежде чем их армии выдвинутся навстречу противнику. Видно, переговорщики запамятовали, в каком веке собрались воевать, а позже не могли взять в толк, как Польша с почти миллионной армией рухнула за 17–18 дней.

Идем дальше. Подписание «демократами» военной конвенции с СССР не переиначило бы «странной» войны на Западе, даже провозгласи англичане войну Германии. В любом случае Англия и Франция не сгорели бы от желания схватиться с «главным противником», а Третий рейх ответил бы им взаимностью. Совсем в другом положении оказался бы Советский Союз. Вермахт, охваченный эйфорией легко доставшейся победы, выкатился бы на границу, куда менее благоприятную для обороны СССР, чем та, с которой отправлялись в походы Пилсудский на Киев и Москву в 1921 г. и нацисты в 1941 году.

Это не все. План «Вайс» предусматривал, что одновременно или вслед за Польшей немцы возьмут под контроль Литву и Латвию «до границ старой Курляндии». Установку на «решение балтийской проблемы» Гитлер подтвердил 23 мая при встрече с командованием вооруженных сил рейха. На сей счет была припасена юридическая зацепка. Германские договоры о ненападении с Эстонией и Литвой содержали секретную статью. Она обязывала Таллинн и Каунас «по согласованию с Германией и в соответствии с ее советами осуществлять по отношению к Советской России все военные меры безопасности». Эстонское и литовское правительства признавали, что угроза нападения исходит только от Советского Союза и что реальная политика нейтралитета требует от них создания надежной обороны против этой угрозы. Там, где для этого не хватает собственных средств, им поможет Германия. Была поставлена задача не допустить, чтобы зона Балтийского моря превратилась в плацдарм наступления третьих стран, и подготовиться, чтобы в случае конфликта страны этой зоны могли противодействовать попыткам окружения до прибытия немецкой помощи¹³.

Таким образом, назвавшись в 1939 г. союзником Англии, Франции и Польши, СССР принял бы на себя все невзгоды как собственной, так и чужой неподготовленности к военному противоборству с Третьим рейхом.

Предположим, Гитлер не полез бы с ходу на рожон и выдернул стоп-кран вблизи советской границы. Кто, однако, будучи в здравом рассудке, поручился бы, что Япония не удесятерит усилий, чтобы перевести на местность навязчивую идею одновременного удара по Советскому Союзу с востока и запада, что экстремистам не удалось бы умерить

влияние на формирование курса Токио министра иностранных дел Х. Ариты, оппонента чрезмерной воинственности по отношению к СССР, и переубедить командование ВМС, бравших южный азимут за приоритетное направление? И не только в отместку за унижение на Халхин-Голе. По документальным данным, установление контроля над Китаем слыло в японской стратегии за промежуточный этап к решительной схватке с северным соседом. Токио втягивал в свою антисоветскую авантюру, наряду с англичанами, также Вашингтон. 30 июня 1939 г. Рузвельт сообщил советскому полпреду Уманскому, что японская сторона предложила ему на будущее совместную японо-американскую эксплуатацию богатств Восточной Сибири чуть ли не до Байкала.

Даже после подписания германо-советского пакта о ненападении глава «умиротворения» не закрылась. Планы, никак не облегчавшие Советскому Союзу жизнь, Альбион еще не исчерпал. Вчитайтесь в заявление Н. Чемберлена на заседании кабинета 26 августа 1939 г.: «Если Великобритания оставит г-на Гитлера в покое в его сфере (Восточная Европа), то он оставит в покое нас». Для тори все упиралось в цену, не в принципы.

Профилирующей заботой советского лидера было — не очутиться один на один с агрессором, а то и с двумя кряду, отсрочить час свидания с истиной. В 1937–1938 г. он обезглавил вооруженные силы страны. Были уничтожены трое из пяти маршалов, 11 заместителей наркома обороны, 75 из 80 членов Высшего военного совета, 14 из 16 командующих армиями, 60 из 67 комкоров, 136 из 199 дивизионных и 221 из 397 бригадных командиров. Воевать, тем более за других, он не мог, если бы даже захотел. Некому было вести рать.

В начале августа Москва уже примеривалась к соглашениям типа Берлинского договора 1926 г. как альтернативе полудоговоренностям с англичанами и французами. По-видимому, не будет перебором констатация: слова участников московских военных переговоров замещали дефицит искренности и веры в способность их руководителей извлечь из стога плевел жемчужное зерно. Суэта вокруг переговоров должна была поубавить заносчивость и спесь у четвертого актера мизансцены, незримо присутствовавшего в зале, — у Германии.

Как обернулось бы развитие событий, отвергни Сталин настоятельную просьбу Гитлера безотлагательно принять в Москве Риббентропа? Письмо фюрера было вручено Молотову Шуленбургом в 15:00 21 августа 1939 года. Ответ Сталина посол получил из рук наркома в 17 часов того же дня. Почему передача в Берлин 14 строк русского текста и доведение их до адресата заняли около 9 часов — загадка. Или умысел? Если умысел, то чей?

Гитлер не позже 22 августа был извещен о приглашении Геринга на встречу с Чемберленом и Галифаксом. Ее организацией, дабы избежать огласки,

занимался непосредственно шеф британской разведки. 23 августа англичане ввели в игру козырную карту — предложили созвать «конференцию четырех на высшем уровне». На ней в отсутствие СССР и Польши собирались все уладить. Предложение, направленное по неофициальному каналу, подкреплялось посланием Чемберлена. Премьер умолял Гитлера «не совершать непоправимого».

С 21 августа на взлетной полосе Темпельхофа стояли «локхид-12а» британских спецслужб, который должен был доставить Геринга на тайную встречу с Чемберленом и Галифаксом, и личный «юнкерс» фюрера, выделенный Риббентропу для полета в советскую столицу. Кто первым ляжет на крыло, какой курс — на Лондон или Москву — будет взят? От этого зависел маршрут, каким пойдут дальше Европа и с нею остальной мир.

Принимаем к сведению: переговоры имперского министра иностранных дел в Москве не начинались, никто, естественно, не мог поручиться, что стороны найдут общий язык. Самолет с Риббентропом на борту еще только добирался до столичного аэродрома. Не без приключений. В районе Великих Лук его обстреляли средства ПВО. Повезло, не сбили. Скептикам волей-неволей придется признать, что решение воевать и установление первоначальной даты нанесения удара по Польше (26 августа) Берлин принял не после, а до встречи Риббентропа со Сталиным и Молотовым, до подписания договора о ненападении со всеми приложениями. Обычные «неточности» и опущения при воспроизведении последовательности событий здесь не вкрадываются, а преднамеренно втираются и способом мультиплицирования обретают некое подобие фактов.

Давался ли Советскому Союзу в августе 1939 г. выбор меньшего зла — эрзац-договору о ненападении с Германией? Самое позднее после бесед Стахевича с генералом Мюссом не осталось надежды на успех московских военных переговоров. Могла ли пролонгация Берлинского договора 1926 г. заместить пакт о ненападении? Теоретически да, хотя отказ от насилия во взаимных отношениях сам по себе не являлся чем-то предосудительным. Чистота позиции Москвы, бесспорно, выиграла бы, найди в тексте договора от 23 августа отражение норма, освобождающая стороны от принятых обязательств в случае совершения одной из них агрессии против третьего государства. Впрочем, в ту пору и позже имелось вдоволь прецедентов, когда подобная оговорка не употреблялась, и это не порождало кривотолков. К примеру, англо-германская декларация от 30 сентября 1938 года.

Шок, вызванный разглашением сокровенных державных тайн большевиками и эсерами после 1917 г., давным-давно преодолен. Секретные приложения (протоколы, дополнительные статьи, обмен письмами, нотами и т. д.) к соглашениям и договорам разного профиля — в практике государств и поныне. Польские, литовские, эстонские договоренности

с Германией, о японских или итальянских и говорить нечего, лишнее сему подтверждение. Предполагалось, что англо-франко-советская конвенция о взаимопомощи будет снабжена дополнительным, не подлежащим оглашению протоколом. Следовательно, секретный протокол, приложенный к советско-германскому договору о ненападении ни по методу его составления, ни по содержанию не нарушал обычного международного права. Как отмечалось в постановлении Съезда народных депутатов СССР (декабрь 1988 г.), он был «отходом от ленинских принципов советской внешней политики». Разница есть.

Разграничение «сфер интересов» в принципе нельзя безоговорочно зачислять в крамолу. В точном прочтении оно должно толковаться как определение рубежа, преступление которого обнуляет весь пакет договоренностей. Если держаться буквы, употребленной в августе—сентябре 1939 г., то выводом Литвы, Латвии и Эстонии из-под германской опеки их независимость не ущемлялась. Перемены 1940 г. протоколами не покрывались, ибо не предугадывались.

Непросто достоверно реконструировать переговоры Риббентропа со Сталиным и Молотовым 23–24 августа. Лучше других это пока получилось у профессора Ингеборги Фляйшхауэр. Но колючих вопросов, ждущих скрупулезного разбора, все равно в избытке. «Экономное мышление» с тягой к смене знака плюс на минус в зависимости от поветрий мало что меняет к лучшему. Прежде метили в идеологического противника. Теперь издержки, вроде бы, не с кем делить, а те же «демократы» никого не подпускают к архивным тайникам. Очевидно, запечатленным в документах порокам и по прошествии многих десятилетий не найти извинений.

Объективному исследователю кое-что скажет речь Молотова на сессии Верховного Совета СССР 31 августа 1939 года. «Решение о заключении договора о ненападении между СССР и Германией, — говорил председатель СНК, он же нарком иностранных дел, — было принято после того, как военные переговоры с Францией и Англией зашли в тупик. Поскольку эти переговоры показали, что на заключение пакта о взаимопомощи нет основания рассчитывать, мы не могли не поставить перед собой вопроса о других возможностях обеспечить мир и устранить угрозу войны между Германией и СССР». Смысл договора от 23 августа Молотов подавал так: «СССР не обязан втягиваться в войну ни на стороне Англии против Германии, ни на стороне Германии против Англии».

В мировой практике редко случается, чтобы достоинства одного партнера публично выводились из недостатков другого, а целесообразность введения в силу конкретного юридического акта обосновывалась безрезультатностью попыток прийти к оптимальному решению с кем-то еще. Не подвернулись более удачные выражения? Или Лондону и Парижу адресовался завуалированный намек: исправляйтесь, а там посмотрим?

Обычно опускается, что советская сторона после подписания договора пыталась сохранить контакты с Лондоном и Парижем. Молотов заявил французскому послу Наджиару: «Договор о ненападении с Германией не является несовместимым с союзом о взаимной помощи между Великобританией, Францией и Советским Союзом». Однако официальные и официозные сигналы из Москвы, рекомендовавшие «демократам» не рубить швартовы, оставались без внимания. Англичане и французы демонстративно отворачивались от вчерашнего партнера по переговорам. Зато на порядок возросла тяга тори к нахождению консенсуса с нацистами.

На британский призыв «не совершать непоправимого» Гитлер ответил предложением (передано через посла Гендерсона 25 августа) войти в пару на следующих условиях:

- а) возвращение Данцига и польского коридора в состав рейха;
- б) германские гарантии новых польских границ;
- в) достижение соглашения о бывших германских колониях;
- г) отказ от изменения германских границ на западе;
- д) ограничение вооружений.

В свою очередь рейх обязался бы защищать Британскую империю от любых внешних посягательств.

Перед нами своеобразный сплав из домогательств Берлина к полякам, озвученных в октябре 1938 — январе 1939 г., и соображений англичан, доводившихся до сведения Гитлера через Г. Вильсона в июле — августе 1939 года. Изложенное выше фюрер снабдил примечанием: ничего страшного не произойдет, объяви англичане из соображений престижа «показную войну». Гроза послужит лишь очищению атмосферы. Надо только наперед проговорить ключевые элементы будущего примирения.

По окончании встречи с Гендерсоном Гитлер связался с Муссолини. Собеседованием с дуче он остался доволен и в 15:02 отдал приказ ввести в действие план «Вайс». Нападение на Польшу должно было свершиться на рассвете 26 августа. Однако все пошло через пень-колоду. Посольство Италии уведомило Берлин, что Рим к войне не готов. В 17:30 французский посол в Берлине предупредил — его страна выполнит обязательства перед Польшей. Около 18:00 Би-би-си выдала в эфир сообщение, что англо-польский союзный договор введен в силу. Гитлер еще не знал, что известие — Италия не примет участия в нападении на Польшу — было передано Лондону и Парижу раньше, чем союзнику.

Генерал Гальдер, начальник главного штаба вермахта, занес в дневник: «Гитлер в растерянности, слабая надежда, что путем переговоров с Англией можно пробить требования, отклоняемые поляками». Пока же В. Кейтель получил приказ тотчас остановить выход сил вторжения на означенные по плану «Вайс» рубежи, а начавшуюся передислокацию войск выдать за «учения».

Гитлер через шведа Далеруса отправляет 26 августа в Лондон предложение о полнокровном союзе: англичане помогут Германии вернуть Данциг и коридор, а рейх не поддержит ни одну страну — «ни Италию, ни Японию или Россию» в их враждебных действиях против Британской империи. Раньше Г. Вильсон от имени премьера Чемберлена манил Гитлера возможностью аннулирования гарантий, выданных Лондоном Польше и ряду других европейских стран. Теперь рейхсканцлер ставил на кон все, что наобещал и Риму, и Токио, и еще тепленький пакт с Москвой. В ночь на 28 августа посредник привез британский ответ. Английская сторона выражала заинтересованность в нахождении «решения» без уточнения его формы или содержания. 27 августа Чемберлен сообщил коллегам по кабинету, что он дал понять Далерусу: поляки могут согласиться на передачу Германии Данцига, хотя у премьера никаких консультаций на сей счет с поляками не проводилось.

В 22:30 того же дня посол Гендерсон известил Гитлера, что британский премьер разделяет желание канцлера «сделать дружбу основой отношений между Германией и Британской империей» и готов принять его предложения от 25 августа «с некоторыми дополнениями в качестве тем для обсуждения». Переговоры могут состояться «быстро» и «с искренним желанием достичь соглашения» при том понимании, что Германия и Польша мирно уладят разногласия. Вручая Гитлеру послание Чемберлена, Гендерсон сказал: «Премьер-министр может довести до конца свою политику соглашения, но только если г-н Гитлер будет готов к сотрудничеству».

Фюрер слушал Гендерсона в пол-уха. За несколько часов до приема британского посла Гитлер самоопределился: вторжение в Польшу — 1 сентября.

На заседании британского правительства 26 августа Гендерсон проводил мысль: «Реальная ценность наших гарантий Польше в том, чтобы дать Польше возможность прийти к урегулированию с Германией». 30 августа, когда Германия сосредоточила 46 дивизий для удара по Польше, Галифакс отстаивал тезис, что «эта концентрация войск не является действенным аргументом против дальнейших переговоров с германским правительством».

Еще в конце июля Вашингтон сделал вывод, что настрой Чемберлена исключает выход на «альянс Россия — Англия — Франция», которому Рузвельт как будто сочувствовал, если верить его «устному посланию» советским руководителям (датировано 4 августа и передано послом США Стейнгардтом Молотову через 12 дней). Американцы были не хуже Лондона осведомлены о советско-германском сближении. Во всяком случае, они первыми проникли в тайну приложений к августовскому пакту о ненападении. По получении через Г. Герварта, сотрудника посольства Германии в Москве, сведений о разграничении сфер интересов между

участниками пакта президент занялся рассылкой обращений — к королю Италии (23 августа), к Гитлеру (24 и 26 августа), к полякам (25 августа). Содержание обращений перекликалось с американскими увещаниями, что за год до этого вздабривали почву для Мюнхенского сговора. 1 сентября Рузвельт призвал Гитлера вести войну умеренным способом, щадя мирное население.

Данные о том, какое впечатление произвели всплески американской активности на Гитлера, пока не вышли наружу. Не исключено, что они укрепили нацистов в намерении обходиться «сдержанно» с Англией и Францией в начальной фазе войны (директива № 2 Гитлера от 3 сентября 1939 г.).

2 сентября Г. Вильсон по поручению премьера известил германское посольство: рейх может обрести желаемое, если остановит военные действия против Польши. «Британское правительство готово (в этом случае) все забыть и начать переговоры». В планах Чемберлена не значилось силовое воздействие на Германию. Экономическое давление должно было вернуть «заблудших» на праведный путь — к формированию «новой Европы» с Англией и Германией в качестве ее опор. В письме Рузвельту 5 ноября 1939 г. Чемберлен выражал уверенность в скором окончании войны. Не потому, что Германия будет побеждена, а потому, что немцы поймут, что в войну можно обнищать.

Берлин не внял уговорам Альбиона. Гитлеру требовался не политический успех, но военный триумф. «Жизненное пространство» добывается мечом, а не по чьей-то милости. Для этого он, фюрер, должен безраздельно владеть инициативой, и благодаря ему Германия по праву сильнейшего перехватит жезл «умиротворителя». Возможно, с поблажками для «расово родственной Британии».

Чемберлену и Галифаксу тяжело давалось признание краха не только собственной политики, но несостоятельность всей стратегии правителей страны после Первой мировой. Под давлением палаты общин премьер объявил Германии войну. В тот же день войну объявил и Париж. Польско-германский конфликт разрастался до уровня мирового.

Первое аутентичное известие о перезагрузке советско-германских отношений японцы получили вечером 21 августа в телефонном разговоре Риббентропа с послом Осимой. Для завязавшегося на солидарность с рейхом руководства Японии это было потрясением. Оно деформировало антикоминтерновскую конструкцию. Вера Токио в стратегическое партнерство с Германией была подорвана неизлечимо. Правительство Хиранумы ушло в отставку. В платформе нового кабинета масштабная агрессия против СССР сдвигалась на неопределенное время. 16 сентября японцы официально уведомили Москву о прекращении ими военных действий в пределах Монголии. Н. Стариков усматривает взаимосвязь этой даты с днем

вступления советских войск в Западную Украину и Белоруссию — 17 сентября¹⁴.

Определенные основания так считать имеются. Факт остается фактом, что попытки немцев в несколько заходов (3, 8, 14 сентября) подтолкнуть советскую сторону выйти на линию размежевания советско-германских интересов, прочерченную в секретном протоколе, Москва отводила под разными предложениями. Советские представители подчеркивали, что если соединения Красной Армии будут задействованы, это произойдет с политической, но не с военной мотивировкой¹⁵.

Последнее никак не было лишним. В критическую для будущих отношений неделю 17–24 сентября Рузвельт и его госсекретарь Хэлл определились: переход советскими войсками восточной границы Польши, установленной Рижским мирным договором 1921 г., не следует квалифицировать как акт войны. По соображениям долговременного порядка на СССР не были распространены требования эмбарго, предусмотренные законом о нейтралитете в части продаж оружия и военных материалов. С 5 сентября запреты и ограничения такого рода применялись строго (на

бумаге) к Германии и формально (подвешены заказы) к Англии и Франции.

Лондон и Париж не враз условились, как квалифицировать пересечение Красной Армией границы 1922 года. Розыску взвешенного суждения помогло исправление наскоро прочерченного 23 августа водораздела «сфер интересов». Новым секретным протоколом от 28 сентября за эталон бралась «линия Керзона», проведенная в декабре 1919 г. верховным советом Антанты в качестве восточной границы Польши.

Ратифицировав без 5 минут 12 пакт о ненападении с Германией, СССР избежал 1 сентября 1939 г. быть ввергнутым в омут без дна. Ничего утешительного, однако, новый военно-политический ландшафт Москве не сулил. Даже в среднесрочной перспективе. Не совсем утраченная свобода маневрирования угасла прежде, чем удалось вкушать от ее плодов. Оставалось довольствоваться одним — драгоценным временем, жизненно необходимым для подготовки страны к грядущим испытаниям. В их роковой неизбежности не могло быть сомнений.

¹ К. Хэлл, госсекретарь США с 1933 по 1944 г., оставил потомкам наставление: «Мы всегда должны помнить, что своей героической борьбой против Германии русские, очевидно, спасли союзников от сепаратного мира. Такой мир унизил бы союзников и открыл двери для следующей тридцатилетней войны». Хэлл не привязывает эту констатацию к конкретному событию или дате. Все говорит за то, что идея сепаратной сделки долго висела в воздухе, и камнем преткновения оказались устойчивость нацистского «нового порядка» и неудачи с покушениями на фюрера.

² В эскадрилье им. Костюшко, ею командовал полковник армии США Фаунтлерой, служили сплошь американские летчики.

³ Стариков Н. Кто заставил Гитлера напасть на Сталина. Питер. 2008. С. 235–236.

⁴ Сведения, которые Э. Ганфштенгль воспроизвел в своих книгах «Мой друг Адольф, мой враг Гитлер» и «Гитлер. Потерянные годы», подтверждаются другими источниками.

⁵ Рейхсканцлер Папен умищивал Эррио в награду за списание репарационных обязательств немцев возможностью заключения «антикоммунистического договора», налаживания сотрудничества генеральных штабов, учреждения таможенного союза и пр.

⁶ В сентябре 1930 г. группа японских военных создала тайное «Общество цветения вишни». Его участники и покровители нацеливались на установление в стране военной диктатуры и развертывание во вне агрессии первоначально против Китая (захват Маньчжурии) и Монголии. Намеченный на 12 марта 1931 г. мятеж оказался излишним ввиду прихода к власти нового правительства, в котором ключевые посты оказались у генерала Минами и его сторонников, связанных с экстремистами.

⁷ Договор, подписанный 06.02.1922 г. представителями США, Англии, Японии, Франции, Италии, Бельгии, Голландии, Португалии и Китая, обязывал его участников не нарушить суверенитет, независимость, территориальную и административную неприкосновенность Поднебесной при соблюдении «равенства открывающихся в Китае возможностей для торговли и промышленности всех наций» (принцип «открытых дверей»).

⁸ Подробнее см.: Морозов С. В. К вопросу о роли Японии в восточных планах Гитлера и Пилсудского. Сокращенный вариант исследования опубликован в «Международной жизни» № 1–2, 2007.

⁹ Фляйшхауэр И. Пакт. Гитлер, Сталин и инициативы германской дипломатии 1938–1939. М., 1991. С. 23.

¹⁰ Celowski B. Das Muenchener Abkommen. Stuttgart. 1958. S. 32.

¹¹ Знаковые подробности польской позиции сообщает С. В. Морозов в своем исследовании «Польско-чехословацкие отношения 1933–1939». М.: Издательство МГУ, 2004.

¹² Приведенные выше сведения о подходе Лондона к переговорам с СССР почерпнуты из рассекреченных протоколов заседаний британского кабинета и документов, добытых советской разведкой.

¹³ Фляйшхауэр И. Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии 1938–1939. М., 1991. С. 422.

¹⁴ Стариков Н. Указ. соч. С. 294–295.

¹⁵ Одна из редакций такой мотивировки гласила: «Дальнейшее продвижение германских войск побуждает заявить — Польша разваливается, СССР ввиду этого вынужден прийти на помощь украинцам и белорусам, которым угрожают немцы». Сия редакция вызвала возмущение у Риббентропа.

Антигитлеровская коалиция: достижения и проблемы союзнического партнерства

М. А. Мунтян*

Образование и принципы деятельности Антигитлеровской коалиции

Пожар мировой войны только начинал разгораться в его глобальном варианте, когда лидеры Антигитлеровской коалиции стали задумываться о вариантах послевоенного урегулирования. Атлантическая хартия с этой точки зрения представляла собой документ, в котором Рузвельт и Черчилль объявляли о плане совершенно нового мира, перестроенного на принципах:

- отказа от захвата чужих территорий;
- права народов самим избирать форму правления;
- обеспечения доступа на равных основаниях к мировым рынкам торговли и сырья;
- неприменения силы в международных отношениях;
- разоружения государств-агрессоров;
- установления мира, гарантирующего безопасность всех народов, и т. д.

В целом провозглашенные западными лидерами демократические цели войны хотя и выявили в процессе их выработки серьезные расхождения в их трактовке, тем не менее получили широкое международное признание. В поддержку Атлантической хартии в общих чертах высказались в сентябре 1941 г. на межсоюзнической конференции в Лондоне представители СССР, эмигрантских правительств Бельгии, Нидерландов и других оккупированных европейских стран. Они согласились в качестве краеугольного камня нового международного порядка считать разделение всех стран мира на «агрессоров», которые должны были быть принудительно разоружены на бессрочной основе (Германия, Италия, Япония) и «миролюбивые государства», которым планировалось позволить сохранить вооруженные силы, но в значительно сокращенных размерах. Летом–осенью 1941 г. политическая консолидация антифашистских

сил нашла свое выражение также в установлении Советским Союзом дипломатических отношений с эмигрантскими правительствами Польши, Чехословакии, Югославии, Норвегии и с правительствами ряда нейтральных стран.

В геополитике термином «международный порядок» определяется, как правило, состояние системы международных отношений, ее структура, иерархия и соотношение сил государств, действующих в данной системе. А. Д. Богатуров, например, понимает под таким порядком концепцию системы международных отношений, регулируемых:

- а) совокупностью принципов внешнеполитического поведения;*
- б) конкретными установлениями, производными от общепризнанных принципов;*
- в) набором признаваемых моральными и допустимыми санкций по отношению к их нарушителям;*
- г) потенциалом стран и/или институтов, уполномоченных эти санкции осуществлять;*
- д) политической волей стран, использующих этот потенциал.*

Термин «международный порядок» широко используется для характеристики ведущих тенденций в межгосударственных отношениях, отношениях «государства — транснациональные организации» и т. д.

В продолжительном радиообращении к американскому народу 27 мая 1941 г. президент США Ф. Рузвельт перевел геополитические цели участия его страны в мировой войне в морально-ценностные категории. «Мы не примем мир, — утверждал он, — где бы господствовал Гитлер. И мы не примем мир, подобный послевоенному миру 1920-х гг., где бы можно было вновь посеять и взрастить семена гитлеризма. Мы примем только такой мир, который будет предан свободе слова и самовыражения, свободе каждого почитать Бога собственным путем, свободе от нужды

* Михаил Алексеевич Мунтян — доктор исторических наук, профессор, шеф-редактор журнала «Вестник МГИМО — Университета».

и свободе от страха». Эта концепция «четырех свобод» стала впоследствии идеологическим образом мира в духе идеализма В. Вильсона, прикрывавшего американский экспансионизм в реализации собственных геополитических интересов¹.

Антигитлеровская коалиция — военно-политическая коалиция государств и народов, боровшихся во Второй мировой войне против агрессивного блока Германии, Италии, Японии и их сателлитов. К концу войны в коалицию входили более 50 государств. Ведущую роль в ней играли ее организаторы — Великобритания, США и СССР, которые внесли решающий вклад в разгром фашистской Германии и милитаристской Японии. Потребности коллективного отпора агрессорам в реальных условиях драматически разворачивавшейся глобальной схватки с фашизмом превратили Антигитлеровскую коалицию в закономерное, продиктованное самой жизнью явление. Этапы становления этого коалиционного объединения самым непосредственным образом были связаны с падением гитлеровской Германии на Советский Союз:

- 22.06.1941 г. У. Черчилль в выступлении по радио заявил: «В истории страны не было более последовательного противника большевизма, чем я, но сейчас Гитлер хочет уничтожить великую русскую державу и надеется, в случае успеха, отозвать с востока главные силы своей армии и авиации и бросить их на наш остров. Его вторжение в Россию — лишь прелюдия к вторжению на Британские острова. Поэтому опасность, угрожающая России, — это опасность, грозящая и нам, и Соединенным Штатам... Вот почему Великобритания окажет России и русскому народу всю помощь, какую только сможет»². Уже 12.07.1941 г. в Москве было подписано «Соглашение между правительствами СССР и Великобритании о совместных действиях в войне против Германии», заложившее начало документального закрепления формировавшейся коалиции;
- позиция США в связи с нападением Германии на СССР была озвучена в заявлении государственного департамента, которое 23 июня зачитал на пресс-конференции С. Уэллес. В качестве основного в этом документе ставился вопрос, будет ли сорван гитлеровский план завоевания мира. 24.06.1941 г. о поддержке СССР в войне против Германии высказался и президент США Ф. Рузвельт. В июле 1941 г. Советский Союз посетил Г. Гопкинс, личный друг и советник Рузвельта. Этот визит способствовал тому, что 2 августа состоялся обмен нотами между правительствами СССР и США о продлении на год действия американо-советского торгового соглашения и об экономическом содействии со стороны США Советскому Союзу в борьбе против фашистской агрессии³;
- правительство СССР в трагически складывавшихся обстоятельствах начала войны с германским агрессором высказалось за сближение

с западными демократиями. В обращении к советскому народу 3 июля 1941 г. И. В. Сталин провозгласил одной из целей войны создание единого фронта народов для противодействия Гитлеру. В обращении «историческое выступление» британского премьер-министра и декларация правительства США были названы документами, «которые могут вызвать лишь чувства благодарности в сердцах народов Советского Союза»⁴; 18 июля 1941 г. СССР предложил правительствам Чехословакии и Польши, находившимся в изгнании в Лондоне, заключить соглашения о борьбе с общим врагом, что и было реализовано 18.07 и 20.07. В первом из этих документов СССР признавал Чехословацкую республику в ее домюнхенском статусе, чего не сделали до этого Великобритания и США⁵; во втором документе Советское правительство признавало утратившими силу советско-германские договоры о территориальных переменах, касавшихся довоенной Польши⁶;

- в августе 1941 г., заключив Атлантическую хартию с Великобританией, США фактически перешли черту, отделявшую их от участия в мировой войне. На Московской трехсторонней конференции (29 сентября — 1 октября 1941 г.) представители СССР, США и Великобритания достигли договоренности о военных поставках Советскому Союзу на период с 1 октября 1941 г. по 30 июня 1942 года. Планировалось ежемесячно поставлять СССР 400 самолетов, 500 танков, 152 зенитных и 750 противотанковых орудий, 200 противотанковых ружей, а также другие виды вооружения, военной техники, сырье, продовольствие. 11 июня 1942 г. в Вашингтоне было заключено соглашение между СССР и США «О принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии». По условиям этого соглашения на Советский Союз распространялось действие американского закона о ленд-лизе, принятого в марте 1940 года. Согласно этому закону поставки для военных нужд не подлежали оплате, а поставки для удовлетворения гражданских потребностей оплачивались полностью или частично за счет американских кредитов. Советский Союз по ленд-лизу получил грузов на сумму 11 млрд. долларов. Правительство Советского Союза по этому соглашению принимало на себя обязательство содействовать укреплению обороны США. Стороны также договорились о принципах взаимной помощи в ведении войны против агрессоров⁷;
- 26 сентября 1941 г. СССР признал генерала Ш. де Голля и возглавляемую им организацию «Свободная Франция» как главную французскую силу в борьбе против Германии и предложил оказать им помощь и поддержку в восстановлении независимости страны;

- в этом же месяце в Лондоне состоялась межсоюзная конференция с участием СССР, Бельгии, Чехословакии, Греции, Польши, Голландии, Норвегии, Югославии, Люксембурга, выразивших согласие с принципами Атлантической хартии, высказавшихся за концентрацию военных и экономических ресурсов для быстрого освобождения народов Европы от фашистского господства. По требованию Советского правительства в документ была внесена поправка, согласно которой участники хартии гарантировали право каждого народа устанавливать общественный строй по своему усмотрению⁸;
- 01.01.1942 г. в Вашингтоне представителями 26 государств Антигитлеровской коалиции была подписана Декларация Объединенных Наций. Согласно этому документу государства-участники обязывались использовать все свои военные и другие ресурсы для борьбы против стран-агрессоров и не заключать с ними сепаратного мира или перемирия;
- 26.05.1942 г. в Лондоне был заключен советско-британский договор о союзе в войне с фашистской Германией. В первой его части были изложены широкие обязательства обеих сторон по оказанию взаимной военной и иной помощи в антигитлеровской войне и зафиксирован отказ от вступления в какие-либо сепаратные переговоры с Германией. Вторая часть договора определяла взаимоотношения двух стран на 20 лет послевоенного периода, предусматривая двустороннее сотрудничество по сохранению международного мира и сопротивлению любым проявлениям агрессии⁹;
- 11.06.1942 г. посол СССР в США М. М. Литвинов и госсекретарь США К. Хэлл подписали в Вашингтоне межправительственное соглашение о принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии. Этим документом процесс формирования Антигитлеровской коалиции был в основном завершен.

Атлантическая хартия формально все же не являлась союзным договором, но она завершила процесс договорного оформления ядра Антигитлеровской коалиции. В ней были определены основные цели и программа действий англо-американо-советской коалиции:

- уничтожение фашизма;
- восстановление демократических свобод;
- освобождение поработанных народов;
- право каждого народа устраивать свою жизнь самостоятельно;
- экономическая помощь пострадавшим от войны народам.

Развитие отношений между странами ядра коалиции осуществлялось в различных формах. В годы войны впервые в истории СССР завязалась регулярная переписка главы Советского правительства

с президентами США и премьер-министрами Великобритании по широкому кругу европейской и мировой политики. Под руководством «Большой тройки» были проведены главные международные конференции, сыгравшие весьма значительную роль в победоносном завершении борьбы с блоком агрессивных государств. Особое значение приобрели контакты советских руководителей с президентом Рузвельтом, с разделявшими его взгляды американскими политиками и дипломатами. Рузвельт трезво оценивал национальные интересы США и роль СССР в войне, как никто другой, стремился поддерживать с Советским Союзом стабильные, рассчитанные на длительную перспективу отношения, он положительно оценивал возможности советско-американского сотрудничества. Его усилия в налаживании совместной работы, по убеждению американского историка У. Кимболла, давали пример «большого здравомыслия, чем враждебность, конфронтационный подход»¹⁰. Это была рузвельтовская «кооперативная» (в духе сотрудничества), не всегда последовательная и выдержанная, политика в отношении СССР.

Сфера сотрудничества СССР, США, Великобритании и других держав Антигитлеровской коалиции во время войны была весьма широкой:

- они нашли общую почву для организации и координации совместных действий против Германии, а затем и против Японии;
- договорились относительно условий, на которых действие закона о ленд-лизе было распространено и на СССР;
- выработали общую политику в отношении вывода из войны Италии, Венгрии, Румынии, Финляндии — союзников гитлеровской Германии;
- договорились о поддержке национально-освободительной борьбы народов оккупированных гитлеровцами европейских стран;
- сформулировали и одобрили основные принципы Организации Объединенных Наций как всемирного органа по обеспечению коллективной безопасности;
- пришли к соглашению об основных условиях послевоенного мирного урегулирования и т. д.

Проблема открытия второго фронта

Решению этих и других задач были подчинены деятельность союзников на конференциях министров иностранных дел, встречах руководителей ведущих держав Антигитлеровской коалиции — Московской (1941 г.), Тегеранской (1943 г.), Крымской (1945 г.), Потсдамской (1945 г.). Тесное деловое сотрудничество великих держав по важнейшим проблемам военного и политического плана не обходилось без трудностей, столкновения интересов, разногласий, которые нередко принимали резкий и острый характер. Это относилось и к реально преследовавшимся ими целям участия в войне, и к проблематике открытия второго фронта в Европе, и к проблеме основного

бремени войны, легшего на СССР, и к принципам мирного переустройства Европы, и к вопросу установления прочного демократического послевоенного мира, и т. д.

Советский Союз был жизненно заинтересован в открытии второго фронта в Европе, и этот вопрос стал одной из основных проблем межсоюзных отношений в период с 1941 по 1944 год. Впервые вопрос об открытии второго фронта был поставлен в послании И. В. Сталина У. Черчиллю 18 июля 1941 года. В нем говорилось, что положение Советского Союза и Великобритании значительно бы улучшилось, если бы был создан фронт против Гитлера на западе (Северная Франция) и на севере (Арктика). Это заставило бы Гитлера оттянуть силы с востока и сделало бы невозможным его вторжение в Англию. «Легче всего, — говорилось в послании, — было бы создать такой фронт именно сейчас, когда силы Гитлера отвлечены на оосток и когда Гитлер не успел еще занять на востоке позиции»¹¹. Но на обращение Сталина Черчилль дал отрицательный ответ. «Начальники Генеральных штабов, — писал он, — не видят возможности сделать что-нибудь в таких размерах, чтобы это могло принести Вам хоть самую малую пользу»¹².

3 сентября 1941 года Сталин вновь обратился к Черчиллю с предложением открыть второй фронт, что могло бы оттянуть с востока, по мнению советского руководителя, 30–40 немецких дивизий, но Черчилль и на этот раз ответил отказом¹³. Он отказался рассмотреть инициативу СССР, что дало возможность Гитлеру с декабря 1941 по апрель 1942 г. перебросить на советско-германский фронт 30 дивизий и 6 отдельных бригад, в том числе 17 дивизий из Франции. К лету 1942 г. на советско-германском фронте было сосредоточено 237, а к осени — 266 вражеских дивизий¹⁴.

После вступления США в войну с Германией вопрос о втором фронте стал предметом также и советско-американских переговоров. В отличие от Черчилля, Рузвельт первоначально выступал за скорейшее открытие второго фронта. В марте 1942 года он заявил советскому послу в США М. М. Литвинову, что готов для этого послать американские войска в Англию. Американский президент в начале апреля 1942 года попросил направить советских представителей для рассмотрения вопроса об сроках открытия второго фронта¹⁵. 20 апреля 1941 г. в ответном послании Сталин согласился с его предложением. Он информировал президента США, что советские представители посетят также и Лондон для обмена мнениями по этому вопросу с британским правительством¹⁶.

В мае 1942 г. в Англию и США на специальном военном самолете был направлен В. М. Молотов. В Лондоне состоялись его переговоры с руководителями британского правительства, в результате которых 26 мая 1941 г. был подписан договор о союзе

в войне против гитлеровской Германии и ее союзников и о сотрудничестве после окончания войны¹⁷. На британо-советских переговорах обсуждался и вопрос об открытии второго фронта. Обмен мнениями был продолжен в Вашингтоне, где была достигнута договоренность в отношении неотложных задач по созданию второго фронта в 1942 году. Такое же обязательство взяло на себя и английское правительство, но выполнять его оно не собиралось.

В меморандуме от 10 июня 1942 г. правительство Великобритании заявило, что второй фронт будет открыт не в 1942, а в 1943 году. Как свидетельствует американский историк Р. Шервуд, Черчилль приложил много усилий для того, чтобы убедить Рузвельта отказаться от открытия второго фронта в Европе и заменить его высадкой союзных войск в Африке, что и было осуществлено в декабре 1942 года¹⁸. Это стало первым этапом реализации так называемого балканского варианта второго фронта, за который ратовал Черчилль. Вторым его этапом стала высадка союзных войск в Италии летом 1943 года. План предусматривал выход союзных войск на границы СССР, но был сорван наступлением советских войск в Центральной и Юго-Восточной Европе летом и осенью 1944 года.

18 июля 1942 г. Черчилль направил очередное послание Сталину. В нем сообщалось, что союзники в 1942 г. открыть второй фронт не смогут. В ответном послании Сталина в самой резкой форме говорилось: «Я должен самым категорическим образом заявить, что советское правительство не может примириться с откладыванием организации второго фронта в Европе на 1943 год»¹⁹. Чтобы объяснить свой отказ, Черчилль в августе 1942 года направился в Москву. В переговорах Черчилля и Сталина участвовал посол США в Советском Союзе А. Гарриман.

13 августа 1942 г. Сталин вручил Черчиллю и Гарриману меморандум, в котором подчеркивалось, что в 1942 г. создаются наиболее благоприятные условия для открытия второго фронта, так как «все крупные германские силы, причем лучшие силы, отвлечены на Восточный фронт... Поэтому Советское правительство считает, что именно в 1942 г., возможно, и следует открыть второй фронт в Европе». В ответ Черчилль адресовал Сталину 14 августа 1942 г. памятную записку, в которой сообщал, что в 1942 г. начнется операция «Факел» в Северной Африке, а вторжение на европейский континент состоится весной 1943 г. силами 27 американских и 21 британской дивизии. Гарриман полностью поддержал Черчилля²⁰.

Оттягивание открытия второго фронта в Европе объяснялась желанием правительств Великобритании и США ослабить и обескровить Советский Союз, которому выпала львиная доля усилий в борьбе против гитлеровской Германии. Союзники же стремились приберечь свои собственные силы, чтобы использовать их на завершающем этапе войны

и продиктовать Советскому Союзу собственные условия послевоенного урегулирования. С этой целью союзники не только не открыли второй фронт в 1943 г., но и не выполняли обязательств по доставке материальной помощи Советскому Союзу, ссылаясь на то, что союзные морские караваны несут при доставке грузов большие потери. Второй фронт в июне 1944 г. был открыт только тогда, когда стало ясно, что Красная армия в состоянии самостоятельно освободить всю Европу, что в планы Великобритании и США не входило.

По мере изменения положения дел на фронтах Второй мировой войны в пользу стран Антигитлеровской коалиции первоначально провозглашенные цели СССР — отпор германскому агрессору и помощь в освобождении поработанных народов, Великобритании — сохранение и упрочение мировых позиций за счет разгрома основных конкурентов, США — распространение в мире «четырех свобод» — свободы слова, вероисповедания, свободы от нужды и от страха перед захватническими войнами — стали наполняться, подменяться геополитическими компонентами или расчетами, в связи с чем расхождения между союзниками стали расширяться и углубляться. Сталин и Черчилль все более стали мыслить категориями контроля над территориями, именно в этом усматривая основную цель при формировании облика послевоенного мира. Рузвельт, не отказываясь от идеи «четырех полицейских», вместе с тем все более уверенно стал разыгрывать в политической борьбе такие американские преимущества, как геополитическое положение, огромная армия, гигантское промышленное производство, сеть военно-воздушных и военно-морских баз на других континентах и т. д.

Генри Киссинджер, характеризуя образ мыслей каждого из руководителей трех ведущих стран Антигитлеровской коалиции, писал: «Черчилль хотел восстановить традиционное равновесие сил в Европе. Это означало бы перестройку Великобритании, Франции и даже побежденной Германии таким образом, чтобы они вместе с Соединенными Штатами способны были противостоять советскому колоссу на востоке. Рузвельт представлял себе послевоенный порядок таким образом, что три победителя плюс Китай будут действовать в качестве всемирного совета директоров, силой обеспечивая мир и ограждая его от посягательств любого потенциального злоумышленника, каким он считал прежде всего Германию. Эта точка зрения стала известна как теория „четырех полицейских“. Подход Сталина отражал сплав коммунистической идеологии и традиционной российской внешней политики. Он стремился получить наличными за победу его страны и распространить русское влияние на Центральную Европу. И он еще намеревался превратить страны, завоеванные советскими войсками, в буферные зоны для защиты России от будущей германской агрессии»²¹.

СССР и послевоенный международный порядок

Сталин выступил инициатором обсуждения будущего устройства мира в декабре 1941 г., когда Москву посетил министр иностранных дел Великобритании Энтони Иден. Затем повторил попытку в мае 1942 г., направив с этой целью в Лондон и Вашингтон министра иностранных дел СССР В. М. Молотова. Но Рузвельт категорически отказался обсуждать задачи мирного времени уже на этом этапе, к нему, явно вынужденно, присоединился Черчилль.

Официальная советская программа послевоенного переустройства мира была изложена в докладе И. В. Сталина 6 ноября 1943 г. о 26-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Программа предусматривала:

- освобождение народов Европы от фашистского ига и оказание им содействия в воссоздании своих национальных государств;
- предоставление освобожденным народам полного права и свободы самим решать вопрос о своем государственном устройстве;
- суровое наказание виновников войны;
- создание необходимых условий для предотвращения новой агрессии со стороны Германии;
- организацию длительного экономического, политического и культурного сотрудничества народов Европы.

Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании

Еще до провозглашения этой программы вопросы ведения войны и послевоенного устройства мира обсуждались на Московской конференции министров иностранных дел трех держав (19–30 октября 1943 года). Основным на конференции был вопрос о сокращении сроков войны, поставленный советской делегацией уже на первом заседании. Делегация Советского Союза выразила сожаление по поводу того, что второй фронт не был открыт в 1943 г., и выразила надежду на его открытие весной 1944 года. Это и было зафиксировано министрами в специальном протоколе²².

Конференция рассмотрела целый ряд конкретных проблем послевоенного устройства мира. Главное внимание при этом было уделено германскому вопросу. Еще 27 ноября 1941 г. У. Черчилль в беседе с И. М. Майским поставил вопрос о разделе Германии на ряд самостоятельных государств, а 7 декабря 1941 г. он заявил, что прежде всего необходимо отделить Пруссию от остальной Германии. Планы раздела Германии разрабатывались и в США. У Советского Союза не было планов расчленения Германии. Сталин в приказе 23 февраля 1942 г. по случаю очередной годовщины рождения Красной Армии заявил, что «титлеры приходят и уходят, а народ германский, государство германское остается». Эта позиция была повторена советской делегацией на Московской кон-

ференции, которая приняла решение создать Европейскую консультативную комиссию (ЕКК) в Лондоне с целью изучения ею европейских вопросов в послевоенный период. ЕКК должна была консультировать правительства трех держав по этим вопросам.

Конференция приняла декларацию о всеобщей международной безопасности. Она объявила, что будет создана международная организация для поддержания мира и безопасности, членами которой могут быть все миролюбивые государства, как большие, так и малые. В декларации провозглашалось, что в послевоенный период четыре державы не будут применять военных средств при решении спорных вопросов без взаимных консультаций, что они будут сотрудничать друг с другом в целях регулирования вооружений. Декларация, таким образом, наметила основные принципы будущей Организации Объединенных Наций²³.

Конференция «Большой тройки» в Тегеране

Московская конференция министров иностранных дел СССР, Великобритании и США подготовила условия для встречи руководителей трех держав антигитлеровской коалиции в Тегеране. Накануне конференции В. М. Молотов сообщил Гарриману, что в целях обеспечения безопасности американского президента Сталин предлагает, чтобы Рузвельт остановился в советском посольстве в Тегеране. Президент США на это согласился, так как хотел пообщаться со Сталиным в неформальной обстановке. Тегеранская конференция проходила с 28 ноября по 1 декабря 1943 года. Это была первая коллективная встреча лидеров антифашистской коалиции. Она проходила в довольно сложной обстановке, связанной с тем, что Великобритания и США не выполнили своих обязательств об открытии второго фронта в Европе ни в 1942, ни в 1943 г., что ставило Красную Армию в исключительно тяжелое положение. Поэтому вопрос о втором фронте стал важнейшим вопросом повестки дня Тегеранской конференции.

Политические и военные деятели США и Великобритании понимали, что в связи с успехами Красной Армии, которая доказала свою способность освободить не только советскую землю, но и всю Европу от фашизма, далее оттягивать открытие второго фронта нельзя. Тем не менее они продолжали тактику затяжек и проволочек, что выявилось уже в первый день встречи в Тегеране, когда состоялась встреча военных представителей трех держав. Глава британской делегации генерал А. Брук заявил, в частности, что операция «Оверлорд» (открытие второго фронта в Европе) может быть проведена не ранее чем через 6 месяцев. До этого предполагалось активизировать военные действия на Средиземном море (имелась в виду подготовка условий для осуществления балканского варианта второго фронта).

Западные военные делали особый упор на то, что для форсирования пролива Ла-Манш не хватает десантных судов. Об операции «Оверлорд» военным

договориться не удалось, и этот вопрос был перенесен на заседание глав правительств. Здесь выяснилось, что США и Великобритания не только не готовы к началу операции, но даже не назначили командующего союзными войсками, что вызвало недоумение Сталина. Дело в том, что он настаивал на начале операции «Оверлорд» в апреле–мае 1944 года. Чтобы рассеять подозрения Сталина, через четыре дня после окончания конференции, 5 декабря 1943 г., имя командующего было названо — им стал американский генерал Д. Эйзенхауэр.

Но на конференции Черчилль заявил о том, что обязательства открыть второй фронт весной 1944 г. взять на себя не сможет. Он предложил провести операцию в августе, когда она могла сорваться из-за плохой погоды. Только когда Сталин, обращаясь к Молотову и Ворошилову, сказал: «Идемте, нам здесь делать нечего, у нас много дел на фронте», — Рузвельт предложил прервать заседание, вместе пообедать, а затем уже решить вопрос о дате высадки во Франции. На следующий день перед пленарным заседанием Сталин встретился с Черчиллем и сумел убедить его, что операцию «Оверлорд» надо начинать весной 1944 года. Решение об этом было принято и осуществлено, правда, с некоторым опозданием. Второй фронт был открыт 6 июня 1944 года²⁴.

30 ноября 1943 г. участники конференции торжественно отметили 69-летие У. Черчилля, а в последний день ее работы обсуждались вопросы о Польше, послевоенном устройстве Германии (планы ее раздела Сталиным были отвергнуты), о создании международной организации, которая должна была обеспечить международную безопасность после окончания войны. Участники конференции приняли решение о передаче Кенигсберга Советскому Союзу. Союзники обещали после окончания войны предоставить СССР кредиты на сумму 8–10 млрд. долларов без каких-либо политических условий и передать ему 1/3 трофейного итальянского флота.

Получив в ходе конференции конкретный ответ о сроках высадки британо-американских войск в Северной Франции, Сталин на вопрос Рузвельта о вступлении Советского Союза в войну с Японией ответил: «Мы пока не можем присоединить своих усилий к усилиям наших англо-американских друзей, потому что наши силы заняты на западе и у нас не хватает сил для каких-либо операций против Японии... Для наступательных операций эти силы надо увеличить по крайней мере втрое. Это может иметь место, когда мы заставим Германию капитулировать. Тогда — общим фронтом против Японии».

Тегеранская конференция проходила в обстановке абсолютной секретности. 2 декабря 1943 г. ее участники покинули иранскую столицу. 7 декабря 1943 г. сообщение о конференции и ее документы были опубликованы. В Тегеранской декларации говорилось: «Мы выражаем нашу решимость в том, что наши страны будут работать совместно как во время

войны, так и в послевоенное мирное время. Мы прибыли сюда с надеждой и решимостью и уезжаем отсюда действительными друзьями по духу и цели».

В том, что конференция закончилась успешно, была большая заслуга президента США Ф. Д. Рузвельта. Как отмечал видный отечественный историк и публицист, переводчик Сталина на конференции трех держав военного периода В. М. Бережков, Рузвельт проявил реалистический подход. Он пришел к выводу, что советская система способна защитить себя, что Советский Союз выйдет из войны достаточно сильным, чтобы оказывать существенное влияние на международную обстановку. Отсюда стремление президента воспользоваться личной встречей со Сталиным для создания деловой, даже доверительной атмосферы, причем не только в вопросах ведения войны, но и в выработке механизма послевоенного сотрудничества.

После окончания Тегеранской конференции в 1944 г. Красная Армия развернула мощные наступательные операции на всем протяжении советско-германского фронта. В результате ее 10 ударов немцы были изгнаны почти со всей территории Советского Союза, началось освобождение от фашистского ига народов Европы. Стал фактом развал фашистского блока. Еще в 1943 г. из него вышла Италия, объявившая войну Германии. В мае 1943 г. правительства СССР, США и Великобритании обратились к правительствам Венгрии, Румынии, Финляндии и Болгарии с предложением прекратить войну на стороне Германии.

Кризис и распад блока агрессоров

Стойкость советского народа и героическая борьба его вооруженных сил заставила европейских союзников Германии уже с начала 1942 г. искать запасные варианты самосохранения:

- в Румынии с ведома диктатора И. Антонеску начала действовать группа англофилов во главе с министром иностранных дел М. Антонеску. По его поручению известный румынский дипломат Г. Гафенку действует в Швейцарии, пытаясь «добиться от англичан понимания ситуации, в которой находится Румыния»;
- венгерский диктатор Хорти 9 марта 1942 г. отказывается от услуг преданного гитлеровцам премьер-министра Л. Бартоши и на его место назначает М. Каллаи, который не скрывал, что ставка только на «немецкую карту» во внешней политике страны является недальновидной;
- германское посольство в Риме в июле 1942 г. сообщало в Берлин, что в настроениях правящей верхушки страны растет убеждение в том, что Италия должна искать пути к «достижению компромиссного мира». Дело дошло до того, что 5 ноября 1942 г. германскому послу Г. Макензену о необходимости заключить мир с СССР заявил уже сам Б. Муссолини²⁵;

— в Финляндии даже преданные сторонники Германии в 1942 г. начали приходить к мысли, что Финляндия должна искать «защиту не только у Германии, но и у США и Англии».

19 ноября 1942 г. началось мощное контрнаступление Красной Армии под Сталинградом, которое завершилось разгромом не только 4-й и 6-й танковых немецких армий. Были разбиты также 3-я и 4-я румынские и 8-я итальянская армии. В январе 1943 г. под ударами советских войск развалилась и венгерская 2-я армия. Между высшими государственными и военными инстанциями Третьего рейха и его союзниками начались серьезные распри в связи с поиском виновников тяжелейшего поражения. Румыния и Венгрия значительно активизировали поиски путей заключения сепаратного мира с Великобританией и США²⁶. Отказываясь, однако, от ведения переговоров об урегулировании отношений с Советским Союзом, они обрекали свои усилия по поиску мира на неуспех. В Финляндии маршал Г. Маннергейм проводит 3 февраля 1943 г. с президентом К. Рюти и некоторыми членами правительства совещание, которое приняло решение о необходимости вывода страны из войны²⁷.

Под ударами вооруженных сил СССР и в связи с высадкой англо-американских союзников в Южной Италии, отстранением от власти 25 июля Б. Муссолини и подписание правительством П. Бадольо «Кратких условий перемирия» с США и Великобританией начался развал блока агрессоров во главе с Германией. Тем не менее, когда 13 мая 1944 г. правительства СССР, США и Великобритании совместно обратились к Венгрии, Румынии, Болгарии и Финляндии с предложением выйти из войны на стороне Германии, они его отвергли. Более того, пытаясь как-то отсрочить неминуемое поражение, они увеличили численность своих войск на советско-германском фронте. Если к концу 1943 г. здесь действовала одна (10 дивизий), то летом 1944 г. — две румынские армии (22 дивизии и 5 бригад). Весной 1944 г. Венгрия выставила на Восточный фронт одну армию (12 дивизий и 2 бригады) и в августе–сентябре — еще две армии (19 дивизий и 2 бригады). Финляндия на северном крыле фронта постоянно держала не менее 19 дивизий²⁸.

В создавшейся ситуации заставить этих союзников Германии отказаться от продолжения войны смогли только открытие Великобританией и США второго фронта в Нормандии и новые сокрушительные удары Красной Армии:

- 10 июля 1944 г. советские войска начали наступление на Карельском перешейке, которое завершилось освобождением почти всей Карелии. Финское правительство вступило в переговоры и 19 сентября в Москве подписало соглашения о перемирии с СССР, Великобританией и США;
- окружение и разгром крупной группировки немецких и румынских войск в районе Ясс и Кишинева в августе 1944 г. привело к краху дик-

таторского режима И. Антонеску в Румынии. Ситуацию в Румынии изменили действия королевского двора и народное восстание в Бухаресте 23 августа 1944 года. Фашистское правительство было свергнуто, Румыния обратилась к союзникам с просьбой о заключении перемирия, что и было осуществлено 12 сентября 1944 года;

- в ходе освобождения Румынии соединения Красной Армии вышли к болгарской границе. Советское правительство 8 сентября 1944 г. объявило войну профашистскому режиму Болгарии, который был сметен 9 сентября народным восстанием. 28 сентября 1944 г. с Болгарией было подписано соглашение о перемирии;
- аналогичное соглашение было заключено и с Венгрией (20 января 1945 года)²⁹.

Во всех этих соглашениях содержались постановления о демократизации общественной жизни стран бывшего фашистского блока, о запрещении в них фашистских организаций и о возмещении ущерба тем странам, на территории которых воевали войска этих государств. Румыния и Болгария объявили Германии войну, их военные соединения приняли активное участие в антигитлеровских военных операциях на заключительном этапе Второй мировой войны. К концу 1944 г. Германия фактически потеряла всех своих европейских союзников. Оставалась лишь Япония, но и она давно уже была в глухой обороне и чем-либо серьезно помочь Гитлеру не могла. После капитуляции Германии 15 мая 1945 г. Япония объявила утратившими силу Пакт трех держав от 27 сентября 1941 г., германо-итало-японское военное соглашение от 11 декабря 1941 г. и Антикоминтерновский пакт, что означало официальное прекращение существования блока стран-агрессоров³⁰.

Решение югославского, польского и французского вопросов

В 1944 г. у «Большой тройки» возникли сложности при решении югославской проблемы. Советский Союз оказывал поддержку народно-освободительному движению Югославии. В 1943 г. СССР признал возглавляемый И. Броз Тито Национальный комитет освобождения Югославии (НКОЮ), который руководил национально-освободительной борьбой югославских народов, в качестве основного представителя страны. Что же касается Великобритании и США, то они поддерживали короля Петра и югославское эмигрантское правительство в Каире, а внутри страны — генерала Д. Михайловича, войска которого боролись против югославских партизан. Советские войска вместе с отрядами югославских партизан освободили в октябре 1944 года Белград, столицу Югославии. Более или менее устраивавшее все стороны решение югославской проблемы было найдено в феврале 1945 г. на Ялтинской конференции лидеров «Большой тройки»³¹.

В июне–июле 1944 г. советские войска вступили на территорию Польши. На освобожденной территории были созданы новые органы власти — Крайова Рада Народова и Польский комитет национального освобождения (ПКНО) в Люблине. Наряду с ними существовало польское эмигрантское правительство, которое имело свои вооруженные силы (Армию Крайову). Именно оно подняло 1 августа 1944 г. восстание в Варшаве с целью обеспечить свое возвращение в Варшаву до освобождения польской столицы Красной армией, войска которой уже вышли к Висле. Они должны были пополниться людьми, восполнить арсеналы боевой техники и вооружения, подвезти боеприпасы, так как большие потери в ходе предыдущих операций не позволили им с ходу преодолеть эту водную преграду и продолжить наступательные действия в направлении Варшавы.

3 и 9 августа 1944 г. в Москве состоялись беседы И. В. Сталина с С. Миколайчиком, который заменил на посту главы польского эмигрантского правительства В. Сикорского, погибшего в 1943 г. в авиакатастрофе. Миколайчик информировал Сталина о своем намерении отправиться в Варшаву и создать там правительство из представителей четырех партий, которые поддерживали польское эмигрантское правительство, и представителей ПКНО. Он также просил Сталина и Молотова помочь восставшим жителям Варшавы. Помощь была обещана и оказывалась путем сброса с 21 сентября 1944 г. военных грузов с самолетов. 16 августа 1944 г. И. В. Сталин обратился к Черчиллю с гневным посланием, в котором возложил на британское правительство всю ответственность за варшавскую авантюру³².

В августе и октябре 1944 г. в Москве состоялись переговоры представителей ПКНО и польского эмигрантского правительства. Октябрьские переговоры шли с участием У. Черчилля, который в это время находился в советской столице и встречался со Сталиным. Переговоры результатов не дали, так как эмигрантское правительство настаивало на своих прежних требованиях (возвращение Польше Вильнюса и Виленского края, а также Львова). Советское правительство и ПКНО на это согласия не дали. После московских переговоров ПКНО был преобразован во Временное правительство Польши. 4 января 1945 г. это правительство было признано Советским Союзом³³, что не мешало американцам и англичанам на всех последующих встречах и конференциях поднимать вопрос о его легитимности. Камнем преткновения стал и вопрос о границах Польши как на востоке, так и на западе страны.

После открытия второго фронта и освобождения Франции США и Великобритания отказались допустить к управлению страной Французский комитет национального освобождения (ФКНО) во главе с Ш. де Голлем. Вопреки позициям Лондона и Вашингтона, СССР 23 октября 1944 г. признал Временное правительство Франции, в которое был

преобразован ФКНО. 10 декабря 1944 г., во время визита де Голля в Москву, был подписан советско-французский договор о союзе и взаимопомощи. В нем были провозглашены решимость обоих государств принимать все необходимые меры для устранения любой исходящей от Германии военной угрозы и оказывать друг другу помощь и поддержку, если одна из договаривающихся сторон будет вовлечена этой страной в военные действия.

Образец союзнического поведения

Успехи Красной Армии создали благоприятные возможности для военных операций союзников на западе после открытия второго фронта. Но эти возможности полностью использованы не были. В конце декабря 1944 г. немцы начали контрнаступление в Арденнах, причем положение союзных войск оказалось настолько катастрофическим, что Черчилль 6 января 1945 г. был вынужден обратиться к Советскому Союзу с отчаянным призывом о помощи. В послании Сталину британский премьер писал, что на западе идут тяжелые бои и в любое время от Верховного командования могут потребоваться большие решения. Черчилль просил сообщить ему, «можем ли мы рассчитывать на крупное русское наступление на фронте Вислы или где-нибудь в другом месте в течение января».

7 января 1945 г. Сталин ответил Черчиллю. В послании Сталин отмечал, что погода не благоприятствовала проведению активных операций, но, учитывая тяжелое положение союзников на Западном фронте, ставка Верховного главнокомандования решила оказать им помощь. Был отдан приказ ускоренными темпами закончить подготовку и начать широкие наступательные операции против немцев по всему фронту не позднее второй половины января³⁴. 12 января 1945 г. началось наступление советских войск по фронту от Балтики до Карпат. Немцы были вынуждены перебросить на Восточный фронт две танковые армии. Их наступление на Западном фронте было сорвано. Успешное наступление Красной армии, безукоризненное выполнение советским руководством своего союзнического долга, новое соотношение сил на международной арене создали благоприятные условия для деятельности советской дипломатии на Крымской (Ялтинской) конференции.

В заботах о будущем мироустройстве

После Сталинградской битвы и Курско-Орловской операции Сталин уже не сомневался в том, какой будет судьба интересовавшей его Восточной и Центральной Европы. Но он не просто «передоверил формирование облика послевоенного мира авангардам собственных армий», как об этом писал Г. Киссинджер, но и вменил всей советской дипломатии задачу укрепления международных позиций СССР, и в первую очередь в указанном регионе. Черчилль подчинил британскую дипломатию маневри-

рованию между США и СССР, которые, как он считал, угрожали Британии с разных сторон:

- а) приверженность Рузвельта принципу самоопределения колониальных народов являлась вызовом и предreshала судьбу Британской империи;
- б) выдвижение Советского Союза в центр Европы грозило подорвать основы европейской политики Великобритании, на которых базировалась безопасность страны.

Этим обусловливалась последовательная борьба Черчилля за балканский вариант открытия второго фронта в Европе, чтобы, наступая с Балкан, отсесть «русских от Центральной Европы». Именно из-за этого в конце войны он требовал от Д. Эйзенхауэра освободить от нацистов Берлин, Прагу и Вену еще до подхода советских войск. Этой же цели — ограничить послевоенное влияние русских в Европе, следовал У. Черчилль, предпринимая в октябре 1944 г. известную попытку напрямую и сепаратно договориться со Сталиным о судьбе Восточной Европы. Он составил проект договоренности о разделе сфер влияния на Балканах и в Дунайском бассейне, предусмотрев разграничение сфер влияния в форме процентов.

И хотя Сталин молча принял написанные на бумажной салфетке цифры, события в этой части Европы складывались таким образом, что уже к началу Ялтинской конференции союзников в феврале 1945 г. от договоренностей между Черчиллем и Сталиным фактически ничего не осталось. Рузвельт же к концу войны имел за своей спиной, как писал американский историк Артур Шлессинджер, «укрепленный плацдарм» в виде «огромной армии, сети военных баз на других континентах и американской монополии на атомную бомбу»³⁵. Используя сложившуюся ситуацию, Соединенные Штаты активизировали политику, нацеленную на установление выгодного прежде всего для них нового мирового порядка. Концепция «четырех полицейских», выдвинутая Рузвельтом, свидетельствовала отнюдь не об идеализме президента США, как утверждает и сегодня большая часть американских исследователей, а о точном и прагматичном политическом расчете, основанном на анализе соотношения сил мировых держав после победы.

Конференция в Ялте

Делегации США и Англии на Крымской конференции поставили вопрос о создании в Центральной и Юго-Восточной Европе федеративных объединений из числа малых и средних государств. Советская делегация выступила против этих проектов. Она заявила об опасности искусственного прикрепления малых стран к группировкам, запланированного без участия заинтересованных народов. В. М. Молотов подчеркнул при этом, что попытки создания всякого рода федераций по решению эмигрантских правительств, не выражающих волю своих народов, означали бы навязывание решений, не соответствующих

ших желаниям народов. Советское руководство понимало, что создание федераций и конфедераций в Центральной и Юго-Восточной Европе означало бы восстановление «санитарного кордона» против СССР, и старалось не допустить этого. С этой целью Советское правительство пыталось воспрепятствовать возвращению эмигрантских правительств в страны Центральной и Юго-Восточной Европы. 25 апреля 1943 г. Советский Союз даже разорвал отношения с польским эмигрантским правительством. Поводом к этому стало его требование восстановить границы послевоенной Польши в соответствии с Рижским договором 1921 г., что означало бы возвращение Польше Западной Украины и Западной Белоруссии.

В 1948 г. в своих мемуарах бывший главнокомандующий англо-американскими войсками на европейском театре военных действий генерал Дуайт Эйзенхауэр писал: «Название почти каждой из малых стран Восточной Европы напоминает о крушении наших целей»³⁶. Эта пессимистическая оценка была связана с провалом политической стратегии западных держав, вновь рассматривавших Восточную Европу «прежде всего в качестве плацдарма у западных границ Советского Союза»³⁷.

После войны стало широко известно, что в Лондоне и Вашингтоне в 1941–1944 гг. строились различные планы создания подконтрольных им «блоков государств от берегов Балтики до Адриатического и Черного морей»³⁸.

Джон Монтгомери, один из трех американских послов, аккредитованных в Венгрии в межвоенный период, вспоминал в своих мемуарах: «Президент Рузвельт придерживался мнения, что ликвидация Австро-Венгерской монархии после Первой мировой войны явилась самым тяжелым промахом руководителей мирных переговоров. У него был план создания Дунайской федерации или нескольких конфедераций, с помощью которых он хотел объединить весь район Дуная»³⁹.

Для рассмотрения проектов разного рода геополитических объединений в Восточной Европе правительство США создало в феврале 1942 г. Консультативный комитет по послевоенной внешней политике. В своей деятельности этот комитет тесно сотрудничал с созданным примерно в то же время Восточноевропейским планирующим советом, в который вошли представители эмигрантских групп из стран Восточной Европы. Значительное влияние на работу этих двух органов оказывал известный идеолог паневропейского движения Р. Куденхов-Калерги, в годы войны преподававший историю в Нью-Йоркском университете.

Широкая деятельность по проектированию различного рода союзов, федераций и конфедераций в Европе в целом, и в ее восточной части в первую очередь, была развернута в Лондоне. Как писал английский историк Е. Л. Вудворт, «Форин-офис... рассматривал возможность создания двух конфедераций — одной

в Центральной Европе и другой — в Юго-Восточной, которые бы охватывали страны, лежащие между Германией и Италией, с одной стороны, и Россией и Турцией — с другой»⁴⁰. В процессе работы рождались идеи относительно более мелких объединений, но все они, включая и «Восточно-Европейскую федерацию», и «Центральный союз»⁴¹ и «Великую Дунайско-Балканскую федерацию»⁴², рассматривались как составные части Соединенных Штатов Европы.

Проект создания СШЕ был изложен У. Черчиллем в октябре 1942 года в секретном меморандуме, направленном членам английского военного кабинета и правительству США. В письме к А. Идену он следующим образом характеризовал сущность своего проекта: «Было бы неизмеримой катастрофой, если бы русское варварство подавило культуру и независимость древних государств в Европе... Я надеюсь на создание в будущем Соединенных Штатов Европы, при которых барьеры между нациями будут сведены к минимуму... Я надеюсь увидеть создание Совета, состоящего, возможно, из 10 членов, включая бывшие великие державы и несколько конфедераций — скандинавскую, дунайскую, балканскую и др. Европа является нашей первой заботой, и мы, конечно, не хотим смыкаться с русскими и китайцами»⁴³.

На Тегеранской конференции 1943 г.⁴⁴ руководители ведущей тройки держав Антигитлеровской коалиции в вопросе о послевоенном мирном урегулировании сумели договориться только о полной демилитаризации Германии и о зонах оккупации в этой стране, согласившись более детально обсудить проблематику европейского мирного урегулирования на следующей встрече. Кроме того, в самый последний день конференции Рузвельт согласился со сталинским предложением сдвинуть границы Польши на запад «даже к реке Одер» и заметил, что не собирается давить на Сталина в отношении балтийских стран, если там будут проведены плебисциты относительно их вхождения в СССР. К моменту Ялтинской конференции, которая состоялась 15 месяцев спустя, ситуация весьма значительно изменилась в пользу Советского Союза. Г. Киссинджер не без оснований отмечал, что если в 1941 г. главной заботой советского руководства было укрепление западных границ страны, то в 1945 г. «ею стал политический контроль над территориями, находившимися за пределами этих границ»⁴⁵.

Особо же следует подчеркнуть, что главные цели участников конференции в Ялте были разными. Рузвельт жаждал утвердить важный для американцев порядок голосования в ООН, которая должна была взять на себя все бремя забот о коллективной безопасности и добиться участия СССР в войне с Японией. Сталин дал втянуть себя в дискуссию по обоим вопросам, так как:

— во-первых, тем самым удавалось уходить от обсуждения проблем Восточной Европы, уже фактически подконтрольной Красной Армии;

— во-вторых, он был уверен, что только участие в разгроме Японии даст возможность воспользоваться победой для территориальных приобретений.

Один Черчилль настойчиво пытался повернуть и Рузвельта, и Сталина в сторону европейских проблем. Он, заручившись поддержкой Сталина, ибо такое решение соответствовало советским интересам, инициировал обсуждение вопроса о признании Франции великой державой. Рузвельт, продемонстрировав последовательно антидеголлевскую настроенность, остался в этом вопросе в одиночестве. Английский лидер думал прежде всего о выгодном для Англии будущем соотношении сил в Европе. Этим объяснялось и его стремление ограничить чрезмерные, как казалось Черчиллю, претензии Советского Союза относительно величины причитающихся ему репараций.

Конференция в Ялте началась с обсуждения военных вопросов. Доклады о положении на фронтах сделали начальники генеральных штабов вооруженных сил СССР и США А. И. Антонов и Д. Маршалл. После этого Черчилль предложил, чтобы военные занялись обсуждением своих вопросов отдельно, пока главы государств будут обсуждать вопросы политические. 5 февраля обсуждался вопрос о будущем Германии после ее безоговорочной капитуляции, 6 февраля — послевоенное устройство мира, польский вопрос, условия вступления Советского Союза в войну против Японии⁴⁶. На Ялтинской конференции Сталин чувствовал себя хозяином положения. И не только потому, что являлся руководителем принимающей страны. Но и потому, что лучше своих собеседников был подготовлен к обсуждению поднимавшихся на конференции вопросов, связанных не только с завершением войны, но и с послевоенным устройством мира. А главное — его войска реально штурмовали центр Европы.

На Крымской конференции вновь был поднят вопрос о разделе Германии на несколько частей. Американцы предлагали рассмотреть два варианта расчленения: на восточное, западное и южное государства, с чем в 1944 г. выступил заместитель государственного секретаря США С. Уэллес; или, в соответствии с планом министра финансов США Г. Моргентау, на два государства с полной ликвидацией промышленного потенциала. В связи с отрицательным отношением Советского Союза к планам расчленения Германии этот вопрос был снят с повестки дня. В мае 1945 г. в речи по случаю Дня Победы И. В. Сталин заявил, что Советский Союз не собирается ни уничтожать, ни расчленять Германию.

Конференция утвердила условия принудительной капитуляции Германии и ее оккупации войсками трех союзных держав. Основной целью оккупации и союзного контроля было уничтожение германского милитаризма и нацизма, обеспечение гарантий того, чтобы Германия никогда больше не была в состоянии нарушить мир. Были утверждены разработанные

Европейской консультативной комиссией (ЕКК) проекты соглашений о зонах оккупации Германии и об управлении «Большим Берлином», о союзном контрольном механизме в Германии. Хотя в течение всей войны США и Великобритания противились допуску Франции в число держав-победительниц с равными правами, Сталину удалось добиться того, чтобы Франции была выделена специальная оккупационная зона, а ее представитель вошел в Контрольный совет по Германии. Последний на основе единогласия его членов должен был вырабатывать совместные решения по военным, политическим, экономическим и иным вопросам, контролировать действия германской администрации, если она будет создана, руководить межсоюзной комендатурой «Большого Берлина», куда 4 июля 1945 г. вступили американские и британские, а 12 августа — французские войска.

Репарации с Германии было решено взимать в трех формах:

- *одновременного изъятия из национального богатства Германии в течение двух лет ее военного потенциала;*
- *ежегодных товарных поставок;*
- *использования германского труда.*

Учреждалась межсоюзная комиссия по репарациям из представителей трех союзных держав. Общая сумма репараций должна была составить 20 млрд. долларов, Советскому Союзу предназначалась половина этой суммы. Но британская делегация не присоединилась к этому предложению.

Большое внимание на конференции уделялось польскому вопросу. Было решено, что советско-польская граница пройдет в основном по «линии Керзона» с отклонениями от нее в пользу Польши на 5–8 км. Черчилль был вынужден согласиться на границы 1941 г. для СССР, хотя в сентябре 1941 г. Великобритания вступила в войну с Германией, чтобы отстоять территориальную целостность Польши. Но когда обсуждался вопрос о западной границе Польши, делегации США и Великобритании выступили против установления ее по линии Одер-Нейссе. И все-таки в ходе дискуссии Рузвельт и Черчилль были вынуждены согласиться на перемещение западной границы Польши на реки Одер и Нейссе. Черчилль при этом понимал, что такое решение данного вопроса явно снижало «вес» Германии в балансе сил в послевоенной Европе. Острые разногласия возникли и по вопросу о составе польского правительства. Западные делегации были против признания Временного правительства Польши, но согласились на признание при условии реорганизации Временного правительства путем включения в него демократических деятелей Польши и поляков из-за границы.

Советская делегация в Ялте определила срок (два–три месяца после окончания войны в Европе) и условия вступления СССР в войну против Японии. Так как Черчилль считал Дальний Восток в основном «американским делом», то и секретный протокол

с указанием территорий, которые должны были отойти СССР после его вступления в войну с Японией, был воспринят им без каких-либо эмоций. «Для нас проблема была далекой и второстепенной», — комментировал Черчилль этот эпизод позднее. Согласившись на Ялтинской конференции вступить в войну с Японией «через два или три месяца после капитуляции Германии», Сталин потребовал и получил американское согласие на то, что СССР включит в зону своего влияния Внешнюю Монголию, присоединит Южный Сахалин и возвратит себе Курильские острова. Кроме того, американцы согласились с тем, что СССР получит для военно-морской базы Порт-Артур, будет совместно с китайской стороной осуществлять управление КВЖД и Южно-Маньчжурской железнодорожной веткой⁴⁷.

Крымская конференция приняла «Декларацию об освобожденной Европе». В ней говорилось о праве народов Европы создавать демократические учреждения по их собственному выбору, уничтожении на континенте остатков нацизма, о единстве трех держав в решении важных международных вопросов в послевоенный период⁴⁸. Некоторые современные авторы считают этот документ уступкой Сталина своим западным союзникам в Ялте. Советский руководитель, давая обещание действовать в указанном регионе в соответствии с принятыми демократическими принципами, явно имел в виду советскую версию свободных выборов и правительств, которые имеют право называться демократическими лишь в том случае, если состоят из коммунистов. И когда на деле была реализована демократия «по-сталински» в Восточной Европе, США и Великобритания почитали это достаточным предлогом для того, чтобы организовать «сопротивление советскому экспансионизму» в форме растянувшейся более чем на четыре десятилетия «холодной войны».

Итоговым документом конференции стало заявление «Единство в организации мира, как и в ведении войны». Руководители трех держав согласились сохранять и развивать сотрудничество, которое сложилось во время войны, и в мирный период. Для практического решения проблем сотрудничества и международных проблем предусматривался созыв совещаний министров иностранных дел трех держав каждые три–четыре месяца⁴⁹.

В целом итоги Крымской конференции были крупным политическим и дипломатическим успехом Советского Союза. США и Англия пошли на уступки СССР в ряде принципиальных вопросов. Они не могли не считаться с ростом международного авторитета СССР и были заинтересованы в участии Советского Союза в войне против Японии. После Крымской конференции Советский Союз упрочил свои позиции в Центральной и Юго-Восточной Европе. 11 и 25 апреля 1945 г. были подписаны договоры с Югославией и Польшей о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве⁵⁰.

Милован Джилас утверждал, что Сталин поделился с ним в частной беседе следующей мыслью: «Война теперь не такая, как в прошлом. Тот, кто занимает территорию, вводит на ней свою собственную социальную систему. Каждый вводит свою систему везде, куда может дойти его армия. Иначе и быть не может»⁵¹. Если Джилас был точным в передаче того, чем делился с ним советский руководитель, то Сталин был не совсем корректным, говоря об изменении характера современных ему войн. Он просто перевел на геополитический язык принцип «*cojux regio, ejus religio*»⁵², зафиксированный Аугсбургским мирным договором в 1555 г. и означавший приоритет светской власти по отношению к церковной в католических государствах Европы.

Однако укрепление международных позиций СССР не устраивало западные державы и их руководителей У. Черчилля и Г. Трумэна, который после смерти Ф. Д. Рузвельта 12 апреля 1945 года стал президентом США. Западными державами был предпринят ряд акций, которые должны были, по их расчетам, лишить Советский Союз плодов грядущей победы:

- Лондоном разрабатывались планы захвата британо-американскими войсками Берлина, хотя по решению Крымской конференции германская столица входила в советскую зону оккупации Германии;
- 25 апреля 1945 года министр иностранных дел Великобритании А. Иден передал американскому посольству в Лондоне ноту, в которой предлагал занять Прагу, чтобы укрепить западное влияние в Чехословакии;
- 30 апреля 1945 года уже Черчилль направил письмо Трумэну с предложением о захвате чехословацкой столицы и большей части территории Чехословакии;
- весной 1945 года представители США и Германии (А. Даллес и К. Вольф) вели тайные переговоры, на которых обсуждалась возможность односторонней, лишь перед США и Англией, капитуляции Германии и заключения сепаратного мира;
- уже после окончания войны Черчилль дал указание фельдмаршалу Монтгомери собирать оружие на полях сражений и снабжать им капитулировавшие германские войска, чтобы использовать их в новой войне против СССР, в случае если советские войска перейдут границы зоны разграничения союзных войск в Германии.

В конце 90-х годов XX века в английской печати были опубликованы совершенно секретные документы, более полувека хранившиеся в закрытых британских архивах. В них содержались сведения о планах наступательной операции американских и британских вооруженных сил при поддержке 100-тысячного контингента поверженной Германии против советских войск, дислоцировавшихся на территории от Гамбурга до Триеста. Цель этой операции, которая должна была начаться 1 июля 1945 г., состояла

не только в том, чтобы выбить советские войска из Европы, но и навсегда покончить с «угрозой западной цивилизации со стороны агрессивных большевиков». Черчилль, автор этого плана, оправдывал эту чудовищную затею неверием в то, что советские войска останутся в пределах тех границ, которые были определены решениями Крымской конференции и не пойдут далее на запад. К счастью, этот план был признан нецелесообразным и опасным, поскольку Красная армия более чем вдвое превосходила по своей численности западные войска в Европе и могла ответить на их удар адекватными действиями⁵³.

Кроме того, в США на заключительном этапе войны в Европе заканчивались работы по созданию атомной бомбы, которая была испытана 16 июля 1945 года. Применение атомного оружия, по замыслам американского руководства, должно было стать не столько последним актом Второй мировой войны, сколько первым актом «холодной войны» против Советского Союза. Следует при этом отметить, что элементы «холодной войны» проявлялись в политике определенных кругов западных держав еще на заключительном этапе Второй мировой войны, что создавало подозрительность, неуверенность и настороженность в отношениях между союзниками, затрудняя организацию будущего послевоенного сотрудничества, способствуя созданию той атмосферы, в которой затем и возникла «холодная война».

Конференция в Потсдаме

Планы определенных сил на Западе минимизировать плоды победы над фашизмом для СССР были сорваны весной 1945 г. успешными Берлинской и Пражской операциями Красной Армии. Капитуляция Германии заставила руководителей Великобритании и США пойти на выполнение решений Крымской конференции. Они выступить с инициативой созыва новой конференции руководителей трех держав. Идея созыва конференции принадлежала У. Черчиллю, но взял на себя ее подготовку президент США Г. Трумэн. Конференция получила кодовое название «Терминал», то есть конечный пункт. Как рассчитывал Черчилль, она должна была стать последней станцией на совместно пройденном с Советским Союзом в годы войны пути. По предложению Сталина конференцию решено было провести в Потсдаме, во дворце Цецилиенгоф — резиденции прусских королей⁵⁴.

К 2 июля 1945 г. подготовка к конференции была завершена, но ее открытие задержалось в связи с парламентскими выборами в Великобритании. Тем не менее она началась 17 июля 1945 г., то есть до британских выборов, которые состоялись 25 июля. На время выборов в работе конференции был объявлен перерыв, а 28 июля кресло главы британской делегации занял К. Эттли, одержавший на выборах победу. На конференции состоялось 13 официальных заседаний и ряд неофициальных встреч. Каждое утро для работы собирались министры иностран-

ных дел, а вечером — главы делегаций. Специальной повестки дня не было. Председательствовал на конференции Г. Трумэн. Конференция закончилась 2 августа 1945 года⁵⁵.

Особенность третьей (и последней) встречи руководителей ядра Антигитлеровской коалиции заключалась в том, что она состоялась после окончания войны в Европе, отличалась по составу участников, имела солидный задел как по ведению войны, так и по послевоенному устройству мира. Участникам конференции надо было лишь подтвердить и конкретизировать ранее принятые решения. Но это оказалось нелегким делом, ибо руководители США и Великобритании пытались пересмотреть ряд достигнутых ранее соглашений, в связи с чем на конференции шла острая дипломатическая борьба, особенно по германскому вопросу.

Планы полной демилитаризации и демократизации Германии уже не устраивали западных политиков. Они вновь, как в Тегеране и Ялте, подняли вопрос о разделе Германии на несколько государств. После того как западные политики поняли, что довоенный режим в Польше не будет реставрирован, они стали подвергать сомнению легитимность ялтинских договоренностей о западных и восточных границах этой страны. Еще до конференции руководители США и Англии приняли решение осуществлять жесткий курс в отношении Советского Союза, похоронить идею сотрудничества с ним после войны, с позиции силы диктовать Советскому Союзу свою волю. Но сразу же после окончания войны такой курс вряд ли был бы одобрен общественным мнением их стран. Да и в самом правительстве США еще оставались люди, верные стратегическому внешнеполитическому курсу Ф. Д. Рузвельта и открыто возражавшие против разрыва сотрудничества с Советским Союзом. Сталин, в свою очередь, не терял надежд на сохранение сотрудничества с Западом в послевоенный период и не афишировал планов советизации стран Центральной и Юго-Восточной Европы. В этих странах были созданы коалиционные правительства с участием не только коммунистов, но и социал-демократов, представителей буржуазных партий, которые функционировали до 1947–1948 гг., то есть до второго этапа так называемых народно-демократических революций.

Главное место в работе Потсдамской конференции занял германский вопрос. Речь шла о том, чтобы осуществить демократизацию Германии, вырвать корни германского милитаризма и реваншизма, разоружить германский капитализм экономически и политически. Все это было зафиксировано в соглашении о «политических и экономических принципах, которыми нужно руководствоваться при обращении с Германией в начальный контрольный период»⁵⁶. Участники конференции договорились о запрещении нацистской партии, роспуске нацистских учреждений, запрете нацистской и милитаристской пропа-

ганды. Было принято решение о том, чтобы рассматривать Германию как единое экономическое целое, развивать ее мирную промышленность и сельское хозяйство, ликвидировать германские монополии.

Участники конференции подписали соглашение о репарациях. Репарационные претензии Советского Союза должны были быть удовлетворены за счет изъятия материальных ценностей из советской зоны оккупации Германии и германских активов за границей. Из западных зон оккупации Советский Союз должен был получить 15% комплектного промышленного оборудования в обмен на поставки продовольствия из советской зоны. Из своей доли репараций СССР должен был удовлетворить репарационные претензии Польши⁵⁷. Потсдамским соглашением были установлены новые границы Польши по Одру — Нейссе. Было принято решение о переселении немецкого населения с западных земель Польши, из Чехословакии, Венгрии и Кенигсберга, который отходил к Советскому Союзу. Конференция учредила Совет министров иностранных дел (СМИД), уполномоченный подготовить проекты мирных договоров с Италией, Румынией, Болгарией, Венгрией, Финляндией и мирного урегулирования с Германией⁵⁸.

Все эти вопросы решались в острой политической борьбе между участниками конференции. В ходе ее работы со стороны Запада была предпринята попытка политического шантажа Советского Союза. 21 июля Трумэн в присутствии Черчилля информировал Сталина об испытании американской атомной бомбы. Президент США сообщил Сталину о том, что США обладают оружием необычайной разрушительной силы. В ответ на это Сталин пожал плечами, удалился в свои апартаменты и приказал позвонить в Москву и потребовать от И. В. Курчатова ускорить работу по созданию советской атомной бомбы⁵⁹.

На Потсдамской конференции советская делегация подтвердила свое данное в Крыму обязательство вступить в войну с Японией. 5 апреля 1945 г. СССР года объявил о денонсации советско-японского пакта о нейтралитете, а 9 августа 1945 г. Советский Союз вступил в войну против Японии. Для СССР она продолжалась 25 дней и свелась в основном к разгрому Квантунской армии в Маньчжурии. До этого 6 и 9 августа 1945 г. США сбросили на Хиросиму и Нагасаки атомные бомбы, хотя это и не вызывалось военной необходимостью. 3 сентября 1945 г. на борту крейсера «Миссури» японцы подписали акт о капитуляции. Это означало, что Вторая мировая война закончилась⁶⁰.

Решения Ялтинской и Потсдамской конференций подвели политические итоги войны. Их положительное значение состояло в том, что были четко определены условия, при выполнении которых стала бы невозможной новая агрессия со стороны Германии, а сама Германия должна была сохранить свое единство, стать демократическим, демилитаризован-

ым, миролюбивым государством. Однако эта часть ялтинско-потсдамских решений не была выполнена. После окончания Второй мировой войны произошел раскол Германии, Федеративная Республика Германия вошла в НАТО, что вызвало в качестве ответных мер создание Организации Варшавского договора, сооружение Берлинской стены, что резко обострило обстановку в центре Европы.

Другой стороной ялтинско-потсдамских решений и созданной ими системы послевоенных международных отношений стало то, что судьбы народов Европы и всего мира решались только главами трех держав — победительниц во Второй мировой войне, без участия других государств, а нередко и вопреки их национальным интересам. При решении национально-территориальных вопросов в Ялте и Потсдаме были заложены политические мины замедленного действия, которые серьезно отравили взаимоотношения между государствами, особенно в Центральной и Юго-Восточной Европе, в послевоенный период.

Такой подход трех держав-победительниц должно было нейтрализовать создание Организации Объединенных Наций (ООН) 25 апреля 1945 года. Это был день, когда советские и американские войска встретились на Эльбе, что стало символом их совместной борьбы в годы Второй мировой войны. Конференция по выработке Устава ООН завершилась 26 июня 1945 года. Устав ООН подписали 50 государств, которые стали учредителями этой организации. Устав ООН после его ратификации участниками конференции вступил в силу 24 октября 1945 года. Эта дата была объявлена Днем ООН. Создание этой организации по обеспечению международной безопасности явилось достойным завершением Второй мировой войны и давало надежду на то, что народы земного шара будут жить в мире и не допустят развязывания новых войн.

Предложения по созданию ООН были подготовлены в Думбартон-Оксе — пригороде Вашингтона — во время конференции, которая проходила в августе — сентябре 1944 года. Конференция проходила в обстановке острой политической борьбы, особенно вокруг вопроса о порядке голосования в Совете Безопасности ООН. Западные державы выступали против принципа единогласия постоянных членов Совета Безопасности, но в результате твердой позиции советской делегации в Думбартон-Оксе (ее возглавлял А. А. Громыко) и в Сан-Франциско, где советскую делегацию возглавлял В. М. Молотов, принцип единогласия был одобрен.

Вторая мировая война закончилась, создав геополитический вакуум глобального масштаба. Равновесие сил в мире было разрушено, перестали существовать в качестве великих держав Германия и Япония, были повержены их союзники Италия, Финляндия, Румыния, Болгария, Венгрия, подорваны государственные силы Греции, Югославии, Чехословакии, Польши. Практически вся Европа лежала в руинах,

ождая мира для собственной реанимации. Резко ослабели все мировые колониальные империи, судьба которых зависела от масштабности и радикализма национально-освободительной борьбы зависимых народов. На этом фоне выделялись две державы, вышедшие из Второй мировой войны более могучими, чем вступали в нее. США, обретя военные базы по всему миру, обеспечив военно-стратегическое господство в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Западной Европе, производя почти половину мировой промышленной продукции, да к тому же обладая монополией на атомное оружие, превратились в сверхдержаву, геополитические интересы которой приобрели планетарный характер.

Такой же статус обеспечил себе и Советский Союз благодаря контролю над тотальным пространством, занимавшим большую часть Евразийского континента. Этот контроль подкреплялся огромной и хорошо вооруженной армией, сумевшей одолеть первоклассный в военном отношении германский вермахт и армии гитлеровских союзников, объединением «под крылом» России всех славянских народов и установлением лояльных режимов в Восточной Европе. Советский Союз в то время представлял

в мировом общественном мнении как ведущая сила Антигитлеровской коалиции, внесшая основной вклад в победу над фашизмом. СССР представлялся участникам этой коалиции как мощное, централизованно управляемое государство, которое способно мобилизовать огромные материальные и людские ресурсы для решения различных, в том числе и геополитических, проблем.

Мир после Второй мировой войны из многополярного превратился в биполярный. «Союзники на время войны» стали соперниками, превратив весь земной шар в арену политико-идеологического противоборства и военного противостояния. Реалии новой международной системы требовали серьезного геополитического осмысления, для чего пришлось ревизовать некоторые базовые установки этой научной дисциплины, что проявилось в новом обличье ревизионистской геополитики. Антигитлеровская коалиция сумела обеспечить победу над фашистской Германией и милитаристской Японией, показав широкие возможности демократического сотрудничества среди большинства государств мира. Она прекратила свое существование с началом «холодной войны», не выдержав испытания миром.

¹ Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. С. 363.

² Gilbert M. Winston S. Churchill. Vol. 3–8. L., 1971–1988. Vol. 6. P. 1118–1119.

³ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца. Т.1. М., 1958. С. 547.

⁴ Документы внешней политики СССР. Т. XXIV. М., 2000. С.103.

⁵ См.: История внешней политики СССР. Т.1. М., 19 . С. 435.

⁶ Там же.

⁷ Там же, с. 436–440.

⁸ См.: Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны. Т.1. М., 1946. С. 164, 165.

⁹ Советско-английские отношения в период Великой Отечественной войны. 1941–1945. Документы и материалы. В 2-х т. М., 1983. Т. 1. С. 237–240.

¹⁰ Kimball W. F. The Juggler: Franklin Roosevelt as Wartime Statesman. Princeton. N.Y., 1992. P. 200.

¹¹ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Т.1. М., 1957. С. 11.

¹² Там же, с. 12.

¹³ Там же, с. 20.

¹⁴ История внешней политики СССР. Т.1 С. 442.

¹⁵ Переписка... Т.2. М., 1958. С.21.

¹⁶ Там же, с. 21–22.

¹⁷ Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны. Т.1. С. 271–272.

¹⁸ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца. Т.2. С.219.

¹⁹ Переписка... Т.1. С. 51, 54.

²⁰ История внешней политики СССР. Т.1. С. 446.

²¹ Киссинджер Г. Дипломатия, с. 363.

²² История внешней политики СССР. Т.1. С. 450.

²³ Там же, с. 451–454.

²⁴ Бережков В. М. Страницы дипломатической истории. М., 1987. С.460.

²⁵ История Второй мировой войны. 1939–1945. М., 1975. Т.5. С. 101.

²⁶ Лебедев Н. И. Крах фашизма в Румынии. М., 1970. С. 335; Пушкаш А. И. Венгрия в годы Второй мировой войны. М., 1966. С. 186.

²⁷ Юссилла О. и другие. Политическая история Финляндии. 1809–1995. / Пер. с фин. М., 1998. С. 120.

²⁸ См.: Мировые войны XX века. Кн. 3. Вторая мировая война. Исторический очерк. М., 2000. С. 289.

- ²⁹ См.: История дипломатии. Т. IV. М., 1975. С. 456, 477.
- ³⁰ Хаттори Т. Япония в войне 1941–1945 гг. / Сокр. пер. с яп. М., 1973. С. 534.
- ³¹ История внешней политики СССР. Т. 1. С. 468.
- ³² Там же, с. 468–450.
- ³³ Там же, с. 470.
- ³⁴ Переписка... Т. 1, с. 298–299.
- ³⁵ Там же, с. 368.
- ³⁶ Eisenhower D. Crusade in Europe. N.Y. 1948. P. 519.
- ³⁷ Орлик И. И. Империалистические державы и Восточная Европа. М., 1968. С. 32.
- ³⁸ Forthnightly (London). October 1941. N 893. P. 360.
- ³⁹ Montgomery G.F. Hungry. The Unwilling Satellite. N.Y. 1947. P. 215.
- ⁴⁰ Woodward E.L. British Foreign Policy in the Second World War. London. 1962. P. 437.
- ⁴¹ Harrison G., Gordon R. The Central Alliance. L., 1943. P. 21. 29 января 1942 года газета «Таймс» писала о том, что в Восточно-Европейскую федерацию должны были войти все шесть балканских государств — Албания, Болгария, Греция, Румыния, Турция и Югославия, Центральный же союз должен был включать все восточноевропейские государства, в том числе Латвию, Литву и Эстонию.
- ⁴² Ibidem. В начале января 1942 года в Англии был создан специальный комитет экспертов, который уполномочивался подготовить все документы для реализации этого объединения.
- ⁴³ Churchill W. The Second World War. L., 1954. Vol. IV. P. 504.
- ⁴⁴ Киссинджер Г. Указ. раб., с. 371.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Бережков В. М. Указ. раб., с. 491–495, 501–502, 506–507.
- ⁴⁷ Джонсон П. Современность, т.1. С. 490–491.
- ⁴⁸ Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны. Т. 3. М., 1947. С. 105.
- ⁴⁹ Там же, с. 109.
- ⁵⁰ Там же, с. 175–178, 197–201.
- ⁵¹ Djilas M. Conversations with Stalin. N.Y., 1962. P. 114.
- ⁵² Перевод с латинского: чья власть, того и религия.
- ⁵³ Новые Известия. 1998. № 186. 2 октября.
- ⁵⁴ Белецкий В. Н. Встреча в Потсдаме. М. 1980. С. 127.
- ⁵⁵ Там же, с. 104.
- ⁵⁶ См.: Тегеран, Ялта, Потсдам. Сборник документов. М., 1971. С. 387–391.
- ⁵⁷ Белецкий В. Н. Указ. раб, с. 127.
- ⁵⁸ Там же, с. 201–202.
- ⁵⁹ Белецкий В. Н. Указ. раб., с. 159–161.
- ⁶⁰ История внешней политики СССР. Т. 1. С. 493–496.

Советское руководство и проблема границ и сферы влияния СССР в 1941–1946 гг.

М. М. Наринский*

Уже в 1930-е годы советское руководство все более явно отказывалось от курса на мировую революцию, а его внешняя политика все более заметно ориентировалась на национально-государственные и геополитические интересы именно СССР. 7 ноября 1937 г. И. В. Сталин заявил во время обеда у К. Е. Ворошилова по случаю годовщины Октябрьской революции: «Хочу сказать несколько слов, может быть, не праздничных. Русские цари сделали много плохого. Они грабили и поработали народ. Они вели войны и захватывали территории в интересах помещиков. Но они сделали **одно хорошее** дело — сколотили **огромное государство** — до Камчатки. Мы получили в наследство это государство. И впервые мы, большевики, сплотили и укрепили это государство как **единое, неделимое** государство не в интересах помещиков и капиталистов, а в пользу трудящихся, всех народов, составляющих это государство»¹.

Сталин последовательно проводил линию на укрепление этого государства и его институтов. По мнению Сталина, внешнеполитические и военные акции Советского Союза и были его вкладом в развитие мировой революции. Не случайно, 21 января 1940 г. он сказал в комнате для Политбюро Большого театра: «Мировая революция как единый акт — это глупость. Она происходит в разное время в разных странах. Действия Красной Армии — это также дело мировой революции»². В таком дискурсе Сталин подходил и к проблеме советских границ. При этом граница стала важнейшим органом **советского государства**.

Конечно, подобный подход не снимал противоречий между социализмом и капитализмом в представлениях советских руководителей, не отменял противостояние империализму. Но само это противостояние стало рассматриваться в первую очередь

с геополитической точки зрения. Поэтому на первый план в годы войны выдвигалась проблема безопасности Советского Союза. К тому же необходимо учитывать и психологический аспект. После агрессии нацистской Германии у Сталина возник «синдром 22 июня», стремление использовать все возможные средства, чтобы не допустить повторения ситуации июня 1941 г., чтобы предотвратить возможность внезапного нападения на СССР.

При этом безопасность Советского Союза связывалась с его территориальным расширением, с приобретением выгодных границ и прикрывающего страну пояса безопасности. Опытный дипломат М. М. Литвинов в июне 1946 г. отмечал: «Сейчас СССР вернулся к старомодной концепции географической безопасности — чем больше территории вы получите, тем больше будет ваша безопасность»³. Это же, по сути, подтверждал и последовательный недоброжелатель Литвинова нарком В. М. Молотов. Он вспоминал период завершения Второй мировой войны: «А то, что мы сделали в результате этой войны, я считаю, сделали прекрасно, укрепили Советское государство. Это была моя главная задача»⁴.

В первый период Второй мировой войны, во время сотрудничества СССР с нацистской Германией, советское руководство к июню 1941 г. добились включения в состав Советского Союза восточной части Польши (Западной Белоруссии и Западной Украины), Эстонии, Латвии, Литвы, Бессарабии и Северной Буковины, а также изменения в свою пользу границы с Финляндией.

Главные условия обеспечения безопасности СССР после войны были сформулированы И. Сталиным в ходе его беседы с британским министром иностранных дел А. Иденом 16 декабря 1941 года. Сталин заявил: «**Советский Союз** считает необходимым восстановление своих границ, как они были

* Михаил Матвеевич Наринский — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории международных отношений и внешней политики России МГИМО (У) МИД России.

в 1941 г., накануне нападения Германии на СССР. Это включает советско-финскую границу, установленную по мирному договору между СССР и Финляндией 1940 г., Прибалтийские республики, Бессарабию и Северную Буковину. Что касается границы СССР с Польшей, то она, как уже было сказано выше, в общем и целом могла бы идти по «линии Керзона»* и с включением Тильзита в состав Литовской республики. Кроме того, Советский Союз, сделавший в 1940 г. подарок Финляндии в виде возвращения Петсамо, считал бы необходимым, ввиду позиции, занятой Финляндией в нынешней войне, вернуть себе этот подарок»⁵.

Принципиальные установки советской внешней политики относительно основ будущего мира были изложены в записке заместителя наркома И. М. Майского, представленной наркому В. М. Молотову в январе 1944 года. Майский так излагал свои соображения: «Общая установка: **необходимо обеспечить СССР мир в Европе и Азии сроком на 30–50 лет.** В этих видах СССР должен выйти из нынешней войны с **выгодными стратегическими границами**, в основу которых должны лечь границы 1941 года. Сверх того было бы очень важно, чтобы к СССР перешли Петсамо, Южный Сахалин и цепь Курильских островов. СССР и Чехословакия должны иметь общую границу. Между СССР, с одной стороны, Финляндией и Румынией, с другой, должны быть заключены пакты о взаимопомощи с предоставлением на территории названных стран военных, воздушных и морских баз. СССР должно быть гарантировано свободное и удобное использование транзитных путей через Иран к Персидскому заливу»⁶. Таким образом, выгодные стратегические границы означали закрепление за Советским Союзом его территориальных приобретений за время войны: включение в его состав республик Прибалтики, Западной Украины и Западной Белоруссии, Бессарабии и Северной Буковины, пересмотр в пользу СССР границы с Финляндией, а на Дальнем Востоке — с Японией.

Осуществляя это территориальное расширение, Сталин действительно выступал как наследник русских царей, создавших громадную империю. Французский дипломат Морис Дежан отмечал в «Записке о советской политике» в октябре 1943 года: «В территориальном плане СССР в принципе стремится вернуть себе территории, которые были отторгнуты от России после Первой мировой войны в условиях состояния слабости, в котором она тогда находилась. В частности, это относится к прибалтийским государствам и к Бессарабии, при этом проблема стоит несколько иным образом в отношении российско-польской границы и Финляндии»⁷. Тем самым Сталин хотел сделать важный шаг к возрождению великой империи.

В ходе дискуссий с западными союзниками во время войны И. Сталин ссылаясь на то, что государства Прибалтики уже были включены в состав СССР и их население уже «одобрило» эти акции. В ходе беседы с Иденом 17 декабря 1941 г. кремлевский диктатор доказывал: «В соответствии с Конституцией СССР три балтийских государства составляют часть его. Это является результатом проведения в них плебисцита, во время которого огромное большинство населения высказалось в пользу вступления в Советский Союз»⁸. Лицемерные ссылки на волю народов прибалтийских государств были любимыми аргументами Сталина в его дискуссиях с западными лидерами. Во время беседы с президентом Ф. Рузвельтом 1 декабря 1943 г. в Тегеране Сталин говорил: «Литва, Латвия, Эстония не имели автономии до революции в России. Царь был тогда в союзе с Соединенными Штатами и Англией, и никто не ставил вопроса о выводе этих стран из состава России. Почему этот вопрос ставится теперь?... Что касается волеизъявления народов Литвы, Латвии и Эстонии, то у нас будет немало случаев дать народам этих республик возможность выразить свою волю»⁹.

Одним из наиболее сильных аргументов Сталина было напоминание о том, что именно на плечах Советского Союза лежала «главная тяжесть войны»¹⁰. Вождь отстаивал желаемые территориальные приобретения, используя жертвы, страдания и стойкость советского народа.

В контексте расширения советских границ И. Сталин, когда это было ему выгодно, обращался и к этническому фактору. В особенности это относилось к советско-польской границе. Советский лидер неизменно подчеркивал, что он готов взять за основу будущей границы СССР с Польшей «линию Керзона». Таково было условное наименование линии, рекомендованной 8 декабря 1919 г. Верховным советом союзных держав в качестве восточной границы Польши. При выработке «линии Керзона» в основу было положено решение делегаций ведущих держав Антанты, считавших целесообразным включить в состав территории Польши только этнографически польские области. В ходе советско-польской войны, когда Польша оказалась на грани поражения, ее представители согласились признать восточной границей страны линию, предложенную Верховным советом Антанты. 12 июля 1920 г. британский министр иностранных дел Керзон направил советскому правительству ноту, в которой в качестве восточной границы Польши намечалась эта согласованная державами Антанты линия, получившая наименование «линия Керзона». В ноте Керзона говорилось: «Линия эта приблизительно проходит так: Гродно — Яловка — Немиров — Брест-Литовск — Дорогуск — Устилут, восточнее Грубешова, через Крылов и далее западнее

* Линия Керзона — условное наименование линии, рекомендованной в декабре 1919 года Верховным советом Антанты в качестве восточной границы Польши.

Равы-Русской, восточнее Перемышля до Карпат». Однако по Рижскому мирному договору 1921 г., заключенному в неблагоприятной для Советской России ситуации, граница между РСФСР и Польшей прошла значительно восточнее «линии Керзона». Положение резко изменилось в 1939 году. В соответствии с советско-германскими договоренностями Польша после своего поражения перестала существовать как независимое государство, а граница Советского Союза была сдвинута западнее «линии Керзона».

В ходе переговоров с союзниками по Антигитлеровской коалиции советские руководители неизменно придерживались «линии Керзона» как основы для будущей советско-польской границы. Тем самым они проявляли умеренность и принимали британское предложение 1920 года. Так, во время беседы с А. Иденом 21 мая 1942 г. В. Молотов подчеркнул, что советское руководство «готово подписать с поляками договор о границе на основе линии Керзона с некоторыми небольшими изменениями этой линии в пользу СССР. Мы готовы принять это старое английское предложение о советско-польской границе»¹¹. Позднее, на Ялтинской конференции в феврале 1945 года, Сталин красноречиво отстаивал предложенную им границу по «линии Керзона». «Прежде всего, о линии Керзона, — говорил советский лидер. — Он, Сталин, должен заметить, что линия Керзона придумана не русскими. Авторами линии Керзона являются Керзон, Клемансо и американцы, участвовавшие в Парижской конференции 1919 года. Русских не было на этой конференции. Линия Керзона была принята на базе этнографических данных вопреки воле русских. Ленин не был согласен с этой линией. Он не хотел отдавать Польше Белосток и Белостокскую область, которые в соответствии с линией Керзона должны были отойти к Польше. Советское правительство уже отступило от линии Ленина. Что же вы хотите, чтобы мы были менее русскими, чем Керзон и Клемансо? Этак вы доведете нас до позора. Что скажут украинцы, если мы примем ваше предложение? Они, пожалуй, скажут, что Сталин и Молотов оказались менее надежными защитниками русских и украинцев, чем Керзон и Клемансо»¹². Сталин умело использовал в обсуждениях линии будущей границы СССР с Польшей ссылки на этнический фактор. На одном из заседаний Тегеранской конференции он отметил: «Речь идет о том, что украинские земли должны отойти к Украине, а белорусские — к Белоруссии, то есть между нами и Польшей должна существовать граница 1939 года, установленная советской конституцией. Советское правительство стоит на этой точке зрения и считает это правильным»¹³.

В результате длительных напряженных дискуссий советско-польская граница в августе 1945 года была окончательно определена в основном по «линии Керзона» с отступлениями в пользу Польши на 5–8 километров.

Общий подход И. Сталина к вопросу о советских границах был сформулирован им в телеграмме В. Молотову в Лондон 24 мая 1942 года. Оценивая британский проект двустороннего англо-советского договора, Сталин отмечал: «Там нет вопроса о безопасности границ, но это, пожалуй, неплохо, так как у нас остаются руки свободными. Вопрос о границах, или скорее о гарантиях безопасности наших границ на том или ином участке нашей страны, будем решать силой»¹⁴.

Понятие «выгодные стратегические границы» включало обладание удобными выходами к морям и океанам. Не случайно Сталин настойчиво добивался передачи Финляндией Советскому Союзу района Петсамо — это означало получение незамерзающего порта на севере. И. Майский в своей записке от 11 января 1944 г. отмечал: «Район Петсамо должен быть включен в состав СССР»¹⁵.

Не менее энергично Сталин выступал за укрепление позиций СССР на Балтике. При обсуждении в Тегеране вопроса о границах Польши и включении в ее состав Восточной Пруссии советский лидер жестко заявил: «Русские не имеют незамерзающих портов на Балтийском море. Поэтому русским нужны были бы незамерзающие порты Кенигсберг и Мемель и соответствующая часть территории Восточной Пруссии. Тем более что исторически — это исконные славянские земли»¹⁶. Включение в состав СССР части Восточной Пруссии с городом Кенигсбергом призвано было обеспечить Советскому Союзу выгодное положение на Балтике. Нарком военно-морского флота Н. Г. Кузнецов писал заместителю наркома иностранных дел М. М. Литвинову в октябре 1944 г.: «Учитывая необходимость создания нашего прочного контроля в южной части Балтийского моря, народный комиссариат военно-морского флота вносит на рассмотрение возглавляемой Вами правительственной комиссии (речь идет о комиссии по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства при НКВД СССР. — М. Н.) следующие предложения:

1. Исключить из состава государственной территории Германии Восточную Пруссию, разделив ее между Союзом ССР и Польшей.
2. Включить в состав государственной территории Союза ССР побережье Балтийского моря с портами Кенигсберг, Пиллау и Эльбинг, расположенными с восточной части Данцигской бухты. Западное побережье Данцигской бухты передать Польше.
3. Нарезку сухопутной границы между Союзом ССР и Польшей произвести с учетом экономических и военно-стратегических факторов»¹⁷.

Изложенные предложения советская дипломатия отстаивала на завершающем этапе войны. Они и легли в основу решений Потсдамской конференции о городе Кенигсберге и прилегающем к нему районе.

Гарантии безопасности Советского Союза, по замыслу Кремля, должны были включать также по-

граничный пояс дружественных СССР государств. В ходе беседы с У. Черчиллем 21 мая 1942 г. В. Молотов отмечал: «С другой стороны, именно ввиду того, что нам навязана эта тяжелая война, восстановления нарушенных границ недостаточно. Мы хотим, чтобы безопасность СССР на северо-западе и на юго-западе от его границ была бы минимально гарантирована на будущее время»¹⁸.

Как же представляли советские руководители эти послевоенные гарантии безопасности? И. Сталин изложил свои соображения по этому вопросу во время первой беседы с А. Иденом в Москве 16 декабря 1941 года. Глава советского правительства говорил: «Советский Союз хотел бы, чтобы Румыния имела военный союз с СССР с правом для последнего иметь на румынской территории свои военные, воздушные и морские базы... На севере такого же рода отношения Советский Союз хотел бы иметь с Финляндией, т. е. Финляндия должна была бы состоять в военном союзе с СССР с правом последнего иметь на финской территории свои военные, воздушные и морские базы»¹⁹. В записке И. Майского от 11 января 1944 года также подчеркивалась важность послевоенных отношений Советского Союза с Финляндией и Румынией: «Между СССР, с одной стороны, Финляндией и Румынией, с другой, должны быть заключены на длительный срок пакты взаимопомощи с предоставлением СССР на территории названных стран необходимого количества баз — военных, воздушных и морских. Кроме того, СССР должен быть связан с Финляндией и Румынией системой железных и шоссейных дорог, важных стратегически и экономически»²⁰.

Советские претензии на создание приграничного пояса безопасности подкреплялись тем соотношением сил в Европе, которое сложилось к концу войны. Французский дипломат Морис Дежан писал в октябре 1943 года: «Территории, на которые нацелены советские устремления, можно разделить на две категории: те, в которых ангlosаксы не располагают никакими средствами воздействия; и те, в которых они уже задействовали или могли бы задействовать существенные силы. В первую категорию входят Финляндия, балтийские государства, Польша и в меньшей степени Румыния»²¹.

Обеспечение советской системы безопасности после войны мыслилось как система концентрических окружностей: выгодные для Советского Союза границы, пояс безопасности СССР и, наконец, сфера интересов, в которой Москва могла бы ограничить нежелательную активность потенциально враждебных государств.

Концепция этой широкой сферы влияния, опиравшейся на выгодные границы, была изложена заместителем наркома М. М. Литвиновым в его записке «О перспективах и возможной базе советско-британского сотрудничества» в ноябре 1944 года. Он писал о возможном соглашении с Англией: «Такое согла-

шение же осуществимо лишь на базе полюбовного разграничения сфер безопасности в Европе по принципу ближайшего соседства. Своей максимальной сферой интересов Советский Союз может считать Финляндию, Швецию, Польшу, Венгрию, Чехословакию, Румынию, славянские страны Балканского полуострова, а равно и Турцию... Такое разграничение означает, что Англия должна обязаться не вступать в какие-либо особо близкие отношения и не заключать против нашей воли каких-либо соглашений со странами, входящими в нашу сферу безопасности, и, само собой, не должна добиваться там военных баз, ни морских, ни воздушных. Такие же обязательства мы можем дать в отношении английской сферы безопасности, за исключение Франции»²². Тем самым предлагалось проецировать советскую мощь на прилегающую сферу интересов.

Мне представляется, что сама идея подобного соглашения сформировалась в результате визита У. Черчилля в Москву в октябре 1944 года и его «процентной сделки» со Сталиным о разделе сфер влияния в Юго-Восточной Европе. В результате дискуссий И. Сталина с У. Черчиллем и В. Молотовым с А. Иденом было достигнуто соглашение, по которому влияние двух стран в Венгрии и Югославии предусматривалось в соотношении 50%:50%, в Греции — 90%:10% в пользу Великобритании, а в Румынии и Болгарии — 80%:20% в пользу СССР. Следует отметить, что инициатором этого соглашения был У. Черчилль. Впоследствии он отмечал, что ему всегда удавалось находить основу для договоренностей и «достигать соглашений с товарищем Сталиным, причем эти соглашения не только достигались, но и взаимно выполнялись»²³. Действительно, некоторое время Сталин исходил из того, что Греция входила в британскую сферу влияния, а в Венгрии и в Югославии действовал весьма осторожно. Договоренности с советским диктатором были возможны на основе учета интересов Кремля и реального соотношения сил.

В любых концептуальных построениях центральным звеном в этом приграничном поясе безопасности СССР оставалась Польша. В записке И. Майского от 11 января 1944 г. о Польше говорилось: «Целью СССР должно быть **создание независимой и жизнеспособной Польши, однако мы не заинтересованы в нарождении слишком большой и слишком сильной Польши**. В прошлом Польша почти всегда была врагом России, станет ли будущая Польша действительным другом СССР (по крайней мере, на протяжении жизни ближайшего поколения), никто с определенностью сказать не может. Многие в этом сомневаются, и справедливость требует сказать, что для таких сомнений имеются достаточные основания»²⁴. Не случайно Сталин очень внимательно следил за информацией о политическом положении в Польше, активно участвовал в дискуссиях по польскому вопросу.

Во время Ялтинской конференции глава советского правительства подчеркнул, «что с Польшей связаны важнейшие стратегические интересы Советского государства. Дело не только в том, что Польша — пограничная с нами страна. Это, конечно, имеет значение, но суть проблемы гораздо глубже. На протяжении истории Польша всегда была коридором, через который проходил враг, нападающий на Россию. Достаточно вспомнить, хотя бы последние тридцать лет: в течение этого периода немцы два раза прошли через Польшу, чтобы атаковать нашу страну. Почему враги до сих пор так легко проходили через Польшу? Прежде всего потому, что Польша была слаба. Польский коридор не может быть закрыт механически извне только русскими силами. Он может быть надежно закрыт только изнутри собственными силами Польши. Для этого нужно, чтобы Польша была сильна. Вот почему Советский Союз заинтересован в создании мощной, свободной и независимой Польши. Вопрос о Польше — это вопрос жизни и смерти для Советского государства»²⁵. Потому-то Сталин прилагал максимум усилий, чтобы поставить у власти в Польше просоветское правительство, чтобы включить страну в сферу влияния СССР, чтобы максимально сдвинуть границы Польши на запад.

Участники Ялтинской конференции вели напряженные дискуссии по вопросу о польском правительстве. К тому времени существовало два польских правительства: одно — просоветское, в Варшаве, другое — прозападное, в эмиграции, в Лондоне. Упорные дискуссии в Ялте завершились принятием следующего компромиссного решения: «Действующее ныне в Польше Временное правительство должно быть поэтому реорганизовано на более широкой демократической базе с включение демократических деятелей из самой Польши и поляков из-за границы. Это новое правительство должно затем называться Польским Временным Правительством Национального Единства»²⁶.

В зарубежной литературе и публицистике решения Ялты часто подвергаются острой критике. Многие авторы утверждают, что Рузвельт и Черчилль «предали» народы Восточной Европы, пошли на невыгодный раздел сфер влияния со Сталиным. Но что могли сделать лидеры США и Великобритании? Пойти на силовое противостояние Сталину в Восточной Европе? Не надо забывать, что в дни Ялтинской конференции советские войска вели бои на Висле и Одере, а через два дня после окончания конференции штурмом взяли Будапешт. В то же время западные союзники еще даже не форсировали Рейн. Думается, что принятие в Ялте «Декларации об освобожденной Европе» было максимумом того, чего могли добиться Рузвельт и Черчилль. Известные французские историки Р. Жиро, Р. Франк и Ж. Тоби обоснованно утверждали: «Заключенные соглашения касались конкретных вопросов. Но тот факт, что три человека принимали важные решения в масштабах

планеты, породил два мифа. По крайней мере во Франции Ялту часто трактуют как синоним раздела мира или хотя бы Европы между Сталиным, Рузвельтом и Черчиллем. Для большинства американцев это также конференция больших опасных уступок, на которые наивный и ослабленный Рузвельт (он действительно был очень болен) пошел в отношении хитрого и решительного Сталина. В действительности Ялта, проходившая в совершенно особом контексте, не стала общим соглашением по всем мировым вопросам, но привела к заключению конкретных соглашений по вопросам, уже находившимся в процессе урегулирования. При этом каждый из участников конференции получил свои собственные выигрыши и преимущества»²⁷.

Реализация решения Ялты о Польше стало объектом острой политико-дипломатической борьбы между Кремлем и западными союзниками. СССР настаивал на ограниченной реорганизации Временного правительства, а США и Великобритания — на формировании нового коалиционного правительства.

Москва обладала громадным преимуществом в виде военно-политического контроля польской территории, на которой находились части Красной Армии и органы НКВД. Советское руководство проводило двойственную политику в отношении Польши: с одной стороны, политико-дипломатические маневры на международной арене, с другой, репрессии против политических оппонентов и противников коммунистов в самой Польше²⁸. Ярким примером политических репрессий со стороны советских структур стал арест в марте 1945 г. шестнадцати политических и военных руководителей польского антигитлеровского подполья²⁹. Эти видные деятели были обвинены в организации вооруженных акций против Красной Армии.

Упорные дискуссии о формировании нового польского правительства завершились во время бесед советника президента США Г. Гопкинса с И. Сталиным в Москве в начале июня 1945 года³⁰. При этом «не-люблинские» поляки получили в новом правительстве только шесть мест из двадцати одного, а все ключевые силовые ведомства остались в руках сторонников Москвы. Известный американский историк Джон Гэддис отмечает: «Но соглашение Гопкинс–Сталин ни в коей мере не изменило баланс сил в Польше. Самое большее, что можно было сказать о новом правительстве в Варшаве, — это, как отметил журнал *Time*, «было то, что, формируя его, Россия только формально выполняла ялтинские обязательства и давала США и Великобритании возможность спасти лицо»³¹. Был сделан важный шаг к включению послевоенной Польши в советскую сферу влияния.

Что касается Финляндии, с которой Сталин хотел заключить пакт о взаимопомощи, то советское руководство проводило в отношении этой страны достаточно осторожную политику. Вопрос о будущей границе между СССР и Финляндией был легко ре-

шен на Тегеранской конференции «Большой тройки». Сталин изложил свои пожелания: «В наши условия мира с Финляндией входит восстановление действия советско-финского договора 1940 года. При этом мы готовы, если этого пожелают финны, отказаться от Ханко взамен возвращения нам района Петсамо»³². У Черчилль и Ф. Рузвельт не возражали.

После поражения в войне Финляндия сохранила независимость, рыночную экономику, демократический политический режим западного типа. Москва пошла на смягчение режима перемирия в Финляндией с 1 мая 1946 года. СССР активно участвовал в подготовке и заключении мирного договора с Финляндией³³. Вместе с тем СССР оказывал энергичный нажим на руководителей Финляндии, чтобы усилить их зависимость от Москвы. В директивах Политбюро ЦК ВКП(б) вновь назначенному советскому посланнику в Финляндии от 13 января 1948 г. подчеркивалось: «Главная задача тов. Савоненкова заключается в том, чтобы обеспечить поворот Финляндии в сторону сближения с СССР»³⁴. Советский нажим привел к подписанию 6 апреля 1948 года Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и Финляндией. Этот договор закрепил включение Финляндии в советскую сферу влияния. Свобода действий страны во внешней политике была заметно ограничена; курс Хельсинки в отношении СССР означал что-то среднее между доброжелательным нейтралитетом и полноценным военным союзом³⁵.

Советское руководство прилагало энергичные усилия для консолидации сферы влияния СССР. Этот аспект занимал важное место в деятельности советской делегации в Потсдаме. В ходе беседы Молотова с Димитровым 6 августа 1945 г. нарком так оценил решения Потсдама по Болгарии и по Балканам: «В основном эти решения выгодны нам. Фактически признается за нами эта сфера влияния»³⁶.

Потсдам стал важным этапом в утверждении советского влияния в Болгарии и Румынии. Однако западные державы добивались реорганизации правительств этих двух стран с целью ослабить в них влияние коммунистов и просоветских деятелей.

Москва осуществляла массированный нажим на короля Румынии и на руководителей этой страны, чтобы расширить участие коммунистов в правительстве и обеспечить его просоветский характер. СССР использовал в этих целях три инструмента давления на Румынию: 1) Присутствие Красной Армии в Румынии. 2) Деятельность Союзной контрольной комиссии под советским председательством. 3) Румынские претензии на Северную Трансильванию. Советский дипломат А. И. Лаврентьев писал в секретной записке в конце 1944 г.: «Вопрос о передаче Северной Трансильвании должен явиться важнейшим рычагом воздействия на румынское правительство не только в области выполнения экономических обязательств по Соглашению о перемирии, но и в области проведения им внутренней и внешней политики»³⁷.

Правительственный кризис в конце февраля — начале марта 1945 г. стал решающей фазой политической борьбы в Румынии. Не случайно в эти дни Бухарест посетил советский эмиссар А. Я. Вышинский. Он потребовал от короля Михая отправить правительство Радеску в отставку как неспособное, по утверждениям Вышинского, «обеспечить порядок в стране, являющейся тылом Красной Армии, и поощряющее преступную деятельность железнодорожников и других агентов Германии»³⁸. Советское руководство потребовало формирования румынского правительства, способного обеспечить в стране «порядок и спокойствие в интересах нашей общей борьбы против гитлеровской Германии»³⁹. Подобные аргументы трудно было оспаривать во время войны.

Советский нажим обеспечил формирование правительства, в котором коммунисты и их союзники заняли все ключевые посты. Один из лидеров прокоммунистического Национально-демократического фронта Петру Гроза возглавил новое правительство.

Роль Вышинского в формировании этого правительства Румынии обсуждалась во время беседы В. Молотова с государственным секретарем США Дж. Бирнсом 19 сентября 1945 года.

«Бирнс отвечает, что правительство США совершенно не интересуется отдельными группами или лицами. Все, что правительству США известно, — это то, что Гроза был назначен по требованию Вышинского, который заявил, что Гроза через 2,5 часа должен быть назначен премьером. Король позже говорил, что Гроза был назначен против его воли...»

Молотов ... Теперь Молотов хотел бы коснуться роли Вышинского. Молотов благодарен за то, что Бирнс так хорошо отозвался о Вышинском, он этого заслуживает, но Бирнс преувеличивает его роль в событиях в Румынии. Говоря так сказать «по секрету», он, Молотов, может сообщить Бирнсу, что Вышинский помогал образованию нового правительства, но если бы Советское правительство не вмешалось, то в Румынии возникла бы опасность беспорядков и опасность перерастания их в гражданскую войну. При такой обстановке Советское правительство не могло не помочь Румынскому правительству найти выход из положения»⁴⁰.

Противоборство между советским руководством, с одной стороны, правительствами США и Великобритании — с другой, относительно ситуации в Румынии и Болгарии было завершено на Московском совещании трех министров иностранных дел в декабре 1945 года. Румынское и болгарское правительство должны были быть реорганизованы с дополнительным включением в состав каждого двух министров, представляющих «демократические элементы». На практике этот компромисс оказался формальной уступкой советской стороны. Наиболее влиятельные деятели некоммунистической оппозиции были заранее исключены из списка кандидатов на министерские посты.

И. Сталин проинформировал лидера болгарских коммунистов Г. Димитрова по телефону 23 декабря 1945 г. о решении дополнительно включить двух представителей оппозиции в состав правительства. При этом Сталин отметил: «Тем не менее, чтобы обеспечить решение болгарского вопроса, подумайте, не могли бы вы включить одного–двух министров из оппозиционных кругов, оторвав их от оппозиции. Дайте им какие-нибудь незначительные министерства»⁴¹. Подобная ситуация наблюдалась и в Румынии. Известный американский историк Дж. Гэддис писал: «Сталинские уступки ни в коей мере не ослабили советское влияние в Восточной Европе — Джордж Кеннан удачно охарактеризовал их как «фиговые листки демократических процедур, призванные прикрыть наготу сталинистских диктатур»⁴².

В действительности политическое развитие Румынии, Болгарии и других стран Восточной Европы означало их постепенное включение в советскую сферу влияния.

Выступая «наследником» российских правителей, И. Сталин уделял большое внимание Балканам и зоне черноморских проливов.

Осуществляя политику наращивания советского влияния на Балканах, Сталин охотно использовал такой инструмент политики царизма, как славянофильство. В январе 1945 г. он говорил во время встречи на даче с делегациями Югославии и Болгарии: «Славянские народы не должны оказаться застигнутыми врасплох, когда снова на них попытаются напасть, а это в будущем вероятно и даже наверняка будет. Старое славянофильство выражало стремление царской России подчинить себе другие славянские народы. Наше славянофильство совсем другое — объединение славянских народов для общей защиты своего существования и будущего. Мы не хотим ничего навязывать другим славянским народам»⁴³. В действительности Сталин проводил политику объединения славянских народов под эгидой Кремля.

Морис Дежан писал в ноябре 1944 г. о Балканах: «Сегодня, как и вчера, претензии России на полуострове диктуются не столько соображениями безопасности или территориальной экспансии, сколько озабоченностями в отношении проливов... Понятие «безопасность Черного моря» призвано иметь следствием понятие «гегемония на его берегах и в соседствующих с ним странах». Итак, вся русская политика будет состоять в том, чтобы элиминировать в этом регионе влияние какой бы то ни было великой державы, способной поставить под вопрос господствующее положение, которое Россия оставляет за собой на Черном море, и тот контроль, который она стремится осуществлять в отношении проливов. Кроме того, Россия понимает, что элиминировать такое влияние — это лучший способ противостоять любым поворотам судьбы»⁴⁴.

Вопрос о режиме проливов И. Сталин поставил во время переговоров с У. Черчиллем в октябре

1944 г. в Москве — «Тов. Сталин говорит, что если речь идет о Турции, то он должен сказать, что по Конвенции в Монтре Турция имеет все права на проливы, в то время как Советский Союз очень мало имеет прав. По Конвенции в Монтре у советского Союза столько же прав, как и у японского императора. Он, тов. Сталин, считает, что необходимо обсудить вопрос о пересмотре Конвенции в Монтре, так как она совершенно не соответствует современной обстановке»⁴⁵. Перед отъездом Черчилля из Москвы Сталин еще раз напомнил ему про вопрос о проливах.

Стремясь расширить свое влияние в зоне проливов и в Средиземноморье, Москва интенсифицировала кампанию нажима на Турцию. Можно отметить устойчивую враждебность Сталина к Турции. Еще в ноябре 1940 г. он говорил в беседе с Г. Димитровым: «В отношении Турции мы требуем базы, чтобы проливы не могли быть использованы против нас... Мы выгоним турок в Азию. Какая это Турция? Там два миллиона грузин, полтора миллиона армян, один миллион курдов и т. д. Турок только 6–7 миллионов»⁴⁶. 19 марта 1945 г. советское правительство денонсировало советско-турецкий договор о дружбе и нейтралитете 1925 г. как не соответствующий новой международной обстановке и нуждающийся в улучшениях. В ходе переговоров с турецким послом в июне 1945 г. нарком В. Молотов требовал изменения линии турецкой границы в пользу советских республик — Грузии и Армении, а также предоставления Советскому Союзу военно-морской базы в зоне проливов. В Потсдаме Сталин и Молотов подтвердили советские претензии на области Карса, Артвина и Ардагана, отошедшие к Турции в 1921 году. Советские руководители требовали также, чтобы вопросы режима черноморских проливов решались только Советским Союзом и Турцией. При этом В. Молотов ссылался на договоры между Турцией и Россией XIX века⁴⁷.

В последующие месяцы советское руководство развернуло энергичную кампанию нажима на Турцию. Позднее В. Молотов признавал: «Я ставил вопрос о контроле над проливами со стороны нас и Турции. Считаю, что эта постановка вопроса была не вполне правильной, но я должен был выполнять то, что мне поручили. Я поставил этот вопрос в 1945 г., после окончания войны. Проливы должны быть под охраной Советского Союза и Турции. Это было несвоевременное, неосуществимое дело... Хорошо, что вовремя отступили, а так бы это привело к совместной против нас агрессии»⁴⁸.

Осенью 1945 г. сталинское руководство усилило также нажим на Иран. Оно отказывалось вывести советские войска с территории Северного Ирана в предусмотренные сроки (шесть месяцев после окончания войны). При этом оно добивалось нефтяной концессии на севере Ирана, поддерживало требования широкой автономии иранского Азербайджана⁴⁹.

Однако жесткая позиция США и Великобритании в сочетании с тактическими уступками со стороны иранского руководства заставили Сталина отступить.

Советское руководство выдвигало также широкомасштабные требования в ходе подготовки мирного договора с Италией. Советские руководители ставили перед союзниками вопрос о возможной советской опеке над бывшими итальянскими колониями. Во время беседы посла СССР в США А. А. Громыко с американским государственным секретарем Дж. Бирнсом советский дипломат напомнил советское предложение «о получении нами под опеку определенных территорий в будущем». Бирнс спросил, имеются ли в виду какие-либо определенные владения, принадлежавшие вражеским государствам. В ответ Громыко «указал, как на пример, на итальянские владения в Африке и в Средиземном море»⁵⁰. Переговоры по этому вопросу были продолжены. В. Молотов впоследствии вспоминал: «Понадобилась нам после войны Ливия. Сталин говорит: «Давай, нажимай!». ... В том-то и дело, что аргументировать было очень трудно. На одном из совещаний министров иностранных дел я заявил, что в Ливии возникло национально-освободительное движение. Но оно пока еще слабенькое, мы хотим поддержать его и построить там свою военную базу. Бевину стало плохо. Ему даже укол делали. Пришлось отказаться. ... Обосновывать очень трудно было»⁵¹.

Директивы политбюро ЦК ВКП(б) советской делегации на совещании заместителей министров в Совете министров иностранных дел в Лондоне, утвержденные 7 января 1946 г., предписывали:

«а) При обсуждении вопроса об итальянских колониях в качестве первой позиции отстаивать установление *индивидуальной* опеки и предоставление Советскому Союзу опеки над Триполитанией (часть современной Ливии. — М. Н.) на срок в 10 лет.

В качестве второй позиции советская делегация должна согласиться с предложением об установлении *коллективной* опеки пяти держав: США, СССР, Великобритании, Франции и Италии, предусмотрев при этом, что для каждой территории будет назначен консультативный совет, а также администратор, подотчетный Совету по опеке Объединенных Наций. Обеспечить, чтобы на одной из территорий (в Триполитании или Киренаике) пост администратора был предоставлен Советскому Союзу.

Свое согласие на установление коллективной опеки советская делегация должна поставить в зависимости от предоставления Советскому Союзу небольшой базы для торгового и военного флота в одном из портов Триполитании и Киренаики.

б) Решение вопроса о дальнейшей судьбе итальянских колоний должно приниматься одновременно с решением вопроса о Додеканезе.

Советская делегация должна обеспечить, чтобы в предварительных переговорах с греками было обусловлено, что согласие на передачу островов До-

деканез Греции может быть дано, если Советскому Союзу будет предоставлена на условиях аренды база для торговых кораблей на одном из Додеканезских островов (предпочтительно на о. Родос, на о. Стампакия или Скорпанто)»⁵².

Тем самым Советский Союз стремился добиться баз и плацдармов в Средиземноморье, узаконить свое присутствие в этом регионе. Нарком В. Молотов в телеграмме советскому послу в Риме от 5 февраля 1946 г. просил разъяснить лидеру итальянских коммунистов П. Тольятти: «Цель нашего предложения в том, чтобы Советский Союз получил возможность вклиниться в Средиземное море, где Англия пытается занять чуть ли не монопольное положение против интересов других средиземноморских государств. Если Советский Союз вклинится в Средиземное море и войдет в соприкосновение с Италией, это только будет полезно демократической Италии»⁵³.

Однако добиться баз в зоне проливов, на Додеканезских островах, в Триполитании или Киренаике, распространить свое влияние на Средиземноморье и Ближний Восток Советскому Союзу не удалось.

Рассмотрение советской политики во время Второй мировой войны показывает приоритетность геополитических соображений для Кремля. Сталин последовательно выступал за присоединение к СССР новых территорий с соответствующим изменением границ, за создание советской сферы влияния по всему периметру границ страны в Европе. При этом в 1939–1941 гг. соответствующие изменения советских границ осуществлялись в сотрудничестве с нацистской Германией, а в 1941–1945 гг. — в сотрудничестве с союзниками по Антигитлеровской коалиции. Сталин максимально использовал военнополитическую обстановку для достижения выгодных договоренностей с партнерами. В 1941–1945 гг. советское руководство отстояло возврат к границам СССР на июнь 1941 г. и даже добилось некоторых новых территориальных приобретений: район Петсамо, Кенигсберг с прилегающей территорией, Закарпатская Украина плюс возвращение Японией Южного Сахалина и передача Советскому Союзу Курильских островов. Советский Союз сумел создать собственную сферу влияния, над которой был установлен жесткий контроль. При этом, по моему мнению, вряд ли можно говорить о *разделе* сфер влияния между СССР и западными державами во главе с США и Великобританией. Скорее можно говорить о *выделении* сферы влияния СССР по периметру его границ, в то время как большая часть регионов и территорий рассматривалась как сфера влияния Запада. Сталинскому руководству не удалось распространить влияние Советского Союза на зону проливов, в Средиземноморье, на Ближний и Средний Восток. Мне представляется, что наряду с действиями западных держав, направленными на изоляцию СССР в послевоенном мире, советские устремления по названным направлениям стали одной из причин нарастания

международной напряженности вскоре после окончания Второй мировой войны и фактором возникновения «холодной войны».

Следует также отметить жесткие методы, которые использовал И. Сталин для закрепления советского господства в Восточной Европе. Опорой его политики стали силы Красной Армии, совет-

ские органы Наркомата внутренних дел и местные компартии, руководство которых последовательно ориентировалось на Москву. Установление просоветских режимов, во многом копировавших тоталитарную модель сталинского СССР, предвещало напряжения и кризисы в странах Восточной и Юго-Восточной Европы.

¹ Г. Димитров Дневник (9 март 1933 — 6 февруари 1949). София, 1997, стр. 128–129.

² Там же, стр. 188.

³ См.: V. Zubok, C. Pleshakov. Inside the Kremlin's Cold War. From Stalin to Krushchev. Cambridge, Massachusetts, 1996, p. 37–38.

⁴ Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. Москва, 1991, стр. 78.

⁵ Запись беседы И. Сталина с А. Иденом, 16.12.1941 — Документы внешней политики. 22 июня 1941 — 1 января 1942. Том XXIV. Москва, 2000, стр. 503.

⁶ Записка И. М. Майского «О желательных основах будущего мира» от 11 января 1944 г. — «Источник», 1995, № 4, стр. 137.

⁷ M. Dejean. Note sur la politique soviétique, 13.10.1943. — Ministère des affaires étrangères. Archives diplomatiques. Papiers Maurice Dejean. Vol. 74, f. 128.

⁸ Запись беседы И. В. Сталина с А. Иденом, 17.12.1941 — Документы внешней политики. 22 июня 1941 — 1 января 1942. Том XXIV, стр. 520.

⁹ Запись беседы И. В. Сталина с Ф. Рузвельтом, 01.12.1943. — Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании. (28 ноября — 1 декабря 1943 г.). Москва, 1978, стр. 168–169.

¹⁰ Запись беседы И. В. Сталина с А. Иденом, 17.12.1941 — Документы внешней политики. 22 июня 1941 — 1 января 1942. Том XXIV, стр. 519.

¹¹ Запись беседы В. Молотова с А. Иденом, 21.05.1942. — О. А. Ржешевский. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы, комментарии, 1941–1945. Москва, 2004, стр. 108.

¹² Запись заседания глав правительств, 06.02.1945. — Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). Сборник документов. Москва, 1984, с. 93.

¹³ Заседание за круглым столом, 01.12.1943. — Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании. (28 ноября — 1 декабря 1943 г.). Москва, 1978, стр. 165.

¹⁴ Телеграмма из Москвы, 24 мая 1942 года — О. А. Ржешевский. Сталин и Черчилль, стр. 157.

¹⁵ Записка И. М. Майского «О желательных основах будущего мира» от 11 января 1944 г. — «Источник», 1995, № 4, стр. 125.

¹⁶ Заседание за круглым столом, 01.12.1943. — Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании. (28 ноября — 1 декабря 1943 г.). Сборник документов, стр. 167.

¹⁷ Письмо наркома Н. Г. Кузнецова заместителю наркома М. М. Литвинову, 10.10.1944 — СССР и германский вопрос. Документы из Архива внешней политики РФ. Том 1: 22 июня 1941 — 8 мая 1945. Москва, 1996, стр. 559–560.

¹⁸ Запись беседы В. Молотова с У. Черчиллем, 21 мая 1942 — О. А. Ржешевский. Сталин и Черчилль, стр. 105.

¹⁹ Запись беседы И. В. Сталина с А. Иденом, 16.12.1941 — Документы внешней политики. 22 июня 1941 — 1 января 1942. Том XXIV, стр. 503.

²⁰ Записка И. М. Майского «О желательных основах будущего мира» от 11 января 1944 г. — «Источник», 1995, № 4, стр. 125–126.

²¹ M. Dejean. Note sur la politique soviétique, 15.10.1943. — Ministère des affaires étrangères. Archives diplomatiques. Papiers Maurice Dejean. Vol. 37, f. 72–73.

²² Цит. по: А. М. Филитов. В комиссиях Наркоминдела — Вторая мировая война. Актуальные проблемы. Отв. ред. О. А. Ржешевский. Москва, 1995, стр. 59.

²³ О. А. Ржешевский. Сталин и Черчилль, стр. 435.

²⁴ Записка И. М. Майского «О желательных основах будущего мира» от 11 января 1944 г. — «Источник», 1995, № 4, стр. 129.

²⁵ Запись заседания глав правительств, 06.02.1945. — Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). Сборник документов, стр. 92–93.

²⁶ Коммюнике о конференции руководителей трех союзных держав — Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании в Крыму — Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). Сборник документов, стр. 260.

²⁷ R. Girault, R. Frank, J. Thobie. La loi des géants 1941–1964. Paris, 1993, p. 71–72.

²⁸ См.: У истоков «социалистического дружества»: СССР и восточноевропейские страны в 1944–1949 гг. Отв. ред. Л. Я. Гибианский. Москва, 1995.

- ²⁹ См.: E. Duraczynski. *General Iwanow Zaprasza: Przywódcy podziemnego państwa przed sądem moskiewskim*. Warszawa, 1989.
- ³⁰ См.: В. О. Печатнов. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. Документальные очерки. Москва, 2006, стр. 333–334.
- ³¹ J. L. Gaddis. *The United States and the Origins of the Cold War, 1941–1947*. New York, 1972, p. 235.
- ³² Запись третьего заседания глав правительств, 30.11.1943. — Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании. (28 ноября — 1 декабря 1943 г.). Сборник документов, стр. 161.
- ³³ См.: *Finnish-Soviet Relations 1944–1948*. Ed. by Jukka Nevakivi. University of Helsinki, 1994.
- ³⁴ Директивы для посланника СССР в Финляндии, 13.01.1948 — Российский государственный архив социально-политической истории. Фонд 3, опись 74, дело 38, лист 11.
- ³⁵ См.: М. Korobochkin. *The USSR and the Treaty of Friendship, Cooperation and Mutual Assistance with Finland-Finnish-Soviet Relations 1944–1948*. Ed. by Jukka Nevakivi, p. 169.
- ³⁶ Г. Димитров. Дневник (9 март 1933 — 6 февруари 1949). София, 1997, стр. 492.
- ³⁷ Три визита А. Я. Вышинского в Бухарест (1944–1946 гг.). Документы российских архивов. Москва, РОССПЭН, 1998, стр. 10.
- ³⁸ Телефонограмма А. Я. Вышинского В. М. Молотову, 28.02.1945 — Три визита А. Я. Вышинского в Бухарест (1944–1946 гг.). Документы российских архивов, стр. 99.
- ³⁹ Телефонограмма А. Я. Вышинского В. М. Молотову, 05.03.1945 — Три визита А. Я. Вышинского в Бухарест (1944–1946 гг.). Документы российских архивов. стр. 111.
- ⁴⁰ Запись беседы В. М. Молотова с Д. Ф. Бирнсом о положении в Румынии, 19 сентября 1945 г. — Советско-американские отношения 1945–1948. Документы. Москва, 2004, стр. 31–32.
- ⁴¹ Г. Димитров. Дневник (9 март 1933 — 6 февруари 1949), стр. 518.
- ⁴² J. L. Gaddis. *The United States and the Origins of the Cold War, 1941–1947*, p. 280.
- ⁴³ Г. Димитров. Дневник (9 март 1933 — 6 февруари 1949), стр. 464.
- ⁴⁴ M. Dejean. *URSS, détroits et Balkans*, 22.11.1944. — Ministère des affaires étrangères. Archives diplomatiques. Papiers Maurice Dejean. Vol. 64, f.5.
- ⁴⁵ Запись беседы тов. И. В. Сталина с У. Черчиллем 9 октября 1944 года в 22 часа — О. А. Ржешевский. Сталин и Черчилль, стр. 423.
- ⁴⁶ Г. Димитров. Дневник (9 март 1933 — 6 февруари 1949), стр. 203.
- ⁴⁷ Запись шестого заседания глав правительств, 22 июля 1945 года — Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа 1945 г.). Сборник документов. Москва, 1980, стр. 145–146.
- ⁴⁸ Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. Москва, 1991, стр. 102–103.
- ⁴⁹ См.: Н. И. Егорова. «Иранский кризис» 1945–1946 гг. по рассекреченным архивным документам // «Новая и новейшая история», 1994, № 3.
- ⁵⁰ Запись беседы А. А. Громыко с Дж. Бирнсом по вопросу о неподпечных территориях, 20.07.1945 — Советско-американские отношения 1939–1945. Документы. Москва, 2004, стр. 725.
- ⁵¹ Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. Москва, 1991, стр. 103.
- ⁵² Директивы советской делегации на совещании заместителей министров в Совете министров иностранных дел в Лондоне, 07. 01. 1946 — Архив Президента Российской Федерации. Фонд 3, опись 65, дело 284, лист 29.
- ⁵³ Телеграмма В. Молотова советскому послу в Риме, 05.02.1946 — Архив Президента Российской Федерации. Фонд 45, опись 1, дело 319, лист 1.

Югославия в балканской и европейской политике в начале Второй мировой войны: попытка лавирования и ее крах

Л. Я. Гибианский*

К началу Второй мировой войны государства обширного геополитического региона, состоявшего из стран Балканского полуострова, Турции, балканской лишь частично, а также примыкавшей к Балканам Венгрии, занимали довольно разные позиции по отношению к державам, которые в первые дни сентября 1939 г. стали воюющими сторонами. В то время как одни из государств названного региона были уже серьезно привязаны к нацистской Германии (Венгрия) или преимущественно ориентировались на нее (Болгария), другие больше тяготели к англо-французской коалиции либо в той или иной мере пытались балансировать между нею и Третьим рейхом. Но как только разразилась война, правительства всех этих балканских и примыкавших к Балканам стран, независимо от их внешнеполитической ориентации, сочли за благо занять позицию, которая, насколько возможно, отводила бы от их государств угрозу затягивания в военный водоворот. Все они заявили о своем нейтралитете или неучастии в войне.

Подобную позицию заняло и одно из наиболее крупных балканских государств — Королевство Югославия. Уже 4 сентября 1939 г. его правительство поспешило выступить с заявлением, что страна будет оставаться нейтральной в связи со всеми столкновениями, «в которых не затрагиваются ее независимость и целостность»¹. Это являлось продолжением осторожного внешнеполитического маневрирования, проводившегося Белградом еще в канун войны и наглядно продемонстрированное в мае–июле 1939 г. последовательными визитами, которые фактический правитель Югославии князь Павел Карагеоргиевич, первый по рангу из трех ре-

гентов при малолетнем наследнике престола Петре, его двоюродном племяннике, нанес в Рим, Берлин и Лондон. Однако подчеркнуто заявленная с началом войны югославская позиция нейтралитета, в решающей мере определявшаяся непосредственно Павлом Карагеоргиевичем (его в нашей историографии принято именовать принцем-регентом), была в действительности обусловлена отнюдь не одинаковым отношением к воюющим державам.

Что касалось отношения к немецкой стороне, то нацистская агрессия, непосредственно вызвавшая войну, значительно усилила и делала все тревожнее представления Павла и основных фигур правительства о том, что внешнеполитические устремления Гитлера несут в себе чрезвычайную опасность для Югославии. Тем более что Германия после аншлюса Австрии стала непосредственной югославской соседкой. Первые же две с половиной недели войны оказали мощное воздействие демонстрационного эффекта, показав победное продвижение немецких войск, обрушившихся на Польшу, и ее поражение в условиях, когда она так и не получила реальной военной поддержки со стороны Великобритании и Франции, давших ей до того гарантии защиты ее независимости. Те, кто стоял у власти в Югославии, не могли не прикидывать эту ситуацию на случай, если бы вдруг объектом германского удара оказалась их собственная страна. Они видели несопоставимость югославского оборонного потенциала с многократно превосходившей его мощью гитлеровской военной машины. И это являлось фактором, способным еще больше укреплять их в убеждении о крайне настоятельной необходимости поддерживать с Берлином как можно более тесные отношения, выказывать ему

* Леонид Янович Гибианский — старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

свою лояльность и желание активной взаимной связи. При этом представления относительно того, каков допустимый предел связи с нацистской Германией, были отнюдь не одинаковыми у разных правительственных деятелей. Одни были склонны, чтобы Югославия, сотрудничая с Третьим рейхом в основном экономически, соблюдала, однако, необходимую политическую дистанцию, в большей мере сохраняла нейтральное положение. Другие, преимущественно те, кому сильнее импонировал внутренний гитлеровский порядок, считали возможным идти, если нужно, дальше, допуская и более близкие политические отношения.

О том, кто из правящего круга придерживался какой конкретной позиции, впоследствии в исторической литературе высказывались разные мнения, порой отличные друг от друга. В работах ряда югославских, а отчасти и постюгославских историков, особенно сербских, те или иные министры нередко изображались вообще сторонниками прогерманской ориентации, а то и просто агентами Берлина. Более того, во времена послевоенного коммунистического правления, особенно в его более ранний период, часть тогдашней официальной югославской историографии, делая упор на произошедшее в марте 1941 г. присоединение Югославии к государствам «оси» (об этом еще речь впереди), проявляла даже поползновения характеризовать весь внешнеполитический курс правительства и самого принца-регента как прогерманский, ориентированный вообще на державы «оси». Подобная оценка, удобно укладывавшаяся в схему «классового анализа политики буржуазного режима», охотно заимствовалась советской исторической литературой, превращаясь там в устойчивый стереотип для большинства авторов, в той или иной мере касавшихся данной темы. Следы влияния этого стереотипа все еще можно встретить в отдельных российских исторических работах, изданных уже в постсоветское время². Впрочем, его можно встретить и в некоторых сербских публикациях, выпущенных в постюгославский период³. Однако как для югославской историографии в более поздний коммунистический период, а затем в еще большей мере для постюгославской, так и для западной и современной российской историографии стало характерным преобладание иной оценки на основе анализа расширяющегося круга источников: для Павла и основных правительственных кругов проведение по отношению к Германии той линии, о которой говорилось выше, было преимущественно — а то и целиком — вынужденным. В следовании этой линии они усматривали один из немногих тогда шансов, если не почти единственный, удержать Гитлера от антиюгославских действий и «пересидеть» трудные времена в ожидании, когда на европейской и мировой сцене сложится ситуация, более благоприятная и безопасная для Югославии⁴.

Эти круги во главе с принцем-регентом себя соответственно и вели. Как сообщал в Берлин не-

мецкий посланник в Белграде в конце сентября 1939 г., Павел, беседуя с ним, всячески подчеркивал необходимость югославо-германского партнерства и особенно торгово-экономического сотрудничества, в котором сама Германия была очень заинтересована для получения из Югославии продовольствия и промышленного сырья, прежде всего руды цветных металлов. Принц-регент старался даже, прибегая к многозначительно-дипломатическим формулировкам, уверить посланника в том, что югославские предпочтения будто бы ближе к немецкой стороне, нежели к державам, являющимся ее противниками в войне: «Как бы ни закончилась война, Югославия всегда останется соседом Германии, а не станет никогда соседом Англии»⁵. Что же касалось практических дел, а не только словесных заверений, Белград проявлял готовность к серьезному расширению торгово-экономических отношений с Третьим рейхом, в том числе шел навстречу настойчивым немецким пожеланиям дальнейшего увеличения югославских сырьевых и продовольственных поставок, столь нужных Гитлеру в условиях войны. Уже 5 октября 1939 г. было заключено соглашение (протокол), которым предусматривались новые крупные поставки на последующий период, включавшие, в частности, значительные объемы таких важных стратегических материалов для немецкой промышленности, как медь, свинец, алюминий. Оценивая соглашение, германские представители с удовлетворением отмечали, что Югославия в принципе обязалась предоставить половину своих излишков добычи руды и производства металлов⁶. Такая практика продолжалась и дальше.

Подчиняясь, таким образом, все усиливавшемуся экономическому диктату Берлина, югославское руководство вместе с тем стремилось использовать расширение товарооборота с Германией и для получения взамен, насколько возможно, немецкой промышленной продукции, в которой испытывала потребность Югославия. Причем помимо различных товаров гражданского назначения Белград был особенно заинтересован в приобретении вооружения. Необходимость значительных германских поставок военной техники как условия, при котором Белград готов пойти на крупное увеличение сырьевых и продовольственных поставок Третьему рейху, усиленно подчеркивалась югославскими представителями, в том числе самим Павлом и министром армии и флота генералом Миланом Недичем, в ходе переговоров, приведших к упомянутому выше соглашению о товарообороте между двумя странами от 5 октября 1939 года. В итоге соглашением предусматривалось получение Югославией до середины 1940 г. свыше 100 самолетов и нескольких сотен зенитных и противотанковых орудий с комплектами боеприпасов⁷. Если это вооружение и не могло сделать Югославию готовой серьезно противостоять военной силе Третьего рейха, все-таки оно, хотя бы до некоторой степени,

создавало возможность повышения югославской обороноспособности в отношении других соседей, в том числе балканских, от которых исходила бы опасность для страны.

В отличие от вынужденной связи с Германией, отношение принца-регента и ряда ключевых фигур правительства, включая премьера Драгишу Цветковича и вице-премьера Владко Мачека, к англо-французской коалиции было иным. Именно ей они симпатизировали в начавшейся войне. И свои расчеты на послевоенное будущее Югославии, на ее безопасность связывали с тем, что победу в конечном счете одержат Великобритания и Франция при поддержке США. Между высшим югославским руководством, в частности самим Павлом, с одной стороны, и правительствами в Лондоне и Париже — с другой, поддерживались доверительные контакты, в ходе которых обсуждались насущные проблемы сдерживания германской угрозы Балканам и непосредственно Югославии. В том числе рассматривались, особенно интенсивно в первые месяцы войны, разного рода замыслы политических и даже военных шагов, которые могли бы противодействовать гитлеровскому давлению на страны Юго-Восточной Европы, а тем более прямой агрессии, если бы Германия ее там начала.

В качестве самого серьезного такого шага внимание сосредоточилось на замысле высадки на юге Балкан более или менее значительной военной группировки западных союзников. Подобный план стал обсуждаться Парижем и Лондоном еще в самый канун войны. Имелось в виду, в случае если война начнется, высадить войска в Салониках, повторив успешный опыт, опробованный Антантой в Первой мировой войне. В условиях, когда 1 сентября 1939 г. в Европе опять занялось пламя войны, обсуждениям, начатым перед тем, придавался новый сильный импульс. Естественно, в них кроме Франции и Великобритании, которым принадлежала основная роль, определенное участие принимала Греция, будучи страной, где намечалась высадка. К этим же обсуждениям оказалась еще с предвоенных месяцев причастна и Югославия. Более того, по некоторым данным, приводимым в историографии, она в первые дни войны проявила чуть ли не самую горячую заинтересованность в том, чтобы как можно скорее был реализован замысел салоницкой операции. Эту позицию выразил сам Павел Карагеоргиевич в контактах с французской стороной, чьи силы, как предполагалось, должны были составить основную часть группировки, которая бы высадилась в Салониках. Причем, согласно тем же данным, принц-регент, обращаясь к Парижу, подчеркивал, что проведение подобной операции является важнейшим условием того, чтобы предохранить весь регион Балкан от агрессии Германии и пока еще воздерживавшейся от вступления в войну Италии. А непосредственно Югославии такая операция позволит сохранять ней-

тралитет и одновременно иметь прямую связь с западными союзниками, с тем чтобы, когда позволит обстановка, присоединиться к ним⁸.

Правда, сведения о югославо-французских контактах по поводу предполагаемой операции в Салониках, и в частности об обращении Павла к Парижу, обычно фигурирующие в историографии, очень скупы. Их источником стали, как правило, не архивные документы непосредственно одной или другой стороны, а куда менее надежные мемуарные свидетельства, преимущественно некоторых французских дипломатов и военных, и отдельные косвенные данные дипломатии третьих стран. Из них не совсем ясно, насколько Павел действительно пытался добиться проведения салоницкой операции, а насколько лишь обсуждал этот замысел как один из предположительных вариантов в тех лихорадочных поисках средств как-то обезопасить Югославию, которые были особенно характерны перед лицом грозной неизвестности первых дней войны⁹.

Но каким бы образом ни обстояло дело в действительности, Павел Карагеоргиевич если и рассчитывал в начале сентября на скорое осуществление упомянутой военной операции, вслед за этим получил от французов известия, что она не сможет быть воплощена в жизнь в близком будущем. Причина была в том, что с первых же дней войны этот замысел натолкнулся на два серьезных препятствия. Одно заключалось в нехватке у западных союзников того числа сухопутных войск, в основном французских, которое было необходимо, чтобы сформировать достаточно сильную группировку для высадки в Салониках. Другим препятствием стали опасения отчасти во французских, а особенно в британских верхах, как бы высадка, означавшая непосредственное военное вступление западных союзников в борьбу за Балканы, не привела к тому, что фашистская Италия, претендовавшая на балканский регион как на собственную сферу интересов, сочтет салоницкую операцию угрозой своим целям, а потому прекратит участие в войне и выступит вместе с Германией против Великобритании и Франции. Из-за подобных опасений британское правительство, считавшее, что в реально складывавшейся ситуации удержание Италии от вступления в войну на стороне Германии имеет приоритетное значение, вовсе решило на рубеже первой и второй недель сентября 1939 г. блокировать остававшиеся более сильными у французов желания реализовать планы операции в Салониках. Поскольку, однако, в Париже не оставляли попыток реанимировать замысел высадки на Балканах, в конце 1939 — первые месяцы 1940 г. периодически продолжались контакты французских и югославских военных представителей для обсуждения взаимосвязи на случай предполагаемых действий¹⁰. Но сам Павел в беседе с британским посланником в Белграде 31 декабря 1939 г. сделал вывод, что позиция Лондона более разумна, ибо из-за ограниченной численно-

сти войск, которые могла бы выделить для высадки Франция, их будет все равно меньше, чем сил, которые в состоянии противопоставить Германия в случае открытия салоникинского фронта. При этом принц-регент выразил особую озабоченность тем, что о французских планах балканских действий много говорится в печати, ввиду чего Германия сможет заранее принять необходимые контрмеры¹¹. Позже, в мае 1940 г., британцы настояли на окончательном отказе Парижа от балканских замыслов¹². А в июне в результате немецкого наступления на западном фронте Франция вообще потерпела поражение.

Наряду с так и неосуществленной идеей высадки в Салониках, другим крупным замыслом противодействия германской и вообще военной угрозе на Балканах, который рассматривался в первые месяцы войны, в том числе с участием Югославии, являлась идея создания балканского нейтрального блока. Имелось в виду, что в блок войдут сохранявшие государственную самостоятельность Балканские страны (Югославия, Румыния, Болгария, Греция и — частично балканская — Турция), а возможно и примыкавшая к Балканам Венгрия, каждая из которых в течение первой половины сентября 1939 г. уже заявила о своем нейтралитете или неучастии в войне. В течение осени 1939 г., начиная с сентября, с разных сторон — Италией, Великобританией, Румынией, Югославией — выдвигались несколько такого рода планов, частично переплетавшихся между собой, а частично различавшихся по конкретной направленности.

Для режима Муссолини, занявшего позицию неучастия в войне, было заманчивым образовать нейтральный блок под своим главенством как инструмент усиления роли Италии на Балканах. Хотя такой вариант блока был бы направлен, помимо прочего, и против влияния западных союзников в этом регионе, однако Лондон проявил готовность поддержать подобный вариант, ибо британское правительство посчитало тогда более важными два соображения. Одно — необходимость поощрить Италию, чтобы та продолжала воздерживаться от вступления в войну на стороне Германии, а в перспективе, быть может, и присоединилась бы к западным державам. А другое соображение заключалось в том, что ввиду заинтересованности Рима в собственном преобладании на Балканах блок под итальянским главенством окажется, явно или скрытно, противовесом влиянию там не только англо-французской коалиции, но и Германии, а также возможному советскому давлению на Балканские страны, в частности на граничившую с СССР Румынию. Такое фактическое противодействие Берлину и Москве в отношении Балкан совпадало с основными целями, которые в данный момент преследовались в регионе Великобританией. Франция в принципе разделяла эту позицию, хотя и проявляла заметные колебания, опасаясь любого усиления соседней с нею Италии. Соображениями, отчасти напомиравшими британские, была обуслов-

лена и позиция Румынии, которая наиболее активно из Балканских государств выступала за создание блока нейтралов и тоже проявила в итоге, к концу октября 1939 г., готовность к варианту с ведущей итальянской ролью в блоке. К Италии, не граничившей с Румынией, в Бухаресте не относились как к источнику опасности, а наоборот, считали державой, склонной в своих интересах предохранить Балканы от тех же угроз, которые с началом войны особенно тревожили румынское руководство: в первые недели оно было крайне обеспокоено опасностью со стороны Германии, а затем еще больше — со стороны СССР, имевшего территориальные претензии по поводу Бессарабии¹³.

Белград также проявлял, наряду с Бухарестом и во многом вместе с ним, значительную активность с целью создания нейтрального блока на Балканах. И, в свою очередь, надеялся, что блок будет способствовать невовлеченности Балканских стран в войну, станет фактором противодействия давлению или агрессии, которые бы угрожали Балканам. Но высшее югославское руководство, тоже считая источником опасности Германию и Советский Союз, усматривало не меньшую, а даже еще большую угрозу в экспансионистских устремлениях Италии в отношении граничившей с ней Югославии. Сообщая об этом в Лондон в первые же полторы недели войны, британский посланник в Белграде указывал, что в югославских «высших кругах», под которыми он подразумевал Павла Карагеоргиевича, и в генеральном штабе британским дипломатам высказывалось даже мнение о «непоправимой ошибке» западных союзников: тем следовало самим вызвать вступление режима Муссолини в войну и нанести ему поражение. Страх по поводу Италии был тем большим, что она могла угрожать Югославии не только со своей территории, но и с тыла — из Албании, находившейся под итальянской оккупацией¹⁴. В последующие месяцы опасения принца-регента в отношении итальянской угрозы лишь укреплялись. И когда на рубеже октября–ноября 1939 г. румынское руководство, активно обсуждавшее с югославской стороной совместные шаги с целью образования балканского блока нейтралов, склонилось к тому, что в сложившейся международной ситуации блок скорее можно создать и сделать его эффективным, если он будет под главенством Италии, Павел скептически отнесся к такой возможности. Обсуждая этот вопрос в своих контактах с британцами, он не скрывал, что его сдержанность по поводу подобного румынского предложения вызвана опасением, как бы участие Италии в блоке не привело к ее чрезмерно доминирующему положению на Балканах¹⁵.

Для позиции Белграда в отношении создания нейтрального блока был характерен особый упор на то, что образование блока должно быть прежде всего неотделимо от урегулирования противоречий, в основном территориальных, между его балканскими

участниками. Тем самым державы, рассматривавшиеся как источник наибольшей опасности для Балкан, т. е. Германия, Италия или СССР, не могли бы воспользоваться межбалканскими территориальными спорами для вовлечения, каждая в собственную орбиту, государств региона путем своей поддержки одним из них, оказания давления на других либо вмешательства в роли «арбитра», от которого попадают в зависимость все участники спора. А для самой Югославии ликвидация или хотя бы заметное смягчение территориальных противоречий между странами проектируемого блока были важны еще и ввиду существовавших территориальных претензий к ней у Болгарии и Венгрии, заинтересованных в ревизии версальских границ. Особую важность югославское руководство придавало позиции Болгарии. Оно опасалось как серьезной тенденции сближения этой страны с Третьим рейхом, так и настойчивых советских усилий вовлечь ее в орбиту Москвы¹⁶. И соответственно считало, что основой нейтрального блока должна стать Балканская Антанта (Югославия, Румыния, Греция, Турция), расширенная прежде всего за счет Болгарии. Была даже выдвинута идея, что во имя такой цели членам Балканской Антанты следует самим сделать определенные территориальные уступки Болгарии. Идея нашла, в частности, отражение на состоявшихся 19 сентября 1939 г. переговорах министров иностранных дел Югославии и Румынии. В историографии высказывалось мнение об обусловленности подобной позиции Белграда тем, что в этот момент главные территориальные требования Софии были направлены не столько в югославскую сторону, сколько в сторону Румынии (Южная Добруджа) и Греции (Фракия и выход к Эгейскому морю), которые в случае реализации данной идеи и должны были сделать главные уступки в пользу Болгарии¹⁷.

Но ни из этого, ни из других планов создания балканского нейтрального блока ничего не вышло. Одной из причин была позиция Берлина. Хотя поначалу там было мнение, что подобный блок обеспечит стабильность на Балканах для получения оттуда Германией нужного ей сырья и продовольствия, но затем возобладало подозрение, что он, наоборот, может быть использован англо-французской коалицией и способствовать сближению между нею и Италией. А потому нацистское руководство воздействовало на Рим, в результате чего Муссолини отказался от участия в комбинациях с созданием блока. Германская позиция повлияла и на ряд Балканских стран, предпочитавших не противопоставлять себя открыто Третьему рейху. Другой причиной, воспрепятствовавшей образованию блока нейтралов, явилась непреодолимость территориальных противоречий государств Балканской Антанты с Болгарией и Венгрией как предполагавшимися участниками блока. Наконец, его возникновению препятствовали и опасения тех же Болгарии и Венгрии, что нейтральный характер блока мог оказаться под вопросом, поскольку став-

шая бы его членом Турция хотя и сохраняла позицию неучастия в войне, однако заключила 19 октября 1939 г. давно подготовленный трехсторонний пакт о взаимопомощи с Великобританией и Францией¹⁸.

Последнее обстоятельство вызвало некоторые сомнения даже внутри самой Балканской Антанты относительно ее дальнейшей перспективы. Тем не менее на очередной сессии ее Постоянного совета, состоявшейся в Белграде 2–4 февраля 1940 г., было продлено еще на 7 лет действие договора 1934 г., учредившего Балканскую Антанту. Более того, на сессии была достигнута секретная договоренность, хотя и устная, о взаимном обязательстве стран-членов принимать совместные меры по защите своих границ с небалканскими государствами в случае агрессии со стороны какого-либо из этих государств. Реально имелось в виду возможное, по мнению членов Балканской Антанты, возникновение угрозы со стороны Германии, Италии и СССР¹⁹.

Однако почти сразу после сессии в политике некоторых стран-участниц, среди них и Югославии, появились симптомы склонности к тому, чтобы дать задний ход ввиду опасения оказаться в результате принятых обязательств втянутыми в прямое, а тем более военное противостояние с Берлином, Римом или Москвой. В частности, югославская сторона стала проявлять тенденцию уклониться от участия в организации и проведении намеченных белградской договоренностью периодических совещаний в Афинах военных представителей стран Балканской Антанты для рассмотрения вопросов совместной обороны от агрессии небалканских государств. Эта тенденция стала особенно очевидной в обстановке, когда в апреле 1940 г. Германия развернула активное наступление на севере и затем с мая на западе Европы, а одновременно появились признаки военных приготовлений Италии, направленных против Югославии. Белград ссылаясь в апреле лишь на желательность отложить проведение военных совещаний в Афинах на более поздний срок по тактическим причинам. Например, говорилось о необходимости подождать, чтобы не мешать осуществлению рассчитанных на предстоявшие полгода крупных германских поставок военных материалов в Югославию. Но фактически совещания военных представителей стран Балканской Антанты были тем самым заблокированы югославской стороной и в итоге вообще так и не начаты²⁰.

Югославское руководство чрезвычайно боялось сделать опрометчивый шаг, который бы мог резко ухудшить внешнеполитическое положение страны. Тем более что в условиях, когда вялотекущая «странная война» на западном фронте сменилась мощными германскими ударами, Белград пугала вероятность того, что Муссолини воспользуется этим для нападения на Югославию. Как уже упоминалось выше, с самого начала войны Павел считал Италию источником главной опасности. И для этого были немалые основания.

■

На протяжении первых военных месяцев Рим неизменно рассматривал планы агрессии против Югославии с целью овладения Хорватией. Он снабжал усташей деньгами для организации там беспорядков, с прицелом на то, чтобы в Хорватии было поднято восстание, захвачен Загреб, а усташский предводитель Анте Павелич, явившись туда, обратился бы к Италии за помощью и тем самым создал предлог для итальянской военной интервенции. В результате было бы образовано марионеточное королевство Хорватия, корону которого вручили бы королю Италии. Только неготовность итальянской армии и опасения относительно реакции со стороны англо-французской коалиции на такой шаг, особенно в ситуации, когда и Германия могла быть против нападения на Югославию ввиду заинтересованности в стабильных поставках оттуда сырья и продовольствия, удерживали режим Муссолини от непосредственной реализации этих планов²¹. Однако к концу марта 1940 г., а особенно с апреля, когда начались успешные наступательные действия немецких войск в Скандинавии, затем получившие продолжение на западном фронте, у Муссолини проявляются растущие опасения не упустить момент для вступления в войну на стороне Германии, победа которой стала представляться ему все более несомненной. В итоге в первой половине мая он склонился к решению резко приблизить сроки вступления в войну²². Но еще к середине апреля в прессе и дипломатических кругах стали муссироваться сообщения о возможной итальянской военной операции в Далмации. Эта возможность всерьез рассматривалась и западными союзниками. А в Югославии она оказалась в центре внимания как правивших верхов, так и широкой общественности²³.

На самом деле с первой половины апреля до первой половины мая Муссолини колебался по поводу как сроков вступления в войну, так и непосредственного направления военных действий — то ли атаковать Югославию, то ли западных союзников. В конечном счете к середине мая, решив, что Италия станет воюющей в течение примерно месяца, он определил и конкретного противника — англо-французскую коалицию. Югославию дуче пока решил не трогать. В Риме полагали, что после победы вместе с Германией над западными союзниками удастся получить и то, чего итальянский фашистский режим хотел от Югославии²⁴. Но с югославской стороны, несмотря на итальянские заявления об отсутствии намерений напасть, серьезно боялись, особенно в апреле–мае, что нападение может последовать в самое ближайшее время. Министр иностранных дел Италии Галеаццо Чиано в конце мая отметил в своем дневнике, что в югославского посланника в Риме вселился ужас, и когда Чиано пригласил его для сообщения, что нападения не будет, тот, будучи вызван неожиданно, явился «бледный, как привидение»²⁵. В этой ситуации в Белграде не знали, на что решиться. Так, 17 мая

югославское правительство обратилось к своим союзникам по Балканской Антанте, в частности к правительствам Греции и Турции, с запросом об их позиции в случае, если Югославия подвергнется нападению Италии или Германии. Те ответили, что готовы рассматривать вопрос об оказании помощи, но только на основе взаимности, и указали на необходимость начать с выполнения февральской договоренности о военных совещаниях, созыв которых блокировался как раз Белградом. На это день спустя югославская сторона заявила об отзыве своего запроса и о предложении считать, что ни его, ни ответа не было²⁶.

В страхе, как бы не вызвать опасные для Югославии действия со стороны Италии, не говоря уж о Германии, Павел Карагеоргиевич вместе с тем пытался расширить поле для внешнеполитического лавирования, использовать на международной арене дополнительные факторы, с помощью которых было бы возможным хоть в какой-то мере усилить югославские позиции. В поисках таких факторов его внимание все больше привлекал СССР, который после вступления в результате советско-германских договоров августа–сентября 1939 г. в своеобразный альянс с Третьим рейхом проявлял растущую активность на европейской сцене, в том числе особенно стал претендовать на роль нового полюса притяжения для Балканских стран, прежде всего для славянских Болгарии и Югославии.

Для Белграда вопрос об изменении отношения к СССР был более чем непростым не только из-за резкой социальной враждебности большевистскому режиму, но еще и ввиду специфического его неприятия (и потому почти самого долгого в тогдашней Европе непризнания), вызывавшегося особенно тесными узами Карагеоргиевичей со свергнутым российским Императорским домом. Еще осенью 1939 г. дипломатическим представителям обеих воюющих сторон высказывались югославскими верхами и самим Павлом опасения по поводу возможного распространения советского влияния на Балканах, а то и советской экспансии в регионе. Причем об этом говорилось как о чрезвычайно важной угрозе²⁷. Но суровые условия крайне трудного и опасного международного положения Югославии вынуждали руководство страны к тому, чтобы уже вскоре серьезно обдумывать проблему установления отношений с СССР. Вместе с тем в начале января 1940 г. от югославского посла в Анкаре поступило в Белград донесение о высказываниях советского полпреда в Турции, в которых давалось понять, что СССР, в свою очередь, отнесся бы положительно к установлению советско-югославских отношений. Результатом были последовавшие в конце марта через тот же контакт между дипломатическими представителями Югославии и СССР в Анкаре предложение югославского правительства послать в Москву свою официальную делегацию для установления экономических отношений и ответ советского правительства о согласии на это²⁸.

Официально информируя 17–18 апреля правительства Италии, обеих воюющих сторон (как Великобритании и Франции, так и Германии) и своих союзников по Балканской Антанте о предстоящих переговорах в Москве, югославское правительство подчеркивало, что его инициатива вызвана исключительно экономическими соображениями: необходимостью обеспечить потребности Югославии в нефти, хлопке, черных металлах, которые ей в конкретных условиях ведущейся войны удобнее и выгоднее всего приобретать в Советском Союзе²⁹. Однако в доверительной беседе с британским посланником Павел сказал, что главной целью вступления в переговоры с СССР было вызвать тем самым чувство неуверенности у руководства Италии и держать последнее в неизвестности³⁰. Принц-регент, очевидно, имел в виду, что режим Муссолини, в котором югославская сторона усматривала в тот момент источник наибольшей угрозы, может заподозрить возможность советского покровительства Белграду, а это способно оказать сдерживающее воздействие на итальянскую политику в отношении Югославии. Тем более что Рим, отрицательно относившийся к договоренностям Берлина с Москвой 1939 г. и в данной связи даже гадавший, нет ли какого-то закулисного германо-советского сговора о Балканах, мог опасаться, что начавшийся советско-югославский контакт связан с подобным сговором. Вместе с тем Павел не исключал, что в случае успеха экономических переговоров дело придет и к установлению дипломатических отношений между Югославией и СССР³¹.

Переговоры в Москве, состоявшиеся в конце апреля — начале мая 1940 г., завершились подписанием 11 мая советско-югославского договора о торговле и мореплавании³². Это расширяло для Югославии перспективы приобретения возможности большего внешнеэкономического маневра, что имело значение ввиду все усиливавшегося германского экономического диктата. Переговоры были значимы и в том смысле, что югославская делегация прозондировала вопрос о приобретении у СССР вооружения и получила ответ о возможности этого³³. Наконец, принимая 8 мая делегацию, председатель Совнаркома В. М. Молотов весьма прозрачно высказал советскую позицию в поддержку необходимости противостояния грозящим Югославии опасностям со стороны Германии и Италии. И подчеркнул в этой связи важность усиления югославской обороноспособности³⁴.

Глядя на произошедшее как на новый фактор, обещающий способствовать расширению пространства для внешнеполитического лавирования, югославское руководство, продолжавшее опасаться агрессивных действий со стороны Италии и крайне встревоженное ставшим вырисовываться с мая и превратившимся в очевидность в июне поражением Франции, решило в начале июня срочно установить и дипломатические отношения с СССР. 9 июня 1940 г. Белград дал инструкции своему послу в Тур-

ции передать через советского полпреда в Анкаре соответствующее предложение правительству СССР, а 20 июня через ту же цепочку пришел из Москвы ответ, что югославское предложение принимается. 24 июня путем обмена соответствующими официальными письмами сторон было оформлено установление советско-югославских дипломатических отношений на уровне посланников³⁵.

***

Военный разгром Франции, закрепленный 22 июня 1940 г. Компьенским перемирием, означавшим ее фактическую капитуляцию перед нацистской Германией, в огромной мере изменил международное положение в Европе. Ставший победителем Третий рейх вместе с присоединившейся к нему под занавес, в начале июня, фашистской Италией резко усилили свои позиции на континенте. В частности теперь, после гитлеровских побед на севере и западе Европы, у держав «оси», прежде всего у Германии, были развязаны руки для более решительных действий, направленных на установление ими контроля над странами балкано-дунайского региона. Что касается Югославии, то, например, 15 июня, когда поражение Франции стало уже очевидным, из германского МИД инструктировали своего посланника в Белграде ясно указать тамошнему правительству, что в сложившихся новых условиях оно должно целиком отдавать себе отчет в полной экономической зависимости своей страны от держав «оси»³⁶. А одним из результатов германо-югославских экономических переговоров, состоявшихся в Берлине во второй половине июля, явилось принятое под германским давлением фактическое обязательство Югославии прекратить экспорт в страны, находившиеся в состоянии войны с Третьим рейхом (последнее подразумевало Великобританию)³⁷.

Вместе с тем в обстановке, вызванной разгромом Франции, политику в отношении балканских стран резко активизировала Москва, начавшая с того, что еще в конце июня 1940 г. поспешила реализовать свою договоренность с Берлином о германской поддержке претензий СССР на Бессарабию и путем ультимативного нажима на Румынию вынудила Бухарест передать Советскому Союзу как Бессарабию, так также и Северную Буковину вместе с расположенным между ними районом на севере румынской Молдовы. Этим прецедентом изменения территориального статус-кво, существовавшего в период между двумя мировыми войнами, немедленно воспользовались Будапешт и София, тоже предъявившие Румынии территориальные претензии: венгерская сторона — на Трансильванию, болгарская — на Южную Добруджу. Причем как Будапешт и София, так и ставший адресатом их требований Бухарест обратились за помощью к Германии, поскольку в каждой из трех названных столиц в тот момент считали нацистский рейх наиболее мощной державой, к покровительству которой

есть смысл апеллировать. Гитлер энергично проэксплуатировал данную ситуацию. Германия выступила в роли центра, регулировавшего спорные территориальные проблемы: вместе с ассистировавшей ей Италией она продиктовала 30 августа 1940 г. решение так называемого второго Венского арбитража, передавшее Северную Трансильванию Венгрии, и почти одновременно было согласовано решение передать Южную Добруджу Болгарии. Вместе с тем Германия и Италия декларировали, что отныне принимают на себя гарантию целостности и неприкосновенности территории, остающейся у Румынии. Последнее было направлено не только против еще каких-нибудь претензий к этой стране, которые были бы дополнительно выдвинуты со стороны ее соседей по балкано-дунайскому региону, но фактически, прежде всего против возможности дальнейших советских притязаний и попыток воздействия на Бухарест³⁸.

В условиях начатого таким образом территориального передела на Балканах югославское руководство продолжило с еще большей осторожностью политику внешнеполитического лавирования. Этой линии оно придерживалось уже в ходе территориального кризиса вокруг Румынии. Так, в связи с советскими территориальными требованиями, предъявленными Бухаресту, Югославия на румынский запрос о ее позиции как союзницы Румынии по Балканской Антанте посоветовала мирное решение конфликта, т. е. фактически уступку Москве. А в случаях с венгерскими претензиями на Трансильванию и болгарскими — на Южную Добруджу Белград даже пытался выступать в качестве посредника между сторонами в этих конфликтах, но в итоге его роль не была значимой, так как главные решения были приняты Гитлером, вместе с которым выступал Муссолини³⁹.

Как поражение Франции, так и последовавший вслед за тем исход румынского территориального кризиса означали для Югославии весьма существенное изменение ее международного положения. В результате французской капитуляции Белград лишился столь важного для него внешнеполитического фактора, какой представляла собой англо-французская коалиция. Эту потерю не могла компенсировать оставшаяся в одиночестве Великобритания, влияние и возможности которой на Балканах после разгрома Франции резко упали. А исход румынского кризиса повернул либо усилил в более опасную для Югославии сторону направленность внешней политики сразу трех соседних с ней стран — Венгрии, Болгарии и Румынии. В результате передачи Северной Трансильвании в руки Венгрии, а Южной Добруджи — в руки Болгарии Берлин приобрел значительно большее влияние на Будапешт, еще до того довольно тесно связанный с «осью», и серьезно усилил свое воздействие на Софию, отчасти уже ориентированную на такую связь, а отчасти пытавшуюся лавировать на полунейтралистских позициях. Вместе с тем, предоставив Румынии, уже подвергнутой

обрезаниям, гарантию неприкосновенности оставшейся территории, Гитлер основательно привязал к себе Бухарест, который прежде был в большей мере настроен прозападно, являлся членом Балканской Антанты (и ближайшим балканским союзником Белграда), но теперь вообще отказался от данных ему перед войной англо-французских гарантий, оставшихся после поражения Франции лишь британскими, и поставил себя под покровительство Третьего рейха. Вследствие этого Югославия оказалась почти сплошь, за исключением Греции, в окружении либо самих держав «оси» (Германия, Италия и захваченная Италией Албания), либо государств, связанных с «осью» или все сильнее ориентировавшихся на нее (Венгрия, Румыния, Болгария).

Возникшее положение продолжало затем усугубляться. После того как 27 сентября 1940 г. получила оформление дальнейшая консолидация «оси» в виде образования военно-политического Тройственного пакта Германии, Италии и Японии, к нему присоединились 20 ноября Венгрия, а 23 ноября — Румыния, в которой еще с октября началось размещение германских войск. А в середине октября последовало германское предложение руководству Болгарии о ее присоединении к пакту. Для Югославии опасность такой ситуации состояла не только в окружении «осью» и угрозе полной изоляции от остального мира. Дело было еще и в том, что хотя начавшийся территориальный передел на Балканах пока не затрагивал югославских границ, однако была вполне ожидаема перспектива следующего раунда территориальных требований, на сей раз обращенных уже к Белграду, со стороны все тех же Софии и Будапешта, поощренных приобретениями, которые им удалось получить под покровительством Берлина в первом, румынском, раунде. И в условиях, когда Венгрия и Болгария становились во все большей мере связанными с «осью» и зависимыми от нее, та могла использовать их претензии как эффективный инструмент давления на Югославию, а в случае несговорчивости последней — вообще наказать ее значительными территориальными изъятиями.

На протяжении второй половины 1940 г. Белград и его дипломатические представители внимательно следили за любыми явными или прикрытыми проявлениями настроений в пользу ревизии югославских границ, имевшими место в Венгрии и Болгарии. Эти проявления, особенно заметные в Болгарии по поводу югославской (Вардарской) Македонии, вызывали беспокойство с югославской стороны, несмотря на постоянные заверения официальных болгарских представителей в дружественно-лояльной политике Софии по отношению к Югославии⁴⁰. Беспокойство существенно возросло в ноябре 1940 г., во-первых, ввиду сведений о нажиме Гитлера на руководство Болгарии с целью добиться ее присоединения к Тройственному пакту, а во-вторых, под воздействием распространявшихся немецкой агентурой слухов,

будто в связи с состоявшимся тогда визитом Молотова в Берлин Кремль согласился на ведущую роль Германии на Балканах. Встревоженный Белград пытался выяснить у советских представителей, действительно ли СССР согласен с преобладанием Третьего рейха в балканском регионе. И даже просил Москву помочь в выяснении подлинной позиции Болгарии по поводу югославской Македонии⁴¹. Последнее было, очевидно, вызвано югославской надеждой на то, что уже само проявление со стороны СССР перед болгарскими заинтересованности в этом вопросе может оказать сдерживающее влияние на Софию. Впрочем, буквально вслед за тем, на рубеже ноября–декабря 1940 г., в югославских верхах возникло серьезное беспокойство в связи с просочившимися в мировую печать сведениями о сделанных Софией Москвой в конце ноября предложениях о заключении советско-болгарского договора о взаимопомощи. Призванное включить Болгарию в сферу влияния и контроля СССР, предложение сопровождалось обещанием советской поддержки болгарских интересов, в том числе территориальных претензий к соседним странам. В Белграде это вызвало опасение возможной поддержки Советским Союзом болгарских устремлений в отношении югославской Македонии. И посланник Югославии в Москве Милан Гаврилович осторожно пытался предостеречь советскую сторону, по его выражению, от «ошибок» в отношениях с Болгарией⁴². Он, как и инструктировавшее его руководство в Белграде, еще не знали, что к тому времени болгарское правительство, консультировавшееся с Берлином, уже отвергло предложение СССР⁴³. И тем самым вопрос, волновавший югославскую сторону, отпадал сам собой.

Что касалось Венгрии, то в югославских верхах еще с поздней весны 1940 г. стали предприниматься усилия, призванные урегулировать отношения с ней. И потому в Белграде сразу же положительно откликнулись на последовавшее в конце ноября предложение Будапешта заключить договор о дружбе между двумя странами. Венгерская инициатива была следствием сложного переплетения разных факторов. Как в тогдашних оценках дипломатических наблюдателей, так и впоследствии в историографии высказывалось мнение, что эта инициатива отчасти стимулировалась с немецкой стороны как один из способов усиления связи Югославии с Тройственным пактом, а отчасти вызывалась стремлением некоторых сил в венгерских верхах путем сближения с Белградом несколько усилить положение Венгрии в отношениях с Румынией и, возможно, даже с Германией. С югославской же стороны были заинтересованы смягчить венгерскую позицию в вопросе о территориальных претензиях к Югославии и к тому же представить договор перед Гитлером как свидетельство своей крепнущей связи с государствами Тройственного пакта. В итоге югославо-венгерский договор о «вечной дружбе» был подписан 12 декабря 1940 года⁴⁴.

В наибольшей мере продолжала страшить югославское руководство угроза захватнических устремлений фашистской Италии. Страх был небезоснователен, ибо после поражения Франции Муссолини по-прежнему вынашивал планы нападения на Югославию и ее расчленения. Был даже замысел атаковать ее во второй половине сентября 1940 года⁴⁵. Для Павла Карагеоргиевича, управлявшего югославской внешней политикой, драматизм этой угрозы усиливался тем, что, как он считал, Югославия, в случае если бы она подверглась нападению, была бы способна сопротивляться в течение не больше двух недель и, потеряв пару миллионов человек, была бы раздавлена⁴⁶. В качестве фактора, который мог бы действительно воспрепятствовать агрессивным намерениям Рима, Белград всячески старался использовать стремление Берлина к сохранению стабильности в Юго-Восточной Европе, в частности в Югославии, как тыловой зоне сырьевого и продовольственного снабжения Германии. В этом духе руководящие югославские деятели подчеркнуто апеллировали к германской стороне⁴⁷. И, соответственно, должны были идти на то, чтобы, насколько возможно, удовлетворять непрерывно возрастающие требования гитлеровской Германии по поводу поставок из Югославии, хотя это и вызывало весьма критическую оценку британцев⁴⁸. Подобная югославская тактика оказывалась довольно результативной, поскольку отвечала интересам Берлина. Уже в середине августа 1940 г. нацистское руководство поставило перед своим итальянским союзником вопрос о необходимости отказа от какого-либо плана нападения на Югославию. И всего через несколько дней Муссолини, планируя дальнейшие военные действия, которые были бы предприняты Италией, отложил на неопределенный срок акцию, направленную против Югославии (а также Греции)⁴⁹. Та же позиция Третьего рейха была в более дипломатичной форме подтверждена месяц спустя, 19 сентября, на встрече министра иностранных дел Германии И. Риббентропа с Муссолини. А последний вновь вынужден был подтвердить в ответ, что в данный момент Италия не будет начинать войну с Югославией и Грецией⁵⁰.

Правда, что касалось Греции, то уже 28 октября произошло вторжение туда итальянских войск из Албании. Итало-греческая война, начатая Римом без одобрения Берлина, на собственный страх и риск, породила новую крайне серьезную тревогу в Белграде. Помимо общей перспективы того, что после Греции следующей на очереди оказывалась бы сама Югославия, главная непосредственная причина тревоги вызывалась ситуацией, при которой в случае захвата Греции фашистской Италией завершалось бы полностью окружение югославской территории странами «оси» в купе со все более ориентировавшейся на «ось» Болгарией. «Что мы можем сделать? Мы полностью окружены!» — такова была реакция начальника югославского генштаба генерала Петра Косича, беседо-

вавшего 28 октября с британским военным аташе сразу после получения сообщения об итальянском вторжении в Грецию⁵¹. В частности, захват Греции означал лишение Югославии выхода в не контролируемое державами «оси» Эгейское море (в отличие от контролировавшейся в значительной мере Италией Адриатики) через югославскую свободную зону в Салониках, которая была предоставлена Грецией на 50 лет в соответствии с югославо-греческой конвенцией 1923 года. Отдаленная от греко-югославской границы меньше чем на сотню километров, эта зона была связана с Югославией прямой железнодорожной линией и имела очень большое как экономическое, так и стратегическое значение.

Поскольку югославское руководство опасалось быстрого успешного продвижения итальянских войск, вторгшихся в Грецию, вопрос о Салониках был срочно обсужден на секретно созванном 28 октября, через несколько часов после начала итало-греческой войны, совещании Коронного совета. Павел и премьер Драгиша Цветкович заявили там о необходимости воспрепятствовать занятию Салоник итальянцами. Имелось в виду даже пойти на риск, предприняв операцию югославских войск для захвата Салоник до подхода туда итальянских сил. Но большинство участников совещания — министр иностранных дел Александр Цинцар-Маркович, министр армии и флота генерал Милан Недич и министр двора Милан Антич — высказались за более осторожную позицию: выждать дальнейшего развития событий, а прежде всего выяснить позицию Берлина и, если нужно, попытаться заручиться его согласием на то, чтобы Югославия заняла Салоники. Хотя Павел, вопреки своей обычной осторожности, даже выразил негодование по поводу такой, как он сказал, трусливой позиции, она в итоге совещаний, продолжившихся в следующие несколько дней, возоблада⁵².

Если в сообщении официального югославского пресс-бюро 28 октября говорилось, что Югославия готова посредничать между Италией и Грецией, то в заявлении югославского правительства в связи с итало-греческой войной, опубликованном 2 ноября, центральное место занимал усиленно подчеркивавшийся тезис, что югославская политика нейтралитета целиком совмещается с дружественными отношениями, связывающими Югославию с Германией и Италией, а по поводу самой войны дело ограничивалось лишь выражением «сожаления» и указанием на «надежду», что югославские интересы «не подвергнутся угрозе ни с какой стороны»⁵³.

За кулисами этого на рубеже октября–ноября по различным каналам последовали югославские обращения к Германии с объяснениями того, что Югославия никак не может допустить, чтобы Салоники оказались в руках Италии, а в крайнем случае была бы готова противодействовать этому военным путем. Югославские зондажи немецкой позиции сопровождались даже некоторыми неофициальными

намекami, что в случае поражения Греции Белград мог бы за передачу ему Салоник заплатить серьезную политическую цену вплоть до некоторых территориальных уступок в пользу Италии, демилитаризации югославского адриатического побережья и более того — эвентуального перехода от нейтралитета к вступлению в антибританский лагерь⁵⁴.

Одновременно были, тем не менее, отданы приказы о скрытой мобилизации и концентрации части югославской армии, особенно на юго-востоке, в направлении Греции⁵⁵. Наряду с этим Павел и Цветкович заверили греческое правительство, что если Рим захочет направить итальянские войска в Грецию через югославскую территорию, Югославия воспротивится. На британский запрос о том, как отреагирует Белград, если аналогичное желание выскажет Берлин по поводу пропуска немецких войск, Павел, чуть замешкавшись, ответил, что югославская позиция будет такой же, как в итальянском случае⁵⁶. А на случай возможного болгарского нападения на Грецию югославская сторона указывала, что греко-югославские договорные обязательства о взаимной помощи касаются лишь ситуации, когда Болгария выступит в одиночку, но не будут иметь силы, если София предпримет действия совместно с Германией⁵⁷.

В такой весьма осложнившейся ситуации, порожденной нападением Италии на Грецию, среди некоторых фигур в югославских верхах проявились сомнения в самой возможности продолжения того внешнеполитического лавирования, которое проводилось до сих пор. Эти сомнения были изложены в докладной записке министра армии и флота генерала Недича от 1 ноября, адресованной принцу-регенту и правительству. В ней говорилось, что завершающееся окружение Югославии германо-итальянским блоком сделало невозможным дальнейшую политику нейтралитета. И необходимо сделать выбор: или решительно присоединиться к Германии и Италии, пока они еще заинтересованы в этом, или, наоборот, столь же решительно встать на сторону Великобритании. Во втором случае Недич предлагал мобилизовать всю югославскую армию и идти на помощь Греции. Но предостерегал, что это повлечет за собой нападение Германии, Италии, Венгрии, Румынии и Болгарии на Югославию, которая не в состоянии противостоять такой силе и будет ими захвачена и расчленена. Генерал упоминал и о возможности заключения союза с Москвой, но при этом характеризовал положение СССР и перспективу получения отсюда Югославией помощи столь негативно, что этим, в сущности, указывал, что какой-либо расчет на советскую помощь — не более чем иллюзия. Отсюда вытекал и фактический вывод, к которому подводило содержание докладной записки Недича: единственным выходом из положения является присоединение к «оси»⁵⁸.

Однако в последующие дни произошел никем не ожидавшийся поворот событий на итало-греческом фронте. Итальянские войска были отброшены

из Греции обратно в Албанию, и вошедшая туда греческая армия успешно повела военные действия против агрессора. Стало вырисовываться, что война, очевидно, принимает затяжной характер. В результате такого развития пошла на убыль острота, с которой вопрос о Салониках, как и вообще о последствиях итальянского вторжения в Грецию, стоял перед югославским руководством, когда война только началась⁵⁹.

Вместе с тем 5–6 ноября последовали бомбардировки итальянскими самолетами города Битоль (Битола), расположенного в югославской Македонии вблизи стыка границ Югославии, Греции и Албании. Это было расценено как фактическое предупреждение из Рима, чтобы Белград не вмешивался для противодействия целям режима Муссолини в отношении Греции. Ответные шаги югославского руководства шли по разным направлениям.

С одной стороны, оно приняло ряд организационных и технических мер, призванных способствовать повышению обороноспособности Югославии, особенно ее противовоздушной обороны. Наряду с этим генерал Недич был обвинен в невыполнении возложенных на него обязанностей по защите страны от внешней угрозы и отставлен со своего министерского поста⁶⁰. Правда, в историографии, а особенно в политической публицистике получили хождение и всякого рода версии об иных, чисто политических причинах отставки. Причины назывались разные: то недовольство Павла позицией Недича, выраженной в упомянутой выше докладной записке от 1 ноября 1940 г.; то получение Цветковичем данных, что генерал выдает немцам секретные внешнеполитические планы югославского руководства; то необходимость считаться с резко негативным отношением, которое Недич как министр вызвал к себе в Хорватии; то, наконец, опасения принца-регента ввиду близких связей Недича с предводителем праворадикальной организации «Збор» Димитрием Лётичем, резко выступавшим против политики властей, в том числе против проводимого внешнеполитического лавирования. А обвинение генерала в невыполнении им обязанностей по защите страны являлось, согласно этим версиям, лишь предлогом и никак не было связано с мерами по усилению обороноспособности Югославии⁶¹. Но какой бы ни была действительная причина отставки Недича, фактом является то, что сами распоряжения о подобных мерах реально последовали.

С другой стороны, Белград поспешил путем тайного контакта своего неофициального эмиссара с итальянским министром иностранных дел Чиано обратиться к правительству Италии, приглашая начать переговоры о взаимном сближении. В историографии известно об этом тайном контакте, имевшем место 11 ноября, в основном из свидетельств самих его участников с итальянской и югославской стороны. Оба свидетельства совпадают в том, что Мус-

солини в обстановке итальянских неудач в начатой войне с Грецией предпочел согласиться на переговоры, но содержат во многом противоречащие друг другу данные о том, какие именно предложения для предстоящих переговоров выдвигались Белградом и какие Римом⁶².

Однако какими бы они в действительности ни были, эти предложения не приобрели столь существенного значения, поскольку неделю спустя в дело решительно вмешался Гитлер. На встрече с Чиано 18-го, а затем на их повторной встрече 20 ноября и в письме, отправленном в тот же день в адрес Муссолини, фюрер, крайне критически отозвавшись о последствиях самостоятельного итальянского нападения на Грецию, изложил ряд мер, необходимых для исправления положения. В частности, он заявил, что без содействия Югославии едва ли удастся изменить тупиковую для итальянских войск ситуацию на греческом фронте, в том числе и тогда, когда весной 1941 г. Германия будет в состоянии начать военные действия в отношении Греции для помощи итальянским силам. А потому необходимо пойти на сотрудничество с Югославией и предпринять шаги по перетягиванию ее на сторону «оси». В качестве таких шагов Гитлер упоминал возможность предложить, чтобы Павел Карагеоргиевич занял югославский королевский трон, и обещать, что Белград получит территориальное удовлетворение в виде Салоник. Муссолини под таким гитлеровским напором пришлось выразить принципиальное согласие с тем, чтобы предпринять усилия по сближению и сотрудничеству с Югославией⁶³.

Подчеркивавшаяся нацистским фюрером важность сотрудничества с Югославией для действий против Греции должна была служить для Рима наиболее убедительным аргументом в пользу принятия германской позиции. В действительности эта позиция была обусловлена соображениями, связанными не только с военными целями на греческом фронте, но с гораздо более общими военно-политическими и особенно экономическими интересами Германии по созданию стабильного тыла и источника снабжения на Балканах в условиях планировавшегося Гитлером продолжения агрессии, в частности нападения на СССР. Югославия, как наиболее крупной балканской стране, отводилось здесь крайне значимое место. Исходя из подобных интересов, Берлин вслед за тем вообще взял переговоры с югославской стороной в свои руки.

На состоявшейся 29 ноября по приглашению немцев тайной встрече югославского министра иностранных дел Цинцар-Марковича с Гитлером последний поставил вопрос о том, что наступил момент, когда Югославия должна покончить с занимаемой ею неопределенной позицией и занять место рядом с Германией и Италией, войти в создаваемую ими «европейскую коалицию», иными словами, присоединиться к «оси». На этих условиях фюрер обещал

■
 гарантировать согласие Рима с территориальной целостностью Югославии и получением ею Салоник, которые бы стали ее главным морским портом. А при переориентации на Эгейское море для успокоения Италии была бы проведена демилитаризация югославского адриатического побережья⁶⁴.

Так вслед за большинством других балкано-дунайских стран требование стать на сторону «оси» было предъявлено и Югославии. Правда, на встрече с Цинцар-Марковичем 29 ноября Гитлер в отличие от того, как он делал с другими, не поставил прямо вопроса о присоединении Белграда к Тройственному пакту. Вместо этого им была упомянута возможность заключения Югославией пакта о ненападении с Германией и Италией⁶⁵. Именно за такую формулу и ухватилось югославское руководство, надеясь таким образом избежать непосредственного присоединения к Тройственному пакту. И 7 декабря германской стороне было заявлено о согласии обсудить с германским и итальянским правительствами возможность подписания пакта о ненападении на базе итало-югославского договора от 25 марта 1937 г., которым предусматривались взаимное ненападение, уважение границ между Италией и Югославией и развитие дружественных отношений⁶⁶.

Однако одновременно из контакта Павла с британцами было видно, что он опасается возможной постановки Берлином вопроса о присоединении Югославии к Тройственному пакту⁶⁷. Две недели спустя опасения подтвердились: на югославское предложение от 7 декабря 1940 г. последовал 22 декабря германский ответ, что реализация такого предложения не означала бы удовлетворения условий, необходимых для упрочения отношений Югославии с державами «оси», поскольку остается вопрос о присоединении страны к Тройственному пакту⁶⁸. Таким образом, нацистским руководством был обозначен предел возможностям проведения Белградом политики лавирования.

***

Открыто выдвинутый Берлином перед Белградом вопрос о необходимости присоединения Югославии к Тройственному пакту ставил югославское руководство перед драматическим выбором. Оно не хотело выполнять фактическое германское требование, но просто отвергнуть его не решалось и потому все-таки продолжало попытки найти возможность лавирования, которое бы позволило тянуть время и уклоняться от решения, желательного Гитлеру. В подготовленном для Павла специальном докладе рассматривалось несколько вариантов предложений, которые югославская сторона могла бы представить Берлину в качестве альтернатив присоединению к Тройственному пакту. Один из вариантов состоял в том, чтобы проект заключения Югославией пакта о ненападении с Германией и Италией, уже отвергнутый Третьим рейхом, повторить, но дополнив

число участников такого пакта Советским Союзом. Другим вариантом предусматривалось подписание югославо-германского пакта о дружбе и ненападении, частью которого было бы обязательство Германии уважать независимость и целостность Югославии. Но как наиболее приемлемый для Белграда в докладе излагался вариант, при котором Югославия брала бы на себя роль посредника в прекращении итало-греческого конфликта, а вместе с тем предложила бы соглашение Балканских стран с обязательством не позволять использовать их территорию ни одной иностранной державе⁶⁹. Последнее имело в виду Великобританию и потому, как надеялись авторы доклада, могло бы вызвать интерес германской стороны. Хотя в самом же докладе не возлагалось особых надежд на эти предложения, часть из них была Павлом санкционирована. 20 января 1941 г. неофициальный югославский эмиссар вступил в контакт с Берлином, предлагая встречу Цветковича с министром иностранных дел Германии Риббентропом. Это было в конце января одобрено Гитлером, который решил и сам принять Цветковича. 6 февраля последовало от Риббентропа приглашение на переговоры Цветковичу и югославскому министру иностранных дел Цинцар-Марковичу⁷⁰.

При подготовке к визиту, которая происходила на фоне поступавших в Белград сообщений о наращивании численности немецких войск в Румынии, готовившихся к последующему вступлению в Болгарию, а оттуда — к действиям в Греции⁷¹, югославское правительство, следуя упомянутым выше наметкам, рассмотренным принцем-регентом, поручило посланнику в Москве Милану Гавриловичу прозондировать советскую позицию в связи со складывающейся ситуацией⁷².

Как уже говорилось, советское руководство было заинтересовано в том, чтобы поддержать Югославию, в том числе и содействием усилению ее оборонного потенциала, для противостояния угрозе ее подчинения «осью». Но оно пыталось совместить это с сохранением советско-германского взаимодействия, основанного на договоренностях 1939 года. Отсюда возникало постоянное советское опасение, как бы не обнаружить себя перед Берлином в качестве противовеса немцам в Югославии и не поставить под угрозу отношения с Германией. На предпринимавшиеся вслед за установлением советско-югославских дипломатических отношений попытки югославской миссии в Москве прояснить в Народном комиссариате иностранных дел (НКВД) СССР, какова может быть позиция Советского Союза при том или ином критическом обороте событий в балкано-дунайском регионе, а особенно при возникновении непосредственной угрозы независимости или территориальной целостности Югославии, советская сторона неизменно предпочитала уклониться от ответа⁷³. А в посланной 17 октября 1940 г. Молотовым как наркомом иностранных дел установке о том,

какой линии поведения следует придерживаться полпредству СССР в Белграде в его отношениях с югославским руководством, указывалось, что Москва сочувствует делу независимости Югославии, но если речь идет об отношениях СССР с Германией, то, поскольку последняя выполняет августовский договор 1939 г., у советского правительства нет оснований для вмешательства в ее действия⁷⁴. Такая позиция сказалась и в вопросе о возможности приобрести в СССР вооружение, необходимое для югославской армии. Приобретение советского оружия и военной техники было крайне важно для Югославии. Германия и Италия всячески тормозили обещанную ими Белграду продажу военных материалов либо поставляли устаревшее и часто некомплектное вооружение, а британские поставки были крайне ограничены ввиду военных потребностей самой Великобритании, с трудом удовлетворявшихся при помощи США⁷⁵. Поэтому югославская сторона была очень вдохновлена, когда в сентябре 1940 г., как только в Москве приступил к работе югославской военной атташе Жарко Попович, он был принят на самом высоком военном уровне — наркомом обороны С. К. Тимошенко вместе с начальником Генштаба К. А. Мерецковым, которые выразили стремление пойти навстречу югославским нуждам в вооружении. После чего между Наркоматом обороны и Поповичем начались переговоры о поставках⁷⁶. Переговоры тянулись с перерывами до февраля 1941 года. Но, несмотря на достижение договоренности об объеме, ассортименте, способах поставок, Москва, вопреки неоднократным обещаниям, так их и не начала. Судя по непрерывно высказывавшемуся при этом Поповичу советскими представителями опасению, как бы обязательная тайна поставок не была нарушена при их осуществлении, главным в советской позиции оставалась боязнь нанести ущерб отношениям СССР с Германией⁷⁷. Таким образом, Москва в реально проводимой ею политике избегала ангажироваться оказанием какой-либо поддержки Белграду.

Такой же советская позиция оказалась и когда 8 февраля 1941 г. Гаврилович, выполняя упомянутое выше поручение, исходившее от югославского правительства, попытался выяснить советскую позицию в связи с наращиванием германских войск в Румынии, подготовкой к их вступлению в Болгарию и опасностью, непосредственно складывавшейся для Югославии. На вопросы Гавриловича принявший его первый заместитель наркома иностранных дел А. Я. Вышинский уклонился от определенного ответа, в результате чего посланник сообщил в Белград о своем впечатлении, что СССР, несмотря на свою заинтересованность в балканском регионе, пока все еще предпочитает выжидать и не вступать из-за Балкан в прямой конфликт с Германией⁷⁸. Вывод Гавриловича был верен, но, как и неполучение вооружения из СССР, не способствовал упрочению позиции Белграда в противостоянии нацистскому диктату.

В итоге на состоявшихся 14 февраля переговорах Цветковича и Цинцар-Марковича с Гитлером и Риббентропом Цветкович выдвинул лишь предложения о югославском посредничестве для прекращения итало-греческой войны и об инициативе Югославии с целью создания югославо-болгаро-турецкого блока, призванного не допустить ожидавшейся тогда высадки британских войск в Греции. Но с германской стороны это было встречено более чем скептически. Зато усиленно повторялся тезис о необходимости присоединения Югославии к Тройственному пакту. Югославский премьер, заверяя нацистских собеседников в стремлении к всемерному сотрудничеству Белграда с Берлином, на деле ограничился ответом, что доложит принцу-регенту Павлу настоятельную германскую рекомендацию. Вместе с тем Цветкович осторожно сослался на то, что вопрос о присоединении к Тройственному пакту труден для Югославии с внутривнутриполитической точки зрения ввиду необходимости считаться с массовыми настроениями среди населения. Но как аргумент он предпочел упомянуть не антигерманские настроения в сербском обществе, а вспышку антиитальянских чувств, вызванных заявлениями итальянской стороны, имевшими враждебную в отношении Югославии направленность⁷⁹.

Параллельно еще за пару недель до того Белград начал и тактическую игру с Римом: негласный эмиссар Павла предложил руководству Италии углубление югославо-итальянского договора 1937 г., но на сей раз без упоминания об участии в нем Германии. Эти итало-югославские переговоры были затем продолжены в течение февраля 1941 г., причем Муссолини относился к идее обновленного пакта положительно, надеясь использовать его для привлечения Югославии к итальянским военным усилиям в отношении Греции и к давлению на Турцию. В Белграде же рассчитывали представить переговоры, а возможно, и само заключение нового пакта, если бы дело дошло до него, как шаги по приближению Югославии к Тройственному пакту. Но Берлин, информированный Римом об этих переговорах, направил усилия на то, чтобы заблокировать их, предлагая итальянскому правительству не развивать контакты с эмиссаром Павла, пока немцы не добьются результата своих переговоров с югославами о присоединении последних к Тройственному пакту⁸⁰.

Одновременно германская сторона, стремясь ускорить желательную ей развязку, предприняла шаги по организации визита Павла к Гитлеру с целью нажима непосредственно на принца-регента⁸¹. 4 марта состоялась их секретная встреча, в ходе которой такой нажим был оказан. При этом фактические угрозы, что Югославия может упустить свой шанс, перемежались с обещаниями, что если она присоединится к Тройственному пакту, то целостность ее территории будет гарантирована Берлином, она получит Салоники, а участия в войне на стороне «оси» от нее

не потребуется. Павел в ответ пытался ссылаться на возможность проектируемого заключения нового договора с Италией как на первый шаг по пути, который советует Гитлер, и в итоге заявил, что решение по вопросу о Тройственном пакте примет позднее. Однако он счел нужным сказать о своем отрицательном отношении к тому, чтобы присоединиться к пакту, аргументируя это как личными мотивами (греческим происхождением его супруги, своими симпатиями к Великобритании и негативной позицией по поводу Италии), так и боязнью тех потрясений внутри Югославии, которые способен вызвать такой шаг⁸². Ссылка на опасные внутриполитические последствия присоединения к Тройственному пакту была продолжением аргументации, частично уже использовавшейся Цветковичем в беседах с Гитлером и Риббентропом 14 февраля.

О происходившем на встрече с Гитлером принц-регент информировал тайно созданный им 6 марта Коронный совет. В заседании помимо Павла участвовали два других регента, а из членов правительства — премьер Драгиша Цветкович, вице-премьер Владко Мачек, игравший роль представителя Хорватии, министры иностранных дел, армии и флота, двора, а также министр Фран Куловец, ставший после того, как в декабре 1940 г. умер Антон Коросец, лидером Словенской народной партии и считавшийся в правительстве представителем Словении. Хотя были высказаны разные мнения относительно того, уступать или нет нацистскому давлению, однако решающим стало заявление министра армии и флота генерала Петра Пешича, что недостаточно вооруженные югославские войска не смогут защитить страну в случае нападения Германии, Италии, Венгрии и Болгарии (последняя как раз перед тем, 1 марта, присоединилась, после долгих проволочек, к Тройственному пакту, и на ее территорию вступили немецкие войска). В результате возобладала точка зрения о фактической невозможности отвергнуть требование Гитлера. Было решено направить усилия на то, чтобы добиться от Берлина желательных гарантий и не столь обязывающих Югославию условий, на которых она присоединилась бы к Тройственному пакту. Это было сформулировано на заседании в виде вопросов, на следующий день направленных германской стороне. Ее просили разъяснить, может ли Югославия в случае присоединения к пакту получить от Германии и Италии заявление, что они 1) будут уважать суверенитет и территориальную целостность Югославии, 2) не потребуют от нее в период войны никакой военной помощи или пропуска войск либо военного транспорта через ее территорию, 3) «при новом устройстве Европы» будут считаться с югославской заинтересованностью в свободном доступе к Эгейскому морю через Салоники⁸³.

Продолжая все ту же тактику, к которой прибегали Цветкович и затем Павел в переговорах с Гитлером и Риббентропом, Цинцар-Маркович при пе-

редаче названных вопросов немецкому посланнику усиленно подчеркивал, сколь трудноосуществимо присоединение к Тройственному пакту ввиду противоположной этому настроенности югославского общественного мнения⁸⁴. Если перед тем такая аргументация должна была подкрепить попытки югославского руководства уклониться от присоединения к пакту, то теперь она была призвана обосновать необходимость германского согласия на перечисленные уступки: их предоставление, как весьма прозрачно намекал Цинцар-Маркович, позволило бы избежать нежелательных для Третьего рейха внутриполитических потрясений в Югославии.

В последующие несколько дней шел некоторый торг между Белградом и Берлином по поводу перечисленных выше вопросов. Гитлер был очень заинтересован в том, чтобы Югославия присоединилась к Тройственному пакту до начала германского вторжения в Грецию, запланированного на начало апреля. Заинтересованность была тем большей, что 2 марта в Греции началась высадка британского экспедиционного корпуса, а тем самым усиливалась потенциальная возможность перетягивания Югославии в британский лагерь и обусловленного этим эвентуального осложнения для предстоявшей греческой операции германских войск. В этой ситуации нацистское руководство выразило готовность официально дать почти все те гарантии, о которых вела речь югославская сторона: об уважении ее суверенитета и территориальной целостности; о том, чтобы не требовать пропуска войск или военного транспорта через ее территорию; об учете ее интересов в Салониках. Причем Берлин согласился, чтобы о названных гарантиях, за исключением пункта по поводу Салоник, было в том или ином виде сообщено публично для успокоения югославского общественного мнения. Однако закавыка была с желанием Белграда получить гарантию, что от Югославии в период войны вовсе не будут требовать какой-либо военной помощи другим государствам Тройственного пакта. Германская сторона возражала против подобной постановки вопроса, ссылаясь на то, что такая гарантия противоречила бы самому пакту и делала бы присоединение Югославии к нему бессмысленным. Берлин соглашался гарантировать, что от югославской стороны не будут требовать помощи в войне с Грецией, а по поводу вообще военной помощи предлагал лишь «доверительное» обещание, что ее, «вероятно», и не потребуется, но если все же дело до этого дойдет, то у правительства Югославии будет право заключить специальное соглашение о конкретном масштабе югославского участия. Белград же по данному пункту довольно твердо стоял на своем. В конечном счете нацистскому руководству пришлось и в этом пойти навстречу югославской настойчивости. Но оно категорически отвергло белградское пожелание, чтобы о подобной уступке тоже можно было объявить публично⁸⁵.

Переговоры по упомянутым вопросам были тайными, и с югославской стороны их обсуждение ограничивалось исключительно рамками Коронного совета, в то время как большинство министров, не входившее в его состав, не информировалось о происходившем. Лишь после достижения договоренности с Берлином по основным спорным пунктам решение о присоединении к Тройственному пакту было поздно вечером 20 марта вынесено на рассмотрение всего состава правительства. Там мнения разделились, но в итоге, как и в Коронном совете, возобладала точка зрения о неизбежности присоединения Югославии к пакту. В том числе за это, помимо большинства сербских членов правительства, высказались представители ХСС и Словенской народной партии. При этом Мачек подчеркнул, что в сложившейся ситуации нет возможности иного решения, а когда ситуация изменится, можно будет перейти на сторону противников «оси». Некоторые члены кабинета не заняли определенной позиции, в частности представитель Югославской мусульманской организации, а трое министров из числа видных сербских политиков выступили против и в знак несогласия с принятым решением подали в отставку (впрочем, один из них затем отставку отозвал). В правительстве в результате отставок перестали быть представленными СДС и Союз земледельцев⁸⁶.

Пока шли торг с немцами, перипетии в правительстве и последовавшая подготовка к официальному акту присоединения Югославии к Тройственному пакту, Лондон и формально нейтральный, но на деле поддерживавший британцев Вашингтон пытались повлиять на югославское руководство, чтобы оно отказалось от намеченного шага. Еще прежде Великобритания и постепенно наращивавшие активность США прилагали усилия, направленные на то, чтобы добиться от Белграда как минимум сохранения нейтралитета, а по возможности — и более активной позиции противостояния «оси». Эти усилия заметно возросли с рубежа 1940–1941 гг. Специальный эмиссар президента США Франклина Рузвельта полковник Уильям Доноуэн, в январе 1941 г. посетивший Югославию в ходе своего турне по ряду балканских стран, в беседах с Павлом, Цветковичем, Мачеком, некоторыми югославскими министрами и военными руководителями подчеркивал важность противостояния агрессору и обещал американскую помощь в этих целях. Та же мысль была центральной в посланиях, направленных Рузвельтом югославскому правительству и принцу-регенту в течение февраля⁸⁷. А игравший главную роль Лондон, ведя тяжелейшую войну с Германией и Италией, стремился к созданию союза Греции, Турции и Югославии в качестве военно-политического противовеса Гитлеру и Муссолини на Балканах, способного с британским содействием образовать при необходимости фронт борьбы с «осью» в Юго-Восточной Европе. Британская дипломатия настойчиво старалась воздействовать

на Белград в пользу подобного выбора, а особенно в пользу решительного вступления югославской армии в войну для оказания помощи Греции⁸⁸. Когда же с конца первой декады марта начала становиться реальной перспектива присоединения Югославии к Тройственному пакту, Лондон и Вашингтон забил тревогу, и последовало несколько их обращений к югославскому правительству и Павлу с настойчивыми предостережениями против того, чтобы это было сделано⁸⁹.

Стремясь добиться желательного результата, британцы попытались даже включить в эти усилия Советский Союз. В соответствии с указанием из Лондона, 22 марта британский посол в Москве Стаффорд Криппс обратился к Вышинскому с запросом, не может ли правительство СССР выступить против предстоящего присоединения Югославии к Тройственному пакту. По предложению Криппса аналогичный шаг предпринял одновременно югославский посланник в СССР Гаврилович, являвшийся противником решения, принятого в Белграде, и действовавший без ведома своего правительства. Но в тот же день оба, после доклада Вышинского Сталину, получили отказ⁹⁰.

Еще раньше, 9–14 марта, т. е. вслед за тем как Коронный совет 6 марта склонился в принципе к решению о присоединении к Тройственному пакту, тот же Гаврилович в телеграфной переписке с Белградом, причем вначале по каналам связи британского посольства в Москве, сообщал, что какие-то советские военные представители дали понять: желательно заключение военного пакта между СССР и Югославией, но с такой инициативой должны выступить сами югославы. Этих советских представителей посланник не называл, но настойчиво рекомендовал своему правительству откликнуться на их пожелание, а пока не соглашаться на требование Берлина. В качестве того, к кому обратились анонимные советские военные, в телеграммах Гавриловича фигурировал отставной полковник Божин Симич⁹¹. По решению, принятому еще в декабре 1940 г. Павлом Карагеоргиевичем, Симич прибыл в Москву на рубеже февраля–марта 1941 г. под прикрытием должности атташе югославской дипломатической миссии и имел полномочия для переговоров с советскими властями⁹². В чем состояла суть его задания, до сих пор неизвестно, как неизвестны и какие-либо данные о его деятельности в Москве. Есть лишь догадки в историографии, что он контактировал с советской военной разведкой. Но из единичных упоминаний о нем в некоторых ставших известными в последние годы советских документах, относящихся к более поздним событиям самого конца марта — начала апреля 1941 г., можно понять, что у Симича были довольно серьезные связи с советской стороной⁹³. Так что ее тайные предложения могли делаться через него. Однако среди тех же ставших доступными советских материалов есть телеграмма Молотова от 14 марта 1941 г. полпредству СССР

в Белграде о том, что ставшие распространяться слухи о якобы переговорах с югославами о военном союзе — вымысел⁹⁴.

В историографии не раз высказывались сомнения, не являлись ли сообщения Гавриловича предпринятой им с участием Симича, а возможно, и британцев мистификацией, запущенной с целью толкнуть Белград на обращение к Москве с предложением о заключении советско-югославского военного союза. Подобная мистификация могла быть обусловлена надеждой, что в случае советско-югославского соглашения произойдет решительное укрепление позиции Югославии, которое позволит отвергнуть требование Гитлера, а если соглашения СССР получить в итоге не удастся, то все-таки на время переговоров возникнет отсрочка присоединения к Тройственному пакту. Отсрочка тоже была способна считаться важной целью, ибо давала больший шанс на то, чтобы в конечном счете не допустить самого присоединения. Вместе с тем в историографии не исключалось, что намеки Москвы на возможность советско-югославского военного пакта имели место на самом деле, а телеграмма Молотова была призвана замести следы ввиду боязни осложнения советско-германских отношений⁹⁵. Во всяком случае, истинная подоплека сообщений Гавриловича остается пока загадкой.

Такой же загадкой остается пока и другое. Некоторые тогдашние деятели «Демократической левицы» и Народно-крестьянской партии, довольно тесно контактировавшие с КПЮ и советским полпредством в Белграде, утверждали впоследствии в своих мемуарах, будто накануне упомянутого выше заседания правительства, на котором было принято решение о присоединении к Тройственному пакту (напомним, что оно состоялось вечером 20 марта), временный поверенный в делах СССР В. З. Лебедев официально передал югославской стороне предложение о заключении союза между СССР и Югославией при условии, что последняя не присоединится к Тройственному пакту⁹⁶. На подобное советское предложение ссылался в ходе этого же заседания правительства один из тех его членов, которые высказались против присоединения к Тройственному пакту. Но министр иностранных дел Цинцар-Маркович в ответ заявил, что ему о таком советском обращении ничего неизвестно⁹⁷. Ни советские, ни югославские архивные документы, которые были до сих пор доступны для исследования, не содержат никаких упоминаний о такого рода шаге Лебедева. Так что не ясно, имел ли он место в действительности или и здесь могла быть какая-то мистификация.

Но независимо от того, какой была истинная подоплека сообщений Гавриловича из Москвы или версии о предложении, будто бы сделанного через Лебедева, ни все это, ни усилия Лондона и Вашингтона повлиять, чтобы Белград воздержался от присоединения Югославии к Тройственному пакту, не дали

результата. Исходя из того, что отказ присоединиться к пакту чреват угрозой нападения Германии, Италии, Венгрии и Болгарии, Павел был не в состоянии идти на риск подвергнуть страну такой опасности. Он скептически относился как к британским обещаниям оказать Югославии, если она вступит в войну с «осью», помощь вооружением и авиационным прикрытием из Греции, так и к доводам британцев, что югославская армия, напав на итальянские силы в Албании, сможет захватить там большие склады необходимых боеприпасов. Скепсис был вызван не только пониманием на самом деле весьма ограниченных в тот момент британских возможностей. Не менее, если не еще более важную роль играло соображение принца-регента по поводу того, что любая стратегия, при которой югославская армия была бы сосредоточена в более целесообразных с военной точки зрения операциях в юго-восточной и центральной частях страны, имела бы своим политическим результатом разрушение Югославии, ибо необходимое при этом ослабление, если не вообще отступление на севере и северо-западе было бы воспринято хорватами, а также словенцами как отказ государства от их защиты⁹⁸. Не говоря уж об упомянутом выше сомнении Павла, как и ряда югославских военных руководителей, в способности страны к сколько-нибудь длительному отражению агрессии. Кроме того, существуют недостаточно документально подтвержденные версии, что к тому времени в распоряжении принца-регента были разведанные о намеченном Гитлером на ближайшие месяцы нападении на СССР, и что даже сам фюрер сказал об этих своих планах Павлу при недавней встрече с ним⁹⁹. Если Павел действительно располагал такими сведениями, то они могли уменьшать в его глазах риск присоединения к Тройственному пакту, давая основания рассчитывать, что нацистскому руководству, когда оно окажется занятым масштабной войной на востоке, будет просто не до Югославии и серьезных требований к ней.

25 марта в Вене Цветкович и Цинцар-Маркович подписали от имени Югославии протокол о присоединении страны к Тройственному пакту. Как и было предварительно согласовано, подписание сопровождалось обменом нотами между Риббентропом и Чиано, с одной стороны, и Цветковичем — с другой. В нотах Риббентропа и Чиано содержались гарантии, дававшиеся Германией и Италией Югославии: 1. уважать ее суверенитет и территориальную целостность; 2. во время войны не требовать прохода или транспортировки войск через югославскую территорию; 3. не требовать от Югославии военной помощи; 4. «при новом определении границ на Балканах» учесть заинтересованность Югославии в территориальной связи с Эгейским морем путем «распространения ее суверенитета на город и порт Салоники». В ответных нотах Цветковича подтверждалось получение германских и итальянских нот,

а также содержалось обязательство югославского правительства считать третью и четвертую гарантии строго секретными и публиковать их только в случае, если это будет согласовано с правительствами держав «оси»¹⁰⁰.

В итоге, согласно перечисленным документам, присоединение Югославии к Тройственному пакту оказывалось, по сути, лишь символическим. Но публичности об этом можно было объявить только частично, поскольку главная, третья из упомянутых гарантий должна была оставаться тайной.

Но и об остальных гарантиях югославские средства массовой информации, и в том числе правительственные, объявить почти не успели. Ибо первые же известия сначала о предстоящем, а затем об уже произошедшем присоединении Югославии к Тройственному пакту вызвали крайне негативную реакцию и острое чувство протеста в значительной, если не преобладающей массе сербского населения. В других этносах многонациональной Югославии такая реакция разделялась, как правило, лишь их левоориентированной частью, а также некоторыми демократическими и либеральными кругами. В Сербии и других регионах с сербским населением ста-

ли возникать протестные демонстрации и митинги. Волне возмущения, несомненно, способствовало то, что протестующие почти или вовсе не знали, на каких условиях руководство Югославии согласилось присоединиться к пакту. В такой общественной обстановке в ночь с 26 на 27 марта 1941 г. в Белграде несколькими расквартированными там воинскими частями, командирами которых являлись сербские офицеры-заговорщики, был произведен военный переворот. Путчисты отстранили от власти регентов во главе с Павлом и сместили правительство. На престол был — неожиданно для него самого — возведен за полгода до установленного срока (достижения 18 лет, т. е. совершеннолетия) наследный принц Петр Карагеоргиевич, ставший королем Петром II. Реальная власть оказалась в руках командующего ВВС генерала армии Душана Симовича, который стал премьер-министром и сформировал новое правительство. И хотя оно не решилось прямо аннулировать присоединения Югославии к Тройственному пакту, Гитлер принял 27 марта решение о нападении на Югославию. Нападение последовало 6 апреля и привело к стремительному захвату страны Германией, Италией, Венгрией и Болгарией.

¹ См.: Terzić V. *Slom Kraljevine Jugoslavije 1941: Uzroci i posledice poraza*. Drugo izdanje. Ljubljana; Beograd; Titograd, 1984. Knj. 1. S. 257.

² Например, повторяется тезис о якобы прогерманской внешней политике тогдашнего югославского правительства (Движение Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, 1939–1945 / Отв. ред. В. В. Марьина. М., 1995. С. 102–103) или, вопреки исторической реальности, утверждается, будто Павел с самого своего прихода к власти в 1934 г. тяготел к германофильству (Задохин А. Г., Низовский А. Ю. *Пороховой погреб Европы*. М., 2000. С. 175).

³ См., например: Боснић П. Предговор // Мирковић Б. Истина о 27. марту 1941. године / Приредило П. Боснић. Београд, 1996. С. 8.

⁴ Эта историографическая оценка в суммарном виде отражена, например, в таких крупных работах более общего характера, как: Petranović B. *Istorija Jugoslavije 1918–1988*. Beograd, 1988. Knj. 1; Idem. *Srbija u drugom svetskom ratu 1939–1945*. Beograd, 1992; Pirjevec J. *Jugoslavija 1918–1992: Nastanak, razvoj ter raspad Karadjordjevićeve in Titove Jugoslavije*. Koper, 1995; *Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг.* / Отв. ред. В. К. Волков, Л. Я. Гибианский. М., 1999; Lampe J. R. *Yugoslavia as History: Twice There Was a Country*. Cambridge (Mass.), 2002.

⁵ *Aprilski rat 1941: Zbornik dokumenata* (далее — AR). Knj. 1 / Red. D. Gvozdenović. Odg. ured. F. Trgo. Beograd, 1969. Dok. br. 104. S. 370.

⁶ Ibid. Dok. br. 125. S. 417–418.

⁷ Ibid. Dok. br. 96. S. 358–359; Dok. br. 125. S. 417–418.

⁸ См., например: Hoptner J. *Yugoslavia in Crisis 1934–1941*. New York; London, 1962. P. 170; Terzić V. *Op. cit.* Knj. 1. S. 261; Littlefield C. *Germany and Yugoslavia, 1933–1941: The German Conquest of Yugoslavia*. Boulder; New York, 1988. P. 75; Казимирић В. *Србија и Југославија 1914–1945*. Крагујевац, 1995. Књ. II. С. 389.

⁹ Не совсем ясно и то, как совместить сведения об обращении Павла к французам, целью которого было побудить к скорейшему проведению высадки в Салониках, со сведениями о том, что тогда же, в начале сентября 1939 г., югославский посланник в Риме просил послов западных держав, чтобы ни в коем случае не проводилась салоникская операция, ибо она могла бы поколебать неучастие Италии в войне, в то время как его совершенно необходимо сохранить (о демарше посланника в Риме см.: Vinaver V. *Jugoslavija i Francuska između dva svetska rata* (Da li je Jugoslavija bila francuski «satelit»). Beograd, 1985. S. 419).

¹⁰ См.: Barker E. *British Policy in South-East Europe in the Second World War*. London; Basingstoke, 1976. P. 13–18; Hoptner J. *Op. cit.* P. 170–172; Terzić V. *Op. cit.* Knj. 1. S. 261–262.

¹¹ Barker E. *British Policy...* P. 16.

¹² Ibid. P. 18.

¹³ Об этих проектах блока и интерпретации позиций выдвигавших их сторон см., например: The *Ciano Diaries*. N. Y., 1946. P. 150, 152; Vinaver V. *Vojno-politička akcija fašističke Italije protiv Jugoslavije u jesen 1939. godine* // *Vojnoistorijski glasnik*. 1966. Br. 3. S. 79–83; Marzari F. *Projects for an Italian-Led Balkan Block of Neutrals, September–December 1939* // *The Historical Journal*. Vol. XIII. Issue 4 (1970); Avramovski Ž. *Balkanska Antanta (1934–1940)*. Beograd, 1986. S. 326–331.

- ¹⁴ Avramovski Ž. *Britanci o Kraljevini Jugoslaviji*. Knj. 3 (1939–1941). Beograd, 1996. Dok. 90. S. 237–238.
- ¹⁵ Ibid. Dok. 105. S. 290.
- ¹⁶ См., например: Ibid. Dok. 105. S. 291–292; Dok. 115. S. 318–319.
- ¹⁷ Avramovski Ž. *Balkanska Antanta*. S. 329–330.
- ¹⁸ См.: Ibid. S. 330–331, 335, 336–339; Marzari F. *Op. cit.*; Документы внешней политики (далее — ДВП). Т. XXII: 1939 год. Кн. 2. М., 1992. Док. 768. С. 278–279; Док. 771. С. 281–282; Док. 773. С. 285; Док. 790. С. 314; Примеч. 274. С. 632–633.
- ¹⁹ Avramovski Ž. *Balkanska Antanta*. S. 343–345.
- ²⁰ Ibid. S. 350–351, 353–355.
- ²¹ *The Ciano Diaries*. P. 158–159, 187, 194, 199–200, 234, 243, 247; Knox M. *Mussolini Unleashed, 1939–1941: Politics and Strategy in Fascist Italy's Last War*. Cambridge; London; New York etc., 1982. P. 53–54.
- ²² См., например: *The Ciano Diaries*. P. 237, 243, 249.
- ²³ Винавер В. Политика Югославии према Италији 1939–1941. године // Историјски записи. Књ. XXV (1968). Св. 1. С. 91–94; Knox M. *Op. cit.* P. 88–92.
- ²⁴ См.: *The Ciano Diaries*. P. 234, 237, 247, 249.
- ²⁵ Ibid. P. 256–257.
- ²⁶ Avramovski Ž. *Balkanska Antanta*. S. 355–356.
- ²⁷ См., например: AR. Knj. 1. Dok. br. 104. S. 370; Avramovski Ž. *Britanci o Kraljevini Jugoslaviji*. Knj. 3. Dok. 102. S. 278–279, 280–281.
- ²⁸ Архив Србије и Црне Горе (далее — АСЦГ). Ф. 370. Фасц. 34. Арх. јед. 95. Л. 595–597, 599–602; Советско-югославские отношения 1917–1941 гг.: Сборник документов и материалов / Отв. ред. В. В. Зеленин, С. Цветкович. М., 1992 (далее — СЮО). Док. 254–255. С. 308.
- ²⁹ AR. Knj. 1. Dok. br. 192. S. 599–600; Avramovski Ž. *Britanci o Kraljevini Jugoslaviji*. Knj. 3. Dok. 149–150. S. 423–424; АСЦГ. Ф. 370. Фасц. 34. Арх. јед. 95. Л. 614.
- ³⁰ Avramovski Ž. *Britanci o Kraljevini Jugoslaviji*. Knj. 3. Dok. 151. S. 426.
- ³¹ Ibidem.
- ³² ДВП. Т. XXIII: 1940 — 22 июня 1941. Кн. 1. М., 1995. Док. 148. С. 260–267.
- ³³ СЮО. Док. 261. С. 315; Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВПРФ). Ф. 012. Оп. 2. П. 17. Д. 173. Л. 34.
- ³⁴ АВПРФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 2. Д. 11. Л. 120–123 (частично опубликовано в: СЮО. Док. 261. С. 314–315).
- ³⁵ АСЦГ. Ф. 370. Фасц. 34. Арх. јед. 95. Л. 646, 658; ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 221. С. 369–370.
- ³⁶ AR. Knj. 1. Dok. br. 241. S. 711.
- ³⁷ Ibid. Nap. 2. S. 711.
- ³⁸ См., например: Гибианский Л. Я. Балканский кризис и Советский Союз // *Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР. Материалы международной конференции, организованной Институтом всеобщей истории Российской академии наук, Университетом Латвии, Институтом современной истории (Мюнхен), Московским отделением Фонда им. Конрада Аденауэра*. Москва, 3–4 февраля 2005 г. М., 2006. С. 483–488, 495–497.
- ³⁹ См.: *Uvod* // Petranović B., Žutić N. 27. mart 1941: *Tematska zbirka dokumenata*. Beograd, 1990. S. 28 (Nap. 1); Виноградов В. Н., Ерещенко М. Д., Семенова Л. Е., Покивайлова Т. А. Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии: Документы и материалы. М., 1996. Разд. VII. Док. 20. С. 359; Avramovski Ž. *Balkanska Antanta*. S. 361; Vinaver V. *Jugoslavija i Mađarska 1933–1941*. Beograd, 1976. S. 373–376.
- ⁴⁰ Hoover Institution Archives. Collection: Vladimir Milanović Papers. Box 10. Unnumbered and untitled folder. Files: «Бугарске претензије на Македонију (од слова Француске) — Писање штампе, манифестације и напади против нас у Бугарској», «Македонско питање», «Бугарска — документарна архива»; АСЦГ. Ф. 138. Фасц. 4. Арх. јед. 11. Л. 179–180, 183–185, 187–192, 203–204, 214, 224, 225, 227, 228; Ф. 334. Фасц. 15. Арх. јед. 40. Л. 1–7. См. также: *Uvod* // Petranović B., Žutić N. 27. mart 1941. S. 42–46.
- ⁴¹ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 1). М., 1998. Док. 499. С. 47; Док. 540. С. 123; Док. 550. С. 138.
- ⁴² ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 1). Док. 578. С. 175. Москва предлагала Софии поддержать болгарские претензии к Греции и Турции, о Югославии речи не шло.
- ⁴³ Подробнее см.: Гибианский Л. Я. Балканский кризис и Советский Союз. С. 504–505; *Восточная Европа между Гитлером и Сталиным*. С. 430–431.
- ⁴⁴ См.: Terzić V. *Op. cit.* Knj. 1. S. 300, 303–304, 305–306; Vinaver V. *Jugoslavija i Mađarska 1933–1941*. S. 392–393; ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 1). Док. 583. С. 181; Petranović B., Zečević M. *Jugoslavija 1918–1988: Tematska zbirka dokumenata*. Beograd, 1988. S. 452.
- ⁴⁵ AR. Knj. 1. Dok. br. 250. S. 737; Avramovski Ž. *Britanci o Kraljevini Jugoslaviji*. Knj. 3. Dok. 204. S. 509; *The Ciano Diaries*. P. 273, 281.
- ⁴⁶ Avramovski Ž. *Britanci o Kraljevini Jugoslaviji*. Knj. 3. Dok. 204. S. 509.
- ⁴⁷ См., например: AR. Knj. 1. Dok. br. 250. S. 737.
- ⁴⁸ Ibid. Dok. br. 283. S. 854–855; Dok. br. 285. S. 857–859; Avramovski Ž. *Britanci o Kraljevini Jugoslaviji*. Knj. 3. Dok. 222. S. 539; Terzić V. *Op. cit.* Knj. 2. S. 680–681.

- ⁴⁹ The Ciano Diaries. P. 285, 286.
- ⁵⁰ AR. Knj. 1. Dok. br. 268. S. 784.
- ⁵¹ Avramovski Ž. Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Knj. 3. Dok. 220. S. 537.
- ⁵² AR. Knj. 1. Dok. br. 293. S. 872–874.
- ⁵³ Avramovski Ž. Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Knj. 3. Dok. 221. S. 538; Petranović B., Zečević M. Jugoslavija 1918–1988. S. 442.
- ⁵⁴ AR. Knj. 1. Dok. br. 293. S. 872–874 (с примечаниями); Dok. br. 304–305. S. 905–907; Terzić V. Op. cit. Knj. 1. S. 288–293.
- ⁵⁵ AR. Knj. 1. Dok. br. 287. S. 861–862; Dok. br. 293. S. 874; Dok. br. 294. S. 875–879; Dok. br. 296. S. 883–884; Dok. br. 297. S. 885–889.
- ⁵⁶ Ibid. Dok. br. 291. S. 870; Avramovski Ž. Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Knj. 3. Dok. 228. S. 545; Dok. 229. S. 546.
- ⁵⁷ Avramovski Ž. Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Knj. 3. Dok. 225. S. 542.
- ⁵⁸ Terzić V. Op. cit. Knj. 1. S. 290, 584–586.
- ⁵⁹ AR. Knj. 1. Dok. br. 304. S. 905; Avramovski Ž. Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Knj. 3. Dok. 232. S. 550.
- ⁶⁰ См.: AR. Knj. 1. Dok. br. 301–302. S. 895–900; Dok. br. 309. S. 916; Dok. br. 313. S. 926–932; Avramovski Ž. Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Knj. 3. Dok. 226. S. 543; Аврамовски Ж. Бомбардирањето на Битола на 5. XI. 1940 година и прашањето за оставката на генерал Милан Недиќ // Гласник на Институтот за национална историја. Год. VII (1963). Бр. 1.
- ⁶¹ Аврамовски Ж. Указ. соч. С. 111–114; Čulinović F. Dvadeset sedmi mart. Zagreb, 1965. S. 42; Milovanović N. Generali izdaje. Beograd, 1977. Knj. 1. S. 214–215; Terzić V. Op. cit. Knj. 1. S. 293; Petranović B. Srbija u drugom svetskom ratu 1939–1945. S. 54; Petranović B., Žutić N. 27. mart 1941: Tematska zbirka dokumenata. Beograd, 1990. S. 229. Nap. 1; Мартиновић-Бајица П. Милан Недић. Београд, 2003 (первая публикация: Чикаго, 1956). С. 69–70.
- ⁶² Ср.: The Ciano Diaries. P. 309; Terzić V. Op. cit. Knj. 1. S. 295.
- ⁶³ AR. Knj. 1. Dok. br. 312. S. 921–925; Dok. br. 314–315. S. 933–939; The Ciano Diaries. P. 312, 313.
- ⁶⁴ AR. Knj. 1. Dok. br. 323. S. 954–960.
- ⁶⁵ Ibid. S. 958–959. Это сопровождалось совершенно туманным добавлением, что «при известных условиях можно было бы пойти и дальше».
- ⁶⁶ AR. Knj. 1. Dok. br. 328. S. 970–972, а также Nap. 6. S. 972.
- ⁶⁷ Avramovski Ž. Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Knj. 3. Dok. 250. S. 569.
- ⁶⁸ AR. Knj. 1. Dok. br. 331. S. 975–976.
- ⁶⁹ АСЦГ. Ф. 138. Фасц. 1. Арх. јед. 1. Л. 526–532. См. также: Сборник радова округлог стола “27. март 1941: Кнез Павле у вихорима европске политике”. Београд, 2003. Прилози. С. 211–213.
- ⁷⁰ AR. Knj. 2 / Prired. A. Miletić. Odg. ured. F. Trgo. Beograd, 1987. Dok. br. 6. S. 22–24; Dok. br. 22. S. 72.
- ⁷¹ Ibid. Dok. br. 7. S. 25–27; Dok. br. 21. S. 69–71.
- ⁷² Ibid. Dok. br. 17. S. 62.
- ⁷³ См., например: ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 257. С. 425–426; Кн. 2 (Ч. 1). Док. 485. С. 24; АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 28. Д. 364. Л. 1–5 (частично см. также СЮО. Док. 273. С. 333–334); Ф. 012. Оп. 2. П. 17. Д. 173. Л. 74, 79, 81–82, 90, 94; Hoover Institution Archives. Collection: Milan Gavrilović Papers (далее — HIA-Gav.). Box 31. Folder 2. Gavrilović — MIP, 22.08.1940.
- ⁷⁴ ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 450. С. 687.
- ⁷⁵ См.: Cvijetić L. Prodaja naoružanja kao metod ekonomskog i političkog pritiska nacističke Nemačke na Jugoslaviju // Istorija XX veka: Zbornik radova. XIII. Beograd, 1975; Vinaver V. Jugoslovensko-ingleski ugovor o isporuci naoružanja 1940. godine // Vojnoistorijski glasnik. 1966. Br. 5.
- ⁷⁶ Hoover Institution Archives. Collection: Žarko Popović Papers (далее — HIA-Pop.). Box 1. Folder 12. P. 1–2; Folders 14, 18, 21.
- ⁷⁷ HIA-Pop. Box 1. Folders 18; 21; 23; 24; 26; 27; 28; 30; 32; 33; 35; 36. P. 2–3; Box 2. Folder 28. P. 4–5; Box 3. Folder «Др Гавриловић, Москва». P. 6, 7. См. также: Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 418, 423, 438–441.
- ⁷⁸ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 1). Док. 673. С. 387–389; AR. Knj. 2. Dok. br. 24. S. 74–76.
- ⁷⁹ AR. Knj. 2. Dok. br. 25–26. S. 77–93; АСЦГ. Ф. 138. Фасц. 4. Арх. јед. 18. Л. 302–305.
- ⁸⁰ AR. Knj. 2. Dok. br. 19. S. 66–67; Dok. br. 38. S. 162–163; Dok. br. 42. S. 170.
- ⁸¹ Ibid. Dok. br. 28. S. 97; Dok. br. 39. S. 164.
- ⁸² Ibid. Dok. br. 53. S. 202–203.
- ⁸³ Petranović B., Zečević M. Jugoslavija 1918–1988. S. 456; AR. Knj. 2. Dok. br. 55. S. 204–205; Petranović B., Žutić N. 27. mart 1941. S. 106–107.
- ⁸⁴ AR. Knj. 2. Dok. br. 55. S. 205. Таковим было настроение главным образом сербского общественного мнения, о чем еще пойдет речь впереди.
- ⁸⁵ AR. Knj. 2. Dok. br. 57. S. 207–208; Dok. br. 59. S. 211–212; Dok. br. 63. S. 219–220; Dok. br. 65–67. S. 221–225; Dok. br. 72–73. S. 230–234; Petranović B., Žutić N. 27. mart 1941. S. 117–118.
- ⁸⁶ См., например: Petranović B., Žutić N. 27. mart 1941. S. 231–236.
- ⁸⁷ Avramovski Ž. Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Knj. 3. Dok. 270. S. 597–598; Petranović B., Zečević M. Jugoslavija 1918–1988. S. 453, 454.

- ⁸⁸ Avramovski Ž. Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Knj. 3. Dok. 249. S. 568; Dok. 282. S. 610; Dok. 291. S. 621; Dok. 293. S. 623; Dok. 302. S. 634, etc. См. также: Barker E. British Policy... P. 87–88.
- ⁸⁹ Petranović B., Zečević M. Jugoslavija 1918–1988. S. 456, 457–458; Avramovski Ž. Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Knj. 3. Dok. 332. S. 668; Dok. 335. S. 671; Dok. 344. S. 684; Dok. 348. S. 688–689; Dok. 357. S. 699.
- ⁹⁰ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 2). Док. 730. С. 490; Док. 731. С. 493–494; Посетители кремлевского кабинета И. В. Сталина: Журналы (тетради) записи лиц, принятых первым генсеком. 1924–1953 гг. / Публ. подг. А. В. Коротков, А. Д. Чернев, А. А. Чернобаев // Исторический архив. 1996. № 2. С. 43; HIA-Gav. Box 32. Folder 2. Gavrilović — MIP, 23.03.1941, Str. Pov. Br. 133; Woodward L. British Foreign Policy in the Second World War. Vol. I. London, 1970. P. 539. Подробнее см.: Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 457–460.
- ⁹¹ HIA-Gav. Box 32. Folder 2. Gavrilović, Moskva, 9.03.1941. Str. Pov. Br. 111; Односи Југославије и Русије (СССР) 1941–1945: Документи и материјали. Београд, 1996 (далее — ОЈР). № 3. С. 12–15 (не вполне точный перевод на русский язык см. в: Отношения России (СССР) с Югославией 1941–1945 гг.: Документы и материалы. М., 1998 (далее — ОРЮ). № 2–3. С. 9–11).
- ⁹² АСЦГ. Ф. 378. Фасц. 1 (несређено). Арх. јед. «Посланство КЈ у Кујбишеву 1940/1941. Персонална решења службеника». Персонална документација «Симић Божин»; ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 1). Док. 591. С. 200; ОРЮ. № 1. С. 9; HIA-Pop. Box 1. Folder 58. P. 15; Box 2. Folder 28. P. 5.
- ⁹³ Так, когда после произошедшего в Югославии 27 марта 1941 г. военного переворота, о котором речь впереди, готовилась поездка в Москву делегации нового югославского правительства, Молотов телеграфировал советскому полпредству в Белграде о желательности включения Симица в состав делегации. А затем в Москве, помимо переговоров делегации в НКВДе, Симиц отдельно встречался с замначальника советского Генштаба, начальником Разведывательного управления Ф. И. Голиковым. ОРЮ. № 13. С. 20; ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 2). Док. 751. С. 531, 532.
- ⁹⁴ ОРЮ. № 3. С. 11.
- ⁹⁵ О версиях историографии подробнее см.: Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 446–454.
- ⁹⁶ Smiljanić D. Sećanja na jednu diktaturu. Beograd, 1960. S. 205–206; Јовановић Д. Политичке усмене. Књ. 6: Узлет у бури. Београд, 1997. С. 229.
- ⁹⁷ Petranović B., Žutić N. 27. mart 1941. S. 234–235.
- ⁹⁸ Avramovski Ž. Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Knj. 3. Dok. 243. S. 562; см. также: Dok. 230. S. 547–548; Dok. 273. S. 601.
- ⁹⁹ См.: Vauhnik V. Nevidna fronta. Ljubljana, 1972. S. 149; Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т. I: Накануне. Кн. 2 (1 января — 21 июня 1941 г.). М., 1995. Док. № 176. С. 76; ОРЮ. № 20. С. 26; Miner S. M. Between Churchill and Stalin: The Soviet Union, Great Britain, and the Origins of the Grand Alliance. Chapel Hill; London, 1988. P. 119; Городецкий Г. Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз / Пер. с англ. М., 1999. С. 193, 197.
- ¹⁰⁰ AR. Knj. 2. Dok. br. 108. S. 308–311; Dok. br. 110. S. 315; Dok. br. 112–118. S. 321–331. См. также: Terzić V. Op. cit. Knj. 1. S. 420–431.

Контакты СССР с югославским королевским эмигрантским правительством в годы Второй мировой войны

А. Ю. Тимофеев*

Большинство югославы, убитых в 1941–1945 гг., пали от рук собственных сограждан. Немцы убили в ходе военных действий, бомбардировок и антипартизанских мероприятий около 125 000 югославы, кроме того, немцы уничтожили около 65 000 евреев с территории Македонии, Сербии и Словении (евреев из Боснии и Хорватии убивали представители администрации НГХ). В то же время, по самым осторожным подсчетам, только на территории «независимой Хорватии» (Хорватия и Босния) хорватами и боснийскими мусульманами были убиты около 320 000 сербских мирных жителей. По минимальным оценкам, только в двух хорватских лагерях в районе Старой Градишки и Ясеновца были убиты около 80 000 сербов. Всего потери Югославии в годы Второй мировой войны оцениваются в 1 014 000–1 027 000 человек (демографические потери 1 925 000–2 022 000), около половины которых были сербами. Для сравнения скажем, что общее число погибших всех национальностей в недавней войне в Боснии составило около 100 000 человек¹. Это позволяет утверждать, что события 1941–1945 гг. в Югославии имели два равнозначных аспекта — иностранную оккупацию и многоуровневую гражданскую войну. При этом гражданская война в Югославии имела много плоскостей, проивостояли не только различные этносы и идеологии, но и сторонники различных внешнеполитических ориентаций.

Анализируя гражданскую войну в Сербии, нельзя не отметить значимость иностранных патронов для ее участников: Германии — для недичевцев и льотичевцев, США и Англии — для четников и СССР — для партизан. Но помимо этих прямых и очевидных связей существовали еще и второстепенные, однако важные для понимания сущности конфликта отношения (или попытки их установления) всех трех сторон с «чужи-

ми» патронами. Так, Недича и Льотича предпринимали попытки установить контакт с эмигрантским правительством и с англичанами. Бошко Костиц был курьером, который перевозил письма из Белграда в Стамбул². В 1942–1944 гг. имели место регулярные контакты между руководством партизан и немецкими властями в Боснии и Хорватии. Проходили встречи представителей вермахта и СС в НГХ с эмиссарами Тито: лидерами партизанского движения (М. Джилас, К. Попович, А. Хебранг) и техническими лицами (В. Велибит, М. Стилинович, Й. Брнчич, Б. Бакрач). При этом представители КПЮ получали от немцев легальные документы и свободно посещали Загреб, а представители абвера и СС — партизанские документы для беспрепятственного проезда по занятой партизанами территории. Немцы соглашались на обмен военнопленных, на признание партизан «воюющей стороной», предоставляли партизанам ряд важных медикаментов (для прививок от тифа, бешенства, столбняка и дефицитный в то время антибактериальный препарат пронтозил). В обмен партизаны заключали одиночные соглашения локального характера о временном прекращении диверсий на важных для немцев участках коммуникаций и стратегических фабриках сырья. Зондировался также вопрос координации действий между вермахтом и партизанами в случае высадки англо-американцев на Адриатическое побережье. Для переговоров с ноября 1943 г. по январь 1945 г. действовала признававшаяся и партизанами, и немцами нейтральная зона — Писаровина (25 км от Загреба)³. Много уровней, до сих пор не изученных, имелось во взаимоотношениях Тито и его окружения с англичанами, равно как и в связях четников с итальянцами и немцами⁴.

В этом же контексте нельзя обойти вниманием вопрос о связях между югославским эмигрантским

* Алексей Юрьевич Тимофеев — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института новейшей истории Сербии (г. Белград)

правительством и СССР. Об этих «деликатных темах» «горячих лет» было написано сравнительно немного. Эту неприятную для советско-югославских связей тему любили муссировать отдельные югославские «прикладные историки», чтобы представить СССР как тормоз югославской революции⁵. По тем же соображениям этот вопрос любили разрабатывать и англоязычные авторы⁶. С другой стороны, советская историография пыталась доказать, что у СССР стремления установить такие связи не было и быть не могло. Лишь в конце существования СФРЮ и СССР были опубликованы работы, которые подошли к этой теме более объективно⁷. В то же время тема королевского эмигрантского правительства в Лондоне анализировалась сравнительно детально⁸, причем наиболее подробно это сделано в объемном труде М. Терзича⁹.

Королевское правительство в эмиграции было сформировано после путча 27 марта 1941 г. и две недели спустя покинуло пределы страны, полностью перейдя под контроль и на содержание англичан. Англичане были невысокого мнения о югославских политиках в Лондоне и называли их «несчастливыми политическими сплетниками» (по словам министра иностранных дел Великобритании А. Идена), формируя из них правительство по собственному вкусу¹⁰. Югославское эмигрантское правительство находилось на грани того, что сами англосаксы характеризуют термином «марионеточное правительство»¹¹. Взаимоотношения между эмигрантским правительством в Лондоне и СССР куда ближе к теме взаимоотношений СССР и Британии. Крайне показательны, что НКВД в годы Второй мировой войны рассматривал действовавшие в СССР посольства эмигрантских правительств как организации, подчиненные английскому влиянию и действовавшие под контролем британской разведки¹².

После Апрельской войны СССР в одностороннем порядке «приостановил» дипломатические отношения с югославским правительством. Вновь дипломатические отношения между СССР и королевством Югославией были восстановлены в июле 1941 г. Это было сделано через советского посла в Великобритании И. Майского, причем интересен порядок, в котором предписывалось выполнить это поручение. Глава НКВД СССР Молотов поручил Майскому передать желание СССР о восстановлении связей «Идену [прежде всего, главе британского МИД. — А. Т.], Сикорскому [польскому премьеру. — А. Т.], Бенешу [чехословацкому премьеру. — А. Т.] и югославам [без определения ответственного лица. — А. Т.]»¹³.

Свои идеи по поводу будущего устройства Восточной Европы Советский Союз выразил в переговорах между СССР и Британией, состоявшихся в декабре 1941 года. Тогда СССР предложил подписать английской стороне «пакетом» два договора. Первый — о взаимопомощи между СССР и Британией (в дополнение к предыдущему от 12 июля 1941 г.). Второй договор предполагал конкретно утвердить послевоенное переустройство Европы. Среди про-

чего (после Чехословакии и Польши) было предложено расширить границы Югославии за счет Италии (Триест, Риека, адриатические острова) и Болгарии¹⁴. Прямые переговоры с Британией о послевоенных границах и статусе Югославии без консультаций с эмигрантским правительством еще раз свидетельствуют о реальном статусе этого правительства.

Со своей стороны, британское правительство отказывалось от переговоров по поводу территориального расширения Югославии и выдвигало собственные притязания. С осени 1941 г. английская сторона и напрямую, и через югославское правительство настаивала на том, чтобы СССР помог подчинить партизанское движение Д. Михайловичу. Эти обращения неизменно заканчивались отказом: после некоторой паузы советские дипломаты передавали один и тот же ответ — у СССР нет никаких контактов с партизанским движением в Югославии¹⁵.

При этом до середины 1942 г. выдвигались и противоположные (столь же безрезультативные) предложения советской стороны к югославам. Например, 5 мая 1942 г. НКВД СССР обратился к югославским дип. представителям в Москве — «расспрашивали о посылке самолета, на какой аэродром его можно послать, каким аэродромом располагает Дража Михайлович»¹⁶. В своем ответе югославское правительство указало, что подобные переговоры могут вестись только через Лондон, не желая участвовать в них без ведома британского правительства.

Весной 1942 г. возникла идея о заключении советско-югославского договора. Формально с предложением о подписании этого договора первой выступила югославская сторона, стремившаяся таким образом «обуздать коммунистических партизан»¹⁷. Судя по активной советской готовности подписать этот договор, СССР в то время, исходя из неких собственных соображений, также стремился подписать этот договор. Однако, как выяснилось в ходе визита В. М. Молотова в Англию летом 1942 г., на пути советско-югославской договоренности было серьезное препятствие — нежелание Лондона, чтобы этот договор был подписан. Так, 9 июня 1942 г. А. Иден заявил В. М. Молотову, что правительство Его величества заинтересовано в том, чтобы избежать подписания договора между СССР и Югославией, чтобы не допустить соперничества между Англией и СССР в подписании договоров с «маленькими странами» Европы, имеющими большие территориальные претензии. Тогда В. М. Молотов попытался убедить Идена, что речь идет о совершенно особом случае — продолжении договора, который уже был подписан до войны. Но Иден еще раз в категорической форме повторил свой протест против попыток СССР подписать такой договор с правительством Югославии. Более того, чтобы подчеркнуть свою значимость в данном вопросе, Иден сообщил Молотову, что информация о подготовке договора была получена английской стороной от самого эмигрантского правительства, которое консультировалось

с Форин-офисом об его отношении к договору. Более того, югославская сторона подробно информировала Идена о конфиденциальном проекте договора и предполагаемом сроке его действия. Этот договор должен был оставаться в силе до самого конца войны и еще пять лет спустя после ее окончания, что еще больше насторожило англичан¹⁸.

На следующий день, 10 июня 1942 г., В.М. Молотов разговаривал с Момчилой Нинчичем, министром иностранных дел эмигрантского правительства. Встреча состоялась по просьбе М. Нинчича, который хотел объяснить советской стороне о причинах того, почему югославская сторона вынуждена отказаться от подписания договора о дружеских отношениях с СССР. Естественно, Нинчич не упомянул ничего о негативном отношении английских патронов к этому договору. Югославский министр в основном напирал на то, что причины неподписания договора заключены в том, что возникли многочисленные внутриюгославские проблемы: ссора министра обороны с ведущими армейскими офицерами и особенно семейные проблемы молодого короля Петра Карагеоргиевича. Дело, по словам Нинчича, было в том, что теща потенциальной невесты Петра, греческой принцессы Аспазии, хочет, чтобы брак состоялся немедленно, этого же хочет и сам Петр, спешащий воссоединиться с Аспазией. А вот потенциальная свекровь (мать Петра) против того, чтобы брак был заключен до конца войны.

На это Молотов еще раз повторил свое предложение: «Советское правительство готово оказать югославскому правительству поддержку и хотело бы видеть Югославию не только восстановленной, но и увеличившейся за счет Италии. Поддержка Советского Союза предусматривает, что югославское правительство будет иметь прочный авторитет в стране и хорошие отношения с СССР». Нинчич же еще раз повторил свое дипломатическое «Спасибо, нет», добавив, что «югославское правительство и Дража Михайлович, как военный министр правительства, пользуются полным авторитетом в стране» и без всякой помощи СССР. В ответ на это Молотов констатировал, что у правительства СССР есть самые противоречивые сведения о Д. Михайловиче, хотя это внутреннее дело Югославии, в которое Москва не желает вмешиваться. На этом М. Нинчич попрощался с В. Молотовым, попросив «передать его искренний привет товарищу Сталину»¹⁹.

Видимо, получивший «искренний привет товарищ Сталин» не был склонен вникать в нюансы проблем, мучивших М. Нинчича вследствие нежных чувств девятнадцатилетнего югославского суверена и принцессы Аспазии. Советская сторона решила прервать переговоры с эмигрантским правительством, и уже 4 июля 1942 г. Молотов направил Майскому телеграмму, в которой попросил его поговорить об этом с британским министром иностранных дел. Майскому было поручено сообщить, что СССР согласен с мнением Форин-офиса, изложенным на переговорах 9 июня, и не

будет заключать вышеупомянутых договоров с, как выразился Иден, «малыми европейскими странами»²⁰.

Логичным шагом после этого было сделанное осенью 1942 г. признание СССР, что у него установлены контакты с югославскими партизанами. Параллельно с этим впервые СССР обвинил четников Д. Михайловича в переговорах с немцами и сотрудничестве с оккупантами²¹. Кроме того, в ноябре 1942 г. СССР также выразил свою уверенность в том, что эмигрантское правительство не имеет прямых связей с Д. Михайловичем²². Это вызывающее утверждение, повторенное несколько раз, не могло не иметь целью побудить югославское правительство доказать обратное. Однако югославский премьер С. Йованович не изменил своего подхода к вопросу. Он достаточно опрометчиво ответил, что сначала надо поставить партизан под командование Д. Михайловича и лишь после этого начинать переговоры о посылке советских офицеров связи в штаб ЮВвО²³. С этим требованием — о том, чтобы СССР приказал партизанам прекратить гражданскую войну и подчиниться Д. Михайловичу, — югославское королевское правительство столь же безуспешно выступало и в 1943 году²⁴.

Отношение НКВД СССР к югославскому эмигрантскому правительству еще более ухудшилось в результате личной инициативы югославского премьера С. Йовановича, предложившего 16 октября 1942 г. представителям эмигрантских правительств Чехословакии и Польши подписать совместные договоры, чтобы избежать послевоенной советской экспансии на запад²⁵. Советская реакция на эти не оставшиеся в тайне переговоры была особенно острой в связи с тем, что Москва уже один раз очень категорично выступила против таких договоров, — после появления югославско-греческого договора, подписанного 15 января 1942 г. с такими же целями²⁶.

Осенью 1943 г. в период между Московской конференцией министров иностранных дел СССР, Англии и США (19–30 октября 1943 г.) и Тегеранской конференцией (28 ноября — 1 декабря 1943 г.) Британия и СССР пришли к соглашению о том, что в Югославии следует поддерживать движение Тито. Тогда в Москве А. Иден последний раз упомянул Д. Михайловича в положительном контексте и предложил СССР послать свои военные миссии и к Тито, и к Михайловичу²⁷.

Однако к тому времени советская разведка уже сообщила Сталину и Молотову о том, что англичане разочаровались в Д. Михайловиче. НКВД перехватил инструкцию А. Идена британскому послу в Вашингтоне от 21 января 1943 года. В ней, в частности, говорилось, что Михайлович не борется против немцев, а англичане его поддерживают лишь как залог против «партизанского хаоса в Югославии»²⁸. НКВД получил и посланный А. Иденом У. Черчиллю 15 октября 1943 г. доклад о встрече британского министра иностранных дел с югославскими королем и премьером. Из этого доклада следовало, что англичане не

верят в то, что ЮВВО представляет собой реальную угрозу для немцев. Как писал А. Иден, «югославский премьер-министр в основном был озабочен необходимостью сберечь имеющиеся в распоряжении Михаиловича резервы для того периода, когда немцы будут изгнаны из Югославии»²⁹.

Становится понятным, почему, зная то, как низко англичане котируют Д. Михаиловича, советская сторона отказалась посылать миссию в штаб ЮВВО. В то же время «с согласия англичан» было решено, что официальная советская миссия прибудет в штаб Тито³⁰. Взаимоотношения между Д. Михаиловичем и представителями англичан в его штабе дошли до точки кипения. Руководители этой миссии Армстронг и Бейли 18 ноября 1943 г. послали в Каир телеграмму, в которой сообщалось, что дальнейшее сотрудничество с Михаиловичем бесполезно, т. к. ничто не может подтолкнуть его к активным действиям против немцев³¹.

Ко времени Тегеранской конференции стало неоспоримо, что основным соратником в Югославии не только для СССР, но и для англо-американцев может быть только Тито. Для осуществления советских контактов с Югославией британская сторона предложила СССР необходимую военную базу в Италии, которую отказывалась предоставить на недавних переговорах в Москве. Кроме того, ни слова не было сказано о желательности прибытия советской миссии в штаб ЮВВЮ³². В своем разговоре Черчилль, Сталин и Рузвельт даже не упоминали Михаиловича или Тито. Их больше интересовали операция «Оверлорд», предложение Рузвельта о формировании ООН, послевоенная судьба Германии и война с Японией³³. Лишь в самом конце официальной части Тегеранской конференции Черчилль обратился к советскому лидеру и сказал ему, что «хотел бы передать маршалу Сталину карту, освещающую положение в Югославии. Возможно, маршал Сталин захочет сверить эту карту со своими данными». С этими словами Черчилль передал Сталину карту Югославии³⁴. Так символически была решена судьба Югославии и тех граждан, которые все еще продолжали бороться против прихода к власти коммунистов. В тот же день на торжественном приеме в британском посольстве именинник Черчилль был в прекрасном настроении и провозгласил тост «За пролетарские массы!». Сталин ответил на его куртуазную шутку и предложил поднять бокалы «За консервативную партию!»³⁵.

Окончательно взаимоотношения между СССР и подконтрольным Лондону эмигрантским правительством Югославии были заморожены 14 декабря 1943 года. Тогда Информбюро Наркоминдела опубликовало заявление «О событиях в Югославии», в котором сообщило о преобразовании Антифашистского вече народного освобождения Югославии в верховный законодательный и исполнительный орган и о создании — в качестве временного правительства Югославии — Национального комитета освобожде-

ния Югославии (НКОЮ). Далее в заявлении говорилось: «Эти события в Югославии, встретившие уже сочувственные отклики в Англии и США, рассматриваются правительством СССР как положительные факты, способствующие дальнейшей успешной борьбе народов Югославии против гитлеровской Германии... С этой же точки зрения в Советском Союзе рассматривается и деятельность четников ген. Михаиловича, которая, по имеющимся сведениям, до сих пор не способствовала, а скорее наносила вред делу борьбы югославского народа против немецких оккупантов и потому не могла не встречать отрицательного отношения в СССР». В конце заявления указывалось, что Советское правительство решило направить в Югославию Советскую военную миссию, как это еще раньше сделало британское правительство³⁶. По словам участника миссии В. В. Зеленина, к концу 1943 г. советская миссия в Югославию уже была подготовлена³⁷.

В то время послом СССР при эмигрантских правительствах Греции и Югославии, перебравшихся в Каир, был Н. В. Новиков. Он считал, что это «заявление еще не означало официального признания Национального комитета освобождения в качестве правительства, но было близко к тому, что в международном праве именуется признанием де-факто. Для правительства Пурича (премьера эмигрантского правительства Югославии. — А. Т.) оно прозвучало как грозный сигнал»³⁸.

В ответ правительство Б. Пурича обратилось к СССР с запоздалым предложением... о военном союзе. Ситуация, однако, продолжила развиваться в нежелательном для эмигрантских политиков направлении. В Москве перейти на сторону НКОЮ решили посол С. Симич и военный атташе Лозич. Сохранивший верность королевскому правительству заместитель Лозича в отчаянии предлагал в январе 1944 г. эмигрантскому правительству начать прямые переговоры с правительством СССР, не зная, что такой шаг уже был предпринят³⁹.

В начале февраля 1944 г. газета «Правда» опубликовала советскую реакцию на предложение Пурича. В заметке было указано, что прозвучавшее в середине декабря 1943 г. предложение главы югославского правительства в Каире г. Пурича о заключении пакта о взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве «не могло не вызвать недоумения в советских кругах, если учесть сложившуюся в Югославии ситуацию, профашистскую роль генерала Михаиловича, до сих пор считающегося югославским военным министром, и его борьбу против народно-освободительной армии маршала Тито, а также образование Национального Комитета Освобождения Югославии, поддерживаемого широкими народными массами Югославии»⁴⁰. Эту заметку журналист ТАСС (а точнее — его высокий ментор из НКВД) дополнил едким напоминанием о том, что «вопрос советско-югославского договора уже поднимался весной 1942 года. Тогда идея советско-югославского договора была поддержана

советской стороной. Однако югославское правительство, находившееся тогда в Лондоне, очевидно, не было склонно в то время придать этому договору то же значение, которое ему придает сегодня⁴¹. Когда в феврале 1944 г. «Правда» опубликовала сообщение под выразительным заголовком «Несвоевременное предложение о советско-югославском договоре», официальная советская миссия, выехавшая из Москвы 17 января 1944 г., уже приближалась к Югославии, куда и прибыла 23 февраля 1944 года⁴².

После неудачи переговоров с СССР эмигрантское правительство Югославии попробовало подойти к проблеме с другой стороны. Б. Пурич вручил Н. В. Новикову письмо, исходившее, «по заявлению г. Пурича, от группы советских военнопленных, бежавших из германских лагерей и попавших в отряды четников ген. Михайловича... Авторы письма... чрезвычайно лестно отзываются о нем и именуют его „вождем сербского народа“. В то же время авторы письма резко нападают на главу Народно-освободительной армии Югославии маршала Тито в выражениях, фальшь которых бросается в глаза. Примитивность содержания письма вскрывает всю неуклюжесть подобных попыток реабилитации ген. Михайловича. Это письмо было возвращено советским послом г. Пуричу с указанием на явную неправдоподобность содержащихся в нем утверждений»⁴³. После этого к демаршам решила прибегнуть и югославская сторона. По воспоминаниям Новикова, Пурич демонстративно отказался от приглашения на празднование 26-й годовщины Красной Армии (23 февраля), предпочтя ей свои ежедневные обязанности, «что было замечено не только нами, но и иностранными наблюдателями»⁴⁴.

Наконец, 6 марта 1944 г. Москва официально сообщила о прибытии своей военной миссии в Югославию к Тито⁴⁵. Югославский посол и военный атташе в Москве открыто заявили о своей «смене ориентации» в письме на имя маршала НКОЮ Й. Б. Тито, опубликованном в «Правде» 11 марта 1944 года⁴⁶. Вскоре после этого СССР опубликовал сообщение о прибытии в Москву официальной делегации НКОЮ⁴⁷.

Тем временем английское правительство рекомендовало королю Петру распустить правительство Пурича и создать правительство из людей, которые не были бы «слишком неприятны для маршала Тито»⁴⁸. Изменения в югославском эмигрантском правительстве английская сторона проводила в соответствии с пожеланиями СССР⁴⁹, твердо посоветовавшего сформировать это правительство «с поддержкой маршала Тито и НОАЮ»⁵⁰. Югославский король и британский МИД сделали выбор, крайне удачный для Тито и СССР. Новым премьером стал И. Шубашич, один из лидеров крупнейшей довоенной хорватской партии — Хорватской крестьянской партии (ХКП).

Шубашич на первый взгляд выглядел крайне привлекательной для англичан фигурой, бескомпромиссным антикоммунистом, отказавшимся во время Апрельской войны 1941 г. выпустить коммунистов

из тюрем на территории Хорватии, в результате чего значительное число хорватских левых интеллектуалов попало в руки усташей⁵¹. В то же время, как хорват, Шубашич автоматически был неприятелем вышедшего из-под контроля англичан Д. Михайловича, склонявшегося к сербскому национализму. В годы войны Шубашич держался вне политической карусели эмигрантского правительства и жил в США. Однако на посту премьера И. Шубашич не только отрекся от ЮВВО и договорился с Й. Б. Тито, но и фактически помог легализации единовластия НКОЮ в Югославии.

Дело в том, что у кандидатуры И. Шубашича была еще одна сторона, менее известная в югославской и советской историографии. В телеграмме ИККИ, полученной ЦК КПЮ еще в начале 1943 (!) г., Г. Димитров спросил у Й. Б. Тито, считает ли тот необходимым официальное обращение И. Шубашича в поддержку партизан для привлечения на сторону партизан широких кругов довоенных сторонников ХКП. Более того, Г. Димитров предложил Й. Б. Тито набросать «рыбу» заявления, которое должен будет озвучить И. Шубашич. Положительный ответ лидера КПЮ на это предложение был отправлен в Москву в том же январе 1943 г., а затем опубликован в собрании сочинений Тито⁵². Однако лишь в 1994 г. стали доступны документы, освещавшие дальнейшее продвижение рекомендаций Й. Б. Тито для И. Шубашича. Г. Димитров 21 января 1943 г. передал пожелания «югославских товарищей» не кому иному, как начальнику советской разведки — П. М. Фитину⁵³. Более того, из письма Г. Димитрова становится абсолютно ясно, что предложение об использовании И. Шубашича по усмотрению Й. Б. Тито поступило именно от Перового управления НКВД СССР.

Недавно стали доступны и документы проекта «Венона», свидетельствующие о том, что независимый политик и отъявленный антикоммунист И. Шубашич стал в годы Второй мировой войны агентом советской разведки. В результате кропотливой работы криптологов из США и Великобритании в 1951 г. с использованием данных, захваченных у немцев, и материалов радиоперехвата стало возможным прочесть часть радиообмена советского посольства в Вашингтоне времен Второй мировой войны. Среди прочего стало ясно, что у НКВД имелось два важных агента в рядах югославской эмиграции в США. Это были племянник известного сербского изобретателя Н. Теслы и будущий посол титовской Югославии в США (1946–1950) Савва Косанович (оперативный псевдоним «Коло») и последний премьер королевской Югославии Иван Шубашич (оперативный псевдоним «Серес»). Главой советской резидентуры был Владимир Зарубин, а связь с агентами из югославской эмиграции поддерживал офицер под фамилией Владимир Правдин (оперативный псевдоним «Сергей»)⁵⁴. Менее определенно обо всей этой истории пишет официальный сайт СВР, где, впрочем, также

говорится, что у НКВД в годы войны были ценные агенты в эмигрантских правительствах, среди них и в югославском⁵⁵.

В дальнейшем И. Шубашич и С. Косанович вместе участвовали в переговорах с руководством КПЮ на о. Висе. Там же они договаривались о совместной тактике в организации правительства с членами ЦК КПЮ М. Джиласом и Э. Карделем. Во время этого разговора Шубашич отвел Джиласа в сторону и, пододвинувшись к нему поближе, шепнул, «что он оповещает обо всем Совету». М. Джиласу это показалось заигрыванием перед победителем, и он с негодованием сообщил об этом Э. Карделю, который воспринял рассказанное с осторожностью. Когда об этом узнал Тито, «он с усмешкой покачал головой», а Ранкович (начальник югославской госбезопасности) «удовлетворенно улыбнулся»⁵⁶.

Таким образом, осенью 1944 года танки и пехота РККА вошли на территорию Югославии, за которую

уже три года сражались советские разведчики и дипломаты. В сочетании с еще довоенной подготовкой в СССР и Испании военно-партизанских кадров для КПЮ⁵⁷ эта разведывательная и дипломатическая деятельность помогла СССР закрепить Югославию в зоне своего влияния в годы Второй мировой войны. Это разительно отличалось от действий английских войск в Греции, в столицу которой войска Его Величества вошли почти одновременно с входом РККА в Белград. СССР уже имел на Балканах заранее подготовленную силу, на которую мог переложить большую часть «грязной работы» по устранению недовольных. Англичане же были вынуждены выполнять эту часть работы сами, причем более грубо — с применением бронетехники, авиации и пулеметов. Более того, им пришлось наскоро сколачивать Национальную гвардию из «насильников и коллаборационистов», чьи действия привели к возникновению гражданской войны 1946–1949 годов⁵⁸.

¹ Kočović B. *Žrtve Drugog svetskog rata u Jugoslaviji*. London, 1985; Žerjavić V. *Gubici stanovništva Jugoslavije u Drugom svetskom ratu*. Zagreb, 1992; Janjetović Z. *Od Auschwitzta do Brijuna. Pitanje odštete žrtvama nacizma u jugoslavensko-zapadnonjemačkim odnosima*. Zagreb, 2007.

² Костић Б. *За историју наших дана*. Београд, 1996.

³ Nemačka obaveštajna služba, UDB III odeljenje. Beograd, 1958. T. V, S.577–591; Bakrač B. *Razmjena ratnih zarobljenika i uhapšenika na području Pisarovine // III godina NOR na području Karlovca, Korduna, Like, Pokuplja i Žumberka*. Karlovac, 1977. S. 845–865; Basta M., Labović Č. *Partizani za pregovarackim stolom*. Zagreb, 1986; Kazimirović V. *Njemački general u Zagrebu. Kragujevac-Beograd, 1996; Svjedočanstvo hrvatskog književnika Gabrijela Cvitana iz jeseni 1944. // Časopis za suvremenu povijest*. 2003, № 3.

⁴ Marjanović J., Draža Mihajlović između Britanaca i Nemaca. Zagreb-Beograd, 1979; Николић К. *Италијанска војска и четници у Другом светском рату у Југославији: 1941–1943*. Београд, 2009.

⁵ Морача П. *Ослободилачки рат и револуција народа Југославије 1941–1945 : кратак преглед*. Београд, 1961; Морача П. *Историја Савеза комуниста Југославије*. Београд, 1969; Morača P. *Odnosi između Komunističke partije Jugoslavije i Kominterne od 1941. do 1943. godine. // Jugoslovenski istorijski časopis*. 1969, № 1–2.

⁶ Auty P. *Tito: A Biography*. New York, 1970; Maclean F. *The Heretic: The Life and Times of Josip Broz-Tito*. New York, 1957; Campbell J. C. *Tito's Separate Road: America and Yugoslavia in World Politics*. New York, 1967.

⁷ Popović N. *Jugoslovensko-sovjetski odnosi u Drugom svetskom ratu (1941–1945)*. Beograd, 1988; Ю. С. Гиренко, Сталин — Тито. М., 1991.

⁸ Đuretić V. *Vlada na bespuću: internacionalizacija jugoslovenskih protivvrječnosti : 1941–1944*. Beograd, 1983; Šepić D. *Vlada Ivana Šubašića*. Zagreb, 1983; Stefanovski Mirjana, *Srpska politička emigracija o preuređenju Jugoslavije: 1941–1943*. Beograd, 1988.

⁹ Terzić M. *Jugoslavija u viđenjima kraljevske vlade i namesništva 1941–1945. Doktorska disertacija*. Beograd, 2004.

¹⁰ Terzić M. *Jugoslavija u viđenjima kraljevske vlade i namesništva 1941–1945. Doktorska disertacija*. Beograd, 2004. С. 854; Радојевић М. *Избегличка Влада краљевине Југославије и југословенска државна идеја // Други светски рат — 50 година касније*. Подгорица, 1995. С.217; Šepić Dragovan, *Vlada Ivana Šubašića*. Zagreb, 1983.

¹¹ McNeely C. L. *Constructing the nation-state: international organization and prescriptive action*. Westport (Con.), 1995. P. 61; Crawford J. R. *The Creation of States in International Law*. New York, 1979. P. 62–65.

¹² *История советских органов государственной безопасности*. Ред. Чебриков В. М. М., 1977. С. 405.

¹³ *Односи Југославије и Русије (СССР) 1941–1945*. Београд, 1996. С. 74.

¹⁴ Майский И. М., *Воспоминания советского дипломата, 1925–1945 гг.* Ташкент, 1980. С. 536–537; Ржешевский О. *Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискусии: Документы, комментарии, 1941–1945*. М., 2004. С. 38, 51.

¹⁵ АЈ, ф. 378 «Посланство у Кујбишеву», к. 1, д. 230–231.

¹⁶ Terzić M. *Jugoslavija u viđenjima kraljevske vlade i namesništva 1941–1945. Doktorska disertacija*. Beograd, 2004. S. 265–266; *Односи Југославије и Русије (СССР) 1941–1945*. Београд, 1996. С. 190.

¹⁷ Krizman Bogdan, *Jugoslovenske vlade u izbjeglištvu: 1941–1943 : dokumenti*, Beograd-Zagreb, 1981. S. 73.

¹⁸ *Запись беседы Молотова с Иденом 9 июня 1942 г. // Ржешевский О. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискусии: Документы, комментарии, 1941–1945*. М., 2004. С. 316–317.

¹⁹ *Беседа Молотова с югославским министром иностранных дел Ниничем 10 июня 1942 г. // Ржешевский О. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискусии: Документы, комментарии, 1941–1945*. М., 2004. С. 338–339.

²⁰ *Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945*. В 2 томах. М., 1985. Т. 1. С. 254.

- ²¹ Popović N. Jugoslovensko-sovjetski odnosi u Drugom svetskom ratu (1941–1945). Beograd, 1988. С. 92–95.
- ²² Terzić M. Jugoslavija u viđenjima kraljevske vlade i namesništva 1941–1945. Doktorska disertacija. Beograd, 2004. S. 267.
- ²³ Terzić M. Jugoslavija u viđenjima kraljevske vlade i namesništva 1941–1945. Doktorska disertacija. Beograd, 2004. S. 267.
- ²⁴ Terzić M. Jugoslavija u viđenjima kraljevske vlade i namesništva 1941–1945. Doktorska disertacija. Beograd, 2004. S. 267.
- ²⁵ Popović N. Jugoslovensko-sovjetski odnosi u Drugom svetskom ratu (1941–1945). Beograd, 1988; с. 96.
- ²⁶ Popović N. Jugoslovensko-sovjetski odnosi u Drugom svetskom ratu (1941–1945). Beograd, 1988; с. 83–84.
- ²⁷ Зелењин В. В. Совјетска војна мисија у Југославији 1944. // Пола века од ослобођења Србије. Београд, 1995. С. 17–18.
- ²⁸ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. М., 2008. Т.4. Кн.2. С. 472–474.
- ²⁹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. М., 2008. Т.4. Кн.2. С. 473.
- ³⁰ Зелењин В. В. Совјетска војна мисија у Југославији 1944. // Пола века од ослобођења Србије. Београд, 1995. С. 17–18.
- ³¹ Mackenzie W. The Secret History of SOE: Special Operations Executive 1940–1945. London, 2000. P. 431–432.
- ³² Запись беседы тов. Молотова с Иденом и Гопкинсом во время завтрака в английской миссии в Тегеране 30 ноября 1943 г. // Ржешевский О. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискусии: Документы, комментарии, 1941–1945. М., 2004. С. 397.
- ³³ Ржешевский О. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискусии: Документы, комментарии, 1941–1945. М., 2004. С. 403–404.
- ³⁴ Запись беседы тов. Молотова с Иденом и Гопкинсом во время завтрака в английской миссии в Тегеране 30 ноября 1943 г. // Ржешевский О. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискусии: Документы, комментарии, 1941–1945. М., 2004. С. 403.
- ³⁵ Ржешевский О. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискусии: Документы, комментарии, 1941–1945. М., 2004. С. 406.
- ³⁶ Саопштење ТАСС од 14. децембра 1943. // Односи Југославије и Русије (СССР) 1941–1945. Београд, 1996. С. 345.
- ³⁷ Зелењин В. В. Совјетска војна мисија у Југославији 1944. // Пола века од ослобођења Србије. Београд, 1995. С. 19.
- ³⁸ Новиков Н. В. Воспоминания дипломата: (Записки о 1938–1947 гг.). М., 1989. С. 203.
- ³⁹ Terzić M. Jugoslavija u viđenjima kraljevske vlade i namesništva 1941–1945. Doktorska disertacija. Beograd, 2004. С. 270.
- ⁴⁰ Правда. 1944, 5 февраля; Односи Југославије и Русије (СССР) 1941–1945. Београд, 1996. С. 363.
- ⁴¹ Односи Југославије и Русије (СССР) 1941–1945. Београд, 1996. С. 363.
- ⁴² Зелењин В. В. Совјетска војна мисија у Југославији 1944. // Пола века од ослобођења Србије. Београд, 1995. С. 17–22.
- ⁴³ Неуклюжие попытки реабилитации генерала Михайловича // Правда. 1944, 6 февраля.
- ⁴⁴ Записници са седница министарског савета Краљевине Југославије 1941–1945. Београд, 2004. С. 423–425; Новиков Н. В. Воспоминания дипломата: (Записки о 1938–1947 гг.). М., 1989, 204.
- ⁴⁵ Односи Југославије и Русије (СССР) 1941–1945. Београд, 1996. С. 377.
- ⁴⁶ Новиков Н. В. Воспоминания дипломата: (Записки о 1938–1947 гг.). М., 1989. С. 205; Terzić M. Jugoslavija u viđenjima kraljevske vlade i namesništva 1941–1945. Doktorska disertacija. Beograd, 2004. S. 270–271; Односи Југославије и Русије (СССР) 1941–1945. Београд, 1996. С. 378–381.
- ⁴⁷ Правда, 1944, 13 апреля; Односи Југославије и Русије (СССР) 1941–1945. Београд, 1996. С. 387.
- ⁴⁸ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. М., 1985. Т. 2. С. 73.
- ⁴⁹ Готовность У. Черчилля уважать советские интересы в Югославии контрастировала с решимостью противостоять им в Греции. (Mackenzie W. The Secret History of SOE: Special Operations Executive 1940–1945. London, 2000. P. 430–431.) Все было готово к «процентному соглашению» о разделе Восточной Европы. Ржешевский О. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискусии: Документы, комментарии, 1941–1945. М., 2004. С. 412–488.
- ⁵⁰ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. М., 1985. Т. 2. С. 80.
- ⁵¹ Šepić D. Vlada Ivana Šubašića. Zagreb, 1983.
- ⁵² Tito. Djela. Beograd-Zagreb, 1982. Т.13. S.187.
- ⁵³ Коминтерн и вторая мировая война. М., 1994. Ч. II. С. 311.
- ⁵⁴ Поздняков В. В. Тайная война Иосифа Сталина: советские разведывательные службы в Соединенных Штатах накануне и в начале «холодной войны» 1943–1953 гг. // Сталин и «холодная война». М., 1998; Поздняков В. В. Разведка, разведывательная информация и процесс принятия решений, поворотные пункты раннего периода «холодной войны» (1944–1953), http://www.pseudology.org/Abel/ColdWar_Razvedka.htm; Venona: Soviet Espionage and the American Response 1939–1957. Laguna Hills (CA), 1996; Venona, «New York to Moscow — 1016» (20, July 1944), «New York to Moscow — 1042» (25 July 1944) http://www.nsa.gov/public_info/_files/venona/1944/20jul_illegal_departure_kgb.pdf. http://www.nsa.gov/public_info/_files/venona/1944/25jul_kgb_agents_yugoslav.pdf.
- ⁵⁵ «Деятельность внешней разведки в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)» <http://svr.gov.ru/history/stage05.htm>
- ⁵⁶ Đilas M. Revolucionarni rat. Beograd, 1990, s. 401.
- ⁵⁷ Тимофејев А. Ј. Војне и безбедносне структуре СССР у припреми партизанског ратовања до почетка Другог светског рата. // Војно-историјски гласник. Београд, 2008/2, стр. 36–52.; Тимофејев А. Ј. Совјетска улога у школовању и припреми југословенског партизанског кадра до почетка Другог светског рата. // Војно-историјски гласник. Београд, 2009/1, стр. 39–56.
- ⁵⁸ Gardner H. H. Guerrilla and Counter guerrilla Warfare in Greece. 1941–1945. Fort Bragg (N. C.), 1962. P.202–21; Kousoulas D. G., Revolution and Defeat: The Story of the Greek Communist Party, London 1965; Close D., The Greek civil war, 1943–1950 : studies of polarization, London-New York, 1993.

«Комиссия Ворошилова» — ведущий орган советского планирования по Германии в период Великой Отечественной войны

А. М. Филитов*

После того как в 1943 г. был достигнут коренной перелом в Великой Отечественной (и Второй мировой) войне, приобрела насущную актуальность проблема выработки конкретных проектов послевоенного мирного устройства, в частности в том, что касалось будущего Германии. Выполнению этой задачи должны были служить три плановых органа, образованные при Наркоминделе: «Комиссия по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства» во главе с бывшим послом СССР в США, заместителем наркома иностранных дел М. М. Литвиновым, «Комиссия по возмещению ущерба, нанесенного Советскому Союзу гитлеровской Германией и ее союзниками» во главе с бывшим послом СССР в Великобритании И. М. Майским (он также получил пост заместителя наркома) и, наконец, «Комиссия по вопросам перемирия», которую возглавил маршал К. Е. Ворошилов. Деятельность первых из двух названных комиссий была освещена автором этих строк в статье, опубликованной в сборнике, вышедшем к пятидесятилетию Победы под общей редакцией О. А. Ржешевского¹. По ряду причин в этой статье не нашла практически никакого отражения работа третьей из них — «комиссии Ворошилова». Не была затронута эта тема и в опубликованной в том же сборнике статье Г. П. Кынина². Отдельные ее аспекты стали предметом рассмотрения в докладе, который автор представил на конференции, посвященной истории европейской интеграции, и который был опубликован в сборнике ее материалов³. Небольшой раздел, посвященный деятельности

«Комиссии Ворошилова», вошел в статью, посвященную более общей теме о эволюции советской политики в германском вопросе⁴. Между тем тот вклад, который эта структура внесла в разработку основ послевоенной политики в отношении побежденных стран — прежде всего в отношении Германии, весьма значителен и заслуживает отдельного самостоятельного анализа. Определенной попыткой в этом направлении является данная статья.

Остановимся вначале на персональном составе и организационной истории «Комиссии Ворошилова». Ее членами были маршал Б. М. Шапошников (заместитель председателя), дипломаты В. П. Потемкин и И. М. Майский, генерал А. А. Игнатьев (бывший генштабист дореволюционной российской армии, в период Первой мировой войны — военный агент (атташе) России во Франции), М. Р. Галактионов (редактор «Красной звезды»), С. Б. Крылов (видный правовед-международник), адмирал И. С. Исаков, С. Т. Базаров (сотрудник НКВД, секретарь). Итоговый отчет о работе комиссии, датированный 14 февраля 1946 г., фиксирует 55 заседаний, имевших место в период с 6 сентября 1943 по 29 июня 1944 года. Первой крупной разработкой комиссии был «Документ о безоговорочной капитуляции Германии» от 3 февраля 1944 года. Текст содержал 158 статей, в которых подробно перечислялись военные и политические условия, принять которые должны были «германское правительство, Верховное Командование вооруженных сил Германии и германский народ». Отдельные положения проекта еще более конкретизировались в приложенном к нему «Протоколе» из пяти разделов.

* Алексей Митрофанович Филитов — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

Востребованными поначалу оказались, однако, лишь проблемы демаркации зон оккупации и военные положения документа. В короткий срок комиссия разработала три варианта «Кратких условий капитуляции», где рассматривались именно эти вопросы (от 4, 8 и 12 февраля). Несколько заседаний в конце февраля — начале марта 1944 г. были посвящены проблемам установления гражданской администрации во Франции, Норвегии и Бельгии, а с 22-го заседания (13 марта 1944 г.) комиссия сосредоточилась на обсуждении политических аспектов германской проблемы — с явным выходом на долговременную перспективу. Этот период работы комиссии достаточно хорошо отражен в сохранившихся документах — «Протоколах» и «Дневниках». Первый вид источников представляет собой краткий перечень обсужденных на заседании вопросов и принятых решений; второй (наиболее информативный) излагает ход дискуссии. Составлялись эти документы секретарем комиссии — сотрудником НКВД Базаровым.

Постановлением СНК от 29 июня состав комиссии и ее функции были резко сокращены. В июле-августе пять заседаний были посвящены обсуждению условий перемирия с Финляндией, Венгрией и Румынией. Затем комиссия вернулась к германским делам, в основном корректируя и дополняя проекты приказов, которые должны были отдать союзные главнокомандующие после взятия на себя власти в отдельных зонах оккупации. Заседания комиссии в это время не протоколировались (если они вообще имели место)⁵.

Мандат «Комиссии Ворошилова» был значительно шире, чем об этом можно судить по ее названию. Дело в том, что еще до образования трех упомянутых комиссий был сформулирован принцип, согласно которому перед советской дипломатией ставилась задача «путем условий перемирия по возможности предпринять основные пункты будущего мирного договора»⁶. Тексты мирных договоров со странами — союзниками гитлеровской Германии, выработанные державами-победительницами и вступившие в силу в 1947 г., действительно в значительной мере соответствовали содержанию подписанных с ними ранее, еще в ходе войны, соглашений о перемирии. В этой связи можно говорить об известном совпадении компетенций и задач «Комиссии Литвинова» и «Комиссии Майского», с одной стороны, и «Комиссии Ворошилова» — с другой, параллелизме в их работе. Сразу же возникает вопрос: чем объяснить такой феномен? Шла ли речь о некоей бюрократической путанице? Вовсе нет. Дело в том, что советское планирование по проблемам послевоенного мира, в частности по германской проблеме, носило ярко выраженный плюралистический характер. Разрабатывались различные концепции и проекты. Одни из них носили стратегический характер, отражая глубин-

ные интересы государства, другие — тактический, учитывали необходимость определенным образом считаться с мнениями и установками союзников по Антигитлеровской коалиции. В частности, если у Литвинова и Майского как руководителей соответствующих плановых органов весьма сильно проявлялся ультражесткий подход к Германии и к немцам, включавший в себя идеи расчленения германского государства и деиндустриализации как гарантий против будущей агрессии, то совсем другой подход отражался в дискуссиях и рекомендациях комиссии Ворошилова. Ее участники исходили из предпосылки сохранения единого германского государства с центральным германским правительством и с определенной силовой компонентой.

Приведем несколько конкретных фактов, подтверждающих этот тезис. На 25-м заседании (25 марта) при обсуждении «проекта об оккупации» (его готовил А. А. Игнатъев) было отмечено, что расходы на содержание оккупационных органов должны «оплачиваться германским правительством», а «для охраны границ правительства СССР, Соединенного Королевства и США могут разрешить использование отдельных частей германской полиции порядка»⁷.

На 32-м заседании (27 апреля) тема о германском правительстве всплыла при обсуждении вопроса «о положении личного состава германских вооруженных сил после разоружения и объявления военнопленными». Дискуссия приняла любопытный оборот. Председатель комиссии поставил вопрос о возможности использования военнопленных в качестве рабочей силы после окончания войны, отметив, что это будет иметь место «по-видимому, преимущественно на строительстве дорог, на восстановлении зданий, а также в жилищном строительстве и на сельскохозяйственных работах» — но не в промышленном производстве. Майский выразил несогласие с таким ограничением: «можно даже выделить некоторые фабрики, которые целиком будут обслуживать пленные немцы». Вмешался маршал Шапошников, указав, что от применения труда пленных вряд ли можно ждать большого эффекта; он наблюдал, как они ремонтировали плотину возле его дачи в Архангельском: дел там было максимум на два дня, а они возились неделю. Майский снова не согласен: «производительность труда во многом будет зависеть от того, как мы организуем работу этих лиц». Ворошилов разъясняет свою точку зрения:

«Германских военнопленных правильнее будет использовать на сельскохозяйственных и, в частности, полевых работах, которые носят характер временных работ, в то время как работа на фабриках и заводах является постоянной и использовать на этой работе после капитуляции немцев, у которых в Германии будут оставаться семьи, домашние очаги и т. п., будет нелегко».

Майский, не отказываясь от своей мысли о массовом и повсеместном использовании немецкого труда, несколько ее модифицирует: «Можно организовать так, чтобы одна партия военнопленных сменяла другую... На их место германское правительство обязано будет присылать другие партии германских работников». Дискуссия переходит в русло обсуждения конкретных запросов на немецкую рабочую силу и правовых норм, которыми ее применение должно регулироваться, но тут слово берет генерал Игнатъев и делает самое радикальное предложение: «После пленения германской армии мы можем отпустить немцев домой, а по истечении известного срока потребовать у германского правительства известное количество рабочей силы». Ворошилов возражает: надо все же «предрешить вопрос» о формах и масштабах использования немецкого труда, «согласовав его с союзниками». Майский, ссылаясь на проект программы английских лейбористов, заверяет, что особых проблем с союзниками по этому вопросу не будет⁸.

Далее в «Дневнике» следует описание того, как на том же заседании обсуждался второй вопрос — «как поступить с учетными документами германских военнослужащих после капитуляции Германии». Согласно проекту, разработанному маршалом Шапошниковым, они подлежали уничтожению — «хотя бы уже потому, чтобы они не могли быть использованы для проведения новой мобилизации и для организации вновь вооруженных сил Германии», как выразился автор проекта в обоснование своего предложения. Ворошилов выразил сомнение:

«Союзникам отнюдь нечего бояться списков. Бояться надо, — сказал т. Ворошилов полушутя, — пушек, танков и другого оружия, а не списков. Наоборот, списки нужны для того, чтобы, учитывая в течение всего периода оккупации Германии германских военнослужащих, использовать их надлежащим образом на работах по восстановлению народного хозяйства союзных стран». Майский добавил, что использование труда солдат вермахта следует предусмотреть и после окончания оккупации: «после заключения мирного договора они перестанут быть военнопленными; но в самом мирном договоре должно быть прямо указано, что правительство Германии будет периодически заменять одну партию бывших военнопленных, используемых на восстановительных работах в соответствующих союзных странах, новыми контингентами германских рабочих», в чем, по его мнению, «германское правительство само будет заинтересовано», ибо налицо «необходимость всемерного сокращения тяжелой промышленности Германии», а «это вызовет большую безработицу»⁹.

Материалы этой дискуссии интересны не только тем, что практически все ее участники исходили из перспективы сохранения в Германии после войны эффективного и ответственного правительства.

В разгар войны в отношении будущей судьбы солдат противника был проявлен подход, который без преувеличения может быть назван гуманным. Ярче всего это проявилось у двух представителей генералитета — Ворошилова и Игнатъева. Интересна позиция Майского: в известной записке от 11 января 1944 г. он выступал как сторонник «раздробления» Германии, но в качестве члена «Комиссии Ворошилова» он уже принимает как само собой разумеющееся существование «правительства Германии» (именно так — в единственном числе!).

Как Майский, так и Литвинов несколько пренебрежительно относились к «гуманитарному» аспекту будущей политики в отношении Германии: проблема «перевоспитания» немцев считалась ими «неактуальной». В «Комиссии Ворошилова» было по-иному.

На ее 31-м заседании, состоявшемся 26 апреля 1944 г. — за день до обсуждения проблемы военнопленных, возник вопрос — что делать с литературой по военному делу и военной истории, имевшейся в библиотеках и книгохранилищах Германии. В подготовленном проекте предлагалось простое решение — всю ее изъять. Член комиссии С. Б. Крылов предложил поправку — изъять «только такую, которая содержит пропаганду идей милитаризма и агрессии и не изымать остальную военную литературу». Маршал Шапошников не согласился — «надо изъять всю военную литературу, независимо от того, когда и кем она была написана». Более того — надо будет запретить «издание, распространение и ввоз иностранной военной литературы». Посыл простой — «немцев надо разоружить не только физически, но и духовно». Далее в «Дневнике» следует подробное изложение мнения главы комиссии:

«Тов. Ворошилов, соглашаясь с предложением о том, что немцев необходимо разоружить также и духовно, указывает, что немцы для подготовки настоящей войны широко использовали иностранную военную литературу, и в том числе нашу (например, танковому и парашютному делу они учились у нас). Однако это не означает, что после капитуляции Германии из этой страны должна быть вывезена или уничтожена на месте всякая военная литература. Для демилитаризации Германии необходимо, во-первых, чтобы в этой стране существовала не регулярная армия, даже в сокращенном составе, а милиция в количестве, определенном союзниками, и подлежащая повседневному контролю со стороны последних. Если мы хотим, — продолжает т. Ворошилов, — перевоспитать немецкий народ, то для этого необходимо прежде всего завоевать большую часть его на свою сторону, а не ограничиваться тем, что наложить на него цепи, лишив его возможности читать какую бы то ни было литературу. Спора нет о том, что в период перемирия с немцами нужно поступать как можно более круто, однако лишать их самых элементарных привычек мы не можем. Было время, когда Антанта строила всякие комбинации

над Германией и германским народом, сложившим оружие после Первой империалистической войны. В то время мы искренне сочувствовали этому народу. Однако Антанта тогда задумала в отношении Германии и германского народа целый ряд серьезных мероприятий, но ни одного из них не провела в жизнь. Больше того, сама Антанта сразу же после заключения Версальского договора начала содействовать возрождению Германии и германской военной мощи.

Переходя к вопросу о демилитаризации Германии, т. Ворошилов сказал, что при проведении мероприятий по демилитаризации Германии необходимо исходить из того, что немцы и после капитуляции останутся все же людьми. Однако воспитываться они должны не на милитаристской, а на общей литературе. Из этого следует, что изымать и уничтожать нужно не всю военную литературу, а лишь ту литературу, которая будет включена в заранее составленные и согласованные между союзниками списки».

Эта мысль и была зафиксирована в решении комиссии — с важным добавлением о том, что соответствующий список будет «передан германскому правительству»¹⁰.

На основании такого же заблаговременно подготовленного совместно с союзниками списка предусматривался процесс чистки германской политической жизни от нацистского влияния (вначале предусматривалось автоматическое интернирование всех функционеров НСДАП — вплоть до блокляйтеров — общей численностью до 600 тыс. человек, в конечном счете было решено, что в отношении среднего и низшего звена будет взят на вооружение дифференцированный подход, причем опять-таки карательные меры по этому списку должно было бы осуществлять «германское правительство»). Дискуссия и принятие решение по этому вопросу имели место 4 мая, на 34-м заседании комиссии¹¹.

Тогда же был рассмотрен еще один вопрос — о том, является ли законодательство Веймарской республики приемлемой заменой для подлежащего ликвидации законодательства нацистского режима. Майский, к которому обратился в этом вопросом председатель комиссии, ответил на него утвердительно, хотя и с оговорками: «Разумеется, в известных пределах, установленных правительствами СССР, Союзного Королевства и США (оно) могло бы быть по крайней мере временно восстановлено сразу же после капитуляции Германии. Так как другого, более подходящего законодательства в Германии тогда не будет, а без всякого законодательства нормальную жизнь в стране организовать нельзя, то придется взять за основу старое германское законодательство и на базе этого законодательства постепенно восстанавливать в Германии республиканские учреждения»¹². Так и было решено.

Материалы работы «Комиссии Ворошилова» дают основания для вполне определенных выводов: там высказывались разные взгляды, сталкивались

разные мнения, однако результирующий вектор указывал направление однозначно: образцом для послевоенной Германии должны быть не «советская», не «социалистическая», а Веймарская, буржуазно-демократическая модель; чистку государственного аппарата от нацистов и выполнение обязательств по возмещению ущерба жертвам гитлеровской агрессии должно было осуществлять правительство единого германского государства, разумеется — под контролем союзников, продолжение сотрудничества которых в послевоенном мире считалось само собой разумеющимся.

Разумеется, нельзя идеализировать те позиции и подходы, которыми руководствовались члены этой комиссии. То у одного из них, то у другого проявлялось недоверие и подозрительность в отношении «капиталистического Запада», и это сказывалось на рассмотрении тех или иных вопросов, относящихся к послевоенному будущему Германии. Характерный пример — обсуждение на трех заседаниях проекта директивы о контроле Объединенных Наций над германским транспортом. Несмотря на то что речь шла о довольно частном вопросе, дискуссия развернулась весьма жаркая и заняла три заседания (24 мая, 9 и 15 июня). Речь шла о том, как отнестись к идее восстановления деятельности на территории Германии международных железнодорожных объединений, существовавших до войны, которая имела в проекте, внесенном в ЕКК британским представителем Стрэнгом. А. А. Игнатьев не усмотрел в проекте Стрэнга никакого криминала и предложил принять его за основу. Против него вступили Исаков, Майский и сам председатель комиссии. Главным аргументом у них был тот, что за британским проектом стоят интересы неких «частных британских фирм»¹³. Логика была простая: если что-то выгодно «капиталистической» Англии, то не может быть выгодно «социалистическому» СССР. На такой идеологизированной основе выработать разумную программу германского урегулирования было, конечно, невозможно.

Однако приведенный пример остался скорее исключением. На том же заседании 15 июня, где большинство комиссии «зарубило» проект Стрэнга, обсуждался вопрос о судьбе иностранных инвестиций в Германии, и подход к нему оказался гораздо менее предвзятым. Глава комиссии высказал ту мысль, что довоенные активы «возможно, будут возвращены или компенсированы их собственникам», а отчуждению подлежит лишь та часть балансовой стоимости того или иного предприятия, которая «явилась результатом расширения за время войны». Из числа претендентов на компенсацию должны были, по мнению Ворошилова, быть исключены те фирмы, которые во время войны поддерживали «разного рода секретные соглашения с германскими фирмами». Этой, в принципе, вполне здравой мысли сопутствовало важное замечание, что такого рода собственников «не будет поддерживать и их собственное правительство

(например, фирма „Дюпон“)»¹⁴. Здесь очевиден отход от идеи, что любое западное правительство — это «орудие монополий», с которым невозможно найти общий язык, — во всяком случае там, где затронуты интересы собственности этих самых монополий. Не лишено иронии то обстоятельство, что американская политика в Германии не подтвердила оптимистического предложения Ворошилова об отношениях между правительством США и частным капиталом; возможно, последовавшее разочарование частично объясняет резкость последующей советской критики «американского империализма».

Оценивая разработки «Комиссии Ворошилова» в развитии, можно констатировать, что оно шло, в общем и целом, в направлении большего реализма, меньшей идеологизированности. Если, например, на заседании 6 мая, где обсуждался вопрос о директивах по контролю над германской промышленностью, Ворошилов категорически заявил, что «система этого контроля должна полностью исключать возможность каких-либо сделок между промышленниками Германии и промышленниками других стран» (это означало бы нечто нереальное и контрпродуктивное — автаркию большую, чем даже при Гитлере!), то окончательная версия соответствующей статьи, вышедшая из комиссии 30 ноября, как раз санкционировала возможность заключения «финансовых, коммерческих и иных сделок» между германским правительством, германскими физическими и юридическими лицами, с одной стороны, и их контрагентами в нейтральных странах — с другой, лишь предусматривая контроль над ними со стороны четырех оккупирующих держав¹⁵.

Заметим: формулировки о германских «промышленниках», о вовлеченных в разного рода сделки «физических и юридических лицах» ясно свидетельствуют, что не предусматривалось никакого покушения на систему частного предпринимательства в послевоенной Германии. В целом подход «Комиссии Ворошилова» к проблемам послевоенного будущего Германии был далек как от идеологии «экспорта революции», так и от идеи «мести» в отношении Германии и немцев.

Какая же из комиссий играла приоритетную роль в выработке решений высшим руководством страны и соответственно — в формировании реальных политических планов? На этот вопрос однозначный ответ дают авторы-составители документального сборника «СССР и германский вопрос» Г. П. Кынин и И. Лауфер: «Среди этих комиссий главное место занимала Комиссия К. Е. Ворошилова. Это объяснялось тем, что она имела прямое отношение к переговорам союзников в рамках ЕКК¹⁶ в Лондоне, и выражалось в том, что наиболее важные разработанные ею проекты документов утверждались лично И. В. Сталиным»¹⁷. С этим ответом можно в принципе согласиться. Может быть, стоит лишь уточнить:

эта комиссия не просто «имела прямое отношение» к переговорам в ЕКК, она была тем единственным органом, где формулировалась советская позиция по обсуждавшимся в ЕКК документам о капитуляции Германии; соответствующие положения оформлялись в виде директив советскому представителю в этом межсоюзническом органе, послу СССР в Лондоне Ф. Т. Гусеву, и озвучивались последним на заседаниях ЕКК.

С чем никак нельзя согласиться, так это с утверждением тех же авторов, что «ориентировка на раздел Германии на несколько государств, о чем Сталин говорил уже в ноябре 1941 г., стала *основополагающей* в планах Наркоминдела по послевоенному урегулированию» (курсив мой. — А. Ф.)¹⁸. Такой вывод можно сделать в отношении комиссий Литвинова и Майского (хотя и там эта точка зрения не была монопольной), но никак не к комиссии, которую возглавлял Ворошилов. Материалы работы этой комиссии в изданном ими сборнике представлены несколько однобоко (на чем мы еще остановимся), но и то, что опубликовано, говорит само за себя. Так, из записи о заседании комиссии от 5 мая следует, что ее председатель подверг критике американский и британский проекты о контрольном механизме в Германии как раз за то, что «ни в одном из этих документов ни слова не говорится о месте германского правительства, его центральных органов в системе управления Германии»¹⁹. Но если бы имелась ориентация на раздел, то эту особенность западных проектов скорее следовало бы приветствовать!

И. Лауфер в одной из своих статей подробно разбирает различные обсуждавшиеся в «Комиссии Ворошилова» проекты разделения Германии на зоны оккупации (их тексты занимают, пожалуй, непропорционально большое место и в упомянутом сборнике), усматривая в них некий зловещий смысл: советская сторона имела-де изначально намерение превратить границы зон в межгосударственные границы, т. е., по сути, планировала создание двух германских государств еще с начала 1944 года²⁰. Между тем из опубликованной записи заседания «Комиссии Ворошилова» от 30 апреля 1944 г. следует, что ее председатель прямо отверг идею превращения отдельных зон в некие самостоятельные изолированные друг от друга образования. Вот как звучало его высказывание:

«... Намечаемые зоны являются лишь зонами для управления, а не зонами для хозяйничанья. Нельзя рассматривать каждую из трех зон оккупации в качестве собственности той союзной державы, которая будет ее оккупировать. Если встать на этот путь, то тогда пришлось бы согласиться и с тем, что северо-западная часть Германии вместе с Рурским и Саарским бассейнами, намеченная для оккупации британскими войсками, должна рассматриваться в качестве собственности британского правительства, с чем ни при каких условиях нельзя согласиться»²¹.

Подобная позиция была характерна не только для данной действовавшей при НКВДе комиссии (повторим — «главной» из трех имевшихся), но и для руководства 3-го Европейского отдела НКВД СССР, курировавшего германские дела. Возглавивший его с сентября 1943 г. А. А. Смирнов четко сформулировал ее в проекте ответа на запрос английского представителя в ЕКК Стрэнга (9 августа 1944 г.):

«При решении затронутого англичанами вопроса было бы целесообразно придерживаться принципа — рассматривать Германию как единое экономическое целое вне зависимости от зон оккупации. Это усилит наши позиции в вопросе о контроле германской промышленности, сосредоточенной главным образом в зоне англо-американской оккупации»²².

Этот документ не представлен в упомянутом сборнике. Возможно, это оправданно: Смирнов, по сути, продублировал высказывание Ворошилова. Труднее понять, почему составители полностью проигнорировали материалы заседаний его комиссии 26 и 27 апреля и 4 мая 1944 г., где обсуждались никак не менее важные вопросы будущего обращения с Германией — и с немцами. В результате читатель сборника может получить искаженную

картину. Из опубликованного в нем документа комиссии от 3 февраля 1944 г. он узнает, что она выступала за то, чтобы запретить в Германии всю военную литературу и интернировать всех функционеров НСДАП — вплоть до самого низового звена — блокляйтеров²³. А вот о том, что такой огульный подход позднее, а именно в ходе заседания 26 апреля и 4 мая, был отвергнут, — это осталось читателю сборника неизвестным. Данный пример показателен — он предупреждает против сугубо выборочной манеры обращения с источниками. В ситуации, когда после открытия российских архивов источников стало много, «выбрать» (в смысле — вырвать) то, что соответствует порой предвзятой концепции, стало неизмеримо легче. Это создает определенную проблему. Тем важнее показать полную палитру имевшихся в советском внешнеполитическом сообществе подходов и концепций, выделить в них то, что представляло главное направление планирования. В этом смысле, анализ деятельности «Комиссии Ворошилова» имеет особое значение — в том числе и в плане опровержения определенных искаженных представлений, имеющих в историографии.

¹ См. Филитов А. М. В комиссиях Наркоминдела...//Вторая мировая война. Актуальные проблемы. Отв. ред. О. А. Ржевский. М., 1995, с. 54–71.

² См. Кынин Г. П. Антигитлеровская коалиция и вопрос о послевоенном устройстве Германии // там же, с. 166–176

³ Филитов А. М. Европа в советских планах послевоенного устройства // История европейской интеграции (1945–1994). Под ред. А. С. Намазовой и Б. Эмерсон. М., 1995, с. 17–29.

⁴ Филитов А. М. СССР и германский вопрос: поворотные пункты (1941–1961 гг.)// Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива. Отв. ред. Н. И. Егорова, А. О. Чубарьян. М., 2003, с. 223–256.

⁵ См.: АВП РФ, ф. 06, оп. 6, п. 15, д. 150, лл. 2–4.

⁶ СССР и германский вопрос. 1941–1949: Документы из Архива внешней политики Российской Федерации. Т. 1: 22 июня 1941 г. — 8 мая 1945 г./ Сост. Г. П. Кынин, Й. Лауфер. М., 1996, с. 222.

⁷ АВП РФ, ф. 06, оп. 6, п. 15, д. 150, л. 64.

⁸ Там же, л. 91–94.

⁹ Там же, л. 95.

¹⁰ Там же, л. 84–88.

¹¹ Там же, л. 110–112.

¹² Там же, л. 109.

¹³ Там же, л. 141–143, 154.

¹⁴ Там же, л. 145.

¹⁵ Там же, л. 361.

¹⁶ ЕКК (Европейская Консультативная Комиссия) была образована по решению Тегеранской конференции и имела своей главной задачей выработку условий безоговорочной капитуляции Германии и будущей политики союзников в германском вопросе. В ее работе первоначально участвовали представители СССР, США и Великобритании, а позднее к ним присоединился представитель Франции.

¹⁷ СССР и германский вопрос..., Т.1, с. 26. Тот факт, что руководитель «Комиссии по репарациям» Майский являлся рядовым членом «Комиссии Ворошилова», также много говорит о том, какая из них была более авторитетной.

¹⁸ Там же, с. 15. Это утверждение стало широко тиражироваться в зарубежной историографии. См. Badstübner R. Vom «Reich» zum doppelten Deutschland: Gesellschaft und Politik im Umbruch, Berlin, 1999, S. 44–47.

¹⁹ СССР и германский вопрос..., Т.1, с. 469–470.

²⁰ Laufer J. Die UdSSR und die Zonenteilung Deutschlands (1943–1944)// Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, 1995, H. 4.

²¹ СССР и германский вопрос..., Т.1, с. 467.

²² АВП РФ, ф. 012, оп. 5, п. 61, д. 101, л. 55.

²³ СССР и германский вопрос, с. 397.

Боевые действия Красной Армии осенью 1944 г. и проблема выхода Венгрии из войны

А. С. Стыкалин*

Решающим фактором, предопределившим место Венгрии в Версальской системе международных отношений, явился, как известно, Трианонский мирный договор 1920 г., в соответствии с которым волею держав-победительниц соседним странам были переданы обширные территории, в эпоху дуализма относившиеся к венгерской половине монархии Габсбургов и управлявшиеся в 1867–1918 гг. из Будапешта (Трансильвания и Банат, Словакия, Хорватия, Воеводина, Закарпатская Украина, Бургенланд). Территория нового венгерского государства составила около 30% площади исторического Венгерского королевства (так называемых земель короны «святого Стефана — Иштвана», а также хорватских коронных земель). На ней в год Трианона проживало всего 41% населения довоенной Венгрии, при этом наряду с землями, где основное ядро населения составляли прежние национальные меньшинства (хорваты, обладавшие прежде ограниченной автономией, а также сербы, румыны, словаки, закарпатские русины), к соседним странам отошел и ряд территорий с преобладанием компактно проживавшего венгерского этноса (в частности, в Южной Словакии и в Восточной Трансильвании, вдали от новых венгеро-румынских границ). Так, каждый четвертый венгр оказался за пределами своего национального государства. Таким образом, несмотря на усилия международных экспертов, представивших участникам Версальской конференции результаты изучения расселения этносов в регионе, установленные границы явно не могли удовлетворить все заинтересованные стороны, что содержало в себе зачаток будущих конфликтов, способных подорвать с трудом достигнутое равновесие сил в Дунайском бассейне. Что же касается Венгрии, неизменно пре-

тендовавшей на доминирующие позиции на востоке Центральной Европы, то она по итогам Первой мировой войны понесла наибольшие территориальные потери и была низведена до положения малого государства — соседние Румыния, Чехословакия и Югославия каждая в отдельности превзошли ее по площади и по численности населения.

Влияние Трианона на венгерское национальное сознание трудно переоценить. Последнее во многом базировалось на представлениях о нерушимости «коронных земель» в их средневековых границах и, как пишет современный венгерский историк Л. Контлер, «было скроено по образцу, вполне соответствовавшему мироощущению граждан среднего по размерам государства с 20–30-миллионным населением». Оно «испытало ужас ментальной клаустрофобии, когда его заставили втиснуться в узкие пределы маленькой страны, населенной всего 8 млн. граждан»¹. Неудивительно, что внешняя политика хортистского режима, направленная на ревизию трианонских границ (а пожалуй, ни одно европейское государство, включая Германию, не выдвигало требований пересмотра версальских мирных договоров в их территориальном аспекте с такой настойчивостью и упорством, как Венгрия), была всецело поддержана общественным мнением страны, в течение двух межвоенных десятилетий так и не адаптировавшимся к новой геополитической ситуации. С точки зрения внутренней политики лозунг ревизии Трианона имел огромное консолидирующее значение, став важнейшим инструментом достижения национального единства.

Оставшееся неизменным на протяжении всего межвоенного периода требование пересмотра Трианонского мирного договора предопределило внешнеполитические ориентации хортистского режима, его

* Александр Сергеевич Стыкалин — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

сближение сначала с фашистской Италией, договор с которой, заключенный в 1927 г., вывел Венгрию из внешнеполитической изоляции², а затем и с нацистской Германией, как и Венгрия, стремившейся к ревизии Версальской системы. При содействии Германии и Италии режиму Хорти удалось в 1938–1941 гг. вернуть часть отторгнутых Трианоном земель, и в том числе Северную Трансильванию, присоединенную к Венгрии волевым решением в результате Второго венского арбитража в августе 1940 года³. Таким образом, политика сближения с державами «оси» принесла некоторые видимые плоды, хотя и далеко не в полной мере удовлетворившие ревизионистские аппетиты хортистской политической элиты, но все же давшие официальному Будапешту основания продолжать свой прежний курс.

Это не означало, что в окружении регента Хорти не было людей, настроенных антигермански. Последовательным сторонником ориентации на Великобританию и США, в 1942–1944 гг. немало сделавшим для наведения мостов к этим странам, был прямой потомок трансильванских князей граф Иштван Бетлен, премьер-министр в 1921–1931 гг. Другой выдающийся политический деятель эпохи Хорти, граф Пал Телеки, воспользовался союзом с Германией для частичной реализации ирредентистских планов — именно в период его второго премьерства (1939–1941 гг.) Северная Трансильвания перешла под венгерскую юрисдикцию. Вместе с тем, будучи убежденным консерватором англофильского толка, граф Телеки не переставал в душе оставаться сторонником западных демократий в их противоборстве с Гитлером. Это почувствовали и иные из его зарубежных партнеров. После венгерско-итальянских переговоров, состоявшихся в 1940 г., министр иностранных дел Италии Чиано записал в дневнике: «Телеки не скрывает своих симпатий к западным державам и как чумы боится побед немцев»⁴.

В начале апреля 1941 г., в знак протеста против диктата Германии, требовавшей от Венгрии пропустить через свою территорию соединения вермахта и тем самым склонить ее к участию в войне с Югославией, Телеки застрелился в своей резиденции. Договор о мире и вечной дружбе между Венгрией и Югославией, подписанный незадолго до этого, был нарушен, и Венгрия фактически вступила во Вторую мировую войну на стороне Германии⁵. После молниеносной Балканской кампании вермахта хортистская политическая элита, уверовав в непобедимость германского оружия, сделала ставку на дальнейшее укрепление союза с Третьим рейхом. В конце июня 1941 г., через считанные дни после нападения Германии на СССР, Венгрия также объявляет войну СССР⁶, не поддавшись на соблазнительное предложение советской стороны, — уже 23 июня В. М. Молотов пригласил к себе венгерского посла И. Криштоффи и заявил ему, что в случае нейтралитета Венгрии Советский Союз в ходе послевоенной мирной кон-

ференции будет поддерживать все венгерские требования в отношении Трансильвании⁷.

Ситуация начала меняться в 1942 г., когда стали очевидными не только затяжной характер войны на Восточном фронте, но и непредсказуемость ее конечного результата. Прогермански настроенного Л. Бардоши сменил на посту премьер-министра Венгрии М. Каллаи, вскоре предпринявший первые шаги по наведению мостов к Великобритании и США с целью выяснения возможностей выхода страны из войны. Политика балансирования между Германией и противостоявшими ей западными державами значительно активизировалась с весны 1943 г., после поражений немцев под Сталинградом и разгрома Второй венгерской армии на Дону (около 80 тыс. венгерских солдат погибло в январе 1943 г. в ходе наступательной операции Красной Армии), а особенно после битвы под Курском, когда поражение Германии в войне вызвало во всем мире все меньше сомнений. Надо сказать, что Сталинград привел в действие механизмы тайной дипломатии не только Венгрии, но и других союзников Германии, заставил их искать конкретные пути выхода из войны, прорабатывать разные варианты, выискивать удобный момент, и делать все это иногда в координации друг с другом — можно напомнить, в частности, о поездке Каллаи в Италию в апреле 1943 г., его встречах с графом Чиано и римским папой⁸. В течение 1943 г. как по дипломатическим каналам, так и через разведывательные службы предпринимаются многочисленные попытки выйти в нейтральных странах (Швейцарии, Турции, Швеции, Португалии) на контакт с представителями Великобритании и США и запросить об условиях такого сепаратного мира с этими державами, который гарантировал бы неучастие Красной Армии в оккупации страны силами Антигитлеровской коалиции. Советский Союз предполагалось заведомо исключить из переговорного процесса — в Будапеште считали недопустимым, чтобы условия перемирия диктовала Москва⁹. Расчет делался на высадку войск США и Великобритании на Адриатике и их последующее продвижение к центру Европы. Допускалась также возможность переброски по воздуху нескольких англо-американских дивизий¹⁰.

Выход Италии из войны в начале сентября 1943 г. побудил Венгрию еще интенсивнее искать пути сближения с западными державами, что, однако, отнюдь не гарантировало скорого успеха внешнеполитическим начинаниям Каллаи. Представители Великобритании и США долгое время не выражали решимости не только к подписанию, но даже к обсуждению на официальном уровне условий какого-либо сепаратного соглашения с Венгрией, в целом соблюдая договоренности с СССР и настаивая в соответствии с этими договоренностями на переговорном процессе с участием Советского Союза. В основе такой позиции лежало нежелание осложнять из-за Венгрии отношения со Сталиным (в Москве знали

о многих из предпринимавшихся хортистами шагов из донесений разведки, а иногда получали информацию и по официальным дипломатическим каналам). Надо сказать, что в Будапеште в 1943 г. несколько преувеличивали противоречия между союзниками по Антигитлеровской коалиции, ошибочными оказались и расчеты на то, что СССР в результате тяжелой войны ослабнет настолько, что условия мирного урегулирования будут диктовать исключительно США и Англия; роль советского фактора в послевоенной Европе, таким образом, недооценивалась.

Скептицизму западных демократий в отношении перспектив сотрудничества с хортистской Венгрией способствовало и поначалу не слишком скрывавшееся в ходе тайных контактов стремление хортистов получить гарантии сохранения политического режима, существовавшего в стране, а также явное нежелание идти на компромисс в вопросе о послевоенных границах Венгрии. Даже после неудач на фронтах Второй мировой войны хортистское правительство не сразу отказалось от идеи восстановления Венгрии в границах до 1918 г., лишь в 1943 г. в Будапеште начинают прорабатываться альтернативные проекты, в том числе о создании Дунайской Федерации, в которой Венгрия играла бы доминирующую роль. Такой план перекликался с относившейся к тому же времени идеей Черчилля о возможном образовании в Центральной Европе федеративного государства, однако вызывал настороженное отношение антифашистских политических элит соседних стран. Представитель югославского королевского правительства в Анкаре Шуменкович говорил 7 июля 1943 г. послу СССР в Турции С. А. Виноградову: новый венгерский план «показывает, что Венгрия этой комбинацией хочет заполучить все то, что когда-то потеряла Австро-Венгрия, и демонстрирует то, что дважды битая Венгрия не хочет расстаться со своими империалистическими намерениями»¹¹.

С большей готовностью западные демократии шли на контакт с представителями венгерской оппозиции — например, лауреатом Нобелевской премии 1937 г. по медицине А. Сент-Дьерди, который в 1943 г. в ходе встреч с англо-американскими эмиссарами в Турции не связывал себя официальными установками хортистского режима. Стремясь придать своему правлению более привлекательное лицо и из тактических соображений продемонстрировать западному миру свою способность к демократической эволюции, хортисты вышли на контакт с некоторыми представителями оппозиции и, в частности, склонили к участию в переговорах проживавшего в Стокгольме с чехословацким паспортом и служившего в британском посольстве видного деятеля венгерской социал-демократической эмиграции, наркома обороны Венгерской Советской Республики 1919 г. Вильмоша Бема, что, однако, тоже не имело большого эффекта. Бем согласился работать в интересах будущего Венгрии, не скрывая, однако, что продолжает оставаться

сторонником кардинального переустройства политической системы страны, что, конечно, делало проблематичным выполнение им какой-либо миссии от имени режима Хорти. Контакты Бема с англичанами были расценены в Будапеште как бесперспективные, поскольку выдвинутое Лондоном и принятое Бемом требование о смене режима сочли неприемлемым. Венгерский дипломат Уллейн-Ревецкий, готовивший в интересах спасения хортистского режима переговоры Бема с англичанами, получил в мае 1943 г. из Будапешта инструкцию: «Позиция венгерского правительства и на нынешнем решающем этапе войны остается неизменной — самая большая служба, которую вы можете сослужить, заключается в том, чтобы всеми средствами стараться сохранить существующий в стране строй, его руководящие органы, государственный аппарат, чтобы в послевоенное время страна не стала жертвой анархии в бассейне Дуная»¹². С другой стороны, контакты Бема с представителями Форин-офиса и деятелями британской лейбористской партии, в ходе которых обсуждался вопрос о статусе Венгрии в послевоенной Европе, вызвали неудовольствие как чехословацкого эмигрантского правительства, так и официальной Москвы. В июне 1943 г. Молотов заявил протест послу А. К. Керру в связи с попыткой правительства Великобритании без консультации с союзниками вступить в сношение с враждебным государством. По мнению Кремля, секретные переговоры с участием Бема имели целью помочь венгерскому правительству избежать ответственности за участие в войне в качестве союзника нацистской Германии¹³. В итоге британскому Форин-офису пришлось указать на неофициальный характер миссии Бема при том, что лейбористская партия входила в это время в правящую коалицию.

Поездка Бема в Лондон никакими реальными результатами не увенчалась. Тем не менее к концу 1943 г. переговорный процесс с Западом приобретает необратимый ход, Великобритания и США отказываются от бомбардировок венгерской территории, настаивая в свою очередь на том, чтобы со стороны правительства Венгрии были предприняты конкретные действия, свидетельствующие о его решимости порвать с Германией и о его доброй воле. Предлагалось, в частности, отозвать венгерские войска с Восточного фронта и перевести их в Хорватию, ближе к расположениям англо-американских войск. Речь шла также о саботаже приказов германского командования и лишь в более отдаленной перспективе о сложении оружия. Как было заявлено представителем английской разведки в Швейцарии венгерскому эмиссару, «от Венгрии ждут таких действий, которые будут полезны для союзников с точки зрения ведения войны, которые могли бы сократить продолжительность войны и содействовать поражению немцев»¹⁴. От того, когда и каким образом Венгрия порвет с немцами и будет ли она еще до этого своим пассивным сопротивлением мешать вермахту осуществлять

военные акции, зависело отношение к ней в будущем. По некоторым свидетельствам, встречаясь в Стамбуле с венгерским представителем, его американские партнеры по переговорам заявили, что если Венгрия выйдет из войны раньше Румынии, у Будапешта останется больше шансов на сохранение за собой после войны Северной Трансильвании¹⁵. В то же время в ходе переговоров англичане и американцы давали хортистам понять нереальность расчетов на переброску по воздуху на венгерскую территорию нескольких союзнических дивизий: западные державы, по однозначным утверждениям их полномочных представителей, не станут жертвовать жизнями тысяч своих солдат только для того, чтобы защитить Венгрию от русских, а также от посягательств некоторых соседних стран, имевших к официальному Будапешту в той или иной мере обоснованные территориальные претензии. Как известно, в соответствии с планами, предварительно согласованными в 1943 г. в Тегеране, венгерскую территорию должны были временно оккупировать соединения Красной Армии (надежды хортистов на англо-американский десант были тем более утопическими, что в начале 1944 г. войскам союзников пришлось столкнуться в Северной Италии с отчаянным сопротивлением вермахта и наступление к центру Европы застопорилось).

В первые месяцы 1944 г. правительство М. Каллаи в ходе контактов своих эмиссаров с Западом не только декларировало готовность вывести страну из войны, но согласилось и с требованием безоговорочной капитуляции. Вместе с тем, опасаясь превентивной оккупации вермахтом венгерской территории, оно не решалось идти на сколько-нибудь радикальные меры до подхода союзнических армий к венгерской границе и, более того, едва ли было способно на такие меры, поскольку положение в венгерской армии в целом контролировалось немецким командованием. Нерешительная попытка отозвать венгерские войска с Восточного фронта была все же предпринята, но ее не удалось осуществить из-за контроля немцев над транспортными путями. Требование англичан и американцев о предоставлении им всей имевшейся в венгерском генштабе информации о вермахте и его военных планах было в принципе выполнимым, но о любых конкретных шагах в этом направлении сразу стало бы известно спецслужбам Третьего рейха, что повлекло бы за собой резкое обострение венгеро-германских отношений, немцы нашли бы хороший повод для оккупации Венгрии. Тем более рискованным было бы содействие властей организации подпольных, партизанских групп для действий против немецких эшелонов, следующих через территорию Венгрии (западные союзники настаивали и на этом). Каллаи считал возможным только медленный отход от Германии, постепенное сокращение сотрудничества с ней в военной области, и пытался через своих эмиссаров убедить в этом англичан и американцев. Те, однако, не только видели бессилие венгерских

властей, но и имели некоторые основания обвинить их в двойной игре, недобросовестной попытке оттянуть время, уклониться от выполнения взятых на себя обязательств. Характерно в этой связи, что направлявшиеся с особыми поручениями в нейтральные страны венгерские представители, как правило, не имели письменных полномочий на заключение каких-либо соглашений.

Как бы там ни было, угроза выхода Венгрии из войны стала к весне 1944 г. достаточно реальной. Чтобы воспрепятствовать возможной капитуляции стратегически важного союзника, Германия оккупировала Венгрию 19 марта 1944 г. и настояла на замене правительства Каллаи более надежным¹⁶.

Что и говорить, немецкая акция в корне меняла перспективы переговоров хортистской элиты с англо-американцами. Поиски путей перемирия с противниками Третьего рейха прекратились вплоть до падения в Румынии режима Антонеску 23 августа 1944 г. и объявления королем Михаем войны Германии. Хорти меняет прогерманский кабинет Д. Стойяи на правительство генерала Г. Лакатоша, которое предпринимает новый зондаж относительно условий перемирия со стороны западных держав. 7 сентября на заседании Совета короны у Хорти вопреки противодействию прогерманских политиков было принято решение начать переговоры о перемирии со странами Антигитлеровской коалиции¹⁷. Единства мнений в высших эшелонах власти, впрочем, не было, что делало крайне противоречивой проводимую политику. Так, 11 сентября правительство снова высказалось за продолжение войны с Германией. Не будучи уверенными в успехе, инициаторы разрыва с Третьим рейхом опасались вынесения вопроса на обсуждение парламента.

В начале осени 1944 г. антигермански настроенные венгерские политики по-прежнему сохраняли надежду на возможность выброски англо-американских войск на Адриатике (близ Риеки) и их последующего наступления в направлении Венгрии. Для того чтобы выиграть время для реализации этого плана, венгры собирались просить военное командование западных держав обратиться к советскому командованию с предложением временно приостановить наступление Красной Армии на Венгрию в целях создания условий для перегруппировки венгерских войск и их переориентации на войну с Германией (было подготовлено также письмо Хорти к римскому папе с просьбой о посильном содействии выполнению вынашивавшихся в Будапеште планов). Между тем предварительный совместный англо-американский проект условий для заключения перемирия с Венгрией был разработан еще в августе. В сентябре венгерским эмиссарам в Италии было со всей определенностью заявлено со стороны Великобритании и США, что перемирие с Венгрией возможно лишь на основе безоговорочной капитуляции, причем любое предложение о капитуляции должно быть

адресовано всем трем главным союзникам, и если венгерское правительство искренне желает заключить перемирие, оно должно назначить представителя или миссию с соответствующими полномочиями для подписания такого перемирия¹⁸. Вступая в контакт с западными дипломатами, эмиссары Хорти пытались изложить свои условия выхода Венгрии из войны. Прежде всего они стремились добиться гарантий, что существующий режим будет сохранен. В составленный венгерской стороной проект перемирия был внесен также пункт о том, что военные действия Красной Армии должны быть прекращены на существующей на данный момент линии фронта. По замыслу хортистов, это позволило бы избежать советской оккупации страны.

Вскоре, осознав в ходе встреч с англо-американскими представителями всю иллюзорность надежд на то, что советскую оккупацию удастся предотвратить, агенты Хорти и Лакатоша не переставали, однако, настаивать на участии в освобождении Венгрии от нацистов соединений западных держав, чтобы страна не оказалась исключительно под советским контролем. Между тем дипломатические круги и военное командование стран-союзниц СССР, исходя из прежнего опыта, не очень верили в серьезность и искренность намерений хортистов. Для этого были и новые основания: венгерский эмиссар Надаи, прибывший в Италию, не получил официальных полномочий на ведение переговоров о перемирии, лишь информировал о венгерских условиях перемирия. В свою очередь венгерские политические круги в Северной Трансильвании, находившейся ближе к линии фронта, все настойчивее требовали от Будапешта установления прямых контактов с советским командованием в целях предотвращения бессмысленного кровопролития. После заключения 12 сентября перемирия с Румынией они все более опасались, что промедление с перемирием Венгрии сводит к нулю все шансы на сохранение в ее составе Северной Трансильвании. Но в Будапеште не спешили договариваться с Москвой, рассчитывая, что удастся задержать части Красной Армии в Карпатах, где была выстроена мощная линия обороны. В этих условиях трансильванские венгерские политики продумывают возможности самостоятельного выхода на контакт с советским командованием.

В конце концов осознав нереальность расчетов на противоречие между СССР и Западом, хортисты начиная с 25 сентября устанавливают контакты с советским командованием. 26 сентября в Москву через Словакию была доставлена неофициальная делегация в целях зондажа позиции СССР, а 1 октября прибыла официальная делегация во главе с генералом Г. Фараго, привезшая письмо Хорти Сталину, в котором говорилось о готовности Венгрии к перемирию¹⁹. Письменными полномочиями делегация вначале опять-таки не обладала. Позже Хорти телеграммой дал знать, что полномочия на подписание соглаше-

ния о перемирии будут даны только после того, как станут известны условия перемирия. В конце концов 10 октября Хорти телеграммой уведомил о том, что делегация получила полномочия на заключение перемирия, а 11 октября согласился с условиями, продиктованными Москвой²⁰. Венгерский регент пошел на контакт с СССР не только после долгих колебаний (хотя Красная Армия уже непосредственно подошла к границам Венгрии), но лишь после того, как сторонники более решительных действий подбросили ему сфальсифицированный документ — пришедшее якобы из Словакии обращение командира одного из партизанских соединений с изложением условий перемирия, продиктованных Советским Союзом. Условия в этом документе предлагались, надо сказать, более чем щадящие — в нем не было требования об объявлении войны Германии, гарантировалось сохранение существующей администрации, было обещано проведение плебисцита на всей территории Трансильвании, результаты которого должны быть учтены на мирной конференции.

Делегация во главе с Фараго в ходе переговоров, происходивших в Москве, пыталась уклониться от объявления войны Германии, в то же время не уставала настаивать на сохранении в Венгрии действующего административного устройства, выразила также пожелание, чтобы румынские войска не переходили границы, образованной вследствие Второго венского арбитража 1940 г.; аналогичные по характеру требования касались также югославских и словацких войск. Советская сторона в свою очередь требовала от Венгрии немедленного объявления войны Германии по примеру Румынии, участия в боевых действиях против немецких войск, эвакуации венгерских войск и чиновников в пределы границ, существовавших на 31 декабря 1937 г., в течение 10 суток. Обсуждение растянулось на несколько дней, что свидетельствовало о сохранявшейся с венгерской стороны тактике выжидания. Позже Хорти признал в мемуарах: «От последнего, решающего шага я воздерживался. Просьба о перемирии всегда горька, но то, что англичане и американцы адресовали нас исключительно к русским, поистине означало трагедию для нас»²¹. В конце концов, получив телеграммой согласие от Хорти, 11 октября венгерская делегация поставила подпись под документом о предварительных условиях перемирия. Советские условия были приняты. Вместе с тем регент и его окружение просили советское командование приостановить наступление Красной Армии на будапештском направлении, чтобы дать возможность отвести венгерские войска к столице для укрепления позиций правительства, и до тех пор отсрочить объявление войны Германии. Команда о приостановке советских войск была дана²². Прогермански настроенная часть генералитета и государственного аппарата всячески саботировала попытки выведения Венгрии из войны²³. К тому же гитлеровские спецслужбы произвели аресты антигермански

настроенных генералов и офицеров. Вопреки соглашению венгерская сторона не только не отвела свои части к столице, но, используя передышку, предприняла активные боевые действия против советских войск в районе Сольнока. Близ Будапешта, на подъезде к городу, были убиты два красноармейских парламентаря. В свою очередь сам регент и его ближайшее окружение, хотя и приняли ряд мер по подготовке выхода страны из войны²⁴, вместе с тем, опасаясь путча, до самого конца оттягивали требование о начале боевых действий против вермахта. Русским трудно понять, что в сознании венгерского офицерского корпуса объявление войны немцам встретит по меньшей мере недоумение, якобы заявил Хорти при обсуждении предъявленных условий перемирия²⁵. В зачитанной по радио 15 октября прокламации о выходе страны из войны и разрыве союза с Германией также ничего не было сказано о начале боевых действий против Третьего рейха, а за прокламацией вообще не последовал конкретный приказ воинским частям. Тактика выжидания проявилась и в том, что венгерский офицер, направленный в распоряжение 4-го Украинского фронта для переговоров о согласовании действий советской и венгерской армий, не обладал необходимой информацией о дислокации венгерских войск²⁶. В Москве создавалось впечатление, что венгерские лидеры по-прежнему стремятся затянуть сроки разрыва с Германией, хотя здравый смысл, казалось бы, требовал быстрых действий, чтобы не дать немцам времени для превентивных мер. Можно согласиться с венгерским дипломатом Д. Барца, писавшим: «Для Венгрии настоящей катастрофой стало то, что все предпринимавшиеся в ходе войны внешнеполитические акции из-за несовершенства исполнения, примитивизма не только захлебнулись, но повлекли за собой беды. При более квалифицированном, энергичном и последовательном исполнении планов можно было бы осуществить их успешно (об этом свидетельствует пример Румынии)»²⁷.

15 октября в Будапеште был совершен государственный переворот, Хорти был отстранен от власти, а пришедший ему на смену лидер партии нилашистов

Салашы оставался верен Германии до самого конца. Из-за нилашистского путча события развернулись по наихудшему сценарию. Шанс был упущен, подписание перемирия с Венгрией было отсрочено на 3 месяца. К этому времени в Венгрии было сформировано под контролем Москвы новое правительство, в котором тон задавали левые силы; сфера его действия расширялась по мере продвижения Красной Армии по территории страны²⁸.

Таким образом, румынский прецедент так и не побудил венгерское правительство к своевременному разрыву с Третьим рейхом и организованному взаимодействию с частями Красной Армии. В отличие от короля Михая и его окружения в Румынии, предпринявших 23 августа решающий шаг, порвав с Германией и объявив ей войну, Хорти в силу объективных, но прежде всего субъективных причин оказался неспособен на столь же решительные действия, он всячески оттягивал объявление войны Германии и заключение перемирия с СССР. Это стоило сотен тысяч жизней: при освобождении Венгрии погибло не менее 140 тыс. советских солдат, огромны были потери и среди венгерского населения, в том числе мирного. Положение Венгрии как последнего, наиболее верного сателлита Германии не могло не сказаться на отношении к ней держав-победительниц при рассмотрении в ходе Парижской мирной конференции вопроса о статусе Венгрии в новой системе международных отношений и послевоенных границах страны²⁹, хотя едва ли было бы правильным придавать этому фактору решающее значение. Нам представляется, что первоначальная готовность западных держав пойти на некоторую корректировку в пользу Венгрии ее границ с Румынией сменилась в начале 1946 г. охлаждением не в силу дурной репутации Венгрии как «последнего сателлита» нацистской Германии, а из-за разочарования во внутриполитической ситуации в Венгрии, где убедительная победа партии мелких хозяев на выборах в ноябре 1945 г. отнюдь не переломила вектора развития, не стала препятствием на пути советизации страны³⁰.

¹ Контлер Ласло. История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы. М., 2002. С. 424.

² См.: Пушкеш А. И. Внешняя политика Венгрии, ноябрь 1918 — апрель 1927 г. М., 1981.

³ Территориальные приращения хортистской Венгрии в 1938–1941 гг. происходили в следующей последовательности. 2 ноября 1938 г. германо-итальянский арбитраж в Вене вынес решение о передаче Венгрии южных областей Словакии и Подкарпатской Руси (Закарпатской Украины) общей площадью около 12 тыс. кв. км и с населением свыше 1 млн. человек. Весной 1939 г. венгерские войска оккупировали всю Подкарпатскую Русь. 30 августа 1940 г. на основании Второго венского арбитража Венгрия получила Северную Трансильванию (около 43 тыс. кв. км) с населением более 2,3 млн. человек. В апреле 1941 г., во время антиюгославской кампании Третьего рейха и его союзников, венгерская армия оккупировала и закрепила за собой часть территории Югославии (край Воеводина) площадью около 12 тыс. кв. км.

⁴ Подробнее о внешней политике Венгрии в этот период см.: Стыкалин А. С. Трансильванский вопрос в отношениях Венгрии и Румынии в 1940-е годы // Национальная политика в странах формирующегося советского блока, 1944–1948. Отв. редактор В. В. Марьяна. М., 2004. С. 358–442. Из новых работ о П. Телеки см.: Ablonczy B. Teleki Pál. Bp., 2005.

⁵ Стремление правительства графа П. Телеки (1939–1941) к расширению внешнеполитических маневров в условиях продолжающейся Второй мировой войны привело к заключению 12 декабря 1940 г. договора Венгрии с королевской Югославией о «постоянном мире и вечной дружбе». Тем не менее 28 марта 1941 г. под нажимом немецкой дипломатии и собственного генералитета Хорти дает согласие на проход немецких войск через территорию Венгрии в Югославию.

30 марта в Будапеште было подписано венгерско-немецкое соглашение о совместных военных действиях против Югославии. Принимая во внимание договор с Белградом, венгерское правительство свое непосредственное участие в военной акции обставило определенными условиями — венгерская армия могла пересечь границу с Югославией лишь в случае распада Югославского государства, нападения Югославии первой на Венгрию, а также в случае, если будет подвергнута угрозе жизнь этнических венгров, проживавших в Югославии. Наступление немецкой армии в направлении Югославии было начато 2 апреля. На следующий день премьер-министр граф П. Телеки, возражавший против участия Венгрии в кампании, застрелился в своем рабочем кабинете. 6 апреля части вермахта вторгаются в Югославию. В Венгрии в этот день происходит мобилизация войск, но на границе принимаются лишь меры оборонительного характера. 7 апреля в условиях начавшейся войны с Германией югославские ВВС подвергли бомбардировке венгерские города Печ и Сегед, что дало Венгрии один из поводов для непосредственного вмешательства в конфликт. 11 апреля, после объявления «независимой» Хорватии и начавшейся эвакуации югославской администрации и отступления войск из Воеводины, венгерская армия переходит границу, занимает г. Суботицу и в течение 4 дней овладевает землями, ранее входившими в состав исторического Венгерского королевства, в том числе г. Нови-Садом. Тем самым Венгрия вступила во Вторую мировую войну.

⁶ Поводом для объявления войны СССР послужил не до конца проясненный эпизод — бомбардировка г. Кашша (Кошице) 26 июня якобы советской авиацией.

⁷ Fülöp Mihály. A királyi Romania és Erdély, 1944–1947 // *História*. Bp., 1994. N.2. 29. old.

⁸ См. мемуары Каллаи: Kallay N. *Hungarian Premier. A Personal Account of a Nation's Struggle in the Second World War*. New York, 1954. Венгерское издание: Kallay M. *Magyar miniszterelnöke voltam. 1942–1944*. I-II. Bp., 1991.

⁹ Один из венгерских эмиссаров, направленных в Швейцарию, был уполномочен заявить своим партнерам по тайным переговорам, что «ввиду отсутствия взаимного доверия между Венгрией и СССР» венгерское правительство предпочитает не вести переговоры с русскими. См.: Попов Е. В. *В лабиринте секретных операций (За кулисами официальной дипломатии)*. Будапешт, 2004. С. 67 (автор этой малодоступной книги, сочетающей в себе мемуары и исследование, — офицер спецслужб, осенью 1944 г. переводчик, работавший с венгерской делегацией, прибывшей в Москву на переговоры о перемирии). Только в начале весны 1944 г., когда Красная Армия подошла близко к венгерским границам, делаются первые робкие попытки установить в Турции контакты с советской дипломатией и разведкой, главным образом для того, чтобы больше узнать о советских планах в отношении Венгрии.

¹⁰ Уже в середине 1943 г. по инициативе начальника генштаба венгерской армии генерала Сомбатхейи начинается разработка плана действий венгерских войск в целях содействия выброске в Венгрию англо-американского десанта. В соответствии с этим планом предполагалось задержать Красную Армию в Карпатах вплоть до прихода в Венгрию войск западных союзников. Работу по составлению плана приходилось скрывать от прогермански настроенной части генералитета. Кстати сказать, в военных ведомствах США и особенно Великобритании поначалу не исключали планов выброски десанта в Венгрии или близ южной венгерской границы в целях решения важнейших стратегических задач, стоявших на центральноевропейском направлении. Такая перспектива рассматривалась и в генштабе вермахта, заставляя заниматься проработкой контрмер.

¹¹ Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940–1946. Документы. Отв. редактор Т. М. Исламов. М., 2000. С. 193.

¹² Цит. по: Попов Е. В. *В лабиринте секретных операций*. С. 26.

¹³ См.: Juhász Gyula. *Magyar-brit titkos tárgyalások 1943-ban*. Bp., 1988. Советская сторона в принципе не исключала возможности контактов Антигитлеровской коалиции с оппозиционными силами во враждебных странах, однако при этом, как считали в Москве, никак не следовало поступаться важнейшими требованиями (безоговорочная капитуляция, возврат захваченных территорий, возмещение причиненных войной убытков, наказание виновников войны).

¹⁴ Цит. по: Попов Е. В. *В лабиринте секретных операций*. С. 68. В мае 1943 г. в ходе встреч в Лондоне с британскими официальными лицами В. Бему было заявлено, что заключение перемирия Венгрии с союзниками возможно лишь при ее готовности взять на себя ряд обязательств (не посылать войска на Восточный фронт; в случае вторжения с юга англо-американских войск открыть им границу и не оказывать сопротивления; обеспечивать Великобританию информацией о военных планах Германии).

¹⁵ См. там же. С. 56.

¹⁶ 18 марта 1944 г. Хорти встречался с Гитлером близ австрийского города Зальцбурга. Фюрер, зная о попытках премьер-министра М. Каллаи навести мосты к западным державам, в ходе встречи угрожал, что отнимет у Венгрии приобретенные начиная с 1938 г. земли, разрешит румынским и словацким войскам оккупировать их. Регент отказался подписать письмо с приглашением немецких войск и в то же время согласился образовать правительство, угодное Берлину. На следующий день началось вторжение немецких соединений в Венгрию. В отсутствие Хорти, еще не вернувшегося из Зальцбурга, Каллаи, убедившись в нежелании венгерского генералитета оказать сопротивление вермахту, отдал приказ о сложении оружия, в тот же день снял с себя полномочия премьер-министра и, опасаясь ареста, укрылся в турецком посольстве. Подробнее см.: Ranki Gy. 1944. március 19. *Magyar német megszállása*. Budapest, 1968; Kallay M. *Magyar miniszterelnöke voltam. 1942–1944*.

¹⁷ Контакты эмиссаров нового правительства с представителями западных держав имели место еще до этого.

¹⁸ Подробнее см.: Попов Е. В. *В лабиринте секретных операций*. С. 87.

¹⁹ Текст письма см.: Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940–1946. Документы. С. 251–252.

²⁰ См.: Предварительные условия перемирия, принятые делегацией Венгрии. 11 октября 1944 г. // *Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг. Том I. 1944–1948 гг.* Отв. редактор Г. П. Мурашко. Москва — Новосибирск, 1997. С. 75–76.

²¹ Horthy M. Emlékirataim. Вр., 1993.

²² К 15 октября части Красной Армии подошли к реке Тиса.

²³ См. представление заместителя начальника Генштаба Красной Армии генерала армии А.И. Антонова главе венгерской миссии генерал-полковнику Г. Фараго по поводу невыполнения принятых на себя Венгрией предварительных условий перемирия. 14 октября 1944 г. // Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Т. 1. 1944–1948. Документы. Отв. редактор Т.В. Волокитина. М., 1999. С. 103–104.

²⁴ Был подготовлен, в частности, сигнал для командующих двух венгерских армий, по которому они должны были прекратить военные действия против Красной Армии, установить связь с советским командованием, а затем выступить против немцев.

²⁵ Надо иметь в виду, что многие офицеры хотя и были верны Хорти, но страх перед советской оккупацией заставлял их воевать на стороне Германии. В то же время на сторону Красной Армии перешли влиятельнейшие представители генералитета — начальник генштаба Я. Вереш и командующий первой армией Б. Миклош, позже глава первого послевоенного правительства Венгрии.

²⁶ Через считанные часы было проявлено больше готовности к переговорам, к командующему фронтом маршалу Р.Я. Малиновскому собирались направить офицера с необходимыми картами, однако было уже поздно, в стране произошел государственный переворот.

²⁷ Цит. по: Попов Е.В. В лабиринте секретных операций. С. 159.

²⁸ В обсуждении вопросов, связанных с формированием нового венгерского правительства, участвовала и делегация во главе с генералом Г. Фараго, направленная Хорти. См.: Из дневника В.М. Молотова. Прием членов венгерской делегации 6 декабря 1944 г. // Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Т. 1. С. 110–113. В контактах с Москвой хортисты по-прежнему настаивали на максимальном сохранении новым правительством преемственности прежнему режиму.

²⁹ Парижский мирный договор 1947 г. с небольшими корректировками (не в пользу Венгрии!) подтвердил границы страны, установленные Трианонским договором.

³⁰ Подробнее см.: Стыкалин А.С. Трансильванский вопрос в отношениях Венгрии и Румынии в 1940-е годы.

Документы

Заявление заместителя госсекретаря США С. Уэллеса в связи с германской агрессией против Советского Союза, 23 июня 1941 г.

Если бы еще требовались какие-либо доказательства истинных целей и планов нынешних руководителей Германии достичь мирового господства, то такое доказательство дает предательское нападение Гитлера на Советский Союз.

Мы убедились еще раз, теперь уже без всякого сомнения, с какой именно целью правительство Германии вело с СССР переговоры о заключении «пакта о ненападении». Любые клятвенные заверения воздерживаться от нападения против другой стороны, которые неукоснительно соблюдаются в цивилизованном мире, поскольку речь идет о чести государства, для лидеров Германии не что иное, как просто способ обмана, который скрывает за собой жестокие и убийственные намерения.

Нынешнее германское правительство не знает значения слова честь.

Наше правительство и президент неоднократно заявляли в своих публичных выступлениях, что для Соединенных Штатов свобода вероисповедания есть великое и фундаментальное право всех народов. Но это право было отнято у своих народов как нацистами, так и Советским правительством. Для народа Соединенных Штатов такое положение вещей в Советском Союзе, принципы и доктрины коммунистической диктатуры являются совершенно неприемлемыми. Они такие же чуждые американским идеям, как и принципы и доктрины нацистской диктатуры. Никогда подобное насилие над верой не могло бы получить поддержки в американском обществе и закрепиться в стиле жизни или правительственной системе Америки.

Однако сегодня перед Соединенными Штатами стоит совершенно определенная реальность. Возникает вопрос — необходимо ли, чтобы план покорения мира, порабощения всех народов, уничтожения остающихся демократических стран, который Гитлер продолжает воплощать в жизнь был в конце концов остановлен и разрушен. Именно с такой реальностью столкнулась сегодня мыслящая Америка. В настоящий момент именно она оказывает самое непосредственное влияние на нашу собственную оборону и безопасность нашего континента.

Следовательно, по мнению правительства Соединенных Штатов, любая оборона против гитлеризма, любое сплочение сил против гитлеризма, независимо от их происхождения, ускорят конец лидеров нынеш-

ней Германии и поэтому выгодны для нашей собственной обороны и безопасности. Гитлеровские армии являют сегодня наибольшую опасность для американцев.

New York Times, 1941. June 24

Меморандум военного министра США Г. Стимсона¹ Ф. Рузвельту, 23 июня 1941 года

За последние тридцать часов я почти все время размышлял о германо-русской войне и о ее влиянии на нашу политику в ближайшее время. Чтобы прояснить свои собственные взгляды, я провел сегодняшний день в совещании с начальником штаба и с сотрудниками отдела военного планирования генерального штаба. Я рад сообщить, что нашел значительное единодушие относительно основ политики, которую, по их мнению, нам следует проводить. Я испытал еще большее облегчение, увидев, что их взгляды столь полно совпадают с моими.

Первое. Вот их оценка основных факторов:

1. Германия будет основательно занята минимум месяц, а максимально, возможно, три месяца задачей разгрома России.

2. В течение этого времени Германия должна совсем оставить или отсрочить:

- а) всякие планы вторжения на Британские острова,
- б) всякую попытку напасть самой на Исландию или помещать нам ее оккупировать,
- в) планы нежима на Западную Африку, Дакар и Южную Америку,
- г) всякую попытку обойти правый фланг англичан в Египте через Ирак, Сирию или Иран,
- д) также, вероятно, планы нажима в Ливии и на Средиземном море.

Второе. Они единодушно придерживаются мнения, что эту непредвиденную и драгоценную передышку следует использовать для самых энергичных мер на атлантическом театре военных действий. Все они считают, что такое давление с нашей стороны будет правильным методом помощи Великобритании. Оно обескуражит Германию и укрепит наши оборонительные позиции там, где имеется непосредственная угроза.

Как вам известно, Маршалл и я опасались, что мы можем быть преждевременно вовлечены в две крупные операции на Атлантическом океане—одну на северо-востоке и другую в Бразилии — при недостаточной мощи военного и торгового флота в Атлантике и при недостаточно продемонстрированном превосходстве американской военно-морской мощи, для того чтобы сохранить устойчивое политическое положение в Южной Америке. В результате того что Германия втянулась в эту войну с Россией, наше беспокойство значительно ослабло, но мы должны действовать быстро и преодолеть опасность, сопряженную с первыми шагами, прежде чем Германия высвободит ноги из русской трясины...

Этот шаг Германии почти напоминает дар провидения. Эта последняя иллюстрация честолюбия и вероломства нацистов открывает для вас широкие возможности выиграть битву в Северной Атлантике и обеспечить защиту нашего полушария в Южной Атлантике, причем успех вашего руководства гарантирован настолько же полно, насколько вообще возможно гарантировать успешное выполнение любого плана.

Опубл. в: Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца. Т. 1, М., 1958, С. 495–496

Соглашение между правительствами СССР и Великобритании о совместных действиях в войне против Германии, 12 июля 1941 г. (извлечение).

Правительство Союза ССР и правительство Его Величества в Соединенном Королевстве заключили настоящее соглашение и декларируют о следующем:

1. Оба правительства взаимно обязуются оказывать друг другу помощь и поддержку всякого рода в настоящей войне против гитлеровской Германии.

2. Они, далее, обязуются, что в продолжение этой войны они не будут ни вести переговоров, ни заключать перемирия или мирного договора, кроме как с обоюдного согласия.

Правда. 1941. 14 июля

¹ Стимсон Г. (1867–1950). Военный секретарь США (военный министр) в 1911–1913 и 1940–1945 гг.

Соглашение между правительством СССР и правительством Чехословацкой Республики, 18 июля 1941 года (извлечение)

1. Оба правительства согласились немедленно обменяться посланниками.
2. Оба правительства взаимно обязуются оказывать друг другу всякого рода помощь и поддержку в настоящей войне против гитлеровской Германии.
3. Правительство Союза Советских Социалистических Республик согласно на создание на территории Союза Советских Социалистических Республик национальных чехословацких воинских частей под командованием лица, назначенного чехословацким правительством с согласия Советского правительства. Чехословацкие воинские части на территории Союза Советских Социалистических Республик будут действовать под руководством Верховного Военного Командования Союза Советских Социалистических Республик.

Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. I. М., 1944. С. 118

Из памятной записки президента США Ф. Рузвельта о поставках военных материалов в СССР, 2 августа 1941 г.

На заседании Кабинета в пятницу я поднял вопрос о том, что прошло уже почти шесть недель с того момента, как Германия напала на Советский Союз, но мы не сделали практически ничего, чтобы обеспечить доставку необходимых русским материалов через Сибирь.

Честно говоря, если бы я был русским, то наверняка чувствовал бы сейчас, что американцы просто-напросто обводят меня вокруг пальца (...)

Я говорил русским, что разделяю вещи на две части: во-первых, это те материалы, которые могут быть поставлены на советский западный фронт к такому времени, что будут использованы в боях уже между 1 сентября и 1 октября; и во-вторых, те материалы, которые физически не могут быть поставлены туда до 1 октября. Я выбрал эти даты по причине нашего сомнения, что после 1 октября германские войска смогут продолжать в России активные операции в связи с началом дождей, снегопадов и морозов. И если немецкая армия будет сдержана до этого времени, Россия будет спасена по крайней мере до весны.

Действуйте!

Ф. Д. Р.

Library of Congress. Manuscript Division. Harriman Collection. Container 160

Памятная записка А. Гарримана² о его беседе с военным секретарем США Г. Стимсоном, 5 августа 1941 г.

Будущее Ближнего Востока и его связь с Западной Африкой — были принципиальными темами нашего разговора. Секретарь Стимсон положительно отнесся к поддержке англичан военными материалами на Ближнем Востоке, но скептически рассматривает возможность предпринять в настоящее время какие-либо активные шаги в Западной Африке. Он утверждает (так же как и Маршалл³, которого я видел за день до этого), что американская армия должна подготовиться таким образом, чтобы ее первая военная акция была

² Гарриман А. (1891–1986). Специальный представитель президента США в Лондоне для координации программы ленд-лиза (с марта 1941). В качестве представителя Ф. Рузвельта возглавлял делегацию США на трехсторонних переговорах в Москве в сент.–окт. 1941 года. В качестве специального представителя президента работал в Администрации по координированию продукции и ресурсов в Лондоне (1942). Посол США в СССР (1943–1946). Участник союзных конференций в ходе войны.

³ Маршалл Дж. (1880–1959). Начальник штаба армии США (1939–1945). Госсекретарь США (1947–1949).

полностью успешной. Западная Африка — это слишком рискованное предприятие из-за угрозы подводных лодок и возможности германского удара с севера.

Я был сильно удивлен мнением двух вышеупомянутых лиц. Поскольку Англия сейчас обороняется, это означает, что в обороне находимся и мы. Верно ли в этом случае предположение, что мы просто должны ждать пока Англия сама не перейдет в наступление, а мы затем поднимем с земли уже упавший плод, не опасаясь ослабевшей Германии? Верно ли то, что мы должны предоставить Англии сделать всю самую сложную работу, а мы лишь воспользуемся ее результатами? Верно ли то, что риск для нашей армии должен свестись лишь к высвобождению английских войск от их оккупационных задач в Исландии? Услышанное мной мнение являет собой сильный контраст со смелыми действиями британского лидера, не боящегося открытого столкновения с врагами.

По всему видно, что Стимсон читает доклады военных атташе с большим вниманием. Поэтому я собираюсь в будущем посылать ему доклады о своих различных переговорах.

А. Гарриман

Library of Congress. Manuscript Division. Harriman Collection. Container 160

Встречи президента Ф. Рузвельта и премьер-министра У. Черчилля на борту английского линкора «Принц Уэльский» в бухте Ардженшия на атлантическом побережье Канады в августе 1941 г.⁴ (из записей А. Гарримана, 9–12 августа 1941 г.)

9 августа:

После ужина, когда на стол подавали кофе, президент рассказал об одной истории, которую он называл также притчей. История об одном острове в Тихом океане, на который претендовали как США, так и Великобритания. Остров был необитаем, и много лет какие-либо претензии или контрпретензии могли рассматриваться лишь гипотетически. Но вдруг неожиданно он приобрел большое значение как база для самолетов, совершающих транстихоокеанские перелеты. Госдепартамент настаивал на том, чтобы им владели США. Посол Великобритании был сильно возбужден и говорил «Но Вы знаете, что Вы не имеете права делать такие вещи. Вы не можете оккупировать территорию, принадлежащую Великобритании». Президент продолжил: «Но я сделал это. Я объяснил, что конкретно мы собираемся делать. Мы будем вместе владеть этим островом. Наши воздушные базы будут рядом, и мы не будем мешать друг другу». Так и получилось — американский флаг на одной стороне, а британский — на другой стороне острова. И это должно послужить примером дальнейших отношений между нашими двумя нациями, закончил президент.

Позднее к столу были приглашены остальные члены делегации США и капитаны американских кораблей. Президент попросил премьер-министра в общих чертах высказать свои мысли о войне... После того как премьер дал свою оценку военных действий на каждом театре, он выразил уверенность, что Соединенные Штаты и Британская империя должны и могли бы основать после победы в войне мирный порядок на всей планете. Этот порядок приведет нас к золотому веку достатка и безопасности для всех классов, социальных групп и народов. В истории навсегда останутся имена тех людей, которые примут в этом процессе хотя бы самое малое участие. Мы имеем привилегию жить в такое время, когда можем полностью отдаться этому делу. В ответ президент выразил надежду, что такой мир и достаток настанет уже при жизни его внуков.

Премьер-министр, продолжая оценивать военную ситуацию, отметил, что возможность немецкого вторжения в Англию нельзя исключать, хотя сам он в это не верит. Он убежден, что битва за Англию была выиграна еще в прошлом году британскими Королевскими военно-воздушными силами.

10 августа:

(...) Черчилль находился под сильным впечатлением церковной службы. И хотя он утверждал, что не столь религиозный человек, все же он чувствует, что именно божественная сила свела наши две нации вместе. В этом разговоре, равно как и в других беседах, которые я вел с ним приватно, Черчилль всегда интересовался вопросом — какое впечатление он произвел на президента. Понравился ли он ему? По возвращении в Лондон премьер еще не раз задавал мне подобный вопрос.

---

⁴ В ходе переговоров Ф. Рузвельта и У. Черчилля в августе 1941 г. обсуждались важнейшие вопросы, относящиеся к стратегии и геополитике, и выработана декларация о целях войны и принципах послевоенного устройства мира — Атлантическая хартия (подписана 14 августа 1941 г.).

12 августа:

Утром во вторник я поднялся на борт «Принца Уэльского», чтобы поприветствовать лорда Бивербрука⁵, который только что прибыл. Премьер-министр рассказал мне о прогрессе на переговорах, достигнутом к настоящему времени, и дал мне прочесть декларацию, состоящую из восьми пунктов. Бивербрук горячо поддержал общий смысл документа, но предложил определенные исправления в нем, касающиеся многословия, а также пожалел о том, что не премьер-министр писал большую часть текста. На что премьер-министр ответил: «Вам что же, не нравится фраза „окончательное уничтожение нацистской тирании“?».

В процессе дискуссии была добавлена фраза «все люди на всей земле», а также «все страны, большие и малые, победители и побежденные», — которые могут оказать эффект на союзников держав «оси». Премьер-министру, как показалось, не понравилась фраза «победители и побежденные», но после дискуссии он все же согласился предложить ее президенту (...)

Мы обсудили вопросы, связанные с визитом в Россию. Премьер-министр попросил Бивербрука представлять там британскую делегацию, поняв, что представлять американскую сторону президент назначил меня.

Черчилль рассказал о битве за Атлантику и выразил благодарность за полученную помощь. Премьер подчеркнул, что трудности в южных водах могут возрасти. В этой связи 50 эскортных кораблей, которые могут быть высвобождены из Северной Атлантики, представляют для Британии огромную ценность.

Премьер-министр обрисовал ситуацию на Ближнем Востоке в тех же тонах, что и раньше. Он особо остановился на трудностях, касающихся западного побережья. Черчилль выразил пожелание сотрудничать в этом вопросе с Соединенными Штатами, включая и ту его часть, которая относится к прилегающим островам.

Относительно Дальнего Востока премьер-министр надеется, что там войны не будет. Но если Япония все же развяжет боевые действия, а США не будут в них участвовать, то ситуация станет очень серьезной. Если война придет, он надеется на участие в ней Соединенных Штатов для того, чтобы нейтрализовать японские силы.

И не только возможный захват Японией Сингапура, что стало бы очень большой потерей, но также и вероятное проникновение японского флота в Индийский океан создают для нас огромную опасность. Японцы в состоянии нарушить там все наши перевозки и захватить торговый флот. И было бы очень сложно, вернее практически невозможно, справиться с этой ситуацией. В результате мы не смогли бы далее полагаться на помощь Австралии и Новой Зеландии нашим усилиям на Ближнем Востоке (...)

US. Library of Congress. Manuscript Division. Harriman Collection. Container 160

Атлантическая хартия, 14 августа 1941 г. (извлечение)

Президент Соединенных Штатов Америки Рузвельт и премьер-министр Черчилль, представляющий правительство Его Величества в Соединенном Королевстве, после совместного обсуждения сочли целесообразным обнародовать некоторые общие принципы национальной политики их стран — принципы, на которых они основывают свои надежды на лучшее будущее для мира.

- 1) США и Великобритания не стремятся к территориальным или другим приобретениям.
- 2) Они не согласятся ни на какие территориальные изменения, не находящиеся в согласии со свободно выраженным желанием заинтересованных народов.
- 3) Они уважают право всех народов избирать себе форму правления, при которой они хотят жить; они стремятся к восстановлению суверенных прав и самоуправления тех народов, которые были лишены этого насильственным путем.
- 4) Соблюдая должным образом свои существующие обязательства, они будут стремиться обеспечить такое положение, при котором все страны — великие или малые, победители или побежденные — имели бы доступ на равных основаниях к торговле и к мировым сырьевым источникам, необходимым для экономического процветания этих стран.
- 5) Они стремятся добиться полного сотрудничества между всеми странами в экономической области с целью обеспечить для всех более высокий уровень жизни, экономическое развитие и социальное обеспечение.
- 6) После окончательного уничтожения нацистской тирании они надеются на установление мира, который даст возможность всем странам жить в безопасности на своей территории, а также обеспечить такое положение, при котором все люди во всех странах могли бы жить всю свою жизнь, не зная ни страха, ни нужды.

⁵ Лорд Бивербрук, министр авиационной промышленности Великобритании. В конце сентября — начале октября 1941 г. возглавлял английскую делегацию на трехсторонних переговорах в Москве.

7) Такой мир должен предоставить всем возможность свободно, без всяких препятствий, плавать по морям и океанам.

8) Они считают, что все государства мира должны по соображениям реалистического и духовного порядка отказаться от применения силы, поскольку никакой будущей мир не может быть сохранен, если государства, которые угрожают или могут угрожать агрессией за пределами своих границ, будут продолжать пользоваться сухопутными, морскими и воздушными вооружениями. Черчилль и Рузвельт считают, что впредь до установления более широкой и надежной системы всеобщей безопасности такие страны должны быть разоружены. Англия и США будут также помогать и поощрять все другие осуществимые мероприятия, которые облегчат миролюбивым народам избавление от бремени вооружения.

*Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны»
Т. I. М., 1944. С. 147–148*

Меморандум координатору информации при президенте США полковнику У. Donovanу о потерях и экономическом потенциале Советского Союза, 12 сентября 1941 г.

Меморандум полковнику У. Donovanу от Дж. Т. Робинсона.⁶

Предмет: Географическое расположение промышленности СССР, потери индустриальных возможностей.

Выводы:

По причине недостатка времени в настоящем меморандуме представлена лишь предварительная оценка потерь индустриальных возможностей Советского Союза, понесенных им в связи с продвижением фронта на восток. Выводы сделаны с учетом того, что ленинградский промышленный район сейчас не производит никакой продукции.

Материалы	Потери к настоящему времени
Уголь —	Несущественные
Нефть (сырая и очищенная) —	Несущественные
Электроэнергия —	Существенные, но не фатальные
Железная руда —	Около $\frac{3}{5}$
Железный лом —	Тяжелые, но не фатальные
(между 1/4 и 1/2)	
Сталь —	Тяжелые, но не фатальные
(между 1/5 и 2/5)	
Марганец —	Около $\frac{1}{2}$
Никель —	Не фатальные
Алюминий —	Около $\frac{3}{5}$
Медь —	Не существенные
Машиностроение и другие металлообрабатывающие отрасли —	Возможно, $\frac{1}{4}$
Военные запасы и снаряжение —	смотри меморандум от 1937 г.
Самолеты, двигатели —	смотри меморандум от 1940 г. и часть 1 от 1941 г.

⁶ Donovan У. В 1941 г. полковник (впоследствии генерал-майор). 11 июля 1941 г. возглавил созданный по решению президента США Офис Координатора информации, призванный собирать разведывательную информацию, относящуюся к вопросам национальной безопасности США. Одной из задач этой службы было также обрабатывать данные, полученные разведывательными управлениями и отделами других американских государственных ведомств: ФБР, Госдепартамента, армии и флота США и т.д. 13 июня 1942 г. Офис Координатора информации был переименован в Управление стратегических служб (УСС), которое формально вошло в подчинение Объединенного комитета начальников штабов США. В его составе были созданы многие отделы, занимавшиеся как получением разведанных, так и их исследованием и анализом (в т.ч. так называемый Исследовательский и аналитический департамент — «R&A»). Вскоре после войны УСС было формально упразднено (указом президента Г. Трумэна от 1 октября 1945 г.). Однако большая часть его дел была передана во вновь образованный Департамент стратегических служб при министерстве обороны, на базе которого в 1947 г. было создано Центральное разведывательное управление США (ЦРУ).
Дж. Т. Робинсон — сотрудник Donovanа. В 1941 г. — шеф Восточноевропейского отдела Офиса Координатора информации, с 1943 г. — шеф отдела изучения СССР Исследовательского и аналитического департамента УСС.

Данные оценки базируются в основном на официальных материалах, опубликованных советским правительством. В подготовке таблицы участвовал департамент торговли, получавший информацию от консульства США в Москве, и еще четыре департамента правительства. Ограниченное время, данное для подготовки настоящего документа, не позволило нам изучить официальные статистические материалы в полном объеме⁷.

Дж. Т. Робинсон

National Archive of US. (Archive II.). RG 226. Reel 104

Из приказа генштаба РККА командующим Закавказским фронтом и 53-й армии об установлении контакта с английскими консулами в Тегеране, 15 сентября 1941 г.

(...) Согласно указаниям тов. Молотова начальник Генерального штаба приказал установить контакт командования нашими войсками на территории Ирана с английскими консулами, находящимися на территории, занятой нашими войсками. Английским представителям оказывать должный прием, ответы на те или иные предложения английских представителей согласовывать с Генштабом.

ВАСИЛЕВСКИЙ

Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. 1941 год. Т. 23 (12–1) — М., 1998. С. 155

Из записи беседы Председателя совета народных комиссаров с главами делегаций США и Великобритании на Московской конференции представителей трех держав, 30 сентября 1941 г.

Г а р р и м а н вручает записку на английском языке, заключающую ответы британской и американской делегаций по отдельным пунктам нашего списка заявок, предварительно зачитав эту записку.

С т а л и н. Мы могли бы взять 8–10 тысяч 3-тонных грузовиков в месяц. Если невозможно, то согласны были бы взять часть 1,5- и 2-тонными.

Г а р р и м а н. О количестве говорить сейчас не могу. Но мы сделаем усилия, чтобы максимально удовлетворить вас.

С т а л и н. 4 тысячи тонн колючей проволоки в месяц нам недостаточно. Мы хотели бы получить сразу 10–15 тысяч тонн. Нельзя ли получить теперь двухмесячную поставку в 8 тысяч тонн в один месяц?

Г а р р и м а н. Сейчас обещать не могу.

Б и в е р б р у к. В дополнение к толуолу мы отправим вам 10 тысяч тонн ТНТ (тринитротолуол. — *Прим. ред.*), но я не знаю, в каком месяце. Это — взрывчатое вещество, содержащее толуол.

Г а р р и м а н вручает список товаров, которые желательно получать из СССР.

Б и в е р б р у к. Я предложил бы закончить конференцию, с тем чтобы мы могли вернуться в Великобританию и США и там обсудить вашу морскую заявку с нашими правительствами. Я хочу, чтобы Великобритания шла далеко, очень далеко, чтобы получилось ощущение настоящего сотрудничества.

С т а л и н. А сколько вы можете дать танкеток?

Б и в е р б р у к. 200 в месяц теперь, а потом и больше. Все, что мы производим и что не содержится в ваших заявках, мы вам дадим. Вам нужно только нам сказать, что вы хотите. Я делаю это предложение от имени моего правительства. Не нужно ли вам четвертьтонных бомб?

С т а л и н. Мы предпочитали бы полутонные бомбы.

⁷ 27 сентября 1941 г. полковник Донован переслал настоящий меморандум президенту США Ф. Рузвельту со следующей сопроводительной запиской: «Дорогой мистер Рузвельт. Посылаю Вам заключение, подготовленное нашим Восточноевропейским отделом относительно потерь России в промышленной продукции. Может быть, Вы посчитаете необходимым переслать этот меморандум для миссии Гарримана в Москве». (National Archive of US (Archive II.) RG 226. Reel 104.)

Б и в е р б р у к. Можно вам предложить кислородные цилиндры на 75 и 750 литров, а также разные ракеты, например для освещения воды, дымовые и т. п.

С т а л и н. Надо все это изучить.

Б и в е р б р у к. Можете мне телеграфировать об этом.

Г а р р и м а н. Если Вы не будете возражать, то я хотел бы здесь оставить постоянного представителя при посольстве, который занимался бы специально вопросами снабжения и помогал бы в этом нашему послу.

С т а л и н. Было бы очень хорошо (...)

С т а л и н. Финляндия ведет себя очень дерзко в отношении союзницы Англии — СССР. В начале войны она говорила, что стремится к установлению старых границ, а теперь она ведет себя, как вассал Германии.

Б и в е р б р у к. Значит, вы хотите блокады Финляндии?

С т а л и н. Это было бы продолжением блокады Германии. Финляндия давно уже перешла свои границы. Я как-то запрашивал президента Соединенных Штатов Америки, не может ли он пригрозить Финляндии разрывом отношений. Не знаете ли, господин Гарриман, что за этим последовало?

Г а р р и м а н. Не могу сказать, но лично полагаю, что это было бы политически трудно для президента.

С т а л и н. Я думаю, что наше соглашение с Англией о сотрудничестве против Германии и о незаключении сепаратного мира следовало бы превратить в союзный договор, который охватывал бы не только военный, но и послевоенный период. Наше правительство целиком стоит за это.

Б и в е р б р у к. Я лично поддержал бы такое предложение и хотел бы, чтобы этот вопрос был поднят. У нас имеется военный кабинет и комитет обороны, к компетенции которого поднят вопрос и относится (...)

С т а л и н. Нельзя ли закончить конференцию подписанием соглашения о сотрудничестве трех держав?

Б и в е р б р у к. Я думаю, что это было бы трудно для Америки.

Г а р р и м а н. Лорд Бивербрук говорит на основании личного опыта. Не следует нажимать на президента соглашениями.

С т а л и н. Я не нажимаю, а лишь спрашиваю.

Г а р р и м а н. Вы должны понимать, куда президент ведет свою страну.

С т а л и н. Но все-таки есть много неясного в позиции Америки: с одной стороны, она поддерживает воюющую Англию, а с другой стороны, поддерживает дипломатические отношения с Германией.

Б и в е р б р у к. Америка делает все, что может, для причинения вреда Германии. Страна очень дружелюбна в отношении Великобритании, но армия и флот не готовы расставаться со своим собственным снабжением. Рузвельт, Гопкинс и Гарриман, однако, все протаскивают. Я хотел бы, чтобы Вы были таким же другом этих людей, как мы сами.

Г а р р и м а н. Для внесения ясности добавлю, что наш флот хочет войны с Германией, и по всем определениям понятия войны он уже воюет, получив приказ стрелять по германским судам. Армия же наша слишком мала, но затруднения преодолеваются.

Б и в е р б р у к. С 1 июля 1942 г. мы будем доставлять вам по 375 танков в месяц и по 500 танков в месяц — с 1 января 1943 года.

Я не вижу оснований, почему США не могли бы вам доставлять такие же количества. Могу обещать от имени своего правительства поднять доставку аэропланов до 300 в месяц с 1 июля и до 400 — с 1 января 1943 года. Если Америка даст те же количества, то вы будете получать тогда по 800 в месяц. Повторяю еще раз, если мы производим что-либо в Великобритании, не содержащееся в вашем списке, то мы всегда готовы определенный процент продукции предоставлять вам.

С т а л и н. Мы очень хотели бы получать из Америки грузовики.

Считаете ли нужным коммюнике для прессы?

Б и в е р б р у к и Г а р р и м а н. Да.

Г а р р и м а н. Мы посылаем военную миссию в Китай. Имеете ли Вы что-нибудь сказать по этому поводу?

С т а л и н. Было бы неплохо, но Китай перестал воевать.

Г а р р и м а н. Продолжаете ли вы снабжать Китай?

С т а л и н. Нет, ввиду наших собственных нужд мы прекратили снабжение, но еще 4 месяца тому назад мы послали туда артиллерию и авиацию.

Б и в е р б р у к. Американцы недавно послали в Китай 67 бомбардировщиков, которые предназначались для Англии.

Г а р р и м а н. Можете ли Вы что-нибудь сказать относительно Японии?

С т а л и н. При подписании договора о нейтралитете совершенно не поднимался вопрос о помощи Китаю. Нет ли возможности оторвать Японию от Германии? Америка, кажется, работает над этим? Это было бы неплохо.

Г а р р и м а н. Все, что я могу сказать, это что Великобритания и Америка этим вопросом много занимались. Мы теперь представляем единый фронт, чтобы дать Японии понять ошибочность ее отношений с державами «оси». Эта политика, которую мы развиваем со встречи президента с Черчиллем, дает уже хорошие результаты.

С т а л и н. У меня такое впечатление, что Япония — не Италия и не хочет идти в рабство к Германии. Поэтому есть основания для отрыва ее от Германии.

Принимается решение о прекращении конференции с завтрашнего дня и о подготовке тем временем коммюнике для прессы.

Советско-американские отношения в годы Великой Отечественной войны. Т.1. М., 1984. С. 117–120

Выступление специального представителя президента США А. Гарримана в эфире радиокompании «Си Ви Эс» После его возвращения с трехсторонней конференции в Москве, 13 октября 1941 г.

Я хотел бы остановиться сегодня на двух вопросах, имеющих непосредственное отношение к нашей недавней поездке в Москву, — на двух вопросах, которые, на мой взгляд, являются самыми важными.

Во-первых, как так получилось, что проходит неделя за неделей, а русские продолжают сражаться, сдерживая огромную германскую военную машину? И все это вопреки оценкам наших военных экспертов, утверждавших ранее, что русские будут разбиты в самое короткое время.

И во-вторых, будут ли русские продолжать так сражаться и далее, сражаться независимо от того, что еще предпримет против них Гитлер.

Но вначале разрешите мне сказать несколько слов о том, с чем мы приехали в Москву.

Обе наши делегации, американская и английская, были посланы в Москву по прямому указанию президента США и премьер-министра Великобритании. Во главе британской делегации находился динамичный уроженец Канады лорд Бивербрук. Наши миссии имели одну главную цель — «выяснить, в чем нуждаются русские, чтобы можно было быстрее послать им необходимые материалы».

Между прочим, мы обнаружили, что многие наши широко распространенные представления о русских далеки от истины. Мы просто не знаем, кто руководит их правительством. Бивербрук и я имели дело непосредственно со Сталиным. Ни один человек не смог бы работать так быстро и эффективно, как он. И он был откровенен с нами. Он говорил нам прямо и открыто то, что мы хотели знать. Более того, членам наших делегаций удалось посетить те предприятия, которые они запрашивали, естественно, насколько это позволяло отведенное для этого время.

Наконец, вопреки всей ранее полученной информации, мы увидели, что кремлевские хозяева очень гостеприимны. Всякий раз, когда мы с Бивербруком приезжали на заседания в Кремль, нас встречали как друзей. Вместе со Сталиным в переговорах участвовал Молотов, а также Литвинов в качестве переводчика. К нашему взаимному удовлетворению мы пришли на переговорах к полному взаимопониманию. В качестве персональных гостей мы присутствовали на ужине в Кремле, организованном в честь наших миссий.

Итак, что же мы вынесли из нашей поездки, что увидели и что услышали.

Члены наших делегаций посетили несколько военных заводов, производящих различное вооружение и снаряжение. Нашим авиационным экспертам была предоставлена возможность увидеть, как налаживается использование нашей авиационной техники и оборудования.

Все эксперты говорят в один голос, что последнее поколение русских произвело на свет первоклассных механиков. Американские трактора широко используются в сельском хозяйстве. Заводы оснащены по последнему слову техники, с использованием на них лучшего американского оборудования. На них хорошо налажена организация всего производства. Лучшей работы я еще нигде не видел.

Относительно самих аэродромов, где еще много предстоит сделать в плане их оснащения, наши военные эксперты утверждают, что никогда еще не видели, цитирую, «таких опытных, изобретательных, находчивых и сильных духом людей». «Русские механики могут работать хоть под дождем, хоть под снегом, при любой погоде и круглые сутки». Русские летчики учатся летать на американских самолетах так же быстро и грамотно, как наши собственные или английские пилоты.

Итак, ответ на вопрос — почему Гитлер до сих пор не может разгромить Россию — достаточно очевиден. Неуклюжий русский мужик на самом деле оказался опытным механиком. Россия научилась работать с машинами. И нам совсем не нужно бояться за то, что случится с нашим оборудованием, самолетами, танками, которые мы туда посылаем. Русские прекрасно знают, какое им найти применение, как использовать их с наибольшим эффектом.

Россия обладает большим людским потенциалом. Все, в чем она нуждается, — это военные материалы и орудия труда.

Англичане отправляют суда в Россию сегодня и будут отправлять их завтра. Все это жизненно важно для всех нас, включая и Америку. Мы должны чувствовать свою ответственность.

Я хотел бы рассказать вам еще о духе этих людей. Духовная сила русского национализма вспыхнула сейчас с огромной силой. Сталина сейчас волнует только одна вещь — русская нация. Если он говорит о каких-либо нуждах, то это нужды этой нации и ее надежды. Его, конечно, интересует, как русские будут развивать отношения с Британской империей и Соединенными Штатами, и он уверен, что мы найдем общий базис для того, чтобы работать вместе.

Когда мы прилетели в Москву, то чувствовали, что в голове у всех русских сидит пока один неразрешенный вопрос: «Намерены ли Америка и Англия действительно помочь России?» Перед нашим отъездом я убедился, что Сталин получил ответ на этот вопрос. Несомненно — все, что он запрашивал от нас, будет поставлено.

Если русские солдаты, русские летчики будут продолжать получать необходимые им орудия, танки, самолеты, они будут продолжать бороться с врагом. Мы не знаем, где проходит фронт в настоящую минуту. Мы не знаем, где он будет проходить завтра. Но я убежден, что, получая оборудование и военные материалы, Россия будет сражаться.

US. Library of Congress. Manuscript Division. Harriman Collection. Container 160

Телеграмма американского посла в СССР Л. Штейнгардта в Государственный департамент США о беседе с заместителем наркома иностранных дел Деканозовым, 9 ноября 1941 г.

Куйбышев. Для президента, мистера Хэлла, мистера Уэллеса.

Вчера вечером я имел продолжительную беседу с Деканозовым.

Деканозов, возможно, является наиболее доверенным лицом Сталина, чем кто-либо еще в его правительстве. В процессе разговора Деканозов высказал следующие мысли:

1. Для немцев станет невозможным захват Москвы и Ленинграда этой зимой, если русские силы смогут удерживать эти города еще в течение 30 дней.

2. В течение последней недели германский нажим усилился на определенных направлениях, но ослаб на других.

3. Немцы столкнулись с серьезными транспортными трудностями, вызванными как погодными условиями, так и продолжительностью кампании.

4. Недавно в плен был захвачен один из немецких солдат, которому оказалось меньше чем 17 лет.

5. Этой зимой советское правительство столкнется с серьезными продовольственными трудностями.

6. Немцы собираются захватить на Украине больше зерна, чем на самом деле они смогут захватить. Хотя его количество станет больше, чем ожидало русское правительство.

7. Русские армии столкнулись с тяжелым недостатком материального обеспечения. Советские офицеры полагаются на поставки из Соединенных Штатов. По этому вопросу ими выражается сейчас определенное нетерпение.

8. Даже по масштабам СССР людские потери Красной Армии чрезвычайно велики. Однако остаются еще огромные резервы, которые в настоящее время направляются на формирование новых армий. Но эти армии не смогут проявить себя с лучшей стороны, если им не будет доставать материального обеспечения.

9. Беря в расчет эти резервы, потери, понесенные германской армией с начала кампании, являются более тяжелыми, чем советские потери.

10. Потери Германии в авиации велики. Если же принимать во внимание ее материальные резервы, то потери покажутся не столь значительными.

11. Военной индустрии Советского Союза нанесен серьезный удар. Выпуск продукции сейчас упал до самой нижней точки. Однако советское правительство продолжает перебазировать свои военные предприятия на восток, и можно рассчитывать, что часть из них заработает уже через три месяца или даже меньше.

12. Из состава русских войск на Дальнем Востоке было взято и отправлено на фронт значительное количество военных материалов. Однако те войска, которые остаются на Дальнем Востоке, способны вести жесткую оборону против любой атаки со стороны Японии. Со стороны Деканозова было выражено сожаление позицией, занятой Великобританией, и ее нежеланием произвести диверсию. Было отмечено, что Россия сражается с противником вот уже пятый месяц, но Красная Армия по-прежнему одна несет всю ношу вооруженной борьбы. Деканозов подчеркнул, что СССР получает из Великобритании больше экспер-

тов, чем военной продукции. Некоторые из этих экспертов заняты прежде всего получением информации, которая может пойти на пользу английской торговле уже после войны. Тем не менее суть высказываний Деканозова сводилась к следующему: Советское правительство определенно намерено продолжать войну, независимо от того, какие от Советского Союза потребуются еще жертвы.

Штейнгардт

U. S. Library of Congress. Manuscript Division. Harriman Collection. Container 161

Проект секретного дополнительного протокола, представленный И. Сталиным на переговорах с А. Иденом в декабре 1941 г.⁸

Конфиденциально

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ к Договору об установлении взаимного согласия между СССР и Великобританией при решении послевоенных вопросов и об их совместных действиях по обеспечению безопасности в Европе после окончания войны с Германией

Стороны, подписавшие сего числа вышеуказанный Договор, считая необходимым уточнить постановления статей 1 и 2, согласились о том, что под организацией дела мира и безопасности в Европе, а также под мерами по обеспечению неповторения агрессии и нарушения мира со стороны Германии они понимают:

1. Восстановление Бельгии, Голландии, Норвегии, Дании, Люксембурга в их прежних границах, существовавших до оккупации их войсками гитлеровской Германии.
2. Восстановление Франции в ее границах, существовавших до оккупации ее войсками гитлеровской Германии, при условии удаления правительства Петэна и восстановления демократического режима.
3. Восстановление Чехословакии в старых границах и расширение ее территории за счет Венгрии.
4. Восстановление Югославии и расширение ее территории за счет Италии по побережью Адриатического моря и путем присоединения прилегающих островов.
5. Восстановление Албании как самостоятельного государства с установлением международной гарантии ее самостоятельности.
6. Восстановление Греции в ее границах.
7. Расширение территории Турции за счет Болгарии (район Бургаса) и Додеканесских островов, а также острова Родос — за счет Италии.
8. Установление контроля заинтересованных стран над проливами, соединяющими Балтийское и Северное моря, Б[ольшой] и М[алый] Бельты, Эресунн, Каттегат и Скагеррак.
9. В отношении Румынии признается необходимым: а) в целях обеспечения безопасности СССР передать Советскому Союзу территорию, занимаемую устьем Дуная с его тремя рукавами; б) передать Румынии те районы Венгрии, которые населены преимущественно румынами.
10. Восстановление Польши в границах 1939 года, с оставлением в пользу СССР территорий Западной Украины и Западной Белоруссии, за исключением районов с преобладающим польским населением (оставить в составе Польши город Львов при условии передачи СССР Белостока и Вильно или, наоборот, передать Польше Вильно и Белосток с оставлением Львова в СССР), а также — расширение территории Польши за счет западной части Восточной Пруссии.
11. В интересах организации мира и безопасности на западе Европы устанавливается военный союз Англии с Бельгией и Голландией с предоставлением Англии права держать свои войска и военно-морской флот в этих странах. В этих же целях Англии предоставляется право иметь свои военно-морские базы в некоторых портах на западном побережье Германии.
12. При решении всех возможных планов организации европейских государств, и в первую очередь в восточной части Европы, будет учтена роль СССР как державы, ведущей великую освободительную войну в интересах всех европейских государств, подвергшихся агрессии и оккупированных ныне войсками гитлеровской Германии, и являющейся крупнейшим фактором в деле обеспечения прочного мира в Европе и недопущения новых актов агрессии со стороны, Германии.

⁸ Переговоры И. Сталина с министром иностранных дел Великобритании А. Иденом происходили в Москве 16–18 и 20 декабря 1941 г. (19 декабря Иден выезжал на один из участков советско-германского фронта). Переговоры были посвящены заключению союзного договора между двумя странами и вопросам послевоенного устройства в Европе.

13. Ввиду того что Финляндия нарушила подписанной ею 12 марта 1940 г. Мирный Договор с Советским Союзом, приняв участие вместе с Германией в вероломном нападении на СССР, и своей политикой поддержки гитлеровской агрессии вынуждала Англию объявить состояние войны с нею, признается необходимым восстановление Финляндии в границах и на условиях Мирного Договора от 12 марта 1940 г. с отделением от нее в пользу СССР района Петсамо, ранее добровольно уступленного Советским Союзом Финляндии. Эти минимальные территориальные изменения в Финляндии должны сопровождаться: а) заключением советско-финляндского пакта о взаимопомощи с правом СССР держать в течение 20 лет на территории Финляндии ограниченное количество своих войск и б) удалением виновного в нападении на СССР финляндского правительства.

14. Восстановление оккупированных войсками гитлеровской Германии территорий Эстонии, Латвии и Литвы в составе СССР — в государственных границах, существовавших к 22 июня 1941 года.

15. Восстановление оккупированных войсками гитлеровской Германии и ее соучастником — Румынией Бессарабии и Северной Буковины в составе СССР в государственных границах, существовавших к 22 июня 1941 года.

16. Германия, Италия, Венгрия, Румыния, Финляндия должны возместить Англии, СССР, Польше, Чехословакии, Югославии, Греции Бельгии, Норвегии, Голландии убытки, понесенные от нападения указанных выше стран.

17. В отношении Германии (кроме указанного п. 16), признается:

- а) полное разоружение, необходимое в интересах гарантии спокойствия европейских государств;
- б) восстановление Австрии как самостоятельного государства;
- в) разделение Германии на ряд самостоятельных государств, причем Пруссия превращается в самостоятельное государство с отделением от нее территории Восточной Пруссии;
- г) часть Восточной Пруссии, прилегающая к Литве (включая Кенигсберг), отходит к СССР сроком на 20 лет в качестве гарантии возмещения понесенных СССР убытков от войны с Германией. Другая ее часть отходит к Польше (как это предусмотрено п. 10).

18. В части, касающейся возможных послевоенных государственных образований в Европе в виде федераций, союзов или блоков некоторых европейских государств на севере Европы, в Восточной Европе или на Балканах и вопроса о целесообразности этих образований, Договаривающиеся Стороны условились обсудить эти вопросы дополнительно, причем основными предпосылками для решения этих вопросов они условились считать следующие:

- а) добрая воля и согласие непосредственно заинтересованных государств — возможных участников этих федераций и союзов — на такого рода государственные образования;
- б) демократический характер устройства государств-участников этих образований;
- в) отсутствие угрозы безопасности со стороны таких образований по отношению к обоим Договаривающимся Сторонам.

19. Признается необходимым создание Европейского Совета — как международной организации, в распоряжении которой в качестве орудия сохранения мира в Европе должно находиться определенное количество войск⁹.

Опубл. в: Ржешевский О. А. Война и дипломатия. Документы, комментарии, 1941–1942. С. 26–28

Договор между СССР и Великобританией о союзе в войне против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны, 26 мая 1942 года (извлечение)¹⁰

Часть I

Статья 1. В силу союза, установленного между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенным Королевством, Высокие Договаривающиеся Стороны взаимно обязуются оказывать друг другу военную и другую помощь и поддержку всякого рода в войне против Германии и всех тех государств, которые связаны с ней в актах агрессии в Европе.

⁹ Проект секретного протокола был отклонен А. Иденом под предлогом необходимости изучения советских предложений.

¹⁰ Договор между СССР и Великобританией от 26 мая 1942 г., равно как и Советско-американское соглашение от 11 июня 1942 г. (см. № 272) были заключены во время визита наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова в Англию и США. Перелет был совершен на советском самолете-бомбардировщике ТБ-7 (Пе-8), пилотируемом майором Э. Пусепом.

Статья 2. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются не вступать ни в какие переговоры с гитлеровским правительством или любым другим правительством в Германии, которое ясно не откажется от всех агрессивных намерений, и не вести переговоров или не заключать перемирия или мирного договора с Германией или любым другим государством, связанным с ней в актах агрессии в Европе иначе, как по взаимному согласию.

Часть II

Статья 3. 1. Высокие Договаривающиеся Стороны заявляют о своем желании объединиться с другими единомышленными государствами в принятии предложений об общих действиях в послевоенный период в целях сохранения мира и сопротивления агрессии.

2. Впредь до одобрения таких предложений они примут после окончания военных действий все меры, находящиеся в их власти, чтобы сделать невозможным повторение агрессии и нарушение мира Германией или любым из государств, связанных с ней в актах агрессии в Европе.

Статья 4. Если одна из Высоких Договаривающихся Сторон в послевоенный период снова окажется вовлеченной в военные действия с Германией или всяким иным государством, упомянутым в статье 3 (пункт 2), в результате нападения этого государства на данную сторону, то другая Высокая Договаривающаяся Сторона сразу же окажет Договаривающейся Стороне, вовлеченной таким образом в военные действия, всякую военную и другую помощь и содействие, лежащие в ее власти.

Эта статья останется в силе до того, как по обоюдному согласию Высоких Договаривающихся Сторон будет признана излишней ввиду принятия ими предложений, упомянутых в статье 3 (пункт 1). Если таковые предложения не будут приняты, она остается в силе на период в 20 лет и после того впредь до отказа от нее со стороны любой из Высоких Договаривающихся Сторон в соответствии с условиями статьи 8.

Статья 5. Высокие Договаривающиеся Стороны с учетом интересов безопасности каждой из них согласились работать совместно в тесном и дружеском сотрудничестве после восстановления мира в целях организации безопасности и экономического процветания в Европе. Они будут принимать во внимание интересы Объединенных Наций в осуществлении указанных целей и будут также действовать в соответствии с двумя принципами — не стремиться к территориальным приобретениям для самих себя и не вмешиваться во внутренние дела других государств.

Статья 6. Высокие Договаривающиеся Стороны согласились оказывать друг другу после войны всякую взаимную экономическую помощь.

Статья 7. Каждая из Высоких Договаривающихся Сторон обязуется не заключать никаких союзов и не принимать участия ни в каких коалициях, направленных против другой Высокой Договаривающейся Стороны.

Статья 8. Настоящий договор... вступает в силу немедленно по обмене ратификационными грамотами и после того заменит собой соглашение между правительством Союза Советских Социалистических Республик и правительством Его Величества в Соединенном Королевстве, подписанное в Москве 12 июля 1941 года.

Часть 1-я настоящего договора остается в силе до восстановления мира между Высокими Договаривающимися Сторонами и Германией и державами, связанными с ней в актах агрессии в Европе.

Часть 2-я настоящего договора остается в силе на период 20 лет (...)

Известия. 1942. 12 июня

Из письма У. Черчилля Ф. Рузвельту о переговорах с Молотовым в Лондоне в мае 1942 г., 27 мая 1942 г.

В течение этой и прошлой недели мы с Молотовым проделали очень хорошую работу, и, как Вайнант¹¹ несомненно сообщил Вам, мы полностью переделали положения договора. Теперь они, по моему мнению, свободны от тех моментов, которые вызывали возражения либо у нас, либо у них, и полностью соответствуют нашей Атлантической хартии. Договор был подписан вчера во второй половине дня в обстановке большой сердечности, проявленной обеими сторонами.

Молотов является государственным деятелем и имеет свободу действий, весьма отличную от той, которую я наблюдали у Литвинова. Я совершенно уверен, что Вы сможете достичь хорошего взаимопонимания с ним.¹² Пожалуйста, дайте мне знать о Ваших впечатлениях...

Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны / Пер. с англ. — М.: ТЕРРА, 1995. С. 252–253

¹¹ Вайнант Г. (1889–1947), посол США в Великобритании в 1941–1946 гг.

¹² В. М. Молотов прибыл в Вашингтон 29 мая 1942 г.

Из письма Ф. Рузвельта У. Черчиллю о визите Молотова в Вашингтон, 31 мая 1942 г.

(...) Я полагаю, что визит Молотова — это настоящий успех, так как нам удалось создать обстановку такой личной искренности и такого дружелюбия, какие только могут быть достигнуты с помощью переводчика. Его отъезд будет отложен на два или три дня.

Он совершенно ясно выразил свою подлинную тревогу по поводу ситуации в последующие 4 или 5 месяцев, и я считаю, что это беспокойство искреннее, а не показное, для того чтобы нажать на нас. Я серьезно считаю, что положение русских непрочное и может неуклонно ухудшаться в течение ближайших недель.

Поэтому я более чем когда-либо хочу, чтобы в связи с операцией «Болеро»¹³ были предприняты определенные действия в 1942 году. Все мы понимаем, что из-за погодных условий эта операция не может быть отложена до конца года.

После разговора с нашим штабом я полагаю, что немецкие военно-воздушные силы нельзя разбить или фактически заставить вести воздушную войну в такой мере, чтобы оттянуть их с русского фронта, до тех пор пока мы не произведем высадку. Я совершенно уверен в способности наших объединенных военно-воздушных сил полностью овладеть обстановкой в Ла-Манше и на достаточной территории суши для создания соответствующих плацдармов, которые нужно будет прикрывать. Это приведет: 1) либо к оттягиванию немецкой авиации с русского фронта и к усилиям с нашей стороны уничтожить ее; 2) либо, если немецкая авиация не станет себя проявлять, к тому, что можно будет расширить операции наземных войск с целью создания постоянных позиций.

Объединенный штаб работает сейчас над предложением об увеличении числа транспортных судов для использования в операции «Болеро» путем сокращения значительной части материалов для отправки в Россию, кроме военного снаряжения, которое может быть использовано в боях в этом году¹⁴. Это не должно уменьшить поставки такого военного снаряжения, как самолеты, танки, орудия и боеприпасы, которые русские смогут использовать в боях этим летом. Я полагаю, что мы можем и дальше сокращать конвой на Мурманск — Архангельск и посылать больше готового к использованию военного снаряжения через Басру. Это должно облегчить задачу вашего флота метрополии, особенно эскадренных миноносцев.

Я буду телеграфировать Вам, когда Молотов уедет, и я особенно озабочен тем, чтобы он увез с собой некоторые реальные результаты своей миссии и сейчас дал Сталину благоприятный отчет. Я склонен думать, что сейчас все русские чуточку приуныли.

Однако важно то, что мы, может быть, окажемся, и вероятно, уже находимся, перед реальными неприятностями на русском фронте и должны учитывать это в наших планах.

Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны /Пер. с англ. — М.: ТЕРРА, 1995. С. 253–255

Соглашение между правительствами СССР и США о принципах, применимых к взаимной помощи и ведению войны против агрессии, 11 июня 1942 г.

Принимая во внимание, что Правительства Союза Советских Социалистических Республик и Соединенных Штатов Америки заявляют, что они заняты общим делом совместно со всеми другими одинаково мыслящими государствами и народами, направленным к созданию основ справедливого и прочного общего мира, обеспечивающего законный порядок им самим и всем другим народам;

И принимая во внимание, что Правительства Союза Советских Социалистических Республик и Соединенных Штатов Америки, как участники Декларации Объединенных Наций от 1 января 1942 года, подписались под общей программой целей и принципов, воплощенных в совместной Декларации, сделанной 14 августа 1941 года Президентом Соединенных Штатов Америки и Премьер-министром Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и известной под именем Атлантической хартии, к которой присоединилось также Правительство Союза Советских Социалистических Республик;

¹³ «Болеро» — Кодовое название операции по подготовке к вторжению в Европу через Ла-Манш.

¹⁴ В своем последнем разговоре с Молотовым 1 июня Рузвельт предложил, чтобы «советское правительство рассмотрело вопрос о сокращении поставок по ленд-лизу с 4,1 млн. до 2 млн. тонн». Рузвельт отмечал, что «такое сокращение высвобождает большее число судов... и тем самым ускорит открытие [второго] фронта». Гопкинс подчеркивал, что «все, что Красная Армия может использовать в боевых действиях, будет поставляться по-прежнему».

И принимая во внимание, что Президент Соединенных Штатов Америки решил, в развитие Акта Конгресса от 11 марта 1941 г., что оборона Союза Советских Социалистических Республик против агрессии жизненно важна для обороны Соединенных Штатов Америки;

И принимая во внимание, что Соединенные Штаты Америки оказывали и продолжают оказывать Союзу Советских Социалистических Республик помощь в деле сопротивления агрессии;

И принимая во внимание целесообразность того, чтобы окончательное определение условий, на которых Правительство Союза Советских Социалистических Республик получает указанную помощь, и выгод, которые взамен должны получить Соединенные Штаты Америки, было отложено до тех пор, пока не станет известен объем оборонной помощи и пока ход событий не сделает более ясными окончательные условия и выгоды, которые соответствовали бы общим интересам Союза Советских Социалистических Республик и Соединенных Штатов Америки и содействовали бы созданию и поддержанию мира во всем мире;

И принимая во внимание, что Правительства Союза Советских Социалистических Республик и Соединенных Штатов Америки имеют общее желание заключить теперь предварительное Соглашение о предоставлении оборонной помощи и о некоторых соображениях, которые будут приняты во внимание при установлении вышеупомянутых условий, и поскольку заключение такого Соглашения было во всех отношениях должным образом разрешено и все акты, условия и формальности, которые следовало произвести, выполнить или учинить до заключения такого Соглашения в соответствии с законами как Союза Советских Социалистических Республик, так и Соединенных Штатов Америки были надлежащим образом произведены, выполнены и учинены;

Нижеподписавшиеся, должным образом уполномоченные для этой цели соответствующими Правительствами, согласились о нижеследующем:

Статья I

Правительство Соединенных Штатов Америки будет продолжать снабжать Правительство Союза Советских Социалистических Республик теми оборонными материалами, оборонным обслуживанием и оборонной информацией, которые Президент Соединенных Штатов Америки разрешил передавать или предоставлять.

Статья II

Правительство Союза Советских Социалистических Республик будет продолжать содействовать обороне Соединенных Штатов Америки и ее укреплению и предоставлять материалы, обслуживание, льготы и информацию в меру его возможностей.

Статья III

Правительство Союза Советских Социалистических Республик не будет, без согласия Президента Соединенных Штатов Америки, передавать, формально или фактически, какие бы то ни было оборонные материалы или оборонную информацию, полученные им в соответствии с Актом Конгресса Соединенных Штатов Америки от 11 марта 1941 г., или разрешать пользование ими кому бы то ни было, кроме должностных лиц, служащих или агентов Правительства Союза Советских Социалистических Республик.

Статья IV

Если в результате передачи Правительству Союза Советских Социалистических Республик какого-нибудь оборонного материала или оборонной информации возникнет необходимость для этого Правительства принять меры или совершить платеж с целью полного обеспечения всех прав какого-либо гражданина Соединенных Штатов Америки, имеющего патентные права в связи с вышеупомянутыми оборонными материалами или информацией, то Правительство Союза Советских Социалистических Республик примет эти меры и произведет такие платежи по предложению Президента Соединенных Штатов Америки.

Статья V

Правительство Союза Советских Социалистических Республик по окончании существующего чрезвычайного положения вернет Соединенным Штатам Америки, по определению Президента Соединенных Штатов Америки, те из полученных по настоящему Соглашению оборонных материалов, которые окажутся неуничтоженными, траченными или потребленными и которые, по определению Президента, смогут пригодиться для обороны Соединенных Штатов Америки или Западного полушария или смогут быть каким-либо иным образом использованы Соединенными Штатами Америки.

Статья VI

При окончательном определении выгод, которые будут предоставлены Соединенным Штатам Америки Правительством Союза Советских Социалистических Республик, будут полностью приняты во внимание все имущество, обслуживание, информация, льготы и другие выгоды, предоставленные Правительством Союза Советских Социалистических Республик после 11 марта 1941 г., полученные или принятые Президентом от имени Соединенных Штатов Америки.

Статья VII

При окончательном определении выгод, которые будут предоставлены Соединенным Штатам Америки Правительством Союза Советских Социалистических Республик в обмен за помощь, оказанную

в соответствии с Актом Конгресса от 11 марта 1941 г., их условия должны быть таковы, чтобы не только не затруднять торговлю между этими двумя странами, а, наоборот, содействовать взаимовыгодным экономическим отношениям между ними и улучшению мировых экономических отношений. С этой целью они должны предусмотреть возможность согласованных действий Соединенных Штатов Америки и Союза Советских Социалистических Республик, к которым могли бы присоединяться все другие одинаково с ними мыслящие государства и которые были бы направлены к расширению, путем соответствующих межгосударственных и внутригосударственных мероприятий, производства, использования рабочей силы, а также обмена и потребления товаров, что составляет материальную основу свободы и благосостояния всех народов; к уничтожению всех форм дискриминации в международной торговле и к сокращению пошлин и других торговых барьеров и вообще к достижению всех экономических целей, изложенных в совместной Декларации Президента Соединенных Штатов Америки и Премьер-министра Соединенного Королевства от 14 августа 1941 г., к которой присоединилось также Правительство Союза Советских Социалистических Республик.

В возможно скором времени будут начаты переговоры между двумя Правительствами с целью определения, в свете господствующих экономических условий, наилучшего способа достижения вышеуказанных целей их собственными согласованными действиями, а также обеспечения согласованных действий со стороны одинаково с ними мыслящих правительств.

Статья VIII

Настоящее Соглашение вступит в силу с сего числа. Оно будет оставаться в силе до срока, который должен быть согласован между обоими Правительствами.

Подписано с приложением печатей в Вашингтоне в двух экземплярах 11 июня 1942 года.

Максим Литвинов, Корделл Хэлл

Публ. по: Ржешевский О. А. Война и дипломатия. Документы, комментарии, 1941–1942. С. 231–232

Переписка И. Сталина, У. Черчилля, Ф. Рузвельта по вопросу о втором фронте, июль 1941 — август 1942 г.

А.) ПОСЛАНИЕ И. В. СТАЛИНА У. ЧЕРЧИЛЛЮ, 18 июля 1941 года

...Положение советских войск на фронте продолжает оставаться напряженным. Результаты неожиданного разрыва Гитлером пакта о ненападении и внезапного нападения на Советский Союз, создавшие для немецких войск выгодное положение, все еще сказываются на положении советских войск. Можно представить, что положение немецких войск было бы во много раз выгоднее, если бы советским войскам пришлось принять удар немецких войск не в районе Кишинева, Львова, Бреста, Белостока, Каунаса и Выборга, а в районе Одессы, Каменец-Подольска, Минска и окрестностей Ленинграда.

Мне кажется далее, что военное положение Советского Союза, равно как и Великобритании, было бы значительно улучшено, если бы был создан фронт против Гитлера на западе (Северная Франция) и на севере (Арктика).

Фронт на севере Франции не только мог бы оттянуть силы Гитлера с востока, но и сделал бы невозможным вторжение Гитлера в Англию. Создание такого фронта было бы популярным как в армии Великобритании, так и среди всего населения Южной Англии. Я представляю трудность создания такого фронта, но мне кажется, что, несмотря на трудности, его следовало бы создать не только ради нашего общего дела, но и ради интересов самой Англии. Легче всего создать такой фронт именно теперь, когда силы Гитлера отвлечены на восток и когда Гитлер еще не успел закрепить за собой занятые на востоке позиции.

Еще легче создать фронт на севере. Здесь потребуются только действия английских морских и воздушных сил без высадки войскового десанта, без высадки артиллерии. В этой операции примут участие советские сухопутные, морские и авиационные силы. Мы бы приветствовали, если бы Великобритания могла перебросить сюда около одной легкой дивизии или больше норвежских добровольцев, которых можно было бы перебросить в Северную Норвегию для повстанческих действий против немцев.

Б.) ПОСЛАНИЕ У. ЧЕРЧИЛЛЯ И. В. СТАЛИНУ, 21 июля 1941 года

Я был весьма рад получить Ваше послание и узнать из многих источников о доблестной борьбе и многочисленных сильных контратаках, при помощи которых русские военные силы защищают свою родную землю. Я вполне понимаю военные преимущества, которые Вам удалось приобрести тем, что Вы вынудили врага развернуть силы и вступить в боевые действия на выдвинутых вперед западных границах, чем была частично ослаблена сила его первоначального удара.

Все разумное и эффективное, что мы можем сделать для помощи Вам, будет сделано. Я прошу Вас, однако, иметь в виду ограничения, налагаемые на нас нашими ресурсами и нашим географическим положением. С первого дня германского нападения на Россию мы рассматривали возможность наступления на оккупированную Францию и на Нидерланды. Начальники штабов не видят возможности сделать что-либо в таких размерах, чтобы это могло принести Вам хотя бы самую малую пользу. Только в одной Франции немцы располагают сорока дивизиями, и все побережье более года укреплялось с чисто германским усердием и оштетинилось орудиями, колючей проволокой, укрепленными огневыми точками и береговыми минами. Единственный участок, где мы могли бы иметь хотя бы временное превосходство в воздухе и обеспечить прикрытие самолетами-истребителями, — это участок от Дюнкерка до Булони. Здесь имеется сплошная цепь укреплений, причем десятки тяжелых орудий господствуют над подходами с моря, многие из них могут вести огонь через пролив. Ночное время длится менее пяти часов, причем даже в этот период вся местность освещается прожекторами. Предпринять десант большими силами означало бы потерпеть кровопролитное поражение (...)

В.) ПОСЛАНИЕ И. В. СТАЛИНА У. ЧЕРЧИЛЛЮ, 23 июля 1942 года

Во-первых, правительство Великобритании отказывается продолжать снабжение Советского Союза военными материалами по Северному пути, и во-вторых, несмотря на известное согласованное англо-советское коммюнике о принятии неотложных мер по организации второго фронта в 1942 году, правительство Великобритании откладывает это дело на 1943 год.

Наши военно-морские специалисты считают доводы английских морских специалистов о необходимости прекращения подвоза военных материалов в северные порты СССР несостоятельными. Они убеждены, что при доброй воле и готовности выполнить взятые на себя обязательства подвоз мог бы осуществляться регулярно с большими потерями для немцев. Приказ английского адмиралтейства 17-му конвою покинуть транспорты и вернуться в Англию, а транспортным судам рассыпаться и добираться в одиночку до советских портов без эскорта наши специалисты считают непонятным и необъяснимым. Я, конечно, не считаю, что регулярный подвоз в северные советские порты возможен без риска и потерь. Но в обстановке войны ни одно большое дело не может быть осуществлено без риска и потерь. Вам, конечно, известно, что Советский Союз несет несравненно более серьезные потери. Во всяком случае, я никак не мог предположить, что правительство Великобритании откажет нам в подвозе военных материалов именно теперь, когда Советский Союз особенно нуждается в подвозе военных материалов в момент серьезного напряжения на советско-германском фронте. Понятно, что подвоз через персидские порты ни в какой мере не окупит той потери, которая будет иметь место при отказе от подвоза северным путем.

Что касается второго вопроса, а именно вопроса об организации второго фронта в Европе, то я боюсь, что этот вопрос начинает принимать несерьезный характер. Исходя из создавшегося положения на советско-германском фронте, я должен заявить самым категорическим образом, что Советское правительство не может примириться с откладыванием организации второго фронта в Европе на 1943 год.

Надеюсь, что Вы не будете в обиде на то, что я счел нужным откровенно и честно высказать свое мнение и мнение моих коллег по вопросам, затронутым в Вашем послании.

Г.) И. СТАЛИН У. ЧЕРЧИЛЛЮ. МЕМОРАНДУМ, 13 августа 1942 года

В результате обмена мнениями в Москве, имевшего место 12 августа с. г., я установил, что премьер-министр Великобритании г. Черчилль считает невозможной организацию второго фронта в Европе в 1942 году.

Как известно, организация второго фронта в Европе в 1942 году была предreshена... в согласованном англо-советском коммюнике, опубликованном 12 июня с. г.

Известно также, что организация второго фронта в Европе имела своей целью отвлечение немецких сил с Восточного фронта на запад, создание на западе серьезной базы сопротивления немецко-фашистским силам и облегчение таким образом положения советских войск на советско-германском фронте в 1942 году.

Вполне понятно, что советское командование строило план своих летних и осенних операций в расчете на создание второго фронта в Европе в 1942 году.

Легко понять, что отказ правительства Великобритании от создания второго фронта в 1942 году в Европе наносит моральный удар всей советской общественности, рассчитывавшей на создание второго фронта, осложняет положение Красной Армии на фронте и наносит ущерб планам Советского командования.

Я уже не говорю о том, что затруднения для Красной Армии, создающиеся в результате отказа от создания второго фронта в 1942 году, несомненно, должны будут ухудшить военное положение Англии и всех остальных союзников.

Мне и моим коллегам кажется, что 1942 год представляет наиболее благоприятные условия для создания второго фронта в Европе, так как почти все силы немецких войск, и притом лучшие силы, отвлечены на Восточный фронт, а в Европе оставлено незначительное количество сил, и притом худших сил. Неизвестно,

будет ли представлять 1943 год такие же благоприятные условия для создания второго фронта, как 1942 год. Мы считаем поэтому, что именно в 1942 году возможно и следует создать второй фронт в Европе. Но мне, к сожалению, не удалось убедить в этом господина премьер-министра Великобритании, а г. Гарриман, представитель президента США при переговорах в Москве, целиком поддержал господина премьер-министра.

Переписка Председателя Совета министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. I. М., 1957. С. 10–12, 54, 58–59

Из послания У. Черчилля Ф. Рузвельту о визите в Москву и переговорах с И. Сталиным, 13 августа 1942 г.

...Я начал совещание со Сталиным в Кремле в 19 часов. Оно продолжалось около четырех часов. Присутствовали только Сталин, Молотов, Ворошилов, я, Гарриман и наш посол с переводчиком. Обстановка в первые два часа была мрачной и пасмурной. Я объяснял с помощью карт и аргументов, почему мы не осуществили операцию «Следжхэммер». Он заявил, что не согласен с нашими доводами. Он приводил противоположные аргументы, и все были довольно угрюмы. В конце концов он сказал, что не согласен с нашей точкой зрения, но мы имеем право решать. Во время этой дискуссии я, конечно, разъяснил операцию «Раундап», и он отнесся к этому очень легко, поскольку это дело далекое и имеются большие трудности для высадки где-либо за пределами авиационного прикрытия. Однако данные о прибытии американцев в Соединенное Королевство и наших собственных предполагаемых экспедиционных войсках были изложены как солидные факты.

Затем мы перешли к вопросу о беспощадных бомбардировках Германии, и это вызвало общее удовлетворение. Г-н Сталин подчеркнул важность того, чтобы сломить моральный дух немецкого населения, а я пояснил, что это является одной из наших первостепенных военных задач. Он заявил, что придает весьма большое значение бомбардировкам и что, как ему известно, воздушные налеты имеют в Германии огромный эффект. После этой продолжительной дискуссии создалось впечатление, что все, что мы собирались делать, это не «Следжхэммер», не «Раундап», а бомбежки Германии. Я высказал мысль, что самое лучшее — это сначала преодолеть наихудшее. Я не собирался приукрашивать обстановку и особо попросил о том, чтобы между друзьями, находящимися в опасности, разговор велся в открытую. Однако вежливость и достоинство преобладали.

Именно в этот момент сражения я ввел в бой операцию «Торч». Когда я рассказал все об этой операции, Сталин проявил большой интерес. Его первым вопросом было, что произойдет в Испании и в вишистской Франции. Несколько позже он заметил, что операция правильна в военном отношении, но у него имеются сомнения политического характера относительно ее воздействия на Францию. Он особенно интересовался сроком операции, и я сказал, что не позже 30 октября, но президент и все мы пытаемся приблизить этот срок, перенести его на 7 октября. Казалось, что это принесло большое облегчение трем русским. В это время г-н Сталин сказал, если полагаться на переводчика: «Да поможем Бог этому предприятию».

Это было поворотным пунктом в нашей беседе. Затем он стал выдвигать различные политические возражения, опасаясь, что захват англо-американцами районов по плану операции «Торч» будет неправильно понят во Франции. Что мы предпринимаем в отношении де Голля? Я заявил, что если бы он был полезен, то его использовали бы, но в настоящее время американский флаг является гораздо лучшей возможностью для легкого вторжения. Гарриман весьма решительно поддержал эту точку зрения, сославшись на сообщения американских агентов на всей территории «Торча», на которые полагается и президент, а также на мнение адмирала Леги¹⁵. Г-н Сталин конспективно высказал четыре довода в пользу «Торча». Первый: это нанесет Роммелю удар в спину. Второй: это будет держать в страхе Испанию. Третий: это вызовет боевые действия между немцами и французами во Франции. И четвертый: Италии придется испытать на себе главный удар всей войны. Такое заявление мне очень понравилось как указывающее на его быстрое и полное понимание новой для него проблемы. Я, конечно, добавил пятый довод, а именно сокращение морского пути через Средиземное море. Он поинтересовался, можем ли мы проходить через Гибралтарский пролив. Я также сообщил ему об изменениях в командовании в Египте и заявил о нашем намерении провести решающую битву в конце августа или в сентябре. Наконец стало ясно, что всем им понравился «Торч», хотя Молотов спросил, нельзя ли его осуществить в сентябре.

Затем я стал раскрывать перспективу размещения англо-американских военно-воздушных сил на южном фланге русских армий для защиты Каспийского моря и Кавказских гор и вообще участия в сражениях на этом театре военных действий. Однако я не вдавался в подробности, так как мы, конечно, сначала

---

¹⁵ Адмирал Уильям Д. Леги — посол Соединенных Штатов в Виши.

должны выиграть нашу битву в Египте, а я не знаю планов президента относительно американского вклада. Если Сталину нравится эта идея, то мы начнем разрабатывать детали. Он ответил, что здесь будут весьма благодарны за эту помощь, но что детали размещения и т. д. потребуют изучения. Как Вы знаете, я очень увлечен этим проектом, потому что он приведет к более широким военным действиям между англо-американскими военно-воздушными силами и немцами, а это помогает приобретать господство в воздухе при более благоприятных условиях, чем при попытке лезть на рожон, форсируя Па-де-Кале.

Таким образом, все завершилось в сердечной обстановке, и я надеюсь, что установлю прочные и искренние отношения с этим человеком и сумею убедить его в нашем горячем желании, разделяемом президентом, вступить в битву интенсивно, быстро и наилучшим образом. Что касается русских, то он сказал только, что немцы производят больше танков и обнаруживают больше мощи, чем ожидалось, что новости с юга неблагоприятны и что русские ввели в бой дивизии во Ржеве, и они успешно действуют.

Я должен сказать Вам о той помощи, которую оказал Гарриман во время этих исключительно серьезных, напряженных и в какой-то момент критических переговоров. Он твердо вступал от имени президента в разговор обо всем, что относилось к операции «Торч», и его присутствие было во всем выше всяких похвал...

*Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны /
Пер. с англ. — М.: ТЕППА, 1995. С. 272–274*

Выдержки из записей А. Гарримана — специального представителя президента США на переговорах между Сталиным и Черчиллем в августе 1942 г., 14 августа 1942 г.

Разговор со Сталиным во время ужина, пятница, 14 августа 1942 года.

Я сказал Сталину, что президент очень надеется встретиться с ним. Сталин ответил, что он также хочет встретиться: «Это очень важно». Я спросил, когда это можно было бы сделать и где самое подходящее место. Сталин ответил: «Зимой я не столь связан... Возможно — на Дальнем Востоке, возможно — в Западной Европе». Я ответил, что президент сейчас не летает и что Алеутские острова были бы самым подходящим местом. Однако сейчас японцы сделали подход к ним достаточно трудным. Сталин ответил, что сложность доставляют не столько японцы, сколько сама зима, — октябрь последний приемлемый месяц. Я также объяснил, что, возможно, президенту придется остаться дома на период выборов — первая неделя ноября. Сталин добавил «возможно, в Исландии в декабре». Я заметил, что это, конечно, возможно для президента, но слишком опасно лететь в это время года. Сталин ответил, что «это не столь опасно», у президента хорошие самолеты, чтобы совершить такой полет. Я прокомментировал это заявление следующим образом: мы в Америке не хотим подвергать президента такому риску, который может сказаться на состоянии президента (это можно было понять как опасение за его здоровье). Сталин ответил, что его собственное здоровье превосходно, но он, конечно, сильно переживает за здоровье президента.

Не может быть сомнения в том, что Сталин сделал бы все возможное, чтобы встретиться с президентом в любое подходящее время и в любом месте.

Я заметил, что президент хочет держать японцев в постоянном напряжении в районе Тихого океана. И он делает это в том числе и для того, чтобы японцы не смогли решиться на вторжение в Россию через Сибирь. Рузвельт постоянно держит в уме это обстоятельство, в том числе и когда он отдает приказы на боевые действия в южных районах Тихого океана. Сталин согласился, что такая позиция очень полезна для СССР. Я спросил, а что еще было бы полезно для СССР в районе Тихого океана. Он ответил: «Больше самолетов». Я спросил: «Где?» Он ответил: «В районе Японского моря». Я ответил, что это невозможно, если не будет наших баз в Сибири. Сталин возразил: «О нет, они могут взлетать с Аляски». Я повторил, что это слишком сложно и далеко для наших самолетов. Но Сталин сказал, что Аляска расположена достаточно близко от Японии, чтобы американские самолеты Б-24 могли взлетать оттуда и бомбить японцев. Я подумал, что не стоит дальше спорить, и сказал, что когда-нибудь наступит тот великий день, когда наши и русские самолеты полетят вместе, чтобы бомбить Японские острова. Он встретил эти слова с энтузиазмом и поднял тост за бомбежку Японии.

Затем я стал свидетелем разговора Сталина с Черчиллем о возможности посылки авиационных частей на южный участок советско-германского фронта. Черчилль говорил о том, что, возможно, будет послать туда примерно 20 эскадрилий вскоре после разгрома Роммеля в Северной Африке, или даже 30–40 эскадрилий,

если им будут помогать американцы. Когда этот разговор закончился, я сказал, что президент очень заинтересован в этом предприятии. Что думает об этом Сталин? Сталин отметил, что это было бы большой помощью. Я спросил его, чтобы он больше предпочел — иметь авиационные части или только самолеты? Сохраняя достоинств покупателя, Сталин ответил, что это не имеет большого значения. Я убедился, что Сталин крайне заинтересован получить на своем фронте либо сами эскадрильи (английские или наши), либо сами самолеты.

Сталин сказал мне, что британский флот потерял свою инициативу. Не было никаких оснований приостанавливать отправку конвоев. Британская армия даже не может сражаться — тому пример Сингапур и т. д. Флот США сражается с большей отвагой, равно как и американская армия, — достаточно напомнить о Батаане. Однако Сталин добавил, что британские воздушные силы достаточно хороши. Он не испытывает особого уважения к военным усилиям Великобритании, но очень надеется на США...

Черчилль сказал Сталину: «Вы знаете, что я относился недружественно к вам после прошлой войны». Сталин ответил: «Я знаю, но Вы были всегда честны в своей оппозиции к нам. Я предпочитаю честного оппонента, чем предателя, который пытается показаться другом — подобно Ллойд Джорджу». Черчилль: «И Вы с тех пор простили меня?» Сталин: «Не имеет никакого значения, простил ли я. Бог простит».

В процессе беседы Черчилль стал пояснять Сталину возможности премьер-министра в Великобритании и его обязательства перед парламентом. Я добавил, что премьер-министр хотел бы иметь такое же влияние над прессой, которое имеет Сталин. На что Сталин ответил, но он (премьер-министр) имеет это влияние. Черчилль попытался объяснить ограниченность своего контроля. Но Сталин продолжил: Вы можете купить прессу. Премьер-министр сказал, что можно купить акции, но не политику; у нас никогда не было так, как во Франции.

Далее Сталин, обращаясь ко мне сказал, что истребитель «Аэрокобра» намного лучше, чем P-40 («Томми» или «Киттихаук»).

Сталин пошел провожать Черчилля до выхода. Он вновь подошел ко мне, когда уже возвращался назад. Он сказал мне, что должен был проводить Черчилля, ведь премьер на четыре года старше его самого. Я в шутку сказал, что должно быть, больше, чем на четыре. Сталин ответил — нет. Я вновь сказал, что не верю. Сталин перекрестился и произнес: «Да мне уже столько лет»...

Потом Сталин прошел со мной до лестницы. Я говорил ему, что извиняюсь, что не смог завершить своего разговора с одним генералом танковых войск. На что Сталин сказал, что я могу закончить его сейчас. Но я ответил, что сейчас я слишком устал и лучше будет сделать это завтра (...).

US. Library of Congress. Manuscript Division. Harriman Collection. Container 162

Переписка Ф. Рузвельта и И. Сталина относительно поставок по ленд-лизу, 19, 22 августа 1942 г.

А.) ПОСЛАНИЕ ПРЕЗИДЕНТА США ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СССР
19 августа 1942 г.

Я весьма сожалею, что я не смог принять участие с Вами и г-ном Черчиллем в совещаниях, которые недавно происходили в Москве. Неотложные нужды военного положения, в особенности поскольку речь идет о советско-германском фронте, хорошо мне известны.

Я считаю, что японцам будет трудно вытеснить нас с удобного пункта, который мы захватили в юго-западном районе Тихого океана. Хотя потери наших военно-морских сил в этом районе были значительными, успех, которого мы добились, оправдывает их, и я могу заверить Вас, что мы будем развивать его энергичным образом. С другой стороны, я хорошо понимаю, что настоящим врагом обеих наших стран является Германия и что, возможно, в самом скором времени нашим обеим странам будет необходимо применить против Гитлера нашу мощь и силу. Вы можете быть уверены, что, как только в человеческих силах окажется возможным собрать транспортные средства, это будет сделано.

Тем временем в течение августа из Соединенных Штатов в Советский Союз будет отправлено свыше тысячи танков, и в то же самое время отправляются другие стратегические материалы, включая самолеты.

Соединенные Штаты хорошо понимают тот факт, что Советский Союз несет основную тяжесть борьбы и самые большие потери на протяжении 1942 года, и я могу сообщить, что мы весьма восхищены великодушным сопротивлением, которое продемонстрировала Ваша страна. Мы придем к Вам на помощь по возможности скорее и по возможности большими силами, как только сможем это сделать, и я надеюсь, что Вы верите мне, когда я сообщаю Вам об этом.

Б.) ПОСЛАНИЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СССР ПРЕЗИДЕНТУ США, 22 августа 1942 г.

Получил Ваше послание от 19 августа. Я также выражаю сожаление, что Вы не смогли принять участие в беседах, которые я недавно имел с господином Черчиллем.

В связи с Вашим замечанием об отправке в августе месяце из Соединенных Штатов танков и военных материалов я хотел бы подчеркнуть нашу особую заинтересованность в данное время в получении из США самолетов и других видов вооружения, а также грузовиков в возможно большем количестве. Вместе с тем я надеюсь, что будут приняты все меры для обеспечения быстрой доставки грузов в Советский Союз, особенно Северным морским путем.

Советско-американские отношения в годы Великой Отечественной войны.
Т. 1. М., 1984. С. 230–231

Извлечение из меморандума, подготовленного для Г. Гопкинса представителями высшего командования американских вооруженных сил, октябрь 1942 г.

А. 1. В этом документе нет ничего нового или оригинального. Это просто резюме того, что считается, по общему мнению, наиболее верными мыслями.

2. Россия нужна нам не только как могущественный военный союзник для разгрома Германии; в конечном счете она понадобится нам в аналогичной роли и для разгрома Японии. И, наконец, она нужна будет нам как подлинный друг и деловой клиент в послевоенном мире.

3. К вопросу о значении России в разгромах Германии. Всякие аргументы излишни. Она столь же необходима, как Соединенное Королевство и Соединенные Штаты.

4. К вопросу о значении России в разгромах Японии. Всеми признается, что план постепенного достижения Токио через тихоокеанские острова должен быть дополнен крупными налетами бомбардировщиков, базирующихся в Азии, объектом которых должно быть самое сердце Японской империи и источник ее мощи.

Для этого потребуются весьма значительные сухопутные силы для обороны баз и, кроме того, значительные силы авиации вместе с ее личным составом, наземными сооружениями, самолетами, бензином, запасными частями, боеприпасами и всем прочим. Для действующей авиации в 1000 бомбардировщиков необходимо примерно 200 тысяч тонн различных припасов в месяц. Такую силу вряд ли можно разместить в Азии без помощи России...

5. Если признать, что помощь России необходима для разгрома как Германии, так и Японии, то в равной степени верно будет и то, что поражение России в борьбе с одной из них или обеими этими странами может помешать нам разгромить Германию или Японию.

Такое поражение может произойти, если мы не поможем России в полную меру наших возможностей, ибо война России с Германией лишила ее значительной части населения, сырья, промышленности, транспорта, резервов и посевных площадей.

Такое поражение может произойти также и в том случае, если Япония примет участие в войне Германии с Россией. Поэтому, видимо, гораздо выгоднее для нашего дела отложить русско-японскую войну до разгрома Германии.

6. К вопросу о нашей заинтересованности в России как подлинном друге и деловом клиенте в послевоенный период.

Если союзники победят, Россия будет одной из трех самых могущественных стран мира. Во имя будущего всеобщего мира мы должны быть подлинными друзьями и иметь возможность так направлять мировые события, чтобы обеспечить безопасность и процветание.

Далее, после войны потребности России в американской продукции будут попросту колоссальными. Ей придется не только восстанавливать жилища, промышленность, сырье и фермы, потерянные в результате войны, но она должна будет обеспечить ресурсы для неизбежного повышения жизненного уровня у себя, что явится результатом войны.

7. Из вышесказанного представляется очевидным, что отношения с Советским Союзом имеют более важное для нас значение, чем отношения с любой другой страной, за исключением только Соединенного Королевства. Совершенно очевидно, что мы должны быть по отношению к ней столь дружественно настроенными и готовыми помочь ей, чтобы она не только сражалась вплоть до разгрома Германии и оказала нам важную помощь в разгромах Японии, но также охотно присоединилась к нам для создания прочного мира и взаимовыгодных отношений в послевоенном мире.

Б. По окончании войны Россия будет занимать господствующее положение в Европе. После разгрома Германии в Европе не останется ни одной державы, которая могла бы противостоять огромным военным силам России. Правда, Великобритания укрепляет свои позиции на Средиземном море против России, что может оказаться полезным для создания равновесия сил в Европе. Однако и здесь она не будет в состоянии противостоять России, если не получит соответствующей поддержки.

Выводы из вышеизложенного ясны. Поскольку Россия является решающим фактором в войне, ей надо оказывать всяческую помощь и надо прилагать все усилия к тому, чтобы добиться ее дружбы. Поскольку она, безусловно, будет занимать господствующее положение в Европе после поражения держав «оси», то еще более важно поддерживать и развивать самые дружественные отношения с Россией.

Наконец, наиболее важным фактором, с которым должны считаться США в своих отношениях с Россией, является война на Тихом океане. Если Россия будет союзником в войне против Японии, война может быть закончена значительно быстрее и с меньшими людскими и материальными потерями. Если же войну на Тихом океане придется вести при недружественной или отрицательной позиции России, трудности неимоверно возрастут и операции могут оказаться бесплодными.

Публ. по: Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца.
Т. 2, М., 1958. С. 282–285, 431–432

Документ № 8

Сообщение главного разведывательного управления РККА о поставках в Германию и Финляндию стратегического сырья из американских стран, 9 января 1943 г.

Сообщение ГРУ КА, 9 января 1943 г.¹⁶

ЗАМЕСТИТЕЛЮ НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ СССР ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТУ

Тов. Щербакову

ДОКЛАДЫВАЮ:

По агентурным данным, Германия и Финляндия продолжают получать через Швецию стратегическое сырье и продовольствие из американских стран.

В 1942 году Германия и Финляндия получили через Швецию 200 000 тонн грузов, которые составляют 50% всего импорта, поступившего в Швецию из-за океана.

Германия таким путем получила: из Канады — 1350 тонн меди и большое количество никеля; из Аргентины — 1100 тонн марганца и большое количество хрома; из других стран Америки — 80 тонн вольфрама, 9 миллионов кг хлопка и 150 000 кг шерсти.

Финляндия получила: из Аргентины и Бразилии 426 тонн сырого каучука; из Канады — 450 тонн меди, а также асбест; из Бразилии — 6,2 миллиона кг хлопка; из других стран Америки 258 000 кг шерсти, 400 тонн вольфрама, большое количество высококачественного бензина, марганца, сахара, растительного масла и табака.

Кроме того, Финляндия получила 16 000 мешков американского кофе, а на днях получила большое количество какао из британских колоний и Бразилии.

Английская блокада продолжает пропускать все грузы, идущие из-за океана в Швецию, даже и в тех случаях, когда очевидно, что большинство из них идет для Германии и Финляндии.

Канадское правительство также продолжает разрешать снабжение Швеции медью, никелем и асбестом, которые так необходимы для Германии.

По ранее поступившим в Главразведуправление КА агентурным данным, всего за период январь–октябрь 1942 года в Германию и оккупированные ею страны, через шведские порты было ввезено 6 123 000 разных грузов, из которых через балтийские порты отправлено: в августе — 1 000 000 тонн, в сентябре — 957 000 и в октябре — 754 000 тонн. Кроме того, в январе–октябре 1942 г. через Нарвик отправлено 950 000 тонн различных грузов.

И.д. НАЧАЛЬНИКА ГЛАВНОГО РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ КРАСНОЙ АРМИИ
ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ ИЛЬИЧЕВ

¹⁶ Указана рассылка: Сталину, Молотову, Берия, Микояну.

Документ № 38

Из письма У. Черчилля Ф. Рузвельту (на конференции в Касабланке¹⁷) с изложением записки комитету начальников штабов о планах и операциях в районах Средиземноморья, Среднего и Ближнего Востока, 19 января 1943 г.

БЫВШИЙ ВОЕННЫЙ МОРЯК [У. Черчилль] — ПРЕЗИДЕНТУ РУЗВЕЛЬТУ.
СТРОГО СЕКРЕТНО, ЛИЧНО, 19 января 1943 г.

Записка министра обороны [У. Черчилль] комитету начальников штабов о планах и операциях в районах Средиземноморья, Среднего и Ближнего Востока

«(...) 2. Наша первостепенная задача состоит в том, чтобы овладеть побережьем Африки на Средиземном море и создать там военно-морские и военно-воздушные базы для осуществления в этом районе крупных военных перевозок. Используя базы на африканском побережье, мы должны значительными силами и в кратчайшие сроки нанести странам «оси» удар в «мягкое подбрюшье».

3. В связи с этим война для нас имеет две фазы — фазу консолидации сил и фазу действий. Если говорить о консолидации сил, то мы можем надеяться, что в течение нынешнего месяца генерал Александер овладеет всей Киренапкой и окажет нажим на противника, занимающего позиции в районе Эль-Агейлы, а может быть, и у Сирты. Мы можем также предполагать, что к этому времени или, может быть, несколько позднее американские и английские войска овладеют всей территорией Французской Северной Африки, включая Тунис. Конечно, на это можно рассчитывать, только если наши войска будут наступать с тем же упорством и энергией, как и ныне (...)

7. Как только мы утвердимся на территории Французской Северной Африки, в первую очередь в Тунисе, и накопим там силы, появится возможность провести две операции. Первая операция — это удар на Триполи. Возможно, генерал Александер сумеет овладеть этим важным трофеем с востока, и я уже запрашивал его мнение по данному вопросу, а также относительно времени, которое на это потребуется. В то же время мы должны быть готовы к стремительному продвижению наших войск с запада. Будет ли достаточно для этого двух английских дивизий генерала Андерсона, если предположить, что сам Тунис можно будет удерживать силами американских и французских войск? Мне бы хотелось как можно точнее знать время, которое потребуется для реализации такого плана.

8. Другим ближайшим объектом наших ударов должна, очевидно, стать либо Сардиния, либо Сицилия. Овладение одним из этих островов и аэродромами на юге Италии означало бы создание своеобразного треугольника, в пределах которого мы могли бы вести воздушные бои с целью завоевания и обеспечения нашего превосходства в воздухе. Кроме того, осуществление с одного из этих островов непрерывных, постоянно усиливающихся ударов с воздуха по Неаполю, Риму и базам итальянского военного флота означало бы максимальную интенсификацию военных действий против Италии.

Не теряя времени, следует сделать все необходимое для принятия решения по данному вопросу. Так или иначе нужно начать борьбу в центральной части Средиземного моря с целью завоевания господства в воздухе путем развертывания гигантского воздушного сражения при максимальном использовании нашего численного превосходства над противником в авиации.

(...) мы должны убедить русских в целесообразности развернуть свои главные силы на южном крыле, чтобы попытаться очистить от противника Кавказ, вернуть Новороссийск и, кроме того, как можно раньше осуществить намерение, о котором говорил мне премьер Сталин, — нанести удар в юго-западном направлении, к Ростову-на-Дону из района севернее Сталинграда. В случае успеха этих операций Дарданеллы будут открыты для нас и станет возможным подвозить грузы к черноморским портам русских и оказывать любую помощь военно-морскими силами, которая может потребоваться русским на Черном море (...).

*Говард М. Большая стратегия. Август 1942 — сентябрь 1943.
Пер. с англ. М., 1980. С. 418–420*

¹⁷ Конференция в Касабланке январь 1943 г. Встреча президента США Ф. Рузвельта и премьер-министра Великобритании У. Черчилля, а также высших военных руководителей обеих стран. Обсуждались важнейшие вопросы политики и стратегии, в т. ч. вопрос о высадке на Сицилии в 1943 г.

Документ № 56

Совместное послание Ф. Рузвельта и У. Черчилля И. Сталину, 27 января 1943 г. (извлечение)

1. Мы совещались с нашими военными советниками и приняли решения¹⁸ об операциях, которые должны быть предприняты американскими и британскими вооруженными силами в течение первых девяти месяцев 1943 года. Мы хотим немедленно сообщить Вам о наших намерениях. Мы полагаем, что эти операции вместе с Вашим мощным наступлением могут наверное заставить Германию встать на колени в 1943 году. Нужно приложить все усилия, чтобы достигнуть этой цели.

2. Мы не сомневаемся, что правильная стратегия для нас состоит в том, чтобы сосредоточить свои силы на задаче поражения Германии с целью одержания скорой и решающей победы на европейском театре. В то же самое время мы должны поддерживать достаточное давление на Японию, чтобы сохранить инициативу на Тихом океане и на Дальнем Востоке, поддержать Китай и воспрепятствовать японцам распространить свою агрессию на другие театры, как, например, на Ваши приморские провинции.

3. Наше основное желание состоит в том, чтобы отвлечь значительные германские сухопутные и военно-воздушные силы с русского фронта и направить в Россию максимальный поток снабжения. Мы не пожалеем никаких усилий, чтобы отправлять Вам материальную помощь в любом случае, всеми возможными путями.

4. Наше ближайшее намерение состоит в том, чтобы очистить Северную Африку от сил держав «оси» и создать военно-морские и военно-воздушные базы, чтобы:

- 1) открыть надежный путь через Средиземное море для военного транспорта и
- 2) начать интенсивную бомбардировку важных объектов держав «оси» в Южной Европе.

5. Мы приняли решение предпринять широкие комбинированные операции сухопутных и военно-морских сил в Средиземном море по возможности в ближайшее время. Подготовка к этим операциям проводится в настоящее время, и она сопряжена со значительной концентрацией сил, включая десантные средства и суда, в Египте и в портах Северной Африки. Кроме того, мы намерены сконцентрировать в пределах Соединенного Королевства значительные американские сухопутные и военно-воздушные силы. Эти силы совместно с британскими вооруженными силами в Соединенном Королевстве подготовятся к тому, чтобы снова вступить на континент Европы, как только это будет осуществимо. Эти концентрации наверняка будут известны нашим противникам, но они не будут знать, где, когда и какими силами мы предполагаем нанести удар. Поэтому они будут вынуждены рассредоточить как сухопутные, так и военно-воздушные силы на всем протяжении побережья Франции, Голландии, Корсики, Сардинии, Сицилии, Леванта, Италии, Югославии, Греции, Крита и Додеканезских островов...

Переписка Председателя Совета министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. II. М., 1957. С. 50–51

Документ № 57

Из послания И. Сталина Ф. Рузвельту и У. Черчиллю, 30 января 1943 г.

Ваше дружеское совместное послание получил 27 января. Благодарю за информацию о принятых в Касабланке решениях насчет операций, которые должны быть предприняты американскими и британскими вооруженными силами в течение первых девяти месяцев 1943 года. Понимая принятые Вами решения в отношении Германии как задачу ее разгрома путем открытия второго фронта в Европе в 1943 году, я был бы Вам признателен за сообщение о конкретно намеченных операциях в этой области и намечаемых сроках их осуществления.

Что касается Советского Союза, то я могу Вас заверить, что Вооруженные силы СССР сделают все от них зависящее для продолжения наступления против Германии и ее союзников на советско-германском фронте...

Переписка Председателя Совета министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. II. М., 1957. С. 52

---

¹⁸ Имеются в виду решения, принятые на конференции в Касабланке.

Документ № 58

Из послания У. Черчилля И. Сталину, 12 февраля 1943 г.

...Я совещался теперь с президентом, и вопрос был передан в штабы стран по ту и другую сторону океана. Я уполномочен дать следующий наш совместный ответ:

а) В Восточном Тунисе находится четверть миллиона немцев и итальянцев. Мы надеемся уничтожить или изгнать их оттуда в течение апреля, если не раньше.

в) Когда это будет сделано, мы намерены в июле или раньше, если окажется возможным, захватить Сицилию с целью очистить Средиземное море, способствовать краху Италии с вытекающими отсюда последствиями в отношении Греции и Югославии и измотать германские военно-воздушные силы. За этим непосредственно должна последовать операция в восточной части Средиземного моря, вероятно против Додеканезских островов.

с) Эта операция потребует использования всего тоннажа и всех десантных средств, которые мы сможем собрать на Средиземном море, а также всех войск, которые мы сможем подготовить для десантных операций к этому времени, и масштаб операции будет порядка трех- или четырехсот тысяч человек. Мы будем развивать до пределов любой успех, как только будут развернуты порты и базы высадки десантов.

д) Мы также энергично ведем приготовления, до пределов наших ресурсов, к операции форсирования Канала в августе, в которой будут участвовать британские части и части Соединенных Штатов. Тоннаж и наступательные десантные средства здесь будут также лимитирующими факторами. Если операция будет отложена вследствие погоды или по другим причинам, то она будет подготовлена с участием более крупных сил на сентябрь. Сроки этого наступления должны, конечно, зависеть от состояния оборонительных возможностей, которыми будут располагать в это время немцы по ту сторону Канала.

Переписка Председателя Совета министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. II. М., 1957. С. 53–54

Документ № 59

Послание И. Сталина Ф. Рузвельту, 16 февраля 1943 г.

12 февраля я получил от г. Черчилля послание с дополнительной информацией о решениях, принятых Вами и г. Черчиллем в Касабланке. Ввиду того что, по сообщению г. Черчилля, его послание является общим ответом, выражающим также и Ваше мнение, не могу не высказать Вам некоторых соображений, о которых я сообщил одновременно и г. Черчиллю.

Из указанного послания видно, что ранее намечавшиеся на февраль сроки окончания военных операций в Тунисе теперь откладываются на апрель. Не надо много доказывать, как нежелательна эта оттяжка операций против немцев и итальянцев. Именно в данный момент, когда советским войскам еще удается поддерживать свое широкое наступление, активность англо-американских войск в Северной Африке настоятельно необходима. Одновременность нажима на Гитлера с нашего фронта и с вашей стороны в Тунисе имела бы большое положительное значение для нашего общего дела и создала бы весьма серьезные затруднения для Гитлера и Муссолини. Тогда ускорились бы и намечаемые Вами операции в Сицилии и в восточной части Средиземного моря.

Что касается открытия второго фронта в Европе, в частности во Франции, то оно, как видно из Вашего сообщения, намечается только на август–сентябрь. Мне кажется, однако, что нынешняя ситуация требует того, чтобы эти сроки были максимально сокращены и чтобы второй фронт на Западе был открыт значительно раньше указанного срока. Для того чтобы не дать врагу оправиться, по-моему, весьма важно, чтобы удар с запада не откладывался на вторую половину года, а был бы нанесен еще весной или в начале лета.

По имеющимся у нас достоверным сведениям, немцы за период времени с конца декабря, когда действия англо-американских сил в Тунисе почему-то приостановились, перебросили из Франции, Бельгии, Голландии и самой Германии на советско-германский фронт 27 дивизий, в том числе 5 танковых дивизий. Таким образом, вместо помощи Советскому Союзу путем отвлечения германских сил с советско-германского фронта получилось облегчение для Гитлера, который ввиду ослабления англо-американских операций в Тунисе получил возможность перебросить дополнительные свои войска против русских.

Все это говорит за то, что, чем раньше мы совместно используем создавшиеся в гитлеровском стане затруднения на фронте, тем больше оснований рассчитывать на разгром Гитлера в скором времени. Если

не учесть всего этого сейчас и не использовать нынешний момент в наших общих интересах, то может случиться так, что, получив передышку и собрав силы, немцы смогут оправиться. Для нас с Вами ясно, что не следовало бы допустить подобный нежелательный просчет.

Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. II, М. 1957. С. 54–55

Документ № 60

Послание Ф. Рузвельта И. Сталину, 22 февраля 1943 г.

В ответ на Ваше послание от 16 февраля, в котором Вы изложили некоторые соображения, переданные Вами г-ну Черчиллю в ответ на его послание от 12 февраля на Ваше имя, я хочу сообщить, что я разделяю Ваше сожаление о том, что усилия союзников в Северной Африке не развивались в соответствии с планом. Они были прерваны неожиданными сильными дождями, которые весьма затруднили перевозку по дорогам как снабжения, так и войск, направлявшихся на линию фронта из наших портов выгрузки. Эти дожди сделали поля и горы непроходимыми.

Я вполне сознаю неблагоприятные последствия, которые эта задержка будет иметь для общих усилий союзников, и я принимаю все возможные меры для того, чтобы начать успешные наступательные действия против вооруженных сил держав «оси» в Африке в возможно ближайший момент с целью завершить их уничтожение.

Большая разбросанность транспортных средств Америки в настоящее время хорошо Вам известна, и я могу Вас заверить в том, что прилагаются все усилия к тому, чтобы увеличить наши транспортные ресурсы.

Я понимаю, насколько важно предпринять военные усилия на континенте Европы в ближайший подходящий момент времени в целях уменьшения сопротивления держав «оси» Вашей героической армии. Вы можете быть уверены в том, что после успеха в Северной Африке, как только наши максимальные усилия смогут обеспечить нам транспортные средства, американские военные усилия будут распространены на европейский континент.

Мы желаем Вашей героической армии дальнейших успехов, которые вдохновляют нас всех.

Переписка Председателя Совета министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. II, М. 1957. С. 55–56

Документ № 61

Послание Ф. Рузвельта И. Сталину, 23 февраля 1943 г.

От имени народа Соединенных Штатов я хочу выразить Красной Армии по случаю ее 25-й годовщины наше глубокое восхищение ее великолепными, непревзойденными в истории победами. В течение многих месяцев, несмотря на громадные потери материалов, транспортных средств и территории, Красная Армия не давала возможности самому могущественному врагу достичь победы. Она остановила его под Ленинградом, под Москвой, под Воронежем, на Кавказе, и, наконец, в бессмертном Сталинградском сражении Красная Армия не только нанесла поражение противнику, но и перешла в великое наступление, которое по-прежнему успешно развивается вдоль всего фронта от Балтики до Черного моря. Вынужденное отступление противника дорого обходится ему людьми, материалами, территорией и в особенности тяжело отражается на его моральном состоянии. Подобных достижений может добиться только армия, обладающая умелым руководством, прочной организацией, соответствующей подготовкой и прежде всего решимостью победить противника, невзирая на собственные жертвы. В то же самое время я хочу воздать должное русскому народу, в котором Красная Армия берет свои истоки и от которого она получает людей и снабжение. Русский народ также отдает все свои силы войне и приносит величайшие жертвы. Красная Армия и русский народ наверняка заставили вооруженные силы Гитлера идти по пути к окончательному поражению и завоевали на долгие времена восхищение народа Соединенных Штатов.

Переписка Председателя Совета министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. II, М., 1957. С. 56

Документ № 39

Мнение президента США Ф. Рузвельта по важнейшим проблемам международной политики (из документов Комитета по вопросам послевоенных международных отношений Госдепартамента США), 22 февраля 1943 г.

[сокращенная запись высказываний президента, отложившаяся в документах Комитета]

(...) 25 февраля 1943 г. Хэлл, Уэллес, Тейлор, Боуман, Пазвольски пришли в Белый дом, ждали президента 25 мин., но вынуждены были уйти, чтобы вновь возвратиться к нему уже после обеда. Беседа с президентом продолжалась один час. Президент высказал следующие идеи:

Он не знает, что делать с Францией. Восточная Пруссия должна отойти к Польше. В отношении Норвегии, Дании и Голландии нет никаких проблем. Вопросы к Бельгии в основном из-за ее короля. Югославия, возможно, должна быть разделена. Возможно, будет образовано государство Сербия во главе с королем Петром, а в Хорватии проведен плебисцит. Положительное решение о самостоятельности Хорватии должно получить поддержку не менее двух третей от участвовавших в плебисците. Пруссия должна быть отторгнута от остальной части Германии. Китай должен получить Формозу и Маньчжурию. Над Кореей должна быть установлена международная опека. Франция должна лишиться Индокитая, но его новый статус пока под вопросом. Президент очень обеспокоен вопросом о России.

Относительно международной организации президент думает следующее: (1) мирной конференции быть не должно, поскольку все мирные вопросы будут разрешаться четырьмя странами (четырьмя великими державами)¹⁹ совместно с техническими экспертами, число которых не будет превышать десяти; (2) должно быть несколько международных комиссий, которые будут перемещаться из одного места в другое. Женева более не должна быть местом заседаний международной организации — такого постоянного места вовсе не должно быть. Исключая военные договоренности в Касабланке, не надо вести никаких протоколов о наших беседах и переговорах...

Новости об этой встрече почти сразу же просочились из Белого дома и послужили причиной появления нескольких спекулятивных статей.

Замечания и добавления:

Впоследствии (11 марта) Вы²⁰ сообщили, что «идеи президента, высказанные им две недели назад [видимо, речь идет о встрече 22 февраля], были достаточно противоречивыми. С одной стороны, президент придерживается мнения о необходимости полного разоружения Франции, и он действительно говорил кронпринцу Норвегии, что Норвегия также должна разоружиться, равно как и все остальные страны Европы; фактически весь мир должен быть разоружен, за исключением Соединенных Штатов, Великобритании, России и Китая. Но, с другой стороны, президент с большой похвалой отзывается о плане Буллита²¹, основанном на недоверии к Советскому Союзу, и согласно которому вся Европа западнее СССР должна быть организована как единый хорошо вооруженный лагерь. Он нужен для того, чтобы противостоять продвижению России на запад. Президент не знает, что делать с Россией, и беспокоится за будущее развитие событий...

Президент думает, что после войны всемирная организация старого типа не должна быть восстановлена. Ее место займут четыре великие державы, которые будут регулярно консультироваться друг с другом. Посредником между ними может выступать какой-либо видный деятель из Южной Америки. Не должно быть никаких международных организаций, за исключением тех, которые возникнут в процессе конференций Объединенных Наций. По его мнению, прежде всего необходимо основать международную организацию по продовольствию. Вместо всеобщей мирной конференции будут ряд договоров, составленных в форме политических деклараций.

Впоследствии (15 марта) Вы добавили, что 22 февраля президент сказал: в то время как сам он хочет видеть Францию полностью разоруженной, Черчилль, напротив, желает оставить ее вооруженной. Это нужно британскому премьеру для того, чтобы Франция смогла участвовать в британских планах поддержания порядка на континенте визави с Россией. Все острова на Тихом океане должны попасть под международную опеку...

17 марта Вы добавили, что президент полагает, что Германия вообще не должна иметь никакого воздушного флота — ни коммерческого, ни какого другого...

National Archive of US. RG 59. Entry 498. Box 54

¹⁹ Рузвельт имел в виду США, СССР, Великобританию и Китай.

²⁰ Скорее всего, имеется в виду Л. Пазвольски.

²¹ У. Буллит, политический деятель США, первый посол США в СССР (1933–1935).

Документ № 62

Запись беседы наркома иностранных дел СССР В. Молотова с послом США в Москве Стэндли по вопросу о возможности мирных переговоров между СССР и Финляндией, 27 марта 1943 г.

Молотов заявляет, что он пригласил Стэндли для того, чтобы сделать ему по поручению Советского правительства следующее заявление относительно Финляндии:

«20 марта сего года я изложил Вам, г-н посол, точку зрения Советского правительства по поводу предложения правительства США о его посредничестве между СССР и Финляндией с целью выяснения возможности заключения между ними сепаратного мира. Я тогда же сообщил, что Советское правительство, в силу советско-английского договора от 26 мая 1942 года, запросило по этому вопросу мнение британского правительства и ожидает его ответа.

В настоящее время ответ от британского правительства Советским правительством получен. Из ответа британского правительства видно, что с его стороны возражений против переговоров между СССР и Финляндией не имеется.

Советское правительство уже довело до сведения правительства США, что в принципе оно считает допустимыми указанные переговоры с Финляндией, хотя и не имеет оснований ожидать от этих переговоров положительных результатов, поскольку нынешние правители Финляндии нарушили мирный договор с СССР и в союзе с Германией напали на СССР. Советское правительство тогда же заявило, что оно не имеет данных предполагать, что Финляндия способна порвать с Германией, что она хочет этого и готова предложить приемлемые условия.

Советское правительство считает нужным предупредить правительство США, что оно не находит возможным брать на себя в какой-либо мере инициативу в этом вопросе и желает, исключительно в целях информирования самого правительства США, сообщить ему о своей точке зрения в отношении тех минимальных условий, на которых СССР мог бы пойти на заключение мира с Финляндией. Эти минимальные условия являются следующими:

1. Немедленный разрыв Финляндии с Германией и удаление германских войск из Финляндии.
2. Восстановление советско-финского мирного договора 1940 года со всеми вытекающими из этого последствиями.
3. Демобилизация финской армии и перевод ее на мирное положение.
4. Возмещение, хотя бы в половинном размере, ущерба, причиненного Финляндией Советскому Союзу в настоящей войне.

Советское правительство могло бы потребовать от Финляндии, как нарушившей мирный договор 1940 года и напавшей на СССР, возмещения, причиненного ею Советскому Союзу ущерба в полном размере, а также потребовать полного разоружения Финляндии. Но Советское правительство не желает мстить Финляндии и поэтому этих условий не ставит.

Стэндли заявляет, что он немедленно передаст это заявление американскому правительству.

Советско-американские отношения во время Второй мировой войны 1941–1945.

Т. 1. М., 1984. С. 298

Документ № 63

Послание У. Черчилля И. Сталину по вопросу направлении северных конвоев в Россию, 30 марта 1943 г.

1. Немцы сконцентрировали в Нарвике мощный линейный флот в составе «Тирпица», «Шарнгорста», «Лютцова», одного крейсера с 6-дюймовыми орудиями и восьми эсминцев. Таким образом, опасность для конвоев в Россию, которую я описывал в моем послании Вам от 17 июля прошлого года, возрождена в еще более угрожающей форме. Я сообщал Вам тогда, что мы не считаем правильным рисковать нашим флотом метрополии в Баренцевом море, где он мог бы подвергнуться нападению германских самолетов, базирующихся на побережье, и подводных лодок, не имея достаточной защиты как против самолетов, так и против

подводных лодок, и я пояснял, что если бы были потеряны или даже серьезно повреждены один или два из наших самых современных линейных кораблей, в то время как «Тирпиц» и другие крупные единицы германского линейного флота оставались бы в действии, то все господство в Атлантическом океане подверглось бы угрозе со страшными последствиями для нашего общего дела.

2. Поэтому президент Рузвельт и я с величайшей неохотой пришли к выводу о невозможности обеспечить соответствующую защиту следующего конвоя в Россию и о том, что без такой защиты не имеется ни малейших шансов на то, что какие-либо из кораблей достигнут Вашей страны ввиду известных германских приготовлений для их уничтожения. Поэтому были отданы распоряжения о том, чтобы отложить отправку мартовского конвоя.

3. Президент Рузвельт и я весьма разочарованы тем, что оказывается необходимым отложить мартовский конвой. Если бы не концентрация германских сил, то наше твердое намерение состояло бы в том, чтобы отправить Вам конвой в марте и еще один в начале мая в составе тридцати судов каждый. В то же самое время мы считаем совершенно правильным немедленно известить Вас, что после начала мая не будет возможным продолжать отправку конвоев северным маршрутом, поскольку начиная с этого времени каждое отдельное эскортное судно потребует на Средиземном море для поддержки наших наступательных операций, вследствие чего останется лишь минимум для обеспечения наших жизненных путей на Атлантическом океане. На Атлантическом океане в течение прошлых трех недель мы понесли тяжелые и почти беспрецедентные потери... Мы надеемся возобновить конвой в начале сентября при условии, если это позволит диспозиция основных германских кораблей и если обстановка в Северной Атлантике будет такой, что даст нам возможность обеспечить необходимые эскорты и силы прикрытия.

4. Мы делаем все возможное для увеличения потока снабжения южным путем. В течение последних шести месяцев цифра ежемесячных поставок была более чем удвоена. Мы имеем основание надеяться, что увеличение будет прогрессировать и что цифры на август достигнут 240 тысяч тонн. Если это будет достигнуто, то размеры ежемесячных поставок увеличатся за 12 месяцев в восемь раз. Далее, Соединенные Штаты существенно увеличат поставки через Владивосток. Это в некоторой степени смягчит как Ваше, так и наше чувство досады по поводу перерыва в отправке северных конвоев.

Переписка Председателя Совета министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. II. М., 1957. С. 129–130

Документ № 64

Послание И. Сталина У. Черчиллю относительно решения Советского руководства прервать отношения с Польским эмигрантским правительством В. Сикорского, 21 апреля 1943 г.

Поведение Польского правительства в отношении СССР в последнее время Советское правительство считает совершенно ненормальным, нарушающим все правила и нормы во взаимоотношениях двух союзных государств.

Враждебная Советскому Союзу клеветническая кампания, начатая немецкими фашистами по поводу ими же убитых польских офицеров в районе Смоленска, на оккупированной германскими войсками территории, была сразу же подхвачена правительством г. Сикорского и всячески разжигается польской официальной печатью. Правительство г. Сикорского не только не дало отпора подлой фашистской клевете на СССР, но даже не сочло нужным обратиться к Советскому правительству с какими-либо вопросами или за разъяснениями по этому поводу.

Гитлеровские власти, совершив чудовищное преступление над польскими офицерами, разыгрывают следственную комедию, в инсценировке которой они использовали некоторые подобранные ими же самими польские профашистские элементы из оккупированной Польши, где все находится под пятой Гитлера и где честный поляк не может открыто сказать своего слова.

Для «расследования» привлечен как правительством г. Сикорского, так и гитлеровским правительством Международный Красный Крест, который вынужден в обстановке террористического режима с его виселицами и массовым истреблением мирного населения принять участие в этой следственной комедии, режиссером которой является Гитлер. Понятно, что такое «расследование», осуществляемое к тому же за спиной Советского правительства, не может вызвать доверия у сколько-нибудь честных людей.

То обстоятельство, что враждебная кампания против Советского Союза начата одновременно в немецкой и польской печати и ведется в одном и том же плане,— это обстоятельство не оставляет сомнения в том, что между врагом союзников — Гитлером и правительством г. Сикорского имеется контакт и сговор в проведении этой враждебной кампании.

В то время как народы Советского Союза, обливаясь кровью в тяжелой борьбе с гитлеровской Германией, напрягают все свои силы для разгрома общего врага свободолюбивых демократических стран, правительство г. Сикорского в угоду тирании Гитлера наносит вероломный удар Советскому Союзу.

Все эти обстоятельства вынуждают Советское правительство признать, что нынешнее правительство Польши, скатившись на путь сговора с гитлеровским правительством, прекратило на деле союзные отношения с СССР и стало на позицию враждебных отношений к Советскому Союзу.

На основании всего этого Советское правительство пришло к выводу о необходимости прервать отношения с этим правительством.

Я считаю нужным информировать Вас об изложенном и надеюсь, что Британское правительство поймет необходимость этого вынужденного шага Советского правительства.

Переписка Председателя Совета министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. II. М., 1957. С. 141–142

Документ № 42

Заключительный доклад объединенного англо-американского штаба о результатах работы конференции «Трайидент»²², одобренный президентом и премьер-министром, 25 мая 1943 г.

(...)

I. ОБЩАЯ ЦЕЛЬ

Совместно с Россией и другими союзниками в возможно короткий срок добиться безоговорочной капитуляции стран «оси».

II. ОБЩИЙ СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ЗАМЫСЕЛ ДАЛЬНЕЙШЕГО ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ

1. Во взаимодействии с Россией и другими союзниками в возможно короткий срок добиться безоговорочной капитуляции стран «оси» в Европе.

2. Одновременно во взаимодействии с другими заинтересованными странами Тихоокеанского бассейна оказывать и наращивать давление на Японию с целью постоянного ослабления ее военной мощи и овладения позициями, с которых будет возможно добиться ее окончательной капитуляции.

3. После разгрома стран «оси» в Европе направить все ресурсы Соединенных Штатов и Великобритании во взаимодействии с другими странами Тихоокеанского бассейна и, если это будет возможно, с Россией на достижение в возможно короткий срок безоговорочной капитуляции Японии.

III. ОСНОВНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ ПО РЕАЛИЗАЦИИ ОБЩЕГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО ЗАМЫСЛА

При принятии решения на проведение операций, обеспечивающих осуществление общего стратегического замысла, необходимо придерживаться следующего установленного порядка использования наших ресурсов (за исключением случаев пересмотра его Объединенным англо-американским штабом) в соответствии с изменением обстановки:

- 1) поддержание безопасности и военного потенциала Западного полушария и Британских островов;
- 2) обеспечение боеспособности наших сил во всех районах;
- 3) обеспечение жизненно важных морских коммуникаций; главная задача — ликвидировать угрозу со стороны подводных лодок;
- 4) наращивание авиационного наступления против стран «оси» в Европе;
- 5) сосредоточение максимума сил и средств в возможно короткий срок в избранных районах с целью осуществления решающего штурма цитадели стран «оси»;

²² «Трайидент» — кодовое название конференции между Черчиллем и Рузвельтом, а также высшими военными руководителями обеих стран в Вашингтоне в мае 1943 г. Обсуждались важнейшие вопросы политики и стратегии.

- 6) осуществление всех возможных мер для оказания помощи военным усилиям России;
- 7) осуществление всех возможных мер для оказания помощи военным усилиям Китая как серьезному союзнику, располагающему базой для проведения операций против Японии;
- 8) подготовка почвы для активного или пассивного участия Турции в войне на стороне союзников;
- 9) подготовка французских сил в Африке для активного их участия в войне против стран «оси».

IV. КОНКРЕТНЫЕ ОПЕРАЦИИ, НАМЕЧЕННЫЕ НА 1943–1944 ГОДЫ В ЦЕЛЯХ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ОБЩЕГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО ЗАМЫСЛА

(...) 2. Разгром стран «оси» в Европе.

а. Совместное авиационное наступление с территории Соединенного Королевства. Объединенный англо-американский штаб одобрил план совместного американо-английского авиационного наступления, постепенного разрушения и расстройств немецкой военной, промышленной и экономической системы и подрыва морального духа немецкого населения до такой степени, чтобы его воля к вооруженному сопротивлению существенно ослабла.

План охватывает период с настоящего времени по 1 апреля 1944 года и должен осуществляться в четыре этапа. С каждым последующим этапом наши растущие силы смогут глубже проникать на вражескую территорию. Попутно будет решаться важная задача ослабления немецкой истребительной авиации.

б. Операции по форсированию Ла-Манша. Объединенный англо-американский штаб убежден в необходимости накопления сил и средств на территорию Соединенного Королевства, чтобы провести операцию, предварительно назначенную на 1 мая 1944 года, с целью захвата на континенте плацдарма, с которого возможно будет развернуть дальнейшее наступление. Операция будет проводиться в таких масштабах, которые потребуют помимо уже находящихся здесь военно-воздушных сил иметь в готовности для использования с территории Соединенного Королевства к 1 мая 1944 года следующие силы:

первая волна — 5 пехотных дивизий (с соответствующим количеством десантно-высадочных средств для их одновременной посадки и высадки), 2 пехотные дивизии второго эшелона, 2 воздушно-десантные дивизии. Итого: 9 дивизий первой волны.

20 дивизий второй волны для переброски на захваченный плацдарм. Всего 29 дивизий (...)

в. Операции в Средиземноморском бассейне с целью вывода Италии из войны. Объединенный англо-американский штаб считает необходимым безотлагательно дать указание командующему союзными силами в Северной Африке разработать в развитие операции «Хаски» такую операцию, которая бы наилучшим образом способствовала выводу Италии из войны и сковыванию максимально возможного количества немецких войск. Какую из нескольких различных по своему характеру операций выбрать и в последующем провести, решит Объединенный англо-американский штаб. Командующий союзными войсками в Северной Африке может использовать для проведения указанных операций все имеющиеся силы Средиземноморского района, за исключением 4 американских и 3 английских дивизий, которые начиная с 1 ноября должны находиться в готовности к переброске для участия в операциях, намечаемых с территории Соединенного Королевства (...)

3. Операции по разгрому Японии. Мы дали указания объединенному комитету по планированию подготовить оценки (включая оценку потребного количества сил), на основе которых должен быть разработан план разгрома Японии.

а. Операция на Бирмано-Китайском театре. Объединенный англо-американский штаб принял решения:

1) о сосредоточении (в качестве первоочередной задачи на Ассамско-Бирманском театре) всех наличных ресурсов для создания и развития воздушного пути в Китай к началу осени с возможностью переброски 10 тыс. т в месяц и строительства аэродромных сооружений в Ассаме с целью:

- активизации действий авиации против японцев в Бирме;
- сохранения крупных американских сил авиации в Китае;
- поддержания темпов переброски грузов в Китай по воздуху;

2) о проведении энергичных и дерзких наземных и воздушных операций в конце периода дождей 1943 года из Ассамы на территории Бирмы через Ледо и Импхал в сочетании с наступлением китайских войск с территории провинции Юньнань с целью сковывания максимально возможного количества японских войск, обеспечения переброски грузов в Китай по воздуху и создания предпосылок к открытию Бирманской дороги;

3) о захвате порта Акьяб и острова Рамри путем проведения морской десантной операции;

4) о нарушении морских коммуникаций Японии, ведущих в Бирму;

5) о продолжении материально-технических мероприятий в Индии для последующего проведения десантной операции, по размаху примерно равной операции «Анаким».

б. Операции на Тихом океане. Объединенный англо-американский штаб рассмотрел различные варианты действий и пришел к общему мнению о том, что подготавливаемые операции должны преследовать следующие цели:

- 1) нанесение ударов с воздуха на территории Китая и с китайской территории по другим объектам;
- 2) изгнание японцев с Алеутских островов;
- 3) овладение Маршалловыми и Каролинскими островами;
- 4) овладение Соломоновыми островами, архипелагом Бисмарка и захваченной японцами частью Новой Гвинеи;
- 5) наращивание ударов по коммуникациям противника.

Говард М. Большая стратегия. Август 1942 — сентябрь 1943. Пер. с англ. М., 1980. С. 428–432

Документ № 65

Из послания Ф. Рузвельта И. Сталину о стратегических решениях, принятых западными союзниками, 4 июня 1943 г.

Основная стратегия согласно недавно принятым решениям Объединенного Штаба состоит из следующих разделов:

А. Основное внимание уделяется борьбе с угрозой, создавшейся в результате действий подводных лодок, наряду с обеспечением безопасности морских коммуникаций союзников и поддержки Советского Союза всеми возможными средствами.

В. Создание предварительных условий для участия Турции в войне либо в качестве активного, либо в качестве пассивного союзника.

С. Ослабление военной мощи Японии путем поддержания неослабного давления на нее.

Д. Проведение тех признанных осуществимыми мер, при помощи которых можно удержать Китай в войне в качестве эффективной силы и в качестве базы, с которой можно проводить операции против Японии.

Е. Оказание такой помощи и поддержки французским вооруженным силам в Африке, чтобы они могли быть готовыми к активному участию в наступлениях, которые должны быть предприняты на территории Европы, удерживаемой противником.

Переписка Председателя Совета министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. II. М., 1957. С. 66–67

Документ № 66

Послание И. Сталина Ф. Рузвельту по вопросу открытия второго фронта западными союзниками, 11 июня 1943 г.

Ваше послание, в котором Вы сообщаете о принятых Вами и г. Черчиллем некоторых решениях по вопросам стратегии, получил 4 июня. Благодарю за сообщение.

Как видно из Вашего сообщения, эти решения находятся в противоречии с теми решениями, которые были приняты Вами и г. Черчиллем в начале этого года, о сроках открытия второго фронта в Западной Европе.

Вы, конечно, помните, что в Вашем совместном с г. Черчиллем послании от 26 января сего года сообщалось о принятом тогда решении отвлечь значительные германские сухопутные и военно-воздушные силы с русского фронта и заставить Германию встать на колени в 1943 году.

После этого г. Черчилль от своего и Вашего имени сообщил 12 февраля уточненные сроки англо-американской операции в Тунисе и Средиземном море, а также на западном берегу Европы. В этом сообщении говорилось, что Великобританией и Соединенными Штатами энергично ведутся приготовления к операции форсирования Канала в августе 1943 года и что если этому помешает погода или другие причины, то эта операция будет подготовлена с участием более крупных сил на сентябрь 1943 года.

Теперь, в мае 1943 года, Вами вместе с г. Черчиллем принимается решение, откладывающее англо-американское вторжение в Западную Европу на весну 1944 года. То есть открытие второго фронта в Западной Европе, уже отложенное с 1942 года на 1943 год, вновь откладывается, на этот раз на весну 1944 года.

Это Ваше решение создает исключительные трудности для Советского Союза, уже два года ведущего войну с главными силами Германии и ее сателлитов с крайним напряжением всех своих сил, и предоставляет Советскую Армию, сражающуюся не только за свою страну, но и за своих союзников, своим собственным силам, почти в единоборстве с еще очень сильным и опасным врагом.

Нужно ли говорить о том, какое тяжелое и отрицательное впечатление в Советском Союзе — в народе и в армии — произведет это новое откладывание второго фронта и оставление нашей армии, принесшей столько жертв, без ожидавшейся серьезной поддержки со стороны англо-американских армий.

Что касается Советского правительства, то оно не находит возможным присоединиться к такому решению, принятому к тому же без его участия и без попытки совместно обсудить этот важнейший вопрос и могущему иметь тяжелые последствия для дальнейшего хода войны.

Переписка Председателя Совета министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. II. М., 1957. С. 69–70

Документ № 67

Из послания И. Сталина У. Черчиллю, 24 июня 1943 г.

Мне вполне понятна сложность организации англо-американского вторжения в Западную Европу, в частности организации переброски войск через Канал. Эта сложность была также видна из Ваших сообщений.

Из Ваших сообщений прошлого и этого года я вынес уверенность, что Вы и президент отдавали себе полный отчет в трудностях организации такой операции и что соответствующая подготовка этого вторжения Вами совместно с президентом ведется с полным учетом этих трудностей и со всем необходимым напряжением сил и средств. Еще в прошлом году Вы сообщили что вторжение в Европу английских и американских войск в большом масштабе будет произведено в 1943 году (...)

В феврале, когда Вы писали об этих Ваших планах и сроках вторжения в Западную Европу, трудности этой операции были более значительными, чем теперь. С тех пор немцы потерпели не одно поражение: они были отброшены на юге нашими войсками и потерпели здесь немалый урон; они были разбиты и изгнаны из Северной Африки англо-американскими войсками; в подводной войне немцы также попали в более трудное положение, чем когда-либо раньше, а превосходство англо-американских сил значительно возросло; известно также, что американцы и англичане достигли господства своей авиации в Европе, а военный и транспортный морской флот возросли в своей мощи.

Таким образом, условия для открытия второго фронта в Западной Европе на протяжении 1943 года не только не ухудшились, а, напротив, значительно улучшились.

После всего этого Советское правительство не могло предполагать, что британское и американское правительства изменят принятое в начале этого года решение о вторжении в Западную Европу в этом году. Напротив, Советское правительство имело все основания считать, что это англо-американское решение будет реализовано, что должная подготовка ведется и второй фронт в Западной Европе будет наконец открыт в 1943 году (...)

Я уже не распространяюсь о том, что это Ваше ответственное решение об отмене предыдущих Ваших решений насчет вторжения в Западную Европу принято Вами и президентом без участия Советского правительства и без какой-либо попытки пригласить его представителей на совещание в Вашингтоне, хотя Вы не можете не знать, что в войне с Германией роль Советского Союза и его заинтересованность в вопросах второго фронта достаточно велики.

Нечего и говорить, что Советское правительство не может примириться с подобным игнорированием коренных интересов Советского Союза в войне против общего врага.

Вы пишете мне, что Вы полностью понимаете мое разочарование. Должен Вам заявить, что дело идет здесь не просто о разочаровании Советского правительства, а о сохранении его доверия к союзникам, подвергаемого тяжелым испытаниям. Нельзя забывать того, что речь идет о сохранении миллионов жизней в оккупированных районах Западной Европы и России и о сокращении колоссальных жертв Советской Армии, в сравнении с которыми жертвы англо-американских войск составляют небольшую величину.

Переписка Председателя Совета министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. II. М., 1957. С. 73–75

Документ № 67 а

Выдержки из доклада Исследовательского и аналитического департамента Управления стратегических служб США о возможности советско-американского сотрудничества, 20 августа 1943 г. (подготовлен к 1-й Квебекской конференции между Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем 14–24 августа 1943 г.²³)

СТРАТЕГИЯ И ПОЛИТИКА:
МОГУТ ЛИ АМЕРИКА И РОССИЯ СОТРУДНИЧАТЬ?

(1) Неразрывность стратегии и политики.

...Стратегия неотделима от политики... Она определяет военные цели, которые могут и должны быть достигнуты в войне. Это утверждение остается верным и для ведущейся теперь войны, где обозначился уже серьезный недостаток единогласия между ожидаемыми победителями в европейской войне — Соединенными Штатами, Великобританией и Советской Россией. На будущее Европы окажет глубокое и, возможно, решающее влияние военная сила и месторасположение вооруженных сил сторон в момент завершения их боевых действий против Германии. Настоящий кризис во взаимоотношениях между США и Великобританией, с одной стороны, и Россией — с другой, требует немедленного пересмотра нашей стратегии и политики, которые будут определять послевоенное устройство.

(2) Американские цели в Европе.

1. Главная цель США — их собственная безопасность.
2. Первым требованием для обеспечения нашей безопасности является ликвидация попыток со стороны Германии объединить, доминировать и управлять всеми силами на европейском континенте.
3. Второе требование — после поражения Германии ни одна держава или группа держав, в которой мы не имеем сильного влияния, не должна управлять силами Европы.
4. Последнее требование — поощрять в Европе те силы, которые приведут ее к миру, свободе и достатку, которые необходимы не только для самих европейцев, но и для нас. (Эти условия могут быть достигнуты только путем объединения усилий целого содружества стран.)

(3) Американские возможности.

1. США имеют такие цели в Европе, которые распространяются далеко за пределы ее возможностей и влияния на континенте. Цели действительно гораздо выше возможностей, даже если не принимать в расчет то, что нам придется еще истратить массу усилий для войны против Японии. Итак, должны ли мы уменьшить наши цели (сделать их адекватными нашим возможностям), либо мы должны создать такой альянс государств, который бы обеспечил достижение наших основных требований.

2. Действительно, еще ни одно государство не имеет таких целей, подобных нашим. Поэтому для того, чтобы создать работоспособный альянс, нам необходимо будет пойти на ряд соглашений с нашими союзниками, чтобы урегулировать вопрос о наших собственных целях с требованиями наших союзников...

Альянс с Великобританией потребует от нас минимума коррекции наших целей, однако даже объединенные силы США и Великобритании не имеют тех возможностей, которые были бы адекватны достижению наших главных требований в Европе. Поэтому очевидно, что мы должны принять все возможные усилия для того, чтобы наш альянс с Великобританией был поддержан другими вспомогательными силами (норвежцами, датчанами, бельгийцами, чехами, поляками, югославами, греками и особенно французами). Эта поддержка необходима нам как до, так и после нашей высадки в Западной Европе. Эти вспомогательные силы имеют для нас большое значение, независимо от того, в каком направлении будет развиваться наша политика.

Рассматривая наши возможности, мы должны учитывать и вопросы транспортных коммуникаций. Так, с будущего западноевропейского театра военных действий достичь центра Германии можно будет намного быстрее, чем из европейской части России. Более того, западные союзники несомненно имеют превосходство над русскими в авиации.

²³ На 1-й Квебекской конференции 14–24 августа 1943 г. между президентом США Ф. Рузвельтом и премьер-министром Великобритании У. Черчиллем было подтверждено решение о подготовке вторжения англо-американских войск через Ла-Манш не ранее мая 1944 г.; заключено секретное англо-американское соглашение о сотрудничестве в области создания атомной бомбы; выработан текст декларации о создании ООН. Обсуждены многие вопросы союзной стратегии и политики.

Однако, даже принимая во внимание поддержку союзными странами альянса США с Великобританией, наши объединенные силы будут оставаться существенно меньшими, чем сила России либо сила еще не разгромленной Германии. С другой стороны, представляется возможным, что западные союзники вполне способны, при условии максимальной концентрации своих усилий, организовать достаточно сильное противодействие России. Таким образом, политика враждебности станет для Советской России достаточно дорогостоящей и поэтому, вероятно, малопривлекательной.

В виду диспропорции, существующей между нашими целями и возможностями, могут быть предложены три альтернативные линии стратегии и политики, которые могут быть использованы в отношении Германии и России:

1. Мы немедленно предпринимаем усилия достичь компромисса с Советским Союзом, устраняя существующие между нами противоречия. Мы исходим из того, что наши интересы с целом совпадают.

2. Америка и Великобритания продолжают следовать такой политики и стратегии, которая не зависит от политики и стратегии Советского Союза, надеясь достигнуть на этом пути обеих целей — то есть разгрома Германии и занятия в конце концов таких позиций, которые позволят разрешать вопросы, несмотря на враждебность между нами и Россией.

3. Мы стараемся повернуть против России все силы пока еще не разгромленной Германии, которая будет управляться либо нацистами, либо генералами...

Прежде чем перейти к следующему вопросу, необходимо дать несколько общих положений.

Исход войны в Европе несомненно предreshит и исход военных действий в Азии (лишь малая доля людей сейчас может думать, что все будет наоборот). Наши влияние и поведение в Европе могут иметь огромное значение. Прежде всего они могут сказаться самым негативным образом на развитии событий: уйдя из Европы в тот момент, пока Германия еще сильна, мы тем самым закрепим за ней доминирующее положение на континенте; уйдя оттуда после разгрома Германии, ее место займет Россия. В качестве позитивной стороны нашего влияния необходимо отметить следующее: силы англо-американского альянса, конечно, ограничены, но, возможно, адекватны для того, чтобы добиться как победы над Германией, так и достигнуть компромисса с Россией, если эти два положения станут возможны в принципе. Рассматривая все варианты развития ситуации в Европе, мы должны как можно меньше зависеть от поведения России (или Германии), но как можно больше полагаться на собственные силы, их концентрацию в жизненно важных районах Западной Европы. Независимо от того, какими будут наши отношения с Россией или Германией, будут ли между нами вооруженное противоборство или сделка, мы должны прежде всего полагаться и действовать на собственные силы...

(4) Возможности Советской России.

Представляется вероятным, что Россия способна вести военные операции на том же уровне, как она ведет их сейчас, вплоть до весны 1944 года, а возможно и еще дольше. За этот период возможности Германии существенно уменьшаться. К лету 1944 г. нехватка людских ресурсов, продовольствия, перенапряжение сил, возможно, ограничат масштаб советских операций.

Сепаратный мир между Россией и Германией, говоря в принципе, сейчас не в интересах России. Русские не могут не понимать, что сильная Германия является большей угрозой для них самих, чем для США. Они также должны знать, что, пойдя на мир с нацистами или с германскими генералами, они тем самым создадут такие условия, при которых как для США, так и для Великобритании также станет морально и политически приемлемым заключить подобный мир. То есть русские не могут рассчитывать на то, что мы будем продолжать сражаться с Германией, после того как они сами заключат с ней перемирие. Русские понимают, что Германию легче разбить нашими совместными усилиями. Поэтому мир с сильной Германией не в интересах России.

Можно предвидеть, что к моменту окончания военных действий против Германии Россия будет иметь на континенте силы, значительно большие, чем у США, Великобритании и их союзников вместе взятых.

(5) Советские военные цели.

1. Главной целью является безопасность Советского Союза.

2. Первым требованием для этой безопасности является разгром Германии. (Сильная Германия больше угрожает СССР, чем США.)

3. Советское правительство, возможно, будет настаивать на следующих условиях, как минимум:

а. Восстановление советских границ примерно по линии июня 1941 года.

б. Создание в соседних с ней государствах (включая Германию) таких правительств, которые были бы дружественными (по крайней мере не враждебными) к Советскому Союзу и не находились бы под влиянием других великих держав.

в. Гарантия от полного доминирования в Европе любой другой не советской державы или группы держав, где Советский Союз не имел бы своего достаточно сильного влияния.

4. При определенных условиях этот минимум может быть расширен до максимума:

Значительное расширение на запад советской системы, где будут созданы правительства советского образца, управляемые из Москвы. Если такой режим будет основан и в Германии, то это будет означать советское доминирование во всей Европе...

(5) Американские альтернативы.

А. Повернуть нацистскую (либо юнкерскую) Германию против России.

(...) Возможно, в результате этого Россия будет покорена все еще сильной и агрессивной Германией. Но для того, чтобы предотвратить после этого доминирование Германии на континенте, мы совместно с Великобританией будем обязаны вновь (и уже без помощи России) осуществить очень сложную и, по всей вероятности, невозможную задачу разгрома Германии. Эта задача станет, по всей вероятности, неосуществимой для нас по другим соображениям — политическим и моральным. Общественное мнение в США и тем более в Великобритании сейчас сильно настроено на борьбу с Германией... Следовательно, будет практически невозможно настроить это мнение вначале на замирение с немцами, а затем опять на войну с ними...

Б. Придерживаться независимой стратегии в надежде на достаточно бескровную победу над Германией и основание сильных позиций визави с Россией.

При отсутствии четких, энергичных и успешных усилий для того, чтобы как-то поменять существующую тенденцию развития, зарождающиеся различия между англо-американской и советской политикой перерастут через 6–8 месяцев в полномасштабное соперничество...

По мере победоносного продвижения русских сил на советско-германском фронте (весна–лето 1944 г.), и ослабления немецких войск на западе кризис наших взаимоотношений может начать быстро развиваться.

а. Англо-американские силы начнут наступление ограниченными силами на западе.

б. Немцы предпочтут англо-американскую оккупацию русской. Они будут оказывать лишь небольшое сопротивление на западе, но всеми силами удерживать свои позиции на востоке.

в. В этой ситуации контроль над страной может перейти от нацистов к генералам.

г. ...Генералы могут обратиться с просьбой о перемирии к западным союзникам. После того как это обращение будет отвергнуто, представляются вероятными следующие шаги:

Переход власти в Германии к центристам и социалистам. Поддержка нового правительства англо-американскими силами. Русские принимают все это в качестве свершившегося факта, базиса для прекращения военных действий на Восточном фронте и идут на этот компромисс.

Однако скорее всего ситуация будет развиваться по несколько иному сценарию: весной и летом 1944 г. произойдет полная дезинтеграция германского государства и его армии на Восточном фронте (как результат поражений немцев от русских, продвижения союзников на западе и попыток передачи власти от нацистов к генералам, а от них к новому правительству). Подъем в Германии коммунистических сил. Следовательно, будет происходить почти беспрепятственное продвижение советских сил (превышающих по своей мощи силы западных союзников) на запад. Западные союзники будут иметь достаточно невыгодные позиции в отношении России, а возможно, и войдут в конфликт с превосходящими советскими силами.

В. Концентрация максимума усилий в Западной Европе и поиск немедленного компромисса с Советской Россией.

(...) Наши цели в войне не противоречат с возможными минимальными требованиями Советского Союза, но они находятся в явном противоречии с его возможными максимальными требованиями, то есть с советизацией Европы и доминированием в ней. Наша задача сделать для России разрешение всех вопросов на основе ее минимальных требований привлекательным, а на основе ее максимальных требований дорогостоящим. В этом случае мы можем, по крайней мере, рассчитывать на удовлетворение наших фундаментальных требований (...)

Скорейшее начало боевых действий в Западной Европе будет выгодно и нам и России. Необходимо достигнуть согласия как относительно этих сил, так и наших первостепенных интересов. Протокол мог бы состоять из следующих пунктов (включая проблемы Восточной и Южной Азии):

1. Создание американо-англо-советского совета, который будет встречаться постоянно для разрешения всех насущных проблем, касающихся наших взаимных интересов. (Настоящие контакты с советскими представителями достаточно ограничены.)

2. Координирование по времени и усилиям наших будущих операций против Германии.

3. Совместная оккупация Германии. Зоны ответственности должны располагаться в шахматном порядке и заниматься небольшими силами советских, американских и английских войск.

4. Совместные англо-американо-советские акции по устранению нацистских военных преступников, разоружению Германии, гарантии свободных выборов. Признание центрального германского правительства, выбранного только с согласия трех держав.

5. Такие же акции в отношении Италии.

6. Советское участие в войне против Японии, сразу же по окончании войны против Германии (Если России вступит в войну против Японии, то следует ожидать сокращения американских и английских потерь

в войне в Азии. Все это будет выглядеть как компенсация нам за ожидаемые тяжелые потери наших войск в кампании в Западной Европе).

7. Советское признание требований США и Великобритании относительно новых баз в стратегически важных районах.

8. Американское и английское признание требований России, касающихся территорий, аннексированных ею в 1939–1940 гг.

9. Продолжение поставок России по ленд-лизу, с учетом как требований ведущейся войны, так и послевоенного восстановления разрушенного хозяйства России.

10. Соглашение между тремя державами вмешиваться в дела других стран (как бывших противников, так и остальных) только со взаимного согласия, с целью для устранения угроз, исходящих от их вооруженных сил или лидеров, их разоружения и проведения там свободных выборов; соглашение о признании любого правительства только со взаимного англо-американо-советского согласия. (Это пункт распространяется только на период 10 лет.)

11. Немедленно после вступления СССР в войну против Японии начать переговоры между США, Великобританией, СССР и Китаем относительно соглашения о распространении на Восточную и Южную Азию основных принципов, обозначенных в предыдущих параграфах.

12. Сотрудничество между США, Великобританией, СССР и Китаем в деле образования и поддержания новой международной федерации по контролю над агрессорами и по разрешению других общих задач.

В качестве заключения необходимо отметить следующий наиболее весомый аргумент за немедленную концентрацию наших усилий в Западной Европе и достижение компромисса с Советским Союзом:

Политика компромисса может иметь огромные положительные результаты. Если все же эта политика потерпит провал, то все равно открытое соперничество с СССР вряд ли тогда будет более острым, чем в том случае, если мы вовсе не предпримем попыток компромисса.

Одним обязательным условием проведения такой политики является твердое согласие на открытие нами боевых действий в Западной Европе. Если же компромисса не удастся достичь, то Америке и Великобритании не останется ничего другого, как преследовать свои собственные цели независимо от позиции Советского Союза. Однако и в этом случае открытие боевых действий в Западной Европе не может быть предметом для обсуждения.

Без подписи²⁴

*Library of Congress. Manuscript Division.
Harriman Collection. Container 164*

Документ № 46

Заключительный доклад объединенного англо-американского штаба президенту и премьер-министру о результатах конференции «Квадрант» (1-й Квебекской), 24 августа 1943 г.

(...) Операция «Оверлорд».

а. Эта операция явится главной операцией сухопутных войск и военно-воздушных сил Соединенных Штатов и Великобритании против стран «оси» в Европе (предварительная дата начала операции — 1 мая 1944 года). После овладения соответствующими портами на побережье Ла-Манша усилия должны быть сосредоточены на захвате районов, которые облегчат нанесение новых ударов наземных войск и авиации по противнику. После того как на территории Франции окажутся крупные силы союзных войск, будут предприняты операции, нацеленные в самое сердце Германии и на разгром ее вооруженных сил.

б. Для осуществления операции «Оверлорд» будет производиться сбалансированное наращивание сил сухопутных войск и авиации, находящихся на территории Соединенного Королевства в готовности воспользоваться любой удобной обстановкой, позволяющей пересечь Ла-Манш и высадиться во Франции.

²⁴ Документ подготовлен сотрудниками отдела по изучению СССР Аналитического и исследовательского департамента Управления стратегических служб США; начальник отдела Дж. Т. Робинсон.

в. Что касается взаимозависимости операции «Оверлорд» и операций на Средиземноморье, то в случае нехватки сил и средств наличные ресурсы должны быть распределены и использованы с главной целью — обеспечить успех проведения операции «Оверлорд». Операции на средиземноморском театре будут проводиться составом сил, намеченных на конференции «Трайидент», если Объединенный англо-американский штаб не примет другого решения (...).

14. Операции в Италии.

а. Первый этап — вывод Италии из войны и создание авиабаз в районе Рима, а если возможно — еще дальше к северу.

б. Второй этап — овладение Сардинией и Корсикой.

в. Третий этап — оказание неослабного давления на немецкие войска в Северной Италии и создание условий для проведения операции «Оверлорд» и вступления наших сил, в том числе перевооруженных французских сухопутных войск и военно-воздушных сил, на территорию Южной Франции.

15. Операции в Южной Франции. Наступательные операции в Южной Франции (с использованием обученных и оснащенных французских войск) должны быть предприняты с целью овладения плацдармом в районе Тулон, Марсель и развития успеха в северном направлении, чтобы отвлечь внимание противника в связи с проведением операции «Оверлорд». Если представится возможность, будут развернуты действия партизан в районе Южных Альп (...).

*Говард М. Большая стратегия. Август 1942 — сентябрь 1943.
Пер. с англ. М., 1980. С. 434–435*

Документ № 49

Мнение президента США Ф. Рузвельта по важнейшим проблемам международной политики (из документов Комитета по вопросам послевоенных международных отношений Госдепартамента США), 5 октября 1943 г.²⁵

[сокращенная запись высказываний президента,
отложившаяся в документах Комитета]

(...) Средиземноморская комиссия:

Идея такой Комиссии была предложена советским правительством и поддержана президентом и Черчиллем. Ее функции должны быть рекомендательными для правительств. Она не будет иметь контрольных функций и необходимых полномочий для принятия официальных решений. Однако Комиссия будет рассматривать все вопросы, связанные как со странами-противниками в войне, так и освобожденными государствами...

Договор четырех держав:

Нам необходимо обеспечить согласие Великобритании и России на участие в договоре Китая. Как Великобритания, так и Россия могут отказаться от этого. Черчилль не любит Китай. Две трехсторонние договоренности тем не менее не смогут заменить одну — четырехстороннюю. Нужно также найти такую формулировку, которая стала бы приемлемой для России, до тех пор, пока она не участвует в войне против Японии. Необходимо позаботиться также и о формулировках относительно Китая. Однако концепция четырех держав должна оставаться в любом случае, даже если сейчас мы вовсе не достигнем согласия. Китай, как сам по себе, так и в смысле влияния на Британскую Индию, является слишком важным фактором (и останется таковым в будущем), чтобы можно было проигнорировать его.

Германия:

Президент категорически высказался за раздел Германии на три или более государства, которые будут полностью суверенными, но соединены общими почтовыми службами, едиными линиями ком-

²⁵ 5 октября 1943 г. Госсекретарь К. Хэлл, адмирал Леги, помощник Госсекретаря Э. Стеттиниус, Л. Пазвольский, другие политические деятели, принимавшие участие в работе Комитета по вопросам послевоенных международных отношений, встретились с президентом Рузвельтом в Белом доме для обсуждения ряда вопросов о послевоенном устройстве мира, системе опеки и деятельности отдельных международных комиссий. Заседание проходило накануне трехсторонних переговоров министров иностранных дел СССР, США и Великобритании в Москве в октябре 1943 г.

муникаций, железными дорогами, таможенными правилами, а также, возможно, и энергетическими сетями (хотя он думает, что вся энергетика Европы должна быть объединена на общем континентальном уровне). Новые германские государства должны быть полностью лишены всякой активности в военной сфере, включая любые центры подготовки и военное производство. Восточная Пруссия должна быть отторгнута от Германии, а все существующие там опасные элементы насильственно переселены. Относительно наших опасений, что разделение Германии может привести к нежелательным последствиям, а таможенное соглашение либо будет абсолютно неработоспособным, либо даже станет сильным аргументом для нового объединения германских территорий, президент заметил, что мы склонны преувеличивать возможные негативные стороны этого процесса. Позднее в процессе дискуссии президент добавил, что переходный период должен стать периодом проб и ошибок, и что может так случиться, что на практике мы поймем, что немедленное разделение Германии сразу же после войны подлежит пересмотру. Относительно репараций президент сказал, что они не должны быть обязательно денежные, они могут выплачиваться в форме предоставления рабочей силы и оборудования.

Балтийские страны и Польша:

Когда президент встретится со Сталиным, то он намерен обратиться к нему с позиций высоких моральных ценностей. Президент сказал бы ему, что ни Британия, ни мы сами не намерены воевать против России из-за Балтийских стран. Однако в собственных интересах России, исходя из ее нынешнего положения в мире, сделать заявление о том, что спустя примерно два года после войны она организует еще один плебисцит в Балтии. Несмотря на то что сама Россия считает предыдущий плебисцит окончательным, остальной мир, по-видимому, так не думает. Подобная идея может быть применима и к Восточной Польше. Президент думает, что новая граница должна в любом случае проходить несколько восточнее «линии Керзона». Лемберг [Львов] должен отойти к Польше, и там необходимо провести плебисцит после того, как население оправится от шока войны.

Бельгия:

Президент не видит трудностей с восстановлением суверенитета и довоенного статуса в Голландии или Скандинавских странах. Но в случае с Бельгией существуют определенные трудности. Мало сказать, что нынешний бельгийский король находится в двусмысленном положении (с одной стороны, его поддерживает Черчилль, который верит в реставрацию бельгийской монархии, но с другой стороны, у короля много противоречий с правительством в эмиграции). Бельгия является искусственным государством двух наций, где валлонцы и фламандцы традиционно не ладят друг с другом. В этой связи президент упомянул и о германском проекте 1940 года, в котором предлагался федеральный союз между Эльзасом, Лотарингией, Люксембургом и двумя частями Бельгии.

Югославия:

Президент не уверен, что Югославия должна быть восстановлена как союзное государство. Возможно, Хорватия должна быть отделена от Сербии.

Идея подопечных территорий:

Мы должны внимательно отнестись к идее опеки и работать над ее осуществлением в той или иной ситуации. В качестве примера следующие территории могут оказаться под опекой:

1. Проход в Балтийское море через Кильский канал — может стать свободной зоной под международной опекой.
2. Подобная зона может быть организована для России применительно к Персидскому заливу.
3. Британия могла бы, в качестве жеста доброй воли, вернуть Китаю Гонконг, взамен чего Китай мог бы немедленно объявить об образовании там свободного порта под международной опекой.
4. Индокитай мог бы быть поставлен под международную опеку.
5. Подмандатные острова в Тихом океане могли бы быть выведены из под контроля Японии и отданы под международную опеку.
6. Ключевые пункты безопасности во многих частях света могли бы быть также переданы под международную опеку — острова Трук, Бонин, Курильские о-ва (хотя Курилы должны на самом деле быть переданы России), Рабаул или некоторая часть Соломоновых островов, подходящие пункты в Голландской Индии, острова Вознесения, Дакар, некоторые пункты в Либерии.

Вариант идеи международной опеки может быть применен к территориям колоний. Проект декларации по этому вопросу был предложен уже некоторое время назад. В нем заложена возможность инспекции этих территорий, предания гласности проводимых там мероприятий. Это должно побудить колониальные империи развивать подчиненные им территории как для блага людей, проживающих там, так и для всего мира в целом.

Документ № 52

Послание У. Черчилля А. Идену относительно Балканского варианта второго фронта, 20 октября 1943 г.²⁶

1. Наши теперешние планы на 1944 год, по-видимому, имеют весьма серьезные недочеты. Мы должны в мае высадить во Франции пятнадцать американских и двенадцать английских дивизий и будем иметь приблизительно шесть американских и шестнадцать английских или контролируемых англичанами дивизий на Итальянском фронте. Если только Германия не потерпит краха, Гитлер, находясь в центре самых лучших путей сообщения в мире, сможет сосредоточить по меньшей мере сорок-пятьдесят дивизий против любой из этих группировок, в то же время сдерживая другую. Он может получить все необходимые силы, уменьшив свои потери на Балканах и отойдя к Саве и Дунаю, без ослабления своего русского фронта. Это одно из самых элементарных стратегических положений. Вопрос о распределении наших сил между Итальянским театром и районом Ла-Манша был решен не в соответствии со стратегическими нуждами, но под влиянием событий, исходя из транспортных возможностей и произвольных соглашений между англичанами и американцами. Ни силы, накопленные в Италии, ни те силы, которые будут готовы в мае пересечь Ла-Манш, не являются достаточными для выполнения стоящих перед нами задач, а численность войск, которые могут быть переброшены с одного фронта на другой, ограничивается цифрой порядка семи или восьми дивизий. Я твердо намерен добиться пересмотра этого положения.

2. Если бы решение зависело от меня, я не стал бы отводить никаких войск со Средиземноморского театра и не вышел бы из узкого «голенища» итальянского «сапога» в долину По, а решительно связал бы противника на узком фронте и в то же самое время поощрял бы волнения на Балканах и в Южной Франции. В случае если Германия не потерпит краха, я не думаю, что нам следует переправляться через Ла-Манш, располагая менее чем сорока дивизиями на шестидесятый день, и то только при условии, если на Итальянском фронте будут вестись решительные бои с противником. Я не согласен с американским доводом относительно того, что воздушные силы метрополии могут уничтожить все в зоне боев и на подходах к ней. Наш теперешний опыт не подтверждает этого. Все вышесказанное предназначается только для вас лично: на данном этапе не следует развертывать эту аргументацию. Однако мои замечания могут показать вам опасности, с какими связано для нас твердое обязательство начать операцию «Оверлорд» в мае, ради чего мы можем погубить Итальянский фронт, упустить возможности на Балканах и все же не иметь достаточных сил для того, чтобы удержаться на 30-й или 40-й день...

Churchill W. The Second World War. V. 5. L., 1952. P. 254–255

Документ № 68

Сообщение о подписании соглашения между правительствами СССР, США, Великобритании и Канады о поставках в Советский Союз, опубликовано 20 октября 1943 г.

19 октября 1943 г. в Лондоне подписано третье соглашение о поставках снабжения в Союз Советских Социалистических Республик между правительствами Соединенного Королевства, Соединенных Штатов, Канады и Союза Советских Социалистических Республик, согласно которому первые три правительства принимают на себя обязательство поставить Советскому Союзу вооружение, оборудование, материалы и продовольствие. Два предыдущих соглашения этого рода были подписаны: первое — в Москве в октябре 1941 г. и другое — в Вашингтоне в октябре 1942 г.; данное соглашение является продолжением существующих обязательств. Однако в этот раз Канада впервые участвует в подписании соглашения, хотя поставки из Канады до сих пор составляли часть обязательств Соединенного Королевства и в некоторых случаях часть обязательств Соединенных Штатов. Период, охватываемый вторым соглашением, закончился 30 июня,

---

²⁶ Начиная с 1942 г. вплоть до второй половины 1944 г. У. Черчилль настаивал на так называемом Балканском варианте второго фронта. Смысл его плана сводился к тому, чтобы провести главные операции англо-американских армий в странах Балканского полуострова, выйти в Центральную Европу и не допустить освобождения народов Европы Советскими Вооруженными Силами.

но хотя третье соглашение было подписано только теперь, его положения проводились в жизнь в течение последних трех месяцев и поток снабжения всякого рода в Советский Союз не прерывался. Настоящее Соглашение подписали:

От имени Соединенного Королевства — Постоянный заместитель министра иностранных дел
А. Кадоган, министр военного производства О. Литтлтош;
От имени Соединенных Штатов — посол США в Великобритании Д. Вайнант;
От имени Канады — Высокий комиссар Канады Я. Массей;
От имени Советского Союза — посол СССР в Великобритании Ф. Г. Гусев,
торговый представитель СССР в Великобритании Д. Г. Борисенко.

Советско-американские отношения во время Второй мировой войны 1941–1945. Т. 1. М., 1984. С. 384–385

Документ № 69

Из воспоминаний К. Хэлла о подготовке и проведении совещания в Москве министров иностранных дел трех держав в октябре 1943 г.

(...) До моего отъезда в Москву я дважды — 4 и 5 октября — совещался президентом, а 6 октября он пригласил меня на завтрак, чтобы еще раз обсудить различные вопросы, которые могут возникнуть в Москве. 5 октября вместе со мной в Белом доме на беседе с президентом присутствовали мой заместитель Э. Стеттиниус, ряд сотрудников госдепартамента, а также адмирал Леги (...)

В связи с польско-русскими разногласиями, как тогда, так и позднее, а также в связи с другими возникавшими между нами и Россией проблемами время от времени выдвигалось предложение, что для урегулирования их нам требуется всего лишь пригрозить России, что мы прекратим оказание ей помощи по ленд-лизу. Мы с президентом даже на мгновение не воспринимали подобные предложения всерьез. Россия, Великобритания и Соединенные Штаты находились в одной лодке, которая должна была остаться на плаву либо утонуть — в зависимости от их способности вести объединенную борьбу против общего врага. Наши поставки по ленд-лизу помогали России сковывать и уничтожать вооруженные силы противника на Восточном фронте, с которыми нам в противном случае пришлось бы сражаться на Западном фронте (...)

Мы хотели восстановления нормальных дипломатических отношений между Россией и Польшей, мы хотели, чтобы Советское правительство согласилось с широкими принципами международного сотрудничества после войны, сгруппированными вокруг создания организации по поддержанию мира. Но мы не собирались настаивать на урегулировании во время войны таких специфических вопросов, как определение границы между Польшей и Россией (...)

Отправляясь в столицу СССР, я не дал никаких обещаний, кроме того, что со всей возможной серьезностью попрошу Советское правительство согласиться на восстановление дипломатических отношений с Польшей (...)

На заседании 29 октября были рассмотрены рекомендации по экономическим вопросам, которые я передал Молотову и Идену несколькими днями ранее. Они касались сотрудничества в деле возмещения ущерба, нанесенного Советскому Союзу войной, совместных действий по оказанию помощи другим странам, сотрудничества в вопросах продовольствия и сельского хозяйства, транспорта и связи, финансов и торговли, вопроса о репарациях (...)

На конференции было решено, что три правительства рассмотрят эти предложения и обменяются затем своими соображениями.

Затем я вынес на обсуждение предложенную нами Декларацию Объединенных Наций по вопросу национальной независимости, относящуюся к народам колоний и подмандатных территорий и провозгласившую необходимость постепенной подготовки к получению ими независимости. Этот документ мы подготовили в государственном департаменте, и я передал его Идену во время визита английского министра иностранных дел в Соединенные Штаты в марте 1943 года.

На совещании с президентом 6 октября, незадолго до моего отъезда в Москву, Рузвельт сказал, что мы должны особенно подчеркнуть возможность идеи опеки и широко применять ее в самых различных ситуациях.

Упомянутые им районы простирались от Балтики до острова Вознесения в Южной Атлантике и Гонконга. Он заявил, что проект подготовленной нами декларации содержит широкие возможности, особенно

в отношении проверки и гласности, которые станут мощным средством побудить колониальные державы развивать свои колонии на благо колониальных народов и всего мира.

Иден, однако, написал мне письмо, в котором заявил, что английское правительство в целом не может согласиться с этим документом. Тем не менее я разослал его участникам конференции, чтобы они имели представление о нашей позиции.

Подняв этот вопрос 29 октября на конференции, я сказал, что так как у нас мало времени, то не думаю, что мы сможем обсудить его на конференции.

Иден ответил, что не готов сейчас обсуждать этот вопрос, но может сообщить, что его правительство не согласно с точкой зрения, изложенной в этом документе.

Молотов заявил, что Советское правительство придает вопросу о зависимых странах большое значение и считает его заслуживающим дальнейшего изучения.

Хотя никакого решения на Московской конференции по вопросу о зависимых странах принято не было, переговоры по нему между тремя правительствами продолжались и была заложена основа того, что позднее стало системой международной опеки в рамках ООН (...)

На последнем заседании конференции 30 октября мы, три министра иностранных дел и китайский посол, подписали Декларацию четырех государств. Посол Фу Бинчан своевременно получил полномочия...

Я был искренне взволнован, видя, как ставили под ней подписи. Теперь сомнений, что после войны будет создана международная организация по поддержанию мира — силой, в случае необходимости, — больше не было. Подписывая декларацию, я не мог не вспомнить свою долгую борьбу в пользу прежней Лиги Наций. Сейчас имелась вероятность, что Соединенные Штаты станут членом новой организации по обеспечению безопасности. В равной мере существовала вероятность, что Советский Союз будет одним из ее главных членов. И Китай тоже будет одним из ее учредителей, поскольку он подписал Четырехстороннюю декларацию.

Когда советские кинооператоры вели съемку церемонии подписания Декларации четырех государств, меня не оставляло чувство, что они снимают историческое событие.

Хэлл К. Государственный секретарь США вспоминает // Вторая мировая война в воспоминаниях... М., 1990. С. 375–393

Документ № 70

Англо-советско-американское коммюнике о конференции трех министров в Москве, 19–30 октября 1943 г. (извлечение)

В первую очередь состоялись исчерпывающие и искренние дискуссии по поводу мероприятий, которые следует предпринять для сокращения сроков войны против Германии и ее сателлитов в Европе. Было использовано присутствие военных советников, представляющих соответствующих начальников генеральных штабов, для того, чтобы обсудить определенные военные операции, в отношении которых были приняты решения и которые уже готовятся, и для того, чтобы создать базу для теснейшего военного сотрудничества в будущем между тремя странами.

Признав первейшей целью ускорение конца войны, три правительства также оказались единодушны в том, что в их собственных национальных интересах и в интересах всех миролюбивых наций важно продолжить теперешнее тесное сотрудничество, установленное для ведения войны, и на период, который последует за окончанием военных действий, и что только этим путем можно добиться поддержания мира и полного развития политического, экономического и социального блага их народов...

Декларация четырех государств по вопросу о всеобщей безопасности

Правительства Соединенных Штатов Америки, Великобритании, Советского Союза и Китая... совместно заявляют:

1. Что их совместные действия, направленные на ведение войны против их соответственных врагов, будут продолжены для организации и поддержания мира и безопасности.
  2. Что те из них, которые находятся в войне с общими врагами, будут действовать совместно во всех вопросах, относящихся к капитуляции и разоружению этих соответственных врагов.
  3. Что они примут все те меры, которые они считают необходимыми, против любого нарушения условий, предъявленных к их противникам.
-

4. Что они признают необходимость учреждения в возможно короткий срок всеобщей международной организации для поддержания международного мира и безопасности, основанной на принципе суверенного равенства всех миролюбивых государств, членами которой могут быть все такие государства — большие и малые.

5. Что они будут консультироваться друг с другом и, по мере того как этого потребуют обстоятельства, с другими членами Объединенных Наций, имея в виду совместные действия в интересах сообщества наций в целях поддержания международного мира и безопасности, пока не будут восстановлены закон и порядок и пока не будет установлена система всеобщей безопасности.

6. Что по окончании войны они не будут применять своих вооруженных сил на территории других государств, кроме как после совместной консультации и для целей, предусмотренных в этой декларации.

7. Что они будут совещаться и сотрудничать друг с другом и с другими членами Объединенных Наций в целях достижения осуществимого всеобщего соглашения в отношении регулирования вооружений в послевоенный период.

Декларация об Италии

Министры иностранных дел Соединенных Штатов Америки, Соединенного Королевства и Советского Союза установили, что три их правительства полностью согласны с тем, что политика союзников по отношению к Италии должна базироваться на основном принципе: что фашизм и все его пагубные влияния и последствия должны быть полностью уничтожены и что итальянскому народу должна быть предоставлена полная возможность установить правительственные и другие учреждения, основанные на принципах демократии.

Министры иностранных дел Соединенных Штатов Америки и Соединенного Королевства заявляют, что деятельность их правительств с начала вторжения на итальянскую территорию была основана на этой политике, поскольку настоятельные военные требования это позволяли.

Министры иностранных дел трех правительств согласились, что при осуществлении этой политики в будущем имеют важное значение и должны быть проведены в жизнь следующие меры:

1. Необходимо, чтобы итальянское правительство было сделано более демократичным путем включения представителей тех слоев итальянского народа, которые всегда выступали против фашизма.

2. Свобода слова, вероисповедания, политических убеждений, печати и собраний будет возвращена в полной мере итальянскому народу, который должен также иметь право образовывать антифашистские политические группы.

3. Все учреждения и организации, созданные фашистским режимом, должны быть упразднены.

4. Все фашистские и профашистские элементы должны быть устранены из управления или из учреждений и администраций публичного характера.

5. Все политические заключенные фашистского режима должны быть освобождены, и им должна быть предоставлена полная амнистия.

6. Должны быть созданы демократические органы местного управления.

7. Фашистские главарь и другие лица, известные или подозреваемые в совершении военных преступлений, должны быть арестованы и переданы в руки правосудия...

Также имеется в виду, что ничто в этой декларации не ограничивает права итальянского народа впоследствии избрать свою собственную форму правления.

Декларация об Австрии

Правительства Соединенного Королевства, Советского Союза и Соединенных Штатов Америки согласились, что Австрия, первая свободная страна, павшая жертвой гитлеровской агрессии, должна быть освобождена от германского господства.

Они рассматривают присоединение, навязанное Австрии Германией 15 марта 1938 года, как несуществующее и недействительное. Они не считают себя никоим образом связанными какими-либо переменами, произведенными в Австрии после этой даты. Они заявляют о том, что они желают видеть восстановленной свободную и независимую Австрию и тем самым дать возможность самому австрийскому народу, как и другим соседним государствам, перед которыми встанут подобные же проблемы, найти ту политическую и экономическую безопасность, которая является единственной основой прочного мира.

Однако обращается внимание Австрии на то, что она несет ответственность, которой не может избежать, за участие в войне на стороне гитлеровской Германии и что при окончательном урегулировании неизбежно будет принят во внимание ее собственный вклад в дело ее освобождения.

Декларация об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства

(Декларация подписана главами правительств СССР, США и Великобритании. — *Ред.*)

Великобритания, Соединенные Штаты и Советский Союз получили из различных источников свидетельства о зверствах, убийствах и хладнокровных массовых казнях, которые совершаются гитлеровскими

вооруженными силами во многих странах, захваченных ими, из которых они теперь неуклонно изгоняются. Жестокости гитлеровского господства не являются новым фактом, и все народы или территории, находящиеся в их власти, страдали от худшей формы управления при помощи террора. Новое заключается в том, что многие из этих территорий сейчас освобождаются продвигающимися вперед армиями держав-освободительниц и что в своем отчаянии отступающие гитлеровцы-гунны удваивают свои безжалостные жестокости. Об этом теперь с особой наглядностью свидетельствуют факты чудовищных преступлений на освобождаемой от гитлеровцев территории Советского Союза, а также на территории Франции и Италии.

В соответствии с вышеизложенным три союзные державы, выступая в интересах тридцати двух объединенных наций, торжественно заявляют и предупреждают своей нижеследующей декларацией:

В момент предоставления любого перемирия любому правительству, которое может быть создано в Германии, те германские офицеры и солдаты и члены нацистской партии, которые были ответственны за вышеупомянутые зверства, убийства и казни или добровольно принимали в них участие, будут отосланы в страны, в которых были совершены их отвратительные действия, для того чтобы они могли быть судимы и наказаны в соответствии с законами этих освобожденных стран и свободных правительств, которые будут там созданы. Списки будут составлены со всеми возможными подробностями, полученными от всех этих стран, в особенности в отношении оккупированных частей Советского Союза, Польши и Чехословакии, Югославии и Греции, включая Крит и другие острова, Норвегии, Дании, Нидерландов, Бельгии, Люксембурга, Франции и Италии.

Таким образом, немцы, которые принимали участие в массовых расстрелах итальянских офицеров или в казни французских, нидерландских, бельгийских и норвежских заложников или критских крестьян, или же те, которые принимали участие в истреблении, которому был подвергнут народ Польши, или в истреблении населения на территориях Советского Союза, которые сейчас очищаются от врага, должны знать, что они будут отправлены обратно в места их преступлений и будут судимы на месте народами, над которыми они совершали насилия. Пусть те, кто еще не обогрил своих рук невинной кровью, учтут это, чтобы не оказаться в числе виновных, ибо три союзных державы наверняка найдут их даже на краю света и передадут их в руки их обвинителей, с тем чтобы смогло совершиться правосудие.

Эта декларация не затрагивает вопроса о главных преступниках, преступления которых не связаны с определенным географическим местом и которые будут наказаны совместным решением правительств-союзников.

Известия. 1943. 2 ноября

Документ № 71

Запись беседы глав правительств СССР, США и Великобритании на конференции в Тегеране, 30 ноября — 1 декабря 1943 г.

30 ноября:

Рузвельт говорит, что он намерен сообщить маршалу Сталину приятную для него новость. Дело в том, что сегодня Объединенный комитет начальников штабов с участием Черчилля и Рузвельта принял ледующее решение:

Операция «Оверлорд» намечается на май 1944 года и будет проведена при поддержке десанта в Южной Франции. Сила этой вспомогательной операции будет зависеть от количества десантных средств, которые будут иметься в наличии к тому времени.

Сталин говорит, что он удовлетворен этим решением.

Черчилль замечает, что точная дата начала операции будет, очевидно, зависеть от фазы луны.

Сталин говорит, что он, конечно, не требует, чтобы ему была названа точная дата, и что для маневра, конечно, будет необходима одна или две недели в пределах мая месяца.

Рузвельт говорит, что, насколько сейчас можно судить, наиболее подходящим временем будет период с 15 по 20 мая.

Сталин говорит, что он хочет заявить Черчиллю и Рузвельту, что к моменту начала десантных операций во Франции русские подготовят сильный удар по немцам.

Рузвельт говорит, что это было бы очень хорошо, так как это не позволило бы немцам перебрасывать свои войска на запад.

Черчилль говорит, что англичане ведут крупную подготовку к операции «Оверлорд». Он, Черчилль, хотел бы, если позволит время, когда-либо рассказать маршалу Сталину о некоторых деталях этой под-

готовки. В частности, довольно большую проблему представляет доставка горючего для высадившихся войск. Англичане имеют специальный пустотелый кабель, который можно размотать и уложить на дне Канала. По этому пустотелому кабелю, который представляет собой трубу, будет подаваться горючее на противоположный берег.

Сталин замечает, что это очень хороший способ доставки горючего и что он очень облегчит положение.

После беседы на общие темы *Черчилль* говорит, что России необходимо иметь выход к незамерзающим портам.

Сталин соглашается с тем, что это нужно, но говорит, что этот вопрос можно будет обсудить позже.

Черчилль замечает, что раньше англичане возражали против того, чтобы русские имели выход к теплым морям, но сейчас англичане не имеют против этого никаких возражений.

Сталин говорит, что если теперь не имеется возражений, то тогда надо пересмотреть вопрос и о режиме турецких проливов. Такая большая страна, как Россия, оказалась запертой в Черном море и не имеет из него выхода. Режим проливов сначала регулировался Севрским договором, затем Лозаннским договором, наконец, конвенцией, заключенной в Монтре. Все это время англичане хотели задушить Россию, но если теперь англичане не хотят больше душить Россию, то необходимо, чтобы они облегчили режим проливов.

Черчилль говорит, что он с этим согласен, но что сейчас желательно, чтобы Турция вступила в войну, поэтому он в настоящее время не хотел бы поднимать этот вопрос.

Сталин говорит, что это, конечно, правильно, и добавляет, что еще будет время обсудить вопрос о портах и о проливах.

Черчилль говорит, что он за то, чтобы советский флот плавал свободно во всех морях и океанах.

Сталин спрашивает, что, по мнению *Черчилля*, может быть сделано для России на Дальнем Востоке.

Черчилль говорит, что маршал *Сталин* знакомился с каирским коммюнике и сказал, что он с ним согласен.

Сталин говорит, что ему было только показано коммюнике и что на вопрос, не возражает ли он против него, он ответил, что не возражает. В частности, он согласен с тем, чтобы была создана независимая Корея и чтобы Формоза и Маньчжурия были возвращены Китаю. Конечно, русские могли бы к этому коммюнике кое-что добавить, но после того, как они станут активно участвовать в военных действиях на Дальнем Востоке.

Сталин говорит, что Советский Союз заперт также и на Дальнем Востоке, так как из каких бы портов советские суда ни выходили, они должны пройти либо через Симоносекский, либо через Цусимский проливы, которые в любой момент могут быть закрыты японцами.

Рузвельт говорит, что в этой связи он хотел бы сказать о своей идее свободных портов. На Дальнем Востоке, в частности, таким портом мог бы быть Дайрен.

Сталин говорит, что это правильно, но что, возможно, Китай был бы недоволен этим.

Рузвельт отвечает, что Китай с этим будет полностью согласен.

Сталин говорит, что единственным незамерзающим портом у нас, кроме Мурманска, является Петропавловск-Камчатский, но он неудобен тем, что к нему нет ни железных дорог, ни других хороших путей, поэтому как порт он не может быть эффективно использован.

Рузвельт спрашивает, является ли Дайрен незамерзающим портом.

Сталин отвечает, что Дайрен не замерзает, так же как и Порт-Артур. Он добавляет, что Порт-Артур, однако, более подходит в качестве военно-морской базы, чем базы для торговых судов.

Черчилль говорит, что совершенно очевидным является тот факт, что Россия должна иметь выход в теплые моря. Далее он говорит, что управление миром должно быть сосредоточено в руках наций, которые полностью удовлетворены и не имеют никаких претензий.

Сталин замечает, что управление миром должно быть сосредоточено в руках наций, которые способны на это.

Черчилль говорит, что это совершенно правильно, и продолжает, что если какая-либо страна не удовлетворена чем-либо, то это всегда будет источником беспокойства. Поэтому нужно, чтобы судьбы мира были сосредоточены в руках сильных стран, которые полностью удовлетворены и не имеют никакого желания взять себе что-либо еще. *Черчилль* говорит, что три наших страны являются именно такими странами. После того как мы договоримся между собой, мы сможем считать, что мы полностью удовлетворены, а это самое главное.

Сталин говорит, что если и дальше переговоры будут идти успешно, то он готов остаться еще на один день и выехать не 2, а 3 декабря.

Черчилль говорит, что это было бы очень хорошо. Поскольку они уже добились большого успеха, было бы хорошо, если бы удалось полностью договориться по всем вопросам. Для этого еще один день будет очень ценен.

Рузвельт говорит, что он также приветствует решение маршала *Сталина* остаться еще на один день. Он, *Рузвельт*, полагает, однако, что военные штабы могли бы отправиться в Каир раньше, для того чтобы приступить к разработке тех решений, которые были приняты здесь.

Черчилль говорит, что надо также подумать о коммюнике конференции. Коммюнике не должно быть очень длинным, но оно должно быть таким, чтобы не дать оснований никому заявить, что из этой встречи ничего не получилось.

Сталин говорит, что этот лишний день можно будет также использовать для выработки коммюнике. Он спрашивает, какие вопросы будут обсуждаться на сегодняшнем заседании в 4 часа.

Черчилль говорит, что можно было бы сообщить конференции о том, что установлена дата начала операции «Оверлорд», и о том, что в ближайшее время будет назначен главнокомандующий. После этого военные вопросы можно было бы считать исчерпанными. Что касается политических вопросов, по которым в настоящее время совещаются министры иностранных дел и Гопкинс, то *Черчилль* считает, что их также следовало бы обсудить в узком кругу. Поэтому он предлагает назначить на завтра заседание глав трех правительств, двух министров иностранных дел и Гопкинса, с тем чтобы обсудить эти вопросы.

Сталин говорит, что он с этим согласен.

Запись беседы Председателя Совета народных комиссаров СССР с президентом США 1 декабря 1943 г.

Рузвельт. В Соединенных Штатах может быть поднят вопрос о включении Прибалтийских республик в Советский Союз, и я полагаю, что мировое общественное мнение сочтет желательным, чтобы когда-нибудь в будущем каким-то образом было выражено мнение народов этих республик по этому вопросу. Поэтому я надеюсь, что маршал Сталин примет во внимание это пожелание. У меня лично нет никаких сомнений в том, что народы этих стран будут голосовать за присоединение к Советскому Союзу так же дружно, как они сделали это в 1940 году.

Сталин. Литва, Эстония и Латвия не имели автономии до революции в России. Царь был тогда в союзе с Соединенными Штатами и с Англией, и никто не ставил вопроса о выводе этих стран из состава России. Почему этот вопрос ставится теперь?

Рузвельт. Дело в том, что общественное мнение не знает истории. Я хотел бы поговорить с маршалом Сталиным о внутреннем положении в Соединенных Штатах. В будущем году в Соединенных Штатах предстоят выборы. Я не желаю выдвигать свою кандидатуру, но если война продолжится, то я, может быть, буду вынужден это сделать. В Америке имеется шесть-семь миллионов граждан польского происхождения, и поэтому я, будучи практичным человеком, не хотел бы потерять их голоса. Я согласен с маршалом Сталиным в том, что мы должны восстановить польское государство, и лично я не имею возражений, чтобы границы Польши были передвинуты с востока на запад — вплоть до Одера, но по политическим соображениям я не могу участвовать в настоящее время в решении этого вопроса. Я разделяю идеи маршала Сталина, я надеюсь, что он поймет, почему я не могу публично участвовать в решении этого вопроса здесь, в Тегеране, или даже весной будущего года.

Сталин. После разъяснения Рузвельта я это понимаю.

Рузвельт. В Соединенных Штатах имеется также некоторое количество литовцев, латышей и эстонцев. Я знаю, что Литва, Латвия и Эстония и в прошлом, и совсем недавно составляли часть Советского Союза, и, когда русские армии вновь войдут в эти республики, я не стану воевать из-за этого с Советским Союзом. Но общественное мнение может потребовать проведения там плебисцита.

Сталин. Что касается волеизъявления народов Литвы, Латвии и Эстонии, то у нас будет немало случаев дать народам этих республик возможность выразить свою волю.

Рузвельт. Это будет мне полезно.

Сталин. Это, конечно, не означает, что плебисцит в этих республиках должен проходить под какой-либо формой международного контроля.

Рузвельт. Конечно нет. Было бы полезно заявить в соответствующий момент о том, что в свое время в этих республиках состоятся выборы.

Сталин. Конечно, это можно будет сделать. Я хотел бы знать, решен ли окончательно вопрос об отъезде завтра.

Рузвельт. Мне сообщили, что завтра будет благоприятная погода. У нас осталось немного вопросов, которые мы можем обсудить сегодня вечером. Завтра утром я намереваюсь вылететь.

Имеются два вопроса, которые мы не обсудили. Об одном из них я уже говорил с маршалом Сталиным — это вопрос о создании мировой организации в послевоенный период.

Сталин. Мы не довели обсуждение этого вопроса до конца. Я обдумал этот вопрос и полагаю, что лучше создать одну мировую организацию.

Рузвельт. Я думаю, что сейчас еще рано решать вопрос о создании мировой организации, но считаю, что было бы целесообразно рассмотреть вопрос о полицейских силах. Я полагаю, что маршал Сталин понимает, что деятельность мировой организации будет зависеть от трех держав.

Молотов. Я хотел бы добавить, что в соответствии с предложением советской делегации на Московской конференции принято решение о том, что между тремя правительствами будет происходить обмен мнениями с целью конкретизации предложения о создании мировой организации и обеспечения в ней руководящей роли четырех держав.

Рузвельт. Будем ли мы обсуждать вопрос о раздроблении Германии?

Сталин. Не возражаю.

Рузвельт. Если мы найдем для этого время, то я готов это сделать.

Я хотел бы спросить маршала Сталина, не успел ли он прочитать документы, которые я ему вручил, относительно войны против Японии.

Сталин. Документы о Японии я прочитал, но еще не успел их изучить.

**Военные решения Тегеранской конференции,
1 декабря 1943 г.**

Конференция:

1. Согласилась, что партизаны в Югославии должны поддерживаться снабжением и снаряжением в возможно большем размере, а также операциями «коммандос»;

2. Согласилась, что с военной точки зрения крайне желательно, чтобы Турция вступила в войну на стороне союзников до конца года;

3. Приняла к сведению заявление маршала Сталина о том, что, если Турция окажется в войне с Германией и если в результате этого Болгария объявит войну Турции или нападет на нее, Советский Союз немедленно окажется в состоянии войны с Болгарией. Конференция далее приняла к сведению то, что об этом факте может быть сообщено во время предстоящих переговоров о вовлечении Турции в войну;

4. Приняла к сведению, что операция «Оверлорд» будет предпринята в течение мая 1944 г., вместе с операцией против Южной Франции. Эта последняя операция будет предпринята в масштабе, в каком это позволят наличные десантные средства. Конференция далее приняла к сведению заявление маршала Сталина, что советские войска предпримут наступление примерно в это же время с целью предотвратить переброску германских сил с Восточного на Западный фронт;

5. Согласилась, что военные штабы трех держав должны отныне держать тесный контакт друг с другом в отношении предстоящих операций в Европе. В частности, было решено, что между соответствующими штабами должен быть согласован план мистификации и обмана противника в отношении этих операций.

Ф. Д. Р [Ф. Д. Рузвельт].

И. Ст. [И. Сталин]

У. Ч. [У. Черчилль]

*Советско-американские отношения во время Второй мировой войны 1941–1945.
Т. 1. М., 1984. С. 453–456*

Документ № 72

**Конференция руководителей трех союзных
держав — Советского Союза, Соединенных Штатов
Америки и Великобритании в Тегеране, 28 ноября —
1 декабря 1943 г. (извлечение из решений)**

Декларация трех держав

Мы, президент Соединенных Штатов, премьер-министр Великобритании и премьер Советского Союза, встречались в течение последних четырех дней в столице нашего союзника — Ирана и сформулировали и подтвердили нашу общую политику.

Мы выражаем нашу решимость в том, что наши страны будут работать совместно как во время войны, так и в последующее мирное время.

Что касается войны, представители наших военных штабов участвовали в наших переговорах за круглым столом, и мы согласовали наши планы уничтожения германских вооруженных сил. Мы пришли к полному соглашению относительно масштаба и сроков операций, которые будут предприняты с востока, запада и юга.

Взаимопонимание, достигнутое нами здесь, гарантирует нам победу.

Что касается мирного времени, то мы уверены, что существующее между нами согласие обеспечит прочный мир. Мы полностью признаем высокую ответственность, лежащую на нас и на всех Объединенных Нациях, за осуществление такого мира, который получит одобрение подавляющей массы народов земного шара и который устранил бедствия и ужасы войны на многие поколения.

Совместно с нашими дипломатическими советниками мы рассмотрели проблемы будущего. Мы будем стремиться к сотрудничеству и активному участию всех стран, больших и малых, народы которых сердцем и разумом посвятили себя, подобно нашим народам, задаче устранения тирании, рабства, угнетения и нетерпимости. Мы будем приветствовать их вступление в мировую семью демократических стран, когда они пожелают это сделать.

Никакая сила в мире не сможет помешать нам уничтожить германские армии на суше, их подводные лодки на море и разрушать их военные заводы с воздуха.

Наше наступление будет беспощадным и нарастающим.

Закончив наши дружественные совещания, мы уверенно ждем того дня, когда все народы мира будут жить свободно, не подвергаясь действию тирании, и в соответствии со своими различными стремлениями и своей совестью. Мы прибыли сюда с надеждой и решимостью. Мы уезжаем отсюда действительными друзьями по духу и цели.

Известия. 1943. 7 декабря

Документ № 73

Из воспоминаний У. Леги²⁷ о решениях Тегеранской конференции, ноябрь–декабрь 1943 г.

(...) Решение об открытии второго фронта затмило все другие результаты, достигнутые на Тегеранской конференции, но эта встреча «Большой тройки» имела важное значение для других крупных проблем, которые обсуждались, как правило, в благожелательном духе, даже если по некоторым из них и не удалось достичь согласия.

Рузвельт потратил немало времени, объясняя подробности своего плана создания международной организации по сохранению мира, ядром которой явятся Объединенные Нации. Сталин, похоже, был не в восторге от предложения президента о предоставлении малым государствам равных прав в вопросах поддержания всеобщего мира. Сталин изложил свои соображения весьма просто: если Советский Союз, Великобритания и Соединенные Штаты захотят сохранить мир во всем мире, они располагают достаточной военной и экономической мощью для этого и не нуждаются в чьей-либо помощи для обеспечения международной безопасности. Вопрос об опеке был затронут в ходе обсуждения проблемы создания Организации Объединенных Наций. Рузвельт верил, что предложенная им всемирная организация может осуществлять необходимый суверенитет над такими районами, как подмандатные японские острова, которые Токио столь успешно использовал в своих целях, хотя юридически эти острова по-прежнему находились под контролем Лиги Наций. В наших внутренних разговорах я решительно доказывал, что Соединенные Штаты ради своей собственной безопасности должны сохранить за собой и осуществлять суверенитет над всеми японскими подмандатными островами, которые мы захватили.

Состоялся также общий обмен мнениями относительно демилитаризации Германии. Сталин высказался в пользу того, чтобы в случае необходимости иметь возможность занять наиболее важные стратегические пункты внутри Германии или на ее границах или даже на некотором удалении. Никакого решения принято не было, но в принципе все, видимо, были согласны с тем, что военный потенциал Германии следует уничтожить.

Сталин согласился предоставить советские авиационные базы для сквозных бомбардировочных рейдов на Германию из Англии. Рассмотрение американской просьбы об использовании воздушными силами советских авиабаз в Приморском крае для операций против Японии было отложено...

Россия настаивала на немедленной передаче ей одной трети итальянского военного флота и торговых судов. В Тегеране Рузвельт придерживался позиции, которую он занял раньше, — эти корабли должны использоваться в войне там, где они наиболее нужны, и что с их распределением можно подождать, пока не будет заключен мир. Было достигнуто компромиссное решение, согласно которому часть итальянских кораблей должна быть передана советскому командованию к концу января 1944 года.²⁸

²⁷ Леги У. (1875–1959), амер. адмирал флота (1944). Во Второй мировой войне — начальник штаба при верховном главнокомандовании вооруженными силами США, одновременно председатель Комитета начальников штабов.

²⁸ В результате переписки между И. В. Сталиным, Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в январе–марте 1944 года западные союзники согласились передать Советскому Союзу во временное пользование взамен итальянских кораблей английский старый линкор, американский крейсер, восемь английских эсминцев и четыре подводные лодки, а также торговые суда общим водоизмещением 40 тыс. тонн. Эти корабли были переданы в августе 1944 года в состав Северного флота и несли службу до конца войны. После подписания 10 февраля 1947 года мирного договора с Италией эти корабли были возвращены Англии и США, а тридцать три итальянских корабля, в том числе линкор и крейсер, вошли в состав Черноморского флота.

Проблема польских границ в Тегеране подробно не обсуждалась. После того как все в той или иной мере признали в качестве восточной границы Польши «линию Керзона» — Рузвельт, правда, конкретного согласия не дал, — вопрос о западных границах остался нерешенным, хотя три руководителя в принципе согласились, что Польша должна получить часть германской территории как компенсацию за тот район, который должен был остаться у России. Не было также достигнуто никакого определенного решения и по вопросу о расчленении Германии, который длительное время обдумывал Рузвельт, хотя его план, казалось, был в принципе воспринят положительно. Идея президента состояла в том, чтобы раздробить рейх на пять основных частей или государств следующим образом: (1) Пруссия, которая должна быть ослаблена и уменьшена в своих размерах; (2) Ганновер и северо-западные районы Германии; (3) Саксония и район Лейпцига; (4) Бавария, Баден и Вюртенберг; (5) Гессен-Дармштадт, Гессен-Кассель и район южнее Рейна. Гамбург, Кильский канал, Рурская и Саарская области должны быть поставлены под международный контроль...

Когда трое главнокомандующих приняли к сведению последний доклад Объединенного совета начальников штабов, работа конференции завершилась. Если принятые в Тегеране решения будут соблюдены, проделанное полукругосветное путешествие, чтобы собраться вместе, полностью оправдывает себя. Хотя обсуждавшиеся политические вопросы о послевоенном устройстве непосредственно не затрагивали работу американских начальников штабов, мы все понимали, что международный мир, возможно, зависит от их положительного решения.

30 ноября 1943 года Черчиллю исполнилось шестьдесят девять лет, и день закончился торжественным приемом, устроенным премьер-министром в английском посольстве. Соблюдался русский обычай, а это означало, что произносили тосты и пили за здоровье почти всех тридцати четырех участников обеда, сидевших за банкетным столом, — весьма утомительная процедура. Президент, Сталин и Черчилль обменялись речами. Подчеркивалась наша вечная дружба с большевиками и общие надежды на новое устройство мира. По ходу банкета монотонный обмен международными комплиментами время от времени оживляли довольно едкие остроты...

Премьер-министр обронил замечание, что политический цвет лица англичан претерпевает последовательную перемену, и эта перемена зашла так далеко, что сейчас его можно назвать «розовым». «Это признак улучшающегося здоровья», — подал реплику Сталин. Гопкинс как бы в шутку сказал, что Англия не имеет ни письменной конституции, ни основного закона страны, что дает Черчиллю свободу поступать так, как ему заблагорассудится в любое время. Сталин предложила тост за чудеса американской промышленности. Действительно, на этом памятном обеде казалось, что великая коалиция достигла той степени сплоченности, которая обеспечит быстрый разгром нацизма и мирное решение трудных проблем послевоенного мира. К сожалению, утро после подобных мероприятий обычно приносит возврат к реализму (...)

Леги У. Советник двух президентов // Вторая мировая война в воспоминаниях... М., 1990. С. 421–423

Документ № 53

Решения правительств США и Англии о вторжении во Францию (Из решения Объединенного комитета начальников штабов, принятого в Каире, 5 декабря 1943 г.)

Военные действия в Европе

1. Самыми важными операциями в 1944 году будут «Оверлорд» и «Энвил»²⁹. Они должны быть начаты в мае 1944 года. Ни в каком другом районе мира не следует предпринимать никаких действий, которые могли бы помешать успеху этих двух операций.

2. В соответствии с имеющимися в настоящее время планами для операции «Оверлорд» выделены минимально необходимые силы. Должно быть сделано все возможное для увеличения этих сил.

3. Необходимо как можно скорее рассмотреть план операции «Энвил» исходя из того, что высадка должна быть проведена силами не менее двух дивизий.

Если в результате выяснится, что эту операцию следует провести более крупными силами, необходимо будет обеспечить выделение дополнительных сил и средств.

4. Желательно развернуть военные действия в Эгейском море, прежде всего захватить остров Родос, при том условии, однако, если это может быть сделано без ущерба для операций «Оверлорд» и «Энвил».

²⁹ «Энвил» — первоначальное кодовое наименование Южнофранцузской десантной операции 1944 г., 27 июля 1944 г. — «Драгун»

5. Должно быть сделано все возможное для ускорения строительства новых десантных судов и средств и переоборудования других судов для обеспечения Европейского театра войны дополнительным количеством десантных судов и средств.

Общие положения

6. Решения, принятые Объединенным комитетом начальников штабов на конференции «Квадрант» относительно бомбардировки с воздуха промышленных объектов в Германии, а также об уничтожении немецких военно-воздушных сил... подтверждаются.³⁰

Эрман Дж. Большая стратегия. Август 1943 — сентябрь 1944.

Пер. с англ. М., 1958. С. 210

Переписка У. Черчилля и И. Сталина в период высадки сил союзников в Нормандии, 6–9 июня 1944 г.

А.) ЛИЧНОЕ И СТРОГО СЕКРЕТНОЕ ПОСЛАНИЕ

ОТ г-на ЧЕРЧИЛЛЯ МАРШАЛУ СТАЛИНУ, 6 июня 1944 года.

Все началось хорошо. Мины, препятствия и береговые батареи в значительной степени преодолены. Воздушные десанты были весьма успешными и были предприняты в крупном масштабе. Высадка пехоты развертывается быстро, и большое количество танков и самоходных орудий уже на берегу.

Виды на погоду сносные, с тенденцией на улучшение.

Б.) СЕКРЕТНО И ЛИЧНО ОТ ПРЕМЬЕРА И. В. СТАЛИНА

ПРЕМЬЕР-МИНИСТРУ г-ну У. ЧЕРЧИЛЛЮ, 6 июня 1944 года.

Ваше сообщение об успехе начала операции «Оверлорд» получил. Оно радует всех нас и обнадеживает относительно дальнейших успехов.

Летнее наступление советских войск, организованное согласно уговору на Тегеранской конференции, начнется к середине июня на одном из важных участков фронта. Общее наступление советских войск будет развертываться этапами путем последовательного ввода армий в наступательные операции. В конце июня и в течение июля наступательные операции превратятся в общее наступление советских войск.

Обязуюсь своевременно информировать Вас о ходе наступательных операций.

В.) ЛИЧНОЕ И СТРОГО СЕКРЕТНОЕ ПОСЛАНИЕ

ОТ г-на УИНСТОНА ЧЕРЧИЛЛЯ МАРШАЛУ СТАЛИНУ, 7 июня 1944 года.

1. Благодарю Вас за Ваше послание и поздравление по поводу Рима. В отношении «Оверлорда» я вполне удовлетворен положением, как оно развивалось до полудня сегодня, 7 июня. Только в одном прибрежном районе, где высаживались американцы, были серьезные трудности, причем теперь они ликвидированы. В тылу противника на его флангах благополучно приземлились двадцать тысяч авиадесантных войск, в каждом случае они установили контакт с американскими и британскими войсками, выраженными с моря. Мы переправились с небольшими потерями. Мы рассчитывали потерять около 10 тысяч человек. Мы надеемся иметь сегодня к вечеру на берегу большую часть четверти миллиона людей, включая значительное количество бронетанковых сил (танков), выгруженных на берег со специальных судов или дошедших до берега своим ходом, вплавь. В этом последнем типе танков были довольно значительные потери, особенно на американском фронте, вследствие того, что волны опрокидывали эти плавающие танки. Мы должны теперь ожидать сильных контратак, но мы рассчитываем на превосходство в бронетанковых силах и, конечно, на подавляющее превосходство в воздухе всякий раз, когда небо будет свободно от облаков.

2. Вчера поздно вечером в районе Кана имело место танковое сражение наших только что выгруженных на берег бронетанковых сил с пятьюдесятью танками противника из 21-й бронетанковой гренадерской дивизии, в результате которого противник оставил поле боя. Сейчас вступает в действие 7-я британская бронетанковая дивизия, и она должна нам дать превосходство в течение нескольких дней. Речь идет о том, какое количество сил они могут бросить против нас в ближайшую неделю. Погода в районе Канала, по-видимому, не будет как-либо препятствовать продолжению нашей высадки. В самом деле, погода кажется

³⁰ Приводимые решения были приняты правительствами США и Англии во исполнение договоренности между И. В. Сталиным, У. Черчиллем и Ф. Рузвельтом на Тегеранской конференции в ноябре—декабре 1943 г. (о Тегеранской конференции)

более обещающей, чем прежде. Все командующие удовлетворены тем, что в действительности в процессе высадки десанта дела шли лучше, чем мы ожидали.

3. Особо секретно. Мы предполагаем очень скоро устроить два больших сборных порта на берегах широкого залива в устье Сены. Ничего похожего на эти порты не было видано когда-либо раньше. Большие океанские лайнеры будут иметь возможность разгружаться и через многочисленные причалы доставлять снабжение сражающимся войскам. Это должно быть совершенно неожиданным для противника, и это позволит производить накопление в весьма значительной степени независимо от условий погоды. Мы надеемся в скором времени в ходе операций захватить Шербур.

4. С другой стороны, противник будет быстро и интенсивно концентрировать свои силы, и бои будут ожесточенными, и их масштабы увеличатся. Мы по-прежнему надеемся, что к дате D-30 мы развернем около 25 дивизий со всеми их вспомогательными войсками, причем оба фланга фронта будут упираться в море и фронт будет располагать по крайней мере тремя хорошими портами: Шербуром и двумя сборными портами. Этот фронт будет непрерывно снабжаться и расширяться, причем позднее мы надеемся включить Брестский полуостров. Но все это зависит от случайностей войны, которые Вам, маршал Сталин, так хорошо известны.

5. Мы надеемся, что эта успешная высадка и победа под Римом, плоды которой еще нужно собрать с отрезанных дивизий гуннов, обрадуют Ваших доблестных солдат после всего бремени, которое им пришлось нести и которое никто за пределами Вашей страны не ощущал более остро, чем я.

6. После того как я продиктовал вышеизложенное, я получил Ваше послание, касающееся успешного начала «Оверлорда», в котором Вы говорите о летнем наступлении советских войск. Я сердечно благодарю Вас за это. Я надеюсь, что Вы обратите внимание на то, что мы никогда не задавали Вам ни одного вопроса ввиду нашего полного доверия к Вам, Вашему народу и Вашим войскам.

Г.) СЕКРЕТНО И ЛИЧНО ОТ ПРЕМЬЕРА И. В. СТАЛИНА
ПРЕМЬЕР-МИНИСТРУ г-ну У. ЧЕРЧИЛЛЮ, 9 июня 1944 года.

Ваше послание от 7 июня с сообщением об успешном развертывании операций «Оверлорд» получил. Мы все приветствуем Вас и мужественные британские и американские войска и горячо желаем дальнейших успехов. Подготовка летнего наступления советских войск заканчивается. Завтра, 10 июня, открывается первый тур нашего летнего наступления на Ленинградском фронте.

Д.) СТРОГО СЕКРЕТНО ЛИЧНОЕ ПОСЛАНИЕ
ОТ г-на ЧЕРЧИЛЛЯ МАРШАЛУ СТАЛИНУ, 9 июня 1944 г.

1. Я был очень рад получить Ваше послание, которое я сообщил генералу Эйзенхауэру. Весь мир может видеть воплощение тегеранских планов в наших согласованных атаках против нашего общего врага. Пусть же всяческие удачи и счастье сопутствуют советским армиям.

Переписка Председателя Совета министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 1. М., 1986. С. 260–263

Из записи беседы наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова с премьер-министром польского эмигрантского правительства С. Миколайчиком о военной и политической ситуации в Польше, 31 июля 1944 г.

На беседе присутствовали Грабский, Мнишек и Ромер³¹.

Миколайчик приветствует Молотова.

Молотов говорит, что он приветствует Миколайчика в Москве.

Миколайчик благодарит за все удобства, предоставленные ему в Москве. Одновременно Миколайчик выражает просьбу быть принятым И. В. Сталиным. Некоторое время тому назад Грабский уже говорил об этом желании Миколайчика Лебедеву³². Сейчас он, Миколайчик, хотел бы сказать две вещи. Во-первых, польское правительство осуществляет сейчас накопление сил для содействия в решающий момент советским войскам в их борьбе с немцами. План действий поляков разработан польским правительством

³¹ Грабский С. — председатель Национального совета эмигрантского правительства. Мнишек А. — сотрудник министерства иностранных дел эмигрантского правительства. Ромер Т. — министр иностранных дел эмигрантского правительства.

³² Лебедев В. Е. — посол СССР при союзных эмигрантских правительствах в Лондоне.

вместе с генералом Табором³³, прибывшим недавно из Польши, и предложен английскому правительству с просьбой передать его Советскому правительству. Еще в октябре прошлого года все вооруженные силы Польши получили приказ о том, чтобы они вели борьбу совместно с советскими вооруженными силами. Наверное, В. М. Молотов имеет сведения о том, что это уже осуществляется.

Молотов отвечает, что у него есть сведения, но не совсем такого характера.

Миколайчик говорит, что у польского правительства имеется план, предусматривающий мобилизацию всех сил на борьбу с немцами. В этот решающий момент важно найти общий язык между Советским и польским правительствами, чтобы заложить основы дружественного сотрудничества между Польшей и Советским Союзом в будущем. Он, Миколайчик, уверен, что имеет за собой почти все население Польши. Он, Миколайчик, представляет те политические партии Польши, которые хотели бы сотрудничать с Советским Союзом и вели борьбу с теми партиями, которые не особенно хотели сотрудничать с Советским Союзом.

Молотов замечает, что он не совсем понимает то, что говорит Миколайчик. В польском правительстве представлены разные партии, включая и такие, враждебность которых никто не может оспаривать.

Миколайчик заявляет, что таких партий в польском правительстве нет. Все четыре партии, представленные в правительстве, хотят сотрудничать с Советским Союзом.

Молотов замечает, что тогда лучше оставить этот вопрос.

Миколайчик замечает, что он уверен, что между Советским и польским правительствами нет больше разногласий. Он, Миколайчик, хотел бы переговорить с Советским правительством о всех делах и убедить Советское правительство в искренности намерений польского правительства.

Молотов отвечает, что лучше переговорить с Польским Национальным Комитетом.

Миколайчик заявляет, что, как он думает, ему лучше переговорить с Советским правительством, героические армии которого бьют немцев. Советское правительство представляет мощь своей страны, которая будет руководить Европой. Когда он, Миколайчик, говорит об историческом моменте, то он хочет подчеркнуть, что если Советское правительство великодушно пойдет навстречу польскому правительству, то польский народ пойдет на союз с Советской Россией. Если он, Миколайчик, будет говорить с Национальным Комитетом, то он не уверен, что случится то же самое.

Молотов отвечает, что, как ему кажется, Миколайчику лучше переговорить с Польским Комитетом Национального Освобождения, который лучше знаком с положением в Польше. Он, Молотов, хотел бы добавить, что то, что маршал Сталин сообщил через Черчилля о возможности его встречи с Миколайчиком, остается в силе. Так как маршал Сталин весьма занят военными делами, он сможет, как он, Молотов, предполагает, судя по положению дел в Москве, принять Миколайчика в среду или в четверг. Он, Молотов, передаст И. Сталину просьбу Миколайчика о приеме.

Миколайчик говорит, что в ответ на замечание Молотова о том, что Польский Комитет знает положение в Польше, он хотел бы сказать, что польские делегаты, прибывшие в Лондон, хорошо знают положение в Польше.

Молотов отвечает, что в самой Польше больше информации, чем у польских делегатов.

Миколайчик соглашается с тов. Молотовым и говорит, что генерал Табор может вылететь из Лондона в любое время и сообщить о положении в Польше. Польское правительство обдумывало план генерального восстания в Варшаве и хотело бы просить Советское правительство о бомбардировке аэродромов около Варшавы.

Молотов замечает, что до Варшавы осталось всего лишь около 10 километров.

Молотов спрашивает, имеются ли у Миколайчика еще какие-либо вопросы.

Миколайчик заявляет, что вопросов у него больше нет и что он готов ответить на вопросы Молотова.

Молотов спрашивает, какие пожелания имеются у Миколайчика, которые он, Молотов, мог бы передать маршалу Сталину.

Миколайчик отвечает, что у него имеется одно генеральное желание — просить Молотова передать маршалу Сталину, что он, Миколайчик, является выразителем настроений всего польского народа.

Молотов говорит, что он уже высказал свое мнение, что лучше было бы Миколайчику встретиться с Польским Комитетом Национального Освобождения.

Миколайчик говорит, что он готов говорить с Комитетом. Но он хорошо понимает, что с Комитетом он может обсудить только часть вопросов, а с Советским правительством он может переговорить обо всем.

Молотов говорит, что с Советским правительством следует обсудить те вопросы, которые касаются Советского правительства (...)

Беседа продолжалась 30 минут.

Записал (В. Павлов)

Великая Отечественная война. Военно-исторические очерки. Кн. 3. М., 1999. С. 458–460

³³ Псевдоним С. Татара — начальника оперативного управления командования вооруженными силами польского эмигрантского правительства.

Послание советского руководства Британскому правительству по вопросу о Варшавском восстании³⁴ от 5 сентября 1944 г.

5 сентября Советское правительство получило послание Британского правительства по вопросу о Варшаве.

Советское правительство сообщало уже Британскому правительству свое мнение о том, что за варшавскую авантюру, предпринятую без ведома советского военного командования и в нарушение оперативных планов последнего, несут ответственность деятели польского эмигрантского правительства в Лондоне.

Советское правительство хотело бы, чтобы была организована беспристрастная комиссия для выяснения того, по чьему именно приказу было начато восстание в Варшаве и кто виновен в том, что советское военное командование не было об этом уведомлено заранее. Никакое командование в мире, ни английское, ни американское, не может мириться с тем, чтобы перед фронтом его войск было организовано в большом городе восстание без ведома этого командования и вопреки его оперативным планам. Понятно, что советское командование не должно составлять исключение. Несомненно, что если бы перед восстанием в Варшаве запросили советское командование о целесообразности устройства восстания в Варшаве в начале августа, то советское командование отговорило бы от такой затеи, ибо советские войска, прошедшие с боями свыше 500 километров и достаточно уставшие, не были тогда готовы, чтобы взять штурмом Варшаву, имея при этом в виду, что немцы к тому времени уже успели перебросить с запада свои танковые резервы в район Варшавы.

Никто не сможет упрекнуть Советское правительство, что оно оказывает будто бы недостаточную помощь польскому народу, и в том числе Варшаве. Наиболее действенной формой помощи являются военные действия советских войск против немецких оккупантов в Польше, давшие возможность освободить более четвертой части Польши. Все это дело рук советских войск и только советских войск, проливающих кровь за освобождение Польши. Остается малоэффективной форма помощи варшавцам, а именно — сбрасывание с самолетов оружия, медикаментов, продовольствия. Мы несколько раз сбрасывали и вооружение, и продовольствие варшавским инсургентам, однако каждый раз получали сведения, что сброшенное попало к немцам. Если Вы, однако, так сильно верите в эффективность такой помощи и настаиваете на том, чтобы советское командование организовало совместно с англичанами и американцами подачу такой помощи, Советское правительство может согласиться на это. Необходимо только, чтобы помощь эта оказывалась по заранее установленному плану.

Что касается Вашей попытки сделать Советское правительство в какой-либо степени ответственным за варшавскую авантюру и за жертвы варшавцев, то Советское правительство не может это рассматривать иначе, как желание свалить ответственность с больной головы на здоровую. То же самое надо сказать насчет того, что позиция Советского правительства по вопросу о Варшаве будто бы противоречит духу союзного сотрудничества.

Не может быть сомнения, что если бы Британское правительство приняло меры к тому, чтобы командование было своевременно предупреждено о намеченном восстании в Варшаве, то дела с Варшавой приняли бы совсем другой оборот. Почему Британское правительство не сочло нужным предупредить об этом Советское правительство? Не произошло ли здесь то же самое, что и в апреле 1943 года, когда польское эмигрантское правительство, при отсутствии противодействия со стороны Британского правительства, выступило со своим враждебным Советскому Союзу клеветническим заявлением о Катыни? Нам кажется, что дух союзного сотрудничества подсказал бы Британскому правительству другой образ действий.

Что же касается общественного мнения в той или другой стране, то Советское правительство выражает полную уверенность в том, что правдивое изложение фактов о событиях в Варшаве даст полное основание для общественного мнения безоговорочно судить авторов варшавской авантюры и правильно понять позицию Советского правительства. Надо только постараться, чтобы общественное мнение хорошо узнало правду о событиях в Варшаве.

*Великая Отечественная война. Военно-исторические очерки.
Кн. 3. М., 1999. С. 460–461*

³⁴ Варшавское восстание 1944 года, антифашистское вооруженное выступление 1 авг. — 2 окт. в оккупированной немецкими войсками Варшаве. Было инициировано руководителями Армии крайовой в рамках разработанного польским эмигрантским правительством плана освобождения польской столицы до момента вступления в нее частей Красной Армии. В ходе восстания в бои с оккупантами вступили и некоторые части Армии людовой, находившейся в подчинении Польской рабочей партии. Восстание было слабо подготовлено и потерпело поражение. В ходе боев и террора немецких оккупантов погибло около 200 тыс. чел.; почти полностью была разрушена Варшава.

Телеграмма посла США в Советском Союзе А. Гарримана советнику президента Г. Гопкинсу по вопросу о взаимоотношениях с СССР, 9 сентября 1944 г.

Я полагаю, что в ближайшее время я должен сделать личный доклад президенту.

Теперь, когда конец войны уже близок, наши взаимоотношения с Советским Союзом претерпевают поразительные изменения. И это стало особенно очевидным за последние два месяца. Советы совершенно игнорируют наши интересы и не желают обсуждать даже насущные вопросы.

Вопрос о продолжении операции «Франтик»³⁵ в зимние месяцы мы подняли еще в конце июня, но никакой реакции не последовало. За последние несколько недель мы не получали никакого ответа и на наши запросы об аэрофотосъемке... Нет согласия на нашу просьбу о переброске грузовиков в Китай с помощью ВВС США и визите делегации генерала Икера в Плоешти, чтобы оценить результаты наших бомбовых ударов. Равнодушие к мировому общественному мнению относительно польского вопроса, их безжалостное поведение в ходе варшавского восстания хорошо объясняется следующими словами Молотова о том, что Советский Союз будет считать своими друзьями того, кто будет придерживаться советской позиции. Несмотря на все обещания Сталина, никакого серьезного планирования совместных акций за последнее время предпринято не было. Можно привести всего лишь несколько примеров. С самого начала этого года я был серьезно обеспокоен делением сталинского окружения по вопросу о будущем сотрудничестве с нами. Теперь же я чувствую, что те, кто выступает против нашего взаимодействия, уже оформили свою позицию. Эта позиция подкрепляется растущим престижем и продолжающимися успехами Красной Армии на фронте.

Советские требования к нам становятся все настойчивей... Общее настроение [советских официальных лиц] следующее — американцы обязаны помогать России, поскольку именно Россия выиграла эту войну для Америки. Я убежден, что мы можем изменить эту тенденцию. Но это произойдет только в том случае, если мы существенно изменим всю нашу политику в отношении советского правительства. Представляется, что Советы неправильно воспринимают нашу генеральную линию по отношению к ним. Они считают ее за проявление нашей слабости.

Пришло время, когда мы должны прояснить нашу позицию и высказать то, что мы ожидаем получить от Советов взамен проявленной с нашей стороны доброй воли. Иначе настанет такая ситуация, когда они начнут задирается везде, где у них существуют интересы. Их политика, несомненно, распространится на Китай и Тихий океан, когда они обратят свое внимание на этот регион. Не должно быть никаких письменных соглашений с Советами по каким-либо существенным вопросам, если в них не будет предусмотрено признание Москвой интересов других народов и политики взаимной выгоды.

Я разочарован, но не обескуражен. Задача обеспечения приличного поведения советского правительства в международных делах оказалась гораздо сложнее, чем мы предполагали. Остается, однако, один обнадеживающий фактор — 90% населения России хочет дружить с нами и в интересах России развивать такую дружбу. Наша задача — усилить влияние тех людей вокруг Сталина, которые придерживаются нашей линии, и показать самому Сталину, что, следуя жесткой политике, он наживет себе много трудностей... Я чувствую, что должен срочно и лично информировать президента о развитии событий за последнее время и высказать ему мои рекомендации. Я буду Вам признателен, если Вы обсудите вместе с президентом это послание и дадите ответ.

Library of Congress. Manuscript Division. Harriman Collection. Container 174

От Информбюро Наркоминдела СССР относительно Болгарии, 9 сентября 1944 г.

5 сентября Советский Союз разорвал отношения с Болгарией и объявил состояние войны между СССР и Болгарией. Это решение было принято Советским правительством вследствие того, что Болгария, несмотря на то что ухудшившееся военное положение Германии давало ей полную возможность разорвать

³⁵ «Франтик» — кодовое название совместной американско-советской операции по организации челночных бомбардировок ВВС США германских объектов на оккупированной территории. Полеты совершались, как правило, по маршруту: с американских баз в Италии до аэродрома под Полтавой и обратно. Первый рейд был осуществлен 2 июня 1944 года. Операция была приостановлена после того, как в конце июня 1944 г. германские ВВС уничтожили на полтавском аэродроме около 50 американских самолетов. Надобность в дальнейшем продолжении операции отпала также по объективной причине — вследствие успешного продвижения Красной Армии на запад и освобождения ее частями тех районов, которые ранее были объектами бомбардировок ВВС США.

свои отношения с Германией и покончить таким образом со своей прогерманской политикой, продолжала поддерживать отношения с Германией, укрывая немцев на болгарской территории и предоставляя им возможность создать здесь новый плацдарм для сопротивления силам союзников.

После опубликования советской ноты представители Болгарского правительства—генеральный секретарь болгарского министерства иностранных дел г. Сарафов и директор политического департамента этого министерства г. Алтынов — в ночь на 6 сентября посетили советского поверенного в делах в Софии Д. Г. Яковлева и от имени Болгарского правительства попросили уведомить Советское правительство в том, что Болгария разорвала свои отношения с Германией и что Болгарское правительство просит Советское правительство о перемирии.

Несмотря на эти официальные заявления, Болгарское правительство 6 сентября объявило только о том, что оно обратилось к Советскому правительству с просьбой о перемирии, но ничего не заявило о разрыве с Германией. Таким образом, обнаружилось противоречие между заявлением Болгарского правительства, сделанным советскому поверенному в делах в Софии, и заявлением, сделанным Болгарским правительством публично. Такое противоречивое положение не могло не вызвать у Советского правительства недоверия к позиции Болгарского правительства. Ввиду этого Советское правительство не могло приступить к рассмотрению просьбы Болгарского правительства о перемирии.

Только 7 сентября Болгарское правительство объявило, что оно разорвало отношения с Германией.

8 сентября болгарское правительство объявило войну Германии.

В настоящее время Советское правительство нашло возможным принять к рассмотрению просьбу Болгарского правительства относительно переговоров о перемирии.

Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны.

Т. II. М., 1946. С. 200–201

Соглашение о перемирии между СССР и Румынией, 12 сентября 1944 г. (извлечение)

I. Румыния с 4 часов 24 августа 1944 г. полностью прекратила военные действия против СССР на всех театрах войны, вышла из войны против Объединенных Наций, порвала отношения с Германией и ее сателлитами, вступила в войну и будет вести войну на стороне Союзных держав против Германии и Венгрии в целях восстановления своей независимости и суверенитета, для чего она выставляет не менее 12 пехотных дивизий со средствами усиления.

Военные действия румынских вооруженных сил, включая военно-морской и воздушный флот, против Германии и Венгрии будут вестись под общим руководством Союзного (Советского) Главнокомандования (...)

4. Государственная граница между СССР и Румынией, установленная советско-румынским соглашением от 28 июня 1940 года, восстанавливается...

II. Убытки, причиненные Советскому Союзу военными действиями и оккупацией Румынией советской территории, будут Румынией возмещены Советскому Союзу, причем, принимая во внимание, что Румыния не просто вышла из войны, а объявила войну и ведет ее на деле против Германии и Венгрии, Стороны улавливаются о том, что возмещение указанных убытков будет произведено Румынией не полностью, а только частично, а именно: в сумме 300 млн. амер. долларов с погашением в течение шести лет товарами (нефтепродукты, зерно, лесные материалы, морские и речные суда, различное машинное оборудование и т. п.) (...)

14. Правительство и Главное командование Румынии обязуются сотрудничать с Союзным (Советским) Главнокомандованием в деле задержания лиц, обвиняемых в военных преступлениях, и суда над ними.

15. Румынское правительство обязуется немедленно распустить находящиеся на румынской территории все прогитлеровские (фашистского типа), политические, военные, военизированные, а также другие организации, ведущие враждебную Объединенным Нациям, в частности Советскому Союзу, пропаганду, и впредь не допускать существования такого рода организаций...

19. Союзные правительства считают решение Венского арбитража несуществующим и согласны на то, чтобы Трансильвания (вся или большая часть) была возвращена Румынии, что подлежит утверждению при мирном урегулировании, причем Советское правительство согласно с тем, чтобы советские войска в этих целях приняли участие в совместных с Румынией военных операциях против Германии и Венгрии.

Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны.

Т. II. М., 1946. С. 206, 208–209

Из меморандума главы военной миссии США в Советском Союзе генерал-майора Дж. Дина послу США в СССР А. Гарриману о значении и результатах челночных бомбардировок американской авиации (операция «Франтик»), 17 сентября 1944 г.

По Вашей просьбе я представляю на Ваше рассмотрение мои комментарии относительно операции «Франтик». Первое, что я хотел бы отметить, это то, что я рассматриваю эту операцию как исключительно успешную... С другой стороны, мы не сумели использовать все возможности, которые обещал этот проект.

Главным сдерживающим фактором достижения наиболее полного успеха операции, по моему мнению, стал фактор политический, который повлиял на характер поддержки этого начинания советским правительством и генеральным штабом Красной Армии. Что касается штаба ВВС Красной Армии, то здесь мы встретили полное взаимопонимание. Однако мы заранее предвидели все возможные трудности и были готовы действовать, несмотря на сложность поставленной задачи.

Я полностью разделяю мнение, что первым и главным достоинством «Франтика» являлось создание хорошего базиса для возможного проведения в будущем более масштабных совместных операций на Дальнем Востоке. Второе — это влияние операции на моральный фактор; возможность распространения дружественных отношений на послевоенную эру. И третье — значение операции в стратегическом и тактическом отношениях для ведения войны против Германии...

Джон Р. Дин, генерал-майор армии США, глава Военной миссии США в СССР.

*Library of Congress. Manuscript Division.
Harriman Collection. Container 174*

Телеграмма посла США в Советском Союзе А. Гарримана президенту США Ф. Рузвельту о реакции советского руководства на Варшавское восстание, 23 сентября 1944 г.

Сегодня вечером я спросил у Сталина — насколько он удовлетворен ведущимися сейчас Красной Армией боями за Варшаву. Он ответил, что ведущиеся бои пока не принесли серьезных результатов. Из-за сильного огня германской артиллерии советское командование не смогло переправить свои танки через Вислу. Варшава может быть взята только в результате широкого обходного маневра на окружение. Тем не менее, по просьбе генерала Берлинга³⁶ и вопреки наилучшему использованию войск Красной Армии, четыре польских пехотных батальона все же форсировали Вислу. Однако в связи с понесенными ими большими потерями их вскоре пришлось отвести обратно. Сталин добавил, что восставшие все еще продолжают сражаться, но их борьба доставляет сейчас Красной Армии больше трудностей, чем реальной поддержки. В четырех изолированных друг от друга районах Варшавы группы повстанцев продолжают обороняться, но у них нет возможностей для наступательных действий. Сейчас в Варшаве с оружием в руках находятся около 3000 восставших, кроме того, им оказывается, где это возможно, поддержка со стороны добровольцев. Очень трудно бомбить или обстреливать немецкие позиции в городе, поскольку повстанцы находятся в тесном огневом соприкосновении и перемешаны с немецкими войсками.

В первый раз Сталин высказал при мне свои симпатии в отношении восставших. Он сказал, что командование Красной Армии имеет контакты с каждой их группой, как по радио, так и через связных, пробивающихся в город и обратно. Причины того, почему восстание началось преждевременно, теперь понятны. Дело в том, что немцы собирались депортировать из Варшавы все мужское население. Поэтому для мужчин просто не было другого выбора, как взять в руки оружие. Иначе им грозила смерть. Поэтому мужчины, входившие в повстанческие организации, начали борьбу, остальные ушли в подполье, спасая

³⁶ Берлинг Зыгмунд (1896–1980), генерал брони ПНР. В 1943–1944 командир, сформированной в СССР польской дивизии им. Т. Костюшко. С июля 1944 г. — командующий 1-й армией Войска польского.

себя от репрессий. Сталин ни разу ни упомянул при этом о лондонском правительстве, но сказал, что они нигде не могли найти генерала Бур-Комаровского³⁷. Тот, очевидно, покинул город и «командует через радиостанцию в каком-нибудь укромном месте».

Сталин сказал также, что вопреки информации, которую имеет генерал Дин, советские ВВС сбрасывают восставшим оружие, включая минометы и пулеметы, амуницию, медицинские препараты, продовольствие. Мы получаем подтверждение, что грузы попадают в назначенное место. Сталин отметил, что советские самолеты производят выброску с малых высот (300–400 метров), в то время как наши ВВС — с очень больших высот. В результате чего ветер часто уносит наши грузы в сторону и они не попадают к восставшим.

Когда была освобождена Прага [пригород Варшавы. — *Ред.*] советские войска увидели, до какой крайней степени было измучено ее гражданское население. Немцы использовали полицейских собак против простых людей, для того чтобы депортировать их из города.

Маршал всячески показывал свою озабоченность ситуацией в Варшаве и понимание действий восставших. Никакой мстительности с его стороны заметно не было. Он также объяснил, что положение в городе станет более ясным после того, как будет полностью взята Прага.

US. Library of Congress. Manuscript Division. Harriman Collection. Container 174

Телеграмма посла США в Советском Союзе А. Гарримана государственному секретарю США относительно переговоров между И. Сталиным с У. Черчиллем в октябре 1944 г.

Москва, 16 декабря 1944 г.

Балканский вопрос на англо-советских переговорах в Москве в октябре 1944 г.

Мистер Черчилль, сопровождаемый мистером Иденом и британскими начальниками штабов, посетил Москву в октябре 1944 г. Президент Рузвельт назначил меня тогда в качестве американского наблюдателя на этих переговорах. Мне не удалось присутствовать на тех встречах между Сталиным и Черчиллем, на которых обсуждался вопрос о распределении ответственности СССР и Великобритании на Балканах, поскольку Соединенные Штаты не были вовлечены в этот процесс. Однако как Черчилль, так и Иден информировали меня по ходу дела о содержании имевших место дискуссий.

Британская сторона имела намерение распределить эту ответственность в процентном отношении. Я не могу сейчас говорить о точных цифрах и подтвердить данные, приведенные вчера мистером Бевиным, но я могу вспомнить суть договоренностей, которые были достигнуты на переговорах:

1. Свобода рук для Британии в Греции;
2. Признание равных прав в Югославии;
3. Британцы были готовы признать преимущественную ответственность Советов за Болгарию и Венгрию, но только до момента окончания боевых действий против Германии. После войны за Британией и СССР в этих странах признаются равные интересы и ответственность. В то время в Лондоне, на заседаниях Европейской Консультативной комиссии обсуждались условия перемирия с Болгарией, и Иден старался добиться согласия Молотова на то, чтобы вышеупомянутый принцип нашел выражение в соглашении о перемирии. Молотов отверг это предложение, но в качестве компромисса согласился, что СССР будет иметь преимущественную ответственность до момента окончания боевых действий против Германии, а после войны позиции Великобритании и Соединенных Штатов будут укреплены до такой степени, о которой предстояло договориться.

4. Британская сторона согласилась с тем, что Советы имеют преимущественную ответственность за Румынию в течение войны и большой интерес (не определенно) к ней, чем британская сторона, в послевоенный период.

Я дал ясно понять и Черчиллю и Идену, что Соединенным Штатам нет никакого смысла ни участвовать в этих дискуссиях, ни быть каким-то образом связанными ими. Я попросил, чтобы это мнение было доведено также до советской стороны. Черчилль сказал мне, что он все это передал.

Последующие события и переговоры существенно изменили достигнутое тогда взаимопонимание. Условия перемирия для Венгрии стали примерно такими же, как и для Болгарии...

---

³⁷ Т. Бур-Комаровский (1895–1966), командующий частями Армии крайовой, поднявшими восстание в Варшаве. После поражения восстания попал в немецкий плен.

На Ялтинской конференции три державы подтвердили свою приверженность Декларации об освобожденных территориях и договоренность между Тито и Шубашичем³⁸ относительно Югославии. Великобритания и Соединенные Штаты руководствовались принципами, изложенными в этой Декларации, и поэтому оба наших правительства выступили против тех акций, которые Советы предприняли в Румынии и Болгарии. В Потсдаме главы делегаций США и Великобритании заняли совместную позицию о непризнании образованных к тому времени правительств Румынии и Болгарии. Эта позиция была подтверждена и на конференции в Лондоне. Дух договоренности между Тито и Шубашичем был разрушен самим Тито. Шубашич впоследствии вышел из правительства. В Греции интересы Советов напрямую не сталкивались с британской политикой. Однако коммунистическая партия Греции активно противостояла этой политике. Впоследствии официальная советская пресса критиковала события, происходившие там. Советскому правительству была предложена возможность принять участие в наблюдении за ходом греческих выборов. Но советская сторона ею не воспользовалась.

Исходя из всего этого становится ясно, что события, случившиеся после октября 1944 г., свели на нет достигнутое тогда взаимопонимание между британской и советской стороной. И сейчас невозможно предположить, каким именно образом обе эти стороны могут считать себя связанными теми договоренностями.

*Library of Congress. Manuscript Division.
Harriman Collection. Container 174*

Из меморандума посла США в Советском Союзе А. Гарримана о его встречах с президентом Рузвельтом между 24 октября и 18 ноября 1944 г.³⁹

(...) Во время нашей первой встречи [24 октября] я имел возможность рассказать президенту в деталях о политических аспектах визита премьер-министра Черчилля в Москву. В общих чертах я затронул военные вопросы... вопрос о Польше (...)

Далее я сообщил о договоренностях относительно Балкан и о том, что венгерский вопрос остается пока открытым. Президент неизменно выказывал свою малую заинтересованность в восточноевропейских делах, за исключением тех моментов, которые могли оказать влияние на настроения населения в самой Америке. В одной из наших последующих бесед, уже после выборов, он сказал, что хотел больше времени посвятить тихоокеанскому региону. Он считает европейские вопросы настолько сложными, что лучше стоять от них подальше, по крайней мере ограничиться проблемами, которые напрямую относятся к Германии...

Президент говорил о предвыборной кампании и сказал (действительно ли он в это верил или нет — я не смог понять), что по количеству голосов претенденты будут стоять близко друг от друга и что он не уверен в своей окончательной победе. Хотя есть шансы, что ему удастся собрать большинство... Президент выглядел достаточно хорошо, но бросалось в глаза, что он сильно похудел со дня нашей последней встречи в мае. Появившиеся морщины еще более старили его лицо. Однако он держался бодро, не теряя присутствия духа...

Наша вторая встреча произошла вскоре после выборов, 9 ноября. Президент был уставшим, но достаточно расслабленным. Он много говорил о прошедшей кампании...

В части нашей беседы, посвященной польскому вопросу, президент стал развивать фантастическую идею о том, что Сталин мог бы согласиться с предложением оставить город Львов Польше. Город будет представлять собой как бы польский остров посреди украинских фермерских полей. Управлять им будет специальный международный комитет. Окончательное решение статуса Львова будет решено в ходе плебисцита. Я постарался объяснить президенту, что это практически невозможно — иметь капиталистический город посреди социалистической страны. На что он ответил, что крестьяне могли бы приезжать в город и продавать там свою продукцию за рубли. Я снова стал объяснять президенту, что в СССР большая часть распределения фермерской продукции контролируется государством, что ее свободная продажа в городе

---

³⁸ **Тито, Броз Тито И.** (1892–1980), государственный, военный и политический деятель Югославии. С 1937 г. возглавил коммунистическую партию Югославии (КПЮ). Во время войны 1941–1945 возглавил Народно-освободительную армию Югославии. В 1943–1945 — председатель Национального комитета освобождения Югославии. С 1945 г. председатель временного правительства, министр обороны и верховный главнокомандующий; **Шубашич** — премьер-министр югославского правительства в эмиграции.

³⁹ А. Гарриман находился в Вашингтоне с 21 октября по 19 ноября 1944 г. (в этот период завершилась президентская кампания и прошли выборы) с целью лично высказать Рузвельту свое мнение о необходимости ужесточения американской политики в отношении СССР.

просто невозможна, не говоря уже о других, чисто политических трудностях. Я старался, как мог, убедить президента в правоте моих слов до тех пор, пока ему все это не надоело и он не сказал, что я просто не желаю помечтать вместе с ним (...)

Во время нашего третьего разговора, 10 ноября... я получил возможность обсудить с президентом планы Сталина относительно участия Красной Армии в войне на Тихом океане. Когда я ему рассказал о предполагающейся кампании русских, об их наступлении через монгольскую пустыню с целью захвата Пекина и раздробления японских войск в Маньчжурии и Китае, президент спросил — «если русские войдут туда, выйдут ли они затем оттуда?». Я ответил, что они, русские, конечно выйдут, если политика Генералиссимуса будет как-то соотносываться с концепцией Сталина. (Я продолжил развивать свое мнение по этому вопросу в своих последующих беседах с президентом)...

Я снова встретился с президентом 17 ноября во время ланча... Мы беседовали всего минут сорок, но еще ни разу до этого я не получал такого удовлетворения от нашего разговора. Он четко придерживался затронутой проблематики и говорил о способах решения насущных вопросов.

Я объяснил, почему, собственно говоря, я думаю, что Сталин так обеспокоен разрешением противоречий между Генералиссимусом и коммунистами. Дело в том, что когда Сталин начнет свое наступление против Японии, коммунисты будут обеспечивать безопасность его правого фланга. По моему мнению, мы найдем в лице Сталина сторонника оказания определенного давления на коммунистов для того, чтобы они пришли к некоему разумному компромиссу с Генералиссимусом еще до начала русской кампании. Если же, однако, компромисса достичь не удастся, то я боюсь, что мы получим в Китае такую ситуацию, которая будет напоминать положение Тито в Югославии (...)

Я снова объяснил президенту, что Сталин хочет консолидации всех китайских сил, их большей агрессивности в войне против Японии. Консолидация нужна также и для обеспечения стабильного развития самого Китая. С другой стороны, Сталин, видимо, не верит, что такой консолидации можно достичь без наличия более либеральной политики Чан-Кайши в отношении обеспечения благополучия китайского народа, без устранения в его правительстве взяточничества и т. д.

Президент, казалось, воспринял мое мнение и согласился, что наши цели в главном совпадают. Однако он добавил, что методы достижения этих целей могут быть различными. Мы могли бы быть более терпеливыми. Он одобрил мое предложение спросить Сталина — какого рода политическое соглашение он желал бы иметь еще до своего вступления в войну против Японии. Я сказал, что вряд ли с его стороны будут какие-либо сюрпризы, и что условия в основном останутся такими же, что были высказаны в Тегеране и после него. Но я думаю, что русские пожелают также ликвидации положений Портсмутского мирного договора и предоставления им свободного железнодорожного сообщения к незамерзающим портам на Тихом океане. Договоренности насчет Кореи также могут вызвать трудности. Несомненно, однако, что наибольшую проблему между нами и русскими составит вопрос о политическом будущем самого Китая. Я напомнил президенту, что Молотов приветствовал нашу экономическую поддержку Китая и выразил интерес к улучшению экономического положения в стране как во время, так и после войны. С другой стороны, русские сейчас не желают идти на реальный компромисс с Генералиссимусом, по крайней мере до тех пор, пока он не изменит генеральную линию своей политики...

Президент снова сказал о том, что русские могли бы сделать жест доброй воли в отношении передачи Львова полякам. Он отметил, что окончательное решение этого вопроса могло бы быть отложено лет на десять, после чего в этом районе возможно было бы провести плебисцит. Теперь я более подробно объяснил президенту, что Сталин вряд ли пойдет на такой шаг. Сталин прекрасно понимает, что нельзя вначале внедрить социализм на какой-либо территории, а затем отменить его. Единственный надежный способ погасить ростки предубеждения и ненависти между поляками и русскими — это основать формальные и дружественные отношения между Польшей и Россией. Но наибольшую опасность для этого процесса будет иметь как раз неразрешенный вопрос о границе. Он станет служить постоянным раздражителем во взаимоотношениях между двумя странами. Вот почему Сталин хочет определиться с этим вопросом именно сейчас.

Президент, как мне показалось, первый раз за все время уловил мою мысль и добавил, что не имел бы никаких возражений против «линии Керзона», если сами поляки, русские и англичане придут к взаимному соглашению относительно этого вопроса. Однако, поскольку Миколайчик хочет, чтобы он (президент) был посредником, то он одобрил мое обращение к Сталину, в котором я бы постарался объяснить советскому лидеру, почему было бы лучше, если бы Львов передавался Польше...

Моя последняя беседа с президентом прошла во время ланча в субботу, 18 ноября. На ней присутствовал также Г. Гопкинс. Цель нашей дискуссии состояла в том, чтобы выработать решение о наилучшем использовании судов для перевозки грузов в дальневосточные порты России... Гопкинс старался убедить президента в необходимости уже в декабре переориентировать 16 судов для выполнения этой работы. Однако президент выразил желание пока подождать и ознакомиться со всеми обстоятельствами дела. Тем не менее президент обещал мне, что он будет держать этот вопрос под своим контролем и сделает все возможное для передачи

этих судов. Я сделал упор на... важности такого шага для всей войны на Тихом океане и подчеркнул, что если мы откажемся от этого, то Сталин может подумать, что мы не заинтересованы в его участии в боевых действиях в тихоокеанском регионе. Это несомненно окажет влияние на характер его политики.

Президент сказал, что он не беспокоится за график наших операций на Тихом океане. Но разгром Японии без помощи России стал бы чрезвычайно тяжелой задачей, решение которой потребовало бы большой крови. И мы должны сделать все возможное, чтобы помочь Сталину в его планах. Но и Эйзенхауэр также должен поддерживаться всеми возможными способами...

ПРИМЕЧАНИЯ К МЕМОРАНДУМУ:

Мне совсем не кажется, что во время моих встреч с президентом я смог убедить его в необходимости поддержания бдительной и формальной политики, когда речь идет о развитии политической ситуации в ряде восточноевропейских государств. Государственный департамент, однако, отлично понимает необходимость такой политики, без которой вся Восточная и Центральная Европа могут оказаться под влиянием, если не под полным контролем Советской России. При нашей с президентом встрече в мае 1944 г. он сказал мне, что его не беспокоит проблема — будет или нет в странах, граничащих с Советским Союзом, введен коммунистический режим. В своих телеграммах президенту, которые я посылал ему в течение лета 1944 г., я старался прояснить свою позицию. Однако во время наших последних бесед мне не удалось заострить его внимание на этом вопросе (...)

За ланчем, 18 ноября, президент сказал, что он не разделяет оптимизм генерала Маршалла относительно ведущегося сейчас наступления на Западном фронте. Максимум, чего сейчас мы можем достичь, так это прорваться к Рейну. Но он не видит, каким именно способом мы можем окончательно разбить германскую армию, поскольку Рейн и возвышенности, находящиеся за ним, представляют собой большое препятствие. Дальнейшее наступление потребует новой и более тщательной подготовки (...)

Library of Congress. Manuscript Division. Harriman Collection. Container 175

Послание У. Черчилля И. Сталину по вопросу отставки правительства Миколайчика, 3 декабря 1944 г.

1. Я виделся с г-ном Миколайчиком, который объяснил мне причину своей отставки. Короче говоря, положение дел было таково, что он не мог рассчитывать на поддержку его политики со стороны влиятельных групп своего кабинета и поэтому не был в состоянии на настоящей стадии заключить соглашение на основе переговоров между нами во время нашей недавней встречи в Москве.

2. Теперь делаются попытки сформировать другое польское правительство, в котором г-н Миколайчик, г-н Ромер и посол Рачинский отказались участвовать. Смена премьер-министров не затрагивает официальных отношений между государствами. Стремление правительства Его Величества к восстановлению сильной и независимой Польши, дружественной по отношению к России, остается неизменным. Нам приходится иметь дело с Польским правительством по практическим вопросам, и в особенности по вопросу управления значительными польскими вооруженными силами, насчитывающими свыше 80 000 прекрасных бойцов, находящихся под нашим оперативным командованием. Эти войска вносят теперь заметный вклад в военные усилия Объединенных Наций в Италии, Голландии и в других местах. Наше отношение к любому новому польскому правительству должно быть поэтому корректным, хотя оно, конечно, будет холодным. С таким правительством у нас, конечно, не может быть таких же близких отношений, преисполненных доверия, какие у нас были с г-ном Миколайчиком или с его предшественником, покойным генералом Сикорским, и мы сделаем все, что в наших силах, для обеспечения того, чтобы деятельность этого правительства не создавала угрозы единству между союзниками.

3. Предполагают, что подобное правительство, даже когда оно будет сформировано, продержится недолго. И в самом деле, после моих бесед с г-ном Миколайчиком я не был бы удивлен, если бы увидел его снова у власти с возросшим престижем и с необходимыми полномочиями для выполнения программы, обсуждавшейся между нами в Москве. Такой исход был бы тем более благоприятным, что своей отставкой г-н Миколайчик самым убедительным образом показал, что он и его друзья являются поборниками хороших отношений Польши с Россией.

4. Поэтому я надеюсь, что Вы согласитесь с тем, что следует использовать наше соответственное влияние на поляков здесь и на поляков в Люблине, чтобы помешать любым шагам любой из сторон, которые могли бы усилить напряжение между ними и таким образом затруднить задачу г-на Миколайчика, когда он, как я надеюсь, снова возьмется за нее в недалеком будущем. Он настроен оптимистически, и он по-прежнему

очень хочет достичь удовлетворительного решения вопроса. Я не вижу причин, почему бы он не вышел из этого кризиса в качестве деятеля еще более необходимого, чем ранее, для дела восстановления Польши.

3 декабря 1944 года.

Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 1. М., 1986. С. 324–325

Послание И. Сталина У. Черчиллю о советской позиции в отношении Миколайчика, 8 декабря 1944 г.

Ваше послание о г-не Миколайчике получил.

За время, прошедшее после последней встречи с г-ном Миколайчиком в Москве, стало ясно, что он не способен помочь разрешению польских дел. Напротив, выяснилась его отрицательная роль. Выяснилось, что его переговоры с Польским Национальным Комитетом служат прикрытием для тех элементов, которые из-за его спины вели преступную террористическую работу против советских офицеров и вообще против советских людей на территории Польши. Мы не можем мириться с таким положением. Мы не можем мириться с тем, что поощряемые польскими эмигрантами террористы убивают наших людей в Польше, ведут преступную борьбу против советских войск, освобождающих Польшу. В этих людях мы видим союзников нашего общего врага, а их радиопереписка с г-ном Миколайчиком, которую мы перехватили у арестованных на территории Польши агентов польских эмигрантов, разоблачает не только их коварные планы, но и бросает тень на самого г-на Миколайчика и его людей. Министерские перестановки в польском эмигрантском правительстве теперь не представляют серьезного интереса. Это все то же топтание на месте людей, оторвавшихся от национальной почвы, не имеющих связей с польским народом. В то же время Польский Комитет Национального Освобождения сделал серьезные успехи в укреплении своих национальных, демократических организаций на территории Польши, в практическом проведении земельной реформы в пользу крестьян, в расширении организации своих польских войск и пользуется у польского населения большим авторитетом.

Я считаю, что теперь наша задача заключается в том, чтобы поддержать Польский Национальный Комитет в Люблине и всех тех, кто хочет и способен работать вместе с ним. Это особенно важно для союзников, имея в виду задачу ускорить разгром немцев.

8 декабря 1944 года.

Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Т.1. М., 1986. С. 328

Объявление Венгерским временным национальным правительством войны Германии, 28 декабря 1944 г.

(...) Венгерский народ с самого начала осудил ту преступную войну, которую незаконно, без одобрения парламента начало правительство Бардоши⁴⁰ против Советского Союза и других демократических государств. Эта война, в которой погибли сотни тысяч венгерских солдат, резко противоречит интересам и традициям венгерского народа и служит исключительно делу немцев. В дополнение к тому же Германия 19 марта 1944 года из-за угла напала на Венгрию и оккупировала ее. Свои злодеяния против нашей Родины Германия завершила тем, что 15 октября 1944 г. путем вооруженного путча поставила у власти презренного венгерским народом предателя Салаши⁴¹, чтобы тем самым помешать заключению перемирия между Венгрией и демократическими державами.

⁴⁰ Бардоши Л. (1890–1946), в 1941–1942 гг. председатель совета министров Венгрии (одновременно министр иностранных дел). Правительство Бардоши порвало 23 июня 1941 г. дипломатические отношения с СССР и 27 июня 1941 г. объявило войну СССР. Казнен по приговору народного суда.

⁴¹ Салаши Ф. (1897–1946), до Второй мировой войны офицер генштаба, лидер венгерских фашистов. В 1944–1945 гг. председатель совета министров на не освобожденной от немецких оккупантов территории Венгрии. В 1946 г. приговорен народным судом Венгрии к смертной казни как военный преступник.

Немцы лишили Венгрию независимости, втоптали в грязь венгерский национальный суверенитет, бросили в тюрьмы и казнили тысячи венгерских патриотов, разграбили венгерское национальное имущество, разорили и опустошили страну. Венгерскую молодежь угнали в Германию, венгерским женщинам приказывают рыть окопы, венгерские воинские части включают в немецкую армию и принуждают их проливать кровь за дело немцев.

Принимая во внимание все это, Временное национальное правительство⁴² на основе полномочий, полученных им для осуществления своей программы от Временного национального собрания, осуществляя волю венгерского народа, денонсирует все соглашения, заключенные с фашистской Германией, разрывает все контакты с ней и объявляет ей войну. Временное национальное правительство заявляет, что будет продолжать войну (мобилизуя все ресурсы страны) на стороне Советского Союза и его союзников до тех пор, пока Союзные державы не достигнут полной победы над Германией. Только эта победа может обеспечить независимость Венгрии. Временное национальное правительство доводит до сведения венгерского народа, что с целью заключения перемирия оно обратилось к правительству Советского Союза и правительствам союзных с Советским Союзом держав.

Хрестоматия по новейшей истории. Т. 2. М., 1960. С. 437

Из послания У. Черчилля Ф. Рузвельту о военно-стратегической ситуации на фронтах войны к концу 1944 г., 6 декабря 1944 г.

Поскольку мы не можем встретиться, я считаю, что для меня настало время обратить Ваше внимание на серьезную и разочаровывающую военную ситуацию, с которой мы сталкиваемся в конце этого года. Хотя на западном фронте было одержано много прекрасных тактических побед и захвачены такие «трофеи», как Мец и Страсбург, фактически нам не удалось выполнить стратегическую задачу, которую мы возложили на свои армии пять недель тому назад. Мы еще не достигли Рейна в северной части и на самом важном участке фронта и должны будем вести крупнейшую битву еще много недель, прежде чем сможем надеяться достичь Рейна и создать там свои плацдармы. Но и тогда нам придется продвигаться дальше к Германии.

В Италии немцы все еще держат на нашем фронте 26 дивизий, по численности равных, вероятно, полным 16 дивизиям, если не больше. Однако они могут в любое время отступить через Бреннер и Любляну и значительно сократить свою линию фронта, удерживая ее от озера Гарда, скажем, до устья реки Адидже. Таким путем они могут спасти половину войск, которые они держат в Италии, и использовать их для обороны самой Германии. Кроме того, есть еще Альпы, куда они могут отступить, чтобы сохранить еще больше своих солдат. Мне кажется, что причиной, по которой они так долго остаются в Италии, может быть стремление выручить свои 12 дивизий, находящихся на Балканах, которые теперь пробивают себе путь в Венгрию и Австрию. Если не считать операций с воздуха, действий партизан и небольших отрядов «коммандос», то других способов помешать им в этом нет, и, как я считаю, большей части этих войск удастся спастись. Около половины из них немцы, вероятно, добавят к тем войскам, которые могут быть выведены из Италии. Это явится мощным подкреплением для самой Германии, которое можно будет использовать в зависимости от хода событий либо на востоке, либо на западе.

Мы получили значительные преимущества для битвы на главном фронте в результате операции «Драгун»⁴³, но причина, по которой 15-я группа армий не смогла нанести решительное поражение Кессельрингу⁴⁴, состоит в том, что из-за задержки, вызванной ослаблением наших войск ради операции «Драгун», мы не смогли пройти Апеннины, пока не затопило долину реки По. Таким образом, мы не сумели использовать превосходство своих бронетанковых войск ни в горах, ни на равнине (...)

Широкие операции, проведенные вами на Тихом океане, являются в настоящее время единственным театром войны, где мы не пребываем временно в состоянии зстоя.

---

⁴² В сентябре 1944 г. Красная Армия вступила на территорию Венгрии. 22 декабря 1944 г. в Дебрецене образовалось Временное национальное правительство, которое 28 декабря объявило войну Германии. Красная Армия завершила освобождение Венгрии в начале апреля 1945 г.

⁴³ «Драгун» — операция по высадке союзников на средиземноморском побережье Франции (15 авг. — 3 сент. 1944 г.).

⁴⁴ Кессельринг А. (1885–1960), генерал-фельдмаршал немецкой армии (1940). С 1940 г. командующий 2-м воздушным флотом. С дек. 1941 г. главнокомандующий немецкими войсками Юго-Запада (Средиземноморье-Италия). С марта по май 1945 г. главнокомандующий немецкими войсками Запада (Зап. Германия). До 1952 г. в плену у союзников.

К счастью, мы можем учитывать намерения русских. Сталин обещал нам провести зимнюю кампанию, которая, как я предполагаю, начнется в январе. На большей части своего колоссального фронта он, по-видимому, отдыхал и готовился, хотя против Эйзенхауэра были переброшены оттуда только примерно три-четыре немецкие дивизии. Я не имею возможности определить масштабы последних наступлений, развернутых им к юго-западу от Будапешта. Но мы можем, я думаю, ожидать больше помощи от этих и других действий русских, чем мы получали в последнее время, а положение у немцев настолько тяжелое, что любой крупный прорыв может привести их к частичному, если не к полному краху.

Я попытался сделать обзор обстановки в целом с точки зрения ее масштабов и пропорций, и мне стало ясно, что нам при той или иной степени вероятности приходится ожидать:

- а) значительной затяжки достижения, а тем более форсирования Рейна на кратчайшем пути к Берлину;
- б) некоторого застоя в Италии;
- в) отхода на родину большей части немецких войск с Балканского полуострова;
- г) срыва наших планов в Бирме;
- д) выхода Китая из числа воюющих стран.⁴⁵

Когда мы сопоставляем эти реальные факты с радужными надеждами, которые питают наши народы, несмотря на наши общие усилия умерить их, отчетливо возникает вопрос: «Что же нам теперь делать?»

Мое беспокойство усиливается еще больше из-за крушения всех надежд на нашу скорейшую встречу втроем и отсрочки на неопределенное время нашей с Вами новой встречи вместе с нашими штабами. Наши, британские, планы зависят от ваших, наши англо-американские проблемы по меньшей мере должны быть пересмотрены в целом, а телеграф и телефон слишком часто только вносят путаницу в наши консультации. Поэтому, если Вы сами не сможете приехать до февраля, я считаю необходимым спросить Вас, не сочтете ли Вы возможным прислать как можно скорее своих начальников штабов сюда, где они будут находиться поблизости от ваших главных сил и от генерала Эйзенхауэра и где можно будет спокойно и терпеливо изучить всю бурную обстановку в целях принятия таких же согласованных мер, какими ознаменовались наши кампании в 1944 году.

*Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны /
Пер. с англ. — М.: ТЕППА, 1995. С. 693–696*

Переписка И. Сталина и У. Черчилля по вопросу советской помощи союзным экспедиционным силам в период сражений в Арденнах⁴⁶, 6–7 января 1945 г.

А.) ПОСЛАНИЕ У. ЧЕРЧИЛЛЯ И. В. СТАЛИНУ, 6 января 1945 г.

На Западе идут очень тяжелые бои, и в любое время от Верховного командования могут потребоваться большие решения. Вы сами знаете по Вашему собственному опыту, насколько тревожным является положение, когда приходится защищать очень широкий фронт после временной потери инициативы. Генералу Эйзенхауэру очень желательно и необходимо знать в общих чертах, что Вы предполагаете делать, так как это, конечно, отразится на всех его и наших важнейших решениях. Согласно полученному сообщению, наш эмиссар главный маршал авиации Теддер вчера вечером находился в Каире, будучи связанным погодой. Его поездка сильно затянулась не по Вашей вине. Если он еще не прибыл к Вам, я буду благодарен, если Вы сможете сообщить мне, можем ли мы рассчитывать на крупное русское наступление на фронте Вислы или где-нибудь в другом месте в течение января и в любые другие моменты, о которых Вы, возможно, пожелаете упомянуть. Я никому не буду передавать этой весьма секретной информации, за исключением фельдмаршала Брука и генерала Эйзенхауэра, причем лишь при условии сохранения ее в строжайшей тайне. Я считаю дело срочным.

⁴⁵ Во второй половине 1944 г. японские войска провели в Китае ряд успешных наступательных операций, заняли обширные территории в центральных и южных районах страны, и поставили тем самым гоминдановские войска в крайне тяжелое положение.

⁴⁶ После того как 16 декабря 1944 г. немецкие войска нанесли внезапный удар в Арденнах, силы союзников были поставлены в тяжелое положение. 6 января 1945 г. У. Черчилль от имени Англии и США обратился к СССР с просьбой о помощи. Ставка ВГК, верная союзническому долгу, передвинула сроки начала зимнего наступления Красной Армии с 20 на 12 января. После известия о том, что советские войска перешли в широкое наступление, немецкое командование начало переброску ряда соединений с запада на восток, что способствовало стабилизации фронта в Арденнах.

Б.) ПОСЛАНИЕ И. В. СТАЛИНА У. ЧЕРЧИЛЛЮ, 7 января 1945 г.

Получил вечером 7 января Ваше послание от 6 января 1945 года.

К сожалению, главный маршал авиации г-н Теддер еще не прибыл в Москву.

Очень важно использовать наше превосходство против немцев в артиллерии и авиации. В этих видах требуется ясная погода для авиации и отсутствие низких туманов, мешающих артиллерии вести прицельный огонь. Мы готовимся к наступлению, но погода сейчас не благоприятствует нашему наступлению. Однако, учитывая положение наших союзников на западном фронте, Ставка Верховного главнокомандования решила усиленным темпом закончить подготовку и, не считаясь с погодой, открыть широкие наступательные действия против немцев по всему центральному фронту не позже второй половины января. Можете не сомневаться, что мы сделаем все, что только возможно сделать для того, чтобы оказать содействие нашим славным союзным войскам.

Переписка Председателя Совета министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. I. М., 1957. С. 298–299

Конференция руководителей трех союзных держав — Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании в Крыму, 4–12 февраля 1945 г. (извлечение из решений Ялтинской (Крымской) конференции)

Разгром Германии

Мы рассмотрели и определили военные планы трех союзных держав в целях окончательного разгрома общего врага. Военные штабы трех союзных наций в продолжение всей конференции ежедневно встречались на совещаниях. Эти совещания были в высшей степени удовлетворительны со всех точек зрения и привели к более тесной координации военных усилий трех союзников, чем это было когда-либо раньше. Был произведен взаимный обмен самой полной информацией. Были полностью согласованы и детально спланированы сроки, размеры и координации новых и еще более мощных ударов, которые будут нанесены в сердце Германии нашими армиями и военно-воздушными силами с востока, запада, севера и юга (...)

Оккупация Германии и контроль над ней

Мы договорились об общей политике и планах принудительного осуществления условий безоговорочной капитуляции, которые мы совместно предпишем нацистской Германии после того, как германское вооруженное сопротивление будет окончательно сокрушено. Эти условия не будут опубликованы, пока не будет достигнут полный разгром Германии. В соответствии с согласованным планом вооруженные силы трех держав будут занимать в Германии особые зоны. Планом предусмотрены координированная администрация и контроль, осуществляемые через Центральную Контрольную Комиссию, состоящую из главнокомандующих трех держав, с местом пребывания в Берлине. Было решено, что Франция будет приглашена тремя державами, если она этого пожелает, взять на себя зону оккупации и участвовать в качестве четвертого члена в Контрольной Комиссии. Размеры французской зоны будут согласованы между четырьмя заинтересованными правительствами через их представителей в Европейской Консультативной Комиссии.

Нашей непреклонной целью является уничтожение германского милитаризма и нацизма и создание гарантии в том, что Германия никогда больше не будет в состоянии нарушить мир всего мира. Мы полны решимости разоружить и распустить все германские вооруженные силы, раз и навсегда уничтожить германский генеральный штаб, который неоднократно содействовал возрождению германского милитаризма, изъять или уничтожить все германское военное оборудование, ликвидировать или взять под контроль всю германскую промышленность, которая могла бы быть использована для военного производства; подвергнуть всех преступников войны справедливому и быстрому наказанию и взыскать в натуре возмещение убытков за разрушения, причиненные немцами; стереть с лица земли нацистскую партию, нацистские законы, организации и учреждения; устранить всякое нацистское и милитаристское влияние из общественных учреждений, из культурной и экономической жизни германского народа и принять совместно такие другие меры к Германии, которые могут оказаться необходимыми для будущего мира и безопасности всего мира. В наши цели не входит уничтожение германского народа. Только тогда, когда нацизм и милитаризм будут искоренены, будет надежда на достойное существование для германского народа и место для него в сообществе наций.

Репарации с Германии

Мы обсудили вопрос об ущербе, причиненном в этой войне Германией союзным странам, и признали справедливым обязать Германию возместить этот ущерб в натуре в максимально возможной мере. Будет создана комиссия по возмещению убытков, которой поручается также рассмотреть вопрос о размерах и способах возмещения ущерба, причиненного Германией союзным странам. Комиссия будет работать в Москве.

Конференция Объединенных Наций

Мы решили в ближайшее время учредить совместно с нашими союзниками всеобщую международную организацию для поддержания мира и безопасности. Мы считаем, что это существенно как для предупреждения агрессии, так и для устранения политических, экономических и социальных причин войны путем тесного и постоянного сотрудничества всех миролюбивых народов. Основы были заложены в Думбартон-Оксе. Однако по важному вопросу о процедуре голосования там не было достигнуто соглашения. На настоящей конференции удалось разрешить это затруднение. Мы согласились на том, что 25 апреля 1945 года в Сан-Франциско в Соединенных Штатах будет созвана конференция Объединенных Наций для того, чтобы подготовить устав такой организации соответственно положениям, выработанным во время неофициальных переговоров в Думбартон-Оксе.

С правительством Китая и Временным правительством Франции будут немедленно проведены консультации и к ним будет направлено обращение принять участие совместно с правительствами Соединенных Штатов, Великобритании и Союза Советских Социалистических Республик в приглашении других стран на конференцию. Как только консультации с Китаем и Францией будут закончены, текст предложений о процедуре голосования будет опубликован.

Декларация об освобожденной Европе

(...) Премьер Союза Советских Социалистических Республик, премьер-министр Соединенного Королевства и президент Соединенных Штатов Америки консультировались между собой в общих интересах народов своих стран и народов освобожденной Европы. Они совместно заявляют о том, что они договорились между собой согласовывать в течение периода временной неустойчивости в освобожденной Европе политику своих трех правительств в деле помощи народам, освобожденным от господства нацистской Германии, и народам бывших государств — сателлитов «оси» в Европе при разрешении ими демократическими способами их насущных политических и экономических проблем.

Установление порядка в Европе и переустройство национально-экономической жизни должно быть достигнуто таким путем, который позволит освобожденным народам уничтожить последние следы нацизма и фашизма и создать демократические учреждения по их собственному выбору. В соответствии с принципом Атлантической хартии о праве всех народов избирать форму правительства, при котором они будут жить, должно быть обеспечено восстановление суверенных прав и самоуправления для тех народов, которые были лишены этого агрессивными нациями путем насилия.

Для улучшения условий, при которых освобожденные народы могли бы осуществлять эти права, три правительства будут совместно помогать народам в любом освобожденном европейском государстве или в бывшем государстве — сателлите «оси» в Европе, где, по их мнению, обстоятельства этого потребуют: а) создавать условия внутреннего мира, в) проводить неотложные мероприятия по оказанию помощи нуждающимся народам, с) создавать временные правительственные власти, широко представляющие все демократические элементы населения и обязанные возможно скорее установить путем свободных выборов правительства, отвечающие воле народа, д) способствовать, где это окажется необходимым, проведению таких выборов...

Этой декларацией мы снова подтверждаем нашу веру в принципы Атлантической хартии, нашу верность декларации Объединенных Наций и нашу решимость создать в сотрудничестве с другими миролюбивыми нациями построенный на принципах права международный порядок, посвященный миру, безопасности, свободе и всеобщему благосостоянию человечества.

Издавая настоящую декларацию, три державы выражают надежду, что Временное правительство Французской Республики может присоединиться к ним в предложенной процедуре.

О Польше

Мы собрались на Крымскую конференцию разрешить наши разногласия по польскому вопросу. Мы полностью обсудили все аспекты польского вопроса. Мы вновь подтвердили наше общее желание видеть установленной сильную, свободную, независимую и демократическую Польшу, и в результате наших переговоров мы согласились об условиях, на которых новое Временное польское правительство Национального Единства будет сформировано таким путем, чтобы получить признание со стороны трех главных держав.

Достигнуто следующее соглашение:

Новое положение создается в Польше в результате полного освобождения ее Красной Армией. Это требует создания Временного польского правительства, которое имело бы более широкую базу, чем это

было возможно раньше, до недавнего освобождения западной части Польши. Действующее ныне в Польше Временное правительство должно быть поэтому реорганизовано на более широкой демократической базе с включением демократических деятелей из самой Польши и поляков из-за границы. Это новое правительство должно затем называться Польским Временным правительством Национального Единства...

Когда Польское Временное правительство Национального Единства будет сформировано должным образом в соответствии с вышеуказанным, правительство СССР, которое поддерживает в настоящее время дипломатические отношения с нынешним Временным правительством Польши, правительство Соединенного Королевства и правительство США установят дипломатические отношения с новым Польским Временным правительством Национального Единства и обменяются послами, по докладам которых соответствующие правительства будут осведомлены о положении в Польше.

Главы трех правительств считают, что восточная граница Польши должна идти вдоль «линии Керзона» с отступлением от нее в некоторых районах от пяти до восьми километров в пользу Польши. Главы трех правительств признают, что Польша должна получить существенное приращение территории на севере и на западе. Они считают, что по вопросу о размере этих приращений в надлежащее время будет опрошено мнение нового Польского правительства Национального Единства и что вслед за тем окончательное определение западной границы Польши будет отложено до мирной конференции.

О Югославии

Мы признали необходимым рекомендовать маршалу Тито и д-ру Шубашичу немедленно ввести в действие заключенное между ними соглашение и образовать Временное объединенное правительство на основе этого соглашения.

Было решено также рекомендовать, чтобы новое югославское правительство, как только оно будет создано, заявило:

1. что антифашистское вече Национального Освобождения Югославии будет расширено за счет включения членов последней югославской скупщины, которые не скомпрометировали себя сотрудничеством с врагом, и, таким образом, будет создан орган, именуемый Временным парламентом;

2. что законодательные акты, принятые антифашистским вече Национального Освобождения, будут подлежать последующему утверждению учредительным собранием.

Был также сделан общий обзор других балканских вопросов.

Совещания министров иностранных дел

(...) На конференции было достигнуто соглашение о том, что должен быть создан постоянный механизм для регулярной консультации между тремя министрами иностранных дел...

Единство в организации мира, как и в ведении войны

Наше совещание в Крыму вновь подтвердило нашу общую решимость сохранить и усилить в предстоящий мирный период то единство целей и действий, которое сделало в современной войне победу возможной и несомненной для Объединенных Наций. Мы верим, что это является священным обязательством наших правительств перед своими народами, а также перед народами мира.

Только при продолжающемся и растущем сотрудничестве и взаимопонимании между нашими тремя странами и между всеми миролюбивыми народами может быть реализовано высшее стремление человечества — прочный и длительный мир, который должен, как говорится в Атлантической хартии, «обеспечить такое положение, при котором все люди во всех странах могли бы жить всю свою жизнь, не зная ни страха, ни нужды».

Победа в этой войне и образование предполагаемой международной организации предоставят самую большую возможность во всей истории человечества для создания в ближайшие годы важнейших условий такого мира.

Известия. 1945. 18 февраля

Ялтинское секретное соглашение трех великих держав по вопросам Дальнего Востока, 11 февраля 1945 г.⁴⁷

Руководители трех великих держав — Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании — согласились в том, что через два–три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе Советский Союз вступит в войну против Японии на стороне союзников при условии:

⁴⁷ Текст выработан на Ялтинской (Крымской) конференции 11 февраля 1945 г.

1. Сохранения status quo Внешней Монголии (Монгольской Народной Республики).
2. Восстановления принадлежавших России прав, нарушенных вероломным нападением Японии в 1904 г., а именно:

а) возвращения Советскому Союзу южной части о. Сахалина и всех прилегающих к нему островов,
б) интернационализации торгового порта Дайрена с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза в этом порту и восстановления аренды на Порт-Артур как на военно-морскую базу СССР,
в) совместной эксплуатации Китайско-Восточной железной дороги и Южно-Маньчжурской железной дороги, дающей выход на Дайрен, на началах организации смешанного Советско-китайского общества с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза, при этом имеется в виду, что Китай сохраняет в Маньчжурии полный суверенитет.

3. Передачи Советскому Союзу Курильских островов. Предполагается, что соглашение относительно Внешней Монголии и вышеупомянутых портов и железных дорог потребует согласия генералиссимуса Чан Кайши. По совету маршала И. В. Сталина президент примет меры к тому, чтобы было получено такое согласие.

Главы правительств трех великих держав согласились в том, что эти претензии Советского Союза должны быть безусловно удовлетворены после победы над Японией.

Со своей стороны Советский Союз выражает готовность заключить с Национальным Китайским правительством пакт о дружбе и союзе между СССР и Китаем для оказания ему помощи своими вооруженными силами в целях освобождения Китая от японского ига.

11 февраля 1945 года

Иосиф Сталин

Франклин Рузвельт

Уинстон Черчилль

Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны.

Т. 3. М., 1947. С. 111–112

Заявление правительства СССР о желании денонсировать Пакт о нейтралитете с Японией, 5 апреля 1945 г.

Пакт о нейтралитете между Советским Союзом и Японией был заключен 13 апреля 1941 г., т. е. до нападения Германии на СССР и до возникновения войны между Японией, с одной стороны, и Англией и Соединенными Штатами Америки — с другой. С того времени обстановка изменилась в корне. Германия напала на СССР, а Япония, союзница Германии, помогает последней в ее войне против СССР. Кроме того, Япония воюет с США и Англией, которые являются союзниками Советского Союза. При таком положении Пакт о нейтралитете между Японией и СССР потерял смысл, и продление этого пакта стало невозможным.

В силу сказанного выше и в соответствии со статьей 3-й упомянутого Пакта, предусматривающей право денонсации за один год до истечения пятилетнего срока действия пакта, Советское правительство настоящим заявляет правительству Японии о своем желании денонсировать Пакт от 13 апреля 1941 года.

Известия. 1945. 6 апреля

Меморандум администрации по внешней экономике США⁴⁸ относительно поставок в СССР по ленд-лизу, 9 февраля 1945 г.

Администратор Кроули сделал следующее заявление относительно оказанной Советскому Союзу помощи по ленд-лизу:

Советские армии продолжают перемалывать нацистские силы на Восточном фронте, используя миллионы тонн произведенного в Америке и поставленного в СССР по ленд-лизу военного имущества и снаряжения.

⁴⁸ 28 октября 1941 г. президент США Ф. Рузвельт учредил Администрацию по ленд-лизу во главе с крупным бизнесменом Э. Стеттиниусом (с 1944 г. госсекретарь США). В сентябре 1943 г. ее преобразовали в Администрацию по внешней экономике под началом Л. Кроули, которая осуществляла контроль за программой ленд-лиза, за ведением экономической войны и за программой помощи иностранным государствам.

Советские официальные лица неоднократно подчеркивали значение помощи по ленд-лизу для развития военных успехов Красной Армии. Конечно, трудно сравнивать общий объем произведенных нами поставок с тотальными нуждами Советского Союза. Однако по некоторым категориям продукции они имели важное значение для Красной Армии — например, по грузовым машинам, локомотивам и т. д. Транспортное оборудование сейчас имеет особенное значение, поскольку линии советских коммуникаций расширяются все дальше на запад — в глубину вражеской территории. С момента начала программы по ленд-лизу для Красной Армии по 1 декабря 1944 г. в СССР было поставлено более чем 331 тыс. автомобилей, включая 45 тыс. «джипов». На некоторых фронтах Красной Армии количество наших транспортных средств превышает 50%. По ленд-лизу было поставлено также около 29 тыс. мотоциклов. С января 1944 г. началась программа по поставкам в СССР железнодорожного оборудования. После Сталинграда нацисты систематически разрушали советское железнодорожное полотно, транспортное оборудование, локомотивы. Продукция советских предприятий не могла возместить понесенные в результате этого потери. К ноябрю 1944 г. мы поставили в СССР 1045 локомотивов, 7164 вагонов, 1000 грузовых платформ и 100 цистерн. Эти поставки достигли своего пика в ноябре 1944 г.; только за этот месяц мы переправили в СССР 1367 вагонов. Проблема замены рельсов стала одной из главных. К ноябрю 1944 г. Советам было поставлено 2 млн. 120 тыс. тонн стали, из них 478 тыс. тонн для замены рельсов, 110 тыс. тонн железнодорожных колес и осей... Мы также поставили 253 тыс. тонн алюминия, 314 тыс. тонн латуни и 65 тыс. тонн других металлов, содержащих медь.

К 30 ноября 1944 г. в СССР было поставлено следующее количество военной техники и вооружения: 12200 самолетов (наибольшее число по сравнению с другими странами), 135 тыс. пулеметов, 294 тыс. тонн взрывчатки, 6 тыс. танков, 1800 самоходных орудий, 13 тыс. пистолетов, 3300 бронетранспортеров, 8200 орудий различных калибров (включая противотанковые), 5500 артиллерийских тягачей. Кроме того, СССР получил 1 млн. 300 тыс. тонн нефтепродуктов и 638 тыс. тонн химикатов. С помощью ленд-лиза была решена и проблема обмундирования советских частей на фронте, остро вставшая перед Красной Армией в результате потери и разрушения многих заводов и фабрик. К ноябрю 1944 г. в СССР было поставлено 11 млн. пар армейских ботинок, 97 млн. ярдов хлопчатобумажных тканей, 50 млн. ярдов шерстяных изделий...

*Library of Congress. Manuscript Division.
Harriman Collection. Container 176*

Из воспоминаний фельдмаршала Монтгомери о заключительном этапе войны в Европе, весна 1945 г.

(...) Конец войны в Европе.

Однажды (весной 1945 г. — *Ред.*), когда наши войска находились на Рейне, я начал обсуждать будущие оперативные планы с Эйзенхауэром. Мы встречались с ним несколько раз. Я всегда считал взятие Берлина приоритетной задачей, поскольку Берлин — это политический центр, и если бы нам удалось опередить русских, нам было бы легче разговаривать с ними в послевоенные годы... В своем письме ко мне, датированном 15 сентября 1944 г., Эйзенхауэр согласился со мной в том, что германская столица играет большое значение, и писал следующее: «Ясно, что Берлин — это главный приз. Нет никакого сомнения, что мы должны сконцентрировать всю нашу энергию и ресурсы на быстром наступлении на Берлин». Но сейчас между нами не было согласия. Его последняя точка зрения была выражена в послании, которое он отправил мне 31 марта 1945 г., и заканчивалось оно следующим образом: «...Что касается меня, то я считаю, что Берлин становится не чем иным, как географическим названием, и я уже не заинтересован в нем. Моя цель — разгромить силы врага и подавить его способность к сопротивлению».

Для меня было бесполезно настаивать на своем. У нас было так много аргументов по главному вопросу, но в любом случае было уже слишком поздно. После победы в Нормандии я придерживался того мнения, что окончательный разгром германской армии — дело нескольких месяцев.

Следовательно, главной нашей задачей после поражения Германии было установление приемлемого для нас и западных наций баланса сил в Европе, который поможет выиграть мир. Это означало, что мы должны завладеть политическими центрами Европы, особенно Веной, Прагой и Берлином, раньше русских. Если бы политические лидеры Запада отдавали высокие директивы должным образом и давали подходящие инструкции Верховному командованию, мы бы захватили все эти три столицы раньше русских. Но что же случилось? Мы потеряли возможность завладеть Веной, когда было решено десантировать наши силы в Южной Франции (операция «Драгун»⁴⁹). Войска для этой операции были взяты у фельдмаршала Александра

---

⁴⁹ «Драгун» (до 27 июля «Энвил») — кодовое название Южнофранцузской десантной операции союзников (15 августа — 3 сентября 1944 г.).

в Италии, и это затормозило его операцию. Следует заметить, что Сталин от всего сердца одобрял высадку в Южной Франции. Еще бы! Это давало ему возможность занять Вену раньше нас!

Что касается Праги, то Третья американская армия была остановлена на Восточном фронте Чехословакии в конце апреля по причинам, мне не совсем понятным. Когда наконец в начале мая им разрешили пересечь фронт, пишет Брэдли в своих «Записках солдата», им было приказано не продвигаться дальше Пльзени, «потому, что Чехословакия уже была предназначена Красной Армии для освобождения». Он добавил, что если бы Главнокомандование союзных войск в Европе отозвало свой приказ, Паттон, «возможно, мог бы быть в Праге через 24 часа».

Берлин был потерян для нас, когда мы оказались не в состоянии осуществить наш основательно подготовленный оперативный план в августе 1944 г. после победы в Нормандии. Американцы не могли понять, что было мало пользы из того, что мы выиграем войну стратегически, если проиграем ее политически. Из-за их странной позиции нам был нанесен ущерб в канун Дня Победы в Европе, и мы все еще продолжаем нести от этого определенные потери. Война — это политический инструмент. Понятно, что вы надеетесь на победу и политические соображения должны накладывать отпечаток на дальнейший курс. Осенью 1944 г. мне стало ясно, что трудности, которые появились во время войны, останутся с нами и после ее окончания. Мне стало казаться, что мы собираемся «испоганить» наше дело. Я полагаю, мы это и сделали (...)

Оставив Рейн позади, мы устремились на Балтику. Моей целью было оказаться там до того, как русские приложат все усилия, чтобы войти в Данию, и тем самым получат контроль над балтийским побережьем. Для того чтобы ускорить наступление, дивизии оперировали на большой глубине, концентрируясь на узких участках для нанесения ударов. Колонны бронетехники охватили очаги сопротивления врага, которые были атакованы с флангов или тыла войсками, шедшими позади.

По мере того как мы продвигались на восток, премьер-министр и Эйзенхауэр проявляли все большую озабоченность тем, смогу ли я предотвратить вторжение русских в Шлезвиг-Гольштейн, а затем оккупацию ими Дании. Оба направили мне послания об этом (...)

Мы достигли Балтики в районе городов Висмар и Любек 2 мая, и тем самым заблокировали датский полуостров за 6 часов до того, как туда прибыли русские. Мы создали Восточный фронт от Висмара на Балтике до Эльбы в районе Домица. Немецкие войска и гражданское население пытались как можно скорее достичь этого фронта, спасаясь от русских. Наш Западный фронт тянулся от Любека до района к западу от Бад-Олдеслоу и далее к югу до Эльбы. Между восточным и западным фронтами наблюдались беспорядки и хаос, дороги были заполнены германскими солдатами и гражданским населением, бежавшими с востока. Между 2 и 3 мая Вторая армия взяла в плен около полумиллиона человек.

Интересно рассмотреть разницу между двумя основными катастрофами, которые потерпели немцы от рук западных союзников с июня 1944 года. В августе 1944 г. они понесли поражение в Нормандии, но им позволили восстановить свои силы, и они смогли организовать и вооружить новые дивизии. Поражение, которое они потерпели в марте-апреле 1945 г., было несравнимо с поражением в Нормандии. Они понесли такие значительные потери в живой силе, и утратили такую территорию, что не могли уже более сформировать и вооружить новые дивизии. Теперь они навсегда потеряли возможность восстановить свои коммуникации и динамично использовать свои силы. Поэтому они утратили цель войны, и она подошла к своему логическому завершению. Гитлеровская Германия стояла перед лицом полной катастрофы (...)

Montgomery B. L. The Memoirs of Field-marshal the Vicount Montgomery of Alamein, K. G. L., 1958

Телеграмма Ф. Рузвельта У. Черчиллю относительно позиции советского правительства, занятой им после Ялтинской конференции, 29 марта 1945 г.

(...) Я также с беспокойством и озабоченностью наблюдал за изменением позиции Советов после Крымской конференции. Я очень остро чувствую опасности, которыми чревато нынешнее развитие событий не только для решения текущих проблем и выполнения наших решений, принятых на Крымской конференции, но также для конференции в Сан-Франциско⁵⁰ и для будущего всемирного сотрудничества. Наши народы и народы всего мира с тревогой и надеждой следят за тем, насколько честно выполняются решения, принятые нами в Крыму. Мы (и, я знаю, вы также) не намерены уклоняться от выполнения обязательств, взятых в связи с этими решениями. Согласен с Вами, что мы должны использовать все возможное, чтобы

---

⁵⁰ Сан-Францисская конференция 1945 года 50 государств — учредителей Организации Объединенных Наций (ООН), состоялась 25 апреля — 26 июня 1945 года. На ней был выработан окончательный текст Устава ООН.

показать советскому правительству исключительно большую важность такого же отношения с его стороны. По этой причине, а также учитывая масштабы стоящих перед нами проблем, я считаю важным, чтобы мы сами твердо основывались на решениях Крымской конференции и не позволяли никаким иным соображениям затуманивать эти проблемы. Я особенно много раздумываю об этом в связи с переговорами о Польше.

Вы помните, что соглашение о Польше, достигнутое в Ялте, представляло собой компромисс между советской позицией, смысл которой состоит в том, что люблинское правительство просто должно быть «расширено», и нашим мнением, суть которого заключается в том, что следует начать все сначала и содействовать формированию совершенно нового польского правительства. Формулировки соглашения отражают этот компромисс. Но если мы попытаемся уйти от того факта (явно видного из соглашения), что мы придавали несколько большее значение люблинским полякам, чем представителям двух других групп, из которых должно быть сформировано новое правительство, мы можем, как мне кажется, сделать себя уязвимыми перед обвинениями в попытке нарушить крымские решения. Из этого отнюдь не следует — и тут мы должны быть непреклонны, — что в силу указанного преимущества люблинская группа может присвоить себе право определять, кого из поляков из двух других групп следует приглашать для консультаций. По этим причинам я глубоко убежден, что мы должны прежде всего довести дело до развязки по вопросу, который явно предусмотрен ялтинским соглашением, а именно о нашем праве призвать для консультаций группу польских лидеров, имеющую действительно представительный характер, а так же то, что комиссия, и только комиссия может решать, кто из поляков представляет общественные круги. Наши послы в Москве, по-видимому, согласны, что мы должны далее действовать на основе переделанного ими варианта наших нот, призванного совместить наши основополагающие инструкции с пунктами, выдвинутыми Молотовым. Вместе с тем они предельно ясно заявят, что мы ни в малейшей мере не отошли от других пунктов наших инструкций от 19 марта и вернемся к ним на следующем этапе...

И вместе с тем я согласен с Вами, что пришло время поставить непосредственно перед Сталиным вопрос о более широких аспектах советской позиции (особенно отметив польскую проблему), и в следующей телеграмме я сообщу текст послания, которое я предлагаю направить Сталину.

Надеюсь, что Вы сообщите свое мнение как можно скорее.

Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны /Пер. с англ. — М.: ТЕРРА, 1995. С. 777–779

Телеграмма У. Черчилля Ф. Рузвельту о необходимости занятия западными союзниками жесткой позиции в отношении СССР, 5 апреля 1945 г.

На Вашу телеграмму № 734⁵¹.

1. Я поражен тем, что Сталин направил Вам послание, столь оскорбительное для чести Соединенных Штатов, а также и Великобритании. Правительство Его Величества совершенно согласно с Вашим ответом, а военный кабинет поручил мне направить Сталину послание, приводимое в следующей моей телеграмме к Вам.⁵²

2. Я почти уверен, что советские лидеры, кто бы это ни был, удивлены и расстроены быстрым продви-

⁵¹ В этой телеграмме, датированной 4 апреля, Рузвельт направил Черчиллю текст телеграммы Сталина от 3 апреля и свой ответ на нее. Касаясь ставшей известной советскому командованию информации о контактах американских и немецких представителей в Берне (Швейцария), Сталин писал: «Надо полагать, что Вас не информировали полностью. Что касается моих военных коллег, то они, на основании имеющихся у них данных, не сомневаются в том, что переговоры были и они закончились соглашением с немцами, в силу которого немецкий командующий на Западном фронте маршал Кессельринг согласился открыть фронт и пропустить на восток англо-американские войска, а англо-американцы обещались за это облегчить для немцев условия перемирия» (Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1957. Т. II. С. 204). В ответном послании Рузвельт повторил то, что он ранее сообщал о встречах в Берне, добавив следующее: «Я полностью доверяю генералу Эйзенхауэру и уверен, что он, конечно, информировал бы меня, прежде чем вступить в какое-либо соглашение с немцами... Я уверен, что в Берне никогда не происходило никаких переговоров... Наконец, я хотел бы сказать, что если бы как раз в момент победы, которая теперь уж близка, подобные подозрения, подобное отсутствие доверия нанесли ущерб всему делу после колоссальных жертв — людских и материальных, — то это было бы одной из величайших трагедий в истории. Откровенно говоря, я не могу не чувствовать крайнего негодования в отношении Ваших информаторов, кто бы они ни были, в связи с таким гнусным, неправильным описанием моих действий или действий моих доверенных подчиненных». (FRUS. 1945, Vol. 3. P. 745–746).

⁵² В телеграмме Сталину от 5 апреля 1945 г. Черчилль утверждал, что в Швейцарии не было никаких переговоров о военной капитуляции армии Кессельринга в Италии, а просьба о переговорах, с которой обратился генерал СС Вольф была одной из тех попыток, которые предпринимаются врагом с целью сеять недоверие между союзниками (Переписка. Т. 1. С. 359–361).

жением союзных армий на западе и почти тотальным поражением противника на нашем фронте, особенно потому, что, как они сами говорят, они не смогут нанести решающий удар до середины мая. Все это делает особенно важным, чтобы мы встретились с русскими армиями как можно дальше на востоке и, если обстоятельства позволят, вступили в Берлин.

3. Позвольте напомнить Вам, что мы предложили — и полагали, что это предложение было принято шесть недель назад, — границы временных оккупационных зон в Австрии. Но после Ялты русские не прислали своего подтверждения по поводу этих зон. Теперь, когда они не сегодня-завтра возьмут Вену и, очень может быть, оккупируют всю Австрию, с нашей стороны было бы весьма разумно удержать как можно большую территорию на севере.

4. Мы всегда должны быть настороже: не является ли грубость русских посланий предвестником каких-то глубоких перемен в политике, перемен, к которым они готовятся? В целом я склонен думать, что это лишь их естественная форма выражения, когда они находятся в замешательстве или испытывают зависть. Именно по этой причине мне представляется исключительно важным, чтобы наши страны в данной ситуации заняли твердую и жесткую позицию, с тем чтобы прояснить обстановку и чтобы русские поняли, что нашему терпению есть предел. По-моему, это наилучший шанс спасти положение на будущее. Если они когда-нибудь придут к заключению, что мы их боимся и что нас можно подчинить запугиванием, то я потеряю всякую надежду на наши будущие отношения с ними и на многое другое.

*Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны /
Пер. с англ. — М.: ТЕРРА, 1995. С. 793–794*

Послание И. Сталина Ф. Рузвельту относительно контактов западных союзников с немецким командованием, 7 апреля 1945 г.

ЛИЧНО И СЕКРЕТНО ОТ ПРЕМЬЕРА И. В. СТАЛИНА ПРЕЗИДЕНТУ г-ну Ф. РУЗВЕЛЬТУ, 7.04.1945.

Получил Ваше послание от 5 апреля.

1. В моем послании от 3 апреля речь идет не о честности и надежности. Я никогда не сомневался в Вашей честности и надежности, так же как и в честности и в надежности г-на Черчилля. У меня речь идет о том, что в ходе переписки между нами обнаружилась разница во взглядах на то, что может позволить себе союзник в отношении другого союзника и чего он не должен позволить себе. Мы, русские, думаем, что в нынешней обстановке на фронтах, когда враг стоит перед неизбежностью капитуляции, при любой встрече с немцами по вопросам капитуляции представителей одного из союзников должно быть обеспечено участие в этой встрече представителей другого союзника. Во всяком случае, это безусловно необходимо, если этот союзник добивается участия в такой встрече. Американцы же и англичане думают иначе, считая русскую точку зрения неправильной. Исходя из этого, они отказали русским в праве на участие во встрече с немцами в Швейцарии. Я уже писал Вам и считаю не лишним повторить, что русские при аналогичном положении ни в коем случае не отказали бы американцам и англичанам в праве на участие в такой встрече. Я продолжаю считать русскую точку зрения единственно правильной, так как она исключает всякую возможность взаимных подозрений и не дает противнику возможности сеять среди нас недоверие.

2. Трудно согласиться с тем, что отсутствие сопротивления со стороны немцев на западном фронте объясняется только лишь тем, что они оказались разбитыми. У немцев имеется на восточном фронте 147 дивизий. Они могли бы без ущерба для своего дела снять с восточного фронта 15–20 дивизий и перебросить их на помощь своим войскам на западном фронте. Однако немцы этого не сделали и не делают. Они продолжают с остервенением драться с русскими за какую-то малоизвестную станцию Земляницу в Чехословакии, которая им столько же нужна, как мертвому припарки, но безо всякого сопротивления сдают такие важные города в центре Германии, как Оснабрюк, Мангейм, Кассель. Согласитесь, что такое поведение немцев является более чем странным и непонятным.

3. Что касается моих информаторов, то, уверяю Вас, это очень честные и скромные люди, которые выполняют свои обязанности аккуратно и не имеют намерения оскорбить кого-либо. Эти люди многократно проверены нами на деле. Судите сами. В феврале этого года генерал Маршалл дал ряд важных сообщений Генеральному Штабу советских войск, где он на основании имеющихся у него данных предупреждал русских, что в марте месяце будут два серьезных контрудара немцев на восточном фронте, из коих один будет направлен из Померании на Торн, а другой — из района Моравска Острава на Лодзь. На деле, однако, оказалось, что главный удар немцев готовился и был осуществлен не в указанных выше районах, а в совершенно другом районе, а именно в районе озера Балатон, юго-западнее Будапешта. Как известно теперь, в этом

районе немцы собрали до 35 дивизий, в том числе 11 танковых дивизий. Это был один из самых серьезных ударов за время войны, с такой большой концентрацией танковых сил. Маршалу Толбухину удалось избежать катастрофы и потом разбить немцев наголову, между прочим потому, что мои информаторы раскрыли, правда, с некоторым опозданием, этот план главного удара немцев и немедленно предупредили о нем маршала Толбухина. Таким образом, я имел случай еще раз убедиться в аккуратности и осведомленности советских информаторов.

Для Вашей ориентировки в этом вопросе прилагаю письмо Начальника Генерального Штаба Красной Армии генерала армии Антонова на имя генерал-майора Дина.⁵³

Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Т.2. М., 1986

Из заявления советского правительства об Австрии, 9 апреля 1945 г.

Советское правительство не преследует цели приобретения какой-либо части австрийской территории или изменения социального строя Австрии. Советское правительство стоит на точке зрения Московской декларации союзников о независимости Австрии. Оно будет проводить в жизнь эту декларацию. Оно будет содействовать ликвидации режима немецко-фашистских оккупантов и восстановлению в Австрии демократических порядков и учреждений. Верховным Главнокомандованием Красной Армии дан приказ советским войскам оказать свое содействие в этом деле австрийскому населению...

Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны. Т. III. М., 1947. С. 171

Сообщение из Белого дома о смерти президента США Ф. Д. Рузвельта, 12 апреля 1945 г.

Вашингтон, 12 апреля. Сегодня вечером из Белого дома пришло сообщение о том, что президент Рузвельт скончался от кровоизлияния в мозг. Смерть произошла во второй половине дня, в Уорм Спрингс, Джорджия. В заявлении Белого дома говорится:

«Вице-президент Трумэн был поставлен в известность. Миссис Рузвельт попросила его приехать в Белый дом и рассказала о случившемся. О смерти президента был уведомлен госсекретарь. Было собрано заседание кабинета. Четверым сыновьям Рузвельта, находившимся на службе, было также послано сообщение от их матери. В нем говорится, что сегодня во второй половине дня президент покинул нас. Он продолжал работать до самого конца, так как он того и хотел. „Благодарю всех вас и вашу любовь“, — добавлено в письме миссис Рузвельт. И подпись: „Мама“.

Траурная церемония состоится в субботу во второй половине дня в Восточном зале Белого дома. Погребение произойдет в воскресенье в Гайд Парке после обеда. Пока нет точной информации о всех деталях траурных мероприятий и их точном времени».

New York Times. 1945. April 12

Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Польской Республикой, 21 апреля 1945 г. (извлечение)

Статья 1. Высокие Договаривающиеся Стороны будут продолжать вместе со всеми Объединенными Нациями борьбу против Германии до окончательной победы. В этой борьбе Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются оказывать друг другу военную и другую помощь всеми имеющимися в их распоряжении средствами.

Статья 2. Высокие Договаривающиеся Стороны, уверенные в том, что интересы безопасности и процветания советского и польского народов требуют сохранения и усиления в период и после окончания войны прочной и постоянной дружбы, будут укреплять дружеское сотрудничество между обеими странами

---

⁵³ Не публикуется.

в соответствии с принципами взаимного уважения к их независимости и суверенитету, а также невмешательства во внутренние дела другого государства.

Статья 3. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются и по окончании настоящей войны с Германией предпринимать совместно все меры, находящиеся в их распоряжении, для устранения любой угрозы повторения агрессии со стороны Германии или какого-либо другого государства, которое объединилось бы с Германией непосредственно или в какой-либо иной форме. Для достижения этой цели Высокие Договаривающиеся Стороны будут участвовать в духе самого искреннего сотрудничества во всех международных действиях, направленных к тому, чтобы обеспечить мир и безопасность народов, и будут полностью вносить свой вклад в дело осуществления этих высоких целей.

Осуществление настоящего Договора Высокими Договаривающимися Сторонами будет сообразоваться с международными принципами, в принятии которых участвовали обе Договаривающиеся Стороны.

Статья 4. В случае если одна из Высоких Договаривающихся Сторон в послевоенный период окажется вовлеченной в военные действия с Германией, которая возобновила бы свою агрессивную политику, или с каким-либо другим государством, которое объединилось бы с Германией непосредственно или в какой-либо иной форме в такой войне, другая Высокая Договаривающаяся Сторона немедленно окажет Договаривающейся Стороне, вовлеченной в военные действия, военную и другую помощь и поддержку всеми средствами, находящимися в ее распоряжении.

Статья 5. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются не заключать без взаимного согласия перемирия или мирного договора ни с гитлеровским правительством, ни с какой-либо другой властью в Германии, посягающей или которая посягала бы на независимость, территориальную целостность или безопасность каждой из Высоких Договаривающихся Сторон.

Статья 6. Каждая из Высоких Договаривающихся Сторон обязуется не заключать какого-либо союза и не принимать участия в какой-либо коалиции, направленной против другой Высокой Договаривающейся Стороны.

Статья 7. Высокие Договаривающиеся Стороны будут и после окончания настоящей войны сотрудничать в духе дружбы в целях дальнейшего развития и укрепления экономических и культурных связей между обеими странами и помогать друг другу в восстановлении хозяйства обеих стран.

Статья 8. ...Настоящий договор останется в силе в течение 20 лет с момента его подписания.

Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XI. М., 1955. С. 21–23

Пояснительная записка директора управления стратегических служб У. Донована президенту США Г. Трумэну к меморандуму о возможном развитии отношений между США и СССР в послевоенное время, 5 мая 1945 г.⁵⁴

ПРЕЗИДЕНТУ, 5 мая 1945 г.

Приложенный к этой записке Меморандум подготовлен нашей Организацией [Управление стратегических служб. — *Ред.*] по запросу председателя Объединенного комитета стратегических исследований.

Меморандум посвящен в основном будущим взаимоотношениям между Соединенными Штатами и Россией. Его основной тезис заключен в следующем — главная цель Соединенных Штатов состоит сегодня в том, чтобы убедить Россию, что, с одной стороны, США готовы понимать и прислушиваться к проблемам СССР, но, с другой, готовы продемонстрировать решимость отстаивать собственные интересы. В меморандуме заостряется внимание на необходимости прогнозирования ситуации еще до того, как она станет критической. Для каждого конкретного примера ее развития предлагается наиболее подходящий компромисс, основанный на взаимодействии трех держав — США, России и Великобритании. Однако подчеркивается, что, возможно, мы будем не в состоянии ожидать, пока России полностью обнаружит свои намерения, и должны предпринять определенные меры для обеспечения собственной безопасности.

В Меморандуме делается предположение, что в течение ближайших 10–15 лет Россия будет избегать своего вовлечения в новый большой конфликт. Если в течение этого периода Америка будет проводить ясную и четко выраженную непровокационную линию, то для России это может послужить сдерживающим фактором.

⁵⁴ Меморандум, который предворяла настоящая пояснительная записка, был подготовлен еще 2 апреля 1945 г. и предназначался для президента США Ф. Рузвельта, умершего 12 апреля 1945 года. Сам текст меморандума не публикуется.

Решающее значение будет иметь такое разрешение германского вопроса, которое будет удовлетворять интересам как СССР, так и Америки, в сфере которой находятся западноевропейские страны. Это обеспечило бы значительный противовес влиянию России. В Меморандуме предлагается сделать все возможное для поддержки в западноевропейских странах экономического благосостояния и популярных демократических режимов, которые во взаимодействии с Великобританией и Соединенными Штатами стремились бы создать баланс позиции России.

Если же военные представители почувствуют, что в ближайшие годы западные демократии не смогут выстоять против России, то возникнет необходимость уйти из Европы и обратить все силы на защиту нашего Западного полушария.

Поэтому необходимо предусмотреть следующие шаги:

1. Укрепление существующих и организацию новых баз в Атлантике;
2. Организацию совместной оборонной системы для всех американских стран. Этот пункт подчеркивается особо, поскольку побережье Южной Америки открыто для вторжения, и кроме того, она является важным источником сырья для нашей военной промышленности.

Что касается Азии, документ заостряет внимание на следующем обстоятельстве — мы не можем игнорировать тот факт, что после разгрома Японии Россия станет на Дальнем Востоке еще более грозной силой. В подобных обстоятельствах в интересах Соединенных Штатов будет проводить в этом регионе политику, отличную от той, что рекомендована по отношению к Европе. В меморандуме подчеркивается, что в интересах нашей безопасности будет укрепление американских позиций на островах Тихого океана.⁵⁵

У. Донован

National Archive of United States (Archive II). RG 226. M 1642. Reel 25

Из заключения начальников штабов Великобритании относительно плана войны против СССР (плана «Немыслимое»), 8 июня 1945 г.⁵⁶

«Премьер-министру

В соответствии с Вашими инструкциями мы рассмотрели наши потенциальные возможности оказания давления на Россию путем угрозы или применения силы. Мы ограничиваемся тем, о чем свидетельствуют конкретные факты и цифры. Мы готовы обсудить их с Вами, если Вы того пожелаете.

а) Сухопутные войска

Русская дивизия отличается по своему составу от дивизии союзников. Поэтому мы пересчитали русские дивизии на их британских эквивалент. Наша оценка общего соотношения сил в Европе по состоянию на 1 июля:

<i>Союзники</i>		<i>Русские</i>
США	64 дивизии	
Британия и доминионы	35 дивизий	
Польша	4 дивизии	
Всего	264 дивизии	103 дивизии (в т. ч. 36 танковых)

⁵⁵ Вопрос о возможных отношениях с Россией после войны в то время широко прорабатывался в американских официальных кругах. По этому поводу существовали различные точки зрения. Так, заместитель государственного секретаря Д. Грю писал в меморандуме правительству 18 мая 1945 г.: «Будущая война с Россией очевидна, как может быть что-нибудь еще очевиднее на нашей земле. Она может разразиться в ближайшие несколько лет. Нам следует поэтому поддерживать в готовности наши вооруженные силы... Мы должны настаивать на контроле над стратегическим вооружением и морскими базами». (Grew G., *The Turbulent Era*. V. 2. N. Y., 1952. P. 1446.)

⁵⁶ 22 мая 1945 г. Объединенный штаб планирования военного кабинета Великобритании подготовил по поручению У. Черчилля (время поручения приблизительно середина апреля 1945 г.) план экстренной операции «Немыслимое». В плане сформулированы цели, направления ударов западных союзников против Красной Армии, и вероятные результаты операции. План был представлен на рассмотрение Комитета начальников штабов, который 8 июня 1945 г. дал свое заключение, приводящееся ниже. Реакцией Черчилля на ответ начальников штабов было новое задание — подготовить план обороны Британских островов на случай, «если американцы отведут свои войска в зоны (оккупации. — Ред.) и отправят остальные силы обратно в США...»

б) Военно-воздушные силы

Союзники (число самолетов)	Союзники		Русские (число самолетов)	
	тактическая авиация	стратегическая авиация	тактическая авиация	стратегическая авиация
США	3480	1008		
Британия и доминионы	2370	1722		
Польша	198	20		
Всего	6048	2750	11 802	960

Превосходство в численности русской авиации будет в течении определенного времени компенсироваться значительным превосходством союзников в ее управлении и эффективности, особенно стратегической авиации. Однако после определенного периода времени операций наши воздушные силы будут серьезно ослаблены из-за недостатка в восполнении самолетов и экипажей.

в) Военно-морские силы

Союзники безусловно могут обеспечить доминирующее превосходство своих сил на море.

3. Из соотношения сухопутных сил сторон ясно, что мы не располагаем возможностями наступления с целью достижения быстрого успеха. Учитывая, однако, что русские и союзные сухопутные войска соприкасаются от Балтики до Средиземного моря, мы должны быть готовы к операциям на сухопутном театре (...)

4. Поэтому мы считаем, что, если начнется война, достигнуть быстрого ограниченного успеха будет вне наших возможностей и мы окажемся втянутыми в длительную войну против превосходящих сил. Более того, превосходство этих сил может непомерно возрасти, если возрастет усталость и безразличие американцев и их оттянет на свою сторону магнит войны на Тихом океане (...)

Начальник Имперского генерального штаба фельдмаршал А. Брук (...)

*Опубл. в: Ржешевский О. Военные планы У. Черчилля в 1945 г.
// Новая и новейшая история. 1999*

Устав Организации Объединенных Наций, принятый в Сан-Франциско, 26 июня 1945 г. (извлечение)

(...) Мы, народы Объединенных Наций, преисполненные решимости избавить грядущие поколения от бедствий войны, дважды в нашей жизни принесшей человечеству невыразимое горе, и вновь утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности, в равноправие мужчин и женщин и в равенство прав больших и малых наций, и создать условия, при которых могут соблюдаться справедливость и уважение к обязательствам, вытекающим из договоров и других источников международного права, и содействовать социальному прогрессу и улучшению условий жизни при большей свободе, и в этих целях проявлять терпимость и жить вместе, в мире друг с другом, как добрые соседи, и объединить наши силы для поддержания международного мира и безопасности, и обеспечить принятием принципов и установлением методов, чтобы вооруженные силы применялись не иначе, как в общих интересах, и использовать международный аппарат для содействия экономическому и социальному прогрессу всех народов, решили объединить наши усилия для достижения этих целей.

Согласно этому наши соответственные правительства через представителей, собравшихся в городе Сан-Франциско, предъявивших свои полномочия, найденные в надлежащей форме, согласились принять настоящий Устав Организации Объединенных Наций и настоящим учреждают международную организацию под названием «Объединенные Нации».

Глава I. ЦЕЛИ И ПРИЧИНЫ

Статья 1. Организация Объединенных Наций преследует цели:

1. Поддерживать международный мир и безопасность и с этой целью принимать эффективные коллективные меры для предотвращения и устранения угрозы миру и подавления актов агрессии или других нарушений мира и проводить мирными средствами в согласии с принципами справедливости и международного

права улаживание или разрешение международных споров или ситуаций, которые могут привести к разрушению мира;

2. Развивать дружественные отношения между нациями на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов, а также принимать другие соответствующие меры для укрепления всеобщего мира;

3. Осуществлять международное сотрудничество в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера и в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии;

4. Быть центром для согласования действий наций в достижении этих общих целей.

Статья 2. Для достижения целей, указанных в статье 1, Организация и ее Члены действуют в соответствии со следующими принципами:

1. Организация основана на принципе суверенного равенства всех ее Членов;

2. Все Члены Организации Объединенных Наций добросовестно выполняют принятые на себя по настоящему Уставу обязательства, чтобы обеспечить им всем в совокупности права и преимущества, вытекающие из принадлежности к составу Членов Организации;

3. Все Члены Организации Объединенных Наций разрешают свои международные споры мирными средствами таким образом, чтобы не подвергать угрозе международный мир, безопасность и справедливость;

4. Все Члены Организации Объединенных Наций воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с целями Объединенных Наций;

5. Все Члены Организации Объединенных Наций оказывают ей всемерную помощь во всех действиях, предпринимаемых ею в соответствии с настоящим Уставом, и воздерживаются от оказания помощи любому государству, против которого Организация Объединенных Наций предпринимает действия превентивного или принудительного характера...

7. Настоящий Устав ни в коей мере не дает Организации Объединенных Наций права на вмешательство в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию любого государства, и не требует от Членов Организации Объединенных Наций представлять такие дела на разрешение в порядке настоящего Устава; однако этот принцип не затрагивает применения принудительных мер на основании главы VII.

Глава II. ЧЛЕНЫ ОРГАНИЗАЦИИ

Статья 3. Первоначальными Членами Организации Объединенных Наций являются государства, которые, приняв участие в конференции в Сан-Франциско по созданию международной организации или ранее подписав Декларацию Объединенных Наций от 1 января 1942 года, подписали и ратифицировали настоящий Устав...

Статья 4. 1. Прием в Члены Организации открыт для всех других миролюбивых государств, которые примут на себя содержащиеся в настоящем Уставе обязательства и которые, по суждению Организации, могут и желают эти обязательства выполнять...

Статья 6. Член Организации, систематически нарушающий принципы, содержащиеся в настоящем Уставе, может быть исключен из Организации Генеральной Ассамблеей по рекомендации Совета Безопасности.

Глава III. ОРГАНЫ

Статья 7. 1. В качестве главных органов Организации Объединенных Наций учреждаются: Генеральная Ассамблея, Совет Безопасности, Экономический и Социальный совет, Совет по опеке, Международный суд и Секретариат.

2. Вспомогательные органы, которые окажутся необходимыми, могут учреждаться в соответствии с настоящим Уставом.

Глава IV. ГЕНЕРАЛЬНАЯ АССАМБЛЕЯ

Состав:

Статья 9. 1. Генеральная Ассамблея состоит из всех Членов Организации.

2. Каждый Член Организации имеет не более пяти представителей в Генеральной Ассамблее.

Функции и полномочия:

Статья 10. Генеральная Ассамблея уполномочивается обсуждать любые вопросы или дела в пределах настоящего Устава или относящиеся к полномочиям и функциям любого из органов, предусмотренных настоящим Уставом, и, за исключениями, предусмотренными статьей 12, делать рекомендации Членам Организации Объединенных Наций или Совету Безопасности или и Членам Организации и Совету Безопасности по любым таким вопросам или делам...

Статья 12. 1. Когда Совет Безопасности выполняет возложенные на него настоящим Уставом функции по отношению к какому-либо спору или ситуации, Генеральная Ассамблея не может делать какие-либо рекомендации, касающиеся данного спора или ситуации, если Совет Безопасности не запросит об этом...

Голосование:

Статья 18. 1. Каждый Член Генеральной Ассамблеи имеет один голос.

2. Решения Генеральной Ассамблеи по важным вопросам принимаются большинством в две трети присутствующих и участвующих в голосовании членов Ассамблеи. Эти вопросы включают: рекомендации в отношении поддержания международного мира и безопасности, выборы непостоянных членов Совета Безопасности, выборы членов Экономического и Социального совета, выборы членов Совета по опеке, ... прием новых Членов в Организацию Объединенных Наций, приостановление прав и привилегий Членов Организации, исключение из Организации ее Членов, вопросы, относящиеся к функционированию системы опеки, и бюджетные вопросы.

3. Решения по другим вопросам, включая определение дополнительных категорий вопросов, которые подлежат решению большинством в две трети голосов, принимаются простым большинством присутствующих и участвующих в голосовании...

Глава V. СОВЕТ БЕЗОПАСНОСТИ

Состав:

Статья 23. 1. Совет Безопасности состоит из одиннадцати Членов Организации. Китайская Республика, Франция, Союз Советских Социалистических Республик, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии и Соединенные Штаты Америки являются постоянными членами Совета Безопасности. Генеральная Ассамблея избирает шесть других Членов Организации в качестве непостоянных членов Совета Безопасности, уделяя в особенности должное внимание в первую очередь степени участия Членов Организации в поддержании международного мира и безопасности и в достижении других целей Организации, а также справедливому географическому распределению.

2. Непостоянные члены Совета Безопасности избираются на двухгодичный срок. Однако при первых выборах непостоянных членов трое избираются на срок в один год. Выбывающий член Совета Безопасности не подлежит немедленному переизбранию.

3. Каждый член Совета Безопасности имеет одного представителя...

Устав Организации Объединенных Наций и Статут Международного суда. М., 1945. С. 5–31

Потсдамская конференция трех держав, 17 июля — 2 августа 1945 года (извлечения из решений)

(...) III. О ГЕРМАНИИ

...А. Политические принципы

1. В соответствии с соглашением о контрольном механизме в Германии верховная власть в Германии будет осуществляться главнокомандующими вооруженных сил Союза Советских Социалистических Республик, Соединенных Штатов Америки, Соединенного Королевства и Французской Республики, каждым в своей зоне оккупации, по инструкциям своих соответствующих правительств, а также совместно по вопросам, затрагивающим Германию в целом, действующими в качестве членов Контрольного Совета.

2. Поскольку это практически осуществимо, должно быть одинаковое обращение с немецким населением по всей Германии.

3. Целями оккупации Германии, которыми должен руководствоваться Контрольный Совет, являются:

I) полное разоружение и демилитаризация Германии и ликвидация всей германской промышленности, которая может быть использована для военного производства, или контроль над ней. С этими целями:

а) все сухопутные, морские и воздушные вооруженные силы Германии, СС, СА, СД и гестапо со всеми их организациями, штабами и учреждениями, включая генеральный штаб, офицерский корпус, корпус резервистов, военные училища, организации ветеранов войны и все другие военные и полувойенные организации, вместе с их клубами и ассоциациями, служащими интересам поддержания военных традиций в Германии, будут полностью и окончательно упразднены, дабы навсегда предупредить возрождение или реорганизацию германского милитаризма и нацизма;

в) все вооружение, амуниция и орудия войны и все специализированные средства для их производства должны находиться в распоряжении союзников или должны быть уничтожены. Поддержание и производство всех самолетов и всякого вооружения, амуниции и орудий войны будет предотвращено (...)

III) уничтожить национал-социалистскую партию и ее филиалы и подконтрольные организации, распустить все нацистские учреждения, обеспечить, чтобы они не возродились ни в какой форме, и предотвратить всякую нацистскую и милитаристскую деятельность или пропаганду...

4. Все нацистские законы, которые создали базис для гитлеровского режима или которые установили дискриминацию на основе расы, религии или политических убеждений, должны быть отменены. Никакая такая дискриминация правовая, административная или иная не будет терпима.

5. Военные преступники и те, кто участвовал в планировании или осуществлении нацистских мероприятий, влекущих за собой или имеющих своим результатом зверства или военные преступления, должны быть арестованы и преданы суду. Нацистские лидеры, влиятельные сторонники нацистов и руководящий состав нацистских учреждений и организаций и любые другие лица, опасные для оккупации и ее целей, должны быть арестованы и интернированы.

6. Все члены нацистской партии, которые были больше, чем номинальными участниками ее деятельности, и все другие лица, враждебные союзным целям, должны быть удалены с общественных или полуофициальных должностей и с ответственных постов в важных частных предприятиях. Такие лица должны быть заменены лицами, которые по своим политическим и моральным качествам считаются способными помочь в развитии подлинно демократических учреждений в Германии...

8. Судебная система будет реорганизована в соответствии с принципами демократии, правосудия на основе законности и равноправия всех граждан, без различия расы, национальности и религии.

9. Управление в Германии должно проводиться в направлении децентрализации политической структуры и развития на местах чувства ответственности. С этой целью:

...во всей Германии должны разрешаться и поощряться все демократические политические партии с предоставлением им права созыва собраний и публичного обсуждения...

Пока что не будет учреждено никакого центрального германского правительства. Однако, несмотря на это, будут учреждены некоторые существенно важные центральные германские административные департаменты, возглавляемые государственными секретарями, в частности, в областях финансов, транспорта, коммуникаций, внешней торговли и промышленности. Эти департаменты будут действовать под руководством Контрольного Совета (...)

В. Экономические принципы

...11. В целях уничтожения германского военного потенциала производство вооружения, военного снаряжения и орудий войны, а также производство всех типов самолетов и морских судов должно быть запрещено и предотвращено...

12. В практически кратчайший срок германская экономика должна быть децентрализована с целью уничтожения существующей чрезмерной концентрации экономической силы, представленной особенно в форме картелей, синдикатов, трестов и других монополистических соглашений.

13. При организации экономики Германии главное внимание должно быть обращено на развитие сельского хозяйства и мирной промышленности для внутреннего потребления.

14. В период оккупации Германия должна рассматриваться как единое экономическое целое...

15. Должен быть установлен союзный контроль над германской экономикой...

16. Для введения и поддержания экономического контроля, установленного Контрольным Советом, должен быть создан германский административный аппарат и германским властям должно быть предложено в полном, практически возможном объеме заявить и принять на себя управление этим аппаратом...

IV. РЕПАРАЦИИ С ГЕРМАНИИ

...I. Репарационные претензии СССР будут удовлетворены путем изъятий из зоны Германии, оккупированной СССР, и из соответствующих германских вложений за границей.

2. СССР удовлетворит репарационные претензии Польши из своей доли репараций.

3. Репарационные претензии Соединенных Штатов, Соединенного Королевства и других стран, имеющих право на репарации, будут удовлетворены из западных зон и из соответствующих германских вложений за границей.

4. В дополнение к репарациям, получаемым Советским Союзом из своей зоны оккупации, СССР получит дополнительно из западных зон:

а) 15% такого пригодного к использованию и комплектного промышленного капитального оборудования, в первую очередь металлургической, химической и машиностроительной отраслей промышленности, которое не является необходимым для германского мирного хозяйства и должно быть изъято из западных зон Германии в обмен на эквивалентную стоимость в продовольствии, угле, поташе, цинке, лесных материалах, глиняных изделиях, нефтяных продуктах и других видах материалов, о которых будет обусловлено договоренностью;

в) 10% такого промышленного капитального оборудования, которое не является необходимым для германской мирной экономики и которое должно быть изъято из западных зон для передачи Советскому правительству в счет репараций без оплаты или возмещения любым образом...

5. Количество оборудования, подлежащего изъятию из западных зон в счет репараций, должно быть определено самое позднее в течение шести месяцев, начинающихся с настоящего времени.

6. Изъятия промышленного капитального оборудования начнутся так скоро, как это возможно, и будут закончены в течение двух лет после решения, указанного в параграфе 5-м. Поставки продуктов,

обусловленных параграфом 4 (а), начнутся так скоро, как это возможно, и будут произведены Советским Союзом партиями, обусловленными по договоренности, в течение 5 лет от упомянутой даты...

8. Советское правительство отказывается от всех претензий в отношении репараций на акции германских предприятий, находящихся в западных зонах оккупации Германии, а также на германские заграничные активы во всех странах, за исключением тех, которые указаны в п. 9.

9. Правительства США и Соединенного Королевства отказываются от всех претензий в отношении репараций на акции германских предприятий, находящихся в восточной зоне оккупации Германии, а также на германские заграничные активы в Болгарии, Финляндии, Венгрии, Румынии и Восточной Австрии.

10. Советское правительство не имеет претензий на золото, захваченное союзными войсками в Германии...

VI. ГОРОД КЕНИГСБЕРГ И ПРИЛЕГАЮЩИЙ К НЕМУ РАЙОН

...Конференция согласилась в принципе с предложением Советского правительства о передаче Советскому Союзу города Кенигсберга и прилегающего к нему района... Однако точная граница подлежит исследованию экспертов (...)

VII. О ВОЕННЫХ ПРЕСТУПНИКАХ

Три правительства отметили обсуждение, которое происходило за последние недели в Лондоне между британскими, американскими, советскими и французскими представителями, с целью достижения соглашения о методах суда над теми главными военными преступниками, чьи преступления по Московской декларации от октября 1943 года не относятся к определенному географическому месту. Три правительства подтверждают свои намерения предать этих преступников скорому и справедливому суду...

IX. О ПОЛЬШЕ

...Главы трех правительств согласились, что до окончательного определения западной границы Польши бывшие германские территории к востоку от линии, проходящей от Балтийского моря чуть западнее Свиномюнде и оттуда по реке Одер до впадения реки Западная Нейсе и по Западной Нейсе до чехословацкой границы, включая ту часть Восточной Пруссии, которая в соответствии с решением Берлинской конференции не поставлена под управление Союза Советских Социалистических Республик, и включая территорию бывшего свободного города Данциг, — должны находиться под управлением Пельского государства и в этом отношении они не должны рассматриваться как часть советской зоны оккупации в Германии.

Правда. 1945. 3 августа

Потсдамская декларация — заявление глав правительств США, Великобритании и Китая относительно Японии (Опубликована в Потсдаме⁵⁷, 26 июля 1945 г.)

1. Мы, президент Соединенных Штатов, президент Национального правительства Республики Китая и премьер-министр Великобритании, представляющие сотни миллионов наших соотечественников, совещались и согласились в том, что Японии следует дать возможность окончить эту войну.

2. Огромные наземные, морские и воздушные силы Соединенных Штатов, Британской Империи и Китая, усиленные во много раз их войсками и воздушными флотами с Запада, изготовились для нанесения окончательных ударов по Японии. Эта военная мощь поддерживается и вдохновляется решимостью всех союзных наций вести войну против Японии до тех пор, пока она не прекратит свое сопротивление.

3. Результат бесплодного и бессмысленного сопротивления Германии мощи поднявшихся свободных народов мира с ужасной отчетливостью предстает как пример перед народом Японии. Могучие силы, которые теперь приближаются к Японии, неизмеримо больше тех, которые, будучи применены к сопротивляющимся нацистам, естественно, опустошили земли, разрушили промышленность и нарушили образ жизни всего германского народа. Полное применение нашей военной силы, подкрепленной нашей решимостью, будет

⁵⁷ Потсдамская декларация была опубликована по инициативе США и Великобритании, без согласования с СССР. 28 июля 1945 г. правительство Японии объявило о своем отказе принять Потсдамскую декларацию.

означать неизбежное и окончательное уничтожение японских вооруженных сил, столь же неизбежное полное опустошение японской метрополии.

4. Пришло время для Японии решить, будет ли она по-прежнему находиться под властью тех упорных милитаристических советников, неразумные расчеты которых привели японскую империю на порог уничтожения, или пойдет она по пути, указываемому разумом.

5. Ниже следуют наши условия. Мы не отступим от них. Выбора никакого нет. Мы не потерпим никакой затяжки.

6. Навсегда должны быть устранены власть и влияние тех, которые обманули и ввели в заблуждение народ Японии, заставив его идти по пути всемирных завоеваний, ибо мы твердо считаем, что новый порядок мира, безопасности и справедливости будет невозможен до тех пор, пока безответственный милитаризм не будет изгнан из мира.

7. До тех пор, пока такой новый порядок не будет установлен, и до тех пор, пока не будет существовать убедительное доказательство, что способность Японии вести войну уничтожена, — пункты на японской территории, которые будут указаны союзниками, будут оккупированы для того, чтобы обеспечить осуществление основных целей, которые мы здесь излагаем.

8. Условия Каирской декларации будут выполнены и японский суверенитет будет ограничен островами Хонсю, Хоккайдо, Кюсю, Сикоку и теми менее крупными островами, которые мы укажем.

9. Японским вооруженным силам после того, как они будут разоружены, будет разрешено вернуться к своим очагам с возможностью вести мирную и трудовую жизнь.

10. Мы не стремимся к тому, чтобы японцы были порабощены как раса или уничтожены как нация, но все военные преступники, включая тех, которые совершили зверства над нашими пленными, должны понести суровое наказание. Японское правительство должно устранить все препятствия к возрождению и укреплению демократических тенденций среди японского народа. Будут установлены свобода слова, религии и мышления, а также уважение к основным человеческим правам.

11. Японии будет разрешено иметь такую промышленность, которая позволит поддержать ее хозяйство и взыскать справедливые репарации натурой, но не те отрасли промышленности, которые позволят ей снова вооружиться для ведения войны. В этих целях будет разрешен доступ к сырьевым ресурсам, в отличие от контроля над ними. В конечном счете Японии будет разрешено принять участие в мировых торговых отношениях.

12. Оккупационные войска союзников будут отведены из Японии, как только будут достигнуты эти цели и как только будет учреждено мирно настроенное и ответственное правительство в соответствии со свободно выраженной волей японского народа.

13. Мы призываем правительство Японии провозгласить теперь же безоговорочную капитуляцию всех японских вооруженных сил и дать надлежащие и достаточные заверения в своих добрых намерениях в этом деле. Иначе Японию ждет быстрый и полный разгром.

Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными державами. Вып. XI. М., 1955. С. 104–106

Из доклада группы по изучению стратегических бомбардировок военно-воздушных сил США о результатах атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки в августе 1945 г.⁵⁸

(...) Первая сброшенная на цель атомная бомба взорвалась над городом Хиросима в 8 час. 15 мин. 6 августа 1945 года. К этому времени большинство промышленных рабочих города уже приступили к работе, но многие из них находились еще на пути к работе и почти все школьники и часть рабочих были заняты на открытом воздухе разборкой зданий с целью создания противопожарных коридоров и вывозкой из города различных ценностей. Воздушная атака последовала через 45 минут после отбоя предыдущей тревоги. Ввиду того что тревога не была объявлена вовремя, а также ввиду того что население города уже не обращало внимания на появление небольших групп самолетов, взрыв бомбы застал врасплох почти всех его жителей,

⁵⁸ По завершении Второй мировой войны командование стратегической авиации США провело обследование результатов применения атомных бомб против Японии. В 1946 г. был опубликован об этом официальный отчет, выдержки из которого приводятся ниже.

и они не смогли укрыться в убежище. Многие из них были застигнуты на открытом воздухе, а большинство остальных — в домах весьма непрочной конструкции или в торговых заведениях.

Бомба взорвалась несколько северо-западнее от центра города. Благодаря точности попадания, а также благодаря тому, что город был построен на плоском месте и имел концентрическую планировку, он был весь в значительной степени разрушен. Практически говоря, все густо- или слабозастроенные кварталы города были сравнены с землей силой взрыва и уничтожены огнем. Над Хиросимой пронесся «огненный вихрь», явление, наблюдавшееся иногда и при других больших пожарах. Пламя, охватившее почти одновременно весь центр города, расположенный на ровной местности, втягивало в себя со всех сторон массы воздуха. Этот приток воздуха легко преодолел дувший над землей ветер, скорость которого достигала всего пять миль в час. В течение первых двух или трех часов после взрыва скорость «огненного вихря» колебалась от 30 до 40 миль в час, «огненный вихрь» и симметричная планировка центра города способствовала тому, что почти совершенно выгоревшие кварталы города образовали почти правильный круг площадью в 4,4 квадратной мили.

Неожиданность катастрофы, разрушение большого количества зданий и всепожирающий пожар привели к невиданному дотоле количеству жертв. От семидесяти до восьмидесяти тысяч человек были убиты или пропали без вести, причем в отношении последних можно было предположить, что они разделили судьбу первых. Приблизительно столько же насчитывалось и раненых. Для сравнения можно указать, что во время бомбежки Токио зажигательными бомбами, продолжавшейся с 9 до 10 марта 1945 года и приведшей к разрушению почти 16 квадратных миль площади города, число убитых не было большим, а раненых даже меньшим.

Нагасаки, когда над ними тремя днями позже была сброшена вторая атомная бомба, оказались едва ли более подготовленными к этому, хотя уже 8 августа в газетах появились туманные намеки на постигшую Хиросиму катастрофу. Если судить по докладу нагасакской префектуры, то можно представить себе следующую картину того потрясения, которое вызвал взрыв атомной бомбы.

Стоял обычный летний день. Небо было чисто, дул слабый ветер. Пережитое населением города напряжение бесконечных воздушных налетов и летний зной в значительной мере способствовали ослаблению мер предосторожности против воздушных налетов. Незадолго перед этим, в 7 час. 48 мин., была объявлена общая тревога, а в 7 час. 50 мин. — воздушная тревога. Отбой был дан в 8 час. 30 мин., и вызванное им чувство огромного облегчения притупило бдительность горожан.

Хотя в городе не был дан отбой предупредительной тревоги, воздушная тревога не была объявлена немедленно после того, как наблюдатели заметили приближение двух Б-29. Бомба была сброшена в 11 час. 02 мин., а сигнал воздушной тревоги был дан несколькими минутами позже, в 11 час. 09 мин. Таким образом, случилось, что только около четырехсот человек успели спуститься в городские укрытия туннельного типа, способные вместить в обычных условиях около 30% населения города.

Вслед за взрывом атомной бомбы последовала ослепительная вспышка, похожая на возгорание большого количества магния, и место взрыва заволочло белым дымом. Одновременно в центре взрыва, а несколько позднее и в других районах, был слышен оглушительный рев и отмечены взрывная волна огромной силы и сильный жар (...)

Район падения бомбы, пострадавший более других, был почти полностью стерт с лица земли, и в течение некоторого времени после взрыва оттуда не поступало никаких сообщений. Лица, проживавшие в сравнительно менее сильно пострадавших районах, сообщая о вызванных взрывом разрушениях, полагали, что именно их район подвергся бомбежке. Если, однако, учесть, что в действительности эти районы находились на весьма значительном расстоянии от центра взрыва, то по причиненным им разрушениям можно было заключить, что атомная бомба обладает разрушительной силой, превосходящей всякое воображение.

Нагасаки избежали «огненного вихря», а холмистый рельеф местности ограничил площадь максимального разрушения районами, располагавшимися в долине, над которой взорвалась атомная бомба. Таким образом, почти полному разрушению здесь подверглась значительно меньшая часть города, равная по своим размерам всего около 1,8 квадратной мили. Значительно более низким было также и число жертв. В Нагасаки погибло от 35 000 до 40 000 человек, и приблизительно столько же человек получили ранения. Жители, успевшие укрыться в туннелях, не пострадали, если не считать тех, кого взрыв застал в момент спуска в убежище...

Взрыв атомной бомбы (над Хиросимой) нарушил нормальное течение жизни в городе и дезорганизовал работу по проведению спасательных операций. В городе, 30% жителей которого погибло, а еще 30% получило серьезные ранения, погибло и было ранено соответствующее число представителей гражданской власти и членов спасательных отрядов. Спасаясь от пожара и в поисках крова и пищи, жители массами покидали город. Однако по прошествии суток тысячи людей устремились обратно к городу, чтобы отыскать своих родственников и друзей и определить размеры понесенных ими убытков. На всех ведущих в город дорогах были выставлены заставы, чтобы помешать проникновению туда посторонних лиц и любопытных.

Большая часть лишившихся крова жителей нашла прибежище в окрестных поселках. В самом городе не хватало продовольствия, и люди были практически лишены крова (...)

Согласно официальным сведениям японских властей, из 90 000 городских зданий 62 000, или 69 % от их общего числа, были разрушены взрывом бомбы. Еще 6000 зданий, или 63 % от их общего числа, были серьезно повреждены, а у большинства остальных были выбиты оконные стекла или повреждены черепичные кровли.

Некоторые из лиц, переживших катастрофу, были преисполнены ненавистью к американцам за то, что те применили атомную бомбу. Выражая свое негодование, они заявляли, что это было «жестокое», «бесчеловечное» и «варварское» решение.

Вот некоторые типичные высказывания переживших катастрофу японцев:

(...) Они все искренне презирают американцев за это и спрашивают, «почему призраки, если они существуют, не преследуют последних»;

«Когда я увидел раненых и убитых, во мне поднялось чувство возмущения действиями врага»;

«После взрыва атомной бомбы я понял, что я должен идти работать на военный завод... Мои сыновья сказали мне, что даже когда они вырастут, они не забудут атомную бомбу».

Нас не удивляет, что взрыв атомной бомбы вызвал волну ненависти и возмущения. Более того, весьма вероятно, что приводимые цифры не полностью отражают, насколько глубоко эти чувства охватили население Японии, так как совершенно очевидно, что многие из опрошенных лиц из страха или вежливости не были совершенно искренни в описании своих чувств...

Если говорить о Японии в целом, то пережитые ею потери и военные неудачи, например на Сайпане, на Филиппинах и на Окинаве, в два раза превосходили по своей значимости атомную бомбу в смысле убеждения населения страны в неизбежности поражения. С этой точки зрения обычные воздушные налеты на Японию, взятые в своей совокупности, в три раза превосходили по своей значимости атомную бомбу. Ухудшение условий жизни, например нехватка продовольствия и недоедание, также сыграли более важную роль в осознании японским народом невозможности продолжать войну, чем атомная бомба...

Нельзя, однако, сказать, что именно атомная бомба убедила заключивших мир членов правительства в необходимости капитуляции...

Атомные бомбы не убедили военных руководителей в том, что оборона японских островов стала невозможной.

Стремление к миру достигло своего кульминационного пункта на императорском совещании, которое продолжалось с вечера 9 августа до утра 10 августа и происходило в специфической обстановке, создавшейся в результате атомных бомбежек и объявления войны Россией.

The Effects of the Atomic Bombs on Hiroshima and Nagasaki // The United States Strategic Bombing Survey. Washington, 1946. P. 3–5, 8–9, 22–23

Из заявления Советского правительства о начале войны с милитаристской Японией, 8 августа 1945 г.

(...) После разгрома и капитуляции гитлеровской Германии Япония оказалась единственной великой державой, которая все еще стоит за продолжение войны.

Требование трех держав — Соединенных Штатов Америки, Великобритании и Китая от 26 июля сего года о безоговорочной капитуляции японских вооруженных сил было отклонено Японией. Тем самым предложение японского правительства Советскому Союзу о посредничестве в войне на Дальнем Востоке теряет всякую почву.

Учитывая отказ Японии капитулировать, союзники обратились к Советскому правительству с предложением включиться в войну против японской агрессии и тем сократить сроки окончания войны, сократить количество жертв и содействовать скорейшему восстановлению всеобщего мира.

Верное своему союзническому долгу, Советское правительство приняло предложение союзников и присоединилось к заявлению союзных держав от 26 июля сего года.

Советское правительство считает, что такая его политика является единственным средством, способным приблизить наступление мира, освободить народы от дальнейших жертв и страданий и дать возможность японскому народу избавиться от тех опасностей и разрушений, которые были пережиты Германией после ее отказа от безоговорочной капитуляции.

Ввиду изложенного Советское правительство заявляет, что с завтрашнего дня, то есть с 9 августа, Советский Союз будет считать себя в состоянии войны с Японией.

Правда. 1945. 9 августа

Из заявления Японского правительства относительно принятия условий Потсдамской декларации, 10 августа 1945 г.

(...) Императорское правительство, основываясь на желании Его Величества императора восстановить всеобщий мир, на стремлении по мере возможности скорее прекратить неимоверные страдания, принесенные войной, решило принять условия, выдвинутые совместной декларацией, которая была провозглашена 26 июля 1945 года в Потсдаме главами правительств трех государств — Америки, Англии и Китая и к которой позднее присоединилось правительство СССР, при условии, что указанная декларация не содержит никакого требования, которое затрагивает прерогативы Его Величества как суверенного правителя. Императорское правительство выражает искреннюю надежду на то, что оно не ошиблось в указанном понимании декларации и весьма желает, чтобы как можно быстрее было высказано определенное мнение по этому вопросу...

*История войны на Тихом океане.
Т. IV. М., 1958. С. 288–290*

Ответ правительств Советского Союза, Соединенных Штатов Америки, Великобритании и Китая правительству Японии, 11 августа 1945 г.

В отношении заявления японского правительства, в котором принимаются условия Потсдамской декларации, но в котором содержится заявление: «при условии, что указанная Декларация не содержит никакого требования, которое затрагивает прерогативы Его Величества как суверенного правителя», наша позиция заключается в следующем:

«С момента капитуляции власть императора и японского правительства в отношении управления государством будет подчинена Верховному Командующему союзных держав, который предпримет такие шаги, какие он сочтет нужными для осуществления условий капитуляции.

Императору будет предложено санкционировать и обеспечить подписание правительством Японии и японской императорской генеральной штаб-квартирой условий капитуляций, необходимых для выполнения условий Потсдамской декларации, и он должен будет дать от себя приказы всем японским военным, военно-морским и авиационным властям и всем находящимся в их подчинении вооруженным силам, где бы они ни находились, прекратить боевые действия и сдать их оружие, а также дать такие другие приказы, которые может потребовать Верховный Командующий в целях осуществления условий капитуляции.

Немедленно после капитуляции японское правительство отправит военнопленных и гражданских интернированных лиц в безопасные пункты, как будет указано, где они могут быть быстро посажены на борт союзных транспортов.

Форма правительства Японии в конечном счете будет в соответствии с Потсдамской декларацией установлена свободно выраженной волей японского народа. Вооруженные силы союзных держав будут оставаться в Японии до тех пор, пока не будут достигнуты цели, изложенные в Потсдамской декларации.

Правда. 1945. 12 августа

Соглашение об отношениях между Советским главнокомандующим и Китайской администрацией после вступления советских войск на территорию трех восточных провинций Китая в связи с настоящей совместной войной против Японии, 14 августа 1945 г. (извлечение)

Президиум Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик и президент национального правительства Китайской Республики, желая, чтобы отношения между советским

главнокомандующим и китайской администрацией после вступления советских войск на территорию трех восточных провинций Китая в связи с настоящей совместной войной СССР и Китая против Японии соответствовали духу дружбы и союзным отношениям, существующим между обеими странами, согласились о нижеследующем:

1. После того как советские войска в результате военных действий вступят на территорию трех восточных провинций Китая, верховная власть и ответственность в зоне военных действий во всех вопросах, касающихся ведения войны, на период времени, необходимый для операций, будет возложена на главнокомандующего Советскими Вооруженными Силами.

2. Для возвращенной территории будут назначены представитель национального правительства Китайской Республики и штат, которые будут:

а) учреждать и руководить в соответствии с законами Китая администрацией на территории, очищенной от противника;

в) оказывать помощь в установлении взаимодействия на возвращенных территориях (между китайскими вооруженными силами, как регулярными, так и нерегулярными, и Советскими Вооруженными Силами;

с) обеспечивать активное сотрудничество китайской администрации с советским главнокомандующим и, в частности, давать местным органам указания в этом смысле, руководствуясь потребностями и желаниями советского главнокомандующего.

3. Для обеспечения контакта между советским главнокомандующим и представителем национального правительства Китайской Республики при штабе советского главнокомандующего будет назначена китайская военная миссия.

4. В зонах, находящихся под верховной властью советского главнокомандующего, администрация национального правительства Китайской Республики для возвращенной территории будет поддерживать контакт с советским главнокомандующим через представителя национального правительства Китайской Республики.

5. Как только любая часть возвращенной территории перестанет быть зоной непосредственных военных действий, национальное правительство Китайской Республики будет принимать на себя всю власть по линии гражданских дел и будет оказывать советскому главнокомандующему всякую помощь и поддержку через посредство своих гражданских и военных органов.

6. Все лица, принадлежащие к Советским Вооруженным Силам на китайской территории, будут находиться под юрисдикцией советского главнокомандующего. Все лица китайского гражданства, как гражданские, так и военные, будут находиться под китайской юрисдикцией. Эта юрисдикция будет также распространяться на гражданское население на китайской территории даже в случае преступлений и проступков против Советских Вооруженных Сил, за исключением преступлений и проступков, совершенных в зоне военных операций, которые подлежат юрисдикции советского главнокомандующего. В спорных случаях вопрос будет разрешаться по взаимному соглашению между советским главнокомандующим и представителем национального правительства Китайской Республики (...).

Известия. 1945. 28 августа

Послание И. Сталина Г. Трумэну о включении Курильских островов в район сдачи советским войскам, 16 августа 1945 г.

Лично и секретно от И. В. Сталина президенту Г. Трумэну

Ваше послание с «Общим приказом № 1» получил. В основном не возражаю против содержания приказа. При этом имеется в виду, что Ляодунский полуостров является составной частью Маньчжурии. Однако предлагаю внести в «Общий приказ № 1» следующие поправки:

1. Включить в район сдачи японских вооруженных сил советским войскам все Курильские острова, которые согласно решению трех держав в Крыму должны перейти во владение Советского Союза.

2. Это последнее предложение имеет особое значение для русского общественного мнения. Как известно, японцы в 1919–1921 годах держали под оккупацией своих войск весь советский Дальний Восток. Русское общественное мнение было бы серьезно обижено, если бы русские войска не имели района оккупации в какой-либо части собственно японской территории.

Я бы очень хотел, чтобы изложенные выше мои скромные пожелания не встретили возражений.

16 августа 1945 года.

Русские Курилы: История и современность. — С. 90

Книга восьмая

**ПУТЬ
К ИЗБАВЛЕНИЮ**

Битва за Берлин

М. Ю. Мягков*

К началу 1945 г. стало ясно, что война в Европе, вероятнее всего, закончится битвой за Берлин. Об этом свидетельствовало положение на фронтах, яростное сопротивление немецких войск, отсутствие перспектив какого-то иного выхода Германии из войны. Но вопрос, кто первым достигнет столицы Германии — войска западных союзников или Красная Армия, оставался открытым. Стремление каждой из ведущих держав антигитлеровской коалиции — СССР, США и Великобритании решить эту задачу было естественным для политического руководства и командования, понятным для рядовых солдат и простых граждан этих стран. Взятие Берлина означало конец кровопролитию в Европе, приносило с собой лавры победителя в завершающем сражении войны за правое дело, укрепляло позиции в решении вопросов послевоенного устройства Германии, авторитет причастных к этому политических и военных лидеров внутри страны и на международной арене. Не говоря о том, что взятию Берлина предстояло войти в летопись мировой истории. Словом, ставки были достаточно высоки.

Советское Верховное Главнокомандование, планируя заключительную наступательную кампанию, еще в конце 1944 г. поставило перед войсками 1-го и 2-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов задачу в кратчайший срок овладеть Берлином. В ходе развернувшейся в январе 1945 г. Висло-Одерской операции советские войска осуществили успешное продвижение по территории Польши и уже в первой декаде февраля вышли к Одеру в районе Кюстрина. До Берлина оставалось всего 60 км. Командующий 1-м Белорусским фронтом маршал Г. Жуков первоначально планировал с ходу нанести мощный удар в западном направлении и в кратчайшие сроки овладеть столицей Германии. Однако события заставили его изменить свое решение.

Советскому командованию поступила информация, что противник сосредотачивает мощные группировки войск в Восточной Померании и Верхней Силезии (на флангах соединений 1-го Белорусского фронта). Важно и то, что, советские войска нуждались в отдыхе и пополнении; необходимо было подтянуть тылы, перебазировать авиацию, завершить разгром оставшихся в тылу окруженных немецких частей. Все это послужило причиной отмены приказа о наступлении на Берлин. Войска 1-го Белорусского фронта перенацеливались на ведение боев в северо-западном направлении против группировки немцев в Померании.

Уже после войны решение Жукова отложить операцию по взятию Берлина подвергалось критике со стороны некоторых советских военачальников. Версии о том, что наступление на столицу Германии в феврале 1945 г. можно было бы и продолжить, придерживался и бывший командующий 8-й гвардейской армии В. Чуйков. Однако сторонники такой гипотезы оказались в меньшинстве. В большинстве отечественных исследований этого вопроса говорится о том, что решение маршала Жукова того периода являлось наиболее оптимальным. В Восточной Померании в марте 1945 г. советским войскам действительно пришлось столкнуться с сильным противником. Германские генералы (в частности Г. Гудериан) свидетельствовали после войны о том, что командование вермахта планировало нанесение мощного контрудара по русским войскам.

Новые документы, открытые недавно в советских архивах, указывают, что решение о приостановке наступления на Берлин в феврале 1945 г. все-таки, видимо, было ошибочным. Дело в том, что в первой половине февраля 1945 г. в Генштаб Красной Армии поступило сообщение вначале от британского, а затем и американского командования о том, что немцы после отвода своих войск от Арденн в срочном

* Мягков Михаил Юрьевич — доктор исторических наук, профессор МГИМО (У) МИД России.

порядке перебрасывают 6-ю танковую армию СС на Восточный фронт. Указывалось также, что основные немецкие силы сосредотачиваются северо-западнее Бреслау и в Восточной Померании и готовятся к нанесению контрудара по флангам 1-го Белорусского фронта. Уже вечером 12 февраля текст сообщения союзников был телеграфирован в штаб маршала Жукова. Угроза советским войскам, наступавшим на берлинском направлении, казалась очевидной. Германские танковые соединения действительно могли сотворить много бед и даже выйти в тыл 1-го Белорусского фронта. Жуков после ознакомления с телеграммой отдал приказ на приостановку наступления, развернув фронт в направлении Восточной Померании. Против немецкой группировки в районе Бреслау продолжалось наступление 1-го Украинского фронта маршала Конева.

Германское контрнаступление в марте 1945 г. было предпринято, однако не там, где оно ожидалось, а в Венгрии, в районе оз. Балатон. Именно туда была переброшена 6-я танковая армия СС. В конце марта советский Генштаб счел нужным уведомить командование союзников о том, что их информация о сосредоточении 6-й танковой армии СС в Померании и в районе северо-западнее Бреслау не подтвердилась. Сталин упоминал об этом факте в переписке с руководителями Англии и США. Но время ушло. Войска 1-го Белорусского фронта уже ввязались в сражения в Восточной Померании. Наступление на Берлин переносилось на апрель 1945 г.

Сегодня довольно сложно прояснить, что стояло за сообщением союзников о передислокации 6-й танковой армии — просто непроверенные сведения или преднамеренная дезинформация. Хорошо известно, что вопрос о взятии Берлина интенсивно обсуждался политическим и военным руководством СССР, Англии и США начиная с февраля 1945 г. и приобрел характер соперничества. 1 апреля 1945 г. в Москву в Ставку Верховного Главнокомандования были вызваны командующие 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами маршалы Жуков и Конев.

«Так кто же будет брать Берлин: мы или союзники?» — задал им вопрос Сталин. Поводом для такой постановки вопроса были полученные в Москве сведения о том, что западные союзники создают для взятия Берлина группировку войск под командованием фельдмаршала Б. Монтгомери и развернули с этой целью подготовительные мероприятия.

«Берлин будем брать мы, — ответил Конев, — и возьмем его раньше союзников». Жуков сказал, что это готовы сделать войска 1-го Белорусского фронта, который имел к тому времени достаточно сил и был нацелен на Берлин с кратчайшего расстояния. По стечению обстоятельств именно в этот же день — 1 апреля У. Черчилль направил Ф. Рузвельту следующую телеграмму: «Ничто не окажет такого психологического воздействия и не вызовет такого отчаяния среди всех германских сил сопротивления,

как нападение на Берлин... Существует еще одна сторона дела, которую Вам и мне следовало бы рассмотреть. Русские армии, несомненно, захватят всю Австрию и войдут в Вену. Если они захватят также и Берлин, то не создастся ли у них слишком преувеличенное представление о том, что они внесли подавляющий вклад в нашу общую победу... Поэтому я считаю, что с политической точки зрения нам следует продвигаться в Германии как можно дальше на восток и что в том случае, если Берлин окажется в пределах нашей досягаемости, мы, несомненно, должны его взять...»

Телеграмма У. Черчилля была последней попыткой добиться пересмотра решения, принятого верховным главнокомандующим союзными силами в Европе Д. Эйзенхауэром о наступлении американских войск в направлении Лейпцига и Дрездена. Об этом он сообщил еще 28 марта 1945 г. в личном послании Сталину. Эйзенхауэр отклонил настойчивую просьбу Монтгомери о выделении ему 10 дивизий для наступления на Берлин. Комитет начальников штабов, а затем и президент Ф. Рузвельт поддержали решение главнокомандующего.

К этому времени в Москве разработка плана Берлинской операции в основных чертах уже была завершена. Она готовилась Генеральным штабом с участием командования и штабов 1-го и 2-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов. Наступление на Берлин назначалось на 16 апреля силами двух фронтов. 1-й Белорусский фронт должен был нанести главный удар с кюстринского плацдарма силами четырех общевойсковых и двух танковых армий. Развивать успех, вводя дополнительные резервные соединения, предполагалось как в направлении самого Берлина, так и в обход его с севера и северо-запада. Перед войсками Жукова находилась сильно укрепленная полоса немецкой обороны на Зееловских высотах, преодолеть которую было очень непросто. 1-му Украинскому фронту предстояло прорываться несколько южнее Берлина и наступать в направлении р. Эльбы на соединение с передовыми частями западных союзников. Командующему 1-м Украинским фронтом И. Коневу ставилась и еще одна задача: частью сил нанести удар по Берлину с юга. При этом разграничительная линия между 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами была доведена только до г. Люббен (60 км юго-восточнее Берлина). Маршал Конев вспоминал впоследствии, что при утверждении проекта операции Сталин провел на карте разграничительную линию вплоть до Люббена, но затем оборвал карандаш и дальше линию не повел. Он ничего не сказал при этом, но, судя по всему, тем самым он молчаливо предложил действовать далее, исходя из обстановки. Возможно, в этом обрыве был негласный призыв к соревнованию?...

Готовя операцию, Жуков особое внимание уделял достижению ее внезапности. Предусматривался целый комплекс мер по дезинформации противника,

массированному введению в сражение сил и средств, организации разведки боем перед началом наступления. Чтобы ошеломить противника, родилась идея проведения главной атаки за два часа до рассвета с применением прожекторов для освещения пути своим войскам и ослепления противника. Вот что маршал Жуков рассказывал о тех событиях уже после операции, на своей первой пресс-конференции, устроенной для иностранных журналистов в поверженном Берлине 7 июня 1945 г.:

«К этому заключительному и решающему сражению мы провели серьезную подготовку. Мы подтянули достаточно технических средств и рассчитали все детали операции наверняка... сосредоточили крупные силы артиллерии, танков, авиации, чтобы можно было в кратчайший срок сломить сопротивление противника и быстро овладеть самим Берлином. Особое внимание было обращено на точное взаимодействие всех родов войск. Конечно, немцы ждали нашего удара на Берлин. Мы знали это хорошо и очень долго думали над тем, как бы в этих условиях организовать внезапный удар для противника. Для достижения этой цели я, как командующий операцией, выбрал ночной способ атаки всем фронтом, чего немцы, по показаниям пленных, не ожидали. Немецкое верховное командование было уверено, что главная атака Красной Армии невозможна ночью... Большую роль в успехе ночной атаки сыграло одно техническое новшество. Чтобы помочь танкам и пехоте лучше ориентироваться в ночной атаке, мы организовали по всему фронту прожекторный подсвет пути для наступающих колонн. Одновременно наши прожекторы не только подсвечивали путь наступающим войскам, но и ослепляли противника, который вследствие этого был лишен возможности вести точный прицельный огонь. Примерно на каждые 200 метров действовал один мощный прожектор».

16 апреля войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов перешли в наступление. 2-й Белорусский фронт (командующий К. Рокоссовский) начал наступление 18 апреля. Его действия также имели большое значение для взятия Берлина, поскольку прикрывали правый фланг советских ударных сил.

Войска Жукова довольно быстро преодолели первую оборонительную полосу обороны. Их наступление поддерживали до 4 тыс. танков, 22 тыс. стволов артиллерии, около 4 тыс. самолетов. Только за первые сутки операции было произведено 15 тыс. самолетовылетов для бомбардировки позиций врага. Однако с наступлением рассвета немцы пришли в себя и их сопротивление по мере приближения к Зееловским высотам стало возрастать. На удержание этих высот, являвшихся ключом к Берлину, противник бросил главные силы. Здесь советские войска понесли особенно чувствительные потери. Тем не менее положительным моментом являлся тот факт, что немецкое верховное командование, опасаясь прорыва советских ударных соединений на

этом участке, бросило сюда практически все резервы, находившиеся под Берлином, и даже вывело часть войск, предназначенных для непосредственной обороны самой столицы Германии. Как впоследствии отмечал Г. Жуков, в этом состоял «большой просчет» противника: «Подходящие из Берлина и его окрестностей резервы были разгромлены нашей авиацией и танками. Поэтому, когда наши войска ворвались в Берлин, то некоторые районы города оказались оголенными, в частности, в отношении зенитных орудий. Выведя резервы из района Берлина, противник нарушил непрерывную линию обороны, ослабил эту оборону столицы и уже не смог устоять против мощного натиска наступающих...»

К исходу 21 апреля соединения 2-й гвардейской танковой, 3-й и 5-й ударных армий 1-го Белорусского фронта вышли на северо-восточную окраину Берлина. Часть войск фронта, обойдя город с севера, продвигалась к Эльбе.

Следует отметить, что войска 1-го Украинского фронта маршала Конева встречали на пути своего продвижения несколько меньшее сопротивление. Уже к исходу 18 апреля войска фронта завершили прорыв нейсенского рубежа обороны, форсировали р. Шпрее и обеспечили условия для окружения Берлина с юга. За день до этого И. Конев направляет телеграмму командующим 3-й и 4-й гвардейскими танковыми армиями генералам П. Рыбалко и Д. Лелюшенко, в которой нацеливает их на взятие Берлина. Он требует от них не ввязываться в затяжные и лобовые бои, смелее продвигаться вперед. А 20 апреля Конев и Жуков направляют своим подчиненным соединениям практически одинаковые приказы: «Первыми ворваться в Берлин».

Первая весть о прорыве советских войск на окраины германской столицы была все же отправлена из штаба 1-го Украинского фронта. Телеграмма, адресованная лично Сталину сообщала: «3 гв. танковая армия Рыбалко передовыми бригадами ворвалась в южную часть Берлина и к 17:30 ведет бой за Тельтов и в центре Ланквиз... 22.04.1945.»

В это время немецкое командование предприняло последнюю отчаянную попытку спасти положение под Берлином. Гитлер приказал повернуть 12-ю армию, ранее предназначавшуюся для действий против американских войск, на восток — против 1-го Украинского фронта, чтобы в районе Ютеборга выйти на соединение с войсками 9-й армии и частью сил 4-й танковой армии. Но войска 1-го Украинского фронта отразили контрудар противника и приступили к его уничтожению. В самом Берлине германские войска продолжали упорно сражаться, пытаясь оттянуть свой неминуемый конец.

24 апреля ударные соединения 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов, соединившись в районе Бранденбурга, замкнули кольцо окружения немецких войск в Берлине. 25 апреля войска 1-го Украинского фронта встретились на Эльбе с войсками

12-й американской группы армий генерала О. Брэдли. К этому времени танкисты генерала Рыбалко (1-й Украинский фронт), форсировав с ходу р. Шпрее, с ожесточенными боями продвигались к центру Берлина (разграничительная линия между войсками фронтов была изменена и проходила примерно по центру города) и оказались в тылу боевых порядков 8-й гвардейской армии и 1-й гвардейской танковой армии 1-го Белорусского фронта. Все это вызвало некоторую неразбериху, которая могла принести и, видимо, принесла немало неоправданных жертв.

Наконец, 28 апреля Конев решил обратиться к Жукову с предложением изменить разграничительную линию между их фронтами и несколько скорректировать направление продвижения армий 1-го Белорусского фронта. Позиция Жукова по этому вопросу была противоположной. В тот же день он направил телеграмму Сталину с просьбой разрешить ему сменить своими войсками соединения 1-го Украинского фронта, наступающие к центру Берлина с южного направления. В Генеральном штабе внимательно следили за ходом событий и еще до получения телеграммы от Жукова ему и Коневу была направлена директива о новой разграничии. Суть ее сводилась к тому, что войска Конева, которые к тому времени достигли Тиргартена, должны были быть отведены, с тем чтобы их место заняли войска Жукова. Центр Берлина теперь входил в полосу действий армий 1-го Белорусского фронта, что огорчило маршала Конева. Но ему ничего не оставалось делать, как подчиниться приказу.

Между тем сражения в столице Германии продолжались с неослабевающей силой. 29 апреля начались бои за рейхстаг, овладение которым было возложено на 79-й стрелковый корпус 3-й ударной армии 1-го Белорусского фронта. 30 апреля разведчики 150-й стрелковой дивизии М. Егоров и М. Кантария водрузили красное знамя над рейхстагом. Имперская канцелярия была взята штурмом.

В тот же день, 30 апреля, не дожидаясь, пока советские солдаты ворвутся в бункер, расположенный на территории имперской канцелярии, покончил жизнь самоубийством А. Гитлер. Он не захотел покинуть столицу Германии, решив, что его присутствие будет воодушевлять немецких солдат и поддерживать в войсках высокий боевой дух. Но его надежды оказались тщетными. В конце своей жизни он признал,

что, видимо, совершил большую ошибку, напав на Советский Союз. Русские, по его словам, оказались более сильной нацией. В день самоубийства он заперся в своем кабинете вместе с Евой Браун. Через несколько минут прозвучал выстрел. Труп Гитлера и его супруги, с которой он накануне решил пожениться, был облит бензином и сожжен его приближенными во дворе имперской канцелярии. Покончил жизнь самоубийством и министр пропаганды И. Геббельс. 2 мая сопротивление противника полностью прекратилось. Остатки берлинского гарнизона во главе с начальником обороны города генералом Г. Вейдлингом сдались в плен.

С падением Берлина Германия утратила способность к организованному сопротивлению. 2 мая 1945 г. был объявлен праздничный приказ И. Сталина, в котором говорилось о вкладе войск 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов в разгром берлинской группировки. Отмечалось, что к 21 часу 2 мая в плен сдались уже более 70 тыс. немецких солдат и офицеров. 3 мая Жуков осматривал имперскую канцелярию и рейхстаг, на внутренней стороне которого, как и многие советские воины, поставил свой автограф. А через несколько дней, в ночь на 9 мая, маршал Жуков вместе с представителями английского, американского и французского командования принял в Карлсхорсте (пригороде Берлина) безоговорочную капитуляцию германских войск. Война в Европе была окончена. Преступный фашистский режим и созданное им нацистское государство были повержены.

Потери советских войск в Берлинской операции были исключительно велики. Убитыми и ранеными они превысили 350 тыс. человек. Из них безвозвратные потери (убитые, пропавшие без вести) составили 78 тыс. человек. Потери противника были намного больше. Перестала существовать целая немецкая группировка количеством около 1 млн человек. Примерно 150 тыс. чел было убито, остальные взяты в плен или успели уйти на запад.

В боях за Берлин советские бойцы и командиры проявили выдающееся мужество и отвагу. Сила и мощь Красной Армии, советское военное искусство заслужили самых высоких оценок. Для того чтобы стать таковой, Красной Армии пришлось пройти через годы суровых лишений, многие жертвы, оказаться на краю пропасти, но выстоять и победить.

«60 лет высадки в Нормандии» (Москва, май 2004)

Д. Байерли*

Уважаемые члены Академии, уважаемые коллеги, дорогие ветераны, дамы и господа, прежде всего, я хотел бы выразить благодарность г-ну Чубарьяну и сотрудникам Института всемирной истории Российской Академии наук за то, что они пригласили военного атташе США в России контр-адмирала Бена Вэйкендорфа и меня принять участие в данной конференции, а также за предоставленную возможность выступить здесь.

Я очень горжусь тем, что выступаю перед вами в день шестидесятилетия открытия Второго фронта. Этот день имеет особое личное значение для меня и для моей семьи, поскольку мой отец, которому уже за восемьдесят, является ветераном высадки союзников в Нормандии. Недавно мой отец побывал в Москве, и нам выпала уникальная возможность увидеть парад Победы на Красной площади. Девятого мая, когда я стоял у Кремлевской стены и смотрел на проходящие воинские колонны, меня вновь поразило, сколь эмоционально россияне чувствуют подвиги своих ветеранов на полях сражений под Москвой, Сталинградом, Курском и Ленинградом. И, принимая во внимание значение, которое имела высадка союзников в Нормандии для судеб Второй мировой войны, становится совершенно ясно, почему мы столь же эмоционально выражаем свое почтение участникам этой операции и здесь, в России. Скажу больше — мы собрались сегодня для того, чтобы воздать должное самому великому военному союзу в истории.

И хотя в Соединённых Штатах шестое июня не отмечается повсеместно, высадку в Нормандии вспоминают у нас чаще, чем какое-либо другое сражение на Западном фронте. Популярные фильмы, такие как «Спасти рядового Райэна» Стивена Спилберга и недавний телесериал по книге Стивена Эмброуза «Братство, спаянное войной», в которых

высадка в Нормандии показана с натуралистическими деталями, заставляют нас по-новому пережить эти события. И всё же сегодня нам всем не следует забывать, что успех Нормандской операции был общей победой для всех участников антигитлеровской коалиции. Сотрудничество союзников в ходе Второй мировой войны стало залогом успеха как высадки в Нормандии, так и окончательной победы над фашистской Германией. Поэтому глубоко символично, что президент Путин, президент Буш, премьер-министр Блэр и президент Ширак вместе с руководителями других стран соберутся в этом году, чтобы отметить шестидесятую годовщину высадки союзных войск в Нормандии.

Известный американский историк Чарльз Киркпатрик пишет, что на концептуальном уровне планирование вторжения в Европу началось задолго до нападения японской авиации на Перл-Харбор. «К тому моменту, когда Соединённые Штаты вступили в войну... уже были хорошо проработаны планы разгрома Германии посредством высадки в Европе с баз в Великобритании. Почти с самого начала участия США в войне подобное вторжение рассматривалось Америкой как предпоследний этап, который должен был быть подготовлен всеми остальными военными операциями и стать кульминационным моментом массивной программы военной мобилизации и боевой подготовки. Это было кульминацией всей американской стратегии».

Однако, несмотря на то, что возможность высадки войск в Европе рассматривалась Соединёнными Штатами еще до начала войны, в декабре 1941 года Америка была ещё не готова к участию в такой грандиозной кампании. Едва пережив период демобилизации и изоляционизма, США ещё не располагали ни необходимым снаряжением, ни людскими

* Джон Байерли — Чрезвычайный и Полномочный Посол США в Российской Федерации.

Публикуется выступление Джона Байерли на конференции в Институте всеобщей истории РАН.

ресурсами, ни парком самолетов, необходимыми для подготовки эффективной десантной операции в Великобритании. Немецкие подлодки, беспрепятственно бороздившие моря вплоть до лета 1943 г., значительно усложняли дело, ограничивая трансатлантические перевозки. Только в 1942 г. немецкие подлодки потопили 1027 судов союзников. В начале 1942 г. стало ясно, что высадку в Европе возможно организовать только совместными усилиями и путем достижения компромисса в отношении промежуточных целей. Оглядываясь назад, можно сказать, что такие компромиссы позволили Соединённым Штатам выиграть время, необходимое для мобилизации своих военных усилий. В то же время действия союзников на Восточном фронте, в Северной Африке и в Италии создали условия для успешной высадки войск в Европе.

На протяжении 1942 и 1943 г. Соединённые Штаты вели перестройку промышленности для удовлетворения все возрастающих потребностей союзников в военных ресурсах. В этот период промышленность США поддерживала удаленные базы и операции в Тихом океане, кампании в Северной Африке и Италии, одновременно мобилизуя людские и материальные ресурсы для высадки в Европе. При этом США продолжали осуществлять важнейшие поставки своим западным союзникам и Советскому Союзу. Например, в январе 1944 г., то есть в критически важный период, непосредственно предшествовавший высадке в Европе, только один конвой, состоявший из сорока шести торговых судов, вёз из Сиэтла на западном побережье США во Владивосток груз, содержащий две тысячи самолетов, двенадцать тысяч грузовиков и тракторов, двадцать две тысячи тонн произведенной в США стали, более семисот двигателей для самолетов, тонны запасных частей и многое другое. Тот факт, что Соединённые Штаты могли не только обеспечивать свои собственные растущие нужды, но и в то же время совместно с Великобританией и Канадой поддерживать Советский Союз, свидетельствовал как о промышленной мощи США, так и об их преданности антигитлеровской коалиции.

Не меньшую роль, чем промышленная мобилизация, в стратегии США играла подготовка боевых подразделений военного времени. Америка вступила в войну, имея в своем распоряжении континентальную армию мирного времени — хорошо обученную, но недоукомплектованную и не проверенную в боях. Мобилизация и подготовка большого количества солдат, моряков, летчиков и морских пехотинцев, необходимых для ведения войны с Японией в Тихом океане и для высадки в Европе, была задачей нелёгкой и требующей времени. В 1942–1943 гг. Соединённые Штаты смогли мобилизовать и подготовить достаточное количество военнослужащих для укомплектования и приведения в боевую готовность. В то же время военные опе-

рации в Северной Африке помогли американским войскам приобрести жизненно важный боевой опыт и выявить наиболее одаренных военачальников. (Здесь можно добавить, что решение направить американские войска в Северную Африку было встречено в штыки большинством специалистов по военному планированию, поскольку они считали, что любое отвлечение людских и материальных ресурсов приведёт к затягиванию войны и отдалит решение главной задачи.)

К концу 1943 г. в результате мобилизации в США были аккумулированы людские и материальные ресурсы, достаточные для осуществления высадки в Европе. Однако, хотя США основной упор в своей стратегии делали на вторжение через Ла-Манш, своим успехом операция «Оверлорд» обязана объединенным усилиям коалиции, которая к тому моменту создала необходимые условия — контроль на море и в воздухе и ослабление военной мощи Германии.

Создание таких условий явилось результатом совместных усилий союзников. В 1943 г. военно-морские силы Великобритании, США и Канады смогли наконец расчистить морские пути из Америки для беспрепятственных поставок военных ресурсов и личного состава. В то же время массированные бомбардировки с Британских островов и успехи советских войск на Восточном фронте лишили немецкую авиацию наземной поддержки на Западном фронте. Последовательное ослабление Люфтваффе было настолько успешным, что, по свидетельству Киркпатрика, в первые, решающие часы высадки в Нормандии было зарегистрировано только два вылета немецкой авиации.

Кроме того (что, пожалуй, особенно важно), успешные бои Красной Армии на Восточном фронте, в ходе которых немецкие войска понесли тяжёлые потери, заставили верховное командование Германии отозвать с Западного фронта свои наиболее подготовленные подразделения.

Наконец, во Франции ширилось движение Сопротивления. Такие группы, как «Тайная армия», отделение разведывательной службы, французские внутренние силы и другие группы Сопротивления сеяли панику в немецком тылу. «В ходе только одной операции французского Сопротивления в марте 1944 г. Германия была вынуждена задействовать девять батальонов военных и полиции, а на протяжении всей весны 1944 г. немецкие радарные станции регулярно докладывали о совершении десятков вылетов самолетов союзников за ночь в тыл повстанцам для переброски им оружия и боеприпасов». В результате началу 1944 г. союзные силы получили подавляющее превосходство в военной силе и технике. Для антигитлеровской коалиции в целом и для американских войск в частности это означало кульминацию военных операций, которые планировались с 1941 г. и были нацелены на соз-

дание условий для успешной высадки на европейском континенте... Весной 1944 г. все эти условия — а именно контроль на море, в воздухе и ослабление немецкой военной машины — были созданы».

Несмотря на то, что действия коалиции привели к успеху Нормандской десантной операции, у коалиции имелись и проблемы. В ходе войны между западными союзниками часто возникали разногласия, особенно когда речь шла о времени открытия Второго фронта и о размахе намечаемых операций. Более того, между западными союзниками и Советским Союзом существовали многочисленные идеологические и экономические различия, которые имели далеко идущие последствия. О глубине этих противоречий говорит та стремительность, с которой союз Востока и Запада развалился по окончании Второй мировой. Однако члены антигитлеровской коалиции смогли преодолеть внутренние противоречия и сосредоточить свои усилия на главной общей задаче — разгроме фашистской Германии.

Следует отметить, однако, что коалиция была не просто объединением стран, противостоящих угрозе национал-социализма. Опыт боевого товарищества стран-союзников оказался более долговечным, чем временные стратегические отношения. Этот опыт приобретался в пыли военных дорог, он запечатлен на лицах американских и британских десантников, садившихся в самолеты 5 июня 1944 г., на лицах французов, праздновавших освобождение, на лицах российских, британских и американских солдат, когда они встретились на берегах Эльбы близ Торгау, в Германии.

Возможно, удивительная история из жизни одного американца может служить ярким примером силы боевого товарищества. Вечером пятого июня 1944 г. молодой американский десантник из пятисот шестого парашютно-пехотного полка сто первой десантной дивизии вступил на борт самолета С-47, чтобы покинуть военную базу в Англии и принять участие в «великом прорыве», как эту операцию окрестил президент Рузвельт. Вместе с шестнадцатью товарищами наш десантник направлялся на юг, в зону высадки близ французского города Сен-Комдю-Мон. Молодой солдат перелетал Ла-Манш уже не в первый раз. Дважды до этого — в апреле и в мае 1944 г. — он высаживался во Франции, чтобы доставить золото в слитках силам французского Сопротивления.

Подлетая к зоне высадки, самолет был атакован немецкими зенитками и начал стремительно падать. Всего лишь в ста двадцати метрах от земли десантникам удалось покинуть самолет. После приземления наш десантник понял, что его отнесло далеко от группы. В течение двух суток, пытаясь найти товарищей, он противостоял врагу один на один. На третий день его взяли в плен. На протяжении последующих шести месяцев он сменил семь концентрационных лагерей, расположенных на тер-

ритории Франции, Германии и Польши. Дважды он неудачно бежал из плена. Во время третьего побега из лагеря на берегах Одера двое товарищей молодого десантника были убиты, но ему удалось-таки бежать и он стал пробираться на восток, туда, где был слышен звук советских орудий. Наконец он вышел к расположению советского танкового батальона Шестой гвардейской танковой армии Первого белорусского фронта, где он смог убедить командира разрешить ему сражаться вместе с советскими войсками на пути к Берлину.

Ему выдали автомат и предложили ехать на броне танка. Автомат был знаменитым ППШ-41, основным оружием российской пехоты того времени. Танком, однако, был не Т-34 — после многочисленных тяжелых сражений, таких как историческая битва на Курской дуге, их осталось мало. Это был «Шерман» — один из сотен танков, о которых я говорил ранее. Они пересекли океан, проделав путь с заводов Нью-Джерси и Флориды в Мурманск и Архангельск. Американский десантник, вооруженный российским автоматом, на американском танке сражался вместе со своими советскими товарищами до тех пор, пока не был тяжело ранен во время атаки немецкого пикирующего бомбардировщика. Русские врачи бросились к нему, истекающему кровью в канаве, остановили обширное кровотечение и спасли ему жизнь. Оказавшись в советском тылу, наш десантник встретился с маршалом Жуковым, который снабдил его письмом-пропуском. После этого молодой человек смог добраться до Посольства США в Москве. Домой в штат Мичиган он прибыл двадцать первого апреля 1945 г. и окончание войны в Европе отпраздновал уже в Чикаго. Этим десантником, который был мобилизован в Америке, пересек Атлантику под защитой британских кораблей, помогал борцам французского Сопротивления, высадился в Нормандии шестого июня и потом сражался вместе с советскими войсками на Восточном фронте, был мой отец, Джо Байерли.

Размышляя о военной службе отца, я понимаю, что невозможно переоценить боевое товарищество миллионов солдат, моряков и лётчиков, которые общими усилиями крепили наш стратегический альянс. Без совместных действий всех военнослужащих альянса успех Нормандской десантной операции был бы в лучшем случае кратковременным, а победа — не более чем мечтой.

Общая угроза, с которой мы столкнулись и которую отразили в ходе Второй мировой войны, во многом отличается от новой угрозы, с которой Европа и весь мир столкнулись в наши дни. На смену самой страшной угрозы первой половины двадцатого века — фашизму — пришла угроза двадцать первого века — международный терроризм. На смену фашистской Германии с ее радикальной идеологией, поддерживавшейся, казалось бы, непобедимыми, но традиционными военными соединениями, пришел

более изощренный, неуловимый враг, движимый не менее радикальной идеологией. Сегодняшний враг целится в небооруженных граждан в кинотеатрах и поездах метро, в офисах и на улице. Как и в прошлом веке, сегодняшнего врага нельзя ни сдержать, ни усмирить, и, поскольку этот враг не знает государственных границ, победить его усилиями одной отдельно взятой страны невозможно.

Члены антигитлеровской коалиции смогли подняться над имевшимися между ними глубокими идеологическими противоречиями во имя достижения общей цели — победы во Второй мировой войне. Сегодня между нами гораздо меньше различий, и они не столь глубокие. И Россия, и ее западные партнеры, в стратегическом плане придерживаются общих ценностей демократии и рыночной экономики. Сегодня военные наших стран сотрудничают теснее, чем когда-либо ранее, что доказывают недавно проводившиеся в Москве двусторонние учения по планированию «Торгау 2004». Как и во времена Второй мировой войны, мы не имеем права позволить

незначительным и чисто тактическим разногласиям отвлечь нас от достижения общей стратегической цели — победы над международным терроризмом. Как и во времена Второй мировой войны мы должны сосредоточиться на решении главной задачи — обуздании международного терроризма, преследуя единственную высшую цель, которая вдохновляла моего отца, наших отцов и дедов: передать нашим детям и внукам мир лучший, чем тот, в котором мы живем сейчас.

Я хочу сказать сердечное спасибо всем военнослужащим Советской Армии, которые приняли моего отца, когда он нуждался в защите, накормили его, когда он был голоден, спасли его, когда его ранили, помогли ему добраться до американского посольства в Москве и вернуться домой живым. Хочу сказать большое спасибо и за то, что я могу быть сегодня здесь в качестве американского дипломата в Москве, служить той же общей цели, которая стояла перед великим военным союзом наших держав шесть десятилетий тому назад.

Военная повседневность как предмет исторического исследования: теоретико-методологические проблемы

А. С. Сенявский, Е. С. Сенявская*

Общество — многомерно, тем более если его рассматривать в динамике, во временном измерении, то есть так, как это и призвана делать историческая наука. Общество существует в пространстве и во времени, причем и время, и пространство социально структурированы. Если брать только один «вертикальный» срез, то здесь присутствуют, по крайней мере, три уровня: макро-, мета- и микроуровни. В действительности их гораздо больше, потому что категориальное мышление, как правило, предельно упрощает рассматриваемые объекты исторического анализа. Если брать «горизонтальные», содержательные измерения, то их великое множество: социокультурные явления, экономика, социальные отношения, политика и т.д., — все это взаимосвязано и переплетено. Вырывать какую-либо тему и рассматривать ее как самостоятельный предмет исторического исследования можно лишь предельно условно: нужно всегда иметь в виду, что это лишь часть большого целого, хотя и в разной степени автономная, но преимущественно определяемая системными связями, в которые эта часть как элемент целого включена.

Кроме того, следует иметь в виду, что общество — «голографично». Это значит, что любой элемент общества как системы, в любом его измерении всегда отражает — в конкретных отношениях и проявлениях — общество как целое и особенно его подсистемы, в которые эта часть непосредственно интегрирована.

После таких общих замечаний перейдем к анализу ключевых исходных понятий темы. Дело в том, что «повседневность» — это, во-первых, преимущественно область «микроуровня» истории, хотя им

не ограничивается, а во-вторых, даже в единичных проявлениях повседневности как в голограмме проявляется вся совокупность существующих в данном обществе в данное время общественных отношений, включая мета- и макроуровни¹.

Повседневность как специальная область исторических исследований была обозначена и стала популярной недавно. В действительности, основные аспекты ее рассмотрения, пусть и обозначаемые иными терминами (история труда, быта, отдыха и досуга, обычаев, различных срезов культуры и т.д.), чаще всего — в отдельных фрагментах — изучались давно и традиционно. Такой поворот в историографии в принципе соответствует логике развития науки, где «хорошо забытое старое» нередко подается как новое, к этой области привлекается повышенное внимание научного сообщества, и она становится весьма популярной. И здесь для конкретной отрасли науки, в данном случае для истории, есть как свои плюсы, так и минусы. Плюсы состоят в том, что в этой «старой-новой» области совершается немалый рывок в количественном накоплении знаний, нередко также и теоретико-методологические прорывы, формирование новых концепций, вплоть до смены парадигмы отраслевого знания. Этот скачок может влиять на целую конкретно-научную область или даже всю науку. Минусы состоят в том, что увлеченные своим предметом исследователи обычно забывают его ограниченность, рассматривая как самодостаточный, вне связи и общенаучного контекста. Исследователям повседневности стоит поостеречься излишней переоценки значимости их предмета при изучении истории общества. Конечно, повседневность «самоценна»

* **Сенявский Александр Спартакович** — доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра «Россия и СССР в истории XX века» Института российской истории РАН;

Сенявская Елена Спартаковна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, лауреат Государственной премии РФ, действительный член Академии военных наук.

как предмет массового читательского интереса, обычно имеющего склонность к бытовым подробностям жизни. Но нужно всегда отдавать себе отчет, что «повседневность» — всего лишь один «ракурс» рассмотрения общества, не способный дать решающей информации для понимания его исторической динамики, а лишь дополняющий, конкретизирующий научные подходы, вскрывающие его сущность.

Позитивность выведения категории «повседневность» на один из первых планов в интересе современной мировой историографии заключается, прежде всего, в перенесении акцента с институциональной и макрособытийной истории на ее богатую конкретику. То есть — переход от доминирования умозрительных схем и построений к «истории подробностей жизни». Второй положительный момент — объединение в общий предмет широкой области ранее отдельных сюжетов и тем исследований (быт, отдых, труд, гендерная история и т.д.). То есть речь может идти — в совокупности — о новой парадигме исторического знания, при которой факт реальной жизни приобретает качественно иное научное значение. В контексте этой парадигмы вместо «аналитичности» доминирует «описательность» (которая правомерно реабилитируется в данной области).

Вместе с тем, излишнее увлечение повседневностью, гипертрофия значимости этой темы таит угрозу «расщепления исторической реальности», «размазывания», бесконечного фрагментирования истории, не избавляя от опасности схематизма, потому что повседневность тоже должна быть структурирована, а здесь возможны как действительно научный подход, так и субъективный произвол при выборе тем и ракурсов.

***

Казалось бы, тот срез исторической реальности, который отражается понятием «повседневность», всецело принадлежит «микроистории», является прерогативой «фактографии» и предельной конкретики, поскольку речь идет — в ряду прочих аспектов — и о мельчайших проявлениях жизни людей. Однако, если придерживаться действительно научного подхода, это далеко не так.

Создать полную историю, значит воссоздать всю совокупность жизни всех членов общества изо дня в день. Но это абсолютно ирреальная (да и не нужная) задача. Историческая наука в принципе не может воссоздать реальность жизни во всей ее полноте, причем не только всех и каждого, но даже и одного человека. Причем если жизнь отдельных конкретных людей (крупных деятелей: политиков, полководцев, ученых и т.д.) может быть в принципе интересна многим, то персональная жизнь «маленького человека» сама по себе — почти никому. Вместе с тем, она представляет интерес для историка в своих типических проявлениях: как иллюстрация жизни тысяч или даже миллионов таких же «маленьких людей» в конкретной

стране в конкретно-исторической ситуации. Но в таком случае, речь идет уже о массовых проявлениях повседневности, к изучению которых применимы, например, количественные методы, методы статистики. Здесь микроистория смыкается с макроисторией, с историей широких социальных явлений.

Проблемы «макроуровня» (изменение социально-экономических, политических, духовных условий жизни общества, и др.) имеют целый ряд «выходов» на проблемы повседневности. Например, изменения структуры собственности, материальных условий жизни, распространение технических средств разного порядка (средств транспорта, связи, бытовых приборов и т.п.) радикально меняют те или иные стороны повседневности. В военной истории за последние пару столетий существенно изменялась повседневность и фронта, и тыла, что было связано с техническим прогрессом (появление новых массовых военных профессий — артиллеристы, танкисты, летчики, на флоте — подводники, и т.д.; приближение «фронта и тыла» из-за превращения тыла в арену боевых действий — вследствие появления средств поражения — авиационных, ракетных и др.).

Хотя, конечно же, и образ повседневной жизни, и ее структура во многом определяются уникальной индивидуальностью каждого человека, но социальные, материальные параметры жизни объективно задают определенную «матрицу» повседневности: крестьянин привязан к годовым, ежедневным циклам природы, тогда как рабочий у станка — к режиму работы фабрики; житель крупного городского центра имеет широкий выбор в проведении своего свободного времени, а житель села в этом предельно ограничен и т.д. В сущности, в каждую историческую эпоху, в каждой стране, для каждого человека существуют пределы индивидуализации повседневной жизни. Различия в структуре повседневности внутри каждой из социальных категорий определяются индивидуальной реализацией возможностей, существующих в достаточно жестких рамках «свободы выбора», характерных для каждой из социальных групп. Поэтому при изучении повседневности необходимо безусловное сочетание методов макро- и микроуровней исторического исследования. Здесь открывается широкое поле для исторического анализа. Возможно изучение «структуры повседневности» конкретного общества, которая явно будет коррелировать с состоянием его стратификации. При этом качество «матрицы» повседневности может играть решающую роль в полноте и объективности отражения социальной реальности. Использование разнообразных «матриц» как инструмента исследования повседневности представляется весьма перспективным. Интересна как одна из ключевых тем динамика структуры повседневности всего общества и отдельных категорий в частности. Значительную роль в ее исследовании могут сыграть наработки социологов, например, по проблеме бюджетов вре-

мени различных социальных категорий: сколько времени человек затрачивает на конкретные виды труда, на быт, отдых, образование и т. д.

Таким образом, при изучении повседневности необходим объемный, голографический взгляд, от максимально общих данных, характеризующих структуру социальности в конкретный момент, до живых конкретных описаний индивидуальной жизни. Категорически нельзя ограничиваться методологией и инструментарием микроистории. Нередко макроистория может сказать о сущности повседневной жизни намного больше и объективнее, чем самые наглядные и «живые» бытовые зарисовки, потому что последние являются иллюстрацией, могут представить и отразить единичное, а часто — уникальное, но не общее.

При изучении любого исторического явления всегда возникают вопросы достоверности отражения, точности и полноты воспроизведения. Достоверность зависит от качества используемых источников, полнота описания — от масштабов использования источников и вовлечения исторического материала, точность, адекватность отражения — от методологии и методики исследования. Источниковедение «повседневности» представляет собой тему для отдельного анализа. Здесь же затронем еще один методологический вопрос. Когда речь идет о повседневности, особую важность приобретает вопрос о «формальной» и «живой» истории. Взятые в отрыве одна от другой, они представляют относительную ценность: первая — как абстракция, отражающая общие закономерности, дающая пищу уму, не воображению, не чувствам; вторая — как забавная уникальность, приближающаяся по форме отражения к искусству, но отдаляющаяся от науки. В действительности, обе истории не противоречат друг другу, а могут взаимодополняться. Особенно плодотворен в тематике повседневности синтез макро- и микроистории.

История может быть статичной и динамичной. Повседневность в статике — значит, отражение структуры повседневности, взятой на какой-либо исторический момент. Повседневность в динамике — это как можно более полная совокупность статических структур, рассмотренная во времени. На практике повседневность какого-либо общества не может быть изучена во всей полноте из-за масштабности предмета изучения, огромной трудоемкости, несоответствия объема сохраняющихся источников объему возникающих проблем и т. д. Речь может идти лишь о типологии повседневности (при опоре на массовые источники) и об «образах» повседневности, которые являются иллюстрациями конкретных элементов типологии, возникают на основе «живых» картин, создаваемых авторами источников личного происхождения, литераторами и историками, пытающимися воспроизвести «живую ткань» человека и общества во времени.

Как правило, историк имеет дело с фрагментами повседневности, взятыми по какому-либо принципу:

повседневность социальной категории, повседневность конкретного общества в конкретный момент или ограниченный период, какие-либо занятия в конкретном социуме и т. п. Попытка «глобальных» исследований весьма интересна, но, как правило, обобщается предельной краткостью, упрощениями и иллюстративностью.

***

Что же такое «военная повседневность» как предмет исторического исследования и как ее следует изучать? В основном, данная область исследований подчиняется общим закономерностям исторических исследований повседневности в целом, хотя и имеет свою специфику, определяемую экстремальностью состояния общества, страны, народа в состоянии вооруженных конфликтов и особенно крупномасштабных войн.

Здесь также необходимо сочетание широкого общественно-исторического контекста с подробностями жизни, причем определенным образом типологизированными. Динамическая событийная канва развертывания военного конфликта должна сопрягаться с социальными категориями, живущими и действующими в экстремальных военных обстоятельствах. При этом, конечно, принципиальное значение имеет масштаб военного конфликта (от малых войн до мировых), от которых зависит степень вовлеченности общества, которое либо только «наслышано» о ходе военных операций (в случае малых масштабов войны), либо полностью подчинено в большинстве проявлений, в том числе и повседневной жизни, в войну, от которой зависит сама судьба общества, страны, народа и государства, как, например, это происходило в период Великой Отечественной войны. Рассмотрим заявленную проблему именно на этом, последнем примере, как наиболее полно характеризующем военную повседневность советского общества.

Итак, в 1941–1945 гг. все советское общество, вовлеченное во Вторую мировую войну, оказалось в прямом смысле этого слова «на грани жизни и смерти», и все существование советских людей было подчинено общей задаче — противостоянию фашистскому агрессору и достижению победы. Конечно, повседневная жизнь каждого человека в этих условиях была уникальной. Однако люди, оказывавшиеся в похожих обстоятельствах, в целом проживали и похожие жизни. А значит, изучение и фронтовой повседневности предполагает типологизацию разной степени детализации. Прежде всего, это касается разделения общества на фронт и тыл, а внутри этих двух важнейших подразделений — на множество социальных, половозрастных, профессиональных, географических и т. д. категорий. Многочисленные «матрицы», накладываемые друг на друга, дают более многомерную специализированную картину. Повседневность также подразделяется на различные фрагменты и их

блоки — труд, быт, отдых и т.п. для гражданских людей; служба, участие в боевых действиях, быт, отдых и т.д. — для армии на фронте, — вот основные тематические подразделения.

Совершенно очевидно, что фронтовая повседневность принципиально отличалась от повседневности тыловой жизни, хотя и на фронте как служба, так и быт и отдых различных родов войск, профессиональных групп, а также командного и рядового состава армии, флота, авиации существенно отличались. Огромными отличиями характеризовались и периоды отступления, обороны и позиционной войны, наступления, и т.д. Поэтому невозможно создать универсальную картину фронтовой повседневности, но возможно описать некий набор типичных ситуаций для основных категорий военнослужащих с основными показателями и проявлениями повседневности для каждой из категорий. Что не исключает уникальности индивидуального опыта, например, создателей многочисленных мемуаров, подчас оказывавшихся в неповторимых ситуациях.

***

Итак, на войне существуют и тесно переплетаются опасность боя и повседневность быта, совокупность которых во всем многообразии типичных и уникальных проявлений можно определить как *фронтовую повседневность*.

Психологи знают, как мгновенно преобразуется человек, получивший в руки оружие: меняются все мироощущение, самооценка, отношение к окружающим. Война формирует особый тип личности, особый тип психологии — *психологию комбатанта*, то есть непосредственного участника боевых действий. Это психология человека в экстремальных обстоятельствах войны, которую можно рассматривать как непрерывную череду *пограничных ситуаций*, бытие на грани жизни и смерти. «Только в бою испытываются все качества человека, — говорил в одном из своих выступлений легендарный комбат Великой Отечественной Б. Момыш-улы. — Если в мирное время отдельные черты человека не проявляются, то в бою они раскрываются. Психология боя многогранна: нет ничего не задеваемого войной в человеческих качествах, в личной и общественной жизни. В бою не скрыть уходящую в пятки душу. Бой срывает маску, напускную храбрость. Фальшь не держится под огнем. Мужество или совсем покидает человека, или проявляется во всей полноте только в бою... В бою находят свое предельное выражение все присущие человеку качества»².

В военной психологии существует особое понятие «коллективные (групповые) настроения». Они способны к быстрому распространению и, возникая у одного или немногих людей, часто перекидываются на большую человеческую массу, «психически заражая» ее. При этом в боевой обстановке с одинаковой вероятностью могут проявиться прямо противополо-

жные коллективные настроения: с одной стороны, чувство боевого возбуждения, наступательный порыв, экстаз атаки, а с другой, — групповой страх, уныние, обреченность, способные в определенной ситуации привести к возникновению паники. Таким образом, и паника, и массовый героический порыв — часто явления одного порядка, отражающие «психологию толпы».

Этим во многом объясняется и феномен коллективного героизма, и сила героического примера. Так, подвиг одного человека (или воинского коллектива) в боевых условиях является мощным психологическим импульсом для окружающих, побуждающим их к активному действию, а вместе с тем являющимся и готовым образцом, своеобразной моделью поведения в опасной ситуации.

Наиболее ярким примером негативного воздействия «психического заражения» в боевой обстановке является паника. Ее многочисленные случаи в начале Великой Отечественной войны, в период массового отступления советских войск, в значительной степени были вызваны общим состоянием глубокого психологического шока, который испытала армия в столкновении с реальной мощью противника, что решительно противоречило внушенным довоенной пропагандой лозунгам и стереотипам. При этом сильным импульсом, заставлявшим целые части срывать с позиций и устремляться от мнимой опасности, обычно становился крик «самолеты», «танки» или «окружают». За время своего отступления войска успели настолько «привыкнуть» к ударам превосходящих вражеских сил, собственным неудачам и поражениям, что сравнительно легко поддавались малодушию, панике и бегству в тыл.

Очень часто паника возникала, когда солдат сталкивался на поле боя с чем-то непонятным, например, с применением противником нового вида оружия. Во Второй мировой войне ее вызывало использование сирен на немецких пикирующих бомбардировщиках, радиовзрывателей, советских реактивных минометов «Катюш» и т.д. Кстати, этот психологический фактор был учтен Г.К. Жуковым в начале Берлинской операции, когда вслед за мощной артиллерийской подготовкой последовала ночная атака танков и пехоты с применением 140 прожекторов, свет которых не только ослепил неприятеля, но и вызвал у него паническую реакцию: немцы решили, что против них пущено в ход неизвестное оружие.

Классическим примером борьбы с паникой в период Великой Отечественной войны стали приказы Ставки Верховного Главнокомандования Красной Армии №270 от 16 августа 1941 г. и Наркома обороны СССР №227 от 28 июля 1942 г. В первом из них каждый военнослужащий, оказавшись в окружении, обязан был «драться до последней возможности» и, независимо от своего служебного положения, уничтожать трусов и дезертиров, сдающихся в плен врагу, «всеми средствами, как наземными, так и воздуш-

ными». Особо изощренным видом давления на сознание отступающей армии явился пункт приказа, гласивший, что семьи нарушителей присяги будут подвергнуты аресту³.

Причиной принятия приказа «Ни шагу назад!» явилась объективная, весьма угрожающая ситуация, сложившаяся летом 1942 г. на Юго-Западном фронте, когда за неполный месяц, с 28 июня по 24 июля, советские войска в большой излучине Дона отошли на восток почти на 400 км со средним суточным темпом отхода около 15 км, и нужны были резкие, неординарные меры, чтобы остановить отступление, которое грозило гибелью стране⁴. Приказ №227 призывал установить в армии «строжайший порядок и железную дисциплину», для чего создавались штрафные батальоны, в которых «провинившиеся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости» командиры и политработники могли «искупить кровью свои преступления против Родины». В том же приказе говорилось о формировании заградительных отрядов, которые следовало поставить «в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать их в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать на месте паникеров и трусов и тем помочь честным бойцам дивизии выполнить свой долг перед Родиной»⁵. Главный способ борьбы с паническими настроениями в Советской Армии был прост: «Паникеры и трусы должны истребляться на месте». Можно по-разному относиться к его жестокости, но нельзя отрицать его действенности: приказ №227 сумел переломить настроение войск. Не исключено, что без него СССР не удалось бы победить под Сталинградом, да и в войне в целом. Кстати, еще раньше, чем Сталин, такие же чрезвычайные меры для преодоления кризиса на Восточном фронте и повышения дисциплины войск предприняло германское командование⁶.

Страх в бою — естественное чувство, вызванное инстинктом самосохранения. Часто он становится фактором, препятствующим эффективной боевой деятельности и имеющим широкий диапазон последствий: от массовой паники и бегства больших войсковых масс до индивидуальной психологической подавленности, утраты способности ясно мыслить, адекватно оценивать обстановку, вплоть до безынициативности и полной пассивности. Страх является одной из форм эмоциональной реакции на опасность. Не существует страха абстрактного, страха вообще. Страх бывает перед чем-то, в определенной конкретной ситуации. При этом для человека в экстремальной обстановке характерно чувство доминирующей опасности, обусловленное оценкой создавшегося положения, и часто то, что казалось опасным минутой назад, уступает место другой опасности, а следовательно, и другому страху. Например, страх за себя сменяется страхом за товарищей, страх перед смертью — страхом показаться трусом, не выполнить приказ и т.п. От того, какой из видов страха окажется

доминирующим в сознании воина, во многом зависит его поведение в бою⁷.

Иногда страх вызывает у человека состояние оцепенения, лишает его самообладания, провоцирует неадекватное поведение; в других случаях, напротив, заставляет мобилизовать волю, напрячь усилия, активизировать боевую деятельность. При этом мотивы поведения комбатанта в экстремальной ситуации делятся на идейные и волевые, хотя по отдельности, «в чистом виде» они встречаются довольно редко. Обычно в боевой обстановке человек руководствуется смешанными идейно-волевыми мотивами, и понимание долга в его сознании неразрывно связано с подчинением воинской дисциплине, а любовь к Родине — с проявлением личного мужества. «Страх за собственную жизнь, а порой, не скрою, и обреченность чувствовал, наверное, чуть ли не каждый из пехотинцев, наиболее из всех родов войск выбиваемых фронтом, — вспоминал бывший командир пулеметного взвода, лейтенант в отставке В. Плетнев. — Но все-таки выше, сильнее чувств каждого из нас как индивидуума было наше общее солдатское чувство и сознание, что без всех нас, без тяжелых потерь, без фронтового братства, взаимовыручки победы не добыть, и мы говорили: „Если не мы, то кто? Лишь бы хватило нас на победу! Скорей бы!“ Наверное, такое чувство и есть чувство долга»⁸.

В боевых условиях у комбатантов формируется особое отношение к жизни и смерти. Вот как описывает свои ощущения, испытанные во время Второй мировой, бывший военврач Г. Д. Гудкова: «Чудовище войны многолико. На фронте, как это ни ужасно, человеческую смерть, даже если человек молод, со временем начинаешь воспринимать как обыденное явление. Чувство отчаяния, чувство невосполнимости потери если и не исчезает полностью, то притупляется. А если обострится — его подавляешь, чтоб не мешало»⁹. С другой стороны, важное место в мировоззрении комбатанта занимал «солдатский фатализм», как и «привычка к смерти», являвшийся «защитным барьером» для психики людей в экстремальных условиях. Это взгляд отразился, например, в письме бойца Петра Куковерова к сестре, написанном незадолго до его гибели: «Скоро новый 1943-й год! Я верю, он будет для нас счастливым. Как же я хочу теперь жить! Я люблю жизнь и должен выжить. Я точно знаю: меня никогда не убьют!»¹⁰

Наряду с экстремальной боевой обстановкой, важнейшее влияние на психологию комбатантов оказывали специфические условия *фронтового быта*. «Характеризуя условия боя, нельзя упустить из виду и такую их особенность, как чрезвычайно ощутимые жизненные неудобства, — подчеркивал военный психолог Г. Д. Луков. — Зимой — это стужа, когда застывает смазка даже на тщательно протертом оружии, когда кусок хлеба становится тверже льда, а сырые валенки, замерзнув, ломаются на ходу, как будто они сделаны из очень хрупкого материала.

Бывает и летом, когда бойцы изнывают от жары, от недостатка воды, от жгучего песка и удушливой пыли, ослепляющих бойца и затрудняющих ему дыхание. Нередки случаи в боевой обстановке, когда человек недосыпает, недоедает, живет и действует в неудобствительных санитарно-гигиенических условиях, не имеет нормального жилья и уюта, физически и нравственно устает, переутомляется и т.д.»¹¹. Все эти особенности военного быта неизбежно влияли на внутреннее состояние воина, которое сказывалось на его поведении в условиях боя.

Что же представляет собой фронтовой быт, какое место занимает он на войне и какова его структура?

Русский военный психолог Р.К. Дрейлинг среди важнейших факторов, влияющих на психику бойца, называет «особые условия военного быта, вне привычных общественных и экономических отношений, тяжелый труд», отмечая при этом, что «труд, производимый, например, пехотинцем в полном вооружении и снаряжении, превосходит по количеству расходуемой энергии самые тяжелые формы не только профессионального, но и каторжного труда»¹². Человек на фронте не только воюет. Наступает затишье — и в эти часы он занят работой, от которой во многом зависит успех в новом бою.

В понятие фронтового быта, или уклада повседневной жизни в боевой обстановке, входит *выполнение служебных обязанностей* (несение караульной службы, обслуживание боевой техники, забота о личном оружии, выполнение других работ, свойственных родам войск и военным профессиям), а также *отдых и досуг*, в том числе и организованный, т.е. всё то, что составляет *распорядок дня*. Основными составляющими фронтового быта являются также *боевое снабжение и техническое обеспечение войск* (оружием, боеприпасами, средствами защиты, передвижения, связи и т.п.), *жилье, бытовое снабжение* (продуктами питания и обмундированием), *санитарно-гигиенические условия и медицинское обслуживание, денежное довольствие*, а также *связь с тылом* (переписка с родными, посылки, шефская помощь, отпуска).

Исследование проблемы требует привлечения целого комплекса разнообразных источников. Источниками для изучения фронтового быта могут служить как официальные документы (интендантские сводки по снабжению войск, приказы командования, политсводки и политдонесения и т.п.), так и источники личного происхождения (письма, дневники, мемуары, воспоминания). Нередко документы личного происхождения и результаты интервьюирования не просто корректируют данные официальных источников, но и содержат прямо противоположную информацию и оценки. Это еще один важный феномен войны: различия во взгляде с командных высот и из окопа.

Важно подчеркнуть, что существует множество факторов, влияющих на специфику фронтового быта, причем их взаимосвязь в конкретной войне,

в конкретных боевых условиях всегда уникальна, хотя состав этих факторов в принципе универсален. Конкретные бытовые условия участников боевых действий определяются *общими, социальными и ситуационными факторами*. К первым относятся тип и масштаб войны, ее длительность, мобильный или позиционный, наступательный или оборонительный характер. Немалое значение имеет театр военных действий с точки зрения климатических условий и времени года. К социальным факторам относятся принадлежность к роду войск и военной специальности, а также к рядовому или командному составу. В ряду ситуационных факторов — ход военных действий (наступление, оборона, отступление); расположение на основном или второстепенном участках фронта; расстояние от переднего края и т.п.

С точки зрения совокупности факторов, влияющих на специфику быта, каждая из войн уникальна, — прежде всего, из-за различий в историческом времени, в масштабе и длительности конфликта, в используемых технике и вооружении, в степени мобильности и т.д., — хотя можно найти и немало совпадений. Например, много общего было в бытовых условиях участников таких столь разных войн, как русско-японская начала XX в., конфликт на Халхин-Голе в 1939 г. и дальневосточная кампания советской армии в конце второй мировой войны, что объясняется сопоставимым театром военных действий и тем же противником. Но если в 1904–1905 гг. водоснабжение на большинстве участков боевых действий не являлось острой проблемой (бои велись во «влажных» районах), то на Халхин-Голе и в августе 1945 г. оно приобрело чрезвычайное значение. Так, в 1945 г. результатом нехватки воды при наступлении через пустыню Гоби явился резкий рост людских потерь в пехотных частях.

Можно провести немало параллелей между бытовыми условиями фронтовиков во время двух мировых войн на европейском театре военных действий, где основным противником и Российской империи, и СССР выступала Германия, хотя масштабы, степень жесточечности войны, ее характер (первая — преимущественно позиционная, вторая — мобильная), существенная разница в вооружении и техническом обеспечении порождали весьма существенные различия. Здесь главными природно-климатическими факторами были весенняя и осенняя распутица, а также зимние морозы.

Солдатский быт можно отнести к важным слагаемым победы и причинам поражения. От качества быта, его организации во многом зависят моральный дух войск и их боеспособность, а недостаточное внимание к отдельным бытовым факторам нередко чрезвычайно негативно сказывались на ходе боевых действий или приводили к неоправданно большим потерям. Нередко недостаточное внимание к отдельным бытовым факторам (например, нехватка теплой одежды в условиях суровой зимы или плохого

налаженное водоснабжение при передвижении по пустыне) чрезвычайно негативно сказывались на ходе боевых действий или приводили к неоправданно большим потерям.

Так, в «зимней» Советско-финляндской войне 1939–1940 гг. Красной Армии пришлось в полную меру испытать на себе природный фактор, когда замерзали и теряли боеспособность по причине обморожения целые части. Этот печальный опыт был учтен советским командованием, поэтому к Великой Отечественной войне армия пришла с отличным зимним обмундированием, и на всем ее протяжении сравнение нашего и немецкого обмундирования было не в пользу противника. «Выдавалось нам обмундирование — высший класс, — вспоминал бывший артиллерист, командир батареи С. В. Засухин. — Кальсоны, рубашка, теплое вязаное белье, гимнастерки суконные, ватники (на грудь и штаны-ватники), валенки с теплыми портянками, шапка-ушанка, варежки на меху. На ватники надевали полушубки. Через рукава полушубка пропускались меховые варежки — глубокие, с одним пальцем. Под ушанку надевались шерстяные подшлемники — только глаза были видны, и для рта маленькое отверстие. Все имели белые маскхалаты»¹³.

Проблемы, связанные с санитарно-гигиеническими условиями и вытекающей из них опасностью вспышек инфекционных заболеваний, особенно остры во время массовых войн, затрагивающих не только собственно армейский контингент, но и большое количество мирных жителей. Гигантская миграция крупнейших людских масс (передвижения воинских частей, эвакуация раненых в тыл и возвращение выздоровевших в действующую армию, перемещение гражданского населения из прифронтовых районов в глубь страны, из городов в деревни и обратно) в сочетании с резкой перенаселенностью, нехваткой жилья, катастрофическим ухудшением условий жизни и голодом, — все эти факторы являются пусковым механизмом для развития эпидемических болезней. На протяжении многих столетий действовал неотвратимый закон: войны всегда сопровождалась эпидемиями.

Если во всех военных кампаниях против Японии, особенно 1939 и 1945 гг., проблемы санитарно-гигиенического характера были связаны, в первую очередь, с нехваткой воды и ее плохим качеством, вызывавшим различные инфекционные и желудочно-кишечные заболевания, то во время более ранних войн, которые велись на европейском театре военных действий, главной была борьба с педикулезом (вшиевостью). В Первую мировую войну эта проблема стояла особенно остро, постоянно угрожая массовыми вспышками эпидемий — прежде всего сыпного тифа. Опасность усиливалась позиционным характером войны: войска долгими месяцами пребывали в одних и тех же окопах и землянках, которые вместе с людьми обживали и насекомые-паразиты. При этом

бытовая проблема не только имела самостоятельное значение, так как санитарные потери снижали боеспособность войск, но и перерастала в проблему психологическую, подрывая моральный и боевой дух личного состава. Не менее грозными во время Первой мировой были желудочные инфекции, особенно брюшной тиф, холера и дизентерия, преследовавшие русскую армию на протяжении всей войны, особенно на заключительной ее стадии, когда происходил развал армии, систем управления и снабжения, а также медицинской службы. Эпидемии приобрели просто катастрофический характер в годы Гражданской войны, перерастая в пандемии. Только сыпной тиф поразило, по разным подсчетам, от 10 до 25 млн. человек¹⁴.

В Великую Отечественную войну санитарно-гигиеническому обеспечению действующей армии уделялось особое внимание, в чем проявился учет жестокого опыта Первой мировой и Гражданской войн. Так, 2 февраля 1942 г. Государственный комитет обороны принял специальное постановление «О мероприятиях по предупреждению эпидемических заболеваний в стране и Красной Армии». В целях профилактики в тылу и на фронте регулярно осуществлялись мероприятия по санитарной обработке и дезинфекции, в армии активно действовала разветвленная противозаразительная служба. На разных этапах Великой Отечественной перед этой службой стояли различные задачи: в начале войны — не допустить проникновения инфекционных заболеваний из тыла в армию, а затем, после перехода наших войск в наступление и контактов с жителями освобожденных от оккупации районов, где свирепствовали эпидемии сыпного тифа и других опасных болезней, — уберечь тыл от проникновения заразы с фронта и от распространения ее среди гражданского населения. И, хотя случаи заболеваний в наступавших советских войсках, безусловно, имели место, эпидемий благодаря усилиям медиков удалось избежать. Что касается немецкой армии, то она в течение всей Второй мировой войны была источником распространения сыпного тифа и других инфекций. В одном из секретных приказов по 9-й армии (группа армий «Центр») от 15 декабря 1942 г. констатировалось: «В последнее время в районе армии количество заболевших сыпным тифом почти достигло количества раненых»¹⁵. И это не случайно: основными переносчиками сыпняка являются вши, а жилые помещения противника буквально кишели паразитами, о чем оставлено немало свидетельств¹⁶.

Целесообразно рассмотреть еще один вопрос, касающийся бытовых условий на фронте, и связанные с этим психологические явления. Речь пойдет об употреблении алкоголя личным составом. Уже в русской дореволюционной военной психологии этому вопросу уделялось специальное внимание. Так, в одном из первых военно-социологических опросников, составленных сразу после Русско-японской войны, фигурировал вопрос о влиянии алкоголя на душевное состояние в бою, до и после него¹⁷.

Алкоголь, как и некоторые другие вещества, оказывает разностороннее воздействие на организм и психику человека в сильнейшей стрессовой ситуации боевой обстановки. Поэтому во многих армиях использовали и используют различные химические стимуляторы (от алкоголя до наркотических веществ и различных медицинских психотропных препаратов), причем последние могут применяться как перед боевыми действиями, так и после них — для снятия или смягчения психических травм. Использование таких стимуляторов может носить целенаправленный (официально одобряемый и даже внедряемый командованием), просто легальный (добровольный) или нелегальный характер — в зависимости от конкретной армии, религиозных и этнокультурных традиций, исторической ситуации и т.д. В некоторых культурах при религиозном запрете алкоголя (например, в исламе) психохимическая стимуляция отнюдь не отвергается вообще, просто происходит замена алкогольных напитков на наркотические средства, которые часто оказывают гораздо более сильное воздействие на психику — вплоть до галлюцинаций.

«Выдача алкоголя перед боем практиковалась в некоторых армиях, — писал в 1923 г. русский военный психолог, участник нескольких войн П. И. Изместьев. — Упомянув об этом, я далек от мысли заниматься проповедью спаивания, я хочу только подчеркнуть органическое происхождение смелости, ибо алкоголь способствует возбуждению всего нашего организма и имеет результатом проявление большей смелости»¹⁸. Что касается употребления спиртного в русской и советской армиях, то, например, в документах о Русско-японской, Первой мировой и Советско-финляндской войнах неоднократно встречаются упоминания горячительных напитков, которые солдаты и офицеры «доставали по случаю», чтобы отметить какие-то праздники или просто расслабиться на отдыхе, иногда — «для сугреву», «в сугубо медицинских целях»¹⁹, однако на официальном уровне никаких мер для организованного снабжения армии алкоголем не принималось — за исключением поставок спирта в госпитали и другие военно-медицинские учреждения. В Первую мировую в России был даже введен сухой закон, только после революции отмененный большевиками. Зато тогда же, при отсутствии достаточного количества спиртного в условиях боевых стрессов, появились морфинисты и кокаинисты: сравнительно доступные в то время наркотики заполнили образовавшуюся пустоту.

Первый и единственный опыт узаконенной на высшем военном и государственном уровне выдачи алкоголя в отечественной армии в XX в. относится ко Второй мировой войне. Почти сразу после начала Великой Отечественной спиртное было введено в ежедневное снабжение личного состава на передовой. В подписанном Сталиным постановлении ГКО СССР «О введении водки на снабжение в действующей Красной армии» от 22 августа 1941 г. говорилось:

«Установить начиная с 1 сентября 1941 г. выдачу 40° водки в количестве 100 граммов в день на человека красноармейцам и начальствующему составу первой линии действующей армии»²⁰.

В воспоминаниях участников войны спиртное рассматривается не только как средство психологической разрядки в боевой обстановке, но и как незаменимое «лекарство» в условиях русских морозов. «Каждый день положены были сто наркомовских граммов водки, — вспоминал С. В. Засухин. — Но на самом деле выпадало больше... Наши интенданты имели всегда запас. И мы в батарее хранили „энзэ“ в термосах. Водка сопровождала все 24 часа. Без нее невозможно было, особенно зимой. Бомбежки, артобстрелы, танковые атаки так на психику действовали, что водкой и спасались. И еще куревом»²¹. Немцы тоже широко пользовались спиртным, причем среди захваченных у них трофеев встречался не только шнапс, но и французские вина, а на другом театре военных действий обязательным атрибутом японских солдат-смертников была бутылка с рисовой водкой — сакэ²².

Следует также отметить, что неприятель нередко использовал тягу к спиртному как средство нанесения урона личному составу противоборствующей стороны. Так, в Первую мировую немецкие и австрийские войска специально оставляли при отходе или подбрасывали к русским позициям бутылки с отравленным спиртным²³, а в годы Второй мировой единственными объектами, которые немцы сознательно не уничтожали при отступлении, рассчитывая на массовое спаивание наступавших советских войск, были винные склады и спирто-водочные заводы.

Естественно, именно служба занимала основную часть солдатского времени, особенно во время активных боевых действий (наступления, обороны, отступления) или подготовки к ним. Но нередко случались и такие периоды позиционного этапа войны, когда заполнить время было очень сложно. Но всё же война всегда оставалась не только опасным, но и изнуряющим физически силы и психику человека трудом. Минуты затишья могли сменяться внезапными периодами напряженных боев. Поэтому отдых, прежде всего сон, так ценились на фронте. «В каких условиях и сколько приходилось спать? Да по-разному, — вспоминал ветеран Великой Отечественной Л. Н. Пушкарев, — Это зависит от человека. Были люди, которые могли спать в любых условиях. Выделится время свободное — он ложится и спит... Многие спали впрям, потому что знали, что будут такие условия, когда спать нельзя будет»²⁴. И действительно, иногда в боевой или походной обстановке отдохнуть не приходилось по нескольку суток, и усталость людей была столь велика, что многие бойцы приучались спать на ходу, прямо на марше.

Впрочем, в период обороны даже на передовой удавалось устроиться довольно уютно, обзавестись пусть временным, но «домом». «Мы, артиллеристы,

народ хлопотливый, как приехали на место, сразу зарываемся в землю, — писал 29.04.1942 г. брату заместитель полтрук Ю. И. Каминский. — Вот сейчас мы построили хороший блиндаж. Устроен он так: снаружи ничего не видно — только труба торчит, вроде самоварной, и под землю ведет дырка — ступеньки земляные, на дверях плащ-палатка. Внутри он выглядит так: проход, а по обеим сторонам нары, покрытые соломой и льдом, а поверх постланы плащ-палатки. В головах вещмешки. Над головой на гвозде котелок, каска, противогаз. Шинель по солдатскому обычаю обычно служит всем. Крыша состоит из трех рядов бревен, положенных друг на друга и пересыпанных землей. Такую крышу „в три наката“ пробьет только тяжелый снаряд, да и то при прямом попадании. В блиндаже печурка — тепло. Лампа, сделанная из бутылки, дает свет и копоть. Спим рядышком, понятно — не раздеваясь, так как в любую минуту может прозвучать любимая команда „Расчет, к оружию!“²⁵.

В ходе наступления, когда наши войска выбивали противника с укрепленных позиций, они имели возможность познакомиться и с его «жилищно-бытовыми условиями», что нередко приводило к неприятным последствиям. «Во время наступательного марша мы изредка в ночные часы использовали немецкие блиндажи, — вспоминал бывший артиллерист, командир батареи С. В. Засухин. — Надо сказать, немцы строили хорошие блиндажи. Стенки обкладывали березой. Красиво внутри было, как дома. На нары стелили солому. В этих-то блиндажах, на нашу беду, мы и заразились вшами. Видимо, блиндажный климат создавал благоприятные условия для размножения насекомых. Буквально в несколько дней каждый из нас ощутил на себе весь ужас наличия бесчисленных тварей на теле. В ночное время, когда представлялась возможность, разводили в 40-градусный мороз костры, снимали с себя буквально все и над огнем пытались стряхнуть вшей. Но через день-два насекомые снова размножились в том же количестве. Мучились так почти два месяца. Уже когда подошли к городу Белому, нам подвезли новую смену белья, мы полностью сожгли все вшивое обмундирование, выпарились в еще уцелевших крестьянских банях и потом вспоминали пережитое, как страшный сон»²⁶.

Определенными и весьма существенными особенностями отличается фронтовая повседневность рядового и командного состава. «Конечно, точка зрения солдата на войну — одна точка зрения, командира полка — другая, даже на один и тот же бой. Потому что они ведь и смотрят на него с разных точек и имеют в нем, в этом бою, различные задачи, — писал К. Симонов. — Я говорю не о политической задаче — общей, нравственной, патриотической, — а о военной задаче в бою»²⁷. Впрочем, наиболее существенные различия обуславливались в первую очередь характером и степенью ответственности, возложенной на

каждого в зависимости от служебного положения. Рядовой отвечает только за себя, выполняя приказы всех вышестоящих начальников. Его инициатива предельно ограничена рамками этих приказов. Командир любого ранга несет ответственность не только за себя, но и за своих людей, званием и должностью ему дано право посылать их на смерть, и в этом самое трудное его испытание — испытание властью. Чем выше должность, тем большее число людей зависит от его воли, деловых и человеческих качеств. Но над каждым командиром есть другой командир, чья власть еще больше. И его инициатива тоже ограничена рамками приказов, хотя возможность ее проявить шире, чем у простого солдата. Случалось, что страх перед начальством оказывался сильнее, чем перед врагом. И самой отвратительной трусостью была не боязнь смерти, а боязнь доложить правду о сложившейся ситуации на позиции: за такой трусостью на войне всегда стоят чьи-то жизни²⁸.

Говоря о том, насколько сложнее психические условия деятельности командиров по сравнению с рядовыми бойцами, русский военный психолог Н. Н. Головин отмечает, что чем выше поднимаешься вверх по иерархической лестнице военного командования, тем сильнее уменьшается личная опасность и физическая усталость, но зато многократно увеличивается моральная ответственность, которая лежит на плечах начальника²⁹. О том же свидетельствует в своей книге «Душа армии» и генерал П. Н. Краснов: «Чувство страха рядового бойца отличается от чувства страха начальника, руководящего боем. И страх начальника, лично руководящего в непосредственной близости от неприятеля боем, отличается от страха начальника, издали, часто вне сферы физической опасности управляющего боем. Разная у них и усталость. Если солдат... устает до полного изнеможения физически, то начальник, ... не испытывая такой физической усталости, устает морально от страшного напряжения внимания»³⁰.

Во все времена рядовые ценят командиров не только за их способность умело управлять войсками и одерживать победы, но и за способность хотя бы ненадолго войти в роль самих рядовых, «примерить» на себя опасность, переживаемую солдатами ежечасно, прочувствовать то, что чувствуют в бою они, и показать себя достойными их доверия, выраженного в готовности выполнить любой, даже смертельный приказ.

Принадлежность к командному составу обуславливала и некоторые особенности военного быта (в обеспечении жильем, питанием, денежным довольствием), создавала особый круг внеслужебного общения, досуга. Подобное общение в «своем» кругу, отражающее элементы корпоративности, существовало как в дореволюционное, так и в советское время, за исключением первых послереволюционных лет. Окончательное возрождение офицерской корпоративности произошло в период Великой

Отечественной войны, причем этот процесс активно стимулировался «сверху», и логичным его завершением стало возвращение целого ряда элементов старой воинской атрибутики.

Определенная привилегированность в положении командного состава имела и свою обратную сторону: боевые потери среди офицеров (пропорционально численности) всегда были выше, чем среди рядового состава. Так, в Великую Отечественную среди командиров Советской Армии безвозвратные потери составили более 1 млн. человек или 35% общего числа офицеров, состоявших на службе в Вооруженных Силах в период войны, причем более 800 тыс. из них приходилось на младших лейтенантов, лейтенантов и старших лейтенантов³¹. «Младшие офицеры войны... испытали войну на своей шкуре, в одном окопе с рядовыми, — вспоминал бывший лейтенант Т. Жданович. — В этом вся тяжесть: ты и рядовой, ты и как командир рядовых подними, да и сам в бой. И сам не дрогни, и других сдержи...»³²

У каждого рода войск и представителей разных военных профессий также существовали специфика повседневной жизни и особенности восприятия военной действительности, зависящие от ряда факторов, которые можно классифицировать следующим образом:

1. Конкретная обстановка и задача каждого бойца и командира в бою;
2. Наиболее вероятные (типичные) виды опасности;
3. Характер физических и нервных нагрузок;
4. Специфика контактов с противником (ближний или дальний);
5. Взаимодействие с техникой (видом оружия);
6. Особенности военного быта.

Начнем с главного фактора, влияющего на психологию родов войск в условиях боевых действий — со специфики видов, форм и степени опасности, присущих каждому из них. «Чувство опасности присутствует у всех и всегда, — писал в 1942 г. К. Симонов. — Больше того. Продолжаясь в течение длительного времени, оно чудовищно утомляет человека. При этом надо помнить, что все на свете относительно... Человеку, который вернулся из атаки, деревня, до которой достают дальнобойные снаряды, кажется домом отдыха, санаторием, чем угодно, но только не тем, чем она кажется вам, только что приехавшим в нее из Москвы»³³.

При огромном количестве случайностей, неизбежных на войне, каждому роду войск соответствовал свой собственный, наиболее вероятный «вид смерти». Для летчика и танкиста самой реальной была опасность сгореть в подбитой машине, для моряка — утонуть вместе с кораблем вдали от берега, для сапера — подорваться на mine, для пехотинца — погибнуть в атаке или под обстрелом и т.д., и т.п. При этом, привыкая к «своему» виду опасности и со временем почти не реагируя на него, солдаты, ока-

завшись в непривычных условиях, иногда терялись, испытывая чувство страха там, где представители других родов войск чувствовали себя естественно и непринужденно, так как для них именно такая обстановка была повседневной реальностью.

Вот как описывает подобную ситуацию бывший танкист, полный кавалер ордена Славы И. Архипкин: «Воевать везде одинаково трудно, что в пехоте, что в танковых... Но, как бы сказать, пехотинцу, он окоп выкопал, лег, понимаете, — и отстреливайся. А если он в танк попадет? Вот у нас десантники были, танкодесантники... Ну, там по несколько человек — по шесть, по восемь на танке, когда сколько. И командир отделения у них, боевой такой парень, симпатичный, красивый, грудь в орденах вся. И вот, бывало, попросим его: давай, мол, в танк залезем — ну, когда по стопочке там есть, все такое. Так он залезет, стопку выпил, схватил кусочек колбасы там или сала — все, он выскакивает. Я, говорит, не могу в нем сидеть: понимаете, вот какое-то ощущение — снаряд прилетит сейчас, попадет... А уж земля, говорит, она меня и укроет, и все тут»³⁴.

Если на пехотинца «давило» тесное, замкнутое пространство танка, казалось, что все пушки врага нацелены на этот «стальной гроб» и достаточно одного попадания, чтобы его уничтожить, то танкист, в свою очередь, очень неуютно чувствовал себя в бою под открытым небом, когда не был защищен броней от пуль и осколков. Так же и летчик, по неблагоприятному стечению обстоятельств оказавшийся в наземных войсках, с трудом адаптировался в новых условиях.

На войне каждый видел жизнь через то дело, которым занимался, имея свой собственный «радиус обзора»: пехотинец — окоп, танкист — смотровую щель танка, летчик — кабину самолета, артиллерист — прицел орудия, врач — операционный стол. Но разница в их восприятии войны была обусловлена также тем, что, выполняя, каждый по-своему, тяжелую солдатскую работу, связанную на войне с необходимостью убивать, представители разных родов войск осуществляли ее по-разному: кто-то вблизи, встречаясь с противником лицом к лицу, успевая увидеть его глаза; а кто-то на расстоянии, посылая снаряд или бомбу в намеченную цель и не всегда представляя размеры разрушений и количество смертей, вызванных этим снарядом. Для последних противник не был «очеловечен», представляясь, скорее, безликой фигуркой на мишени. Убивать вблизи было труднее и страшнее. Вот как вспоминает рукопашный бой бывшая санинструктор О. Я. Омельченко: «Это ужас. Человек таким делается... Это не для человека... Бьют, колот штыком в живот, в глаз, душат за горло друг друга. Вой стоит, крик, стон... Для войны это и то страшно, это самое страшное. Я это все пережила, все знаю. Тяжело воевать и летчикам, и танкистам, и артиллеристам, — всем тяжело, но пехоту ни с чем нельзя сравнить»³⁵.

Впрочем, в бою выбора не было, все сводилось к простой дилемме: либо ты успеешь убить первым, либо убьют тебя. Танкисты, не только стрелявшие из башенного орудия и пулеметов своей машины, но и давившие гусеницами огневые точки врага вместе с прислугой, «утюжившие» вражеские траншеи, подобно пехоте входили в непосредственное соприкосновение с противником, то есть убивали вблизи, хотя и посредством техники. Психологически для них особенно тяжело было «ехать по-живому». Но в других родах войск это происходило не так заметно и менее болезненно для человеческой психики. «Наш лагерь стоял в лесу, — вспоминает бывшая летчица А. Г. Бондарева. — Я прилетела с полета и решила пойти в лес, это уже лето, земляника была. Прошла по тропинке и увидела: лежит немец, убитый... Знаете, мне так страшно стало. Я никогда до этого не видела убитого, а уже год воевала. Там, наверху, другое... Все горит, рушится... Когда летишь, у тебя одна мысль: найти цель, отбомбиться и вернуться. Нам не приходилось видеть мертвых. Этого страха у нас не было...»³⁶

XX век с бурно развивающимся техническим прогрессом predetermined возникновение системы «человек-машина». Военная техника объединяла такое количество людей, какое было необходимо для ее функционирования в бою, создавая тем самым особый вид коллектива с особыми внутренними связями: пулеметный и оружейный расчет, танковый и летный экипаж, команду корабля и подводной лодки и т.д. Возник и такой феномен человеческих отношений, как «экипажное братство», наиболее ярко проявлявшееся у танкистов и летчиков. Несмотря на количество человек, заключенных в один стальной или летающий «гроб», в одинаковой степени рисковали жизнью, и жизнь всех членов экипажа в бою зависела от четкости и слаженности действий каждого, от глубины эмоционального контакта между ними, понимания друг друга не только с полуслова, но и с полувзгляда. Чем сильнее были подобные связи, тем больше была вероятность уцелеть. Поэтому вполне закономерным является тот факт, что командир танка всегда делился своим офицерским допайком со всем экипажем. Покидая горящую машину, уцелевшие танкисты вытаскивали из нее не только раненых, но и убитых. Боевая действительность определяла кодекс поведения и взаимоотношения людей.

Еще один аспект проблемы «человек и техника» — это превращение некоторых родов войск в элитарные — не по принципу подбора кадров, а по стратегическому значению в данной войне и формированию особой психологии личного состава. В Великую Отечественную таким особым сознанием своей значимости отличались бронетанковые войска, авиация и флот, причем, военно-воздушные и военно-морские силы — наиболее ярко. В психологическом плане у летчиков и моряков было много общего. В бою и для тех, и для других гибель боевой техники почти всегда означала собственную гибель — самолет,

подбитый над территорией противника, оставлял экипажу, даже успешному выпрыгнуть с парашютом, мало шансов на спасение; у моряков с потопленного корабля было также мало шансов доплыть до берега или быть подобранными другим судном. Поэтому у других родов войск те и другие слыли за отчаянных храбрецов. Впрочем, они и сами старались поддерживать подобную репутацию. Летный состав, состоявший преимущественно из офицеров, имел ряд льгот и особые традиции.

Традиции на флоте были более древними, так же, как и сам флот, и соблюдались с необыкновенной тщательностью, являясь для представителей других родов войск предметом зависти и восхищения. В воспоминаниях капитан-лейтенанта Л. Линдермана, командира БЧ-2 минного заградителя «Марти», есть такой эпизод. При эвакуации с полуострова Ханко в Ленинград сухопутных войск на борту корабля их размещали следующим образом: командный состав — в каюты комсостава, старшин — в старшинские, личный состав — по кубрикам. Командир стрелкового полка, оказавшись в роскошной офицерской каюте, где царили идеальные чистота и порядок, а затем в кают-компани за накрытым крахмальной скатертью, сервированным, как в хорошем ресторане, столом, не выдержал и воскликнул: «Ну, ребята, в раю живете, ей-богу! Даже лучше: там пианино нет и картин по стенкам... Да... Так воевать можно!» И только по окончании тяжелейшего похода, в котором экипажу пришлось вести напряженную борьбу с плавучими минами, авиацией и береговой артиллерией противника, признал, прощаясь: «Уж ты извини меня, моряк, за тот разговор о райской жизни. Скажу откровенно: лучше два года в окопах, чем две ночи такого похода»³⁷. Незначительные преимущества в быту, которыми пользовались моряки и летчики, были ничтожной компенсацией за те труднейшие условия, в которых им приходилось сражаться.

И, наконец, в отношении человека к своей боевой машине, будь то танк, самолет, корабль или подводная лодка, было что-то от отношения кавалериста к лошади: техника воспринималась почти как живое существо и, если была хоть малейшая возможность ее спасти, даже рискуя собственной жизнью, люди это делали.

Человек на фронте не только воевал — ни одно сражение не могло продолжаться бесконечно. Солдатская служба включала в себя, прежде всего, тяжелый, изнурительный труд на грани человеческих сил. Бывший пехотинец А. Свиридов вспоминает: «Все рода войск несли тяготы военных лет, но ничего не сравнится с тяготами пехоты. Кончалось преследование противника, и солдат-пехотинец, если его не зацепила пуля и не задел осколок, переходил к обороне. И начиналась изнурительная физическая работа — окапывание. В подразделении после наступательных боев бойцов оставалось мало, а фронт обороны прежний — уставной. Вот и копал наш

труженик за троих, а то и за четверых. Ночь копал до изнеможения, а перед рассветом всю выброшенную из окопа землю маскировал снегом. И день проходил в муках, потому что ни обсушиться, ни обогреться нигде было. Разогреться, распрямиться нельзя: подстрелит враг. Заснуть тоже невозможно — замерзнешь. И так, шатаясь от усталости, дрожа от холода, он коротал день, а ночью — снова надо было копать. Весной и осенью в ячейках, ходах сообщения, да и в землянках воды набиралось почти по колени, день и ночь она хлопала в сапогах. Иной раз по команде в атаку подняться сразу не всегда удавалось: примерзала шинель к земле и не слушалось занемевшее тело. Ранение воспринималось как временное избавление от мук, как отдых»³⁸.

Пехота, «царица полей», великая труженица войны, не была однородной. Она включала в себя множество боевых профессий с присущей им спецификой. Так, в наиболее сложных условиях приходилось действовать снайперу-«охотнику», в течение долгих часов выслеживая врага, чтобы поразить его с первого выстрела, а самому остаться незамеченным, не дать себя обнаружить. Здесь требовались огромная выдержка и хладнокровие, особенно во время снайперской дуэли, когда в смертельный поединок вступали равные по меткости и сноровке противники. Такие же качества требовались и для пехотной разведки, которая, по словам Владимира Карпова, всегда была «ближе других к смерти», отправляясь на задание в тыл врага — в поиск за «языком» или в разведку боем, специально вызывая огонь противника на себя. «Я вскоре понял разницу между обыкновенной пехотой и разведкой, — писал в военных записках Д. Самойлов. — Назначение пехоты — вести бой. Разведки — все знать о противнике. Ввязывание в бой (если это не разведка боем), в сущности, для разведки — брак в работе. Пехоте легче в обороне, особенно в долгосрочной. Разведке легче в наступлении, когда для того, чтобы ворваться в расположение противника, не надо преодолевать минные поля и проволочные заграждения»³⁹. Из всех многочисленных видов разведки (за исключением агентурной), пехотная разведка была самой опасной и напряженной.

Не меньшие, чем у пехотинцев, нагрузки приходились на долю артиллеристов, тащивших на себе тяжелые пушки по размытым и разбитым дорогам войны. Велико было и их психологическое напряжение в бою. Не случайно в наводчики орудия выбирали самых волевых и хладнокровных. «На тебя идет танк, — вспоминает фронтовик К. В. Подколзин. — Ты видишь его в прицел. Как бы ни было тебе страшно, надо подпустить его ближе. Осколки стучат, а ты должен точно наводить, не ошибиться, не дрогнуть. Ведь орудие само не стреляет»⁴⁰. Другой бывший артиллерист В. Н. Сармакешев описывает свое состояние так: «В горячке боя взрывы никто не считает, и мысли только об одном: о своем месте в бою,

не о себе, а о своем месте. Когда артиллерист тащит под огнем снаряд или, припав к прицелу, напряженно работает рулями горизонтального и вертикального поворота орудия, лоя в перекрестие цель (да, именно цель, редко мелькает мысль: „танк“, „бронетранспортер“, „пулемет в окопе“), то ни о чем другом не думает, кроме того, что надо быстро сделать наводку на цель или быстро толкнуть снаряд в ствол орудия: от этого зависит твоя жизнь, жизнь товарищей, исход всего боя, судьба клочка земли, который сейчас обороняют или освобождают»⁴¹. А танкисты в бою задыхались от пороховых газов, скапливавшихся внутри танка, когда стреляло орудие, и глохли от производимого им грохота. Командир и башнер могли не только сгореть заживо вместе с танком, но и быть разорванными пополам, когда от прямого попадания отлетала башня. По горькому, но меткому определению одного из ветеранов, «судьба танкиста на войне — это обгорелые кисти рук на рычагах подбитой машины».

По-разному влияли на представителей разных родов войск и особенности местности, где велись боевые действия, и природно-климатические условия. Характерным примером может служить переход наших войск через пустыню Гоби в ходе Дальневосточной кампании в августе 1945 г.: «Для нашего полка воды требовалось больше, чем для любого другого, — вспоминает участник этих событий бывший артиллерист А. М. Кривель, — нужно было напоить лошадей. Наши четвероногие друзья в эти дни научились не хуже человека пить из фляги. И солдаты делили с ними те скудные капли, которые получали из „централизованного“ фонда. Еще труднее было танкистам. В металлической коробке танка жаркий, будто расплавленный воздух, руками не тронешь нагретое железо. У всех пересохло в горле, стали сухими губы. Танки передвигались на расстоянии ста метров друг от друга. Взметенный горячий песок набивался внутрь, слепил глаза, лез во все щели, как наждак, перетирал стальные детали гусениц»⁴².

Впрочем, при всех различиях, присущих разным родам войск, те из них, которые относились к сухопутным войскам, имели между собой много общего, — именно потому, что сражались на земле. У летчиков восприятие боевой обстановки было качественно иным, как и сама эта обстановка. Они испытывали особый риск и особые нагрузки, причем, для каждого вида авиации свои, но эти различия не столь значительны и существенны, так как реальность воздушного боя была единой для всех. «Воздушный бой длится мгновения, — вспоминает бывший летчик-истребитель И. А. Леонов. — И бывали у нас в полку случаи, когда за эти несколько минут у молодых летчиков появлялась седина. Такое испытывали тяжелое нервное напряжение... Сначала видишь в небе крохотные точки. Не можешь даже определить — чьи летят самолеты: свои или чужие. Точки быстро растут. И по одному тому, как к тебе приближается вражеский летчик, идет ли в лобовую атаку — ты можешь

определить, примерно, и опыт его, и норю. В бою, как говорится, приходится вертеть головой на 360 градусов. Отовсюду может достать враг. Бросаешь самолет в такие фигуры, которые в иное время, может быть, и не сделал бы. Ты заворачиваешь вираж, догоняя врага. Или на крутом вираже стараешься оторваться от него. Камнем направляешь машину вниз и круто выводишь из пике. В этот момент испытываешь большие перегрузки: веки сами закрываются, щеки обвисают от науги, все тело будто налито свинцом. А самое главное в бою — ты должен в доли секунды принять единственно верное решение. От него зависит — выйдешь ли ты победителем или погибнешь. В те дни почти каждый вылет истребителей был сопряжен с воздушным боем. Мы искали врага в небе, чтобы победить. Приходилось вылетать по четыре-пять раз. Это было очень тяжело даже для молодых, тренированных летчиков. Случалось, кто-нибудь из ребят приведет самолет на аэродром и вдруг тяжело ткнется головой в приборы. Что такое? Ранен? Убит? Нет, потерял сознание от переутомления... Но молодость выручала нас. Пройдет два-три часа, и мы снова готовы к полету»⁴³.

У моряков, особенно у подводников, были не менее чудовищные физические и нервные нагрузки. Вот описание только одного боевого эпизода, в котором участвовала гвардейская подводная лодка «Щ-303»: «Вражеские катера обнаруживают подводников и начинают бомбежку. Лодка оказалась в кольце противолодочных кораблей. Сорок пять часов она уже под водой. Тяжело дышать. У многих началось кислородное голодание. Чтобы меньше был расход кислорода, люди лежат — таков приказ командира. Слипаются глаза, клонит ко сну... Лодку сильно бомбят, и она ложится на грунт. Почти два часа продолжается бомбежка. „Два часа ада“, — напишет потом командир в своих воспоминаниях. Чтобы уменьшить шумы на лодке, краснофлотцы сняли обувь, обмотали ветошью ноги и двигаются по палубе неслышно. Обстановка тяжелая. Люди задыхаются. немеют пальцы, деревенеют подошвы ног, тело покалывает иголками. Уснул электрик Савельев. Дышит тяжело. На губах розовая пена... „Мы не знаем, когда наступит смерть от удушья. По теоретическим расчетам, нам полагалось задохнуться после трех суток пребывания под водой...“⁴⁴ — вспоминает командир лодки капитан 3-го ранга И. В. Травкин. Лодке удалось вырваться из блокады, пройдя под водой через минное поле. Выдержать подобное напряжение мог не каждый.

Но вот еще одна сторона войны — в восприятии тех, кто по роду своей службы спасал от смерти, облегчал страдания искалеченным, возвращал раненых в строй. «Мало кто задумывался и задумывается над тем, какие переживания выпали в годы войны на долю медицинского персонала наших войск, — пишет бывший военврач Г. Д. Гудкова. — А между тем война — даже в периоды успешных наступательных

операций — оборачивалась к нам, медикам, исключительно тягостной, губительной стороной. Мы всегда и везде имели дело с муками, страданиями и смертью. Наблюдать это нелегко. Еще тяжелее хоронить тех, кого не сумел выводить, спасти. Тут не выручает никакой профессионализм... На войне мучения и страдания, даже гибель становится повседневным, рядовым уделом миллионов сильных, здоровых, как правило, именно молодых людей. Да и спасти жертвы войны приходится, не зная, избавишь ли их от новых мук или от неисправимой беды...»⁴⁵. По свидетельству многих, на фронте человеческая смерть со временем воспринималась как обыденное явление, чувство отчаяния и невозможности потери притуплялось. Психологическая разрядка наступала уже потом, и тогда случайные события из мирной послевоенной жизни вызывали в памяти болезненные ассоциации с тем, что пришлось пережить в войну. Многие медики были вынуждены бросить свою работу. «После войны в родильном отделении акушеркой работала — и не смогла долго, — вспоминает бывший командир санитарного взвода гвардии лейтенант М. Я. Ежова. — У меня аллергия к запаху крови, просто не принимал ее организм. Столько я этой крови на войне видела, что больше уже не могла. Больше организм ее не принимал... Ушла из „родилки“. Ушла на „Скорую помощь“. У меня крапивница была, задыхалась...»⁴⁶. С другой стороны, большинство фронтовиков, связавших впоследствии свою судьбу с медициной, сделали это в знак высшей благодарности к тем, кто спасал им жизнь на фронте, в медсанбатах и госпиталях. Именно там уставшие убивать солдаты давали себе клятву: «Если останусь жив, буду так же спасать людей». «Было в те первые послевоенные годы в нашем Медицинском институте, — вспоминает В. Н. Сармакешев, — стрелянных и покалеченных ребят около пятидесяти из двух тысяч студентов. Но самое удивительное то, что среди тех пятидесяти, пришедших с фронта, не было ни одного медика: пехотинцы, танкисты, артиллеристы, саперы, даже летчики, но ни одного фельдшера»⁴⁷. У каждого из них была «своя» война и забыть о ней каждый тоже старался по-своему.

***

Именно фронтовая повседневность наиболее ярко выявляет закономерности, общие черты солдатской психологии, — независимо от того, на какой войне, в какой армии, на чьей стороне человек воюет.

Людей на передовой всегда волновали одни и те же житейские вопросы, о чем свидетельствуют их письма домой. Так, во всех письмах участников войн XX в. преобладало описание деталей военного быта: устройство жилого помещения, распорядок дня, рацион питания, денежное довольствие, состояние обуви, досуг, нехитрые солдатские развлечения. Затем следовали характеристики боевых товарищей и командиров, взаимоотношений между ними, то есть

проблемы человеческого общения. Нередки были воспоминания о доме, родных и близких, о довоенной жизни, мечты о мирном будущем, о возвращении с войны. Давались описания погодных условий, местности, где приходилось воевать, и собственно боевых действий. Встречались рассуждения о патриотизме, воинском долге, об отношении к службе и должности, но этот «идеологический мотив» был явно вторичен, возникал там и тогда, когда «новостей нет» и «больше писать не о чем», хотя это вовсе не отрицало искренности самих патриотических чувств. Попадались и высказывания в адрес противника, как правило, иронические или ругательные. И все же «героический» аспект войны, отраженный в письмах, явно уступал по значимости житейскому, будничному, повседневному, потому что даже под пулями, рядом с кровью и смертью, люди пытались просто жить. И кроме того, старались успокоить своих близких, показать им, что живут неплохо и что на войне «не так уж страшно».

Какие из этого можно сделать выводы?

В письмах участников разных войн прослеживается единый дух, общий психологический настрой, те же мысли, чувства, желания. Оружие совершенствуется, человеческая природа остается без существенных изменений. Однотипные ситуации вызывают соответствующие реакции на них, в чем, собственно, и проявляется единство законов психологии. Хотя, безусловно, в этой психологии есть и историческая, и национальная специфика. Время и место действия вносит свои коррективы, накладывает характерный отпечаток на восприятие вопросов, которые волнуют солдат на передовой, но сами эти вопросы в основном сохраняются. И именно проблемы повседневной жизни приобретают в их ряду первостепенное значение.

Перспективность использования разнообразных «матриц» как инструмента исследования повседневности как таковой и фронтовой повседневности в частности представляется вполне очевидной. Например, для изучения фронтовой повседневности целесообразно типологизировать войны, фронтовые ситуации, военные профессии с их спецификой деятельности, специфику природно-климатических условий фронтов, этнокультурные регионы и т.д. В любом случае потребуется наложение друг на друга нескольких матриц: матрицы ценностей, структуры материальной среды, социальной стратификации, матрицы культуры, матрицы занятий и т.д. Очень важный аспект — то, что социологи называют «бюджеты времени»: на что и как тратится время, которым располагает человек в течение дня, сезона, года, жизни (индивидуальная судьба, биография, судьба поколения), как соотносятся индивидуальные и социальные ритмы.

Но «усреднение» дает нам лишь общую тенденцию истории фронтовой повседневности. Это важно, но ведет к чрезмерному упрощению, не позволяет видеть всю палитру разнообразия. Гораздо более плодотворным представляется типологизирующий подход, при котором повседневность может изучаться именно по категориям фронтовых ситуаций и профессионально-статусным группам военных. Естественно, при этом возникает ряд методологических и технологических проблем, в том числе проблема выбора «репрезентативных» категорий, проблема структурирования повседневности на сферы и уровни и ряд других. Однако всё это — вполне решаемые задачи, многие из которых уже успешно реализуются в рамках новой отрасли исторической науки — военно-исторической антропологии⁴⁸.

¹ Подробнее о теоретико-методологических проблемах исследования повседневности см.: Сенявский А. С. Российская повседневность в XX веке: теоретико-методологические подходы к изучению // Человек в российской повседневности. Сб. науч. статей. М., 2001; Он же. Повседневность как методологическая проблема микро и макро-исторических исследований (на материалах российской истории XX века) // История в XXI веке: историко-антропологический подход в преподавании и изучении истории человечества. М., 2001.

² Момыш-Улы Б. Психология войны. Алма-Ата, 1990. С. 39–40.

³ Великая Отечественная война 1941–1945. События. Люди. Документы. Краткий исторический справочник. М., 1990. С. 423–424.

⁴ Серебрянников В. В. Социология войны. М., 1997. С. 243.

⁵ Великая Отечественная война 1941–1945. События. Люди. Документы. С. 435–436.

⁶ См.: Мягков М. Ю. Вермахт у ворот Москвы. 1941–1942. М., 1999. С. 218–219.

⁷ Коробейников М. П. Современный бой и проблемы психологии. М., 1972. С. 162.

⁸ Гуськов С. Если останусь жив... М., 1989. С. 216.

⁹ Гудкова Г. Будет жить! Сапожникова М. «Сестра Валя». М., 1986. С. 181.

¹⁰ «Я точно знаю: меня никогда не убьют!» // Комсомольская правда. 1993. 8 мая.

¹¹ Луков Г. Д. Психология (Очерки по вопросам обучения и воспитания советских воинов). М., 1960. С. 43–44.

¹² Дрейлинг Р. Военная психология как наука // Душа армии. Русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооруженной силы. М., 1997. С. 160.

¹³ Комбату Засухину помогли на войне вера в Сталина, водка и теплые кальсоны // Комсомольская правда. 14 декабря 1996 г.

¹⁴ См.: Мирский М. Б. Обязаны жизнью. М., 1991. С. 142.

¹⁵ Там же. С. 155.

- 16 См., например: Комбату Засухину помогали на войне...
- 17 Феденко Н. Ф., Раздубев В. А. Русская военная психология (Середина XIX — начало XX века.) Учебное пособие. М., 1993. С. 32.
- 18 Измествьев П. И. Очерки по военной психологии. (Некоторые основы тактики и военного воспитания). Пг., 1923. С. 24.
- 19 См.: Верховский А. И. На трудном перевале. М., 1959. С. 94.
- 20 Военно-исторический журнал. 1992. N 4–5. С. 23.
- 21 Комбату Засухину помогали на войне...
- 22 Кривель А. М. Это было на Хингане. М., 1985. С. 125.
- 23 См.: Федорченко С. Народ на войне. М., 1990. С. 34.
- 24 Из интервью с Л. Н. Пушкаревым. 4 июня 1997 г. // Личный архив автора.
- 25 Музей боевой славы Исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Личный фонд Ю. И. Каминского.
- 26 Комбату Засухину помогали на войне...
- 27 Симонов К. Солдатские мемуары. Документальные сценарии. М., 1985. С. 301–302.
- 28 Песков В. Война и люди. М., 1979. С. 154.
- 29 Головин Н. Обширное поле военной психологии // Душа Армии. Русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооруженной силы. М., 1997. С. 20.
- 30 Краснов П. Душа армии. Очерки по военной психологии // Душа Армии. Русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооруженной силы. М., 1997. С. 44.
- 31 Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. М., 1993. С. 315.
- 32 Симонов К. Солдатские мемуары. С. 260.
- 33 Симонов К. Разные дни войны. Дневник писателя. М., 1975. С. 94.
- 34 Симонов К. Солдатские мемуары. Документальные сценарии. М., 1985. С. 212–213.
- 35 Алексиевич С. У войны — не женское лицо. Минск, 1985. С. 163–164.
- 36 Там же. С. 115.
- 37 Огненные фарватеры. Л., 1987. С. 57–58.
- 38 Яковенко А. Когда конфликт неизбежен. М., 1989. С. 188–189.
- 39 Самойлов Д. Люди одного варианта. Из военных записок // Аврора. 1990. №2. С. 57–58.
- 40 Овчинникова Л. Колокол на Долгом лугу. М., 1989. С. 70.
- 41 Сармакешев В. Н. А мы такие молодые. М., 1988. С. 122.
- 42 Кривель А. М. Слышишь, Халхин-Гол! М., 1989. С. 137–138.
- 43 Овчинникова Л. Указ. соч. С. 39.
- 44 Ворков С. С. Морская гвардия. О гвардейских кораблях и частях Краснознаменной Балтики. Л., 1990. С. 64–65.
- 45 Гудкова Г. Будут жить! Сапожникова М. "Сестра Валя". М., 1986. С. 179–180.
- 46 Алексиевич С. У войне — не женское лицо. Мн., 1985. С. 310.
- 47 Сармакешев В. Н. Указ. соч. С. 133–134.
- 48 См.: Сенявская Е. С. Военно-историческая антропология — новая отрасль исторической науки // Отечественная история. 2002. № 4. С. 135–145; Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2002. Предмет, задачи, перспективы развития /Отв. ред. и сост. Е. С. Сенявская. М., 2002; Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2003/2004. Новые научные направления. /Отв. ред. и сост. Е. С. Сенявская. М.: РОССПЭН, 2005; Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2005/2006. Актуальные проблемы изучения /Отв. ред. и сост. Е. С. Сенявская. М.: РОССПЭН, 2007 и др.

Советское партизанское движение

В. А. Пережогин*

Советское партизанское движение против немецко-фашистских захватчиков вошло в историю мировых войн XX в. как совершенно уникальное явление. По своему размаху, массовости и эффективности боевых действий оно оказалось неожиданным как для противника, так и руководства собственной страны. Германское командование предполагало вероятность сопротивления советских людей на оккупированной территории, но в ограниченном и незначительном размере. Предвоенная советская доктрина ориентировала Красную Армию на разгром врага в приграничных сражениях и исключала возможность оккупации советской территории. Ни одна из сторон не была подготовлена к реально развернувшимся событиям.

Народная борьба в тылу немецко-фашистских войск развивалась в условиях жесточайшего оккупационного режима. Советские люди, оказавшиеся за линией фронта, испытали на себе все ужасы так называемого нового порядка, который захватчики насаждали посредством кровавого террора. Городское и сельское население было взято на строгий учет. Новые лица, появляющиеся в городах и деревнях, подлежали немедленной регистрации в полиции. Передвижение между населенными пунктами без разрешения властей запрещалось. В принудительном порядке рабочие в городах направлялись на восстановление промышленных предприятий, а сельские жители привлекались к материально-бытовому обслуживанию воинских частей и полицейских формирований. Лица, уклонявшиеся от работы на оккупантов, бросали в тюрьмы или уничтожали. Непомерные налоги, систематические поборы и штрафы обрекали большинство населения на голод и вымирание.

Важную роль в развертывании советского партизанского движения сыграли директива СНК СССР

и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. советским и партийным организациям прифронтовых областей о мобилизации всех сил на отпор врагу, а также постановление ЦК ВКП(б) от 18 июля 1941 г. о задачах борьбы в тылу врага. Однако эти документы были секретными. Их содержание знал лишь узкий круг партийных и советских работников, находившихся главным образом в советском тылу. Основной массе населения оккупированной территории эти документы были тогда неизвестны. Люди там в своих поступках и поведении руководствовались, прежде всего, мерой осознания личной ответственности и долга защищать от иноземных захватчиков свой дом, село, страну в целом.

В начале войны развитие партизанского движения испытывало большие трудности из-за отсутствия подготовленных кадров, разработанной системы руководства, заранее созданных скрытых баз с оружием и продовольствием. Борьбу с опытным и хорошо вооруженным противником пришлось начинать практически с нуля.

Источники рисуют довольно пеструю картину настроения и поведения людей, внезапно оказавшихся в зоне оккупации. «Большая часть населения, — отмечалось в донесении партизанского отдела политуправления Ленинградского фронта от 5 сентября 1941 г., — в силу репрессий, распространения немцами провокационных слухов и не имея сведений о действительном положении на фронте, с затаенной злобой и под страхом смерти выполняют волю немецких захватчиков¹. Эти простые советские граждане готовы были включиться в активную борьбу с захватчиками, но еще не знали, как это сделать. Одной из первых форм сопротивления стала их забота о красноармейцах, оказавшихся в окружении или бежавших из плена. Многие жители тайком от оккупантов кормили их, прятали от облав, оказывали им первую медицин-

* Виталий Афанасьевич Пережогин — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

скую помощь, переодевали в гражданское платье, переправляли их в качестве проводников к своим за линию фронта.

Однако далеко не все жители даже в одной деревне были настроены столь патриотично. В дневнике немецкого солдата, найденном в начале 1942 г., содержится следующая запись: «В Лозовой (Харьковская область) имели контакт с русским населением. Очень многих нельзя было разуверить в том, что большевизм в конце концов одержит победу. Другие не знали, в какую краску перекраситься. И, наконец, некоторые настроены были очень дружелюбно к немцам и желали, чтобы большевики были подальше. Происходило ли это от убеждений или от страха, я не знаю»². К сожалению, «перекрасившихся», открытых и тайных врагов советской власти и шкурников оказалось немало. Из их числа, по немецким данным, к началу 1942 г. 60 421 человек поступил на службу Германии в качестве полицаев, сельских старост, мелких чиновников органов управления оккупационного режима и т. д.³ Много замечательных людей погибло от рук предателей и изменников.

Разнородность поведения жителей по отношению к оккупантам крайне затрудняла установление и поддержание связи партизан с патриотически настроенными людьми, готовыми оказывать им всемерную помощь. В этой обстановке наиболее уверенно чувствовали себя те отряды, бойцы которых являлись выходцами из местных деревень и сел; значительный их процент составляли военнослужащие-окруженцы, вернувшиеся в родные места. Самой надежной опорой партизан в деревнях и селах были семьи, в которых кто-либо из их родных и близких находился в отрядах или сражался с врагом в рядах Красной Армии.

Сила, боевая активность и жизнеспособность партизанских отрядов самым непосредственным образом зависели от поддержки их местным населением. Оно пополняло ряды партизан новыми бойцами, обеспечивало продовольствием и одеждой, собирало для них на полях сражений оружие и боеприпасы, вело разведку в стане врага и т. д. «Работа с населением, — делился опытом командир партизанского соединения Герой Советского Союза генерал-майор А. Н. Сабуров, — это самый жизненный фактор в партизанской борьбе. Без связи с населением существовать партизанское движение не может, делается нежизненным. Все резервы партизанского пополнения идут от населения. Не работая с населением, не имея связи с ним, вы не получите пополнения и не будете иметь помощи от населения»⁴.

Сложно было наладить прочные связи с населением тем отрядам и группам, которые перебрасывались в тыл противника через линию фронта в районы, где у них не было ни родственников, ни даже знакомых. Случалось и так, что, опасаясь раскрытия мест своего расположения или проникновения в их ряды вражеских агентов, такие отряды самоизолировались

от населения. Израсходовав взятые с собой боеприпасы и продовольствие, они оказывались в очень тяжелом положении. Особенно наглядно это видно на примере Ленинградской области. Из 129 городских и 158 сельских партизанских отрядов, действовавших на оккупированной территории с начала войны, по состоянию на 1 января 1942 г. осталось в тылу врага 20 городских (397) и 40 сельских (1568 человек) партизанских отрядов⁵. Судьба остальных отрядов сложилась по-разному: многие вышли в советский тыл или распались, значительное число погибло в боях с карательными войсками.

В самоизолировавшихся отрядах от населения нередко падала дисциплина, вплоть до самоуправства в отношении мирных жителей, мародерства, произвола и даже расстрелов. В Ленинском поселке Мглинского района Орловской области группа партизан из отряда имени Г. И. Котовского избивала гражданку С. Снытко, муж и сын которой находились в партизанах, а второй сын служил в Красной Армии. В том же поселке бойцы 5-й Ворговской партизанской бригады забрали корову у жены красноармейца Т. Лобановой⁶.

Наблюдались и другие действия партизан, которые по своей сути противоречили интересам местных жителей. Так, диверсионная группа Армавирского партизанского соединения Краснодарского края взорвала мельницу в станице Советской. С этой же целью партизаны направились в станицу Бесскорбную. Однако местные жители встали на защиту второй мельницы, так как населению негде было производить помол зерна⁷.

Такие поступки, естественно, отталкивали население от партизан. Сохранившиеся документы свидетельствуют: к нарушителям законности, уличенным в мародерстве и произволе над мирными жителями, применялись самые строгие меры воздействия.

Для налаживания тесных и взаимоприемлемых отношений между партизанами и населением требовался величайший такт, умелый подход, не ущемляющий чести и достоинства местных жителей, исключая произвол и насильственное изъятие продовольствия и одежды. Правильно налаженный контакт с населением гарантировал отряду непрерывный приток свежих сил, регулярное материальное обеспечение и широкую осведомленность в окружающей обстановке.

Большую роль в организации и становлении первых партизанских отрядов сыграли военнослужащие, оказавшиеся в окружении или бежавшие из плена. Летом 1942 г. доля воинов-окруженцев в партизанских отрядах Ленинградской, Калининской, Смоленской и Орловской областей составляла 30–60%, в украинских партизанских соединениях доходила до 50 и более процентов всего личного состава⁸.

Для большинства советских патриотов, впервые взявшихся за оружие, военнослужащие были первыми наставниками и командирами, примером поведения в бою и постижении сурового солдатского

быта. Многие из них занимали в отрядах командно-политические должности⁹.

Основной организационной и боевой единицей партизан с самого начала борьбы стал самостоятельный действовавший отряд, численность которого не превышала 80–100 человек. Бойцы объединялись во взводы (группы) и отделения. Во главе отряда стоял командир, комиссар, а иногда и начальник штаба. На вооружении находилось в основном легкое стрелковое оружие, которое удавалось собрать на местах сражений или добыть у противника. Базировались отряды обычно в границах собственного района на хорошо знакомой местности, опираясь на помощь благонадежных жителей.

Осенью и зимой 1941 / 42 г. наряду с отрядами во многих населенных пунктах образовались и действовали подпольные партизанские группы. Они накапливали оружие и боеприпасы, вели среди населения антифашистскую пропаганду, выявляли единомышленников, проводили различные диверсионные акты. Переход к открытой вооруженной борьбе сдерживался, как правило, отсутствием оборудованных лесных лагерей, запасов продовольствия, суровыми условиями зимы.

Разгром немецких войск под Москвой ускорил формирование отрядов, вызвав подъем патриотизма и стремление к активным боевым действиям. Многие партизанские группы вышли из подполья и приступили к открытой борьбе с оккупантами. Они быстро переросли в крупные отряды за счет притока окруженцев, а также добровольцев из числа городского и сельского населения, на их вооружении помимо винтовок и автоматов появились минометы, пушки, а в отдельных отрядах даже танки. Определенное представление об обстановке в тылу противника в этот период дает донесение политуправления Брянского фронта от 2 мая 1942 г.: «Партизанские отряды растут. Люди собирают оружие, вооружаются и идут в партизанские отряды. Некоторые даже за хлеб покупают винтовки — пуд за винтовку, четыре пуда — за пулемет. Смеются, осуждают тех, кто не имеет оружия. Зимой прорубили лед и искали оружие в реке. Дети помогают собирать оружие». Далее в сообщении приведены данные о многократном, в десятки и сотни раз, увеличении численности бойцов в отрядах брянских партизан¹⁰.

Аналогичная обстановка сложилась во многих партизанских отрядах на оккупированной территории. Всего в мае 1942 г. насчитывалось уже около 500 партизанских отрядов численностью свыше 70 тыс. человек. Потери, понесенные зимой 1941 / 42 г., были почти полностью восстановлены. Рост и активность партизанских сил приобрели такой размах, что оккупанты были изгнаны из сотен населенных пунктов. Освобожденная в тылу противника территория получила название партизанского края. Весной 1942 г. их насчитывалось в Ленинградской области — 1, Смоленской — 4, Орловской — 2, Бе-

лоруссии — 4. Занимаемая ими площадь равнялась 50 тыс. кв. км и значительно превышала земельные пространства таких государств, как Дания и Люксембург, вместе взятые. В партизанских краях находилось более 40 тыс. партизан и десятки тысяч бойцов групп самообороны населенных пунктов¹¹.

На освобожденных территориях партизаны накапливали и обучали резервы, лечили раненых и больных, строили аэродромы для приема самолетов с Большой земли. Отсюда разведывательно-диверсионные группы, отряды и соединения уходили в длительные рейды и на задания по разгрому вражеских гарнизонов, для подрыва воинских эшелонов, разрушения железнодорожных и шоссейных мостов. Сюда они возвращались после выполнения задания для отдыха и пополнения. В партизанских краях находили укрытие тысячи советских граждан, спасавшихся от уничтожения и угона в Германию. Здесь легально действовали органы советской власти и партийные комитеты, работали школы, больницы и промышленные предприятия. Процесс расширения существующих и образования новых партизанских краев проходил на протяжении всей войны. Естественно, что границы освобожденных от оккупантов территорий и численность партизан, стоящих на их защите, менялись в зависимости от складывавшейся обстановки.

Опытом и практикой борьбы подтвердилась необходимость укрупнения отрядов, в качестве основной формы объединения стала бригада. Организационное и боевое преимущество бригады состояло в том, что, сплотив несколько отрядов в единый военный организм под общим командованием и имея все достоинства крупного соединения, она в то же время сохраняла за отрядами автономность в дислокации, материальном обеспечении, пополнении личным составом, а также самостоятельность в решении собственных боевых задач. Объединенными силами всех отрядов бригада выступала только при проведении крупных наступательных операций, рейдов и при отражении карательных экспедиций противника. Наиболее гибкой в управлении, мобильной и маневренной в походе и бою зарекомендовала себя бригада из 4–5 отрядов в составе 500–600 человек. Создание летом 1942 г. бригад положило начало качественно новому этапу в организационном строительстве партизанских сил, их управлении и использовании. В дальнейшем они превратились в хорошо слаженные и вооруженные боевые соединения.

Одновременно с совершенствованием структуры партизанских сил сложилась система централизованного управления ими. На протяжении первых одиннадцати месяцев войны функции руководства партизанским движением осуществлялись многими партийными и государственными органами, параллелизм и несогласованность в деятельности которых негативно отражались на развитии народной борьбы в тылу врага. Природа и специфика партизанского

движения требовали нового подхода к использованию опыта, знаний, профессионализма партийных руководителей и военных специалистов. Центральный и фронтовые штабы партизанского движения, созданные по постановлению ГКО от 30 мая 1942 г., явились удачно найденной формой объединения структур, непосредственно участвовавших в формировании партизанских отрядов. В целях сохранения преемственности руководства и накопленного опыта аппарат штабов комплектовался на основе представительства от существовавших центров управления партизанским движением. Так, начальником ЦШПД был утвержден первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии П. К. Пономаренко, с первых дней войны занимавшийся развертыванием народной борьбы в тылу врага. Членами штаба стали: от КГБ — комиссар госбезопасности 3-го ранга В. Т. Сергиенко, а от военной разведки — начальник отдела Главного разведывательного управления Генштаба генерал Т. Ф. Корнеев. В дальнейшем, когда штабы партизанского движения окрепли и установили с отрядами устойчивую связь, когда ведомственная подчиненность партизанских формирований была ликвидирована, от представительского принципа руководящих органов отказались.

Перед Центральным и фронтовыми штабами партизанского движения стояла задача дезорганизовать тыл противника путем развертывания массового сопротивления захватчикам в городах и населенных пунктах, разрушения его коммуникаций и линий связи, уничтожения складов и баз с боеприпасами, вооружением и горючим, нападения на воинские штабы, полицейские участки и комендатуры, административно-хозяйственные учреждения, усиления разведывательной деятельности и т. д.

К осени 1942 г. партизанское движение имело сложившуюся систему органов централизованного руководства как в центре, так и на местах. Проведенные мероприятия по ее совершенствованию были направлены на организацию более тесного взаимодействия партизан с действующей армией.

Большое значение для развития массового партизанского движения имело совещание в Кремле 1 сентября 1942 г. с участием Сталина и большой группы командиров брянских, украинских и белорусских партизанских отрядов, в ходе которого были решены многие давно назревшие практические вопросы, в том числе касавшиеся снабжения партизан оружием, боеприпасами и радиосвязью (для их доставки в тыл противника выделялся авиационный полк В. С. Гризодубовой). По итогам совещания был издан приказ НКО «О задачах партизанского движения» от 5 сентября 1942 г.

Партизанским отрядам и соединениям предстояло усилить диверсионную деятельность на коммуникациях противника путем подрыва поездов, железнодорожных и шоссейных мостов; разрушать и дезорганизовывать тыл противника посредством

осуществления рейдов, организации засад, стремительных налетов на вражеские гарнизоны, уничтожения средств связи, подрыва складов и баз; увеличить размах и повысить уровень партизанской разведки в интересах Красной Армии, охватить ею все города и крупные населенные пункты; срывать попытки захватчиков использовать продукты сельскохозяйственного и промышленного производства для нужд германской армии и др.¹². Содержание приказа было изложено в передовой статье газеты «Правда» «За всенародное партизанское движение» от 14 ноября 1942 г. и доведено до населения оккупированной советской территории, партизан и подпольщиков.

Специфика партизанской борьбы, необходимость ее дальнейшего расширения и укрепления требовали подготовки специальных кадров. Вначале она велась на краткосрочных курсах в учебных центрах и на подготовительных сборах. В январе 1942 г. по указанию ЦК ВКП(б) в Москве были созданы партизанские спецшколы № 1, 2 и 3, во втором полугодии еще две: они готовили специалистов по тактике партизанских действий, подрывников, разведчиков, топографов и т. д. высокой квалификации. С образованием в мае 1942 г. ЦШПД спецшколы (они стали называться центральными) вошли в его подчинение. Одновременно при каждом фронтовом, а впоследствии и республиканском штабах были созданы свои школы. Сроки обучения в зависимости от специализации составляли от 1 до 3 месяцев. За июль 1941 — январь 1944 г. в различных учебных заведениях фронтовых, республиканских и центральных школ было подготовлено около 48 тыс. партизанских специалистов, в том числе 2,6 тыс. командиров-организаторов партизанских отрядов, 4,7 тыс. инструкторов подрывного дела, 30,7 тыс. подрывников, 2,5 тыс. радистов и др.¹³.

Деятельность спецшкол позволила перенести центр тяжести по подготовке кадров непосредственно в партизанские соединения и отряды. «Лесные академии» работали в партизанских соединениях под командованием С. А. Ковпака, А. Н. Сабурова, А. Ф. Федорова, М. Ф. Шмырева и других. Новая система подготовки партизанских кадров значительно повысила эффективность народной борьбы в тылу врага.

Одной из острых и неотложных задач, которой с первых дней занимались штабы партизанского движения, являлось установление широкой и устойчивой радиосвязи с отрядами. Без нее теряло всякий смысл само существование штабов. Радиосвязь должна была обеспечивать четкое и оперативное руководство боевыми действиями партизан, работу авиации по снабжению партизан, получение от партизан советским командованием разведанных. В стране, однако, не хватало радиостанций и квалифицированных радистов, самолетов для доставки их в тыл противника. Инструкторов-радистов для обучения

новых кадров приходилось собирать буквально по одиночке из различных ведомств. Постановлением от 4 сентября 1942 г. Государственный Комитет Обороны обязал Главное управление связи Красной Армии и Наркомат электропромышленности в пятидневный срок выделить в распоряжение ЦШПД по 250 раций типа «Север», РПО-1 и РПМ с запасом питания¹⁴. Формирование центрального радиоузла для связи с партизанами было закончено в августе 1942 г., и он принял на связь первых корреспондентов. К этому же времени завершилось развертывание работы радиоузлов фронтовых штабов партизанского движения. В июне 1942 г. радиостанции имели лишь четверть, а в середине октября — уже около половины партизанских формирований, находившихся на учете в ЦШПД¹⁵.

Большой вклад в укрепление связи партизан с Большой землей внесла авиация — гражданская и военная. Воздушным путем в тыл противника доставлялись материальные средства, газеты, кинопередвижки, типографии, даже музыкальные инструменты. Партизаны получили возможность вести переписку с живущими в советском тылу родными и близкими. С помощью авиации производилась эвакуация тяжело раненых и больных партизан, членов их семей. Нередко авиация по заявкам партизанского командования наносила бомбовые удары по скоплениям вражеских войск во время карательных экспедиций противника. Все это поднимало моральный и боевой дух партизан, придавало им больше уверенности и стойкости в бою.

Одним из основных и наиболее эффективных способов боевой деятельности партизан являлась дезорганизация путей сообщения противника. Железнодорожные коммуникации, растянувшиеся на сотни тысяч километров, были самым уязвимым объектом вражеского тыла. На слабо охраняемых участках партизаны группами по 5–7 человек систематически пускали под откос вражеские эшелоны. На сильно укрепленные железнодорожные станции и мосты нападали силами нескольких отрядов и долго выводили их из строя. Движение по шоссе и грунтовым дорогам прерывали засадами, завалами, волчьими ямами.

Показательно признание командующего группой армий «Центр» фельдмаршала фон Бока, который именно в катастрофическом положении транспорта видел одну из причин поражения своих войск под Москвой. «Русские, разрушив почти все сооружения на главных магистралях и дорогах, — писал он в своем дневнике 7 декабря 1941 г., — сумели так умело увеличить наши транспортные трудности, что фронту не хватает самого необходимого для существования и боев. Боеприпасы, горючее, продовольствие и зимнее обмундирование не поступают из-за катастрофического состояния железнодорожного транспорта и растянутости коммуникаций (до 1500 км), автотранспорт поставлен перед невыполнимыми тре-

бованиями. Его эффективность падает. Получается так, что сегодня у нас нет никакой возможности для значительного маневра»¹⁶.

С образованием Центрального и фронтовых штабов партизанского движения диверсионная деятельность партизан непрерывно наращивалась на тех направлениях, дезорганизация перевозок на которых в данный момент особенно интересовала советское командование. 27 июля 1942 г. ЦШПД утвердил «Оперативный план массированного удара по коммуникациям врага и узлам связи противника», который впервые диверсионную деятельность партизан тесно увязывал с планами военных советов фронтов. Содействуя войскам Ленинградского и Волховского фронтов в наступлении на мгинском направлении, ленинградские партизаны во второй половине 1942 г. пустили под откос 212 вражеских эшелонов (в 4,8 раза больше, чем в первую половину года), из них 55 эшелонов на основной магистрали Псков — Луга — Ленинград¹⁷.

Смоленские партизаны с июня по октябрь 1942 г., т. е. в ходе Ржевско-Сычевской наступательной операции войск Калининского и Западного фронтов, подорвали 300 вражеских эшелонов, или в 30 с лишним раз больше, чем за первое полугодие, взорвали 145 мостов¹⁸. В результате разрушения брянскими партизанами в сентябре 1942 г. моста через р. Навля, взорванного в самые критические дни Сталинградской битвы, железная дорога Брянск — Льгов не работала в течение полутора месяцев¹⁹. Белорусские партизаны с июня по декабрь 1942 г. сбросили с рельс 948 вражеских эшелонов, разрушили 168 железнодорожных мостов, уничтожили 1340 автомашин, 412 мостов на шоссе и грунтовых дорогах²⁰. Украинские партизаны в течение лета и осени 1942 г. взорвали 117 железнодорожных и шоссе мостов, подорвали на минах 158 вражеских эшелонов, разгромили 6 железнодорожных станций²¹. Всего в период летне-осенней кампании 1942 г. партизаны подорвали 1878 вражеских эшелонов, в среднем по 268 составов в месяц²².

Мужественная борьба партизан, поддерживаемая местным населением, за сравнительно короткий срок развернулась в массовое народное движение. К концу 1942 г. в нем участвовало 125 тыс. человек, объединенных в 1770 партизанских отрядов и бригад²³.

В ходе второго периода войны партизанское движение достигло своего наибольшего размаха. Численность партизан к концу 1943 г. увеличилась вдвое, до 250 тыс. человек²⁴. Благодаря возросшему боевому мастерству и установлению тесной связи с советским тылом партизанская война приобрела небывалую активность и эффективность. Из всех способов боевых действий на первое место выступили диверсии на коммуникациях противника, причинявшие оккупантам наибольший урон при минимальных собственных потерях. Успеху диверсий способствовали

непрерывный рост численности партизан и улучшение снабжения их специальной минно-подрывной техникой с Большой земли. Мины стали основным наступательным оружием, от разрушительной силы которых гитлеровцы несли более половины всех потерь, наносимых партизанами.

В 1943 г. партизаны Украины подорвали 3666 из 5 тыс. эшелонов, сброшенных за весь период их боевых действий²⁵. В июле этого года ЦШПД разработал план одновременного массового уничтожения рельсов на оккупированной захватчиками территории. Для проведения операции привлекалось 167 партизанских отрядов и соединений Белоруссии, Ленинградской, Калининской, Смоленской, Орловской областей и частично Украины численностью около 100 тыс. человек, т. е. почти половина всех партизанских сил, действовавших во вражеском тылу. В ночь на 3 августа, содействуя перешедшим в наступление войскам Воронежского и Степного фронтов, начался массовый подрыв рельсов на территории протяженностью по фронту около тысячи километров и глубиной до 750 км. Уничтожение рельсов сопровождалось крушениями поездов, взрывами железнодорожных мостов, станционных сооружений, нанесением ударов по вражеским гарнизонам, комендатурам, полицейским участкам, тыловым частям и подразделениям. Весь август и первую половину сентября продолжалась «рельсовая война», в результате которой было разрушено около 215 тыс. рельсов, что составляло 1342 км одноколейного железнодорожного пути. На некоторых дорогах движение поездов остановилось на 3–15 суток, а магистрали Могилев-Кричев, Полоцк-Двинск, Могилев-Жлобин не работали в течение месяца. Все это вынудило гитлеровцев переделывать двухпутные участки дорог на однопутные, сваривать порванные рельсы и даже ввозить их из Польши и Германии.

С 19 сентября, когда советские войска подошли к Днепру, начался второй этап операции по разрушению вражеских коммуникаций, получивший кодовое название «Концерт». В дополнение к прежним участникам подключились партизаны Западной Белоруссии, Прибалтики, Карелии и Крыма общей численностью 120 тыс. человек. В итоге двух операций, с 3 августа по декабрь 1943 г., было подорвано 363 262 рельса (или 2270 км одноколейного железнодорожного пути)²⁶.

Одновременно с разрушением железнодорожных путей партизаны Украины, Белоруссии и западных областей Российской Федерации с июля по октябрь 1943 г. пустили под откос 2946 эшелонов, в результате крушения которых разбилось 2807 паровозов, 25 528 вагонов и платформ, погибло более 100 тыс. гитлеровцев. В целях большей безопасности прекратилось ночное движение поездов, а скорость на ряде участков снизилась до 10–15 км в час. Объем перевозок грузов в августе-сентябре 1943 г. сократился на 35–40%²⁷.

Таким образом, в ходе Курской битвы и дальнейшего наступления Красной Армии было впервые достигнуто согласованное по времени и цели взаимодействие регулярных войск с крупными силами партизан. Рельсовые удары знаменовали собой не только новый этап борьбы на коммуникациях противника, но и мастерское использование партизанских сил в интересах наступающих фронтов. Массовый подрыв рельсов повлек за собой скопление на железнодорожных узлах и станциях большого количества воинских эшелонов противника, которые подвергались непрерывным налетам советской авиации.

В течение 1943 г. по сравнению с 1942 г. партизаны подорвали в пять раз больше поездов, разгромили в пять раз больше гарнизонов, штабов и других военных объектов противника, уничтожили почти в четыре раза больше его живой силы²⁸. Существенно увеличилась также площадь партизанских краев. Партизаны контролировали уже шестую часть советской территории (свыше 200 тыс. кв. км) в тылу немецких войск. Партизанские края являлись не только своеобразным тылом партизан. Они имели большое военное значение, способствовали успеху наступательных операций Красной Армии²⁹. В целом партизанское движение во втором периоде Великой Отечественной войны явилось фактором оперативно-стратегического значения в разгроме Германии и ее европейских союзников.

Завершающий этап народной борьбы в тылу врага (1944–1945 гг.) показателен еще более тесным взаимодействием партизанских сил с войсками Красной Армии. Этому способствовали приближение линии фронта к основным группировкам партизан, накопленный опыт совместных действий, а также предоставление республиканским и областным штабам партизанского движения большей самостоятельности в связи с расформированием в январе 1944 г. ЦШПД. Несмотря на роспуск партизанских отрядов, сражавшихся на освобожденных Красной Армией территориях Смоленской, Курской, Орловской, части Калининской областей, а также восточных районов Белоруссии и Украины, численность партизан в тылу противника к началу 1944 г. не уменьшилась, а продолжала расти. Только за первую половину года на оккупированной территории Украины и Белоруссии в отряды вступило около 95 тыс. человек, а количество партизан в Латвии в течение года увеличилось в 3 раза, в Эстонии — в 5 раз.

Главные усилия партизан по-прежнему были направлены на дезорганизацию коммуникаций противника. В 1944 г. ни одна крупная наступательная операция Красной Армии не планировалась командованием без привлечения партизанских сил.

Мощные удары Красной Армии слились с боевыми действиями многотысячной армии партизан в ходе операции «Багратион» по освобождению Белоруссии (23 июня — 29 августа 1944 г.). В ночь на 20 июня, за три дня до начала наступления советских

войск, партизаны атаковали железнодорожные коммуникации противника, парализовали его перевозки и лишили возможности маневрировать резервами. Только партизаны Брестской, Барановичской и Пинской областей сорвали переброску в группу армий «Центр» 4-й и 5-й танковых дивизий из группы армий «Северная Украина», а 28-й пехотной дивизии — из района группы армий «Север»³⁰. Прибыв к участку прорыва фронта с большим опозданием, они не смогли сыграть сколько-нибудь существенной роли при попытке сдержать наступление Красной Армии на минском направлении. Партизаны захватывали и удерживали до подхода своих войск переправы через реки Березина, Птичь, Неман и другие. Партизанские формирования в 1944 г. принимали непосредственное участие также в освобождении от захватчиков Карелии, республик Прибалтики, Украины, Крыма. Нанося удары по врагу с тыла, они оказали неоценимую помощь наступлению Красной Армии.

Большое место в боевой деятельности партизанских формирований занимала борьба с карательными силами противника. 18 августа 1942 г. Гитлер подписал директиву «Основные указания по усилению борьбы с партизанским движением на Востоке», которой ответственность за подавление народного движения в зоне боевых действий вермахта (оперативный тыл) возлагалась на начальника генерального штаба сухопутных войск, а на территории рейхскомиссариатов — на рейхсфюрера СС и начальника германской полиции Гиммлера³¹. Для подавления партизанского движения немецкое командование постоянно держало в своем тылу 15–16 дивизий. Кроме того, 7–8 дивизий, а также разведывательная и бомбардировочная авиация привлекались периодически при проведении крупных карательных операций. По немецким данным, только с ноября 1942 по март 1943 г. на оккупированной территории СССР против партизан было проведено 25 таких операций с использованием сухопутных соединений и авиации, войск СС и полиции, а также «восточных батальонов»³².

Накануне наступления на Курской дуге немцы предприняли попытку очистить от партизан южный массив Брянских лесов. Карательная операция под кодовым названием «Цыганский барон» проводилась с 16 мая по 6 июня 1943 г. Против 12 тыс. брянских партизан было брошено до 9 дивизий, в том числе 7-я и 292-я пехотные, 10-я моторизованная, 4-я и 18-я танковые и другие³³. Несмотря на перевес сил врага, партизаны, постоянно маневрируя, сумели не только выстоять, но и сохранить свою боеспособность, хотя понесли значительные потери: 2096 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Однако добиться поставленной цели — полностью уничтожить брянских партизан — гитлеровцам не удалось. Не досчитавшись 3952 человека убитыми, ранеными и попавшими в плен, они вынуждены были снять блокаду Брянских лесов, так как в задействованных против партизан регулярных войсках остро нуждался

фронт³⁴. Необходимость использования германским командованием крупной группировки регулярных войск для борьбы с партизанами накануне Курской битвы вызвала отсрочку начала операции «Цитадель». Этот факт был далеко не единичным случаем оперативного влияния боевых действий партизан на события фронтового значения.

В борьбе против партизан принимали участие и так называемые добровольческие «восточные» формирования из гражданского населения и из советских военнопленных. Первые «добровольческие» подразделения появились в июле–августе 1941 г. на оккупированной территории прибалтийских республик. С весны 1942 г., когда гитлеровцы остро почувствовали нехватку войск, они приступили к созданию восточных частей на всей оккупированной советской территории. Как свидетельствуют многочисленные источники, комплектование восточных формирований проводилось в лагерях для военнопленных из лиц, готовых служить оккупантам по идейным или шкурническим соображениям. Из них создавалось ядро будущего подразделения.

Число таких перебежчиков, как правило, было небольшим. Другие, зная, что в лагере их ждет голодная смерть, соглашались надеть фашистский мундир в надежде при удачном случае с оружием в руках перейти на сторону партизан или Красной Армии.

По назначению и характеру использования восточные войска подразделялись на четыре основные категории:

- охранные части, предназначенные для борьбы с партизанами и охраны военных объектов тыла;
- боевые части «Русской освободительной армии (РОА) и восточные национальные легионы, предназначенные для ведения боевых действий;
- полицейские формирования, как вспомогательная полиция немецкого военного и гражданского управления на оккупированной советской территории;
- так называемые хиви — сокращенное от немецкого слова «хильфсвиллиге» (дословно — желающие помогать) — отдельные военнопленные и гражданские лица, служившие в воинских частях на вспомогательных работах.

Между двумя первыми категориями восточных войск, т. е. охранными и боевыми частями, фактически не было четко выраженного различия, так как ни восточные легионы, ни части РОА оказались не способными к ведению боевых действий на советско-германском фронте. Но для борьбы с партизанами и населением немецкое командование считало их вполне подготовленными³⁵. Так, в группе армий «Центр» в декабре 1942 г. имелось более 90 частей и подразделений добровольцев, в которых из числа бывших советских граждан на офицерских, сержантских и рядовых должностях насчитывалось 30 364 человека³⁶. В донесении командования 4-й немецкой армии в штаб группы армий «Центр» от 18 декабря

1942 г. отмечалось: «Большинство восточных и казачьих частей несет службу охраны в тыловом районе армии, в тылу корпусов, дивизий, а также используется для охраны железных дорог. Часть из них ведет работу с партизанами... Во всех вышеперечисленных мероприятиях подразделения показали себя с хорошей стороны. Командные инстанции, которым подчинены восточные и казачьи части, особо отмечают, что личный состав подразделений охотно принимает участие в акциях против партизан. Все поставленные перед ними задачи были выполнены»³⁷.

Характеризуя действия 623-го казачьего батальона (491 доброволец, 23 немца), командование 3-й танковой армии в донесении от 14 декабря 1942 г. сообщало: «Казачий батальон используется в борьбе с партизанами, и при этом личный состав показал себя с хорошей стороны. Казаки быстро распознали тактику действий партизан, и уверенные действия на знакомой местности делают эти подразделения особенно ценными. В надежности личного состава в боевых условиях сомнений нет»³⁸.

В начале 1943 г. гитлеровцы приступили к созданию отдельных подразделений так называемой Русской освободительной армии во главе с бывшим советским генералом А. А. Власовым, перешедшим на службу немцам. Среди солдат и офицеров, вовлеченных в РОА путем обмана, шантажа и насилия, было немало таких, кто до пленения занимал в рядах Красной Армии высокие посты³⁹.

Со второй половины 1943 г. начался массовый переход солдат добровольческих формирований на сторону партизан. «Обстановка непрочности власти оккупантов, — докладывал 20 октября 1943 г. начальник Ленинградского штаба партизанского движения М. Н. Никитин военному совету Волховского фронта, — неверие в нее все больше и больше охватывает «добровольческие» части противника из военнопленных, русских полицейских и других прислужников немцев, вследствие чего разложение в их рядах начинает принимать массовый характер. Целыми подразделениями они, убивая немцев, уходят в леса или к партизанам, принося с собой вооружение и боеприпасы»⁴⁰. «Перебежчики приходят к партизанам с полным вооружением и боеприпасами, — говорилось в сообщении уполномоченного ЛШПД на Северо-Западном фронте подполковника А. Тужикова от 19 октября 1943 г. — Так, в 7-ю бригаду из батальона РОА пришло 138 человек, имея на своем вооружении 4 пулемета, 84 автомата, 44 винтовки, 1200 патронов и 3 радиостанции. Перед тем как уйти к партизанам, власовцы уничтожили 45-мм пушку, 3 станковых пулемета и 4 миномета»⁴¹. К концу года в составе этой бригады солдаты РОА составляли 12% личного состава. Всего по данным ЦШПД за период с 15 июня 1942 по 15 февраля 1944 г. на сторону партизан перешло 8887 человек⁴².

Значительное число лиц из гражданского населения оккупированных районов и военнопленных

находилось на службе во вспомогательной полиции. Она формировалась в большинстве населенных пунктов и состояла из 3–5 человек при каждом старосте, а также самостоятельных отрядов численностью 50–100 человек, которые располагались в крупных населенных пунктах. «Нужно сказать, что эта полиция была гораздо хуже немцев, — вспоминал бежавший из плена лейтенант П. Е. Брайко, впоследствии командир партизанского полка, Герой Советского Союза. — Немец — это все-таки чужой человек, он не знал обычаев, способностей и хитростей местного населения, а свой человек, своя сволочь могла разгадывать русских людей и немцев учила. Это значительно затрудняло наше передвижение по оккупированной территории»⁴³.

Местная полиция значительно облегчала работу немцев в борьбе с партизанами и подпольщиками, так как знала городской и сельский актив, за которым непрерывно охотилась. В донесении начальника тылового района группы армий «Центр» от 3 декабря 1942 г. сообщалось, что «полиция повсеместно хорошо зарекомендовала себя и сегодня является существенным фактором для усмирения населения»⁴⁴. К маю 1943 г. в ведении администрации рейхскомиссариатов насчитывалось примерно 300 тыс. человек в полицейских формированиях⁴⁵.

Самой многочисленной категорией советских граждан, поступивших на службу германской армии, являлись «хиви». Они организационно не состояли в добровольческих формированиях, а каждый по рознь зачислялся в воинскую часть в качестве обслуживающего персонала. «Хиви» носили немецкую форму и работали на кухне, в различных мастерских, водителями автомашин, коноводами, возницами и т. д. В среднем в пехотной дивизии их насчитывалось до 10% от штатной численности соединения, а в транспортных колоннах до 50%⁴⁶. К началу 1943 г. в вермахте находилось до 400 тыс. «хиви»⁴⁷.

Важным участком боевой деятельности партизанских формирований было добывание разведывательной информации о противнике как для осуществления собственных операций, так и в интересах Красной Армии. Это был самый многочисленный отряд советских разведчиков. Только в составе партизанских отрядов и соединений Белоруссии находилось 24 тыс. человек, которым в сборе сведений о противнике помогали 19 тыс. связных из местных жителей⁴⁸. Множество глаз неустанно следили за передвижением вражеских войск по железнодорожным и шоссейным магистралям, отмечали места расположения аэродромов, воинских штабов, сосредоточения войск и техники, строительство оборонительных сооружений и т. д.

Разведдонесения от партизан стали поступать советскому командованию с первых дней боевой деятельности отрядов. В сентябре 1941 г. партизаны сообщили о сосредоточении крупных сил немецко-фашистских войск в районе Ярцево, Сафоново

и Духовщина, когда немцы готовили наступление на Москву, начатое 30 сентября 1941 г.⁴⁹. Отмечая важность разведанных для определения момента перехода войск Красной Армии в контрнаступление под Москвой, Г. К. Жуков вспоминал: «К 3–4 декабря на всех участках Западного фронта немецко-фашистские войска под ударами наших соединений начали переходить к обороне. Это значило, что операция по захвату Москвы оказалась для немецких войск непосильной.

Из опроса пленных, данных разведки и особенно из сообщений партизанских отрядов, действовавших в Подмоскovie, нам стало известно, что в тылу противника резервных войск нет. Все, что было у них, израсходовано ими в ноябрьском сражении»⁵⁰. В период контрнаступления советских войск под Москвой орловские партизаны передали фронтовому командованию сведения о 148 пунктах размещения и сосредоточения войск группы армий «Центр», о расположении 70 аэродромов и посадочных площадок, местонахождении 122 вражеских штабов, направлении движения 117 воинских эшелонов⁵¹.

Нередко партизанской разведке удавалось добыть сведения оперативно-стратегического значения. Благодаря самоотверженной деятельности партизан и подпольщиков Белоруссии и Украины в 1943 г. были получены данные о местонахождении ставки Гитлера в районе Винницы, о намерении врага предпринять наступление под Курском, о подготовке покушения на участников Тегеранской конференции, о дислокации штаба группы армий «Центр», всех входивших в ее состав армий и около 60 штабов корпусов и дивизий. Большую роль в раскрытии замыслов врага сыграл знаменитый советский разведчик Н. И. Кузнецов — Герой Советского Союза, боец особого партизанского отряда «Победители».

Отмечая заслуги партизанской разведки, Маршал Советского Союза Г. К. Жуков писал: «Партизаны снабжали советское командование разведывательными данными, которые помогли правильно оценить обстановку и замыслы вражеского командования на лето 1943 года»⁵².

Партизанским разведчикам удалось раздобыть основные технические данные танков новых конструкций «Тигр» и «Пантера», а также установить переброску их на центральный участок фронта. В результате появление и ввод в действие их в районе Курской дуги не явились неожиданностью для советских войск, а потому и не дали немецкому командованию тех преимуществ, на которые оно рассчитывало. Накануне наступательной операции «Багратион» белорусские партизаны и подпольщики выявили и подтвердили дислокацию в тыловых районах группы армий «Центр» 287 частей и соединений, 33 штабов, 900 гарнизонов, 130 зенитно-артиллерийских батальонов, 70 крупных складов и 985 км оборонительных рубежей противника⁵³. От украинских партизан за 1942–1944 гг. поступило 3625 важнейших разведывательных сообщений⁵⁴.

Столь высокой результативности в боевой деятельности партизанским формированиям удалось добиться фактически при полном самообеспечении. Главным источником их снабжения были трофеи, захваченные у противника, и помощь местного населения. Оружием, собранным на местах прошедших боев, вооружалось и воевало большинство отрядов в 1941–1942 гг. Зимой и весной 1942 г. население Дорогобужского, Ярцевского и других районов Смоленской области собрало и передало партизанам и действовавшим в то время в тылу врага частям кавкорпуса генерала П. А. Белова 150 станковых и 167 ручных пулеметов, около 14 тыс. винтовок, более 18 тыс. мин, 100 тыс. снарядов, около 800 тыс. патронов и другое вооружение⁵⁵.

В последующие годы, когда этот источник самообеспечения иссяк, партизаны добывали оружие и боеприпасы в боях с противником и частично за счет увеличившихся поставок с Большой земли. Однако хронический недостаток в вооружении и боеприпасах партизаны испытывали в течение всей войны, и это было большим препятствием, сдерживавшим эффективность партизанской борьбы в тылу врага.

Продуктами питания и одеждой партизаны обеспечивались также за счет противника и помощи местного населения. Для организованного проведения таких заготовок в каждом отряде имелись специальные хозяйственные подразделения. Основными продуктами питания являлись хлеб, который выпекался населением или непосредственно в отрядах, мясо, преимущественно конина, и овощи, большей частью картофель и капуста. Ежедневный рацион лесных бойцов летом 1942 г. в партизанских отрядах Могилевской, Минской, Орловской и Ленинградской областей состоял из 500–600 г хлеба, 150–200 г мяса и по потребности картофеля и других овощей⁵⁶. Острую нужду партизаны испытывали в таких продуктах, как соль, сахар, табак, которыми трудно было разжиться даже за счет противника.

Находясь в населенных пунктах, партизаны питались вместе с крестьянскими семьями, у которых они квартировали. Тяжелые испытания голодом выпадали на дни проведения оккупантами карательных операций или блокирования партизанских зон, когда иссякали продовольственные запасы. В такие моменты в пищу шло все, что считалось съедобным: различные травы, ягоды, грибы, кора и листья деревьев, резалась на лапшу и варилась кожаная обувь и т. д. Но и это не всегда выручало. В некоторых отрядах, например, в Крыму, наблюдались случаи голодной смерти. Результативность и эффективность партизанских действий в интересах Красной Армии была бы в несколько раз выше, если бы советский тыл сумел улучшить материальное обеспечение партизан.

Оккупированная фашистами советская территория не стала им обеспеченным тылом. Не оправдались надежды гитлеровцев «заморить» захваченные земли,

а проживавших на ней советских людей заставить безропотно работать на рейх. Историческая заслуга партизанского движения состоит в том, что оно организационно объединило сопротивление народных масс непосредственно в тылу врага, превратив его фактически во второй фронт. Оккупанты не знали покоя ни днем, ни ночью, и, по их многочисленным признаниям, нахождение в действующей армии было намного безопаснее, чем в ее тылу.

Партизанское движение было непреодолимо. Война в тылу врага выявила такие природные черты нашего народа, как мужество, бесстрашие, готовность к самопожертвованию во имя счастья и процветания родного Отечества. И как только ни зверствовали оккупанты против партизан и населения, но все-таки советские люди диктовали им «правила поведения». Это они заставили захватчиков держать на охране своих коммуникаций многотысячные войска, двигаться по ним не круглые сутки, как этого хотелось врагу, а только днем. Это они сорвали планы нацистского руководства использовать материальные и природные ресурсы оккупированной территории для обеспечения Германии и усиления ее армии, нанесли

врагу огромный урон. Ими было спущено под откос более 20 тыс. воинских эшелонов, взорвано около 2 тыс. железнодорожных и свыше 9,5 тыс. шоссежных мостов, уничтожено более 65 тыс. автомашин, 4,5 тыс. танков, 1100 самолетов, 2900 складов и баз и т. д.⁵⁷

Массовостью, высоким уровнем организованности и боеспособности партизанское движение опровергло расхожее слово «партизанщина» как синоним необузданной вольницы, распушенности и самоуправства. Это была миллионная армия народных мстителей со своими штабами, четкой системой управления, квалифицированными кадрами, твердой дисциплиной и собственной тактикой ведения войны. Свидетельством признания государством боевых заслуг советского партизана является учреждение медали «Партизан Отечественной войны» 1-й и 2-й степени, которой удостоены более 127 тыс. человек. Свыше 184 тыс. партизан и подпольщиков награждены орденами и медалями Советского Союза, а 248 человек удостоены звания Героя Советского Союза. Около двадцати командирам партизанских формирований было присвоено воинское звание генерал-майор.

¹ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 217. Оп. 1217. Д. 20. Л. 183 (Далее: ЦАМО).

² Там же. Ф. 232. Оп. 612. Д. 99. Л. 121.

³ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Stuttgart, 1983. Bd. 4. S. 1061.

⁴ Научный архив Института Российской истории РАН. Ф. 2. Разд. 2. Оп. 915. Д. 5. Л. 8 (Далее: НА ИРИ РАН).

⁵ ЦАМО. Ф. 217. Оп. 1217. Д. 117. Л. 96.

⁶ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1109. Л. 1 (Далее: РГАСПИ).

⁷ Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 948. Л. 16, 17.

⁸ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 67. Л. 24, 25; Д. 64. Л. 19; ЦАМО. Ф. 202. Оп. 36. Д. 147. Л. 207; Д. 123. Л. 123.

⁹ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 8. Д. 27. Л. 31.

¹⁰ ЦАМО. Ф. 202. Оп. 36. Д. 275. Л. 47.

¹¹ Пережогин В. А. Партизаны в Московской битве. М., 1996. С. 179–180.

¹² ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2524. Д. 72. Л. 91–93

¹³ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 785а. Л. 15; Оп. 5. Д. 99. Л. 48, 49; Оп. 8. Д. 27. Л. 20, 25; Д. 28. Л. 42; Д. 30. Л. 71; Д. 31. Л. 111; ГАБ. Ф. 3500. Оп. 3. Д. 138. Л. 17; Вопросы истории. 1982. № 9. С. 97; Чекисты на защите столицы. М., 1982. С. 192.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 54. Л. 154.

¹⁵ Там же. Ф. 69. Оп. 1. Д. 15. Л. 97; Д. 784. Л. 6.

¹⁶ Цит. по: Безыменский Л. А. Укрощение «Тайфуна». М., 1987. С. 188.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1. Л. 39; Д. 81. Л. 32.

¹⁸ Там же. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1716. Л. 173.

¹⁹ Партизаны Брянщины: Сб. документов и материалов. Тула, 1970. С. 307.

²⁰ Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны. Минск, 1983. Т. I. С. 413, 414, 421.

²¹ Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг. Киев, 1975. Т. I. С. 508.

²² РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 10. Л. 23; Д. 784. Л. 7.

²³ История второй мировой войны. 1939–1945. М., 1976. Т. 6. С. 170.

²⁴ Там же. М., 1976. Т. 7. С. 315.

²⁵ Народная война в тылу фашистских оккупантов на Украине. 1941–1944: В 2 кн. Киев, 1985. Кн. 2: Партизанская борьба. С. 223.

²⁶ Великая Отечественная война. 1941–1945. М., 1998. Кн. 2. Перелом. С. 343.

²⁷ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 10. Л. 153–154; Пономаренко П. К. Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков. 1941–1944. М., 1986. С. 239.

²⁸ История Второй мировой войны. 1939–1945. М., 1977. Т. 8. С. 156, 161.

- ²⁹ Партия во главе народной борьбы в тылу врага 1941–1944 гг. М., 1974. С. 211.
- ³⁰ Долготович Б. Д. В одном строю — к единой цели. Минск, 1985. С. 124.
- ³¹ Военно-исторический журнал. 1988. № 3. С. 84, 85.
- ³² Великая Отечественная война. 1941–1945. Кн. 2. С. 333.
- ³³ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 109. Л. 98.
- ³⁴ Там же. Д. 71. Л. 32; Д. 790. Л. 176.
- ³⁵ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 616. Л. 182
- ³⁶ Там же. Л. 59–66.
- ³⁷ Там же, л. 616.
- ³⁸ Там же. Л. 201
- ³⁹ Аргументы и факты. 1996. № 9/802.
- ⁴⁰ В тылу врага: Борьба партизан и подпольщиков на оккупированной территории Ленинградской области. 1943 г.: Сб. документов. Л., 1983. С. 207.
- ⁴¹ Там же. С. 201, 274
- ⁴² РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 8. Д. 27. Л. 39.
- ⁴³ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 2. Оп. 9/3. Д. 23. Л. 3.
- ⁴⁴ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 519. Л. 101.
- ⁴⁵ Великая Отечественная война. 1941–1945. Кн. 4. С. 157.
- ⁴⁶ Военно-исторический журнал. 1996. № 3. С. 32.
- ⁴⁷ Великая Отечественная война. 1941–1945. М., 1998. Кн. 1: Суровые испытания. С. 470.
- ⁴⁸ Доморад К. И. Разведка и контрразведка в партизанском движении Белоруссии 1941–1944 гг. Минск, 1995. С. 46.
- ⁴⁹ Правда. 1989. 8 мая.
- ⁵⁰ Цит. по: Куманев Г. А. Рядом со Сталиным: Откровенные свидетельства. М., 1999. С. 170.
- ⁵¹ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 61. Л. 8.
- ⁵² Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1992. Т. 3. С. 75, 76.
- ⁵³ Война в тылу врага. М., 1974. Вып. 1. С. 130.
- ⁵⁴ Народная война в тылу фашистских оккупантов на Украине. 1941–1944. Кн. 2. С. 282.
- ⁵⁵ Советские партизаны. М., 1961. С. 163.
- ⁵⁶ ЦАМО. Ф. 202. Оп. 36. Д. 123. Л. 336; Петров Ю. Л. Партизанское движение в Ленинградской области. 1941–1944. Л., 1973. С. 333.
- ⁵⁷ Пономаренко П. К. Непокоренные. М., 1975. С. 57.

Народ и война

О. А. Ржешевский, Е. Н. Кульков*

«Наше дело правое...»

18 июня 1945 г. дивизионный генерал О. Гийом был вызван к главе Временного правительства Франции де Голлю. Отличившись в годы минувшей войны, энергичный и честолюбивый Гийом мечтал о крупной военной карьере. Решение главы правительства его обескуражило. Гийому предлагалось выехать в Москву и занять должность военного атташе. Военно-дипломатическая служба пользовалась уважением во французской армии, но все же должность военного атташе, даже в такой стране, как СССР, не открывала, как он считал, доступ к высшим эшелонам военной власти. Де Голль отклонил возражения Гийома и дал понять, что намерен поручить ему особо ответственное задание. «Вы должны нам рассказать, — пояснил де Голль, — как сражались русские и почему они победили. Не путайте эти две проблемы: первая касается стратегии и тактики, вторая проблема гораздо шире».

Напомним, что после нападения фашистской Германии и её союзников на СССР и трагических событий лета 1941 г. многие политические и военные деятели Запада не верили в способность Советского Союза выстоять и победить в борьбе с фашистской армией. 23 июня 1941 г. С. Криппс заявил, что «русские не смогут противопоставить немцам организованное сопротивление более чем в течение нескольких недель». К мнению Криппса в Лондоне прислушивались, он был английским послом в Москве.

Эксперты военного министерства Великобритании также весьма пессимистически оценивали возможности советского противодействия немецко-фашистской агрессии. У. Черчилль писал после войны, что «почти все ответственные военные специалисты полагали, что русские армии вскоре потерпят поражение и окажутся в основном уничтожены». Военный министр США Г. Стимсон писал, что, «по оценке офицеров службы разведки военного министерства,

кампания могла продлиться лишь от одного до трех месяцев». Когда Ф. Рузвельт в июле 1941 г. направил в Москву своего личного представителя Г. Гопкинса, он поручил ему выяснить, как долго продержится Россия.

Некоторые западные историки, анализируя фактический материал, свидетельствующий об экономических, политических и военно-стратегических преимуществах Советского Союза перед нацистской Германией, отмечают достоинства плановой системы хозяйства СССР, прочность многонационального советского государства, героизм советских людей, высоко оценивают вклад СССР в общую победу. М. Хастингс в книге «Оверлорд», посвященной высадке в Нормандии, пишет: «Послевоенное поколение воспитано на легенде, будто триумфальная кампания западных союзников в Европе в 1944–1945 гг. вообще не имеет отношения к жестокой, но малоизвестной борьбе на Востоке. Сегодня нам следует признать, что русские внесли решающий вклад в войну на Западе, уничтожив главные силы германской армии до того, как первый солдат союзников вступил на берег Нормандии 6 июня 1944 года. Успех битвы в Нормандии был достигнут именно на этой основе».

Победа или поражение в войне — итог многих составляющих, среди которых важнейшее место занимает моральный фактор. Что защищали советские люди? Ответ на этот вопрос во многом объясняет поведение людей на фронте и в тылу, стимулы их общественного сознания того времени и личное отношение к войне. Советский народ прежде всего встал на защиту своего государства, своей Родины. Миллионы павших и живых вкладывали в это понятие все лучшее, связанное с жизнью страны, своей семьи и детей, с новым справедливым обществом, которое, они верили, будет построено. Они знали, что ведут войну за правое дело и в большинстве своем не сомневались в конечной победе. Точно найденные слова

* Статья подготовлена на основе главы из книги: Кульков Е. Н., Мягков М. Ю., Ржешевский О. А. Война 1941–1945. Факты и документы. М., 2005

в первом заявлении Советского правительства в связи с началом войны, обращении к народу 22 июня 1941 г.: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами» — были ясны и понятны. Они отражали главную тенденцию в настроениях общества, способствовали осознанию всеми и каждым целей войны, уверенности в разгроме ненавистного врага.

Государственный патриотизм, гордость за страну, сопричастность её успехам и неудачам — важная особенность общественных настроений и личностных поступков того времени. Достижения советской власти в экономике, социальной области за период от Октябрьской революции до 1941 г. были очевидны и восприняты гражданами страны. Они получили право на труд и гарантированный отдых, на бесплатное образование и медицинскую помощь, улучшение жилищных условий, доступ к науке и культуре, уверенность в завтрашнем дне и многое другое. Идея социализма получила поддержку подавляющего большинства населения. Невысокий по сравнению с западными странами уровень жизни объяснялся без особого труда: народ совершил в отсталой стране революцию, ликвидировал эксплуататоров, отразил натиск интервентов в 1919–1922 гг., преобразовал страну, создал современную индустрию. Угроза войны требовала постоянных мер по укреплению обороноспособности, неимоверных усилий и затрат, направленных на построение и защиту социализма, общества социальной справедливости.

Существовавший строй объединил интересы всех народов СССР. Достижения союзных и автономных республик, входивших в состав СССР, различные и неравноценные, они воспринимались как преимущество системы. Важным слагаемым характерного для того времени «чувства семьи единой» была бескорыстная помощь русского народа другим народам страны. Перед войной Российская Федерация (РСФСР) с населением 110 млн. человек занимала $\frac{2}{3}$ территории СССР, где проживало свыше 100 народов и народностей. За годы советской власти многие народы России, ранее значительно отстававшие от русских по уровню экономического развития и образования, сократили этот разрыв. Так, Башкирия до революции не имела ни одного высшего учебного заведения. В 1939 г. было уже 4 вуза, 60 техникумов, 4 рабфака. В Татарии до революции был только один Казанский университет, в 1938 — 54 вуза и 23 тыс. студентов. Если в царской России в 1914 г. действовало 72 вуза с 86 тыс. студентов, то в 1941 г. — 481 вуз с 478 тыс. студентов. Количество газет на всех языках возросло с 35 до 437.

Начиная войну, руководство Германии исходило из того, что советское многонациональное государство не выдержит испытаний и распадется на враждующие национальные группировки. Однако этот расчет не оправдался. Нации и народности СССР самоотверженно защищали свою страну. Угроза нацистского порабощения страны подняла на борьбу

с захватчиками большинство населения страны независимо от классовой, национальной принадлежности, вероисповедания и возраста. В мае 1942 г. в числе 5500 тыс. человек на фронтах действующей армии воевали около 1,2 млн. нерусской национальности. Среди Героев Советского Союза — представители большинства наций и народностей СССР, в т. ч. русских 8160 человек, украинцев 2069, белорусов 309, татар 161, евреев 108, казахов 96, грузин 90, армян 90, узбеков 69, мордвин 61, чувашей 44, азербайджанцев 43, башкир 39, осетин 32, марийцев 18, туркмен 18, литовцев 18, таджиков 14, лагашей 13, киргизов 12, удмуртов 10, карел 9, эстонцев 8, калмыков 8, кабардинцев 7, адыгейцев 6, абхазцев 5, якутов 3, молдаван 2. Из них 87 женщин. Но длительное время замалчивалось, что около 1 млн. советских граждан различной национальности в той или иной форме сотрудничали с противником.

Со времени нападения Германии на СССР положение в советском обществе качественно изменилось. Обстановка требовала и формировала бесстрашие, умение подчиняться и своевременно выполнять приказы, самостоятельность и ответственность. Более глубоким содержанием наполнялись такие устоявшиеся нормы поведения и чувства, как взаимовыручка и коллективизм, сострадание к соотечественникам и любовь к Родине, народная гордость и ненависть к захватчикам. Эти качества проявились в героизме и мужестве, бескорыстии и самопожертвовании на фронте и в тылу. В центре системы находился Сталин. Государственный и полководец он был её единовластным руководителем. С его именем связаны трагедия и победа в войне советского народа. Осознание справедливого характера войны и поддержка на этой основе своего правительства, вступление миллионов людей в ВКП(б) подтверждали, что народ связывал с именем Сталина, партии большевиков свою уверенность в разгроме агрессоров. Надо сказать, что масштабы необоснованных репрессий 1930-х гг., в том числе в армии и на флоте, в то время не были известны, а открытые процессы, на которых подсудимые публично признавались в чудовищных преступлениях против государства, казалось, не оставляли сомнений в их виновности.

Важным фактором, который советские люди считали привилегией своего государства и личным достоянием, была гордость за Красную Армию — «сильнейшую и непобедимую». Военная служба, согласно Конституции 1936 г. являлась «почетной обязанностью каждого гражданина СССР» и была таковой в реальной жизни. Ещё до «большой войны» участники боев в Испании, у оз. Хасан, на р. Халхин-Гол, финской кампании пользовались всеобщим уважением общества, особенно молодого поколения, а награжденные, к примеру, медалью «За отвагу» становились едва ли не национальными героями. С началом Великой Отечественной войны это особое отношение к вооруженным силам явилось основой

сплоченности армии и народа, их единства в достижении общей цели разгрома захватчиков, освобождения родной земли, а затем и других стран из-под ига оккупантов.

Первой демонстрацией этого единства явилось народное ополчение — одна из наиболее массовых форм добровольного участия советских граждан в вооруженной борьбе с захватчиками, известного на Руси со времен Минина и Пожарского. Только за первые три дня войны в Москве поступило 70 тыс. заявлений с просьбой отправить на фронт. В Ленинграде к началу июля 1941 г. в действующую армию было направлено 45,2 тыс. добровольцев, в Киеве подано свыше 52 тысяч заявлений. Летом и осенью 1941 г. было создано до 60 дивизий народного ополчения, 200 отдельных полков. Их численность составила около 2 млн человек. Г. Жуков пишет в своих воспоминаниях: «По инициативе москвичей уже в первые месяцы войны были сформированы 12 дивизий народного ополчения. В военные органы и партийные организации продолжали поступать тысячи заявлений от граждан с просьбой послать их на фронт. В добровольческие дивизии народного ополчения вступали специалисты самых различных мирных профессий... Но было нечто общее, чем они отличались, — высочайший патриотизм, непоколебимая стойкость и уверенность в победе. И разве это случайность, что из добровольческих формирований... после того, как они приобрели боевой опыт, сложились великолепные боевые соединения?».

С первых дней войны началась добровольная материальная и финансовая помощь Красной Армии со стороны населения. Инициаторами движения за создание Фонда обороны были рабочие московского завода «Красный пролетарий», которые выступили с призывом о ежемесячном отчислении в создаваемый фонд однодневного заработка. Одними из первых среди колхозников решили отчислить в Фонд обороны по 10 трудовней с каждого работающего члена колхоза «Ленинский путь» Оренбургской области. Правительство, которое крайне нуждалось в средствах для обороны страны, в свою очередь, приняло меры, чтобы это движение приняло массовый и организованный характер. Поступления в Фонд обороны принимали различные формы. Это была сдача облигаций государственных займов и вкладов в сберкассы, ценных вещей и драгоценностей, материальных поощрений и т. п. Широкое распространение получили комсомольско-молодежные воскресники, средства от которых направлялись в Фонд обороны. Денежные поступления в Фонд обороны в 1941–1943 гг. достигли 10 млрд. руб., не считая драгоценностей, облигаций, колхозных трудовней. Всего за годы войны за счет добровольных взносов, обязательных платежей жителей города и деревни, взятых у населения займов было получено до 20% бюджетных средств на военные нужды. Если принять во внимание, что значительная часть этих средств

поступала от малообеспеченных семей, то для каждой из них это было подвигом.

Когда с началом войны, опережая войска, отступавшие под напором противника, хлынули на восток миллионы беженцев, эвакуировались эшелонами тысячи предприятий с рабочими, инженерно-техническим персоналом и их семьями, то созданный 24 июня 1941 г. Совет по эвакуации и власти на местах, естественно, не имели возможности справиться со всей массой возникших проблем, особенно бытового характера. И вновь заявило о себе «чувство семьи единой». Жителям из оккупированных противником областей (их называли «эвакуированные») во многом помогло обустроиться на новом месте население центральных и восточных районов страны. Сотни тысяч ленинградцев, вывезенных из блокадного города, были гостеприимно встречены в Вологодской, Ивановской, Горьковской, Ярославской и других областях России, в республиках Средней Азии, столицы которых, особенно Ташкент, стали на время войны городами с многонациональным, преимущественно русскоязычным населением.

В годы войны рождались и действовали различные формы помощи и поддержки населением Красной Армии. Как правило, они принимали широкие масштабы и оказывали существенную помощь властям и командованию в материальном обеспечении войск. Именно такое значение имел и сбор теплых вещей, в котором приняли участие миллионы граждан, преимущественно женщин. Многие они сами вязали и изготовляли. Только в Сибири за годы войны было собрано и отправлено на фронт более 5,6 млн. теплых вещей. По подсчетам историков, благодаря собранным за войну теплым вещам можно было одеть до 10 млн. бойцов, или почти всю действующую армию. Ещё об одной форме помощи следует сказать отдельно — о подарках. Первые подарки фронтовикам были собраны и посланы жителями многих городов и деревень уже в начале июля 1941 г. Они были бесхитростными, отражали жизнь и быт того времени. Это табак, кисет, кусок мыла, рукавицы, тем более ценные, что в их сборе и отправке принимали участие дети. Подарки вручали чаще всего к памятным датам или под Новый год. Между фронтовиками и отправителями подарков нередко завязывалась переписка. Эта форма моральной поддержки Красной Армии получила большое распространение. Во время войны только Вологодская область отправила на фронт 95 вагонов с подарками.

Изменилось отношение к истории страны. Были подняты на щит имена выдающихся деятелей царской России. Обращение к их заслугам имело многогранное значение. Оно повышало авторитет страны, её исторического наследия в глазах как рядовых граждан, так и интеллигенции, тех ценностей, которые они защищали на фронте и в тылу. Важным была и военная составная этого наследия. Армии в 1943 г. «возвратили» погоны. Имена полководцев

и флотоводцев России, награды, названные их именами, укрепляли веру в победу.

Осенью 1941 г., когда враг стоял у ворот Москвы, впервые был озвучен тезис об особой роли русского народа. 6 и 7 ноября в докладе на торжественном заседании, посвященном 24-й годовщине Октябрьской революции (оно проходило в тоннеле на станции метро «Маяковская») и в речи на параде, участники которого уходили с Красной площади на передовую линию фронта, Сталин говорил о великой русской нации, — «нации Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова...». Напомнив о «мужественном образе наших великих предков», он назвал имена Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова и Михаила Кутузова.

В 1943 г. правительство изменило свое отношение к церкви. Это был наиболее сложный поворот во внутренней политике, основанной после Октября 1917 г. на атеизме. Конфликт государства с Русской православной церковью (РПЦ), которая была опорой самодержавия, возник, как и гражданская война, в результате противоборства революционных и контрреволюционных сил России. Большинство священнослужителей поддержало белое движение. Руководство православной церкви в лице патриарха Тихона (В. Белавин) и Поместного Собора предало советскую власть церковному проклятию (анафеме). В 1923 г. церковь отмежевалась от противостояния новому государству, но к тому времени преследования ее служителей только набирали силу. Они приняли наиболее широкие масштабы в годы сталинских репрессий (в 1932 г. была объявлена «пятилетка безбожия»). К концу 1939 г. из церковного руководства оставались на свободе единицы. Принимая во внимание, что, по данным переписи 1937 г., в СССР было более 40 миллионов верующих христиан, сближение государства с церковью имело принципиальное значение для мобилизации максимума сил на борьбу с захватчиками и престижа власти как внутри страны, так и за рубежом.

Первый шаг в этом направлении сделал митрополит Сергей (И. Страгородский), обратившийся 22 июня 1941 г. к верующим с посланием церкви по случаю начала войны, в котором благословил всех православных «на защиту священных границ нашей Родины». Перемены в отношении властей к РПЦ и церквям других конфессий проявились ещё летом 1941 г. Прекратились антирелигиозная пропаганда, выход в свет журналов «Безбожник», «Антирелигиозник» и других. Важным направлением патриотического служения духовенства и верующих явилась материальная помощь государству и Красной Армии. Взносы РПЦ в Фонд обороны составили более 300 млн. руб. Примечательно, что средства жертвовались даже на оккупированной противником территории, хотя часть священнослужителей

сотрудничала с немцами. Так, священник Ф. Пузанов из Псковской области собрал среди верующих золота, серебра и церковной утвари на сумму около 500 тыс. руб. и передал их через партизан на Большую Землю.

Многие священнослужители принимали активное участие в боевых действиях. Среди них заместителем командира роты начал свой фронтный путь С. Извеков, в дальнейшем — Патриарх Московский и всея Руси Пимен. В Красноярске в годы войны главным хирургом в эвакогоспитале работал епископ Лука (Л. Войно-Яснецкий). Позднее за научный труд ему была присуждена Сталинская премия, большую часть которой он пожертвовал на «помощь сиротам, жертвам фашистских извергов». Влияние религии особенно возрастало в наиболее тяжелой обстановке войны. Богослужения в блокадном Ленинграде проходили при переполненных храмах, и на некоторых из них присутствовало командование Ленинградского фронта во главе с маршалом Л. Говоровым. 16 клириков местной епархии во главе с митрополитом Алексием были награждены медалью «За оборону Ленинграда». В конце 1942 г. Сергей, к тому времени патриарший местоблюститель, призвал духовенство и верующих к сбору средств на строительство танковой колонны и обратился к Сталину с просьбой о государственном оформлении соответствующих денежных перечислений. Сталин дал согласие, и на средства, собранные церковью, были построены и переданы Красной Армии танковая колонна имени Дмитрия Донского и авиационная эскадрилья имени Александра Невского.

Церковь постепенно обретала государственную опору. 4 сентября 1943 г. состоялась встреча Сталина с Сергием, на которой обсуждались первостепенные нужды Московской патриархии и были приняты важные решения, среди них согласие правительства на избрание Патриарха Московского и всея Руси, пост который после кончины Тихона пустовал много лет. 18 сентября Собором епископов на этот пост был избран митрополит Сергей.

В период войны сформировалась новая церковная политика советской власти. Её главными чертами являлись относительная веротерпимость и контроль за религиозной деятельностью со стороны государства. Эта политика включала силы церкви в борьбу с врагом и способствовала более широкой поддержке СССР в зарубежных странах, значение которой было исключительно велико. СССР вел войну в союзе с западными странами. Материальная помощь по ленд-лизу и солидарность международной общественности укрепляли у советских людей веру в справедливость войны, которую они вели, убеждали, что их жертвы и испытания высоко ценятся союзниками, утверждали гордость за вклад страны в общие усилия антигитлеровской коалиции и свою личную сопричастность великой борьбе. Позитивное содержание в этих настроениях формировалось медленно и противоречиво — под влиянием жесткого

противостояния довоенных лет, с одной стороны, и стремления к взаимопониманию, рожденному совместной борьбой против общего врага, — с другой.

Необходимость сближения потребовала взаимного преодоления сложившихся до войны искаженных представлений о союзных странах, их образе жизни, объективной информации о ходе военных действий на различных театрах войны. Большое значение в позитивном развитии этого процесса имели решение о роспуске Коминтерна (1943 г.), новый национальный гимн СССР (1944 г.), высокие оценки Ф. Рузвельтом, У. Черчиллем, другими западными политическими лидерами и военачальниками военных усилий СССР. Начальник штаба американской армии генерал Д. Маршалл в связи с 26-й годовщиной Красной Армии (1944 г.) прислал участникам собрания, состоявшегося в Нью-Йорке, телеграмму, в которой писал: «Празднование Дня Красной Армии в этом году происходит в условиях, когда немцы ведут катастрофическое отступление по всему Восточному фронту. Под могучими ударами русской армии противник скоро будет полностью изгнан с русской земли. Его самолеты, танки и пехота понесли поражение и непрерывно отступают. Его контратаки провалились. Уничтожение 10 его дивизий на Украине, знаменательные успехи советских войск в районе Ленинграда являются ярким свидетельством приближающегося триумфа русского оружия... Мы разделяем вашу гордость и восхищение её (Красной Армии. — *Авт.*) исключительными успехами, мужеством и выдержкой всех её солдат и русского народа, который принес такие большие жертвы, чтобы одержать великую историческую победу над самым могущественным и жестоким врагом в мире». Такие заявления, а их было достаточно много, отражали настроения значительных слоев населения США и Великобритании, но не той части влиятельных правительственных кругов, у которых с победами Красной Армии нарастала тревога за последствия неблагоприятного для западных союзников соотношения сил в послевоенном мире.

Стороны сотрудничали и в то же время не доверяли друг другу. В Национальном архиве США хранится протокол заседания Объединенного штаба от 20 августа 1943 г., на котором рассматривались перспективы политики США и Англии в отношении СССР. Заседание проходило с участием практически всех высших военных руководителей США — адмирала У. Леги, генералов Д. Маршалла, Г. Арнольда, адмирала Э. Кинга, и Великобритании — генерала А. Брука, адмирала Д. Паунда и главного маршала авиации Ч. Портала. Параграф девятый протокола «Военные соображения в отношении с Россией» указывает, что обсуждался вопрос о том, «не помогут ли немцы» вступлению англо-американских войск на территорию Германии, «чтобы дать отпор русским». В 1945 г. западные союзники начали разработку планов войны против СССР.

В то же время поддержка усилий советского народа в войне населением западных стран приобрела весьма широкие масштабы и с энтузиазмом встречалась в СССР. Это в первую очередь относится к массовым кампаниям в Великобритании за открытие второго фронта, увеличение выпуска военной продукции для Красной Армии. На этой основе получили развитие контакты советских профсоюзов с профсоюзами Великобритании и США.

Большинство советского народа поддерживало сближение с западными союзниками, с доверием относилось к заявлениям как своих, так и западных лидеров. В той или иной степени рост симпатий и доброжелательного отношения к СССР был характерен для всех союзных и оккупированных стран, что убеждало советских людей в международной поддержке их борьбы за правое дело и её значения для судеб человечества.

«Все для фронта. Все для победы!»

Фундамент успеха СССР в экономическом противоборстве с Германией был заложен еще в 1920–1930-е годы. До войны были построены тысячи предприятий, созданы новые отрасли промышленности и научно-технические центры. В 1940 г. удельный вес Советского Союза в мировом промышленном производстве достиг 10%. По производству электроэнергии, добыче нефти и проката он занимал тогда 2–4 место в мире. В его хозяйстве было занято 63 млн. человек, в том числе 34 млн. рабочих и служащих. Промышленность была относительно независима от внешних поставок сырья, так как по запасам его основных видов страна занимала одно из ведущих мест в мире. Большинство заводов и фабрик, ставших флагманами советской индустрии, были построены за 5–6 лет до начала Второй мировой войны и не уступали аналогичным предприятиям западных держав.

В кризисные предвоенные годы СССР постоянно увеличивал расходы на армию и военное производство. Доля этих расходов в бюджете страны в 1940 г. превышала 30%. По выпуску вооружения для сухопутных и военно-воздушных сил Советский Союз занимал лидирующее место в мире. Однако с внедрением в производство новых видов оружия и боевой техники дело обстояло неблагоприятно. Медленно росло производство пистолетов-пулеметов (автоматов), средств противовоздушной обороны, танков Т-34 и КВ для сухопутных войск, новых истребителей и штурмовиков для ВВС.

Существенный недостаток военной экономики заключался в том, что ее основные производственные мощности размещались в Европейской части СССР, в то время как разворачиванию промышленной базы на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке уделялось мало внимания, где выпускалось только 20% промышленной продукции. Из-за неудачного хода первых оборонительных операций летом 1941 г. 80% общего количества предприятий военной

промышленности СССР оказались в зоне боевых действий и прифронтовых районов. Экономический потенциал страны оказался отброшенным к начальным этапам индустриализации. Без восполнения потерь продолжение войны было невозможным. Страна превратилась в единый военный лагерь: «Все для фронта, все для победы!». Руководящую функцию по переводу всей экономики страны на военные рельсы взял на себя созданный 30 июня 1941 г. высший чрезвычайный орган государственной власти — Государственный Комитет Обороны. Под жестким руководством ГКО были осуществлены мероприятия, которые позволили преодолеть тяжелые последствия начала войны, наладить выпуск необходимых видов оружия, боеприпасов и боевой техники.

Одним из первых решений, не предусмотренных предвоенными планами, явилась перебазировка на восток из западных и центральных районов страны предприятий и других материальных ценностей. До конца 1941 г. было эвакуировано в общей сложности свыше 2500 крупных предприятий. В 1942 г. более 1900 из них начали выпускать продукцию. Американский публицист С. Сульцбергер, находившийся в то время в СССР, летом 1942 г. писал: «Легендарным стал перевод промышленных предприятий из западной части СССР на восток. Теперь десятки сибирских заводов выпускают станки, запчасти, танки, противотанковые ружья, тягачи, самолеты, снаряды, орудия, винтовки, пулеметы, боеприпасы, ручные гранаты, минометы, артиллерию, дизельные моторы, карбюраторы, перерабатывают медную и железную руду, нефть. На юго-востоке действуют новые текстильные предприятия... Этот осуществленный в гигантских масштабах перевод промышленности на восток — одна из величайших саг истории».

Тыловые районы России были превращены в основную базу военно-экономического потенциала СССР. Всего за годы войны в восточных районах страны было построено и введено в строй 3500 крупных промышленных предприятий.

Перестройка советской экономики на военный лад была завершена в течение одного года. Ее главной целью стало достижение решающего военно-технического превосходства над противником, несмотря на то что в большинстве отраслей промышленности СССР уступал Германии вместе с работавшими на нее союзными и оккупированными странами в 2,5–4 раза. В конечном итоге СССР вдвое опередил Германию по производству основных видов вооружения. В расчете на тысячу тонн стали СССР производил в 5 раз больше танков и артиллерийских орудий, а на тысячу металлорежущих станков — в 8 раз больше самолетов, чем Германия.

Успехи советской военной экономики были достигнуты ценой мобилизации максимума людских и материальных ресурсов страны. В конце июня 1941 г. были введены обязательные сверхурочные работы продолжительностью до трех часов, отменялись

отпуска. В декабре 1941 г. на военных предприятиях все работающие были объявлены мобилизованными, самовольный уход с предприятий приравнен к дезертирству в армии. Нормы военной дисциплины были введены на транспорте.

Дефицит трудовых ресурсов не уменьшался и в феврале 1942 г. Президиум Верховного Совета СССР издал указ «О мобилизации на период военного времени трудоспособного населения для работы на производстве и в строительстве». Мобилизации подлежали мужчины от 16 до 55 лет и женщины от 16 до 45 лет из числа неработающих в государственных учреждениях и на предприятиях. Затем действие этого указа было распространено на колхозы и совхозы. С мая 1942 г. стали принимать на производственное обучение подростков, достигших 14-летнего возраста, установив для них шестичасовой рабочий день. Положение удалось выправить за счет создания ремесленных училищ и школ фабрично-заводского обучения (ФЗО) в восточных районах страны. За 1941–1945 гг. их окончили почти 2,5 млн. молодых рабочих. Больше внимание уделялось обучению кадров без отрыва от производства. Всего подготовили 14 млн. человек; 9,2 млн. повысили производственную квалификацию.

Жесткие меры достигли результатов прежде всего потому, что подавляющее большинство советских людей понимало их необходимость, сознавало, что от их трудовых усилий зависит судьба страны. Огромное значение имел трудовой энтузиазм. В июле 1941 г. молодой московский токарь Федор Букин выступил с инициативой работать не только за себя, но и за товарища, ушедшего на фронт, т. е. ежедневно выполнять две нормы (200%) выработки продукции. Его почин был подхвачен другими рабочими. Так возникло массовое движение «двухсотников». В Москве к октябрю 1941 г. «двухсотниками» стали 15 тыс. комсомольцев. Вскоре стали известны «трехсотники», «четырёхсотники», а с февраля 1942 г. — даже «тысячники», т. е. те, кто перевыполнял установленные нормы выработки в 10 раз. Это патриотическое движение, зародившись в военной промышленности, охватило постепенно все отрасли хозяйства.

Патриотизм тружеников тыла ярко проявился в соревновании коллективов молодых рабочих и работниц комсомольско-молодежных бригад за звание «фронтовых бригад». Это движение зародилось осенью 1941 г. по инициативе бригады М. Ф. Попова (Уралмашзавод). Впоследствии Попов вспоминал: «В те суровые дни каждый чувствовал себя бойцом. Инструмент, который мы держали в руках, стал для нас оружием, и с ним мы каждый день выходили на передний край».

Звание «фронтовых бригад» присваивалось тем комсомольско-молодежным бригадам, которые в течение двух месяцев выполняли план не менее чем на 150%, а в текстильной, угольной и некоторых других отраслях промышленности — на 110–115% при хорошем качестве продукции, экономии мате-

риалов и электроэнергии, повышении квалификации и обучении новичков. В 1943 г. звание «фронтовых бригад» имели 17,2 тыс., в начале 1944 г. — 31,4 тыс., к концу 1944 — 52 тыс. коллективов. В середине 1945 г. в стране насчитывалось 152 тыс. комсомольско-молодежных бригад, объединивших более миллиона юношей и девушек.

С патриотической инициативой выступила москвичка бригадир «фронтовой бригады» Первого подшипникового завода Е. Барышникова, призвав с меньшим количеством рабочих дать больше продукции для фронта. Ее бригада сумела в несколько раз увеличить выпуск продукции, вдвое сократив свой состав. Призыв Барышниковой нашел широкий отклик. В декабре 1943 г. из 4620 бригад было высвобождено 17 802 рабочих, в конце 1944 г. — 74 тыс.

Привлекла внимание инициатива бригадира фронтовой бригады сварщиков бронекорпусов Е. Агаркова (Уралмашзавод), предложившего в 1944 г. объединить бригады сварщиков и слесарей при монтаже танковых башен. Пример оказался удачным, и с конца 1944 г. началось укрупнение бригад, участков, цехов, в результате чего удалось высвободить свыше 48 тыс. инженерно-технических работников и квалифицированных рабочих, многие из которых приняли участие в восстановлении промышленных предприятий в освобожденных от захватчиков районах страны.

Весной 1942 г. возникло Всесоюзное социалистическое соревнование. Его инициаторами были рабочие и служащие Кузнецкого металлургического комбината и ряда других предприятий. Для победителей соцсоревнования как между различными отраслями хозяйства, так и внутри отдельных отраслей были учреждены переходящие Красные знамена ЦК ВКП(б), ГКО, ВЦСПС и промышленных наркоматов. Итоги подводились ежемесячно. Число его участников росло. В 1943 г. в соцсоревновании приняли участие 77,6% работающих, а в 1945 г. — 84,2%, из них 58% были передовиками производства. Получить почетное звание победителя в соревновании было престижно, приносило моральное удовлетворение и награды денежными премиями, продуктами питания, товарами широкого потребления и т. д.

На трудовом фронте самоотверженность проявляли представители всех возрастных групп населения, мужчины и женщины, рядовые рабочие, колхозники и руководители высокого ранга. Подростки в возрасте 14–17 лет нередко сутками не покидали территорию предприятий. К концу войны в промышленности, строительстве и на транспорте они составляли 10,5% общего числа работающих.

Наибольший вклад в обеспечение фронта внесли женщины. Заменив ушедших на фронт сыновей, мужей, отцов, они заняли ведущее положение в экономике. В 1945 г. женщины составляли 59% рабочих и служащих. Им нередко приходилось выполнять работу, считавшуюся традиционно мужской. Они работали электросварщиками, токарями, кузнеца-

ми, электромонтерами, машинистами компрессоров и паровых машин, трактористами, комбайнерами, на лесоповале, на расчистке от снега железнодорожных путей и т. д. В сельском хозяйстве женщины составляли более 70% рабочей силы.

Самоотверженно в годы войны трудились советские ученые. Уже 23 июля 1941 г. Президиум Академии наук СССР принял решение перенацелить усилия научных работников на выполнение задач по укреплению военной мощи страны. Ученые оказывали оперативную помощь предприятиям в освоении новых видов продукции, совершенствовании технологических процессов. Они внесли незаменимый вклад в поиск и освоение новых месторождений полезных ископаемых, подготовку высококвалифицированных кадров, в создание новых образцов вооружения и т. д. Вместе с тем они не прерывали фундаментальных исследований. С лета 1943 г. в АН СССР под руководством академика И. Курчатова возобновились исследования в области ядерной физики.

Работу, направленную на повышение военной мощи страны, выполняли и те ученые, которые были репрессированы. Создавались особые конструкторские бюро (ОКБ) под надзором НКВД. В народе их называли «шарашками». Одной из них руководил легендарный авиаконструктор А. Туполев, который со своими помощниками из числа заключенных сконструировал фронтовой бомбардировщик Ту-2 и в 1941 г. был освобожден из тюрьмы.

Народ жил трудно, зачастую впроголодь. Нормы снабжения были дифференцированы по социально-производственному признаку. Преимуществом пользовались рабочие и служащие предприятий оборонной и химической промышленности, строители, транспортники и занятые в других, наиболее трудоемких отраслях промышленности. По нормам снабжения население делилось на четыре группы: рабочие и приравненные к ним лица; служащие и приравненные к ним лица; незанятые в производстве граждане, иждивенцы; дети до 12 лет включительно.

Нормы снабжения хлебом по первой категории рабочих колебались от 800 до 1200 г в день; служащие получали 500 г, а иждивенцы и дети — 400 г. Чтобы поощрять передовиков, директора промышленных предприятий с 1942 г. наделялись правом устанавливать преимущества в снабжении рабочих, выполнявших и перевыполнявших нормы выработки. Им полагалось дополнительное горячее питание, отпускались сверх установленной нормы овощи из подсобных хозяйств. К концу 1942 г. второе дополнительное горячее питание получали около 1 млн., а в начале 1945 г. до 6 млн. человек. Привилегиями в снабжении продовольствием наделялись руководящие работники партийного, государственного и хозяйственного аппарата. Так, в Москве по решению исполкома горсовета в ноябре 1941 г. были открыты по одной столовой в каждом районе для контингента не более 100 человек, питавшихся без карточек. В месяц на каждого питавшегося

в таких закрытых столовых чиновника выделялось 3 кг мяса, 2 кг колбасы, 1 кг ветчины, 1,5 кг свежей осетрины или севрюги, 0,5 кг кетовой икры, 1 кг сыра, 1 кг сливочного масла, 1,5 кг сахара, дополнительное количество хлеба, овощей, фруктов и т.д.

Нормы снабжения населения мясом, рыбой, жирами, сахаром, крупой, макаронами и т. д. также дифференцировались. Для детей в возрасте до года отпускалось специальное питание из молочных кухонь. В яслях и детских садах дети получали повышенный рацион питания. На ребенка в яслях полагалось 900 г сахара в месяц при норме в 400 г по карточке, больше выделялось и мяса. В школах для детей были введены завтраки. Дополнительно на каждого школьника отпускалось 50 г хлеба и 10 г сахара в день.

Карточки были введены на покупку и непродовольственных товаров. Во время войны их получали 60 млн. рабочих и служащих. Снабжение непродовольственными товарами сельского населения велось через потребительскую кооперацию, которая получала их от государства в ограниченном количестве и удовлетворяла спрос крестьянства в тканях, одежде и обуви лишь на 25%. Им приходилось заниматься домашним ткачеством, плести лапти, которые заменяли кожаную обувь, и т. д.

Проблема обеспечения питанием у подавляющей массы колхозников, не получавших карточек, стояла очень остро. В колхозах нередко после выполнения поставок государству зерна и овощей не оставалось из собранного урожая ничего, чем можно было бы оплатить труд крестьян. Личные же хозяйства были слишком мизерными и зачастую не позволяли обеспечить крестьянским семьям прожиточного минимума.

Сократилась торговля на колхозных рынках. Цены по сравнению с довоенным временем возросли в 13 раз. Получила развитие меновая торговля (бартер). Горожане выменивали у крестьян продовольствие на имевшиеся у них товары широкого потребления. Лишь к концу войны положение на колхозных рынках стало выправляться. Цены 1945 г. по сравнению с 1943 г. снизились в 2,3 раза.

Чтобы не допустить голода в городах, ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР приняли решение с весны 1942 г. выделить заводам и фабрикам земли для развития подсобных хозяйств, а рабочим и служащим — под огороды. В подсобных хозяйствах стало производиться немалое количество картофеля, овощей, мяса, молока, что позволило многим предприятиям значительно улучшить продовольственное снабжение своих рабочих и служащих. Огородничество также основательно выручало эту категорию трудящихся. За 1942–1945 гг. огородники собрали более 26 млн. тонн картофеля и овощей.

С 1944 г. в городах стала развиваться государственная коммерческая торговля. В коммерческих магазинах без карточек можно было купить продукты питания и непродовольственные товары, но по ценам, во много раз превышавшим их действительную

стоимость. Государство предоставило такую возможность лицам наиболее высокооплачиваемой категории. Объем коммерческой торговли в рыночном обороте страны был незначительным — всего 9,6%.

Крайне тяжелая ситуация сложилась в обеспечении граждан жильем. В связи с массовой миграцией населения в Поволжье, на Урал, в Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию, особенно в те районы, где были сосредоточены предприятия тяжелой и военной промышленности, выявился острый недостаток жилья. Так, в городах Свердловской области на одного человека во время войны приходилось не более 2,5–3 кв. м. Еще хуже было положение с жильем в освобождаемых городах и селах, где захватчики, отступая, применяли тактику «выжженной земли». Число людей, совершенно оставшихся без крова, достигло в 1945 г. 25 млн. человек.

На востоке страны люди, выплавлявшие чугун и сталь, делавшие лучшие в мире танки, самолеты, артиллерийские системы, жили в землянках и холодных бараках без отопления, водопровода и канализации, бань, парикмахерских, при недостатке самых простых вещей — тумбочек, вешалок, кроватей, постельного белья, одеял и т. д. В общественных столовых зачастую не было ни ложек, ни вилок, ни чашек.

Неудовлетворительные жилищные и санитарные условия, плохая одежда, плохое питание, изнурительный труд — все это создавало благоприятную обстановку для распространения болезней. Вследствие этого зимой 1941/42 г. повысилась смертность населения. Учитывая надвигающуюся опасность распространения инфекционных заболеваний, ГКО 2 февраля 1942 г. принял постановление «О мероприятиях по предупреждению эпидемических заболеваний в стране и Красной Армии». В работу по профилактике (прививки, медицинские осмотры) включились медицинские работники независимо от их специализации. Благодаря этой и другим мерам снизилась заболеваемость людей, была предотвращена вероятность эпидемий инфекционных заболеваний на весь военный и послевоенный период.

В годы лихолетья общее горе и жизненные невзгоды объединили людей, сделали их терпимее друг к другу. Коллективизм, доброжелательность проявлялись ими повсюду — и на заводах, и на стройках, и на полевых работах, и дома, в коммунальных квартирах, бараках и землянках, в оказании помощи эвакуированным и их детям, многодетным матерям, в заботе об оставшихся сиротами. Многие семьи в тыловых районах брали на воспитание детей, потерявших родителей. Всей стране стал известен ташкентский кузнец Шаахмед Шамахудов и его жена Бахри, принявших в семью 14 детей различных национальностей.

Высокую оценку достижениям советской экономики в годы войны дают зарубежные исследователи. Известный французский историк А. Мишель в своей двухтомной книге «Вторая мировая война» делает вывод, что в ходе войны «Магнитогорск по-

бедил Рур», подчеркивая тем самым преимущества советской экономики перед германской. «Немцы, — пишет он, — были разбиты противником, который, конечно, превосходил вермахт не только по количеству людских ресурсов, но по количеству и качеству вооружения. Они потерпели поражения от советской экономики, способной производить, несмотря на потерю наиболее богатых территорий СССР, больше вооружения, чем германская экономика... Немцы имели перед собой массы людей, обладающих большим воодушевлением и боеспособностью, источником которых была любовь к своей земле и преданность определенной политической системе».

И не только это. Народ России всегда, независимо от государственного строя, всеми силами отстаивал свою Родину от иноземных захватчиков. Здесь сказывался и идеологический фактор. Россия воевала не только (и не столько) против чужеземцев, сколько против иноверцев, кто спокон веков был врагом, идущим на православную Русь. Турки (татаро-монголы) — мусульмане, поляки или французы — католики, шведы — лютеране и т. п. И какие бы блага ни сулили захватчики, народы России, прежде всего русские, стеной вставали на защиту своей страны, своего образа жизни.

А. С. Пушкин, описывая нашествие Наполеона, говорит об «остервенении народа», поднявшегося против иноземных завоевателей. Л. Н. Толстой пишет о «дубине народной войны» в 1812 г.

И в преддверии Великой Отечественной войны Сталин отвернулся от не оправдавшей себя идеи «мировой революции», пропагандировавшейся Коминтерном, в пользу идеи национальных интересов страны именно потому, что хорошо понимал народ, которым волей судьбы он руководил: «Кто с мечом к нам придет, тот от меча и погибнет» (1938), «Чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей вершка не отдадим» (1939).

За линией фронта

За время Великой Отечественной войны противник захватил до 10% территории Советского Союза в его довоенных границах. Вся Украина, Белоруссия, Молдавия, республики Прибалтики, многие области Российской Федерации оказались под пятой оккупантов. Это были наиболее развитые и густонаселенные районы, где до войны производилось более половины промышленной и сельскохозяйственной продукции, проживало примерно 45% населения страны. В результате наступательных операций немецких войск 1941–1942 гг. на оккупированной территории оставалось около 55 млн. человек, остальные переселились на восток.

Перед оставшимися на оккупированной территории встала дилемма: или склонить голову и стать рабами немецких господ, или вести против оккупантов борьбу в надежде на освобождение Красной Армией. Открытое выступление против оккупантов большинства населения было невозможно по той простой при-

чине, что оно было безоружно, состояло преимущественно из женщин, детей и пожилых мужчин. Чтобы выжить, им нужны были средства к существованию. Поэтому к середине 1942 г. оккупантам удалось заставить работать на себя под их надзором примерно 22 млн. человек, из которых 20,8 млн. были крестьянами. В подавляющем большинстве они испытывали ненависть к иноземным поработителям не меньшую, чем другие советские люди, которые сражались на фронте или работали в советском тылу.

Среди населения было и немало коллаборационистов, на которых опиралась власть оккупантов, используя их в качестве служащих городских и районных управ, бургомистров, старост в деревнях и их помощников. Из местного населения формировалась вспомогательная полиция и вспомогательные военные части, ищейки, провокаторы. Большинство населения их презирало и относилось к ним как к врагам Родины.

Германское руководство перед нападением на СССР считало, что ему удастся запугать и подчинить население оккупированных областей путем уничтожения его наиболее активной политической части — коммунистов, комсомольцев, членов местных Советов и т. д. С этой целью были созданы карательные части, так называемые айнзатцгруппы, обозначенные буквами латинского алфавита А, В, С, D, каждая из которых состояла из 500–800 убийц. Встретить какое-либо серьезное сопротивление в тылу своих войск командование вермахта не предполагало. Действительность оказалась иной. Через неделю после начала операции «Барбаросса», 1 июля 1941 г. начальник генерального штаба сухопутных войск Германии записал в своем дневнике: «Серьезные заботы доставляет проблема усмирения тылового района... Одних охранных дивизий совершенно недостаточно. Нам придется для этого выделить несколько дивизий из состава действующей армии».

Первые попытки сопротивления явились естественной реакцией людей на вторжение вермахта на советскую землю. Совместно с местным населением против захватчиков выступали солдаты и офицеры Красной Армии, которые в силу различных обстоятельств оказались при отступлении на занятой противником территории. Немецкое командование рассчитывало подавить сопротивление усилением террора. Начальник штаба верховного командования вермахта В. Кейтель издал 16 сентября 1941 г. приказ, согласно которому за покушение на жизнь одного немца предписывалось брать в заложники и уничтожать способом, усиливающим «устрашающее воздействие» от 50 до 100 мужчин и женщин из числа местных жителей. В приказе говорилось: «С начала войны против Советской России на оккупированных Германией территориях повсеместно вспыхнуло коммунистическое повстанческое движение. Формы действий варьируются от пропагандистских мероприятий и нападений на отдельных военнослужащих вермахта до открытых восстаний и широкой войны силами банд».

Поднимали людей на борьбу не только политические убеждения. Большинство боролось за освобождение Родины, против нацистского «нового порядка», многие стремились защитить или отомстить за своих родных и близких или облегчить борьбу сыновей, ушедших в Красную Армию, и т. д. Побудительные мотивы были различны, но все отстаивали честь и достоинство страны.

Некоторые историки считают, что возникновение и усиление сопротивления оккупантам было лишь ответом на жестокое обращение с местным населением, что, мол, у него не было другого выбора, как идти к партизанам. Они не учитывают, что оккупанты проводили политику «кнута и пряника», скрывали свои планы превращения СССР в колонию третьего рейха и массового уничтожения его населения, вели пропаганду о том, что Германия якобы ведет войну во имя неких «освободительных целей». То, что население вопреки усилению террора не оставалось в стороне от борьбы и сознательно рисковало жизнью, свидетельствует о его неодолимом стремлении к свободе и вере в победу правого дела. Широкомасштабная народная война развернулась не сразу. Первые месяцы были лишь начальным этапом сопротивления оккупантам.

В СССР к 1941 г. не было ни заблаговременно разработанной концепции партизанской борьбы, ни подготовленных к ее ведению кадров. Дело в том, что со второй половины 30-х годов в советском руководстве немалое влияние оказывала установка, согласно которой в случае агрессии враг должен быть разбит на его собственной территории. Многие военачальники, уделявшие внимание взаимодействию регулярных войск с партизанами, были в 1930-е годы репрессированы.

29 июня 1941 г. в директиве Совнаркома и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям передовых областей содержалось указание о развертывании подпольного и партизанского движения. 18 июля вышло специальное постановление ЦК ВКП(б) «Об организации борьбы в тылу немецких войск». Постановление осуждало тех руководителей партийных и советских организаций, которые бросали свои посты, бежали в тыл, и требовало незамедлительно приступить к формированию партизанских отрядов и диверсионных групп из числа преданных советской власти коммунистов и беспартийных.

3 июля 1941 г. из речи Сталина, прозвучавшей по радио, стали известны призывы партии и правительства к развертыванию партизанского движения.

Однако ни в секретных директивах, ни в речи Сталина еще не затрагивались вопросы практической организации партизанского движения, обеспечения борьбы в тылу противника вооружением, средствами связи, взаимодействия партизанских отрядов и подполья с Красной Армией. Партизаны действовали на этом этапе чаще всего самостоятельно, сообразуясь с обстановкой. Среди организаторов

первых партизанских отрядов были в Белоруссии — Г. Бумажков, В. Корж; на Украине — И. Боровик, С. Ковпак; в Карелии — П. Столяренко, В. Тиден и многие другие. Отряды возникали стихийно и укреплялись благодаря поддержке местного населения. Только в результате этой поддержки борьба против опытного, хорошо вооруженного врага за сравнительно короткий срок из отдельных очагов сопротивления приобрела характер массового народного движения.

В июле 1941 г. Ставка Верховного Главнокомандования, Генеральный штаб, Главное политическое управление РККА обязали военные советы и политические управления фронтов оказывать всемерную поддержку республиканским и областным комитетам партии в создании, вооружении и обучении партизанских отрядов и диверсионных групп, а также в переводе их за линию фронта в тыл противника и установлении с ними связи. К этой работе были привлечены органы внутренних дел и государственной безопасности. Большую роль в организации и становлении партизанских отрядов сыграли также советские военнослужащие, попавшие в окружение, но избежавшие плена или бежавшие из него. Среди партизан Ленинградской области в 1941 г. их численность составляла 18%, в Орловской области — 10%, в Литовской ССР — 22%, в Белоруссии — более 10%. Они приносили в партизанские отряды дисциплину, знание оружия и боевой техники. Опираясь на их боевой опыт, партизаны более уверенно решали свои задачи. К концу 1941 г. на оккупированной врагом территории удалось закрепить и развернуть борьбу почти 5500 партизанским отрядам и группам, насчитывавшим около 90 тыс. человек.

Партизаны наносили противнику все более чувствительные удары. Со времени Московской битвы они начали взаимодействовать с регулярными войсками Красной Армии. Во время контрнаступления под Москвой партизаны дезорганизовали снабжение немецкой группы армий «Центр», разрушив в ее тылу участки железных дорог, мостов, устраивая завалы и засады на шоссе и грунтовых дорогах. Командующий группой армий фельдмаршал Ф. Бок видел в их деятельности одну из причин поражения немецких войск. В своем дневнике 7 декабря 1941 г. он отметил: «Русские, разрушив почти все сооружения на главных магистралях, сумели так увеличить наши транспортные трудности, что фронту не хватает самого необходимого для существования и боев... Сегодня у нас нет никакой возможности для значительного маневра».

В январе–феврале 1942 г. партизаны Смоленской области освободили в тылу группы армий «Центр» 40 сел и деревень, где сразу же десантировались советские воздушно-десантные войска. Они отбили у противника Дорогобуж и объединились с соединениями Красной Армии, совершавшими рейды в тылу немецких войск. В ходе этих боев была освобождена

территория около 10 тыс. кв. км. Немецкое командование было вынуждено бросить на борьбу с партизанами семь дивизий.

30 мая 1942 г. состоялось решение Государственного Комитета Обороны о создании Центрального штаба партизанского движения. Начальником ЦШПД был назначен первый секретарь ЦК ВКП(б) Белоруссии П. Пономаренко. Одновременно при военных советах фронтов были созданы штабы по руководству партизанским движением: Карело-Финский, Ленинградский, Калининский, Западный, Брянский, Украинский. В результате этих мер существенно улучшилась организация борьбы в тылу врага, обеспечение партизанских отрядов средствами связи, боеприпасами, взрывчаткой. Повысились размах и эффективность боевых действий.

С лета 1942 г. задача борьбы с партизанами была поставлена перед главным командованием сухопутных войск Германии. Для этого использовалось до 10% немецких дивизий, находившихся на советско-германском фронте. В 1943 г. против партизан действовало 25 армейских дивизий, а также немало специальных и полицейских формирований, в том числе состоявших из перешедших на службу врагу перебежчиков. Эти «добровольцы» с приближением конца третьего рейха, пытаясь загладить вину перед Родиной, нередко целыми частями с оружием переходили на сторону партизан.

Несмотря на потери, численность партизан постоянно росла. К концу 1942 г. в тылу врага действовало 1770 партизанских отрядов и бригад, в которых насчитывалось 125 тыс. человек. В 1943 г. начался бурный рост партизанских сил. К концу этого года они увеличились вдвое, достигнув 250 тыс. человек.

Деятельность партизан имела широкий спектр. Они нарушали коммуникации противника, совершали боевые рейды в его глубокий тыл, обеспечивали командование Красной Армии важными разведывательными сведениями, которые способствовали успеху наступательных операций, и т. д.

Наиболее крупной в 1943 г. была проведенная партизанами операция «Рельсовая война», которая явилась составной частью битвы под Курском. Центральный штаб партизанского движения привлек к участию в этой операции более 160 партизанских бригад и отдельных отрядов (около 100 тыс. человек). За первую ночь операции (14 июля 1943 г.) было взорвано 42 тыс. рельсов. Всего в ходе операции было взорвано 215 тыс. рельсов. Только в Белоруссии партизаны пустили под откос 836 эшелонов и 3 бронепоезда. Некоторые железнодорожные магистрали были выведены из строя на длительный срок, что создало серьезные препятствия для отступавших немецких войск.

Свидетельством силы и размаха народной войны были партизанские края — большие территории, отвоеванные у оккупантов и долгое время удерживаемые партизанами. Первый партизанский край возник в октябре 1942 г. в Ленинградской области. На его

территории в 11 тыс. кв. км находилось 400 деревень. Затем партизанские края возникли в Калининской, Смоленской, Орловской, Курской областях, в Белоруссии, на севере Украины, в Крыму и т. д. Летом 1943 г. партизаны стали полными хозяевами шестой части всей оккупированной территории. Здесь трудились в интересах победы над врагом и жили по советским законам, по неполным данным, около 4 млн. граждан, работали восстановленные органы советской власти. Отсюда переправлялись через линию фронта на Большую землю призывники для службы в Красной Армии, подростки — для обучения в ремесленных училищах, дети-сироты — в детские дома. Эти края ограничивали полосы отхода врага, затрудняли маневр и перегруппировку его войск, размещение резервов, баз снабжения, командных пунктов.

Партизаны немало сделали, чтобы воспрепятствовать массовому утону советских людей оккупантами на принудительные работы в Германию. В конце 1943 — начале 1944 г. до 40% принудительно вывозимых оккупантами граждан освобождалось партизанами и наступавшей Красной Армией.

В годы войны во вражеском тылу действовало коммунистическое подполье и созданные под его руководством в городах и поселках боевые антифашистские, комсомольско-молодежные организации. Подпольщики распространяли среди населения газеты и листовки, которые получали с Большой земли или издавали своими силами. В них содержалась информация о положении на фронте и в советском тылу, разоблачался нацистский оккупационный режим и его пропаганда. Важной функцией подполья было обеспечение партизан разведывательной информацией, снабжение их медикаментами, оружием, боеприпасами. В сентябре 1943 г. подпольщики казнили наместника Гитлера в Белоруссии гауляйтера В. Кубе, виновного в уничтожении многих тысяч советских граждан. С помощью подполья легендарный советский разведчик Н. Кузнецов ликвидировал заместителя рейхскомиссара Украины Г. Кнута и ряд других немецких военных преступников.

Важное место в деятельности подпольщиков занимала организация саботажа и диверсий на захваченных советских промышленных предприятиях. Эта форма борьбы активно развивалась благодаря участию в ней рабочих. В октябре 1941 г. начальник диверсионной службы вермахта на южном участке советско-германского фронта Г. Оберлендер доносил в Берлин: «Гораздо большей опасностью, чем активное сопротивление партизан, является пассивное сопротивление — трудовой саботаж, в преодоление которого мы имеем еще меньше шансов на успех». Промышленные гиганты, построенные до войны на Украине, так и не были введены в строй оккупантами, а шахты Донецкого бассейна бездействовали. Германское руководство так и не смогло использовать многие советские фабрики и заводы для обеспечения собственных военно-экономических нужд.

Массовый саботаж населением мероприятий оккупационных властей, действия вооруженных партизанских формирований и подпольных организаций — все это превратило оккупированную территорию в арену ожесточенной битвы с захватчиками.

Народная борьба в тылу немецких войск — одна из ярких страниц Великой Отечественной войны. Она имела крупное военное, политическое и экономическое значение. Военное значение партизанского движения, народной борьбы в тылу врага заключалось в том, что оно являлось важным фактором в стратегических планах и расчетах советского Верховного Главнокомандования и принималось в расчет при разработке крупных наступательных операций. Партизанским соединениям ставились конкретные боевые задачи.

Потери противника в результате действий партизан и подпольщиков достигли 1 млн. человек. Партизаны пустили под откос более 20 тыс. эшелонов, подорвали 120 бронепоездов, вывели из строя почти 17 тыс. паровозов и 171 тыс. вагонов, взорвали 12 тыс. мостов на железнодорожных и шоссейных дорогах, уничтожили или захватили свыше 65 тыс. автомашин.

Общее число партизан достигло 2,8 млн. человек. Их поддерживало 220 тыс. подпольщиков, участвовавших в саботаже мероприятий оккупационных властей. Вместе с советскими партизанами на временно оккупированной территории СССР сражались тысячи иностранных граждан — поляков, словаков, чехов, венгров, болгар, испанцев, югославов и других. В то же время в европейском движении Сопротивления участвовали до 50 тыс. граждан СССР, оказавшихся за пределами своего Отечества.

Временно оккупированная территория СССР не стала для захватчиков обеспеченным и спокойным тылом. Их расчеты заставить советских людей безропотно работать на германский рейх не оправдались. Советское государство высоко оценило заслуги партизан и подпольщиков. За героизм и мужество более 300 тыс. партизан награждены орденами и медалями, 249 — присвоено звание Героя Советского Союза, а двое руководителей партизанского движения С. Ковпак и А. Федоров были удостоены этого высокого звания дважды. Имена их вошли в историю.

Плен. Коллаборационизм. Репатриация

Уже в первые дни войны сотни тысяч военнослужащих Красной Армии оказались в немецком плену. Из общего числа советских военнопленных за весь период войны — 4 млн. 59 тыс., на 1941 год приходится 2 млн., или 49%. Летом 1941 г. немцам удалось провести окружение ряда советских армий, чьи командующие не смогли вывести свои объединения на восток. Бойцы и командиры Красной Армии были полны решимости сражаться с врагом, бороться до последнего патрона, но обстановка на поле боя не оставила им возможности продолжать сопротивление. Многие советские солдаты и офицеры были захвачены в плен будучи тяжело ранеными и контуженными.

Главной причиной массового пленения советских солдат в начале войны явилась неподготовленность советского командования и всего личного состава Красной Армии к ведению стратегической обороны, отсутствие опыта в отражении внезапных массированных ударов противника. Части и соединения, в своем большинстве, дрались героически, но они, застигнутые врасплох, не могли изменить общего хода борьбы. По немецким данным, под Белостоком и Минском были взяты в плен 328 тыс. человек, под Смоленском — 310 тыс.; под Уманью — 103 тыс.; под Киевом — 665 тыс., под Вязьмой и Брянском — 663 тыс. Эти цифры еще требуют тщательной проверки, поскольку немцы включали в число военнопленных всех лиц мужского пола от 16 до 55 лет, которые оказывались в зоне боевых действий. К примеру, весь Юго-Западный фронт к началу обороны Киева имел в своем составе 667 тыс. человек. После его окружения в сентябре 1941 г. на восток вышло 150 тыс.; многие бойцы погибли при отступлении. Сведения о 665 тыс. плененных в «киевском котле» вызывают сомнения, но общей картины это не изменит.

Поражения советских войск в начальный период войны не носил необратимого характера. С прибытием на фронт новых соединений сопротивление Красной Армии становилось ожесточенней. Необходимо было время, чтобы переломить ситуацию, овладеть опытом ведения вооруженной борьбы как в обороне, так и в наступлении. Но сделать это было непросто. Даже после победы под Москвой, в 1942 г., новое германское наступление под Харьковом, операции против 2-й ударной армии и Крымского фронта привели к сдаче в немецкий плен 1339 тыс. военнослужащих Красной Армии.

Судьба советских военнопленных относится к наибольшим трагедиям войны. Уже к началу 1942 г. в немецких лагерях («шталагах» — для рядовых солдат и «офлагах» — для офицерского состава) погибло до половины советских военнопленных. Нацистское руководство в 1941–1942 гг. проводило целенаправленную политику по их уничтожению. Еще до нападения Германии на СССР, 30 марта 1941 г., было проведено совещание высших немецких офицеров, на котором Гитлер заявил, что предстоящая война будет войной мировоззрений. Комиссаров и партийных работников предусматривалось уничтожить на месте. 6 июня последовало официальное распоряжение главного командования вермахта, которое предписывало немедленно расстреливать «политических комиссаров» после захвата их в плен. Что касается остальных военнослужащих Красной Армии, то Гитлер на совещании в своей ставке 16 июля 1941 г. призывал не рассматривать их как «солдат-фронтовиков» и добиваться полного и беспощадного уничтожения всех военнопленных. Многие германские полевые командиры издавали свои распоряжения по ведению войны на Востоке. В частности, командующий 4-й танковой группой Г. Гепнер подписал

2 мая 1941 г. приказ, в котором говорилось, что перед немецкими солдатами стоит задача «превратить в руины сегодняшнюю Россию», что война «должна вестись с неслыханной жестокостью» и необходимо полное уничтожение противника.

Указания германского командования исполнялись на фронте в полном объеме. Еще на этапе конвоирования военнопленных в «дулаги» (транзитные лагеря) немецкие охранники достреливали тысячи раненых и выбившихся из сил. Тем же военнопленным, которым все-таки удавалось добраться до лагерей, вскоре становилось очевидным, что шансов выжить у них было слишком мало. Как правило, лагерем называлось открытое поле, огороженное колючей проволокой, где загнанные в тесное пространство военнопленные находились под прицелом пулеметов. Самое страшное для них начиналось, когда давали о себе знать голод и болезни. 6 августа 1941 г. верховное командование вермахта подписало директиву о снабжении советских пленников продовольствием, которая предусматривала дневной рацион: 200 г хлеба, 13 г мяса, 15 г жиров. Но даже и эта мизерная норма, обрекающая людей на медленную смерть практически никогда не выдавалась. В лагерную «банду» добавляли отжимки сахарной свеклы, целлюлозную муку, муку из соломы и листьев, что вызывало мучительные боли в желудке и частую гибель от отравлений.

Основной причиной смертности в лагерях в 1941–1942 гг. стали голод и эпидемии. Наиболее распространенными болезнями были тиф и туберкулез. Они косили военнопленных десятками тысяч. Квалифицированная медицинская помощь им не оказывалась. Следить за ними могли лишь заключенные советские врачи, однако в их распоряжении не было лекарственных средств. Все что они могли сделать — это лишь на время облегчить участь уже обреченных. Как правило, после возникновения в лагере какой-либо эпидемии, немцы запирали в нем все ходы и выходы и осуществляли лишь внешнюю охрану прилегающей территории. Военнопленные, таким образом, бросались на произвол судьбы. Согласно германскому отчету о положении советских заключенных, в минском лагере для военнопленных и гражданских лиц от 10 июля 1941 г., более 140 тыс. человек содержалось в нем на площади приблизительно пятьдесят тысяч квадратных метров. Заключенные могли только стоять и здесь же на месте отправлять естественные надобности. Возникновение эпидемий в этой ситуации было практически неизбежным. За все время войны в плену погибло до 2 млн. советских военнопленных, десятки тысяч бойцов и командиров Красной Армии были умерщвлены в концлагерях за участие в движении Сопротивления.

8 сентября 1941 г. германское верховное командование издало еще одно распоряжение об обращении с советскими военнопленными. В нем указывалось, что немецким солдатам «самым строгим образом следует избегать всякого сочувствия, а тем

более поддержки. Чувство гордости и превосходства немецкого солдата, назначенного для охраны советских военнопленных, должно во всякое время быть заметным для окружающих... Неповиновение, активное или пассивное сопротивление должны быть немедленно и полностью устранены с помощью оружия...»

В 1942 г. гитлеровская машина уничтожения несколько замедлила свои обороты. Дело в том, что после поражения под Москвой германская экономика стала испытывать острую нехватку рабочих рук. Многие немецкие мужчины были призваны на фронт. Заменить их намечалось гражданами других национальностей, а также военнопленными и гражданскими лицами, угнанными из оккупированных вермахтом областей. Программа военного производства, ответственными за которую были Г. Геринг, министр вооружения А. Шпеер, уполномоченный по использованию рабочей силы Ф. Заукель, предусматривала использование на производстве миллионов советских людей. Заинтересованным в поставке военнопленных на заводы Германии являлся и руководитель СС Г. Гиммлер, получавший огромные денежные гонорары от немецких промышленников.

Советские военнопленные, в отличие от граждан других стран (французов, англичан, бельгийцев и других), направлялись на самые тяжелые работы в горнорудной, химической и строительной промышленности. Условия их труда были ужасающими. Рабочий день продолжался 11–12 часов, размещение и питание были порой такими же, как в лагерях. Нацисты использовали труд военнопленных и в военном производстве, хотя это противоречило статьям Гаагской (1899, 1907 гг.) и Женевской (1929 г.) конвенций.

Следует отметить, что Советское правительство в самом начале войны объявило о своем намерении соблюдать Гаагскую конвенцию. Что же касается Женевской конвенции, то, хотя СССР и не поставил под ней свою подпись, все ее требования выполнялись. 1 июля 1941 г. Совет народных комиссаров утвердил «Положение о военнопленных» противника, которым гарантировалась жизнь и безопасность, а раненым и больным медицинская помощь. Жестокое обращение в отношении пленников врага запрещалось. Этот документ на протяжении всей войны соблюдался, а его отдельные нарушения преследовались в уголовном порядке. Известно, что после войны из Советского Союза в Германию возвратилось 1,9 млн. немецких военнопленных; 450 тыс. бывших солдат и офицеров вермахта умерло в советских лагерях. Основная причина их смерти — различные инфекции. Многие солдаты попадали в плен уже будучи обреченными. Так было зимой 1943 г. под Сталинградом. Запрет Гитлера на капитуляцию армии Паулюса обошелся Германии порядка 90 тыс. немецких военнопленных, умерших еще на пути в стационарные лагеря от крайнего истощения и обморожений во время окружения.

Жестокие репрессии ожидали советских военнопленных и на Родине, если они не сумели доказать, что оказались в плену будучи ранеными или при других исключительных обстоятельствах. Согласно приказу Ставки ВГК № 270 от 16 августа 1941 г. каждая советская часть, оказавшаяся в окружении, обязана была «драться до последней возможности». Военнослужащим при попытке сдаться в плен предписывалось «уничтожать всеми средствами как наземными, так и воздушными», семи сдавшихся в плен — лишать государственного пособия и помощи. 24 июня 1942 г. Государственный Комитет Оборона конкретизировал этот приказ своим постановлением. В соответствии с ним аресту и ссылке на срок до 5 лет подлежали отец, мать, жена, сыновья, дочери и сестры «изменников», если они вместе жили до начала войны. Однако на практике это постановление выполнялось довольно редко. Большинство военнослужащих, попавших в плен, числились в документах своих частей как «пропавшие без вести». Репрессивных мер к их родственникам не применялось.

Советские военнопленные прошли в немецких лагерях все круги ада. Часть из них, которые боролись против существовавшего в них эсэсовского режима или были уличены в связях с подпольным сопротивлением, направлялись в концентрационные лагеря — «фабрики смерти». Мир навсегда запомнил такие мрачные названия, как Освенцим, Дахау, Бухенвальд, Майданек, Трешлинка, Маутхаузен и другие, где гитлеровские охранники осуществляли массовое уничтожение советских людей, а также граждан других национальностей, прежде всего евреев, славян и цыган, в газовых камерах. Миллионы жертв, отравленных газами, были затем сожжены в крематориях или закопаны в гигантских рвах. Этим преступлениям никогда не будет ни прощения, ни забвения.

Не желая мириться с нацистским адом, советские военнопленные в массовом порядке бежали из застенков. По неполным данным, за период с 1941 по 1944 г. из почти 4 тыс. лагерей на территории самой Германии и оккупированных вермахтом стран бежали около 450 тыс. советских военнопленных. Многие были схвачены охранниками, убиты, но тысячи добрались до своих войск. Побегов такого масштаба не знала ни одна армия в мире. Самым дерзким по праву считается захват пленным советским летчиком М. Девятаевым и девятью его товарищами немецкого самолета на аэродроме Свиномюнде в феврале 1945 г., на котором они и перелетели на советскую сторону.

С течением времени развертывалась подпольная борьба военнопленных в лагерях. Тысячи, а возможно, и десятки тысяч групп Сопротивления были организованы в невыносимых, казалось бы, условиях плена. Руководили ими стойкие борцы, бывшие командиры и политработники Красной Армии, которым удалось избежать расстрела в районе боевых действий. Совсем недавно в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации был най-

ден уникальный документ — Записка заместителю наркома обороны СССР Н. Булганину «О подпольной деятельности «Военно-политического центра» в концентрационном лагере Бухенвальд», которая была подготовлена в штабе 1-го Украинского фронта, по материалам опроса бывших узников и документам германской стороны. В ней, в частности, говорилось, что «всю борьбу с фашистским режимом в Бухенвальде возглавил конспиративный центр. Руководил им коммунист-ленинградец Николай по кличке Толстый. Конспиративный центр ставил перед собой следующие задачи: борьбу с тиранией эсэсовцев; политическое воспитание заключенных; создание в лагере боевой организации для вооруженного восстания; выявление и истребление провокаторов; спасение заключенных от голодной смерти и репрессий. Члены центра добывали сводки советского Совинформбюро и ночью зачитывали их своим товарищам. Оружие и боеприпасы помогали добывать заключенные, которые работали на военном заводе. Оружие по частям выносилось из цехов, а затем собирались в лагерных бараках. Особое внимание подпольщики уделяли контрпропаганде против вступления военнопленных во «власовские» части.

Известно, что часть советских военнопленных и гражданских лиц сотрудничала с германским вермахтом. Их стали называть «власовцами» по имени бывшего командующего 2-й ударной армией генерала А. Власова, сдавшегося в плен в июле 1942 г. Однако подавляющее большинство сотрудничавших с противником (или коллаборационистов) отношения к Власову не имели и Русской освободительной армии (РОА), которую немцы создали при его участии, не подчинялись. Большинство так называемых добровольцев числились как обслуживающий персонал при частях вермахта, входили в подразделения по охране немецкого тыла, полицейские формирования и участвовали в карательных операциях против партизан в составе различных «восточных легионов». Лишь с 1943 г. некоторые добровольцы стали носить на рукаве шеврон «РОА» — знак принадлежности к армии бывшего советского генерала.

По мнению некоторых историков, общая численность советских коллаборационистов в годы войны была около 1 млн. человек. Необходимо правда отметить, что эта цифра требует проверки, поскольку к добровольцам зачастую причисляют и тех военнопленных, которых немцы использовали на хозяйственных или строительных работах.

Что же заставило часть советских людей вступить на путь сотрудничества с врагом? Современные исследователи выделяют, как правило, три причины: стремление как-то выжить в жестоких условиях оккупации или плена; неприятие советского строя; национальный сепаратизм. Думается, что в основе своей это объективный подход, но с существенной оговоркой: политический мотив сотрудничества никогда не являлся сколько-нибудь значительным. Непри-

миримыми врагами советской власти были прежде всего белоэмигранты, оказавшиеся в 1940-х годах на территории оккупированной германским вермахтом (П. Краснов, А. Шкуро, Каюм-хан и другие), а также часть репрессированных советской властью граждан. Однако число последних было небольшим.

На фронте, главным образом, воевала молодежь, воспитанная при советской власти; среди мобилизованных старших возрастов подавляющее большинство также доверяло правительству. Другое дело — влияние нацистской пропаганды. Советский боец, оказавшийся в немецком плену, кроме огромных физического напряжения, голода и холода испытывал на себе еще и колоссальное давление антисоветской пропаганды. Все вражеские листовки в 1941 г. наперебой твердили: с Советским Союзом уже покончено; все, кто еще сопротивляется, будет уничтожен; единственный путь спасения жизни — помогать Германии. Можно только удивляться, что в этой ситуации большинство военнопленных Красной Армии не поддавалось на угрозы и уговоры и предпочло мученическую смерть служению в стане врага. Но и тот, кто шел на сотрудничество с ним, часто делал это с одной единственной целью — при первой же возможности возвратиться к своим. Коллаборационизм отдельных представителей народов СССР никогда не достигал таких масштабов, как, например, во Франции, Бельгии или Голландии. Советский Союз избежал участи многих европейских стран, где в полную силу действовали так называемые «пятые колонны».

Несмотря на все это, было бы неправильным утверждать, что попытки создания такой «колонны» на территории СССР отсутствовали. Об этом свидетельствует деятельность некоторых националистических, в том числе мусульманских формирований — «Туркестанского комитета», «Волжско-татарского комитета», «Крымского центра», «Северо-кавказского штаба» и других. Все они находились под пристальным вниманием нацистских спецслужб, одним из направлений деятельности которых было содействие расколу Советского Союза и внедрение национальной розни и нетерпимости. Эти «комитеты» и «штабы» активно помогали немецким властям создавать в оккупированных районах различные воинские формирования. Как правило, людей загоняли туда обманом, используя ложь о том, что во всех их бедах виновно московское руководство, «задавившее культуру, искусство и религию национальных меньшинств». Довольно скоро они убеждались, что их затянули в самые обыкновенные бандформирования, возглавляемые немецкими офицерами.

Наиболее распространенной формой сотрудничества части советских военнопленных и гражданских лиц с противником в 1941 г. было их присоединение к отдельным германским частям для выполнения различных вспомогательных работ. Сами немцы называли таких коллаборационистов *Hilfswillige*, или сокращенно — хиви. Дальше прифронтовой полосы

их не допускали. Как правило, хиви служили только в тыловых подразделениях вермахта в качестве возниц, шоферов, помощников поваров и т. п. К концу 1942 г. число их достигало 200 тыс. Осенью 1943 г. германской пехотной дивизии полагалось по штату до 2 тыс. хиви при общей численности соединения 12,7 тыс. человек.

Некоторые военнопленные и гражданские лица из оккупированных областей СССР вступали в полицейские команды и охранные части, предназначенные для борьбы с партизанами и несения караульной службы, другие — в формирования, созданные специально для ведения боевых действий против Красной Армии. Первоначально при комплектовании подразделений из бывших военнопленных предпочтение отдавалось лицам нерусской национальности. Создавались так называемые восточные легионы: туркестанский, азербайджанский, грузинский, армянский, северокавказский и другие. Их основу составляли батальоны численностью по 900 человек. Всего за войну было создано 90 таких батальонов и, кроме того, отдельный калмыцкий кавалерийский корпус, насчитывавший до 5 тыс. человек.

Впоследствии германское командование приступило к созданию в своем тылу боевых частей, набранных целиком из военнопленных славянских национальностей. На 5 мая 1943 г. на стороне вермахта действовало 90 так называемых русских батальонов. Помимо этих частей, в разное время на стороне противника действовали более крупные формирования: Русская национальная народная армия, Казачий стан генерала Т. Доманова, 15-й казачий кавкорпус генерала Г. Паннвица и другие. Все командные посты в «восточных легионах» и «русских» батальонах занимали только немецкие офицеры. В казачьих частях большой процент личного состава состоял из бывших белоэмигрантов.

Осенью 1941 г. немцы сформировали на территории Украины, Белоруссии, западных районов РСФСР несколько десятков подразделений для несения караульной службы в составе немецких охранных дивизий. Были созданы охранные сотни, батальоны и даже полки, набранные из белоруссов, украинцев, русских, представителей других национальностей. К маю 1943 г. от 60 до 70 тыс. человек служили во вспомогательной полиции военного управления, а в ведении администрации рейхскомиссариатов (оккупационных властей) имелось еще 300 тыс. человек различных славянских национальностей. Главное управление СС также располагало различными частями и командами, предназначенными для противопартизанской борьбы и диверсионных акций. В тылу немецких групп армий на Восточном фронте действовали «прибалтийские», «украинские», «русские» и другие части СС.

Необходимо отметить, что боеспособность большинства добровольческих формирований вермахта была крайне низкой. На фронте их практически не использовали и бросали только на борьбу с партизанами. Значительная часть «восточных легионов», а также

казаков использовались оккупационными властями Германии для подавления движения Сопротивления в различных странах Европы. Особенно активные боевые действия они вели в Югославии и Италии. Однако начиная с середины 1943 г. все больше коллаборационистов стали переходить на сторону партизан и бойцов Сопротивления. Весьма показателен, в этой связи боевой путь эсэсовской охранной бригады «Дружина», возглавлявшейся бывшим подполковником Красной Армии В. Гиль-Родионовым. Весной 1943 г. это соединение отказалось подчиняться германскому командованию. Совершив дерзкий налет на германский конвой, военнослужащие бригады освободили большую группу пленных партизан, после чего они ушли в леса и стали сражаться уже против своих бывших немецких «хозяев». Сам Гиль-Родионов, награжденный «железным крестом» рейха и орденом Красной Звезды после перехода на сторону Красной Армии, погиб в одном из боев с немцами в 1944 г.

В некоторых регионах Советского Союза сотрудничество советских граждан с противником приобрело специфический характер. Речь идет о националистических формированиях крымских татар, калмыков и некоторых народностей Северного Кавказа, воевавших на стороне вермахта. Дело в том, что в этих случаях коллаборационизм и пособничество врагу достигли наибольших масштабов и нанесли ощутимый вред действиям Красной Армии и партизан. Так, сразу после захвата большей части Крыма немецкими войсками на его территории стали создаваться крымско-татарские подразделения, предназначенные для боевых действий против советских войск и партизан. Там же было образовано местное «правительство», осуществлявшее управление в условиях немецкой оккупации. Германское командование не раз отмечало заслуги так называемого Крымского центра в борьбе против советской власти. Значительная часть руководства этого центра в мае 1944 г. была эвакуирована с полуострова вместе с немецкими войсками.

Непростой была ситуация и на Северном Кавказе, куда летом 1942 г. прорвались танковые и пехотные соединения германской армии. Факт, что поддержку вермахту в захвате некоторых территорий этого региона оказали бандформирования из представителей чеченской, ингушской, балкарской и некоторых других национальностей. Отряды бандитов нападали на тыловые обозы Красной Армии, грабили и убивали местное население, препятствовали перегруппировки советских частей. Руководителями националистов являлись, как правило, немецкие агенты, засланные в советский тыл для организации восстаний и диверсий. Уже после освобождения Северного Кавказа бандиты продолжали борьбу против регулярных частей Красной Армии и войск НКВД. Они организовывали засады, убивали местных партийных и хозяйственных руководителей, угоняли колхозный скот и т. п. Активность их

действий пошла на убыль лишь после 1944 г., когда советским руководством было принято решение о депортации (насильственном переселении) некоторых народностей Северного Кавказа, в том числе чеченцев, ингушей, балкарцев, наряду с калмыками и крымскими татарами, в отдаленные районы Советского Союза — на Урал, в Сибирь и Среднюю Азию. Но репрессированы были не только бандиты и пособники врага. Пострадали многие безвинные люди — женщины, дети, старики. На сборы им давалось 24 часа. Переселенцы вынесли много бед и лишений. Справедливость к ним была восстановлена лишь после 1953 г.

К концу 1944 г. относится создание первых боевых частей Русской освободительной армии генерала А. Власова. В ноябре германское командование сформировало из советских военнопленных 1-ю дивизию РОА (в документах вермахта она числилась как 600-я пехотная дивизия). Ее командиром стал бывший командир стрелковой дивизии Красной Армии полковник С. Буняченко. Это соединение прибыло на восточный фронт лишь в марте 1945 г. В январе 1945 г. был подписан приказ о создании 2-й дивизии РОА (650-й дивизии вермахта), однако ее формирование так и не было завершено до конца войны. В состав войск генерала Власова входили также две авиационные эскадрильи, ряд учебных частей и тыловых подразделений. РОА считалась основой вооруженных сил так называемого Комитета освобождения народов России (КОНР), созданного под покровительством немцев в ноябре 1944 г. Численность войск армии Власова не превышала 50 тыс. человек.

Части РОА дважды принимали участие в боевых действиях против регулярных войск Красной Армии. Первый раз — в феврале 1945 г. на плацдарме в районе Франкфурта-на-Одере, когда подразделение власовцев без каких-либо результатов атаковало оборону советской 230-й дивизии. 13 апреля Власов по распоряжению германского командования использовал уже более значительные силы 1-й дивизии против укрепленного района 33-й Советской Армии. За два с половиной часа боя добровольцы преодолели 500 м фронтовой полосы, но понесли большие потери (до 30% личного состава в атакующих подразделениях). Не имея огневой поддержки со стороны немцев, командование 1-й дивизии «РОА» отдало приказ возвратиться на исходные позиции. Через несколько дней началось решающее наступление Красной Армии на Берлин. Войска генерала Власова стали поспешно отходить в юго-западном направлении — в Чехословакию и Австрию, рассчитывая сдать в плен армии союзников.

Но большинству власовцев не удалось избежать возмездия за предательство. Часть личного состава РОА была пленена Красной Армией еще на пути следования в Австрию. Сам Власов был захвачен 12 мая 1945 г. в Чехословакии разведгруппой советского 25-го танкового корпуса. Бывшего генерала нашли в кабине легковой машины, спрятавшимся под

мешками с одеждой и провизией. Через некоторое время А. Власов вместе с другими руководителями Русской освободительной армии был предан суду военного трибунала и казнен.

Существует миф, что отступавшие части 1-й дивизии РОА Буняченко по пути следования в Австрию оказали активную поддержку пражскому восстанию против немецких оккупантов. Действительно же то, что после обращения восставших пражан по радио с просьбой о помощи власовцы, находившиеся тогда в пригородах столицы Чехословакии, без боя заняли ряд городских кварталов Праги. Тем самым командование РОА стремилось привлечь к себе внимание западных союзников. Отход власовских подразделений из чехословацкой столицы (к ней приближались войска 1-го Украинского фронта) проходил не столь мирно. Чехословацкие патриоты видели в РОА прямых пособников нацистов. Поэтому власовцам пришлось отбиваться от восставших, используя огневую поддержку немецких эсэсовских частей.

После окончания войны в Европе часть добровольческих формирований, участвовавших в войне на стороне вермахта, оказалась на территории, занятой войсками союзников. В западные районы Чехословакии и Австрии стекались казаки войска, «восточные легионы», охранные части, отступающие под натиском Красной Армии и англо-американских войск. Согласно ялтинским договоренностям СССР и его союзники обязались возвратить друг другу всех своих граждан, включая освобожденных военнопленных, перемещенных гражданских лиц, военнослужащих различных добровольческих формирований. Англо-американское командование не считало, однако, советскими гражданами тех лиц, которые не проживали в СССР до сентября 1939 г., т. е. жителей Прибалтики, Западной Украины и Западной Белоруссии. Значительная часть добровольцев сумела избежать репатриации и остаться на Западе. Всего «невозвращенцев» (включая как коллаборационистов, так и жителей западных областей СССР) насчитывалось не менее полумиллиона человек.

Отдельного внимания требует вопрос о репатриации советских военнопленных и гражданских лиц, угнанных немцами в годы войны на территорию Германии. Они заслуживали более человеческого отношения со стороны Управления по репатриации и спецорганов НКВД. Подозрения в сотрудничестве с врагом зачастую распространялись на невиновных людей. Военнопленным и репатриантам не доверяли, видя в них потенциальных противников советского строя, а возможно, и бывших коллаборационистов. Вместе с тем, документы российских архивов, открытые в последнее время, отнюдь не подтверждают свидетельства западных исследователей о том, что производились массовые экзекуции советских граждан сразу после передачи их союзниками советским властям.

В ходе войны и после ее окончания органами НКВД проводилась тщательная проверка всех освобожденных советских военнопленных с целью выявления лиц, сотрудничавших с противником. В конце 1941 г. для этой цели в прифронтовой полосе были сформированы армейские сборно-пересыльные пункты и спецлагеря. До 1944 г. проверку прошли 317 тыс. бывших военнопленных. Из них в действующую армию было возвращено до 70% от этого числа; аресту и отправке в штрафные роты и батальоны подверглись 19 тыс. человек (6%).

В начале 1945 г. началось массовое освобождение Красной Армией советских военнопленных и гражданских лиц. Значительная их часть проходила проверку в армейских сборных пунктах. Большинство мужчин затем сразу попадало на фронт. Западные союзники передали советским представителям из своей оккупационной зоны 2,3 млн человек, из которых 960 тыс. являлись бывшими военнопленными. Те, кто имел какое-либо отношение к службе в немецких частях, власовцы, полицейские и т. п. направлялись в спецлагеря НКВД, что фактически означало арест. Всего из 1,8 млн. бывших военнопленных Красной Армией, прошедших через проверку в военное и послевоенное время, к месту жительства было отправлено 277 тыс., в рабочие батальоны 344 тыс., арестовано и передано органам НКВД 283 тыс. За годы войны вторично в действующую армию было призвано 939 тыс. военнослужащих, числившиеся ранее как пропавшие без вести. В основном это были освобожденные из лагерей военнопленные. Лица, попавшие в рабочие батальоны, находились под строгим контролем НКВД, и даже после освобождения их права были ущемлены. В частности, они не имели права жить в Москве и Ленинграде, устроиться на хорошую работу или поступить в высшее учебное заведение, выехать за границу. К 1 марта 1946 г. в СССР было репатрировано 5,3 млн. человек, включая военнопленных и гражданских лиц.

Постановление ЦК КПСС и Совмина об устранении последствий нарушений законности в отношении бывших военнопленных (июнь 1956 г.) во многом не выполнялось. Конкретные меры по исправлению такой ситуации были приняты в начале 1990-х годов в результате работы Комиссии при Президенте РФ по реабилитации жертв политических репрессий.

Справедливость в отношении военнопленных и репатрированных восторжествовала в январе 1995 г., когда был подписан Указ Президента РФ «О восстановлении законных прав российских граждан — бывших советских военнопленных и гражданских лиц, репатрированных в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период». Они получили удостоверения участников Великой Отечественной войны и скромные льготы. Однако действие этого указа не распространяется на тех граждан, которые служили в годы войны в строевых и специальных формированиях вермахта, в полиции, на изменников Родины.

Экономика великой Победы: итоги и уроки первой модернизации

С. В. Бажанов*

Грозные раскаты испанских событий, боёв на Халхин-Голе и финской кампании торопили советское руководство с реформами. За короткий промежуток времени предстояло фактически заново отстроить всю страну, технически перевооружить экономику и Вооружённые Силы. Начинать индустриализацию приходилось с нуля, никаких «подушек безопасности» и прочих сырьевых «заначек» не было. Об иностранных кредитах не могло быть и речи. В США разразился финансово-экономический кризис. Англия и Франция больше опасались Сталина, притягательного примера молодой Страны Советов, нежели Гитлера. Надеяться можно было только на себя и, как говорили великие предки: «На свою армию и флот».

Поднимающий голову фашизм, особенно германский, показал не только свою агрессивность, но и высокую оснащённость новейшей техникой, мастерское владение ею и уверенные действия в нынешней войне моторов на любом театре военных действий. Этих компонентов боевой эффективности, в то время явно недоставало у Красной Армии.

Откровенно говоря, не хватало многого, но уровень патриотической зрелости общества и его тогдашней элиты, горячее желание во что бы то ни стало успеть, были достаточно высоки. Поэтому советская модернизация в предвоенные годы шла невиданными темпами. На партийном съезде в январе 1934 г. было констатировано: «СССР преобразился в корне, сбросив с себя обличье отсталости и средневековья. Из страны аграрной он стал страной индустриальной».

Тем временем рост военных расходов заставил вносить коррективы в модернизацию советской экономики. В Германии в 1937–1938 гг. они составляли 67,6%, в Англии — 32,2%, в США — 17,7%, во Франции — 37,7%, а в СССР к 1941 году почти

треть всех бюджетных расходов (70,2 млрд. руб., при госбюджете в 216,1 млрд. руб.) шла на укрепление обороны.

В этой обстановке страна стремительно превращалась в единый военный лагерь. Не хватило совсем немного времени, чтобы в полном объёме отмобилизовать наше народное хозяйство и подготовиться к смертельной схватке с чумой XX века — фашизмом.

Драматические события тех лет, в последнее время всё чаще становятся объектом грубых исторических фальсификаций и откровенных политических провокаций. Из разных уголков мира с завидной регулярностью приходят сообщения, напрямую касающиеся событий и последствий Второй мировой войны. Японский парламент, например, единогласно утверждает поправки к закону, в которых Южные Курилы называются «исконными землями» Страны восходящего солнца. Особенно активизировались «друзья и партнеры» России накануне празднования 65-летнего юбилея Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Их излюбленное оружие — фальсификация, тактическая цель — прививка населению чувства наследственной вины и ущербности, что много опаснее территориальных претензий соседей! Стратегическая цель — пересмотр итогов Второй мировой войны отнюдь не в пользу героического прошлого российского народа.

В мае 2009 г. при Президенте Российской Федерации была создана комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам страны. По мнению Дмитрия Медведева, имеет место кампания фальсификации истории России, а сами попытки искажения фактов «становятся все более жесткими, злыми, агрессивными».

Современные зарубежные исследователи любят рассуждать о поставках по ленд-лизу и их значимости, но при этом забывают о военно-экономическом

* Сергей Викторович Бажанов — представитель в Совете Федерации от Законодательного Собрания Ульяновской области, заместитель председателя Комитета СФ по финансовым рынкам и денежному обращению, доктор экономических наук.

■

потенциале СССР, обходят стороной настоящий трудовой подвиг, который совершался руками простых тружеников — стариков, женщин, подростков и детей. А ведь без их самоотверженной работы наверняка не было бы Великой Победы 1945 года!

Возникла необходимость более пристального взгляда на итоги и уроки самой кровопролитной в истории человечества войны, места и роли нашей страны и её Вооружённых Сил в спасении цивилизации. Для этого будет полезным вновь вернуться к хронологии и фактам тех исторических событий.

Советский Союз вступил в войну, имея достаточно мощную экономику и военную промышленность, которая по ряду показателей не уступала индустриальной базе фашистской Германии. И это несмотря на то, что немцы заставили работать на себя 7 млн. согнанных со всей Европы рабочих и военнопленных. 5000 заводов оккупированной Франции поставили им 80% самолетов и 70% автомобилей от общего количества произведенных. Вермахт захватил вооружение и технику 92 дивизий европейских стран, разгромленных в боях. Французскими автомобилями были оснащены около ста немецких соединений. Кроме того, из Франции угнали 5000 паровозов и 25 000 вагонов. За счет завоеванных ресурсов Германия удовлетворила свои потребности в стратегических материалах: на 45% — по каменному углю, на 35% — по стали и алюминию, на 88% — по нефти и на 25% — по зерну.

Эффективному развёртыванию военной экономики СССР послужила научная, технологическая и кадровая основа, созданная в 30-е годы. Это была настоящая промышленная революция, основанная на передовых технологиях и открытиях. Поэтому вопрос: модернизация или смерть — был для того времени не менее актуален, чем сейчас. (В 1928 г. в Красной Армии было 92 танка и 300 тракторо-тягачей. Франция имела к тому времени 6000 самолётов.)

За рекордно короткое время фактически заново были созданы новые отрасли производства: авиационная, автомобильная, тракторная и химическая промышленность, электроэнергетика, моторостроение.

Построенные во время индустриализации Магнитогорский, Кузнецкий и Мариупольский комбинаты давали чугуна больше, чем вся Россия в 1913 году. Один ДнепрогЭС перекрывал энергетические возможности всей Российской империи. (С 1928 по 1941 г. в СССР было построено около 9000 крупных промышленных предприятий.)

Советская промышленность в эти годы располагала самым молодым станочным парком.

Сыграло свою роль заблаговременное создание военно-промышленных центров в восточных регионах. Летом 1941 года предприятия Урала, Поволжья, Сибири и Дальнего Востока производили 18,5% военной продукции страны, а по некоторым наименованиям — более 34%. Накануне войны были приняты

на вооружение современные первоклассные образцы боевой техники, равных которым на тот момент не было в мире (танки Т-34 и КВ, 122-мм гаубица М-30, реактивные установки залпового огня БМ-13 «Катюша» и другие). Но темпы производства новой техники составляли 10–12% от необходимого количества и не обеспечивали должного качественного превосходства над противником в будущих сражениях.

Нельзя не вспомнить ещё об одном важнейшем секторе экономики, имеющем исключительное значение для обороны страны — сельском хозяйстве. В 237 тысячах колхозах предвоенного времени трудилось около ста миллионов крестьян. Они поставляли государству сельскохозяйственную продукцию по твёрдым ценам, которые были ниже рыночных в 10–12 раз.

Вот уже несколько десятилетий одной из излюбленных тем некоторых лукавых политиков и обслуживающих их историков, является вопрос неготовности СССР, в общем, и Красной Армии, в частности, к войне. Мол, это и послужило одной из причин катастрофических поражений 1941–1942 годов! При этом приводятся достаточно серьёзные аргументы, которые нельзя не принимать во внимание. Да, Советский Союз не успел провести полномасштабную модернизацию Вооружённых Сил и промышленности. Да, количество новейших образцов вооружения и боевой техники, как говорилось выше, было недостаточным. Да, существовал ряд объективных и субъективных факторов военного и государственного строительства, который привел к многочисленным жертвам и потере значительной части территории, промышленно-сырьевой базы.

Но всё-таки факты — упрямая вещь.

С 1939 года стали формироваться стратегические резервы на случай войны.

18 сентября 1940 года новый нарком обороны Тимошенко, назначенный вместо оставившего этот пост Ворошилова, представил Верховному главнокомандующему И. В. Сталину доклад «Об основах стратегического развёртывания Вооружённых Сил СССР на Западе и на Востоке на 1940 и 1941 гг.» В войне на два фронта (Германия и Япония) Советский Союз мог выставить 280–290 дивизий, 11 750 танков, 30 000 артиллерийских орудий, 18 000 самолётов. Внешне эта статистика будущей войны выглядела весьма внушительной. Тем не менее, ровно через три месяца, в подземном бункере Вюнсдорфа Гитлер утвердил директиву № 21 «План Барбаросса» — нападения на Советский Союз. Мирная жизнь на планете была поставлена на счётчик. До войны оставалось полгода.

По состоянию на 22 июня 1941 г. экономика страны обеспечила армию и флот, по отношению к среднегодовому расходу в боевых действиях, достаточным количеством ресурсов: боеприпасов

разных калибров от 63 до 294%, ГСМ — на полгода, продовольствия на 3–4 месяца, вещевого имущества основных номенклатур от 90 до 150%.

Горько сознавать, что чуть не 50% этих материальных запасов были израсходованы не вполне эффективно, уничтожены или достались врагу в качестве трофеев.

Как видно из приведенных выше фактов, Вооруженные Силы СССР имели вполне достаточную материальную и сырьевую базу для отпора врагу. Однако мало ресурсов, необходимо еще и умение воевать. Здесь нужна была модернизация особого рода. Требовалось вести боевые действия по-новому, избегая шаблонов и довоенных ошибок. Но многие тогдашние, в том числе и именитые военачальники, были не готовы к маневренному, динамичному характеру Второй мировой войны с применением новых видов и средств вооруженной борьбы. Примером неудачного массированного применения бронетанковой техники является приграничное сражение 23–29 июня 1941 г. Юго-Западного фронта в районе Луцк — Дубно — Ровно. Имея почти трехкратное (!) превосходство над противником в танках и бронированных машинах, из-за неправильного оперативного построения и неумелого управления войска потеряли почти все танки пяти механизированных корпусов (около 4000 единиц) и откатились к Днепру.

Военные неудачи первых дней и месяцев сражений, отход Красной Армии в глубь страны поставили государство и военную экономику в очень тяжелое положение. В течение 1941 года была утрачена территория, на которой проживало 40% населения, сосредоточено более половины металлургических предприятий, добывалось до 50% каменного угля и находилось 47% посевных площадей, в том числе — 38% посевов зерна. За период оккупации страна недополучила 307 млн. тонн каменного угля, 38 млн. тонн стали, 72 млрд. кВт-ч электроэнергии, 180 млн. тонн зерна. В зоне боевых действий оказалось 80% объектов оборонной промышленности и 94% авиационных заводов.

Из западных районов СССР было эвакуировано 2590 заводов и фабрик (из 49 000) и более 10 млн. рабочих, служащих, членов их семей. Только из одной Москвы перебазировали на восток 500 предприятий (из 2500), 2 млн. жителей из 4,5 млн. Военная продукция столицы в августе 1941 года составляла 14% от общего объема. Подсчитано, что если 19 млн. вагонов с эвакуированными грузами и людьми вытянуть в одну линию, то она протянулась бы от Бискайского залива до Владивостока.

Уже к этому времени страна представляла из себя единый военный лагерь.

Для нужд армии были перепрофилированы производства, до 22 июня занимавшиеся выпуском сугубо мирной продукции. Московская кондитерская фабрика «Большевик» организовала на своих мощностях выпуск зажигательных ампул для бутылок с го-

рючей смесью. Также столичная местная и кооперативная промышленность дали фронту в 1941–1942 гг. 3 млн. 696 тыс. гранат всех видов, 6 млн. 216 тыс. трассирующих снарядов, 329 тыс. противотанковых мин. Табачная фабрика «Дукат» произвела миллионы патронов к стрелковому оружию.

За годы войны был выполнен колоссальный объем капитального строительства. К началу 1945 года в восточных районах построили 10 доменных печей, 43 мартеновские и электроплавильные печи, 21 прокатный и трубный станы, 12 коксовых батарей, ввели в строй первые металлургические заводы в Казахстане и Узбекистане. Всего же двухмиллионная армия строителей возвела 3500 крупных предприятий и восстановила в освобожденных от оккупации регионах 7500 промышленных объектов.

В экономике страны наряду с потерями материальных ресурсов важнейшую проблему составляло обеспечение промышленности рабочей силой. Известно, что по состоянию на 22 июня 1941 г. в Красной Армии служило 4 млн. 827 тыс. человек. За 4 года войны мобилизовали 29 млн. 575 тыс. человек. Всего, таким образом, общее отвлечение людских ресурсов для фронта составило 34 млн. 402 тыс. человек. Если учесть, что, по данным переписи СССР 1939 г., в народном хозяйстве было занято 33,9 млн. рабочих, служащих и 29 млн. колхозников, то становится очевидным — экономика страны недосчиталась 60% самой трудоспособной части населения.

В первые полтора года в действующую армию было призвано 20,7 млн. человек, не менее 20% из которых составляли рабочие и служащие. Несмотря на массовое привлечение к работе женщин, подростков, пенсионеров, ветеранов, численность занятых в промышленности уменьшилась в 1942 г. по сравнению с 1940 г. в 1,5 раза — с 8,3 млн. до 5,5 млн. человек. Лишь в 1945 г. число работников на заводах и фабриках удалось довести до 7,2 млн. человек (86,7% от уровня 1940 года).

Центрами военного производства стали флагманы советской промышленности с их многоотраслевым производством, высококвалифицированными рабочими и научными коллективами — Москва, Ленинград, Тула, Ижевск, Куйбышев, Казань, Саратов, Сталинград, Свердловск, Новосибирск, Пермь, Омск, Ташкент, Челябинск. Эвакуированные из оккупированных областей предприятия дали толчок экономическому развитию восточных районов и восполнили потери 1941 г. в выпуске военной продукции. Трудности возрождения военной промышленности на новом месте существенно не сказались на эффективности ее работы и качестве выпускаемой продукции, несмотря на то, что иногда приходилось идти на упрощение конструкции отдельных образцов вооружения, замену материалов не в ущерб тактико-техническим характеристикам. Это позволило, в конечном итоге, снизить себестоимость, и поставить фронту сверх плана дополнительные средства ведения войны.

Авиационная промышленность, как и другие отрасли военной экономики, переживала бурный технический прогресс. Совершенствовалась технология, улучшалась организация процесса производства на предприятиях. Большой эффект давал поточный метод. Он позволял при меньших затратах труда, средств, материалов получать на одном и том же оборудовании намного больше продукции, чем раньше. Его введение на заводах и сопутствовавшая рационализация работы дали возможность снизить затраты на изготовление истребителя ЛА-5 более чем в 2,5 раза, а штурмовика ИЛ-2 — в 5 раз. Только за счет экономии от снижения себестоимости в 1943 г. было произведено 8790 самолетов, что равнялось почти четверти ежегодного объема выпуска.

Отечественные танкостроители впервые в мировой практике разработали и применили высокопроизводительный метод отливки крупных стальных деталей в металлических формах вместо песочных. Это вдвое снизило затраты на изготовление продукции. Намного ускорила весь процесс производства штамповка деталей, которой заменяли литье и ковку. Впервые была освоена, например, штамповка танковых башен. С апреля 1942 года по апрель 1944 года производительность труда в танковой промышленности поднялась на 40%. О результатах технического прогресса можно судить по такому красноречивому показателю, как среднегодовая выработка одного рабочего: в 1943 году она возросла по сравнению с довоенной на 75,7%.

Затраты на производство танков Т-34, КВ, самолетов ПЕ-2, пушек калибра 76 мм снизились в 1943 г. по сравнению с 1941 г. в 1,5–2 раза. Себестоимость производства боевой машины БМ-13 упала со 110 тыс. рублей в 1941 г. до 25 тыс. рублей в 1944 г., соответственно пикирующего бомбардировщика ПЕ-2 — 420 тыс. рублей и 265 тыс. рублей, танка Т-34 — 270 тыс. рублей и 135 тыс. рублей и пистолета-пулемета ПППШ — 500 рублей и 150 рублей.

Чтобы победить врага, ему надо нанести невосполнимое поражение. Для победы потребовалось остановить и разгромить 13-миллионную армию немецко-фашистских головорезов и их союзников, уничтожить 75 тыс. самолетов, 60 тыс. танков, более 300 тыс. орудий противника. И это сделали стрелки и снайперы, летчики-истребители и бомбардировщики, командиры орудий и наводчики пушек и танков, минеры и разведчики — в годы войны существовало более 200 боевых специальностей.

Подсчитано, что за 1941–1945 гг. Красная Армия израсходовала 10 млн. тонн боеприпасов, 16 млн. тонн горюче-смазочных материалов, 40 млн. тонн продовольствия и фуража, более 60 млн. пар шинелей, гимнастеров, шаровар. Советская военная промышленность с июля 1941 г. по сентябрь 1945 г. произвела для фронта: 104,4 тыс. танков и САУ — почти в 2,5 раза больше, чем фашистская Германия;

136,8 тыс. боевых самолетов — примерно в 1,5 раза больше; 482,2 тыс. орудий всех видов — в 1,5 раза больше; 351,8 тыс. минометов — почти в 5 раз больше; 1515,9 тыс. пулеметов — в 1,4 раза больше; 6173,9 тыс. пистолетов-пулеметов — в 5,6 раза больше; 12139,3 тыс. винтовок и карабинов; 775,6 млн. артиллерийских снарядов и мин, большое количество авиабомб, гранат, патронов и других боеприпасов.

Только Ульяновский патронный завод выпустил около 80% произведенных в стране патронов в годы Великой Отечественной войны. Каждый третий патрон для стрелкового оружия воюющей Красной Армии был выпущен на этом старейшем предприятии города.

Предприятиями текстильной промышленности Ульяновской области за годы войны было изготовлено 23 млн. 890 тысяч метров шинельного сукна и пошито свыше 4-х млн. шинелей. Это означало, что каждый четвертый красноармеец на фронте был одет в шинель, изготовленную и сшитую на текстильных фабриках Ульяновской области.

Из Харькова в 1941 г. в Ульяновск прибыли станки и специалисты электромеханического завода. На его базе был создан Ульяновский завод низковольтной аппаратуры «Контактор», который в короткие сроки начал выпускать электрооборудование для различных видов вооружения. В 1944 г. объем производства завода по сравнению с 1943 г. вырос в пять раз, а его рабочий коллектив увеличился в 14 раз. И это пример только одной области.

В течение всей войны шло яростное сопротивление конструкторов и инженеров Советского Союза и Германии в производстве новых образцов средств ведения вооруженной борьбы, особенно танков, самолетов, артиллерийских орудий, реактивных установок залпового огня. Анализ тактико-технических характеристик однотипных классов боевой техники убедительно свидетельствует, что в 1943 г. Красная Армия превосходила противника не только по количественным, но и по качественным показателям. При этом 80% более совершенных видов оружия было изобретено и произведено в период с 1941 по 1945 годы.

Благодаря своевременной модернизации экономики и превращения страны в единый военный лагерь, централизованному управлению народным хозяйством, единству фронта и тыла происходили значительные изменения в уровне оснащённости всех видов и родов войск.

В пехоте резко возросла доля автоматического оружия: с 4,2% в 1941 г. до 24,6% в 1945 г. Количество пистолетов-пулеметов возросло с 90 300 до 1 800 000 шт., т.е. почти в 18 раз, количество карабинов и винтовок сократилось в 1,5 раза.

В артиллерии появился новый род оружия — реактивные системы залпового огня («катюши»). За годы войны было произведено 11 000 пусковых

установок и 14 млн. ракет. За 6–7 секунд дивизион БМ-13 производил залп, состоящий из 192 снарядов, каждый весом 23 кг. Дальность стрельбы в ходе войны была увеличена с 5000 м до 11 800 м, а вес ракет различных калибров возрос — с 8 до 100 кг. Немцы в 1941 году панически бежали от огня нового оружия, оставляя позиции и бросая снаряжение. Германии так и не удалось приблизиться к нашим результатам в области конструирования и серийного производства реактивного вооружения. Также совершенствовалась ствольная и самоходная артиллерия. Фронт получил 57-, 76-, 85-, 100-мм противотанковые пушки, а также САУ калибра 76, 85, 100, 122 и 152 мм. К августу 1945 года количество самоходных установок составляло около 20% танкового парка. Благодаря новой технике, в Курской битве артиллеристы уничтожили 63% немецких танков. Летом 1943 г. советские войска превосходили противника в танках и САУ — в 1,6 раза, орудиях и минометах — почти в 2 раза.

СССР также обладал самой передовой на то время танковой промышленностью. Танковый парк Красной Армии был многочисленным и разнообразным, хотя преобладали легкие танки. В первом полугодии 1941 г. было выпущено 358 суперсовременных тяжелых танков КВ (Ленинград) и 1100 средних танков Т-34 (Харьков), которые стали полной неожиданностью для немецкого командования и танкистов.

Осенью 1943 года на вооружение РККА поступил новый тяжелый танк — ИС-2, созданный конструкторским бюро под руководством Героя Социалистического Труда Ж. Я. Котина, и вооруженный 122-мм пушкой Д-25Т. Это орудие позволяло боевой машине успешно сражаться с хвалеными немецкими «тиграми» и «пантерами». Экипажам «тигров» настоятельно не рекомендовалось в одиночку вступать в дуэльный бой с ИС-2. От удара его снаряда немецкий танк опрокидывало, либо срывало с него башню. Танковая промышленность развернула массовое производство этой боевой машины в начале 1944 года. По своим тактико-техническим характеристикам он превосходил не только немецкие, но и все зарубежные машины подобного класса. В результате модернизации также повысились боевые качества среднего танка Т-34-85. Он получил новую 85-мм пушку и более мощную броневую защиту. Примечательно, что известные слова об этой боевой машине, как лучшем танке в мире, принадлежат командующему 1-й танковой армией вермахта фельдмаршалу Эвальду фон Клейсту. Вряд ли гитлеровский генерал лукавил. Военная экономика страны обеспечивала выпуск значительного парка самоходных артиллерийских установок: СУ-76, ИСУ-100, ИСУ-122, ИСУ-152. В 1944 году производство танков и САУ увеличилось с 24000 до 29000. В 1945 г. соотношение легких, средних и тяжелых танков составляло 42,2/50,7/7,4%.

Анализируя экономику страны в период Великой Отечественной войны, нельзя не вспомнить о ленд-лизе. Некоторые западные исследователи открыто

говорят о том, что без помощи союзников, и в первую очередь — США, Советский Союз не смог бы победить Германию. Так ли это на самом деле?

Наша страна в первые месяцы войны потеряла наиболее развитые промышленные центры и сельскохозяйственные районы. Около 60 млн. граждан остались на оккупированных землях. Враг стоял под Москвой. Конечно же, в сложившихся катастрофических условиях помощь США, Великобритании и других стран оказалась весьма своевременной. Спасибо! Но не стоит забывать о том, что она оказывалась за наши деньги. Не одна тонна советского золота перекочевала в хранилища западных банков. Для не сведущих в экономике напомним — Россия до сих пор выплачивает долги по ленд-лизу. В 1972 г. в Вашингтоне состоялось подписание соглашения об урегулировании расчетов. СССР обязался до 2001 года заплатить 722 млн. долларов, включая проценты. В 1973 г. были осуществлены три платежа на общую сумму 48 млн. долларов, после чего дальнейшие выплаты прекратились. В июне 1990 г. СССР и США вернулись к обсуждению долга. Был установлен новый срок окончательного погашения задолженности — 2030 г., и сумма — 674 млн. долларов. Даже по нынешним временам достаточно внушительная цифра.

В отечественной историографии поставки по ленд-лизу традиционно оцениваются в 4% от общего объема советского производства вооружений и техники. Общая сумма помощи, по данным из разных источников, составляла от 10 до 11,3 млрд. долларов. Четверть всех поставок приходилась на долю продовольствия. Из США, Великобритании и Канады нам было поставлено 22 195 самолетов, 12 900 танков, 5000 орудий, 427 000 автомобилей различных классов, 2,6 млн. тонн нефтепродуктов (это 4,8% от потерянных в 1942 г. 54 млн. тонн нефти Кавказа), боеприпасы, порох и многие другие материальные ресурсы.

В процентном соотношении доля ленд-лиза выглядит следующим образом: стрелковое оружие — 0,65% от советского производства, танки — 12,3%, самолеты — 16,2%, артиллерийские орудия — 1,03%, автомобили — 208%, боевые корабли — 32,4%, радиолокационная аппаратура — свыше 80%, трактора — 20,6%, паровозы — 42,1%. Это оценка количественных показателей без учета качественных характеристик машин, их грузоподъемности, мощности двигателя, проходимости и т.д.

Можно сказать, что союзники в значительной мере механизировали Красную Армию, перевели ее на автомобильную тягу. За годы войны наша промышленность выпустила 205 тыс. автомобилей, из которых 150 тыс. были отправлены в действующую армию. Поэтому свыше 427 тыс. поставленных нам «фордов», «доджей» и «студебеккеров» во многом решили транспортную проблему на фронтах. Суммарные потери автомобилей достигли 352 тыс. единиц. «Студебеккер» послужил базой для принятой

на вооружение в апреле 1943 г. унифицированной установки БМ-13Н «Катюша» (индекс Н означал «нормализованный»), а также для 300-мм БМ-31-12 — самой мощной реактивной установки того времени, прозванной на фронте «андрюшей».

1943 год стал самым тяжелым для важнейшей отрасли экономики — сельского хозяйства СССР. Армия освободила огромные территории, на которых проживали миллионы людей. Их необходимо было кормить. Между тем хозяйства этих земель были совершенно разорены нацистами. Положение осложнила засуха в районах Сибири, Поволжья и Северного Кавказа. В стране разразился острый продовольственный кризис. Поэтому продовольственные поставки с июля 1943 г. по июль 1944 г. потеснили металлы и даже отдельные виды вооружений. Предпочтение при этом было отдано продуктам, содержащим большое количество белков и жиров. В СССР было направлено 25% всей производимой в США свинины. На американскую же армию оставалось лишь 14%. Кроме того, Советский Союз был единственной страной, получавшей помощь по ленд-лизу, куда США согласились ввезти животное масло, что в свою очередь привело к его резкому удорожанию на американском рынке. Оно предназначалось для выздоравливающих в госпиталях солдат и офицеров. В медицинские учреждения направлялись фруктовые соки, консервированные, сухие и свежие фрукты, овощи, орехи. Высоковитаминизированная добавка в рацион стала для многих фронтовиков спасением от цинги.

Всего США, Великобританией и Канадой было отгружено в СССР с 22 июня 1941 г. по 20 сентября 1945 г. 4 915 818 нетто-тонн продовольствия, суммарная калорийность которого составила около 67 502 474,4 млн. ккал. Если считать средней нормой для бойца действующей армии 4000 килокалорий в сутки, то несложно посчитать число дней, в течение которых союзники могли обеспечить продовольственное снабжение Красной Армии. Продовольствия, поставленного в СССР по ленд-лизу, хватило бы для обеспечения армии численностью 10 млн. человек в течение 1688 суток. При этом, всё же не стоит забывать, что эта армия непрерывно воевала и по законам вооружённой борьбы, несмотря на приближающуюся победу, несла значительные потери.

Одной из проблем ленд-лиза была ритмичность поставок. 1941 год — самый трудный — ушел на переговоры и соглашения. 1942 год стал годом «прокладки» путей доставки грузов. Основные же поставки пришлось на 1943–1944 годы.

Взаимоотношения Советского Союза и союзников по антигитлеровской коалиции нельзя назвать безоблачными. Но мы воевали вместе, вместе погибали. Однако уже сама по себе постановка вопроса, что нам боевая техника дается только в долг, может кому-то показаться некорректной. Все это так. Но основную тяжесть боев на советско-германском фронте

вынесла отечественная, и как признавали наши враги, лучшая по своим характеристикам техника. Об этом нельзя забывать и по другую сторону океана!

Полезно помнить, что от некоторых стран в течение всей Великой Отечественной войны постоянно поступала бескорыстная помощь. 13 января 1942 года жители Монголии собрали 2,5 млн. тугриков, 100 тысяч долларов и 300 кг золота. На эти средства была построена танковая колонна «Революционная Монголия», которая на безвозмездной основе была передана сражающейся Красной Армии. 44-я гвардейская танковая бригада имени Сухэ-Батора прошла с боями до Берлина, была удостоена 8 боевых орденов и затем в течение 50 лет несла боевое дежурство в составе группы советских войск в Германии. Ныне 44-й, гвардейский танковый полк имени Сухэ-Батора дислоцируется в городе Владимире.

Советский Союз внёс решающий вклад в победу над фашизмом, и это доказано убедительными фактами.

Из 782 дивизий гитлеровской Германии и ее сателлитов, разбитых в ходе Второй мировой войны, 607 (из которых 506 — немецкие) приходятся на долю Красной Армии и лишь 175 — на долю наших союзников.

Советский Союз понес огромные людские потери и колоссальный материальный ущерб. На полях сражений, во вражеском тылу и на оккупированных территориях погибло свыше 27 млн. соотечественников — наших дедов, прадедов, отцов, братьев, сестер, мужей, жен и детей. Потери действующей армии — 8 668 400 человек. Наш противник — Германия, недосчиталась 13,6 млн., в том числе — 5,5 млн. военнослужащих, а вместе с ее союзниками — 6,7 млн. человек. Великобритания потеряла (вместе с ранеными) 1,246 млн. человек, США — 1,069 млн. военнослужащих. Всего в ходе Второй мировой войны было убито свыше 50 млн. людей, ранено и искалечено — 60 млн. Не будь войны, на территории СССР в 1946 г. проживало бы 213 млн. человек, а в действительности оказалось 167 млн., т.е. на 46 млн. меньше! Таковы демографические последствия войны.

В 1945 г. Германия оказалась полностью разгромленной. Ее вооруженные силы перестали существовать. СССР вышел из войны окрепшим и закаленным. Вооруженные Силы Советского Союза в 1945 г. насчитывали около 12 млн. человек. На их вооружении было 35 200 танков и САУ — в 1,6 раза больше, чем на 22 июня 1941 г., 47 300 боевых самолетов — в 2,4 раза больше, чем в 1941 г., 321 500 орудий и минометов — в 2,9 раза больше, чем в 1941 году.

Материальный ущерб, нанесенный войной, был огромен. Для всех участников битв и сражений он оценивался в 316 млрд. долларов (по курсу 1939 г.), что в 11,3 раза превосходит соответствующий показатель Первой мировой. Из этой суммы 40,5%, т.е. 128 млрд. долларов, приходится на СССР. Экономический урон Германии — 48 млрд. долларов, т.е. 12,8%. На долю

США пришлось 0,4% потерь материальных ценностей. Общий ущерб (прямой и косвенный) Советского Союза в довоенных ценах оценивается в 2,6 трлн. рублей. Это в 14 раз превышает доходы государственного бюджета СССР за предвоенный 1941 год.

Доля национального дохода, израсходованного в 1941–1945 гг., составляла в среднем 40–66%: США — 43,4%, Великобритания — 55,7%, Германия — 67,8%, Япония — 49,7% и СССР — 55%. При этом нельзя не учесть, что СССР, кроме расходов на войну, потерял 30% национального богатства, а Польша — даже 40%.

СССР как наиболее пострадавшему от войны на Ялтинской (февраль 1945 г.) и Потсдамской (июль 1945 г.) конференциях решением глав государств-победителей — СССР, США и Великобритании (И. В. Сталин, Ф. Д. Рузвельт, У. С. Черчилль) — было выделено 50% репараций — 10 млрд. долларов (из 20 млрд.). Советский Союз вывез к себе 4389 промышленных предприятий из Германии, Польши (немецкой Силезии), Австрии, Чехословакии, Венгрии. Трофейный военный (452 корабля) и торговый (639 кораблей) флот Германии был разделен поровну между союзниками. СССР получил 155 боевых кораблей, а также причитающуюся ему часть судов Италии (из общего числа 163).

В каком состоянии наша страна закончила величайшую и самую страшную войну в истории человечества, каковы были ее возможности для последующего развития? Несмотря на большие разрушения и потери, Советский Союз вышел из сражений более мощным как в экономическом, так и в военном отношении. Золотой запас СССР в 1945 г. составлял 2500 тонн. Напряженным трудом народа уже в 1948 г. был восстановлен довоенный уровень промышленного производства, произошло техническое перевооружение промышленности, в том числе, за счет ввоза иностранного оборудования. В первой послевоенной пятилетке (1946–1950 гг.) довоенный уровень производства был превышен на 73%.

СССР сумел в экстремальных условиях, сложившихся в 1941 г., перестроить свое народное хозяйство в соответствии с потребностями войны фактически в течение одного года. Этому способствовала своевременно проведенная в предвоенные годы модернизация промышленности, перевод на новую техническую базу важнейших отраслей экономики и формирование эффективного кадрового потенциала. В 1944 г. мы имели все основания считать, что экономическая победа достигнута: бюджет стал бездефицитным, военное производство уменьшалось в объеме, часть военной продукции отправлялась на Дальний Восток, началась разработка финансовой реформы в расчете на послевоенное время.

К концу войны СССР добился двойного превосходства над Германией по выпуску вооружения и военной техники. Германия затратила на полную подготовку к боевым действиям четыре года. США и Англия сумели развернуть достаточное для проведения полномасштабных операций военное производство лишь к 1944 г., (т.е. за четыре года). Франция, Польша, Чехословакия, Бельгия, Голландия, Норвегия и другие развитые в промышленном отношении страны даже и не пытались оказать вполне возможное по материальным ресурсам сопротивление агрессору.

Главным уроком в войне с фашизмом явилось то что, экономическая победа СССР над Германией и ее сателлитами, как и военная, достигнута исключительно при опоре на собственные силы, благодаря своевременно проведенной модернизации и техническому перевооружению промышленности и Вооружённых Сил и превращению за короткое время страны в единый военный лагерь. Важнейшим условием бесперебойного и эффективного функционирования экономики Победы явилась величайшая дружба и единство народов СССР — факта, который трудно оспорить.

Русская Православная Церковь в годы войны

Ю. В. Кудрина*

В годы войны произошли значительные изменения в отношениях Советского правительства и Русской Православной церкви. Великая Отечественная война вызвала в стране рост религиозных настроений. В первый же день войны местоблюститель Патриаршего престола Митрополит Московский и Коломенский Сергей (Страгородский) обратился к пастырям и верующим Русской Православной церкви с призывом встать на защиту Родины и сделать все необходимое, чтобы остановить агрессию врага. Митрополит подчеркнул, что в начавшейся схватке с фашизмом Церковь на стороне Советского государства. «Православная наша церковь, — сказал он, — всегда разделяла судьбу народа... Не оставляйте народа своего и теперь. Благословляет она всех православных на защиту священных границ нашей Родины».

Пасторские послания были разосланы во все церковные приходы. Подавляющее большинство священнослужителей со своих кафедр призывало народ к самопожертвованию и сопротивлению захватчикам.

Церковь начала сбор денежных средств, необходимых на вооружение армии, поддержку раненых, больных, сирот. Благодаря собранным церковью средств были построены самолеты для танковой колонны «Дмитрий Донской» и эскадрильи «Александр Невский»

Вскоре после вторжения гитлеровских войск на территорию Советского Союза Главное управление имперской безопасности Германии издало специальные директивы, разрешавшие открывать на занятых территориях церковные приходы.

В специальном обращении отца Сергея к верующим, оставшимся на захваченной врагом территории, содержался призыв — не верить немецкой пропаганде, утверждавшей, что армия вермахта вступила на

территорию Советского Союза во имя освобождения церкви от безбожников.

В Русской православной церкви за рубежом нападение Германии на Советский союз было воспринято по-разному. Зарубежная Церковь в течение долгого времени не выражала своего отношения к войне. Однако гитлеровское руководство не смогло добиться от главы Русской зарубежной церкви Митрополита Анастасия (Грибановского) обращения к русскому народу о содействии немецкой армии. Многие иерархи Зарубежной Церкви заняли в годы войны антигерманскую позицию. Среди них был Шанхайский Иоанн (Максимович), совершавший денежные сборы на нужды Красной Армии, и архиепископ Серафим (Соболев), запрещавший эмигрантам сражаться против России.

Находившийся в Америке митрополит Вениамин, проводивший огромную патриотическую работу среди русской колонии в Америке, в конце 1941 г. стал почетным председателем русско-американского «Комитета помощи России».

Многие деятели Русской Православной церкви приняли активное участие в европейском движении Сопротивление. Другие принесли посильный вклад в дело всесторонней помощи Советскому Союзу в таких странах, как США и Канада, Китай и Аргентина.

Угроза фашистского нашествия, позиция церкви, объявившей войну против Германии «священной» и поддерживавшей Советскую власть в борьбе с врагом, заставили руководителей Советского государства изменить свое отношение к Церкви. В сентябре 1941 г. была прекращена деятельность «Союза воинствующих безбожников» (возник в 1925 г.), закрыты антирелигиозные и периодические издания. В 1942 г. митрополиты Алексей (Симанский) и Николай были приглашены к участию в Комиссии по расследованию злодеяний фашистов.

* Юлия Викторовна Кудрина — старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, кандидат исторических наук.

4 сентября 1943 г. три высших иерарха Русской Церкви во главе с митрополитом Сергием были приглашены главой Советского государства И. В. Сталиным в Кремль.

Встреча свидетельствовала о начале нового этапа в отношениях государственной власти и Церкви.

На упомянутой встрече было принято решение о созыве Архиерейского собора и возвращении из ссылки оставшихся в живых архиереев. Архиерейский собор состоялся 8 сентября 1943 г. В нем приняло участие 19 архиереев (некоторые из них для этого были освобождены из заключения). Собор утвердил митрополита Сергия на посту патриарха. В октябре 1943 г. был создан Совет по делам религии при Правительстве СССР.

28 ноября 1943 г. было издано Постановление СНК СССР «О порядке открытия церквей». Согласно этому постановлению, в стране начали открываться храмы. Если в 1939 г. в СССР действовало чуть более 100 храмов, и было четыре действующих монастыря, то к 1948 г. число открытых храмов было равно 14,5 тыс., в которых служили 13 тысяч священнослужителей. Число монастырей возросло до 85 (к 1938 г. не было ни одного). Наблюдался и рост духовных учебных заведений — 8 семинарий и 2 академии. Стал выходить «Журнал Московской Патриархии», было осуществлено издание Библии, молитвословов и др. церковной литературы.

С 1943 г. главным храмом страны после разрушения Храма Христа Спасителя стал Елоховский Богоявленский собор, где находилась кафедра патриарха.

После смерти 15 мая 1944 г. патриарха Сергия местоблюстителем Престола согласно завещанию стал митрополит Ленинградский и Новгородский — Алексей.

31 января — 2 февраля 1945 г. состоялся Первый Поместный собор Русской Церкви. В соборе, помимо архиереев Русской Церкви, приняли участие патриархи — Александрийский и Антиохийский, представители других поместных православных церквей. В утвержденном на Соборе «Положении о Русской Православной Церкви» была определена структура

Церкви, а также был избран новый Патриарх. Им стал митрополит Ленинградский — Алексей (Симанский).

Одной из приоритетных направлений его деятельности было развитие международных связей с православными церквями. Были урегулированы конфликты между Болгарской и Константинопольской Церковью.

К Русской Православной Церкви присоединились многие сторонники Заграничной Церкви, т.н. обновленцы и григорьевцы, были восстановлены отношения с Грузинской Православной Церковью, в епархиях, на освобожденных от оккупации в церквях клир был очищен от пособников фашистов. В августе 1945 г. согласно указу властей церковь получила право приобретать здания и предметы культа.

С большим воодушевлением в церковной среде Русской Православной Церкви в СССР и за рубежом были восприняты указы Президиума Верховного Совета СССР 1946–1947 гг. о праве предоставления советского гражданства гражданам Российской Империи, проживавшим за рубежом. Митрополит Евлогий был первым из русских эмигрантов, получивший советский паспорт.

После долгих лет эмиграции в СССР вернулись многие архиереи и священники. Среди них были митрополит Саратовский — Вениамин, прибывший из США, митрополит Серафим, митрополит Новосибирский и Барнаульский — Нестор, архиепископ Краснодарский и Кубанский — Виктор, архиепископ Ижевский и Удмуртский — Ювеналий, епископ Вологодский — Гавриил, прибывший из Китая, архимандрит Мстислав, прибывший из ФРГ, настоятель Собора в Херсоне, протоиерей Борис Старк (прибывший из Франции), протопресвитер Михаил Рогожин (прибывший из Австралии) и многие другие.

Как показали годы Великой Отечественной войны, религия, содержащая в себе огромный духовный и нравственный потенциал, который она сохранила до наших дней, являвшаяся основной хранительницей религиозной культуры русского народа, помогли русским людям выдержать агрессию нацистских сил, и одержать над ними победу.

Репатриация перемещённых советских граждан

В. Н. Земсков*

Вопрос о возвращении на Родину советских военнопленных, насильно угнанных в Германию граждан СССР, и беженцев является одним из наименее изученных в исторической литературе. Вплоть до конца 1980-х гг. документация по этому вопросу в нашей стране была засекречена. Отсутствие источниковой базы и, соответственно, объективной информации породило вокруг него много мифов. Это относится к ряду публикаций, издававшихся как на Западе, так и в нашей стране. Нередко можно встретить тенденциозный подбор фактов и предвзятое их толкование.

В настоящее время исследователи получили доступ к ранее закрытым источникам, среди которых особое место занимает документация образованного в октябре 1944 г. Управления уполномоченного Совета Народных Комиссаров (Совета Министров) СССР по делам репатриации (это ведомство возглавлял генерал-полковник Ф. И. Голиков, бывший руководитель военной разведки). Эти материалы и послужили основным источником для автора. Кроме того, использованы документы Государственного Комитета Обороны (ГКО), Управления делами СНК (Совета Министров) СССР, Секретариата НКВД/МВД СССР, ГУЛАГа, Отдела проверочно-фильтрационных лагерей НКВД СССР, Отдела спецпоселений НКВД/МВД СССР, 9-го управления МГБ СССР, Главного управления по борьбе с бандитизмом НКВД/МВД СССР.

Первой научной публикацией, основанной на материалах ранее закрытых архивных фондов, стала вышедшая в 1990 г. моя статья в журнале «История СССР». В последующие годы мной опубликован еще ряд статей. Активно подключились к изучению этой проблемы и другие исследователи — вышли в свет монография П. М. Поляна, статьи А. А. Шевякова и др. В освещении проблемы репатриации советских перемещённых лиц многое зависит от ее

видения самими авторами. Например, А. А. Шевяков и П. М. Полян в концептуальном плане являются антиподами: у первого присутствует апологетика политики руководства СССР, второй, напротив, склонен квалифицировать обязательную репатриацию как гуманитарное преступление. Шевяков рассматривает проблему с позиций советского государственника, а Полян — больше с позиций правозащитника. Оба критически относятся к политике англичан и американцев в этом вопросе, но с диаметрально противоположных позиций: Полян считает, что они слишком много передали советским властям перемещённых лиц, которые не хотели возвращаться в СССР; по мнению Шевякова, англо-американцы не всех таковых выдали и тем самым допустили образование новой антисоветской эмиграции.

С моей же точки зрения, хотя во всей истории с репатриацией советских перемещённых лиц имели место элементы и насилия, и нарушения прав человека, и гуманитарного преступления, все же во главу угла следует поставить совсем другое. В своей основе, несмотря на все издержки, это была естественная и волнующая эпопея обретения Родины миллионами людей, насильственно лишенных ее чужеземными завоевателями.

Рассматриваемая проблема является сложной и противоречивой. Она имеет много аспектов, и осветить все их в рамках одной статьи невозможно даже в самой лаконичной форме. Поэтому остановимся на главных.

Ведомство, возглавляемое Ф. И. Голиковым, установило, что к концу войны осталось в живых около 5 млн. советских граждан, оказавшихся за пределами Родины, из них свыше 3 млн. находились в зоне действия союзников (Западная Германия, Франция, Италия и др.) и менее 2 млн. — в зоне действия Красной Армии за границей (Восточная

* Виктор Николаевич Земсков — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

Германия, Польша, Чехословакия и другие страны). Большинство из них составляли «восточные рабочие» («остарбайтер»), т.е. советское гражданское население, угнанное на принудительные работы в Германию и другие страны¹. Уцелело также примерно 1,7 млн. военнопленных, включая поступивших на военную или полицейскую службу к противнику². Сюда же входили сотни тысяч отступивших с немцами из СССР их пособников и всякого рода беженцев (часто с семьями)³.

Из документов ведомства Ф. И. Голикова можно заключить, что осенью 1944 г. советское руководство было обеспокоено сообщениями из англо-американских источников о том, что большинство советских военнопленных будто бы враждебно настроено к Советскому правительству и не желает возвращаться в Советский Союз. Достоверность этой информации была сомнительной. В дальнейшем из различных источников, в том числе по линии внешней и военной разведок, были получены подтверждения, что основная масса советских военнопленных и интернированных гражданских лиц желает возвратиться на Родину, несмотря на идеологическую обработку со стороны геббельсовской и власовской пропаганды. Ей не удалось привить чувство ненависти ни к советской власти, ни к англо-американским «плутократам». В среде находившихся в неволе советских граждан с удовлетворением воспринимались известия о победах Красной Армии и англо-американских войск. В то же время этих людей беспокоила вероятность того, что в случае возвращения в СССР у них могут быть неприятности по фактам расследования жизни и деятельности за границей, обстоятельств сдачи в плен и т.д. Но больше всего их волновала другая проблема: зная о негативном и подозрительном отношении Советского правительства к людям, побывавшим за рубежом, они сомневались, что им разрешат вернуться на Родину.

Практика показала, что эти опасения оказались напрасными. Советское правительство было заинтересовано в возвращении перемещенных лиц, причем всех без исключения, невзирая на желание части этих людей остаться на Западе. Репатриация была обязательной, о чем Сталин, Рузвельт и Черчилль договорились в Ялте на встрече в феврале 1945 года. Это дало повод называть в различных публикациях советских перемещенных лиц «жертвами Ялты», а Рузвельта и Черчилля — соучастниками «преступника» Сталина. Но ведь тогда не вызывало никаких сомнений, что если кто и будет уклоняться от репатриации, то это прежде всего коллаборационисты. До осени 1945 г. настроение в английском и американском обществе было таково, что любой политик, покрывающий коллаборационистов (петэновцев, квислингговцев, власовцев и т.п.), сильно рисковал своей репутацией. Черчилль и Рузвельт просто не могли поступить иначе.

Однако со временем отношения между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции стали охлаждаться. Советские перемещенные лица, желающие найти убежище на Западе, постепенно трансформировались в сознании англичан и американцев из «квислингговцев» в «борцов против коммунизма». Руководители западных стран получили возможность, не рискуя вызвать гнев общественности, предоставлять им статус политических беженцев.

В СССР и на Западе были противоположные представления о праве человека на свободу выбора подданства. Если в США и Великобритании это право, безусловно, признавалось и было зафиксировано в законодательстве, то по законам СССР (что было внедрено в сознание населения) стремление сменить подданство или выражение эмигрантских настроений входило в перечень политических преступлений (ст. 58 тогдашнего Уголовного кодекса РСФСР) вкупе со шпионажем, антисоветскими заговорами, вредительством, контрреволюционной агитацией и т.д. Естественный в западном мире подход к этой проблеме расценивался политическим руководством СССР как чуждый, враждебный и даже непонятный. Это было одним из следствий сложившегося в СССР политического режима, закрытости страны («железный занавес»). И в законодательстве СССР, и в общественном сознании его граждан трансформация понятия «свобода выбора страны обитания» из политического преступления в неотъемлемое право человека произошла только в конце 1980 — начале 1990-х годов. И не случайно эта трансформация шла одновременно с кризисом тоталитаризма, рождением многопартийной системы и интеграцией в мировое сообщество.

Безусловно, идя навстречу до осени 1945 г. советской стороне в вопросе об обязательной репатриации, англо-американское руководство преследовало и ряд своих практических целей. В частности, оно хотело, чтобы СССР вступил на их стороне в войну с Японией, и старалось лишней раз не раздражать Сталина, в том числе и в отношении советских перемещенных лиц. К тому же оно стремилось не давать повод Советскому Союзу для задержки у себя американских и английских военнослужащих, освобожденных из немецкого плена Красной Армией⁴. Это были весьма веские причины, чтобы временно поступиться собственными принципами.

Обязательность репатриации не следует понимать так, что чуть ли не все советские граждане были возвращены в СССР вопреки их желанию. Опираясь на многочисленные свидетельства (в частности, на такой массовый источник, как опросные листы и объяснительные записки репатриантов, а также донесения агентов и осведомителей НКВД о настроениях в лагерях перемещенных лиц), можно смело утверждать, что не менее 80% «восточников», т.е. жителей СССР в границах до 17 сентября 1939 г., в случае добровольности репатриации

все равно возвратились бы в СССР. Что касается «западников», т.е. жителей Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии, Правобережной Молдавии и Северной Буковины, то они существенно отличались от «восточников» по менталитету, морально-психологическому настрою, политическим и ценностным ориентирам, и в их среде действительно преобладали невозвращенцы. Те из них, кто оказался в зоне действий Красной Армии, были насильственно возвращены в СССР. «Западников», оказавшихся в западных зонах, англо-американцы с самого начала освободили от обязательной репатриации: они передали советским властям только тех из них, которые сами этого хотели⁵.

Во время войны с Германией и в первые месяцы после ее окончания англо-американцы насильственно передавали Советскому Союзу «восточников»-невозвращенцев (преимущественно коллаборационистов), но с сентября–октября 1945 г. стали распространять принцип добровольности репатриации и на «восточников», окончательно следуя ему с началом холодной войны⁶.

По нашему мнению, если бы репатриация была добровольной, то численность советских граждан, не возвратившихся в СССР, составила бы не около 0,5 млн., а вероятно, вряд ли больше 1 млн. человек.

Следует отметить, что почти 0,5 млн. — это предельно допустимая норма выходцев из СССР, которых Запад мог тогда принять у себя. Многократное превышение этой нормы было чревато серьезными социальными эксцессами в западном мире, чего руководители ведущих западных стран допустить не могли. Нельзя забывать, что Запад создавал свою цивилизацию для себя, а не для тех, кто проживал в чужом для него геополитическом пространстве, называвшемся тогда Советским Союзом. Выходцы из СССР к тому же рассматривались как лица, воспитывавшиеся в духе советской идеологии, и потому считались человеческим материалом, недостаточно пригодным для ассимиляции в западном мире. Еще в конце 1940-х годов в лагерях для перемещенных лиц в Германии, Австрии и в других странах продолжали находиться тысячи бывших подданных СССР, которые не могли устроить свою жизнь на Западе. Их отказывались принять даже такие страны, в которых имелся резервный земельный фонд для дополнительного расселения (Канада, Австралия, Аргентина и другие). По нашему мнению, возвращение перемещенных лиц в СССР, пусть даже посредством насильственной репатриации, было наилучшим для них выходом. В противном случае Западу пришлось бы избавляться от советских перемещенных лиц каким-то иным способом. Хотя обязательность репатриации и представляла собой нарушение такого права человека, как свобода выбора страны обитания, но без этого практически невозможно было обойтись даже при каком-то ином решении проблемы советских перемещенных лиц.

Массовая передача союзниками весной и летом 1945 г. советских граждан-«восточников» отнюдь не означала, что они никого из них не оставляли у себя. Уже в августе 1945 г. Управление уполномоченного СНК СССР по делам репатриации располагало сведениями, что в лагерях перемещенных лиц американские и английские службы развернули «охоту за умами». Из числа «восточников» отбирались профессора, доценты, доктора и кандидаты наук, конструкторы, технологи, инженеры и другие специалисты, с которыми велась определенная работа с целью склонить их к отказу от возвращения в СССР. Это происходило одновременно с насильственной передачей в руки НКВД власовцев, национальных легионеров и других, которые в массе своей имели начальное или неполное среднее школьное образование и, следовательно, были не способны усилить интеллектуальный потенциал западного мира.

Репатриация была обязательной только для советских граждан⁷. На всех прочих лиц российского происхождения (белогвардейцы и другие) она не распространялась. В основном это правило соблюдалось, но имели место и исключения. Самым значительным из них была выдача англичанами Советскому Союзу казачьей армии атамана Краснова, состоявшей преимущественно из белогвардейцев. Эти казаки по целому ряду параметров подпадали под категорию репатриантов, подлежащих аресту и суду, в частности за участие в карательных экспедициях на территории СССР, Югославии и Италии⁸.

В начале ноября 1944 г. Ф. И. Голиков дал интервью корреспонденту ТАСС, в котором была изложена политика Советского правительства по вопросам репатриации советских граждан. В нем, в частности, говорилось:

«...Люди, враждебно настроенные к Советскому государству, пытаются обманом, провокацией и т.п. отравить сознание наших граждан и заставить их поверить чудовищной лжи, будто бы Советская Родина забыла их, отеклась от них и не считает их больше советскими гражданами. Эти люди запугивают наших соотечественников тем, что в случае возвращения их на Родину они будто бы подвергнутся репрессиям. Излишне опровергать такие нелепости. Советская страна помнит и заботится о своих гражданах, попавших в немецкое рабство. Они будут приняты дома, как сыны Родины. В советских кругах считают, что даже те из советских граждан, которые под германским насилием и террором совершили действия, противные интересам СССР, не будут привлечены к ответственности, если они станут честно выполнять свой долг по возвращении на Родину».

Интервью Ф. И. Голикова впоследствии использовалось как официальное обращение правительства СССР к военнопленным и интернированным гражданам. Оно с удовлетворением воспринималось перемещенными лицами, хотя полностью не устраняло мучивших их мыслей. В частности,

не было ясности в вопросе о вине военнопленных за то, что они попали в плен. Хотя привлечение к уголовной ответственности за это не было отменено, но на практике применялось очень редко. Окончательно эта проблема была решена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 июля 1945 г. «Об амнистии в связи с победой над гитлеровской Германией». В соответствии с этим Указом военнослужащие объявлялись неподсудными, если оказывались в плену⁹.

Несостоятельна легенда о том, что почти все репатрианты якобы были репрессированы. Мы признаем, что судьба десятков тысяч советских перемещенных лиц (особенно офицеров) сложилась трагически. Однако большинство репатриантов избежало арестов. Даже многие прямые пособники фашистов были удивлены тем, что в СССР с ними обошлись далеко не так жестоко, как они ожидали.

Приведем характерный пример. Летом 1944 г. при наступлении англо-американских войск во Франции к ним попадало в плен большое количество немецких солдат и офицеров, которых обычно направляли в лагеря на территории Англии. Вскоре выяснилось, что часть этих пленных не понимает по-немецки и что это, оказывается, бывшие советские военнослужащие, попавшие в немецкий плен и поступившие затем на службу в немецкую армию. По статье 193 тогдашнего Уголовного кодекса РСФСР за переход военнослужащих на сторону противника в военное время предусматривалось только одно наказание — смертная казнь с конфискацией имущества. Англичане знали об этом, тем не менее поставили в известность Москву об этих лицах и попросили забрать их в СССР. 31 октября 1944 г. 9907 репатриантов на двух английских кораблях были направлены в Мурманск, куда они прибыли 6 ноября. Среди них высказывались предположения, что их расстреляют сразу же на мурманской пристани. Однако официальные представители объяснили, что Советское правительство их простило и что они не только не будут расстреляны, но и вообще освобождаются от привлечения к уголовной ответственности за измену Родине. Больше года эти люди проходили проверку в спецлагере НКВД, а затем были направлены на 6-летнее спецпоселение. В 1952 г. большинство из них было освобождено, причем в их анкетах не значилось никакой судимости, а время работы на спецпоселении было зачтено в трудовой стаж.

Советское руководство беспокоило сам факт наличия в руках союзников большого количества советских граждан. Еще сильнее оно опасалось того, что англичане и американцы могут предоставить им (или какой-то их части) статус политических беженцев и, хуже того, использовать впоследствии в антисоветских целях. Исходя из этого, а также чтобы перемещенные лица не боялись возвращения в СССР, советское руководство (во многом

вразрез со своими прежними принципами) пошло на значительную либерализацию своей политики в отношении военнопленных и интернированных гражданских лиц, вплоть до обещания непривлечения к уголовной ответственности тех из них, кто поступил на военную службу к противнику¹⁰. При этом подразумевалось, что эти последние совершили действия, противные интересам СССР, в результате германского насилия и террора. Это относилось и к упомянутым выше лицам, прибывшим 6 ноября 1944 г. в Мурманск, так как было известно, что они в массе своей поступили на военную службу к противнику, не выдержав пытки голодом и жестокого режима в гитлеровских лагерях.

Основная масса репатриантов проходила проверку и фильтрацию во фронтовых и армейских лагерях и сборно-пересыльных пунктах (СПП) Наркомата обороны (НКО) и проверочно-фильтрационных пунктах (ПФП) НКВД, часть военнопленных — в запасных воинских частях. Выявленные преступные элементы и «внушавшие подозрение» обычно направлялись для более тщательной проверки в спецлагеря НКВД, переименованные в феврале 1945 г. в проверочно-фильтрационные лагеря (ПФЛ) НКВД, а также в исправительно-трудовые лагеря (ИТЛ) ГУЛАГа. Лица, проходившие проверку и фильтрацию в лагерях, СПП и запасных частях НКО и ПФП НКВД, в отличие от направленных в ПФЛ и ИТЛ, не являлись спецконтингентом НКВД. Большинство репатриантов, переданных в распоряжение НКВД (спецконтингент¹¹), составляли лица, запятнавшие себя прямым сотрудничеством с чужеземными завоевателями и подлежащие по закону за переход на сторону противника в военное время самому суровому наказанию, вплоть до смертной казни. Однако на практике их чаще направляли на спецпоселение на 6 лет и не привлекали к уголовной ответственности.

Согласно инструкциям, имевшимся у начальников ПФЛ и других проверочных органов, из числа репатриантов подлежали аресту и суду следующие лица: руководящий и командный состав органов полиции, «народной стражи», «народной милиции», «русской освободительной армии», национальных легионов и других подобных организаций; рядовые полицейские и рядовые участники перечисленных организаций, принимавшие участие в карательных экспедициях или проявлявшие активность при исполнении обязанностей; бывшие военнослужащие Красной Армии, добровольно перешедшие на сторону противника; бургомистры, крупные фашистские чиновники, сотрудники гестапо и других немецких карательных и разведывательных органов; сельские старосты, являвшиеся активными пособниками оккупантов.

22 мая 1945 г. ГКО принял постановление, устанавливавшее 10-дневный срок регистрации и проверки гражданских репатриантов и отправки

их по месту жительства. Практика показала, что этот срок оказался нереальным, и они находились в лагерях и СПП, как правило, 1–2 месяца и даже дольше. К 30 мая 1945 г. лагеря и СПП могли вмещать в общей сложности до 1,3 млн. человек. Никакой разницы между лагерями и СПП не было. В данном случае термин «лагерь» означал не место заключения, а *сборный пункт*, равно как и СПП. Большинство этих сборных пунктов находилось за границей (в Германии, Австрии, Польше, Румынии и других странах).

Создание сети лагерей и СПП диктовалось не только необходимостью тщательной проверки перемещенных лиц и выявлением в их среде преступных элементов, но и рядом других причин. Сосредоточение в сборных пунктах распыленных чуть ли не по всей Европе масс перемещенных лиц значительно облегчало задачу поставки их на централизованное продовольственное снабжение (репатрианты от момента поступления в лагерь и СПП до прибытия на место жительства получали паек, соответствующий нормам питания личного состава тыловых частей Красной Армии).

До августа 1945 г. часть репатриантов проживала на частных квартирах вблизи СПП и лагерей, но характер их взаимоотношений с местными жителями вынудил направить их в лагерь и СПП, дабы уберечь от соблазна устраивать самосуды над местным немецким, австрийским и другим населением. С медицинской точки зрения предварительная изоляция репатриантов перед отправкой в СССР была совершенно необходима, так как в их среде были распространены различные инфекционные заболевания, причем удручающе много было зараженных гонореей и сифилисом. В лагерях и СПП работало достаточное количество венерологов, гинекологов, терапевтов и других специалистов. В числе главных причин создания сети сборных пунктов в виде лагерей и СПП было стремление придать процессу репатриации организованные формы, не допустить анархии в этом деле.

По статистике ведомства Ф. И. Голикова, к 1 марта 1946 г. было репатрировано 5 352 963 советских гражданина (3 527 189 гражданских и 1 825 774 военнопленных). Однако из этого числа следует вычесть 1 153 475 человек (867 176 гражданских и 286 299 военнопленных), которые фактически не являлись репатриантами, так как не были за границей¹². Их правильнее называть внутренними перемещенными лицами (имеется в виду перемещение внутри СССР). Среди них преобладали «восточники», которых во время войны по разным причинам судьба забросила в Прибалтику, Западную Украину, Западную Белоруссию и другие западные районы СССР. 831 951 внутреннее перемещенное лицо (165 644 мужчины, 353 043 женщины и 313 264 детей) было направлено к месту жительства (831 635 гражданских и 316 военнопленных), 254 773 — призвано

в армию (26 705 гражданских и 228 068 военнопленных) и 66 751 — спецконтингент НКВД (8836 гражданских и 57 915 военнопленных).

Надо сказать, что в период немецкой оккупации внутренние перемещенные лица являлись объектом безжалостной эксплуатации не только со стороны гитлеровцев, но в ряде случаев и со стороны зажиточных слоев местного «западнического» населения. Например, в донесении политпросветотдела Управления уполномоченного СНК СССР по делам репатриации от 28 ноября 1944 г. на имя Ф. И. Голикова говорилось: «В Литве много советских граждан из Ленинградской области, насильно вывезенных немцами, работали у кулаков. „Хозяева“ более года не оплачивали труд и сейчас платить отказываются». В Литве, Латвии и Эстонии было учтено 283 407 внутренних перемещенных лиц (227 044 гражданских и 56 363 военнопленных), в других западных регионах СССР — 870 068 (соответственно 640 132 и 229 936). Не все они захотели вернуться в родные места. Так, по данным на 1 июня 1946 г., в Латвии остались на жительстве 11 947 внутренних перемещенных лиц.

Таким образом, в действительности на 1 марта 1946 г. насчитывалось 4 199 488 репатриантов (2 660 013 гражданских и 1 539 475 военнопленных), из них 2 352 686 поступили из зон действия союзников, включая Швейцарию (1 392 647 гражданских и 960 039 военнопленных) и 1 846 802 — из зон действия Красной Армии за границей, включая Швецию (1 267 366 гражданских и 579 436 военнопленных). Результаты их проверки и фильтрации представлены в табл. 1.

На 1 марта 1946 г. Управление уполномоченного СНК СССР по делам репатриации располагало сведениями о национальном составе 4 440 901 человека, куда вошли все репатрианты (4 199 488), а также 241 413 внутренних перемещенных лиц. Среди них: 1 631 861 русский (36,75%), 1 650 343 украинца (37,16%), 520 672 белоруса (11,72%), 50 396 литовцев, 35 686 латышей, 14 980 эстонцев, 36 692 молдаване, 11 428 евреев, 33 141 грузин, 25 063 армянина, 24 333 азербайджанца, 43 510 татар, 31 034 узбека, 26 903 казаха, 6249 киргизов, 4711 таджиков, 3968 туркмен, 6405 калмыков, 5793 башкира, 53 185 поляков, 3441 карел, 4705 финнов, 43 246 ингерманландцев и 173 156 представителей других национальностей. Среди русских было зафиксировано 891 747 гражданских и 740 114 военнопленных, у украинцев соответственно 1 190 135 и 460 208, у белорусов — 385 896 и 134 776. Значительное численное преобладание военнопленных наблюдалось у репатриантов среди грузин, армян, азербайджанцев, татар, башкир, калмыков, казахов, узбеков и ряда других. В то же время гражданские лица составляли абсолютное большинство у репатриантов среди литовцев, латышей, эстонцев, молдаван и некоторых других.

Результаты проверки и фильтрации репатриантов (по состоянию на 1 марта 1946 года)¹³

Категории репатриантов	Всего		В том числе			
	Человек	%	Гражданские		Военнопленные	
			Чел.	%	Чел.	%
Направлено к месту жительства ¹⁴	2 427 906	57,81	2 146 126	80,68	281 780	18,31
Призвано в армию	801 152	19,08	141 962	5,34	659 190	42,82
Зачислено в рабочие батальоны НКО	608 095	14,48	263 647	9,91	344 448	22,37
Передано в распоряжение НКВД (спецконтингент)	272 867	6,50	46 740	1,76	226 127	14,69
Находилось на сборно-пересыльных пунктах и использовалось на работах при советских воинских частях и учреждениях за границей	89 468	2,13	61 538	2,31	27 930	1,81
Итого:	4 199 488		2 660 013		1 539 475	

Сотрудники органов НКВД, НКГБ и контрразведки СМЕРШ, проводившие проверку и фильтрацию репатриантов, опасались, что довольно длительное бесконтрольное пребывание за границей могло серьезно повлиять на их мировоззрение и политические настроения. Однако в процессе общения с репатриантами эти опасения в значительной мере рассеивались. Так, в докладе командования войск НКВД по охране тыла Центральной группы советских войск от 26 октября 1945 г. отмечалось: «Политнастроение репатрируемых советских граждан в подавляющем большинстве здоровое, характеризуется огромным желанием скорее приехать домой — в СССР. Проявлялся повсеместно значительный интерес и желание узнать, что нового в жизни в СССР, скорее принять участие в работе по ликвидации разрушений, вызванных войной, и укреплению экономики Советского государства».

Позднее, когда волна просоветски настроенных репатриантов схлынула, оценки и тональность в отношении вновь прибывающих репатриантов существенно изменились. В письме Ф. И. Голикова от 1 октября 1947 г., адресованном министрам госбезопасности и внутренних дел В. С. Абакумову и С. Н. Круглову, отмечалось: «В настоящее время репатриация советских граждан из английской и американской зон оккупации в Германии имеет совершенно отличительные черты от репатриации, проводимой ранее. Во-первых, в наши лагеря поступают люди, имевшие в большинстве случаев вину перед Родиной; во-вторых, они длительное время находились и находятся на территории английского и американского влияния, подвергались там и подвергаются интенсивному воздействию всевозможных антисоветских организаций и комитетов, свивших себе гнезда в западных зонах Германии и Австрии. Кроме того, из Англии в настоящее время поступают в лагеря советские граждане, служившие в армии Андерса. За 1947 г. принято в лагеря советских граждан из английской и американской зон — 3269 чел. ре-

патриантов и 988 чел., служивших в армии Андерса. Нет сомнения, что среди этих граждан прибывают в СССР подготовленные разведчики, террористы, агитаторы, прошедшие соответствующие школы в капиталистических странах».

К 1 августа 1946 г. к месту жительства¹⁵ было направлено 3 322 053 репатрианта и внутренних перемещенных лица. Среди них было 3 024 229 гражданских (2 192 594 репатрианта и 831 635 внутренних перемещенных лиц) и 297 824 военнопленных (соответственно 297 508 и 316). На 3 289 672 человека (1 048 731 мужчина, 1 535 265 женщин и 705 676 детей) имелись сведения о распределении их по союзным республикам¹⁶. Из этого числа 1 578 570 человек было направлено на жительство в различные районы России, 1 145 484 — Украины, 332 301 — Белоруссии, 48 780 — Литвы, 54 621 — Латвии, 14 321 — Эстонии, 45 945 — Молдавии, 4679 — Грузии, 2045 — Армении, 4204 — Азербайджана, 43 501 — Казахстана, 4780 — Узбекистана, 8455 — Таджикистана, 901 — Киргизии, 723 — Туркмении и 362 — Карело-Финской ССР.

Резкое преобладание гражданских лиц среди направленных к месту жительства нельзя расценивать как дискриминацию военнопленных. Деление на гражданских и военнопленных в ходе проверки и фильтрации и при решении судьбы того или иного репатрианта не имело принципиального значения и относилось к категории второстепенных факторов. Главными критериями были поведение в плену и за границей, а также возраст, пол и другие социальные характеристики. В составе гражданских было огромное количество лиц пожилого возраста, женщин, детей, а также мужчин непризывных возрастов, которые не могли быть призваны в армию или зачислены в рабочие батальоны и, естественно, направлялись к месту жительства. Среди же военнопленных совсем не было детей, очень мало женщин, равно как и стариков. Преобладали мужчины призывных возрастов, подлежавшие восстановлению на военной службе или зачислению в рабочие

батальоны. За счет этого и образовалась диспропорция между гражданскими и военнопленными, направленными к месту жительства. После победы над Германией из Красной Армии были демобилизованы военнослужащие 13 старших возрастов, и вслед за ними отпущены по домам их ровесники из числа военнопленных.

Точно так же не происходило никакой дискриминации военнопленных перед гражданскими при зачислении в рабочие батальоны. Цифры, приведенные в табл. 1, говорят только о том, сколько среди репатриантов было выявлено мужчин, попадавших по своим возрастным характеристикам в рабочие батальоны. Деление на военнопленных и гражданских не имело никакого значения. В составе спецконтингента НКВД военнопленных насчитывалось почти в 5 раз больше, чем гражданских (см. табл. 1). Но к этому тоже следует относиться с пониманием. Ведь на военнопленных в первую очередь падало подозрение на предмет их возможной службы в армиях противника или изменнических формированиях. Случалось, что в спецконтингент НКВД целиком зачислялись коллаборационистские воинские части, состоявшие в основном из военнопленных.

Период массовой репатриации фактически завершился в первой половине 1946 г. В последующие годы она резко пошла на убыль. До 1 июля 1952 г. было репатрировано 4 305 035 советских граждан, из них 162 403 — в 1944 г., 3 888 721 — в 1945, 195 273 — в 1946, 30 346 — в 1947, 14 272 — в 1948, 6542 — в 1949, 4527 — в 1950, 2297 — в 1951 и 654 — в январе-июне 1952 г. Из общего числа репатриированных до 1 июля 1952 г. советских граждан 3 222 545 поступили из Германии¹⁷, 332 792 — из Австрии, 137 856 — Румынии, 123 267 — Франции, 102 278 — Польши, 101 359 — Финляндии, 84 777 — Норвегии, 54 350 — Италии, 42 706 — Чехословакии, 27 967 — Англии, 26 268 — Югославии, 13 614 — Бельгии, 9872 — Швейцарии, 7835 — Дании, 4070 — США, 3806 — Болгарии, 3429 — Венгрии, 3409 — Швеции, 1404 — Греции, 824 — Албании и 544 — из других стран.

В 1951 г. представители Управления уполномоченного Совмина СССР по делам репатриации установили личную связь с 2014 перемещенными советскими гражданами, проживающими в капиталистических странах. Невозвращенцы не всегда были искренни в разговорах с официальными советскими представителями, тем не менее из неоднократных бесед с ними были выявлены причины, мешающие им возвратиться на Родину: враждебное отношение к Советскому Союзу — 806 человек (40,0%); сожительство с иностранцами — 288 (14,3%); боязнь ответственности за длительное пребывание за границей — 363 (18,0%); ожидают писем с Родины и в зависимости от этого примут решение о возвращении в СССР — 54 (2,7%); желают возвратиться на Родину, но ссылаются на такие причины, которые якобы задерживают их, как-то: получение зарпла-

ты, болезнь членов семьи, приобретение одежды и т.п. — 113 (5,6%), и не установлены причины — 390 человек (19,4%).

Таким образом, к 1952 г. по линии органов репатриации в СССР было возвращено свыше 4,3 млн советских граждан. В это число не включены депортированные советские граждане (военнопленные и гражданские), которые во второй половине 1941 первой половине 1944 г. совершили удачные побег из-за границы в СССР, а также порядка 150 тыс. потерявших работоспособность «восточных рабочих», которых гитлеровцы в 1942–1943 гг. возвратили на оккупированную ими территорию СССР. Репатриация, хотя и в крайне незначительных размерах, продолжалась и после 1952 г. С учетом всего этого мы оцениваем общее число советских граждан, оказавшихся вследствие войны за границей и возвращенных впоследствии в СССР, примерно в 4,5 млн. человек.

Кроме того, по данным на июнь 1948 г., в СССР возвратились 106 835 человек, которые сами или их предки эмигрировали в разное время из царской России (некоторые из Австро-Венгрии и Польши), а также в период гражданской войны — из Советской России. В это число вошли 86 346 зарубежных армян, 6991 реэмигрант из Франции, 6067 — из Китая и 7431 крестьянин русского происхождения (6121 из Румынии и 1310 из Болгарии). Репатриация была добровольной (исключение составлял только насильственный вывоз некоторых русских эмигрантов из Китая)¹⁸.

Среди реэмигрантов из Франции было 1420 русских и 5471 лицо украинского и белорусского происхождения, многие из которых (или их предки) уехали во Францию не из царской России, а будучи подданными Австро-Венгрии или Польши. Крестьяне русского происхождения являлись преимущественно потомками старообрядцев, бежавших в XVIII в. из России на Балканы. Они изъявили желание переселиться на родину предков.

По данным на 1 января 1952 г., ведомство Ф. И. Голикова определяло численность так называемой второй эмиграции в 451 561 человек¹⁹ (в это число не вошли бывшие советские немцы, ставшие гражданами ФРГ и Австрии, бессарабцы и буковинцы, принявшие румынское подданство, и некоторые другие), среди которых было 144 934 украинца, 109 214 латышей, 63 401 литовец, 58 924 эстонец, 31 704 русских, 9856 белорусов и 33 528 прочих. Среди украинцев и белорусов преобладали выходцы из западных областей Украины и Белоруссии. «Вторая эмиграция» более чем на $\frac{3}{4}$ состояла из «западников» и менее чем на $\frac{1}{4}$ — из «восточников». Это было следствием производимого англо-американцами строгого селекционного отбора. Литовцы, латыши, эстонцы, а также западные украинцы (бывшие подданные Австро-Венгрии и их потомки) и в меньшей степени — западные белорусы и жители Правобережной Молдавии признавались

составной частью европейской цивилизации, тогда как практически все остальные выходцы из СССР считались азиатами или полуазиатами, т.е. представителями другой цивилизации. К тому же «западники» в своей массе не рассматривались как носители советской идеологии (этим они «выгодно» отличались от «восточников»).

Репатриантам было объявлено, что они сохраняют все права граждан СССР, включая избирательное, на них распространяется трудовое законодательство, социальное страхование. Однако по возвращении домой они часто сталкивались с ущемлением своих прав. Причем местные органы власти нередко действовали вопреки указаниям из Москвы. Например, в Москве выезд по повестке биржи труда на работу в Германию в качестве «восточного рабочего» склонны были интерпретировать как насильственный угон, а местные власти часто трактовали это как граничащий с предательством добровольный выезд во вражескую страну и не стеснялись демонстрировать перед репатриантами свое подозрительное, презрительное и враждебное отношение. Естественно, что от репатриантов пошел поток писем в различные инстанции с соответствующими жалобами.

4 августа 1945 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «Об организации политико-просветительной работы с репатрированными советскими гражданами», в котором указывалось: «Отдельные партийные и советские работники встали на путь огульного недоверия к репатрируемым советским гражданам. Надо помнить, что возвратившиеся советские граждане вновь обрели все права советских граждан и должны быть привлечены к активному участию в трудовой и общественно-политической жизни». Это смягчило на местах атмосферу недоверия к репатриантам, но отнюдь ее не устранило.

Высшее руководство, в отличие от местного, действовало более корректно, но тоже не питало доверия к репатриантам. В повседневной жизни они продолжали подвергаться явной или завуалированной дискриминации, в частности при выдвижении на руководящие должности, при приеме в партию и комсомол, при поступлении в высшие учебные заведения. Военнопленные не считались участниками войны, за исключением тех, кто после освобождения из плена, будучи мобилизованным в Красную Армию, на заключительном этапе войны участвовал в боевых действиях на фронте.

Недоверчивое отношение к репатриантам проистекало из факта их бесконтрольного пребывания в «иностранщине». Миллионы советских военнослужащих — участников похода 1944–1945 гг. в Европу — тоже побывали в «иностранщине», но к ним отношение было принципиально иное по причине того, что они воевали за пределами СССР под постоянным и бдительным контролем существовавших при войсках политических и контрразведывательных органов. В ходе репатриации командование парти-

занских формирований, состоявших из беглых военнопленных и восточных рабочих и действовавших во Франции, Италии, Югославии, Бельгии и других странах, обращалось с просьбами сохранить их в качестве самостоятельных войсковых единиц в Красной Армии, но эти просьбы не удовлетворялись. Основная причина отказа: эти партизанские формирования действовали вне контроля со стороны «компетентных советских органов».

Во время войны освобожденные из плена военнопленные в большинстве случаев после непродолжительной проверки восстанавливались на военной службе, причем рядовой и сержантский состав в основном в обычных воинских частях, а офицеры, как правило, лишались офицерских званий, и из них формировались офицерские штрафные (штрафные) батальоны. Как отмечалось в мартовском (1946 г.) отчете Управления уполномоченного СНК СССР по делам репатриации, в послевоенное время «освобожденные офицеры направлялись в лагеря НКВД и запасные части Главупраформа Красной Армии для более тщательной проверки и установления категории. После проверки ни в чем не замешанные направлялись в войска для дальнейшего прохождения службы или увольнялись в запас. Остальные направлялись по назначению НКВД („СМЕРШ“). К 1 марта 1946 г. среди военнопленных репатриантов было учтено 123 464 офицера (311 полковников, 455 подполковников, 2346 майоров, 8950 капитанов, 20 864 старших лейтенанта, 51 484 лейтенанта и 39 054 младших лейтенанта).

Следует отметить, что «компетентные органы», выдерживая принцип неприменения статьи 193²⁰, в то же время упорно старались упрятать многих офицеров-репатриантов за решетку по статье 58, предъявляя обвинения в шпионаже, антисоветских заговорах и т.п. Офицеры, направленные на 6-летнее спецпоселение, как правило, не имели никакого отношения ни к генералу А. А. Власову, ни к ему подобным. Причем наказание в виде спецпоселения им было определено только потому, что органы госбезопасности и контрразведки не смогли найти компрометирующего материала, достаточного для того, чтобы заключить их в ГУЛАГ. К сожалению, нам не удалось установить общую численность офицеров, направленных на 6-летнее спецпоселение (по нашим оценкам, их было порядка 7–8 тыс., что составляло не более 7% от общего числа офицеров, выявленных среди репатрированных военнопленных). В 1946–1952 гг. была репрессирована и часть тех офицеров, которые в 1945 г. были восстановлены на службе или уволены в запас. Не оставили в покое и офицеров, которым посчастливилось избежать репрессий, и их периодически вызывали на «собеседования» в органы МГБ вплоть до 1953 года.

Причем из содержания документов ведомств Л. П. Берии, Ф. И. Голикова и других вытекает, что высшие советские руководители, решавшие судьбу

офицеров-репатриантов, пребывали в уверенности, что они поступили с ними гуманно. По-видимому, под «гуманизмом» имелось в виду то, что они воздержались от катынского способа (расстрел польских офицеров в Катюни) решения проблемы советских офицеров-репатриантов и, сохранив им жизнь, пошли по пути их изоляции в различных формах (ПФЛ, ГУЛАГ, «запасные дивизии», спецпоселение, рабочие батальоны); по нашим оценкам, не менее половины даже оставили на свободе. На фоне ужасной участи польских офицеров в Катюни такое решение проблемы офицеров-репатриантов действительно выглядит как крупный шаг в сторону гуманизма.

После войны военнопленные рядового и сержантского состава, не служившие в немецкой армии или изменнических формированиях, были разбиты на две большие группы по возрастному признаку — демобилизуемые и недемообилизуемые возраста. В 1945 г. после увольнения из армии в запас красноармейцев тех возрастов, на которых распространялся приказ о демобилизации, были отпущены по домам и военнопленные рядового и сержантского состава соответствующих возрастов. Военнопленные рядового и сержантского состава недемообилизуемых возрастов подлежали восстановлению на военной службе, но поскольку война закончилась и государству теперь больше требовались рабочие, а не солдаты, то в соответствии со специальным постановлением Государственного Комитета Обороны от 18 августа 1945 г. из них были сформированы рабочие батальоны НКО²¹. Кроме того, из числа гражданских репатриантов в эти батальоны были зачислены мужчины недемообилизуемых возрастов, которым по закону надлежало служить в армии²² (в рабочие батальоны зачислялись те, кто в 1941 г. уже находился в призывном возрасте, а те, кто в 1941 г. был в допризывном возрасте, теперь призывались на военную службу на общих основаниях). Отправка к месту жительства зачисленных в рабочие батальоны НКО ставилась в зависимость от будущей демобилизации из армии военнослужащих срочной службы соответствующих возрастов. Хотя рабочие батальоны предназначались только для военнопленных и военно-обязанных рядового и сержантского состава, фактически же туда было определено около 6 тыс. офицеров. В отличие от офицеров, направленных на 6-летнее спецпоселение, эти офицеры не были лишены офицерских званий, а члены их семей — государственных пособий²³.

Обозначение «НКО» следует понимать так, что рабочие батальоны входили в систему данного наркомата только в период их формирования, а в дальнейшем направлялись на предприятия и стройки различных других наркоматов (в марте 1946 г. наркоматы были переименованы в министерства) и ведомств и подчинялись последним. По данным на 6 февраля 1946 г., из 578 616 репатриантов²⁴, зачисленных в рабочие батальоны, в Наркомат угольной промышленности было передано 256 300 человек, черную метал-

лургию — 102 706, лесную промышленность — 25 500, нефтяную — 27 800, химическую — 15 440, в различные строительные организации — 37 750, на стройки и предприятия в системе НКВД — 3500, в Наркомат электростанций — 10 тыс., Наркомат путей сообщения — 11 тыс., промышленность стройматериалов — 9070, судостроительную промышленность — 2800, резиновую — 2850, бумажную — 5450, рыбную — 8 тыс., слюдяную — 2200, цветную металлургию — 7 тыс., на заготовку дров для Москвы — 10 тыс., в систему «Главсталинградвосстановление» — 12 тыс. и в распоряжение других наркоматов и ведомств — 29 250 человек.

В 1946 г. произошла довольно быстрая трансформация этой категории репатриантов из весьма неясного «арбайтбатальонного» состояния в обычных гражданских рабочих и служащих. По директиве Генерального штаба Вооруженных Сил СССР от 12 июля 1946 г. рабочие батальоны были расформированы, и к этой категории репатриантов стал применяться термин «переведенные в постоянные кадры промышленности». По постановлению Совета Министров СССР от 30 сентября 1946 г. на них было полностью распространено действующее законодательство о труде, а также все права и льготы, которыми пользовались рабочие и служащие соответствующих предприятий истроек. Они сохраняли статус полноправных граждан СССР, но без права покинуть определенное государством место работы (не установленное место жительства, как у спецпереселенцев, а именно *место работы*). За самовольный уход с работы им грозило заключение в ГУЛАГ на срок от 5 до 8 лет (в мае 1948 г. эта мера наказания была снижена — от 2 до 4 месяцев).

В 1946–1948 гг. из Красной (Советской) Армии были демобилизованы военнослужащие ряда возрастов, и соответственно их ровесники, ранее зачисленные в рабочие батальоны, пытались получить разрешение вернуться в места, где они жили до войны. И тут-то выяснилось, что с мечтами об освобождении от работ по достижении демобилизуемого возраста следует распрощаться. Политика в отношении этих людей была совсем иная, а именно: оставить их на постоянном жилье в тех местах, куда они прибыли в свое время в составе рабочих батальонов. Для этого их склоняли к заключению долгосрочных трудовых договоров, агитировали перевозить свои семьи к себе. Часть репатриантов — бывших «арбайтбатальонников» — именно так и поступила, но большинство их такое положение никак не устраивало. Широкий размах приняли самовольные уходы (побеги) с предприятий и строек. Беглецы, число которых исчислялось многими десятками тысяч, рисковали тем, что их могли привлечь к уголовной ответственности за самовольный уход с установленного места работы, но практически риск был не так уж велик, поскольку их не объявляли во всесоюзный розыск, а местный розыск результатов обычно не давал. В распространенный

способ освобождения от этих работ вылилось невозвращение из отпусков (поскольку репатриантам — бывшим «арбайтбатальонникам» было объявлено, что они обладают всеми правами советских рабочих и служащих, то, следовательно, они имели право на ежегодный отпуск). Легальным образом возвратиться на свою родину можно было в основном только прибалтам и закавказцам. По решениям Совета Министров СССР от 13 апреля 1946 г., 2 октября 1946 г. и 12 июня 1947 г. на свою родину были возвращены зачисленные в рабочие батальоны репатрианты всех возрастов (кроме немцев, турок-месхетинцев, курдов и некоторых других), являвшиеся жителями Литвы, Латвии, Эстонии, Грузии, Армении и Азербайджана.

Уже к началу 1948 г. количество репатриантов, числившихся в постоянных кадрах промышленности, сократилось более чем в два раза. В письме заместителя председателя Госплана СССР Г. Косяченко от 9 марта 1948 г. на имя К. Е. Ворошилова отмечалось:

«В настоящее время, по данным министерств, работает на предприятиях и стройках из числа репатриантов в угольной промышленности западных районов около 47 тыс. человек, угольной промышленности восточных районов 69 тыс. человек, черной металлургии 47 тыс. человек, лесной промышленности 12 тыс. человек и в других министерствах в небольших количествах. Госплан СССР считает, что вопрос об освобождении от работы рабочих и служащих из числа репатриированных военнопленных и военнообязанных, переданных для постоянной работы в промышленность и строительство, должен решаться в каждом отдельном случае руководителями предприятий и строок в соответствии с законодательством о труде. Поэтому принимать решение Правительства об освобождении от работы всех бывших репатриантов нет необходимости, тем более, что многие из них заключили трудовые договоры на постоянную работу».

Советские немцы, возвращенные после войны в СССР в порядке насильственной репатриации, разделили участь своих соплеменников, высланных в 1941–1942 гг. из бывшей Республики немцев Поволжья и других регионов. Они были направлены в отдаленные районы СССР на спецпоселение. В контингент репатриированных немцев были включены и немцы, высланные в 1945–1948 гг. из западных регионов СССР. По данным на 1 января 1953 г., на учете спецпоселений состояло 208 388 репатриированных немцев²⁵. По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1955 г. они были освобождены из спецпоселения. Однако с них были взяты расписки о том, что они не имеют права возвращаться в прежние места жительства.

Проживавшие на подвергавшейся немецкой оккупации территории Ленинградской области ингерманландцы в течение короткого срока (1943–1945 гг.) дважды подвергались депортации: сначала гитлеровцами, потом большевиками. В 1943–1944 гг. по прика-

зу немецко-фашистского командования происходила тотальная «эвакуация» населения Ленинградской области. Ингерманландцы вынуждены были покинуть свои селения и оказались в Эстонии, где были поставлены перед выбором: эвакуация либо в Германию, либо в Финляндию. Они предпочли Финляндию. После подписания 19 сентября 1944 г. Соглашения о перемирии между СССР, Великобританией и Финляндией началась массовая репатриация этих лиц в СССР. По постановлению ГКО от 19 ноября 1944 г. они направлялись на постоянное жительство в Ярославскую, Калининскую, Новгородскую, Псковскую и Великолукскую области. Спецпереселенческий статус на них не был распространен. Репатриированные ингерманландцы фактически превратились в административно высланных, без права возвращения на свою историческую родину.

В мартовском (1946 г.) отчете Управления уполномоченного СНК СССР по делам репатриации было указано число репатриированных ингерманландцев — 43 246 человек. Во всех других документах указанного ведомства отмечалось, что к этому времени из Финляндии вернулось 55 942 ингерманландца, из них 19 336 расселено в Ярославской области, 14 169 — Калининской, 10 513 — Новгородской, 6335 — Псковской и 5589 — в Великолукской области. Из этого числа уже к 16 января 1945 г. в указанных областях было расселено 55 650 человек. Расхождение в документах ведомства Ф. И. Голикова в определении численности репатриированных ингерманландцев (43 246 и 55 942) объясняется тем, что в первом случае учитывались только этнические ингерманландцы, а во втором — вместе с представителями других национальностей, репатриированными из Финляндии и направленными с ингерманландцами на поселение в указанные области. Например, в составе 5589 репатриантов из Финляндии (в документах все они назывались ингерманландцами), поступивших к середине января 1945 г. в Великолукскую область, было 3922 ингерманландца, 754 ижорца, 704 русских, 141 карел, 111 вепсов, 28 эстонцев, 14 украинцев, 3 литовца, 1 норвежец и представителей других национальностей.

По постановлению Совета Министров СССР от 13 апреля 1946 г. репатриированные литовцы, латыши и эстонцы, служившие по мобилизации в немецкой армии, легионах и полиции в качестве рядовых и младшего командного состава, были освобождены от отправки на 6-летнее спецпоселение и из ПФЛ и ИТЛ подлежали возвращению в Прибалтику.

По состоянию на 10 мая 1946 г., спецконтингент, содержащийся в ПФЛ и ИТЛ, насчитывал 38 512 прибалтов (в ПФЛ — 20 106, в ИТЛ — 18 406), из них 29 705 латышей, 4815 литовцев и 3992 эстонца. Лиц непризывных возрастов, подлежавших направлению к месту жительства их семей, было 24 659, а лиц призывных возрастов, которые были определены на стройки и в промышленность Прибалтийских республик, — 13 853.

В период 1946–1952 гг. из года в год заметно росло подозрительное отношение к репатриантам со стороны правительственных кругов СССР. Это было отражением холодной войны, а с 1948 г. ситуация еще более усугубилась начавшейся кампанией по борьбе с космополитизмом и иностранщиной. В обществе искусственно нагнетались настроения «шпиономании». Особое недоверие вызывали репатрианты, поступившие из зон действия англо-американских войск. Одно одобрительное слово в адрес англичан или американцев могло стоить им многих лет лишения свободы. В ГУЛАГе появилась новая прослойка политических заключенных под названием «падовцы» (производное от ПАД — пропаганда американской демократии). Кроме того, часть репатриантов была обвинена в шпионаже. Органы МГБ и военной контрразведки выявляли среди них лиц, действительно завербованных американскими и английскими спецслужбами, однако имели место и огульные обвинения подобного рода.

Несмотря на возрастание подозрительного отношения к репатриантам, руководство СССР все же воздержалось от крупномасштабных репрессий. Поэтому основная их масса не пострадала даже в этой неблагоприятной для них политической атмосфере. Однако в морально-психологическом плане репатрианты испытывали все больший дискомфорт; сам термин «репатрианты» приобрел в общественном сознании однозначно негативный смысл, и их все чаще стали сторониться как прокаженных.

Отдельные группы репатриантов, к которым руководство СССР испытывало особо сильное недоверие, были репрессированы (чаще всего в форме выселения с отправкой на спецпоселение). Так, в 1951 г. из Западной Украины, Западной Белоруссии и Литвы были выселены вместе с семьями репатрианты — бывшие военнослужащие польской армии Андерса, прибывшие в СССР в 1946–1949 гг. в основном из Англии. Поляков среди репатриантов-«андерсовцев» было сравнительно немного, и подавляющее их большинство составляли украинцы и белорусы. На спецпоселение в Иркутскую область в 1951 г. поступило более 4,5 тыс. «андерсовцев» (включая членов их семей). Этот контингент находился на спецпоселении до августа 1958 г.

В 1946–1947 гг. основная масса содержащихся в ПФЛ и ИТЛ мелких коллаборационистов, служивших, как правило, рядовыми в немецкой армии, строевых немецких формированиях (кроме трудовых), в армии Власова, национальных легионах, полиции и т.п., была направлена на 6-летнее спецпоселение (служившие в указанных формированиях офицеры осуждались по 58-й статье как политические преступники, и их, естественно, не было на спецпоселении, так как они содержались в лагерях и тюрьмах). По учету Отдела спецпоселений МВД СССР и 9-го управления МГБ СССР этот контингент условно и неточно назывался «власовцы»²⁶.

В него входили и направленные на 6-летнее спецпоселение офицеры-репатрианты, не служившие в армиях противника и изменнических формированиях (в документах НКВД и ведомства Ф. И. Голікова в 1945–1946 гг. упорно утверждалось, что они находились на военной службе у противника, но в ходе реабилитации в 1956–1957 гг. выявились многочисленные факты необоснованности подобных обвинений).

Динамика направления «власовцев» на поселение выглядела следующим образом: 1945 г. — 4985 человек, 1946 — 132 479, 1947 — 30 751, 1948 — 4575, 1949 — 3705, 1950 — 2078, январь — июнь 1951 — 316 человек, а всего за 1945 — первую половину 1951 г. — 177 573 человека. Однако фактически этих людей на спецпоселении всегда было значительно меньше указанного числа, немало их переводилось в лагеря, тюрьмы и колонии. Высокой также была их смертность. В марте 1949 г. национальный состав 112 882 спецпоселенцев-«власовцев» (без арестованных и бежавших) выглядел так: русские — 54 256, украинцы — 20 899, белорусы — 5432, грузины — 3705, армяне — 3678, узбеки — 3457, азербайджанцы — 2932, казахи — 2903, немцы — 2836, татары — 2470, чувашаи — 807, кабардинцы — 640, молдаване — 637, мордва — 635, осетины — 595, таджики — 545, киргизы — 466, башкиры — 449, туркмены — 389, поляки — 381, калмыки — 335, адыгейцы — 201, черкесы — 192, лезгины — 177, евреи — 171, караимы — 170, удмурты — 157, латыши — 150, марийцы — 137, каракалпаки — 123, аварцы — 109, кумыки — 103, греки — 102, болгары — 99, эстонцы — 87, румыны — 62, ногайцы — 59, абхазцы — 58, коми — 49, даргинцы — 48, финны — 46, литовцы — 41 и другие — 2095 человек.

В 1952 г. большинство спецпоселенцев-«власовцев» было снято с учета спецпоселений по истечении 6-летнего срока. В документах МВД и МГБ приводятся разные сведения о числе освобожденных к концу 1952 г. — от 87 631 до 95 553 человек. Большинство «власовцев» немецкой, калмыцкой, чеченской, ингушской, балкарской, карачаевской, греческой национальностей, а также из числа крымских татар (5819 человек) было переведено на спецпоселение навечно (в 1954 г. это решение было отменено). Часть «власовцев» русской, украинской и других национальностей, занятых на незавершенных строительных объектах, была временно оставлена на учете спецпоселений. В течение 1953–1955 гг. они освобождались из спецпоселений по мере завершения того или иного строительства.

Окончательно контингент спецпоселенцев под названием «власовцы» перестал существовать осенью 1955 г., когда еще остававшиеся из них на спецпоселении были освобождены по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1955 г. «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». Кроме того, по этому Указу из ГУЛАГа

было досрочно освобождено 59 610 заключенных²⁷ (55 480 в 1955 и 4130 в 1956 г.). Несомненно, среди этих освобожденных по амнистии заключенных было немало репатриантов, осужденных за активную коллаборационистскую деятельность.

Многие офицеры-репатрианты, находившиеся после войны на спецпоселении или в заключении, были реабилитированы. 29 июня 1956 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли Постановление

«Об устранении последствий грубых нарушений законности в отношении бывших военнопленных и членов их семей». Проверке и пересмотру подверглись дела на офицеров, находившихся в фашистском плену и после войны подвергшихся репрессиям. По итогам этой работы целый ряд бывших офицеров-репатриантов был восстановлен в офицерских званиях, а членам их семей возвращено право на получение государственных пособий.

¹ По данным Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников (ЧГК), оккупанты угнали на принудительные работы около 4,3 млн. советского гражданского населения (История СССР с древнейших времен до наших дней. М. 1973. Т. 10. С. 390).

² Всего в немецкий, финский и румынский плен попало около 6,3 млн. человек (включая пленных ополченцев, партизан, бойцов спецформирований различных гражданских ведомств, самообороны городов, истребительных отрядов и т.п.), из них 3,9 млн. не дожили до конца войны. Лица, взятые в плен итальянскими, венгерскими и словацкими войсками, передавались Германии и учтены в немецкой статистике. В немецкий плен попало 6,2 млн. (в 1941 г. — 3,8 млн., в 1942 — 1653 тыс., в 1943 — 565 тыс., в 1944 — 147 тыс., в 1945 г. — 34 тыс.), в финский — 64,2 тыс. и в румынский — свыше 40 тыс. (См.: Дугас И. А., Черон Ф. Я. Вычеркнутые из памяти: Советские военнопленные между Гитлером и Сталиным. Париж, 1994. С. 59, 399; Полян П. М. Жертвы двух диктатур: Остарбайтеры и военнопленные в третьем рейхе и их репатриация. М. 1996. С. 65, 71). Из 2,4 млн. выживших военнопленных 0,7 млн. находились на бывшей оккупированной территории СССР и не являлись для страны демографической потерей. Остальные 1,7 млн. уцелевших военнопленных пребывали за границей, из них к середине 1947 г. по репатриации было возвращено в СССР около 1550 тыс. (91%) и свыше 150 тыс. составили невозвращенцы (9%).

³ Статистика этого контингента не велась, а те данные, которые имеются в немецких источниках, не разработаны и не обобщены. По нашим оценкам, их было не менее 700 тыс. Впоследствии они составили большую часть «второй эмиграции».

⁴ В соглашениях СССР с США и Великобританией был зафиксирован принцип взаимной обязательной репатриации. Оказавшиеся в советских зонах американские и английские граждане подлежали обязательной выдаче США и Великобритании, независимо от их желаний. В 1945–1946 гг. СССР в порядке взаимной обязательной репатриации передал 24 544 англичан и 22 481 американца. Соглашение, аналогичное Ялтинским, 26 июня 1945 г. было заключено с Францией, и в период 1945–1951 гг. из СССР и советских оккупационных зон за границей было репатрировано 313 368 французов (включая пленных эльзасцев и лотарингцев), из них 310 030 — до 1 марта 1946 г. (ГА РФ. Ф. 9526. Оп. 4а. Д. 1. Л. 229–230; Д. 7. Л. 135–139).

⁵ В период работы Ялтинской конференции (4–11 февраля 1945 г.) союзники еще не признали новых границ СССР и для них основополагающим критерием в определении круга лиц, подлежащих обязательной выдаче советским властям, являлось проживание до 1 сентября 1939 г. на территории СССР в его границах до этой даты. На Потсдамской конференции (17 июля — 2 августа 1945 г.) США и Великобритания официально признали новую западную границу СССР, но о распространении на «западников» принципа обязательной репатриации никакого решения не было принято. В последующем англо-американцы в определении понятия «советские граждане» применительно к перемещенным лицам продолжали пользоваться критериями, которыми они руководствовались при заключении Ялтинских соглашений (например, в августе 1945 г. в ответ на требование советских представителей выдать насчитывавшую до 10 тыс. человек западноукраинскую дивизию СС «Галичина» англичане произвели проверку и установили, что только 112 человек из них являлись до 1 сентября 1939 г. подданными СССР. Их-то англичане и передали советским властям в порядке выполнения Ялтинских соглашений об обязательной репатриации, а всех остальных, поскольку они не отвечали указанному критерию, выдать отказались). После Потсдамской конференции все попытки советской дипломатии убедить бывших союзников, что перемещенные лица из числа жителей Прибалтики, Западной Украины и Западной Белоруссии являются советскими гражданами и к ним применимы Ялтинские соглашения в плане насильственной репатриации, успеха не имели (см.: Полян П. М. Жертвы двух диктатур... С. 200–201, 242).

⁶ Тем не менее в 1946–1947 гг. имели место отдельные факты насильственной выдачи англичанами и американцами советских перемещенных лиц в духе Ялтинских соглашений.

⁷ От обязательной репатриации советским руководством были освобождены две категории лиц, являвшихся к 22 июня 1941 г. подданными СССР: 1) бессарабцы и буковинцы, оформившие румынское гражданство (таковых было свыше 4 тыс.); 2) женщины, вышедшие замуж за иностранцев и имевшие от них детей (по нашим оценкам, в начале 1950-х годов насчитывалось около 30 тыс. таких женщин).

⁸ В письме № 597/6 от 26 мая 1945 г. Л. П. Берия информировал И. В. Сталина и В. М. Молотова, что от англичан должно быть принято 40 тыс. человек, имея в виду красноармейских казаков. Никаких конкретных планов по их репрессированию тогда не существовало — они должны были пройти обычную для «спецконтингента НКВД» процедуру проверки и фильтрации. Предусматривалось направить их в лагеря, специально созданные в свое время для обслуживания угольной промышленности, в том числе 31 тыс. — в лагерь системы ОПФЛ (Кизеловский ПФЛ № 0302 — 12 тыс., Прокопьевский ПФЛ № 0315 — 12 тыс., Кемеровский ПФЛ № 0314 — 7 тыс.) и 9 тыс. офицеров и немецких инструкторов — в Прокопьевский лагерь № 525 системы Главного управления по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ). Такое распределение означало, что казацкие офицеры рассматривались как «чужие» вместе со взятыми в плен немцами, венграми, румынами и т.д., а рядовые казаки приравнивались к «своим», т.е. к советским гражданам, проходившим в ПФЛ «госпроверку». Фактически же от англичан было принято 46 тыс. человек (включая членов семей), причем казачьих офицеров и немецких

инструкторов оказалось меньше, чем ожидалось. Поэтому в Прокопьевский лагерь №525 ГУПВИ было направлено только около 5,5 тыс. человек, а в лагеря ОПФЛ — 40,5 тыс., из них в ПФЛ №0302 — 14 тыс., ПФЛ №0314 — 9,5 тыс. и ПФЛ №0315 — 17 тыс. (ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 191. Л. 125–126; Оп. 2. Д. 96. Л. 169).

⁹ Это не касалось перебежчиков. Под амнистию попадали «нарушители» воинской присяги (из ее текста следовало, что военнослужащие ни при каких обстоятельствах не должны сдаваться врагу), которые, находясь в безвыходных ситуациях, сдались в плен (включая и тех, кто был пленен будучи раненым или контуженным). Именно такие «нарушители» составляли подавляющее большинство военнопленных.

¹⁰ Считаю своим долгом развеять имевший хождение в западной литературе миф о неких «расстрельных списках», «расстрелах» части репатриантов якобы сразу же по прибытии в советские сборные пункты и лагеря. Причем ни разу не было приведено какого-нибудь бесспорного доказательства, и эта версия целиком строилась на всякого рода предположениях, домыслах и слухах, которые даже косвенными уликами признать сложно. Особенно преуспел в этом мифотворчестве Н. Толстой в своей книге «Жертвы Ялты», вышедшей в 1977 г. на английском языке (переиздана в 1988 г. в Париже на русском языке). Сочиненные им басни о «расстрельных списках» и «расстрелах» подчас имели такую видимость правдоподобия, что даже видные профессиональные историки, как М. Геллер и А. Некрич, попались на эту удочку и, ссылаясь на Н. Толстого, вполне серьезно написали: «Часть бывших советских пленных, доставленных на английских судах в Мурманск и Одессу, расстреливались войсками НКВД тут же в доках» (см.: Геллер М., Некрич А. Утопия у власти: История Советского Союза с 1917 года до наших дней. М., 1986. С. 498). Разумеется, это утверждение бездоказательное и, более того, не соответствующее истине. Мною изучен весьма большой массив источников по проблеме репатриации советских граждан — достаточный для того, чтобы твердо заявить: «расстрельных списков» не существовало, это — миф! Для примера приведу ситуацию с распределением 9907 репатриантов, поступивших 6 ноября 1944 г. в Мурманск: 18 человек арестованы органами СМЕРШ (но не для расстрела, а для ведения следствия), 81 больной помещен в мурманские госпитали и все остальные (естественно, живыми) направлены по двум адресам в Таллинский спецлагерь №0316 и Зашеекский ПФП в Карело-Финской ССР (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 21. Л. 10–11).

¹¹ По состоянию на 1 января 1946 г. в ПФЛ и ИТЛ насчитывалось 228 018 человек спецконтингента (125 812 — в ПФЛ и 102 206 — в ИТЛ), в том числе в ИТЛ «Дальстроя» — 34 680, Прокопьевском ПФЛ — 16 658, Березниковском ПФЛ — 16 191, Воркутинском ИТЛ — 13 320, Норильском ИТЛ — 10 399 и остальной контингент — в ряде других ПФЛ и ИТЛ. Большинство этих людей в 1946–1947 гг. были направлены на 6-летнее спецпоселение. К 1 января 1948 г. численность содержащегося в ПФЛ и ИТЛ спецконтингента снизилась до 2923 человек (ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1265. Л. 1; Д. 1306. Л. 1).

¹² Термин «репатриация» употребляется только в случае возвращения на родину из-за государственной границы, а при обратных переселениях из одних регионов в другие в рамках одного государства (в данном случае СССР) этот термин неприменим.

¹³ Сост. по: ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 3. Д. 53. Л. 175; Оп. 4а. Д. 1. Л. 62, 70, 223.

¹⁴ Включая репатриантов-немцев (советских граждан), крымских татар, чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев и некоторых других, направленных на спецпоселение. Репатрированных из Финляндии ингерманландцев, вопреки обещаниям отправить их на родину, в Ленинградскую область, насильственно расселили в Великолукской, Калининской, Ярославской, Псковской и Новгородской областях. В число направленных к месту жительства включены репатрианты, умершие в период нахождения их в лагерях, СПП, ПФП и т.д.

¹⁵ Прибывших к месту жительства репатриантов местные органы внутренних дел и госбезопасности обязаны были проверить на основании приказа НКВД-НКГБ СССР от 16 июня 1945 г. «О порядке проверки и фильтрации по месту постоянного жительства возвращающихся на родину репатрированных советских граждан». По состоянию на 1 сентября 1947 г., проверка считалась завершённой в отношении 1 981 411 человек (в это число входили более 1924 тыс. репатриантов и около 57 тыс. внутренних перемещенных лиц). На 1 627 590 человек из общего числа проверенных не было выявлено никаких компрометирующих материалов (82,1%), 21 617 арестовано (1,1%), 202 805 взято в агентурную разработку (10,2%) и еще 129 399 человек (6,6%) значились как «выбывшие по другим причинам». На указанную дату для того, чтобы считать, что приказ от 16 июня 1945 г. полностью выполнен, требовалось завершить проверку в отношении еще 56 761 репатрианта. Таким образом, в списки проверяемых на основании указанного приказа, по состоянию на 1 сентября 1947 г. вошли 2 038 172 человека (ГАРФ. Ф. 9408. Оп. 1. Д. 2. Л. 89–90; Ф. 9478. Оп. 1. Д. 667. Л. 215, 251, 254). Такое количество было на порядок ниже общего числа репатриантов и внутренних перемещенных лиц, направленных к месту жительства. Это объяснялось главным образом тем, что, во-первых, проверялись в основном только взрослые и, во-вторых, местные органы МВД-МГБ не считали репатриантами (за исключением «репатрированных из Прибалтики») граждан, которых мы условно называем внутренними перемещенными лицами, и не вносили их в списки на проверку на основании приказа от 16 июня 1945 г.

¹⁶ Разница между числом направленных к месту жительства к 1 августа 1946 г. и тем количеством, на которое имелись сведения о распределении по союзным республикам, составляет 32 381 человек. По-видимому, эта цифра адекватна числу умерших во время прохождения проверки и фильтрации в лагерях, СПП, ПФП и других сборных и проверочных пунктах.

¹⁷ В статистике репатрированных советских граждан из Германии имеются некоторые противоречия. Если исходить из числа поступивших к 1 июля 1952 г. из всех четырех оккупационных зон Германии (из советской зоны — 886 286, английской — 1 073 545, американской — 1 039 032, французской — 84 416), то в сумме получается не 3 222 545, а 3 083 279 человек. Недостающие 139 266 человек в источнике названы как прибывшие «из СПП и лагерей» (ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 86а. Д. 12345. Л. 82) без указания стран, откуда они были репатрированы. Причем из контекста ясно, что это, во-первых, не внутренние перемещенные лица и, во-вторых, не переданные союзниками, т.е. речь идет о людях, находившихся за пределами СССР в странах, где стояли советские войска. Мы включили эти 139 266 человек в число репатрированных из советской зоны оккупации Германии, исходя из того, что значительная их часть, безусловно, поступила из бывших германских территорий (Восточная Пруссия и другие), отошедших к СССР и Польше. В ходе дальнейшего исследования возможна корректировка

этой статистики в сторону уменьшения на несколько десятков тысяч человек поступивших из Германии и соответствующего увеличения количества репатриированных из Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии.

¹⁸ Известны факты насильственного вывоза в СССР отдельных белоэмигрантов из Чехословакии и других стран, где стояли советские войска. Однако в документах ведомства Ф. И. Голикова эти лица нигде не вычленяются. По-видимому, они входят в общее число советских граждан, репатриированных из зон действия Красной Армии за границей.

¹⁹ Из этого числа 84 825 человек находились в Западной Германии, 18 891 — в западных зонах Австрии, 100 036 — в Англии, 50 307 — Австралии, 38 681 — Канаде, 35 251 — США, 27 570 — Швеции, 19 675 — Франции, 14 729 — Бельгии, 7085 — Аргентине, 6961 — Финляндии, 3710 — Бразилии, 2804 — Венесуэле, 2723 — Голландии, 2619 — Норвегии и 36 694 — в других странах (ГА РФ. Ф. 9526. Оп. 4а. Д. 7. Л. 5–6).

²⁰ Ст. 193 не применялась даже к А. А. Власову. Он был приговорен к смертной казни по совокупности политических преступлений на основании ст. 58–1, 58–8, 58–9, 58–10 и 58–11 УК РСФСР (Правда. 1946. 2 авг.)

²¹ В литературе прослеживается тенденция расценивать рабочие батальоны НКО как якобы форму репрессии. На самом же деле лица, зачисленные в эти батальоны, вместе с направленными к месту жительства и призванными в Красную Армию составляли одну большую нерепрессированную категорию репатриантов. Рабочие батальоны — одна из форм оргнабора рабочей силы, явления в 1940-х годах в СССР обычного и заурядного. Через различные формы оргнабора рабочей силы в эти годы прошли многие миллионы советских людей, а не одни только репатрианты. Причем люди в массе своей совершенно справедливо воспринимали эти многочисленные мобилизации как суровую необходимость, вызванную обстоятельствами военного и послевоенного времени, а отнюдь не как наказание или репрессии. Задача же сведения части репатриантов в рабочие батальоны и отправки их в организованном порядке на предприятия и стройки состояла не в том, чтобы их якобы наказать, а в том, чтобы удовлетворить запросы промышленных наркоматов, испытывавших острейший дефицит рабочей силы. Поэтому следует признать предвзятым и не соответствующим истине фактическое приравнивание этих лиц к категории репрессированных граждан, данное в оценках двух комиссий в 1956 г. Комиссией во главе с Г. К. Жуковым, которой Президиум ЦК КПСС поручил разобраться с положением вернувшихся из плена бывших советских военнослужащих, а затем, в 1990-х годах, возглавляемой А. Н. Яковлевым Комиссией по реабилитации жертв политических репрессий (См.: Новая и новейшая история, 1996. № 2. С. 108). Репрессированными можно считать тех, кто после зачисления в рабочие батальоны впоследствии был арестован. По данным на 20 января 1947 г., органами контрразведки, госбезопасности и внутренних дел был «изъят» 18 761 репатриант из числа ранее прошедших через рабочие батальоны, из них 14 284 направлены в ПФЛ и на 6-летнее спецпоселение и 4477 арестованы (ГА РФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 667. Л. 256–257).

²² Обе указанные комиссии — Г. К. Жукова и А. Н. Яковлева — чрезвычайно исказили и запутали вопрос о численности и составе репатриантов в рабочих батальонах НКО. В действительности до начала 1947 г., т. е. до того момента, когда рабочие батальоны были расформированы и прекратили свое существование, через них прошли около 660 тыс. репатриантов, в том числе примерно 370 тыс. военнопленных и 290 тыс. гражданских лиц (военнообязанных). Однако Комиссия Г. К. Жукова представила дело так, что эти 660 тыс. человек якобы были только бывшими военнопленными, а в такой интерпретации это не просто искажение. Это — фальсификация! Много лет спустя Комиссия А. Н. Яковлева пошла по пути дальнейшего фальсифицирования. Уцепившись за то, что в данных Комиссии Г. К. Жукова говорится только о зачисленных в рабочие батальоны НКО бывших военнопленных, а «число военнообязанных из гражданских репатриантов не указывалось» (на самом деле, как уже отмечено, последние входили в приведенные выше 660 тыс. человек), Комиссия А. Н. Яковлева пустилась в умозрительные подсчеты и, продемонстрировав вопиющую некомпетентность в этом вопросе, совершенно бездоказательно сделала вывод, что всего за 1945–1953 гг. через рабочие батальоны «прошло не менее 1,5 млн. советских репатриантов, бывших военнопленных и военнообязанных» (См.: Новая и новейшая история. 1996. № 2. С. 108). Эти «статистические открытия» поражают своей нелепостью и абсурдностью: спрашивается, откуда в 1947–1953 гг. могли взять для зачисления в рабочие батальоны еще 840 тыс. новых репатриантов (вдобавок к 660 тыс. зачисленным в 1945–1946 гг.), если в этот период (1947–1953) в СССР было репатрировано лишь около 60 тыс. советских граждан, из них большинство направлено к месту жительства? И каким образом в 1947–1953 гг. людей можно было зачислять в рабочие батальоны, если они к началу 1947 г. были ликвидированы и, следовательно, в этот период не существовали? Лишь на восстановлении Днепрогэса продолжал действовать один рабочий батальон, состоявший из нескольких сотен человек.

²³ Это объяснялось тем, что офицеры, направленные на 6-летнее спецпоселение, однозначно считались предателями, а на офицеров, зачисленных в рабочие батальоны НКО, такой ярлык не был навешан. Впрочем, последние в рабочих батальонах пробыли недолго. Согласно директиве Главупраформа Красной Армии № 1/737084с от 26 января 1946 г. репатриированные офицеры, зачисленные в рабочие батальоны НКО и переданные в постоянные кадры промышленности, освобождались от работ и направлялись в распоряжение отделов кадров соответствующих военных округов (ГА РФ. Ф. 9526. Оп. 4. Д. 62. Л. 225). Из того, что нам известно о их дальнейшей судьбе, можно заключить, что меньшая их часть была восстановлена на военной службе, а большая — уволена в запас (в обоих случаях — с сохранением офицерских званий).

²⁴ География их размещения (данные на 618 305 человек, прошедших через рабочие батальоны до 1 ноября 1946 г.) выглядела так: Украинская ССР — 185 337, Московская область — 54 619, Челябинская — 44 820, Свердловская — 32 738, «Дальстрой» — 31 580, Кемеровская область — 29 047, Молотовская — 28 260, Ростовская — 23 128, Сталинградская — 20 374, Тульская — 12 605, Приморский край — 11 634, Иркутская область — 10 826, Хабаровский край — 9588, Азербайджанская ССР — 9481, Ленинградская область — 9291, Башкирская АССР — 9220, Краснодарский край — 9128, Казахская ССР — 9117, Горьковская область — 6336, другие регионы — 71 176 человек (ГА РФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 667. Л. 208–209). Таким образом, эта география была весьма широкой, и поэтому нельзя согласиться с бытующим в литературе утверждением, что рабочие батальоны НКО направлялись якобы только в «отдаленные районы страны» (См., например: Семиряга М. И. Судьбы советских военнопленных // Вопросы истории. 1995. № 4. С. 32).

²⁵ Из них 42 850 — в Казахстане, 18 023 — Таджикистане, 17 831 — Молотовской области, 13 841 — Алтайском крае, 13 262 — Новосибирской области, 12 076 — Свердловской, 10 976 — Архангельской, 10 131 — Коми АССР, 9462 — Воло-

годской области, 7580 — Удмуртской АССР, 6342 — Костромской области, 5735 — Кировской, 4888 — Кемеровской, 4418 — Иркутской, 4264 — Челябинской, 3200 — Красноярском крае и 23 509 — в других регионах (ГА РФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 641. Л. 22–68).

²⁶ 1 января 1949 г. на учете спецпоселений состояли 135 319 «власовцев», из них в системе «Дальстрой» (Магадан) — 28 366, в Кемеровской области — 19 693, Молотовской — 15 355, Коми АССР — 8219, Иркутской области — 8064, Красноярском крае — 6233, Карело-Финской ССР — 5925, Таджикской ССР — 5772, Якутской АССР — 4048, Приморском крае — 3676, Амурской области — 3185, Киргизской ССР — 2974, Хабаровском крае — 2692, Читинской области — 2369, Башкирской АССР — 2263, Бурят-Монгольской АССР — 2142, Мурманской области — 1793 и в других регионах — 12 550 человек (ГА РФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 488. Л. 3–8).

²⁷ Следует внести ясность в запутанную ситуацию с последовательностью амнистии лиц, осужденных за сдачу в плен (без наличия изменнической деятельности), и власовцев и им подобных. Первые были амнистированы по Указу от 7 июля 1945 г. Тем не менее 18 сентября 1956 г. вышло весьма странное разъяснение Президиума Верховного Совета СССР о распространении Указа от 17 сентября 1955 г. на бывших военнослужащих, осужденных за сдачу в плен. По этому поводу Комиссия А. Н. Яковлева сделала вроде бы логичный, но на самом деле неверный вывод: «И только спустя год эту амнистию распространили на бывших военнопленных, которые не совершили никаких преступных действий. И их амнистировали, как и «власовцев», но только позднее» (См.: Новая и новейшая история. 1996. №2. С. 109). Однако на практике амнистировать на основании разъяснения от 18 сентября 1956 г. было некого, так как в местах лишения свободы не было такой категории заключенных. Это была чисто символическая амнистия применительно к заключенным, которых... не существовало. Чтобы избежать ошибочных суждений на этот счет, следует четко уяснить: лица, осужденные за сдачу в плен (без наличия изменнической деятельности), были амнистированы на 10 лет раньше, чем власовцы и им подобные (первые — по Указу от 7 июля 1945 г., вторые — по Указу от 17 сентября 1955 г.).

Людские потери во Второй Мировой войне

В. Е. Мартынов*

Вторая Мировая война, развязанная фашистской Германией и ее союзниками в сентябре 1939 года, стала самой кровопролитной в истории человечества. В течение пяти лет происходило массовое уничтожение людей. В армии воевавших государств было призвано более 110 миллионов человек.

Из-за отсутствия достоверных статистических данных, до сих пор не установлено общее число жертв среди военнослужащих и гражданского населения многих государств, участвовавших в войне. Оценки количества погибших в различных исследованиях значительно разнятся. Однако принято считать, что за годы второй Мировой войны погибло более 55 миллионов человек. Почти половина всех погибших — мирное население. Только в фашистских лагерях смерти Майданек и Освенцим было уничтожено более 5,5 миллионов безвинных людей. Всего в гитлеровских концлагерях было замучено 11 млн. граждан из всех Европейских стран, в том числе 5 752 400 лиц еврейской национальности.

Основная тяжесть борьбы с фашизмом легла на плечи Советского Союза и его Вооруженных Сил. Дорогой ценой досталась победа Советскому народу. Общие прямые людские потери СССР по данным Управления статистики населения Госкомстата СССР и Центра по изучению проблем народонаселения при МГУ составили 26,6 миллиона¹. Из них, на оккупированных фашистами и их союзниками территориях, а также на принудительных работах в Германии было преднамеренно уничтожено и погибло 13 684 448 мирных советских граждан. Вот какие задачи ставил рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер перед командирами дивизий СС «Мертвая голова», «Рейх», «Лейбштандарт Адольф Гитлер» 24 апреля 1943 г. на совещании в здании Харьковского университета: «Я хочу сказать и думаю, что те, кому я это говорю, и без того понимают, что мы должны вести нашу войну и наш поход

с мыслью о том, как лучше отнять у русских людские ресурсы — живыми или мертвыми? Мы это делаем, когда мы их убиваем или берем в плен и заставляем по-настоящему работать, когда мы стараемся овладеть занятой областью, и когда мы оставляем неприятелю безлюдную территорию. Либо они должны быть угнаны в Германию и стать ее рабочей силой, либо погибнуть в бою. А оставлять врагу людей, чтобы у него опять была рабочая и военная сила, по большому счету, абсолютно не правильно. Такое нельзя себе допустить. И если в войне будет последовательно проводиться эта линия на уничтожение людей, в чем я убежден, тогда русские уже в течение этого года и следующей зимы потеряют свою силу и истекнут кровью»². В соответствии со своей идеологией нацисты действовали всю войну. В концентрационных лагерях в Смоленске, Краснодаре, Ставрополе, Львове, Полтаве Новгороде, Орле Каунасе, Риге и во многих других были замучены сотни тысяч советских людей. За два года оккупации Киева, на его территории в Бабьем Яре были расстреляны десятки тысяч людей разных национальностей — евреев, украинцев, русских, цыган. В том числе, только 29 и 30 сентября 1941 г. зондеркомандой 4А было казнено 33 771 человек³. Любое указание дал Генрих Гиммлер в своем письме от 7 сентября 1943 года к верховному фюреру СС и полиции Украины Приюцману: «Надо делать все, чтобы при отступлении с Украины там не оставалось ни одного человека, ни одной головы скота, ни единого грамма зерна, ни метра железнодорожного полотна, чтобы не уцелел ни один дом, не сохранилась ни одна шахта, и не было ни одного неотравленного колодца. Противнику должна остаться тотально сожженная и разоренная страна»⁴. В Белоруссии оккупанты сожгли свыше 9200 деревень, из которых 619 вместе с жителями. Всего за время оккупации в Белорусской ССР погибли 1 409 235 мирных жителей, еще 399 тыс. человек, насильственно

* Вадим Евгеньевич Мартынов — начальник Отдела Министерства регионального развития.

вывезены на принудительные работы в Германию, из которых более 275 тыс. не вернулись домой⁵. В Смоленске и его окрестностях за 26 месяцев оккупации фашисты уничтожили более 135 тыс. мирных граждан и военнопленных, более 87 тысяч горожан были угнаны на принудительные работы в Германию. Когда в сентябре 1943 г. Смоленск был освобожден, в нем оставалось всего 20 тыс. жителей. В Симферополе, Евпатории, Алуште, Карабузаре, Керчи и Феодосии с 16 ноября по 15 декабря 1941 года опергруппой Д было расстреляно 17 645 евреев, 2504 крымских казака, 824 цыгана и 212 коммунистов и партизан⁶.

Более трех миллионов мирных советских граждан погибло от боевого воздействия в прифронтовых районах, в блокадных и осажденных городах, от голода, обморожений и болезней. Вот как в военном дневнике командования 6-й армией Вермахта за 20 октября 1941 года рекомендуется действовать против советских городов: «Недопустимо жертвовать жизнями немецких солдат для спасения русских городов от пожаров или снабжать их за счет немецкой родины. Хаос в России станет больше, если жители советских городов склонятся к бегству в глубь России. Поэтому перед взятием городов необходимо сломить артиллерийским огнем их сопротивление и принудить население к бегству. Эти меры следует довести до всех командиров»⁷. Только в Ленинграде и его пригородах во время блокады погибло около миллиона мирных жителей⁸. В Сталинграде только за август 1942 г. во время варварских, массированных налетов германской авиации погибло более 40 тыс. человек гражданского населения.

Общие демографические потери Вооруженных Сил СССР составили 8 668 400 человек. Эта цифра включает в себя военнопленных погибших и пропавших без вести в боях, умерших от ран и болезней, не вернувшихся из плена, расстрелянных по приговорам судов и погибших в катастрофах⁹. Из них при освобождении народов Европы от коричневой чумы отдали свои жизни более 1 млн. советских солдат и офицеров. В том числе за освобождение Польши погибло 600 212 чел., Чехословакии — 139 918 чел., Венгрии — 140 004 чел., Германии — 101 961 чел., Румынии — 68 993 чел., Австрии — 26 006 чел., Югославии — 7995 чел., Норвегии — 3436 чел. и Болгарии — 977. При освобождении Китая и Кореи от японских захватчиков погибли 9963 воина Красной Армии.

За годы войны через немецкие лагеря прошло, по разным оценкам, от 5,2 до 5,7 млн. советских военнопленных. Из этого числа погибло от 3,3 до 3,9 млн. человек, что составляет более 60% от общего числа находившихся в плену. В то же время из военнопленных западных стран в германском плену умерло около 4%. В приговоре Нюрнбергского процесса жестокое обращение с советскими военнопленными было квалифицировано как преступление против человечности¹⁰.

Необходимо отметить, что подавляющее число советских военнослужащих, пропавших без вести и попавших в плен, приходится на два первых года войны. Внезапное нападение фашистской Германии на СССР поставило Красную Армию, находившуюся в стадии глубокой реорганизации, в крайне тяжелое положение. Приграничные округа в короткий срок потеряли большинство своего личного состава. Кроме этого, более 500 тыс. мобилизованных военкоматами военнообязанных так и не попали в свои части. В ходе стремительно развивавшегося немецкого наступления они, не имея вооружения и экипировки, оказались на захваченной противником территории и в большинстве своем попали в плен или погибли в первые дни войны. В условиях тяжелых оборонительных боев первых месяцев войны, штабы не смогли нормально организовать учет потерь, а нередко просто не имели для этого возможности. Части и соединения, попавшие в окружение, уничтожали учетную документацию о личном составе и потерях во избежание захвата ее противником. Поэтому многие погибшие в бою числились пропавшими без вести или вообще не были учтены. Примерно такая же картина сложилась и в 1942 г. вследствие ряда неудачных для Красной Армии наступательных и оборонительных операций. К концу 1942 г. количество военнослужащих Красной Армии, пропавших без вести и попавших в плен, резко сократилось. Вместе с тем, необоснованная отмена приказом НКО СССР № 376 от 17.11.1942 г. медальонов в частях Красной Армии привела к увеличению числа неопознанных погибших бойцов и командиров, что также пополнило списки пропавших без вести.

Большое число жертв, понесенных Советским Союзом, объясняется политикой геноцида, направленного против его граждан агрессором, основной целью которого было физическое уничтожение большей части населения СССР, а также тем, что военные действия на территории Советского Союза продолжались более трех лет, и огненный смерч прошелся по ней дважды, сначала с запада на восток до Ленинграда, Москвы, Сталинграда и Кавказа, а затем в обратном направлении, что привело к огромным потерям среди мирных граждан, которые не идут ни в какое сравнение с аналогичными потерями Германии, на территории которой боевые действия велись менее пяти месяцев.

Работа по уточнению данных о жертвах понесенных СССР в годы войны продолжается до сих пор. В соответствии с рядом поручений Президента Российской Федерации и его Указом от 22 января 2006 года № 37 «Вопросы увековечивания памяти погибших при защите Отечества» в России создана межведомственная комиссия по оценке людских и материальных потерь в годы Великой Отечественной войны. Основная цель комиссии — к 2010 году окончательно определиться с потерями военного и гражданского населения за период Великой Отечественной

войны, а также рассчитать материальные затраты за более чем четырехлетний период ведения боевых действий. Минобороны России реализуется проект ОБД «Мемориал» по систематизации учетных данных и документов о погибших воинах. Выполнение основной технической части проекта — создание Объединенного банка данных и сайта www.obd-memorial.ru осуществляет специализированная организация — корпорация «Электронный Архив». Главная цель проекта — дать возможность миллионам граждан установить судьбу или найти информацию о своих погибших или пропавших без вести родных и близких, определить место их захоронения. Ни в одной стране мира нет такого банка данных и свободного доступа к документам о потерях вооруженных сил. Кроме того, на полях бывших сражений до сих пор работают энтузиасты из поисковых отрядов. Благодаря обнаруженным ими солдатским медальонам обрели имена тысячи военнослужащих, погибших по обе стороны фронта.

Польша, первая подвергшаяся гитлеровскому нашествию в ходе Второй Мировой войны, также понесла огромные потери: 6 млн. человек, в подавляющем большинстве, гражданского населения. Потери вооруженных сил Польши составили 123 200 человек¹¹.

В том числе:

- сентябрьская кампания 1939 г. (вторжение гитлеровских войск в Польшу) — 66 300 чел.;
- 1-я и 2-я польские армии на Востоке — 13 200 чел.;
- польские войска во Франции и Норвегии в 1940 г. — 2100 чел.;
- польские войска в английской армии — 7900 чел.;
- варшавское восстание 1944 г. — 13 000 чел.;
- партизанская война — 20 000 чел.

Общие потери вооруженных сил Британского Содружества на Западном, Африканском и Тихоокеанском фронтах погибшими и пропавшими без вести составили 590 621 человек. Из них:

- Объединенное Королевство и колонии — 383 667 чел.;
- неразделенная Индия — 87 031 чел.;
- Австралия — 40 458 чел.;
- Канада — 53 174 чел.;
- Новая Зеландия — 11 928 чел.;
- Южная Африка — 14 363 чел.

Кроме того, в ходе боевых действий в плен к противнику попали около 350 тыс. военнослужащих Британского содружества¹². Из них 77 744 военнослужащих, включая моряков торгового флота, попали в японский плен¹³.

При этом необходимо учитывать, что роль Британских вооруженных сил во Второй Мировой войне ограничивалась в основном боевыми действиями на море и в воздухе. Кроме того, Объединенное Королевство потеряло погибшими 67 100 мирных граждан.

Общие потери вооруженных сил Соединенных Штатов Америки погибшими и пропавшими без вести на Тихоокеанском и Западном фронтах составили: 416 837 человек. Из них потери армии составили — 318 274 чел. (в том числе ВВС потеряли 88 119 чел.), ВМФ — 62 614 чел., корпус морской пехоты — 24 511 чел., береговая охрана США — 1917 чел., торговый флот США — 9521 человек.

Кроме того, 124 079 военнослужащих США (в том числе 41 057 военнослужащих ВВС) попали в плен к противнику в ходе боевых действий¹⁴. Из них 21 580 военнослужащих попали в японский плен¹⁵.

Франция потеряла 567 000 человек. Из них вооруженные силы Франции погибшими и пропавшими без вести потеряли 217 600 человек. За годы оккупации во Франции погибло 350 000 гражданских лиц.

Более миллиона военнослужащих французских вооруженных сил попали в плен в 1940 году¹⁶.

Югославия потеряла во Второй мировой войне 1 027 000 человек. В том числе потери вооруженных сил составили 446 000 человек и 581 000 гражданского населения.

Нидерланды потеряли погибшими 301 000 человек, в том числе погибла 21 000 военнослужащих и 280 000 мирных жителей.

Греция потеряла погибшими 806 900 человек. В том числе вооруженные силы потеряли 35 100 чел., а гражданское население 771 800 человек.

Бельгия потеряла погибшими 86 100 человек. Из них потери вооруженных сил составили 12 100 человек и гражданские потери 74 000.

Норвегия потеряла 9500 человек, из них 3000 военнослужащих.

Вторая мировая война, развязанная «Тысячелетним» Рейхом, обернулась катастрофой для самой Германии и ее сателлитов. Реальные потери немецких вооруженных сил не известны до сих пор, хотя к началу войны в Германии была создана отлаженная система по учету военнослужащих. Каждому немецкому военнослужащему сразу по прибытии в запасную воинскую часть выдавался личный опознавательный знак (die Erkennungsmarke), представлявший собой алюминиевую пластину овальной формы. Знак состоял из двух половин, на каждой из которых выбиты: личный номер военнослужащего, наименование войсковой части, выдавшей знак. Обе половины личного опознавательного знака легко отламывались друг от друга вследствие наличия продольных прорезов большой оси овала. При нахождении тела погибшего военнослужащего одна половина знака отламывалась и отсылалась вместе с донесением о потерях. Другая половина оставалась на погибшем на случай необходимости последующей идентификации при перезахоронении. Надпись и номер на личном опознавательном знаке воспроизводились во всех личных документах военнослужащего, этого настойчиво добивалось

немецкое командование. В каждой войсковой части велись точные списки выданных личных опознавательных знаков. Копии этих списков отсылались в Берлинское Центральное Бюро по учету военных потерь и военнопленных (WAST)¹⁷. Вместе с тем, при разгроме воинской части в ходе боевых действий и отступлении осуществить полный персональный учет погибших и пропавших без вести военнослужащих было затруднительно. Так, например, несколько военнослужащих Вермахта, обнаруженных в ходе поисковых работ, проводившихся историко-архивным поисковым центром «Судьба» на местах бывших боев на реке Угра в Калужской области, где интенсивные боевые действия велись в марте — апреле 1942 г., по информации службы WAST, были учтены только как призванные в германскую армию. Информация об их дальнейшей судьбе отсутствовала. Они не числились даже пропавшими без вести.

Начиная с разгрома под Сталинградом немецкая система учета потерь стала давать сбои, а в 1944 и 1945 гг., терпя поражение за поражением, германское командование просто физически не могло учесть все свои безвозвратные потери. С марта 1945 г. их учет вообще прекратился. Положение германского Вермахта в 1944–1945 гг. — это зеркальное отражение положения Красной Армии в 1941–1942 годах. Только мы смогли выстоять и победить, а Германия была повержена. Еще в конце войны началась массовая миграция немецкого населения, которая продолжилась и после крушения «Третьего Рейха». Германская империя в границах 1939 г. перестала существовать. Более того, в 1949 г. сама Германия была разделена на два независимых государства — ГДР и ФРГ. В связи с этим, выявить реальные прямые людские потери Германии во Второй Мировой войне достаточно сложно. Все исследования немецких потерь базируются на данных немецких документов периода войны, которые не могут отражать реальные потери. В них речь может идти только о потерях, взятых на учет, что совсем не одно и то же, тем более для потерпевшей сокрушительное поражение страны. По неполным имеющимся данным, безвозвратные потери Германии и ее союзников (убито, умерло от ран, попало в плен и пропало без вести) составили 11 млн. 949 тыс. чел. Сюда входят людские потери германских вооруженных сил — 6 млн. 923,7 тыс. человек, аналогичные потери союзников Германии (Венгрии, Италии, Румынии, Финляндии, Словакии, Хорватии) — 1 млн. 725,8 тыс. человек, а также потери гражданского населения Третьего Рейха — 3 млн. 300 тыс. человек это погибшие от бомбежек и военных действий, пропавшие без вести, жертвы фашистского террора¹⁸. При этом необходимо учитывать, что доступ к документам о потерях, хранящимся в WAST до сих пор для историков закрыт.

По официальным данным, приведенным в статистическом исследовании группы, возглавляемой

генералом Г. Ф. Кривошеевым, до 9 мая 1945 года Красная Армия захватила в плен более 3 777 000 военнослужащих противника. В плену умерло 381 тыс. военнослужащих вермахта и 137 тысяч солдат союзных Германии армий (кроме Японии), то есть всего 518 тыс. человек, что составляет 14,9% от всех учтенных военнопленных противника. После окончания советско-японской войны из 640 тыс. военнослужащих японской армии, захваченных в плен Красной Армией в августе — сентябре 1945 г., в плену умерли 62 тыс. человек (менее 10%)¹⁹.

Потери Италии во Второй Мировой войне составили 454 500 человек, из которых 301 400 погибших пришлось на вооруженные силы (из них 71 590 на советско-германском фронте) и 153 100 на гражданское население.

Потери Венгрии составили 629 055, в том числе вооруженные силы — 349 055, гражданское население — 280 000 (из них 200 000 еврейское население).

Потери Румынии составили 833 000 чел. Из них 300 000 потеряли вооруженные силы и 533 000 гражданское население (в том числе 469 000 граждан еврейской национальности).

Финляндия потеряла в войне 84 770 военнослужащих и 2000 гражданских лиц.

Болгария потеряла 25 000 человек, в том числе 22 000 военнослужащих.

Испания потеряла 4500 военнослужащих.

По разным оценкам, жертвами японской агрессии в странах Юго-Восточной Азии и Океании стали от 5 424 000 до 20 365 000 мирных жителей. В том числе жертвы гражданского населения Китая оцениваются от 3 695 000 до 12 392 000 чел., Индокитая от 457 000 до 1 500 000 чел., Кореи от 378 000 до 500 000 чел. Индонезии 375 000 чел., Сингапура 283 000 чел., Филиппин — 119 000 чел., Бирмы — 60 000 чел., островов Тихого Океана 57 000 человек.

Потери вооруженных сил Китая погибшими и ранеными превысили 5 млн. человек²⁰.

Филиппинская армия потеряла погибшими и пропавшими без вести 57 000 человек.

В японском плену умерли 331 584 военнослужащих из разных стран. В том числе 270 000 из Китая, 20 000 из Филиппин, 12 935 из США, 12 433 из Великобритании, 8500 из Нидерландов, 7412 из Австралии, 273 из Канады и 31 из Новой Зеландии.

Японские вооруженные силы потеряли погибшими и пропавшими без вести 1 940 900 военнослужащих, в том числе армия — 1 526 000 человек и флот — 414 900. В плен попало 40 000 военнослужащих. Гражданское население Японии потеряло 580 000 человек, основная часть которых стала жертвами атомных бомбардировок Японии военно-воздушными силами США в августе 1945 года. ВВС США сбросили на японские города две атомные бомбы. Город Хиросима атомной бомбардировке подвергся 6 августа 1945 года. В составе экипажа самолета, бомбившего город, был представитель британских

ВВС. В результате взрыва бомбы в Хиросиме погибло и пропало без вести порядка 200 тыс. человек, ранено и подверглось радиоактивному излучению более 160 тыс. человек. Вторая атомная бомба была сброшена 9 августа 1945 г. на город Нагасаки. В результате

бомбардировки в городе погибли и пропали без вести 73 тыс. человек, позднее от облучения и ран умерли еще 35 тысяч человек. Всего в результате атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки пострадало более 500 тыс. мирных жителей²¹.

¹ Всероссийская Книга памяти, 1941–1945: Обзорный том. — /Редколлегия: Е. М. Чехарин (председатель), В. В. Володин, Д. И. Карабанов (заместители председателя) и др. — М.: Воениздат, 1995, — 544 с.; стр. 396.

² Немецкий оригинальный вариант каталога документальной экспозиции «Война против Советского Союза 1941–1945» под редакцией Рейнгарда Рюрупа, опубликован в 1991 году в издательстве Аргон, Берлин (1-е и 2-е издания), стр. 103.

³ Бабий Яр. Книга памяти/сост. И. М. Левитас.-К.: Издательство «Сталь», 2005 г., стр. 24.

⁴ Немецкий оригинальный вариант каталога документальной экспозиции «Война против Советского Союза 1941–1945» под редакцией Рейнгарда Рюрупа, опубликован в 1991 году в издательстве Аргон, Берлин (1-е и 2-е издания), стр. 232.

⁵ Война, Народ, Победа: материалы международной научн. Конф. Москва, 15–16 марта 2005 года / (отв. Ред. М. Ю. Мягков, Ю. А. Никифоров); Ин-т всеобщ. Истории РАН. — М.: Наука, 2008. Вклад Беларуси в победу в Великой Отечественной войне А. А. Коваленя, А. М. Литвин, стр. 249.

⁶ Немецкий оригинальный вариант каталога документальной экспозиции «Война против Советского Союза 1941–1945» под редакцией Рейнгарда Рюрупа, опубликован в 1991 году в издательстве Аргон, Берлин (1-е и 2-е издания), стр. 123.

⁷ Немецкий оригинальный вариант каталога документальной экспозиции «Война против Советского Союза 1941–1945» под редакцией Рейнгарда Рюрупа, опубликован в 1991 году в издательстве Аргон, Берлин (1-е и 2-е издания), стр. 68.

⁸ Очерки истории Ленинграда. Л., 1967. т. 5, с. 692.

⁹ Россия и СССР в войнах XX века: Потери Вооруженных Сил — статистическое исследование. Под общей редакцией Г. Ф. Кривошеева. — М. «ОЛМА-ПРЕСС», 2001 г.

¹⁰ Великая Отечественная война. 1941–1945. Иллюстрированная энциклопедия. — М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2005., Военнопленные советские в Германии. Д. К. Соколов, стр. 142.

¹¹ «Отчет о потерях и военном ущербе, причиненном Польше в 1939–1945 гг.», Варшава, 1947, стр. 36.

¹² American Military Casualties and Burials. Wash. 1993/ P. 290.

¹³ Б. Ц. Урланис. История военных потерь. Санкт-Петербург. Изд. Полигон. 1994. стр. 329.

¹⁴ American Military Casualties and Burials. Wash. 1993/ P. 290.

¹⁵ Б. Ц. Урланис. История военных потерь. Санкт-Петербург. Изд. Полигон. 1994. стр. 329.

¹⁶ Б. Ц. Урланис. История военных потерь. Санкт-Петербург. Изд. Полигон. 1994. стр. 326.

¹⁷ Руководство по поисковым и эксгумационным работам./В. Е. Мартынов и др./ Ассоциация «Военные мемориалы». — 3-е изд. Переработанное и дополненное. — М.: ТОО «Люкс-арт», 1997 г., стр. 34.

¹⁸ Всероссийская Книга памяти, 1941–1945: Обзорный том. — /Редколлегия: Е. М. Чехарин (председатель), В. В. Володин, Д. И. Карабанов (заместители председателя) и др. — М.: Воениздат, 1995, стр. 452.

¹⁹ Великая Отечественная война. 1941–1945. Иллюстрированная энциклопедия. — М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2005., Военнопленные иностранные в СССР. Д. К. Соколов, стр. 139.

²⁰ История второй мировой войны. 1939–1945: В 12 т. М., 1973–1982. т.12 с. 151.

²¹ Великая Отечественная война 1941–1945: энциклопедия. — / гл. ред. М. М. Козлов. Редколлегия: Ю. Я. Барабаш, П. А. Жилин (зам.гл. ред., В. И. Канатов (отв. Секретарь) и др. — М. Советская энциклопедия, 1985, Атомное оружие, стр. 71.

Создание Организации Объединенных Наций — результат победы над фашизмом

А. А. Орлов*

Принцип единогласия постоянных членов Совета Безопасности — важнейшее условие эффективности ООН

«Организация Объединенных Наций родилась в результате кровавой борьбы с фашизмом»

*Из выступления А. А. Громыко на Первой сессии (первая часть) Генеральной Ассамблеи ООН
18 января 1946 г.*

Одним из главных результатов победы антигитлеровской коалиции над фашизмом стало создание Организации Объединенных Наций. Четыре года и четыре дня разделяют во времени вероломное нападение нацистской Германии на Советский Союз и принятие на Конференции в Сан-Франциско¹ Устава ООН.

22 июня 1941 года мир оказался на пороге всемирной катастрофы, когда будущее человечества было поставлено в прямую зависимость от мужества и героизма советского солдата, готовности Советского Союза дать отпор агрессору. 26 июня 1945 г. появилась универсальная международная организация, призванная обеспечить мир и международную безопасность². И хотя к этому моменту Вторая мировая война еще не завершилась, страны и народы на всех континентах обрели надежду на мирное будущее.

Как пишет в своих мемуарах А. А. Громыко, идея создания ООН «возникла, можно сказать, спонтанно в руководящих кругах трех великих держав антигитлеровской коалиции. Не все очертания такой организации представлялись ясными, но очевидным вырисовывалось одно: она должна быть более эффективной, чем Лига Наций, оказавшаяся беспомощной

в преддверии надвигавшейся Второй мировой войны»³. Тем не менее «дух» Лиги Наций⁴ долго витал над творцами новой организации, удерживая некоторых из них в замкнутых пределах привычных и казавшихся незыблемыми стереотипов.

Ключевое значение для успешной работы любой международной организации имеет порядок принятия ею решений. В периоды относительной стабильности в международных делах, когда на повестке дня остро не стоят вопросы войны и мира, рутинная обыденная работа международной структуры не позволяет оценить ее оперативность и эффективность в экстремальных условиях. Так и Лига Наций до определенной поры отнюдь не казалась ее членам ограниченно дееспособным образованием. Более того, ее «родимые пятна» в виде изначально недостаточно четкого распределения «сфер ответственности» между Ассамблеей и Советом Лиги, порядка единогласного принятия решений в этих главных органах, за исключением процедурных вопросов, неучета голосов членов Совета Лиги в случае, если в этом органе разбирался спор между ними и т. д., трактовались не как слабость Лиги Наций, а как ее сила, показатель высокого демократизма. Сложные и драматичные события кануна Второй

* Александр Арсеньевич Орлов — директор Института международных исследований МГИМО (У) МИД России, профессор.

мировой войны показали полную беспомощность Лиги Наций в кризисной ситуации. Лишенной механизма принятия быстрых, эффективных и обязательных для исполнения решений, Лиге Наций суждено было остаться в истории в качестве неудачника, места сотрясения воздуха от громогласных, но, на поверку, бесполезных тирад и заявлений.

Лига Наций не смогла эффективно противодействовать нарушению Германией Версальского и Локкарнского договоров, что в конечном итоге позволило нацистскому режиму осуществить милитаризацию страны и подготовиться к новой мировой войне, оказалась бессильна предотвратить захват Италией Абиссинии, проявила пассивность и недееспособность перед лицом германо-итальянского вмешательства в гражданскую войну в Испании на стороне мятежника Франко, осталась полностью безучастной к поглощению гитлеровской Германией Австрии и позже к позорному Мюнхенскому соглашению о разделе Чехословакии.

При этом Великобритания и Франция, доминировавшие в Лиге Наций на всем протяжении ее существования, ловко организовали исключение из нее СССР, воспользовавшись в этих целях советско-финским конфликтом 1939–1940 гг. Это контрпродуктивное по существу и нелегитимное по форме реализации решение было проведено голосами 7-ми из 15 членом Совета Лиги Наций, в то время как остальные 8 членом этого органа, как отмечалось в сообщении ТАСС по этому поводу, «относятся либо к числу воздержавшихся, либо к числу отсутствовавших». Тем самым, как вполне справедливо указал ТАСС, «случайно подобранные „представители“ 127 млн. населения „исключили“ СССР с его 183 млн. населения».

Если учесть, что Соединенные Штаты, президент которых Вудро Вильсон считается одним из «отцов-основателей» Лиги Наций, в нее так и не вошли, поскольку Сенат не ратифицировал Устав Лиги из-за несогласия с принципом взаимной гарантии территориальной целостности стран-членов, закрепленным в его ст. 10, Германия и Япония вышли из Лиги Наций в 1933 году, а Советский Союз был исключен из нее в декабре 1939 года, то говорить об универсальном статусе этой организации не приходится. На последнем этапе своего существования Лига Наций превратилась в заурядный дискуссионный клуб под председательством Лондона и Парижа, окончательно утратив свой миротворческий статус и так и не реализовав своего предназначения, связанного с достижением разоружения, обеспечением коллективной безопасности, предотвращением военных действий и улучшением качества жизни на планете.

***

Организация Объединенных Наций рождалась в горниле общей борьбы стран антигитлеровской коалиции за победу во Второй мировой войне. Руководителям «большой тройки» — Советского Союза, США и Великобритании было понятно, что прочность послевоенного мира будет в решающей степени зависеть от

согласованности их действий в новых условиях. Приведем выдержку из выступления И. В. Сталина 6 ноября 1944 года, в котором, говоря о будущей ООН, он справедливо подчеркнул: «Это будет новая, специальная, полномочная международная организация, имеющая в своем распоряжении все необходимое для того, чтобы защитить мир и предотвратить новую агрессию.

Можно ли рассчитывать на то, что действия этой международной организации будут достаточно эффективными? Они будут эффективными, если великие державы, вынесшие на своих плечах главную тяжесть войны против гитлеровской Германии, будут действовать и впредь в духе единения и согласия. Они не будут эффективными, если будет нарушено это необходимое условие»⁵.

В том же духе высказался и глава британского правительства Уинстон Черчилль, выступая в Палате общин 27 февраля 1945 года: «Наше будущее зависит от тесного и плодотворного сотрудничества этих держав (имеются в виду страны, внесшие основной вклад в разгром фашизма, то есть СССР, США и Великобритания. — Прим. авт.). Выступая совместно в качестве основателей, мы все должны сделать первые шаги к созданию мировой организации, которая, как мы надеемся, с течением времени включит в себя все страны мира»⁶.

По мере приближения окончания войны работа над созданием всемирной организации значительно активизировалась. Основной задел по подготовке ее Устава был сделан на Конференции в Думбартон-Оксе⁷. Как отмечает в своих воспоминаниях А. А. Громыко, там «было согласовано, можно сказать, девяносто процентов всего того, что касалось создания ООН. Остался несогласованным главный вопрос — о полномочиях Совета Безопасности при разделении прав и полномочий между ним и Генеральной Ассамблеей. Как в фокусе, все это находило отражение в позициях участников по вопросу о принципе единогласия постоянных членом Совета Безопасности»⁸.

Принцип единогласия постоянных членом Совета Безопасности ООН является одной из основ всей системы международных отношений, сложившейся по итогам Второй мировой войны. Этот принцип кардинально отличает ООН от аморфной Лиги Наций. С его появлением каркас новой международной системы обрел необходимую устойчивость и целостность.

Однако в конце 1944 и начале 1945 годов будущие четкие и выверенные конструкции ООН только прописывались в ходе сложных переговоров. При этом силуэт потерпевшей полное фиаско политически, но еще к тому времени не распущенной формально Лиги Наций всегда был где-то рядом⁹. В частности, при обсуждении вопроса о порядке принятия решений в Совете Безопасности США, руководимые администрацией Франклина Рузвельта, искренне стремившиеся к созданию после войны сильной и жизнеспособной международной организации, долго настаивали на том, что когда один из членом Совета Безопасности сам является участником спора, то его голос не должен учитываться

при принятии Советом того или иного решения. Британцы выступали с тех же позиций. Такая процедура фактически повторила бы один из основных принципов деятельности Лиги Наций, приведших ее к банкротству.

СССР вовремя распознал опасность американского предложения, практическая реализация которого неминуемо привела бы к попыткам навязывания воли одних государств другим, прежде всего Советскому Союзу, и, соответственно, противопоставлению великих держав друг другу, что подрывало бы принцип их единогласия. В личной беседе с Рузвельтом А. А. Громыко твердо изложил понимание Москвой принципа единогласия. «Для отступления от этой позиции у нас пространства нет, — заявил советский посол в США¹⁰, — так же как не было его у наших войск, сражавшихся в Сталинграде»¹¹. В конечном итоге аргументированность и последовательность советской позиции дали свои плоды. На Крымской (Ялтинской) конференции¹² руководители СССР, США и Великобритании пришли к принципиальной договоренности о том, что для принятия Советом Безопасности ООН решений по всем существенным вопросам, за исключением процедурных, необходимо единогласие постоянных членов Совета. Причем устроившую всех формулировку предложил Рузвельт. В то же время достижение взаимопонимания «большой тройки» по принципу единогласия постоянных членов без решения другого ключевого вопроса — о распределении полномочий между Генеральной Ассамблеей и Советом Безопасности оставляло процесс создания ООН незавершенным. Отсутствие должной определенности в этом вопросе, что было, в частности, бичом Лиги Наций, могло свести на нет договоренность о единогласии.

На Конференции в Сан-Франциско Советскому Союзу пришлось противостоять мощному напору нескольких десятков ориентированных на США государств, стремившихся, с одной стороны, максимально ограничить сферу применения принципа единогласия постоянных членов Совета Безопасности, а, с другой — добиться наделяния Генеральной Ассамблеи такими же, если не большими, правами, как Совет Безопасности, и урезания тем самым функций последнего в качестве органа ООН, несущего главную ответственность за поддержание мира.

Соединенные Штаты, где к тому времени новым хозяином Белого дома стал Гарри Трумэн, исповедовавший несколько иную внешнеполитическую философию, чем его предшественник, при содействии Англии тонко манипулировали конгломератом своих союзников, значительное число которых приходилось на традиционную вотчину Вашингтона — тогда еще во всем ему послушную Латинскую Америку. Расчет англо-саксонского тандема был прост — закрепление больших полномочий за Генеральной Ассамблеей, где не применялся принцип единогласия постоянных членов Совета Безопасности, гарантировало США и Великобритании принятие удобных им решений путем использования послушной им «машины голосования».

Тогда внешнеполитические стратеги в Вашингтоне и Лондоне даже не могли себе представить, что не пройдет и двух десятилетий, как ситуация для США и их главных союзников кардинально поменяется. Процесс деколонизации приведет к тому, что в ООН вольются десятки молодых независимых государств, которые не станут послушными исполнителями воли Вашингтона. «Машина голосования» в Генеральной Ассамблее перестанет работать в угоду США. Более того, американцам во многих случаях придется на собственном опыте испытать, что значит оказаться в глубокой политической изоляции, когда подавляющее большинство стран мира придерживается иной позиции, чем Вашингтон и горстка всегда преданных ему сателлитов. Только тогда американцы прочувствуют и поймут, насколько прав был Советский Союз в 1945-м, когда настойчиво и последовательно отстаивал принцип единогласия постоянных членов Совета Безопасности и боролся за наделяние Совета главной ответственностью за поддержание мира. Как вспоминает А. А. Громыко, советская делегация в Сан-Франциско заявила: «Наша страна не даст своего согласия на такой Устав ООН, который сеял бы семена новых военных конфликтов между странами»¹³. Вновь Москва, как и в ходе упомянутой выше беседы А. А. Громыко с Рузвельтом, ясно дала понять, что резерв для компромисса с ее стороны полностью исчерпан. В конечном итоге удалось согласовать, что Генеральная Ассамблея может обсуждать любой вопрос, высказав по итогам консультативное мнение, но полномочия принимать обязательные для исполнения решения являются прерогативой только и исключительно Совета Безопасности.

Тем самым сложилась единственно правильная, а посему прочная и долговременная система взаимодействий главных органов ООН, в дальнейшем закрепленная в Уставе Организации. Функции и полномочия Совета Безопасности были прописаны, прежде всего, в п. 1 ст. 24 Устава ООН и сформулированы следующим образом: «Для обеспечения быстрых и эффективных действий Организации Объединенных Наций ее Члены возлагают на Совет Безопасности главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности и соглашаются в том, что при исполнении его обязанностей, вытекающих из этой ответственности, Совет Безопасности действует от их имени».

***

ООН возникла на волне победы государств антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне. Роль Советского Союза в Великой победе была решающей и никем тогда не ставилась под сомнение. Поэтому советская дипломатия стала одним из главных соавторов Устава ООН, который по праву считается Основным законом современных международных отношений, центральным звеном и главным источником международного права. Москва настояла на закреплении в этом поистине эпохальном документе

ряда положений, которые исключали возможность оказания на нее давления и навязывания ей чужой воли. Но эти положения, в которых на первом этапе деятельности ООН был прежде всего заинтересован Советский Союз, оказались абсолютно востребованными всеми постоянными членами Совета Безопасности в дальнейшем. Потому что в Уставе ООН с самого начала была проведена разумная черта между псевдодемократизмом, воплощением которого являлись требования фактически сделать самым главным органом ООН Генеральную Ассамблею под тем предлогом, что в ней на равной основе представлены все государства-члены ООН, и реалиями современного мира, в котором, при всём уважении к остальным странам, основная ответственность за судьбы народов и будущее человечества ложится на несколько наиболее могущественных государств, объединенных в рамках общего понятия «великие державы».

На мой взгляд, и в этом я глубоко убежден, ООН в ее нынешнем виде могла появиться только на выходе из гигантского катаклизма, каким была Вторая мировая война. Только в таких драматических условиях мог появиться шанс создать универсальную международную организацию, наделенную правами и имеющую возможность принимать эффективные и оперативные меры для того, чтобы, как сказано во первых строках Устава ООН, «избавить грядущие поколения от бедствий войны». При прочих обстоятельствах ООН скорее всего напоминала бы невыразительную, чуть-чуть подретушированную Лигу Наций, современным вариантом которой является потерявшаяся в новых условиях, погрязшая в дебатах, вялая ОБСЕ.

У ООН есть много критиков, приводящих в качестве доказательства ее неэффективности нападение НАТО на СРЮ в 1999 году и агрессию США и ряда примкнувших к ним стран против Ирака в 2003 году, которые всемирная организация не смогла предотвратить. Но в этих ситуациях виновата не ООН, а те государства — постоянные члены Совета Безопасности (прежде всего США), которые сознательно вышли

за рамки международного права ради осуществления акций, которые им казались обоснованными, отвечающими их национальным интересам. В обоих указанных случаях они отбросили принцип единогласия постоянных членов Совета Безопасности ООН, предпочтя действовать в духе нравов и обычаев доправовой эпохи. Это то самое положение, когда эффективность ООН напрямую зависит от готовности постоянных членов Совета Безопасности действовать на основе единодушия и согласия, о чем предупреждали советские руководители еще на заре этой организации.

Югославия и Ирак, как можно надеяться, стали для всемирной организации серьезным уроком и только подтвердили императивную необходимость поиска взаимопонимания между постоянными членами Совета Безопасности в стенах ООН. Ненавязывание чужой воли великой державе остается непреложным условием эффективности ООН. При этом постоянные члены Совета Безопасности, на которых ориентируются остальные страны мира, должны быть эталоном поведения на международной арене, четко и скрупулезно выполнять Устав ООН, другие нормы и принципы международного права. В этом залог того, что ООН, являющаяся общемировым достоянием, будет оставаться, как указано в Концепции внешней политики Российской Федерации, «центром регулирования международных отношений и координации мировой политики в XXI веке».

У ООН есть огромный ресурс развития. Она может и должна успешно адаптироваться к реалиям меняющегося мира. В рамках рационального реформирования ООН, являющегося не разовой кампанией, а последовательным процессом, в Совет Безопасности могут войти новые страны, в том числе на правах постоянных членов. Это только укрепит Организацию, повысит легитимность ее Совета Безопасности прежде всего в глазах развивающихся стран. При этом важно, чтобы сохраняли свою силу базовые принципы ООН, заложенные в ее фундамент «отцами-основателями» при создании Организации, ставшей одним из главных, наиболее значимых итогов Второй мировой войны.

¹ Конференция в Сан-Франциско, созданная в целях учреждения международной организации для поддержания мира и безопасности, состоялась с 25 апреля по 26 июня 1945 года.

² Устав ООН вступил в силу 24 октября 1945 года.

³ Громыко А. А. Памятное. Кн.1. — М.: Политиздат, 1988. С. 234.

⁴ Лига Наций — международная организация, существовавшая в период между Первой и Второй мировыми войнами.

⁵ Цит. по: Выступления глав делегаций СССР/Российской Федерации на сессиях Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций: Сборник документов/Министерство иностранных дел Российской Федерации; Московский государственный институт международных отношений (Университет). — М.: Международные отношения, 2006. С. 16.

⁶ Черчилль У. Мускулы мира. — М.: Эксмо, 2008. С. 441.

⁷ Конференция в Думбартон-Оксе (по названию старинной усадьбы в черте Вашингтона) состоялась с 21 августа по 7 октября 1944 года.

⁸ Громыко А. А. Памятное. Кн.1. С. 236.

⁹ Лига Наций была распущена в апреле 1946 г.

¹⁰ А. А. Громыко в 1943 — 1946 гг. был послом СССР в США.

¹¹ Громыко А. А. Памятное. Кн. 1. С. 237.

¹² Крымская (Ялтинская) конференция состоялась с 4 по 12 февраля 1945 года.

¹³ Громыко А. А. Памятное. Кн. 1. С. 246.

Ленд-лиз для СССР: дискуссия продолжается

Л. В. Поздеева*

США, однажды заметил Г. Гопкинс в беседе со Сталиным, не считают помощь по ленд-лизу главным фактором обеспечения победы СССР — победа «достигнута героизмом и кровью русской армии». В таком же духе высказывались в военные годы и многие другие государственные деятели Америки. В докладе президента США Конгрессу об осуществлении программы ленд-лиза за период до 31 марта 1945 г. указывалось, что советские армии снабжались в основном советским вооружением и военными материалами¹.

В СССР в 1942–1943 гг. отмечалось, хотя широко и не пропагандировалось, положительное значение военно-экономических усилий западных союзников и ленд-лиза для борьбы с нацистской Германией². После открытия второго фронта советская пресса стала сильнее подчеркивать важную роль мобилизации экономических ресурсов союзных стран. Наркомат внешней торговли СССР опубликовал 11 июня 1944 г. данные о поставках Советскому Союзу вооружения, стратегических материалов, промышленного оборудования и продовольствия Соединенными Штатами, Великобританией и Канадой³. В периодической печати появлялись заметки и статьи известных советских писателей и публицистов о значении помощи, об организации и путях доставки американских грузов в СССР. В стенограмме одной из лекций на тему военной экономики, прочитанной 22 августа 1944 г., приводились конкретные данные о поставках союзниками металлов и грузовиков, что характеризовалось как «важный дополнительный источник питания хозяйства и фронта»⁴.

Заявление посла США в СССР У. Стэндли на пресс-конференции в Москве 8 марта 1943 г. о преднамеренном сокрытии Советским правительством источника получения помощи едва ли можно считать абсолютно точным. Более соответствовало истине утверждение начальника военной миссии США

в СССР генерала Д. Дина о том, что советская пресса лишь скупо освещала размеры американской помощи⁵. Заметим, впрочем, что выступление Стэндли состоялось вскоре после опубликования 23 февраля приказа Сталина по случаю 25-й годовщины Красной Армии, в котором даже упоминание об американских и британских поставках по ленд-лизу отсутствовало. Все же Сталин, чья переписка с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем изобилует упреками по поводу невыполнения союзнических обязательств по поставкам, в 1944–1945 гг. несколько раз одобрительно высказался о ленд-лизе⁶.

Значительная часть населения СССР довольно слабо разбиралась в тонкостях политики ленд-лиза. Лекторов и агитаторов слушатели спрашивали в основном о дате открытия второго фронта на Западе, а не о поставках. В отчете политработников Красной Армии о проведении за время с 28 мая по 6 июня 1944 г. разъяснительной работы среди населения в двух районах Смоленской области — Красненском и Руднянском — содержался перечень заданных вопросов. 24 человека интересовались: «Когда будет открыт второй фронт?»; 55 человек: «Скоро ли можно ожидать победу при открытии второго фронта?»; 3 человека: «Сколько нам придется платить союзникам за их помощь и когда мы расплатимся?». Один слушатель спросил: «Почему нам помогает Англия, ведь они же капиталисты?»⁷.

У фронтовиков, более подготовленных к восприятию докладов о международном положении, тема союзнической помощи вызывала больший интерес. Но и они, как явствует из обзора одной из лекций, прочитанных в июне 1944 г., неважно разбирались в механизме оказания помощи. Что такое «передача по ленд-лизу?» — просили объяснить лектора⁸.

С распадом антигитлеровской коалиции и переходом к холодной войне проблема экономической

* Лидия Васильевна Поздеева — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник-консультант Института всеобщей истории РАН

помощи, наряду с другими проблемами, выдвинулась в центр острой идеологической борьбы. В СССР на долгое время утвердилась практика недооценки роли американских поставок и почти полного забвения роли британской и канадской помощи. Сама тема ленд-лиза ставилась под запрет или получала — особенно в контексте плана Маршалла и сталинского курса на изоляцию и конфронтацию — крайне тенденциозное освещение. В атмосфере холодной войны и прославления исключительных заслуг Сталина зачастую игнорировались внешние факторы при анализе источников советской победы. Одним из немногих исключений стала книга К. И. Лукашева о внешнеэкономической политике США. Ее автор — заместитель председателя правительственной Закупочной комиссии СССР в США в годы войны, с полным основанием характеризовал ленд-лиз и экономическое сотрудничество стран антигитлеровской коалиции как «весьма важное орудие в усилиях этих стран, направленных на достижение победы над общим врагом»⁹.

В 1960-е гг. в советских трудах стали появляться ссылки на важное значение американских поставок СССР, особенно некоторых их видов¹⁰. Но, как правило, преобладали критические оценки политики западных держав в этом вопросе.

В США и Великобритании тема ленд-лиза включалась в официальные военно-исторические издания¹¹ и в монографические труды¹², что дало возможность составить представление о реальном содержании помощи Советскому Союзу. Но и эти труды не избежали влияния климата холодной войны, нередко страдали преувеличением роли американских поставок. Распространилась даже иллюзия, как заметил американский историк Д. Херринг, будто основную часть вооружения СССР получил от США, и они тем самым обеспечили его спасение от фашистов¹³.

Как в дальнейшем тема помощи СССР освещалась в историографии?

Западные историки и экономисты в конце 1970-х — начале 1990-х гг. продолжали разработку этой темы на основе архивных документов. В отличие от некоторых авторов прежних трудов они не склонны приносить вклад военной экономики СССР в победу или идеализировать мотивы помощи США Советскому Союзу и другим странам. Заслуживают упоминания прежде всего монография Д. Херринга, его статьи и доклады на научных конференциях, в частности в Ялте в 1992 году. Американский историк оспорил известное заявление Черчилля в палате общин (24 августа 1945 г.) о ленд-лизе как «наиболее бескорыстном» в истории человечества акте. «Это акт был рассчитанного своекорыстия, — утверждает Херринг, — и американцы всегда знали о преимуществах, которые могут быть получены». В вопросах помощи СССР, как он полагает, приоритет отдавался стратегическим соображениям: Рузвельт принял

в 1941 г. решение о предоставлении помощи СССР и осуществлял ее в большом масштабе с тем, чтобы поддерживать сопротивление русских, а затем — их контрнаступление в Европе. Кроме того, ленд-лиз преследовал цель удерживать Сталина от заключения сепаратного мира с Гитлером, а также компенсировать — вплоть до июня 1944 г. — отсутствие второго фронта. Правомерность решения президента обосновывается в книге напоминанием о тех опасных последствиях, какие для Европы и Америки могла бы иметь победа Гитлера в 1941–1942 годах¹⁴.

Вместе с тем Херринг не обходит молчанием тот факт, что Рузвельт в последние месяцы жизни не определил четко свою позицию в вопросах будущей судьбы ленд-лиза и послевоенных экономических отношений с СССР. В конце войны «ленд-лиз работал беспорядочно и не отвечал насущным требованиям СССР и других союзников»¹⁵. Заслугой этого историка является освещение ленд-лиза в тесной связи с развитием политики, военной стратегии и внутриполитической борьбы в США; он предлагает взвешенные и обоснованные выводы о решениях Рузвельта и Г. Трумэна.

Подчеркивание заинтересованности правительств США и Британии в продлении сопротивления СССР, а также комплексный анализ программы ленд-лиза — характерная черта западных исследований. Их авторами в последние годы введен в научный оборот большой объем новых архивных источников, в том числе по теме американской помощи СССР. Неоценимыми являются опубликованные под редакцией и с комментариями профессора Ратгерского университета У. Ф. Кимболла три тома переписки Рузвельта и Черчилля¹⁶. Другой американский историк, Т. Уилсон, подтверждает, что поощрение борьбы СССР с нацистской Германией, представлявшей главную угрозу для США, соответствовало американским национальным интересам. В отличие от Великобритании, способность которой выстоять зависела от США, Советский Союз, по мнению Уилсона, располагал достаточной мощью для самообороны; американская помощь России «была реализована, таким образом, на основе не зависимости, а равенства»¹⁷.

В своих действиях Рузвельт и Гопкинс, как напомнил ответственный сотрудник американской Администрации ленд-лиза Дж. Хазард, исходили из интересов США. «...Теперь вряд ли кто-нибудь в США возьмется утверждать, что поставки оборудования и продовольствия по ленд-лизу явились основным фактором, обеспечившим победу Красной Армии в этой войне»¹⁸. Справедливости ради уточним, что подобного рода утверждения встречаются-таки и ныне. Американский автор Дж. Джессап в очерке о Советских Вооруженных Силах отметил, что финансовые и материальные затраты СССР на войну оказались меньше тех, которые потребовались бы в случае, если бы западные страны, особенно

США, не оказывали ему помощь. С таким замечанием трудно не согласиться. Однако следующая за этим фраза воспроизводит старый, опровергнутый исследователями тезис: «...Поставки, предоставленные на различных стадиях осуществления программы ленд-лиза, стали решающими в достижении победы над Германией»¹⁹. В современной, зарубежной литературе тезис о «решающей роли» ленд-лиза для СССР — все же довольно редкое явление.

Многообразие целей ленд-лиза для СССР отмечает Вэн Тул — автор еще одного монографического исследования этой темы. «Ленд-лиз, — пишет он, — рассматривался американскими чиновниками как политическая мера, направленная на удержание Советского Союза в войне, и одновременно как военная и экономическая мера. США и Британия помогали СССР исходя из собственных интересов». Вэн Тул воссоздает подробную историю осуществления четырех протоколов по поставкам СССР, подвергая критике советских историков за преуменьшение военно-экономических усилий США, а советские бюрократические организации за их практику сверхсекретности и волокиты, затруднявшую развитие внешнеэкономических связей. «Ленд-лиз, — утверждает он, — способствовал увеличению советского вклада в победу, так же как и масштабов присутствия СССР в Восточной и Центральной Европе»²⁰. Этот тезис еще в годы холодной войны широко бытовал на Западе.

Мотивы, которыми руководствовалось британское правительство при оказании помощи СССР, раскрывает М. Гилберт в богато документированной биографии Черчилля. Поддержка СССР во имя сохранения советско-германского фронта и предотвращения высадки вермахта на Британские острова стала с лета 1941 г. одной из главных целей военной политики Лондона²¹.

Ленд-лиз, заметили также английские авторы Д. Барбер и М. Гарисон, «никогда не являлся актом благотворительности... В то время как Германия контролировала континент Европы от Ла-Манша до Центральной России, русские оставались единственными, кто вел прямую борьбу с немецкими сухопутными силами, и в собственные интересы западных союзников входило оказание им помощи»²².

Формы, размер и специфика вклада Великобритании в оказание поддержки СССР раскрыты в монографии Ж. Бомонт²³. Автором приведены подробные статистические данные о британских поставках СССР по четырем протоколам, а также об общем объеме помощи и ее отдельных видах (как военных, так и гражданских), направленных в СССР за период с 1 октября 1941 г. по 31 марта 1946 г. Рассматривая различные аспекты помощи Советскому Союзу в контексте политики и военной стратегии Великобритании и состояния отношений с советским союзником, Бомонт показывает ее преимущественную роль в выполнении Первого протокола (1 октября 1941 г. — 30 июня 1942 г.). «Московский, или Первый, протокол во мно-

гих отношениях был протоколом Британии. Голос ее делегации выделялся при подписании документа в Москве, ее фронт эскортировал конвои в северную Россию, ее армия контролировала доставку грузов через Персидский залив»²⁴.

С начала действия Второго протокола, как подчеркивается в книге, положение изменилось: помощь США, которые оправались от поражения в Пёрл-Харборе и резко увеличили свои производственные возможности, превзошла по своему объему помощь Британии, причем Америка снабжала Россию целым рядом товаров, не включавшихся в британские поставки.

Бомонт, как и другие авторы, подчеркивает чрезвычайную заинтересованность британского военного руководства в удержании СССР в состоянии войны с Германией. «В первой половине 1942 г., — пишет она, — когда Англия точно выполняла свои и даже часть американских обязательств по Первому протоколу, весь северный фланг Британского театра военных действий на Ближнем и Среднем Востоке зависел от того, сдержат ли русские летнее наступление Германии. В апреле этого года специалисты военного планирования доказывали, что Британия „вынуждена делать ставку на успех сопротивления России и должна предпринимать все возможное для оказания ей поддержки“»²⁵.

Бомонт полагает, что отправка вооружения в СССР в 1941–1942 гг. не подорвала оборону Британии на Ближнем и Среднем Востоке, поскольку решающая роль в войне принадлежала здесь не авиации, а бронетанковой технике, и она лишь в небольшом количестве передавалась СССР. Серия британских поражений в 1942 г. явилась, по мнению автора, результатом многих факторов, причем помощь Восточному фронту не главный из них²⁶. В книге затрагивается и такая не теряющая остроты тема, как отношение СССР к получаемой от Запада помощи. С конца 1943 г., как следует из приводимых в книге фактов, Советское правительство стало выступать с публичным признанием большой значимости американских и британских военных усилий и экономической помощи; самые громкие похвалы раздавались в мае–июне 1944 г., т. е. во время подготовки и начала операции «Оверлорд». «Конечно, — считает в этой связи автор, — действия русских очищают их от огульных послевоенных обвинений в том, что они никогда не выражали благодарности за союзнические поставки»²⁷. Вместе с тем в книге подвергнуто критике и поведение советских властей в переговорах с Лондоном в 1944–1945 гг. по вопросу о новых кредитах и оплате задолженности по поставкам.

Другая отличительная особенность современной западной историографии — подтверждение относительно скромного места ленд-лизовских поставок в общих экономических усилиях СССР. Авторы работ о Великой Отечественной войне, изданных на Западе с начала 1980-х гг., в большинстве своем не отрицают,

что поставки союзников были не велики по объему в сравнении с итогами промышленного производства СССР за 1941–1945 гг. Как правило, они довольно высоко оценивают эти итоги, так же как и степень военно-экономической мобилизации Советского государства, хотя и не закрывают глаза на узкие места и теневые стороны экономики СССР.

В прошлом западные авторы не обращались к серьезному анализу относительной степени экономической мобилизации СССР; всякое сравнение с Западом считалось едва ли оправданным²⁸. Действительно, различие в экономических системах СССР и западных союзников чрезвычайно затрудняет такое сравнение. Тем не менее попытки сопоставления экономических усилий были недавно предприняты рядом британских экономистов. М. Гаррисон допускает, что СССР мобилизовал на войну не меньшую, чем Британия и Канада, и даже большую в сравнении с США долю национального дохода. Экономический вклад СССР в сочетании с его военным вкладом он характеризует как уникальную черту советского опыта военных лет. Гаррисон обосновал также следующее соотношение экономического вклада трех союзных государств антигитлеровской коалиции в 1941–1945 гг.: США обеспечили две трети от общего объема вооружения, произведенного этими государствами; СССР — одну пятую, Великобритания — одну седьмую часть. Однако, оговаривает он, производство вооружения в СССР не должно измеряться только количественными показателями, необходимо принимать в расчет его роль в уничтожении боевой мощи Германии на суше²⁹.

Сообщая цифры военного производства СССР и союзнических поставок, многие авторы отмечают высокие качества и эффективность советского вооружения. А. Ноув, например, считает бесспорным тот факт, что основная масса лучших самолетов, танков и пушек — советского производства. Огромное большинство русских тяжелых танков, пишет Б. Смит, имело такое высокое качество, что западные поставки бронесилы всегда представлялись несущественным дополнением³⁰.

При всем при том, давая общую оценку ленд-лиза, западная историография придерживается того мнения, что для экономики СССР он все же значил больше, нежели можно судить по прошлым советским работам³¹. Д. Херринг не принимает на веру цифру 4%, которой Н. Вознесенский исчислял удельный вес поставок промышленных товаров в общем производстве СССР³². Долю ленд-лиза Херринг определяет 10–11% (эта же цифра фигурировала в расчетах сотрудника Управления военного производства США Р. Голдсмита, согласно которым союзническая помощь СССР не превысила 1/10 доли советского производства вооружения³³). Дело в том, что советская сторона при исчислении доли (4%) исходила из объема фактически полученных Советским Союзом поставок. Американские же данные основываются на количестве

отправленных товаров, без учета их потерь по пути следования. Кимболл при объяснении этого расхождения в качестве приемлемой называет цифру в 7%³⁴.

Формула «слишком мало и слишком поздно» безусловно верна, если иметь в виду количественный объем американских и британских поставок в СССР в 1941–1942 годах. (Министерство информации Великобритании в обширном сообщении, посвященном итогам первого года войны в России, отметило, что британская помощь вооружением не значительна по сравнению с тем, что делают сами русские для дела Объединенных Наций³⁵.) Но у нас эта формула часто распространялась на весь период войны, без признания роли тех или иных видов поставок, в том числе в 1943–1945 годах. Как бы ставился в упрек факт поступления основной помощи только после достижения Советским Союзом коренного перелома в ходе войны. Но даже учитывая сравнительно небольшой объем поставок, полученных вначале от Запада, и их более чем скромный вклад в победу под Москвой и Сталинградом, мы не можем не сказать о большом моральном значении помощи для советского народа в тяжелейшие дни 1941–1942 годы. То же самое относится и к помощи, оказанной в 1943–1945 гг. К. И. Лукашев, не склонный чрезмерно идеализировать американцев, всегда возмущался случаями неуважительного высказывания в СССР по поводу ленд-лиза. Он считал недопустимым, как вспоминает его сын, измерять эту помощь только рублями, долларами, киловаттами и джоулями. Сам факт поддержки мощной державой, выступавшей на стороне СССР, значил очень много, вселяя в советских людей уверенность³⁶.

Кроме того, если обратиться к рассмотрению отдельных видов поставок, то трудно не согласиться с выводом Гаррисона об их немаловажном материальном значении для советской экономики и вооруженных сил. Речь идет о поставках Красной Армии продовольствия и одежды, автотранспорта («...джипы и студебеккеры стали основой мобильности Красной Армии»), телефонного провода, авиационного горючего. Что касается самолетов и танков, то, напоминает этот автор, американские поставки, хотя и значительные, составили гораздо меньшую часть собственного военного производства СССР. Из числа направленных ему промышленных товаров особенно ценными явились поставки легированной стали³⁷.

Авторы недавних работ о ленд-лизе, так же как в свое время Р. Джонс, критикуют Рузвельта за предоставление СССР «безоговорочной» помощи и за неодинаковую процедуру ее оказания Советскому Союзу и Британии³⁸.

Другие же авторы, отводя эту критику в адрес президента, напоминают, что он при предоставлении СССР «особого статуса» исходил из стремления не чинить излишних препятствий к передаче поставок Советскому Союзу, на который легла основная тяжесть борьбы с вермахтом, и к созданию коалиции против Гитлера. Подчеркивается, к тому же, что СССР,

в отличие от Британии, никогда не входил в число традиционных конкурентов США в области внешней торговли; послевоенные же намерения Британии вызвали неослабленные подозрения, вот почему предоставление ей помощи Вашингтон оговаривал выгодными для себя экономическими условиями³⁹. В то же время хорошо известна политика Государственного департамента и деловых кругов США, использовавших ленд-лиз в интересах проникновения на Средний Восток и другие традиционные рынки Британии⁴⁰.

Один из важных вопросов, по которому еще с 1940-х гг. ведется дискуссия в западной историографии, касается окончания американской помощи Советскому Союзу. Напомним следующие акции правительства США: во-первых, директиву президента Г. Трумэна от 11 мая 1945 г. и американскую ноту СССР от 12 мая; во-вторых, американскую директиву от 17 августа 1945 года. В первом случае предусматривалось прекращение поставок Советскому Союзу (на основе протоколов) для военных действий в Европе и приостановка отправки ему грузов по Четвертому протоколу, кроме тех, которые предназначались для ведения войны против Японии⁴¹. Приостановленные поставки вскоре возобновились, но сам принцип «безоговорочной» помощи СССР, применявшийся в течение войны с Германией, не был восстановлен. Во втором случае речь идет о распоряжении Трумэна прекратить всякие поставки СССР с момента подписания официального Акта о капитуляции Японии. Исключение было сделано для товаров, уже находившихся в пути на американских судах. (Последний корабль с грузом по ленд-лизу для СССР отбыл из Америки 20 сентября 1945 г.)⁴².

Нас в данной связи интересуют не столько объем и процедура предоставления помощи СССР в заключительной фазе второй мировой войны, сколько интерпретация американских решений о прекращении ленд-лиза, в частности, принятых в мае 1945 г. Повторенный в делах СССР в США Н. Новиков, передавая в Москву текст американской ноты от 12 мая, указал, что это — «репрессивное мероприятие», прямо связанное с перепиской Сталина и Трумэна по польским делам. (В воспоминаниях Новиков не касается майской ноты, упоминая лишь об августовском решении американского правительства⁴³.) Именно так — как средство оказания давления на русских с целью сделать их более уступчивыми — Сталин квалифицировал отказ от ленд-лиза в переговорах с Гопкинсом в конце мая 1945 года⁴⁴. Г. Алпровиц и другие историки — «леворевиционисты» рассматривали действия администрации США в плане ее перехода к жесткому курсу, направленному на снижение или ликвидацию советского влияния в Европе⁴⁵.

Отказ от «безоговорочной» помощи СССР и от протокольной системы в самом деле свидетельствовал о кардинальном изменении позиции США, на чем, особенно с 1944 г., настаивали У. Стэндли и другие

сторонники применения ленд-лиза в качестве рычага дипломатического давления на СССР. Д. Херринг и Л. Мартел документально раскрыли позицию тех американских дипломатов и военных лидеров, которые считали экономическую помощь «козырной картой» и наиболее эффективным орудием Вашингтона для оказания воздействия на европейскую политику в желательном для США направлении и для противодействия советским гегемонистским замыслам в Восточной Европе и на Балканах⁴⁶. В то же время и «новым левым» они адресовали упрек в упрощенной трактовке развития международных событий в дни после капитуляции Германии и в недооценке внутривнутриполитических факторов при анализе политики США. Приостановка поставок 12 мая 1945 г. объяснялась как стремлением изменить поведение советского союзника, так и желанием «умиротворить» Конгресс США. Обращалось внимание на то, что по мере приближения победы влиятельные группы давления и члены обеих палат все настойчивее требовали сократить масштабы помощи союзникам, ограничить ее ассигнованиями лишь на ведение войны против Японии. В апреле 1945 г. Конгресс принял поправку к закону о ленд-лизе, оговорив, что он является исключительно актом военного времени и окончится с завершением военных действий; фонды ленд-лиза не могут предназначаться для целей реконструкции и восстановления⁴⁷.

Указанный принцип претворялся в жизнь в отношении и СССР, и других союзных стран, включая Британию, поставки которой также были приостановлены (21 августа), и она оказалась на грани «экономического Дюнкерка». Правда, в конце 1945 г. Британия получила американский заем, хотя и на обременительных для нее условиях. Переговоры же с СССР о кредитах не привели ни к чему.

Еще более серьезно сомнению интерпретацию «новыми левыми» политики Трумэна подверг Дж. Гэддис. Р. Поллард, также оспоривший их тезисы, рассматривает директиву от 11 мая 1945 г. как серьезную ошибку, однако не считает ее почему-то преднамеренной политической акцией. Президент Трумэн, полагает он, по-видимому, не осознал дипломатического значения такой меры: «Ленд-лиз явился скорее элементом раздражения в советско-американских отношениях, нежели решающим ускорителем холодной войны»⁴⁸. Известно, впрочем, что прекращение ленд-лиза, так же как и затягивание правительством США решения о предоставлении кредита СССР, усилило подозрения Сталина в отношении Запада и подкрепило решимость советского диктатора к консолидации «собственной» сферы интересов.

Итак, американские и британские исследования подчеркивают комплексный характер программы ленд-лиза. Экономические ее цели — содействие созданию материальных основ победы Объединенных Наций, обеспечение предпосылок к усилению влияния и позиций глобализма США в послевоенном

мире. Политические цели ленд-лиза — в том, что был отработан новый механизм связей капиталистических стран с СССР, не имевший до того аналогов в мировой практике; что утвердились новые формы международного сотрудничества, которое выходило за рамки только торговых операций.

Особенно важно, как это представляется некоторым исследователям политики Рузвельта, что программу «безоговорочной» помощи России президент с первых дней ее принятия считал средством к преодолению недоверия советского руководства и к подготовке послевоенного партнерства. В основе эта программа, по их мнению, всегда оставалась политической: Рузвельт оценивал ее скорее под углом «доверия», нежели значимости для советских военных усилий⁴⁹.

В отечественной историографии тема ленд-лиза все еще одна из наименее изученных: до сих пор мы не имеем ни одного монографического труда. Тем не менее, можно сказать, что с 1980-х годов определенно возрос интерес к военно-экономическим аспектам взаимоотношений СССР с западными союзниками, наметились сдвиги в сторону более объективного освещения программы ленд-лиза. Об этом свидетельствуют появление ряда работ⁵⁰, так же как и внимание к данной теме в мемуарах адмирала Н. М. Харламова и адмирала Н. Г. Кузнецова⁵¹. Российские авторы начали исследовать вопрос о значимости и удельном весе отдельных, наиболее важных для советской военной экономики видов западных поставок. И. П. Лебедев (член Закупочной комиссии СССР в США в годы войны) представил новые, скорректированные данные российских архивов о соотношении между выпуском самолетов в Советском Союзе и их поставками из США, опровергнув мнение о незначительной роли ленд-лиза в обеспечении советских ВВС боевой техникой. Согласно этим данным в порядке ленд-лиза в СССР поступило во время войны 20% от общего производства фронтовых бомбардировщиков, от 16 до 23% от общего производства фронтовых истребителей⁵².

Российскими исследователями выдвигается также задача качественного, а не только количественного анализа поставок по ленд-лизу. Весьма существенное значение американской помощи СССР по некоторым показателям подчеркнул О. А. Ржешевский; им же уточнен вопрос о поставках США на заключительном этапе войны⁵³.

На международной конференции в Москве (1993 г.), посвященной союзным конвоям на севере, российские участники отметили, что в СССР направлялись остро необходимые ему высокоточные приборы, станки и инструменты, качественные материалы и дефицитное сырье, продовольствие; все это, как и различные типы вооружения и боеприпасов, поставлялось по заказам СССР, по заявкам советских военных специалистов⁵⁴. В обстоятельной статье А. С. Орлова и В. П. Кожанова затрагиваются

многие малоизвестные сюжеты, в том числе такие, как ленд-лиз для советской тяжелой промышленности и железнодорожного транспорта; подтверждается большое значение поставок автотранспорта (американские джипы и студебекеры составили примерно 70% от всего автопарка Красной Армии), станков, технологического оборудования, нефтепродуктов⁵⁵.

Эти и другие аспекты программы ленд-лиза, его роли как дополнительного источника снабжения СССР освещены российскими, американскими и британскими историками в труде «Союзники в войне», опубликованном в США. Русское издание этого труда, подготовленное Институтом всеобщей истории РАН, приурочено к 50-летию Победы⁵⁶.

Вклад ленд-лиза в победу, в развитие межсоюзнических отношений обстоятельно проанализирован в сборниках «Северные конвои»⁵⁷ и в выступлениях на международной научной конференции «Союзные морские конвои на севере в 1941–1945 гг. в архивных документах Российской Федерации, Великобритании и Соединенных Штатов Америки». На конференции, проведенной в Москве 18–19 февраля 1993 г., были представлены специалисты военных учреждений, архивных служб трех стран, а также участники морских конвоев. В материалах конференции освещены разнообразные темы, большинство из которых относилось ранее к числу запретных в советской историографии. Здесь дается представление о функционировании программы ленд-лиза для СССР в ее «северном» исполнении, об объеме и содержании поставок, о месте и значении союзных морских конвоев в ходе Великой Отечественной и второй мировой войны. В. В. Мухин, в частности, посвятил свое выступление вопросу о деятельности Генерального штаба Красной Армии по организации обеспечения, распределения и боевого использования вооружения и техники, поступавших северными морскими путями по ленд-лизу. С учетом поставок по ленд-лизу, как отметил он, Генеральный штаб вместе с Госпланом и другими государственными учреждениями разрабатывал и представлял правительству заявки на выпуск военной продукции в соответствии с намеченными Ставкой стратегическими планами.

Огромное значение северных морских конвоев, так же как и других маршрутов доставки помощи по ленд-лизу Советскому Союзу, убедительно раскрыл В. П. Зимонин, который показал, что в июле–декабре 1941 г., например, свыше 40% поставок в СССР шло именно через северные порты. Он напомнил о тяжелых жертвах, понесенных союзными моряками на опасных северных и океанских коммуникациях. Тема «цены» ленд-лиза (в аспекте исчисления потерь при перевозках северным путем) была затронута также В. П. Пузыревым, который привел следующие данные: на северном морском пути погибло 103 транспортных судна (в их числе 47 американских, 35 английских, 12 советских); потери понес и военно-морской флот, особенно британский (18 боевых кораблей); СССР

потерял 2 эсминца, сторожевой корабль и несколько подводных лодок⁵⁸.

В целом же история ленд-лиза и северных конвоев, как справедливо полагает еще один участник международной конференции — М. Н. Супрун («Союзные морские конвои на севере России: проблемы историографии»), разработана у нас слабо, еще не преодолена тенденция к недооценке помощи Советскому Союзу, к игнорированию объективных причин невыполнения обязательств по поставкам⁵⁹.

Обоснованным представляется основной вывод международной конференции о важной роли союзных морских конвоев на севере в доставке военных грузов по ленд-лизу в Советский Союз и доставке стратегического сырья из России в Великобританию, США и Канаду. «Моряки судов и кораблей, шедших военными арктическими трассами, — подчеркнуто организаторами и участниками конференции, — лодчаны и гидрографы, портовики и летчики, железнодорожники, судоремонтники и медики проявили массовый героизм в выполнении боевых заданий, оказывая друг другу братскую помощь, нередко рискуя собственными жизнями»⁶⁰.

С 1942 г. главные поставки в СССР союзные державы обеспечивали через Персидский залив и особенно через советский Дальний Восток. Сотрудничество русских и американцев в освоении и эксплуатации путей снабжения через Иран отражены Л. Зориным. Иранский маршрут, как показали А. В. Басов и Г. И. Гутенмахер, являлся необычайно эффективным в переломный период борьбы на морских коммуникациях и в целом на океанах в 1942–1943 годах⁶¹.

Наиболее стабильные пути на всем протяжении Великой Отечественной войны пролегли по Тихому океану. Через Владивосток, Петропавловск-Камчатский и другие дальневосточные порты из Западного

полушария поступило более половины общего количества военных грузов. Тихоокеанская транспортная эпопея со всеми ее опасностями, гигантская работа по расширению и реконструкции советских портов, по приемке судов «Либерти» и других транспортов, так же как и роль дальневосточного маршрута в общем снабжении СССР по программе ленд-лиза, стали предметом специального рассмотрения российской журналистки А. Паперно. Ею приводятся данные о деятельности Дальневосточного морского пароходства и свидетельства советских моряков⁶². Дополнительные сведения о дальневосточном маршруте сообщают, кроме того, А. С. Орлов и В. П. Кожанов. Они же раскрыли малоизвестную нашему читателю историю строительства и использования АЛСИБа — авиатрассы между Аляской и Сибирью, по которой американские самолеты, главным образом истребители, перегонялись по ленд-лизу на советско-германский фронт. В Фербенкс, на Аляску, была отправлена советская военная миссия во главе с полковником М. Г. Мачиным, которая руководила приемкой самолетов. Уже в октябре 1942 г. оттуда под Сталинград поступила первая группа бомбардировщиков А-20 «Бостон». Всего же за время войны по авиатрассе АЛСИБ было переправлено около 8 тыс. самолетов, т. е. более половины их общего числа, поставленных из США в СССР⁶³.

Проблемы ленд-лиза в общей системе межсоюзнических отношений освещены В. Л. Мальковым⁶⁴.

В заключение подчеркнем необходимость дальнейшей глубокой разработки вопросов о западных поставках СССР в период Великой Отечественной войны: американских, британских, канадских. Хотя тема ленд-лиза в последнее время более полно представлена в отечественной литературе и на научных конференциях, это не снимает задачи глубокого ее изучения на базе документов российских архивов.

¹ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс / Пер. с англ.: В 2-х т. М., 1958. Т. 2. С. 626.

² Nineteenth Report to Congress on Lend-Lease Operations. For the Period Ended March 31, 1945. Wash., 1945. P. 14.

³ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: Документы и материалы: В 3-х т. М., 1946–1947. Т. 1. С. 299; Красная звезда. 1943. 5, 12, 31 марта; Правда. 1943, 13 марта.

⁴ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 1. С. 142–145.

⁵ Симонов К. Письма с Крайнего Севера: Американцы // Красная звезда. 1942, 29 мая; Орестов Ф. Персидский залив во время войны // Война и рабочий класс. 1944, май; РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 17. Д. 705. Л. 20, 28.

⁶ Standley W. H., Ageton A. A. Admiral Ambassador to Russia. Chicago, 1955. P. 341; Dean J. R. The Strange Alliance: The Story of Our Efforts at Wartime Co-Operation with Russia. N. Y., 1947. P. 103

⁷ См.: Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритания (4–11 февраля 1945 г.). М., 1979. С. 143; Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945: Документы и материалы: В 2-х т. М., 1984. Т. 2. С. 437; Foreign Relations of the United States. The Conferences at Malta and Yalta, 1945. Wash., 1955. P. 768, 798.

⁸ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 235. Л. 72.

⁹ Там же. Ф. 495. Оп. 10а. Д. 4336. Л. 113, 115.

¹⁰ Лукашев К. И. Основные вопросы военной и послевоенной внешнеторговой политики США. М., 1947. С. 36. Пропустив «через свои руки» весь ленд-лиз, специально на эту тему Лукашев, автор огромного числа научных трудов, не оставил каких-либо исследований (см.: Известия, 1992. 17 июня).

¹¹ Исраэлян В. Л. Антигитлеровская коалиция // Дипломатическое сотрудничество СССР, США и Англии в годы второй мировой войны. М., 1964; разделы X тома «Всемирной истории» (М., 1965) и 6-го тома «История Великой Отечественной

войны Советского Союза 1941–1945» (М., 1965) о поставках по ленд-лизу для СССР и Британии; см. также: Поздеева Л. В. Англо-американские отношения в годы второй мировой войны. М., 1964, 1969. Т. 1–2.

¹² См. труды в американской серии «Армия США во второй мировой войне»: Motter Vail T. H. The Persian Corridor and Aid to Russia. Wash., 1952; Matloff M., Snell E. M. Strategic Planning for the Coalition Warfare, 1941–1942. Wash., 1953; Leighton R. M., Coakley R. W. Global Logistics and Strategy. 1940–1943, Wash., 1955; Coakley R. W., Leighton R. M. Global Logistics and Strategy. 1943–1945. Wash., 1968 и др.; в британской серии «История Второй мировой войны»: Hancock W. K., Gowing M. M. British War Economy. L., 1949; Hall H. D. North American Supply. L., 1955.

¹³ McNeill W. H. America, Britain and Russia: Their Co-Operation and Conflict 1941–1946. L., N. Y., 1953; Jones R. H. The Roads to Russia: United States Lend-Lease to the Soviet Union. Norman (Okla.), 1969; Dawson R. H. The Decision to Aid Russia. 1941: Foreign Policy and Domestic Politics. Chapel Hill. 1959; Kimball W. F. «The Most Unsordid Act», Lend-Lease. 1939–1941. Baltimore, 1969.

¹⁴ Herring G. C. Aid to Russia. 1941–1946: Strategy, Diplomacy, the Origins of the Cold War. N. Y., 1973. P. XIV–XVI.

¹⁵ Ibid. P. 293, 279, 23.

¹⁶ Херринг Дж. Экономическая помощь в Ялтинский период // Ялта. 1945 год: Проблемы войны и мира / Общая ред. А. Н. Баженова и О. А. Ржешевского. М., 1992. С. 88–90.

¹⁷ Churchill and Roosevelt: The Complete Correspondence / Ed. W. F. Kimball. Vol. 1–3. Princeton (N. J.). 1984.

¹⁸ Уилсон Т. А. Во имя интересов Америки: предоставление Советскому Союзу помощи по ленд-лизу // Американский ежегодник 1988. М., 1988. С. 148, 162–173; Wilson Th. A. In Aid of America's Interests: The Provision of Lend-Lease to the Soviet Union, 1941–1942 // Soviet-U. S. Relations. 1933–1942. Moscow, 1989. P. 124, 136.

¹⁹ Хазард Дж. «... На защиту американских интересов» // Воен.-ист. журн. 1990. № 6. С. 40, 42.

²⁰ Jessup J. E. The Soviet Armed Forces in the Great Patriotic War, 1941–1945 // Military Effectiveness / Ed. A. R. Millet, W. Murray. Vols 1–3. Boston, 1988. Vol. 3. P. 261.

²¹ Van Tuyl H. P. Feeding the Bear: American Aid to the Soviet Union, 1941–1945. N. Y., 1989. P. 73 ff.

²² Gilbert M. Winston S. Churchill. Vols 1–8. L., 1971–1988. Vol. 6. P. 1135–1136, 1200.

²³ Barber J., Harrison M. The Soviet Home Front. 1941–1945: A Social and Economic History of the USSR in World War II. L.; N. Y., 1991. P. 189.

²⁴ Beaumont J. Comrades in Arms: British Aid to Russia 1941–1945. L., 1980.

²⁵ Ibid. P. 113.

²⁶ Ibid. P. 95–96.

²⁷ Ibid. P. 209–211.

²⁸ Ibid. P. 170, 173.

²⁹ Overy R. J. Die Mobilisierung der deutschen Wirtschaft während des Zweiten Weltkrieges // Kriegswirtschaft und Rüstung 1939–1945 / Hrsg. F. Forstmaier, H.-E. Volkmann. Düsseldorf. 1977. S. 287.

³⁰ Harrison M. Soviet Planning in Peace and War. 1938–1945. L., 1985. P. 153–154; Idem. The Volume of Soviet Munitions Output, 1937–1945: A Reevaluation // Journal of Economic History. 1990. Vol. 50. N 3. P. 557–580, 588.

³¹ Nove A. An Economic History of the USSR. Harmondsworth, 1984. P. 275; Smith B. The War's Long Shadow. N. Y., 1986. P. 84.

³² Harrison M. Soviet Planning in Peace and War. P. 153; Barber J., Harrison M. Op. cit. P. 192.

³³ Вознесенский Н. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1948., С. 74.

³⁴ Herring G. C. Op. cit. P. XIV–XV, 286; Goldsmith R. W. Munitions Output in World War II // Military Affairs. 1946. Vol. X. N 1. P. 75.

³⁵ Kimball W. F. The Juggler: Franklin Roosevelt as Wartime Statesman. Princeton (N. J.), 1991. P. 217.

³⁶ См.: Красная звезда. 1942. 24 июня.

³⁷ Известия. 1942. 17 июня.

³⁸ Harrison M. Soviet Planning in Peace and War. P. 257.

³⁹ Van Tuyl H. P. Op. cit. P. 8–11.

⁴⁰ Herring G. C. Op. cit. P. 38, 48; Dobson A. P. U. S. Wartime Aid to Britain 1940–1946. L., 1986. P. 150, 225.

⁴¹ Kimball W. F. The Juggler. Ch. III.

⁴² Запасы вооружения и материалов для целей войны СССР с Японией создавались в Сибири на основе программы под кодовым наименованием «Майлпост»; в качестве «Приложения III» она была вскоре после подписания Четвертого протокола включена в его текст (по Четвертому протоколу определялись содержание и объем поставок Советскому Союзу на период с 1 июля 1944 г. по 30 июня 1945 г.). После 30 июня 1945 г. часть поставок по «Приложению III», как и другие поставки для поддержки предстоявших советских операций на Дальнем Востоке, осуществлялась вне рамок формальной процедуры протоколов (U. S. Department of State. Wartime International Agreements: Soviet Supply Protocols. Wash., 1947. P. IV, 141–146; Coakley R. W., Leighton R. M. Op. cit. P. 687–694). Всего за период с мая по 20 сентября 1945 г. в СССР было направлено, по американским официальным данным, 1771 тыс. т грузов, в том числе 1640 тыс. т — из США, 131 тыс. т — из Британии и Канады (Van Tuyl H. P. Op. cit. P. 174).

⁴³ Martel L. Lend-Lease, Loans, and the Coming of the Cold War. Boulder (Colo.), 1979. P. 135, 158–160; Coakley R. W., Leighton R. M. Op. cit. P. 699.

⁴⁴ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 2. С. 389; Новиков Н. В. Воспоминания дипломата: Записки о 1938–1947 годах. М., 1989. С. 301–302.

⁴⁵ Шервуд Р. Указ. соч. Т. 2. С. 622.

- ⁴⁶ Alprovitz G. Atomic Diplomacy: Hiroshima and Potsdam. The Use of the Atomic Bomb and the American Confrontation with Soviet Power. N.Y., 1965. P. 19–40.
- ⁴⁷ Herring G. C. Op. cit. P. 208–209; Martel L. Op. cit. P. 67–71, 132–133, 142.
- ⁴⁸ Elleinstein J. Goliath contre Goliath: Histoire des Relations Américano-Soviétiques. P., 1986. P. 237–238; Herring G. C. Op. cit. P. 187–190, 288; Martel L. Op. cit. P. 142–143.
- ⁴⁹ О концепции Гэддиса см.: Егорова Н. И. Советско-американские отношения послевоенного периода в буржуазной историографии США. М., 1981. С. 81–82; Pollard R. A. Economic Security and the Origins of the Cold War. 1945–1950. N.Y., 1985. P. 29.
- ⁵⁰ Langer J. D. The Harriman-Beaverbrook Mission and the Debate over Unconditional Aid for the Soviet Union, 1941 // *Journal of Contemporary History*. 1979. Vol. 14. N 3. P. 476; Kimball W. F. The Juggler. P. 38.
- ⁵¹ Поздеева Л. В. Канада в годы Второй Мировой войны. М., 1986. с. 214–216, 233–236, 242–252, 255–266; Куманев Г. А., Чузавков Л. М. СССР и Англия: военно-экономическое сотрудничество в годы второй мировой войны // *Новая и новейшая история*. 1987, № 2; Петров И. П. Фактическая сторона помощи по ленд-лизу // *Военно-исторический журнал*. 1990. №6; Позняков В. В. Американская гуманитарная помощь советскому народу (1941–1945) // *Американский ежегодник* 1991. М., 1992.
- ⁵² Харламов Н. М. Трудная миссия. М, 1983; Кузнецов Н. Г. Накануне: Курсом к победе. М, 1991.
- ⁵³ Лебедев И. П. Еще раз о ленд-лизе // *США: Экономика, политика, история*. 1990, № 1; Он же: *Авиационный ленд-лиз* // *Военно-исторический журнал*. 1991, № 2.
- ⁵⁴ Ржешевский О. А. Ленд-лиз. 1945 (документальный обзор) // *Ялта. 1945 год: Проблемы войны и мира*. М., 1992. С. 91–94.
- ⁵⁵ *Вестник архивиста*. 1993. № 3(15). С. 52–55.
- ⁵⁶ Орлов А. С., Кожанов В. П. Ленд-лиз: взгляд через полвека // *Новая и новейшая история*. 1994. № 3. С. 188–191.
- ⁵⁷ *Allies at War: the Soviet, American and British Experience, 1939–1945* / Ed. D. Reynolds, W. F. Kimball, A. O. Choubarian. N.Y., 1994; *Союзники в войне. 1941–1945* / Отв. ред. А. О. Чубарьян, У. Ф. Кимболл, Д. Рейнолдс. М., 1995.
- ⁵⁸ *Северные конвои*. Архангельск, 1991. Вып. 1; М., 1994. Вып. 2.
- ⁵⁹ *Вестник архивиста*. 1993. № 1(13). С. 40–41; № 2(14). С. 53–58.
- ⁶⁰ Там же. № 3(15). С. 52–55.
- ⁶¹ Там же. № 1(13). С. 5.
- ⁶² Зорин Л. И. Особое задание. М., 1987; Басов А. В., Гутенмахер Г. И. Персидский коридор // *Военно-исторический журнал*. 1991. № 1. С. 33.
- ⁶³ Паперно А. Ленд-лиз на Тихом океане // *Московский комсомолец*. 1992, 3 июня; Она же. Ленд-лиз: пятьдесят на пятьдесят // *Начало*. 1992. № 24.
- ⁶⁴ Орлов А. С., Кожанов В. П. Указ. соч. С. 183–196. О секретном маршруте АЛСИБ см. также подготовленную О. Чечиним публикацию из дневника генерал-майора Ф. Брэдли (руководитель американских работ по проекту АЛСИБ) и воспоминаний генерал-майора авиации в отставке И. Г. Мачина // *Столица*. 1992. № 19. С. 12–15; Котляров А. Ю. Особое задание // *История авиатрассы Аляска — Сибирь. 1942–1945 гг.* // *США: Экономика, политика, история*. 1992. № 9.
- ⁶⁵ Мальков В. Л. Ленд-лиз в контексте большой политики // *Российская Федерация*. 1994. №2. Вторая мировая война: Актуальные проблемы. — М.: Наука, 1995. — 368 с. Поздеева Л. В. Ленд-лиз для СССР: Дискуссия продолжается // *Вторая мировая война: Актуальные проблемы*. — М.: Наука, 1995. — С.324–339.

К историографии Великой Отечественной войны

Полководцы Победы

А. А. Ахтамзян*

Давая краткий историографический обзор, прежде всего следует отметить бесспорный факт: наличие в нашей стране и за рубежом огромного количества добротных научных работ по истории Второй мировой войны и Великой Отечественной войны¹. Однако открытые после 1985 г. идеологические шлюзы сбросили потоки накопившейся в зарубежных отстойниках массы кривотолков и фальсификаций относительно нашей истории. На этом фоне выделяются публикации бывшего политработника Волкогонова и предателя — некоего Резуна, кощунственно выступившего под псевдонимом Суворов («Ледокол», «Аквариум» и т. п.).

Кто субсидирует эти многотысячные и даже миллионные издания? Этот поток не иссякает до сих пор. Недавно увидела свет книга Гавриила Попова «1941–1945. Заметки о войне», в которой выражен «особый взгляд» автора на исторические события, балансирующего на грани измышлений и фальсификаций. С какой целью это делается, вполне понятно. Кому это выгодно в стране, где не хватает средств на издание учебников и серьезных исследований компетентных военных историков и квалифицированных авторов из числа видных военачальников? Одним словом «реакция» это объяснить невозможно. Здесь больше подходит вышедшее из употребления понятие «идеологическая диверсия», условия для которой созданы т. н. перестройкой.

На книжных прилавках России появились в переводе на русский язык мемуары и сочинения нацистских военных преступников: дипломатов и генералов, в том числе осужденных Нюрнбергским трибуналом². Возможно, это допустимо для создания имиджа объективности «либералов». Однако количественный баланс явно не в пользу отечественных авторов. Тенденциозность сочинений германских генералов вполне понятна: реабилитация своего участия в пре-

ступной войне, стремление возложить всю вину на Адольфа Гитлера³.

На этом фоне выход в свет книги генерала армии М. А. Гареева — это честная попытка сказать соотечественникам громко внятно: «Граждане, на уроках истории надо учить молодое поколение защищать свою страну, ее честь и достоинство». Книга генерала армии, доктора военных наук и доктора исторических наук Махмута Ахметовича Гареева, вышедшая первым изданием в 2003 г., а вторым в 2004 г., представляет собой фундаментальное исследование не только опыта стратегических решений в период Второй мировой войны, но и современного стратегического положения России⁴. Автор исследования, видный военачальник и ученый, известен в нашей стране и за ее рубежами своими трудами по военной истории. Его монографии о полководческом мастерстве М. В. Фрунзе и стратегическом искусстве Г. К. Жукова получили широкое признание. Книга «Маршал Жуков. Величие и уникальность полководческого искусства» (М., 1996) удостоена Государственной премии в 1998 году. Общественное признание получили его книги «Моя последняя война» (М., 1996) и «Афганская страда» (М., 1999). Новая книга — это научное обобщение огромного опыта военной стратегии, на основе которого сделаны актуальные выводы для настоящего и будущего. Монография ценна прежде всего тем, что крупный военачальник, знающий, что такое война, не из книг, а из личного боевого опыта офицера, прошедшего по дорогам Великой Отечественной войны с первых недель до победного завершения ее на Дальнем Востоке, дает представление о масштабах Второй мировой войны, о гигантских и людских, и материальных усилиях нашей страны в войне против фашизма, о решающем вкладе СССР в разгром нацистского вермахта. Автор хорошо знает цену не только словам, но конкретным фактам

* Абдулхан Абдурахманович Ахтамзян — доктор исторических наук.

и цифрам. Приведенные в книге документы, факты, цифры прошли через сознание профессионального военного, мыслящего категориями стратегических масштабов.

Американский историк Лэнинг написал книгу «Сто величайших полководцев мира всех времен», которая вышла в 1998 г. в переводе на русский язык под названием «Сто великих полководцев». Для таких книг российские издатели находят средства. В этом, казалось бы, солидном специальном исследовании можно было ожидать объективных оценок. Однако в книге дан своего рода рейтинг-перечень выдающихся полководцев, который едва ли можно считать объективным. Среди ста выдающихся полководцев оказалось 17 американцев, 12 англичан, 12 французов и только четыре русских (советских) военачальника: А. В. Суворов помещен под номером 50, а маршал Г. К. Жуков сдвинут на 70-е место, причем отнюдь не по хронологическому принципу. В этом списке не нашлось места для М. И. Кутузова, изгнавшего Наполеона из России, но встречаются имена военных, отличившихся в колониальных войнах. В перечень включен ефрейтор Первой мировой войны А. Гитлер, но не нашлось места для генералиссимуса И. В. Сталина, впрочем, как и для других руководителей стран-победителей — Ф. Д. Рузвельта, У. Черчилля и Ш. де Голля под предлогом, что они не были собственно военными, в том числе и генерал де Голль. Логика американского автора обусловлена, очевидно, какими-то иными соображениями. Логика российских историков представляется более предпочтительной.

Выработать единый объективный критерий действительно не так просто. Однако еще не потеряв «общечеловеческий» здравый смысл. Российские военные историки объективно оценивают полководческое мастерство даже военачальников противника, скажем, германских фельдмаршалов. Правда, и наши военные еще спорят относительно критериев оценки полководцев, не существует общего аршина для измерения полководцев «всех времен»: и исторические условия, и масштабы войн, да и материально-технические средства ведения войн даже в рамках XX века весьма различны, не говоря уже о предшествующих эпохах. Очевидно, рейтинги полководцев имеют смысл, если применяется единый критерий для каждой эпохи и для каждой конкретной войны.

Критически оценивая рейтинги полководцев, которые встречаются в сочинениях зарубежных авторов, особенно германских, английских, американских и французских, наш генерал дает свою шкалу оценки вклада полководцев в политику и теорию военного искусства. Всякие рейтинги весьма условны и субъективны, однако в данном случае исследователь дает, пожалуй, наиболее объективные оценки, не огульно критические, но и не апологетические.

Выделяя отдельную категорию руководителей государств, автор, естественно, ставит в один ряд И. В. Сталина, Ф. Д. Рузвельта, У. Черчилля, И. Б. Тито и Ш. де Голля. Это дает ему возможность предложить свою градацию полководцев Великой Отечественной войны — маршалов Советского Союза Г. К. Жукова, А. М. Василевского, К. К. Рокоссовского, И. С. Конева, Р. Я. Малиновского. Это не означает, что исследователь этим ограничивается. Он дает краткие, но емкие характеристики выдающимся военачальникам, маршалам, которые командовали фронтами Отечественной войны, положив в основу последовательность марша сводных полков фронтов (с правого фланга к левому — с севера на юг) на Параде Победы 24 июня 1945 года: К. А. Мерецков, Л. А. Говоров, И. Х. Баграмян, генерал армии И. Д. Черняховский, К. К. Рокоссовский, И. С. Конев, А. И. Еременко, Р. Я. Малиновский, Ф. И. Толбухин. Конечно, в определении последовательности прохождения полков в 1945 году был субъективный момент — мнение Верховного главнокомандующего.

За выдающиеся заслуги в Великой Отечественной войне орден Победы получили дважды И. В. Сталин, Г. К. Жуков и А. М. Василевский, орденом Победы награждены также К. К. Рокоссовский, И. С. Конев, А. И. Антонов, Л. А. Говоров, Р. Я. Малиновский, К. А. Мерецков, С. К. Тимошенко, Ф. И. Толбухин. Орден Победы следует признать не только критерием оценки, но и высшей оценкой заслуг полководцев в Великой Отечественной войне.

В книге дана характеристика и оценка вклада каждого полководца в победу. Не оставлены без внимания и командующие видами вооруженных сил, общевойсковыми армиями. Словом, в книге сказано и доброе, и критическое слово о десятке полководцев, сотне военачальников.

Наиболее острой проблемой до сих пор остается оценка начального этапа Великой Отечественной войны, когда страна потеряла свою кадровую армию, а гитлеровские полчища за четыре месяца дошли до подступов к Москве. В книге дана критическая оценка «установки» И. В. Сталина накануне войны: нападения Германии на СССР в 1941 г. не будет.

Любые другие попытки «дополнить» плеяду выдающихся полководцев задним числом выглядят просто нелепо. Как специалист по военной истории, М. А. Гареев анализирует ход и исход обороны Москвы и значение первого крупного поражения вермахта в этом сражении, Сталинградскую битву — коренной перелом в ходе не только Отечественной войны, но и всей мировой войны, окончательную утрату стратегической инициативы германским командованием после сражения на Курской дуге, а затем и стратегические операции 1944 года — все это получило весьма квалифицированное освещение.

Отношения между И. В. Сталиным и Г. К. Жуковым — особая тема великой эпопеи. Своеобразие мышления политических руководителей и военных

остаётся проблемой не только теоретической, но и этической. Кроме неверной оценки намерений нацистской Германии в отношении Советского Союза в 1941 г. серьёзным просчётом И. В. Сталина были его представления о намерениях противника весной и летом 1942 года. И в своей книге М. А. Гареев вновь возвращается к проблеме стратегической «преднамеренной» (я бы сказал, заблаговременной) обороны, которая не потеряла своей актуальности и спустя десятилетия после большой войны.

В российской публицистике до сих пор наблюдается тенденция принизить значение победы советского народа в Великой Отечественной войне. При этом в качестве основного аргумента используется тезис о «цене победы» — о жертвах, принесённых на алтарь Победы. Таким образом, ответственность за жертвы войны как бы перекладывается с Гитлера на Сталина, с агрессора на организаторов обороны и сопротивления агрессору. Логика некоторых российских публицистов ведёт к выводу, что надо было сдаваться без сопротивления, отказаться от обороны Москвы и Ленинграда, тем более Сталинграда и Кавказа, не предпринимать контрнаступления, поскольку оно имело следствием большие потери. Массовое уничтожение мирных жителей и пленных германскими оккупантами, не говоря уже о конечной цели оккупации — полное уничтожение населения европейской части Союза ССР и выселение за Урал не поддающихся онемечиванию, авторы таких сочинений почему-то умалчивают. Эти же публицисты полагают, что Советской армии следовало остановиться на довоенной границе, отказаться от полного разгрома противника на территории стран Восточной Европы.

Освобождение Польши, Чехословакии, Австрии, штурм Кёнигсберга, Будапешта и Берлина, освобождение территории стран Восточной и Центральной Европы стоили действительно больших жертв. Они известны, но их пытаются предать забвению новые правители в этих странах. Значит ли это, что надо было воздержаться от полного разгрома германского вермахта? Там, где было возможно избежать военных действий, Советское правительство не вводило свои войска: в 1944 году перемирие было заключено с Финляндией, Румынией, Болгарией, когда германские войска были вытеснены с территории этих стран.

За годы войны на советско-германском фронте было разгромлено более 500 дивизий противника, примерно три четверти вооружённых сил Германии: 10 млн. убитыми, ранеными и пленными из 13,6 млн. общих потерь за годы войны. На Восточном фронте германские вооружённые силы потеряли большую часть военной техники: более 70 тысяч самолётов, около 50 тысяч танков и бронетехники, 167 тысяч артиллерийских орудий, 2,5 тыс. кораблей и вспомогательных судов. Ясно, что такую массу техники невозможно вывести из строя заклиниваниями или «закидать шапками». Этой гигантской машине надо

было противопоставить ещё большую массу вооружений и техники, а главное — умение воевать.

Ценность труда М. А. Гареева не только в том, что он даёт взвешенные оценки исторического опыта, но и делает выводы для настоящего и будущего страны. Интересны наблюдения автора за превосходством советских военачальников над германскими: кроме преимущества по возрасту (советским маршалам к началу войны было до 45–50 лет, а германским под 60 и более), по образованию и боевому опыту. Кейтель на Нюрнбергском процессе признался: «Я никогда не учился в военной академии». Геббельс в конце войны записал в дневнике: «... Приходится прийти к неприятному убеждению, что военное руководство Советского Союза состоит из лучших, чем наше, классов... Народного они корня...» Перед войной в Советской армии было 1106 генералов и адмиралов (в германской армии 1500), в годы войны в нашей армии получили звание генерала 3700 человек, из них погибли 235. В целом М. А. Гареев высоко оценивает профессиональный уровень и германских военных, особенно в управлении войсками, штабной работе, планировании операций. Это и понятно: Советская армия выстояла в борьбе с действительно сильнейшей армией в Европе, да и в мире того времени. Очерк М. А. Гареева о роли штабов и генерального штаба особенно интересен и потому, что несколько лет он сам был заместителем начальника Генштаба нашей армии.

Некоторые публицисты в последнее время ставят вопрос: а нужны ли генштабы в мирное время? Нужен ли Генштаб России? На этот вопрос генерал армии даёт однозначный ответ: «„Мозг армии“ необходим не только во время войны, но и особенно в мирное время». Более того, автор приводит слова Б. М. Шапошникова из книги «Мозг армии» о том, что даже смена начальника Генштаба является собой эру военной подготовки государства. Если Генштаб приходится собирать по тревоге, то лучше его заранее разогнать.

Третья часть книги «Военное наследие полководцев Второй мировой войны и перспективы развития военного искусства» особенно поучительна и в теоретическом, и в практическом плане. Генерал армии предупреждает общество, что было бы большой ошибкой (которую делают доморожденные «стратеги» типа А. Арбатова или В. Кокوشина) ликвидировать западное стратегическое направление, исключить саму возможность возникновения для России крупномасштабной войны.

Ряд обобщений М. А. Гареева звучат как афоризмы:

«В народе издавна говорят: оборона и армия стоят столько, во сколько нация оценивает свой суверенитет».

«Бой для военного человека — экзамен, который неизвестно, когда будет, но к нему надо готовиться всю жизнь».

Интересна аргументированная интерпретация автором известного изречения германского военного теоретика начала XIX века: «Война — это продолжение политики иными (насильственными) средствами». В книге отвергается попытка ревизии этой сентенции современными публицистами: у политики-де не может быть «продолжения» в наше время.

В числе актуальных выводов есть и такое обобщение: «Иногда говорят: пока есть ядерное оружие, безопасность России гарантирована. Но у СССР было ядерное оружие. Ядерное оружие осталось, а государства нет» (с. 304). Важно, в чьих руках это оружие, служит ли оно сдерживающим средством.

«Нужно ли сотрудничество с НАТО? Да, необходимо. Но нужно равноправное сотрудничество по формуле — партнерство во имя мира».

В книге делаются выводы из вооруженных конфликтов, точнее, войн в Югославии, Афганистане, Ираке: выводы трезвые, реалистические и актуальные. Специальные главы посвящены анализу войн будущего: локальных, региональных или крупномасштабных. Готова ли Россия к ответу на вызовы XXI века? — вопрос, ответа на который ищут военные и политики. Только обыватель остается безразличным. Ясного ответа на этот вопрос не хотят политиканствующие «общечеловеки и геростраты», которые за похлебку для себя готовы отдать чужеземцам недра своей страны.

Миф о превентивной войне и историческая правда

Уже в первое десятилетие после войны германские генералы, проигравшие Вторую мировую войну, по меткому выражению Уинстона Черчилля, взяли реванш в мемуарах и все свои неудачи, а тем более катастрофу, свалили на сумасбродного фюрера — ефрейтора, отмеченного Железным крестом по недоразумению. В нашей стране первое десятилетие после войны не было отмечено обилием публикаций, монографий или мемуаров о Великой Отечественной войне. Зато второе десятилетие после войны, прошедшее под знаком критики культа личности И. В. Сталина, а заодно и безосновательной критики Г. К. Жукова, знает несколько дискуссий и книг, в которых остро ставился вопрос об ошибочной оценке ситуации 1941 г. и о причинах отступления Красной армии вплоть до Москвы и Ленинграда. С середины 1960-х гг., когда тожественно было отмечено 20-летие Победы, появились в публицистике утверждения, а затем и книги, в которых давались завышенные оценки вклада отдельных политиков в победу (Н. С. Хрущева или Л. И. Брежнева). Академическая наука в тот период вела большую исследовательскую работу и совместно с военными историками подготовила и выпустила многотомные исследования, в которых дана объективная картина и Второй мировой войны и Великой Отечественной войны⁵. Огромную историческую ценность имеют (и сохраняют

надолго) воспоминания советских военачальников, генералов и маршалов, которые смогли изложить свое видение причин неудач и успехов советского солдата в годы войны. Особую ценность, разумеется, имели воспоминания маршала Г. К. Жукова, которые были выпущены впервые издательством «Новости» в 1969 г. и выдержали до середины 1990-х годов более десяти изданий⁶. Не десятки, а сотни исследователей провели огромную работу, используя целые пласты архивных источников, и выпустили индивидуальные монографии и многотомные коллективные труды.

Нацистская Германия начала агрессивную войну против СССР в ночь с 21 на 22 июня 1941 г., выдвинув в качестве повода для агрессии совершенно несостоятельную ссылку на концентрацию советских войск на границе. Германский посол Ф. В. Шуленбург явился на прием к наркому иностранных дел В. М. Молотову в 5 ч. 30 м., т. е. после начавшегося вторжения вермахта в нашу страну. Он пришел, чтобы вручить ноту своего правительства и заверил наркома, что во время встречи накануне вечером он «ничего не знал», т. е. не знал о намерениях своего правительства. Посол был явно в подавленном настроении и назвал действия своего правительства «неоправданными и неожиданными». На вопрос, что означает эта нота, он ответил: это начало войны. От имени Советского правительства В. М. Молотов заявил: «Германия совершила нападение на СССР, несмотря на миролюбивую позицию Советского Союза, и тем самым фашистская Германия является нападающей стороной»⁷.

Когда сегодня некоторые персоны в России способствуют распространению лжи, что Гитлер упредил Сталина, начав «превентивную войну», то они не просто повторяют ложь нацистов, но фактически идентифицируют себя с фальсификаторами истории.

Версия «превентивной» войны Гитлера против Сталина, введенная в оборот Геббельсом в первый день войны, в день нападения Германии на Советский Союз, странным образом возродилась в 90-х годах XX века не на германской, а на российской почве. Одним из первых отверг эту нацистскую версию германский генерал-фельдмаршал Ф. Паулюс, принимавший непосредственное участие в разработке и реализации «Плана Барбаросса», но попавший в плен на исходе Сталинградской битвы.

Собственноручно написанное заявление Ф. Паулюса, направленное в адрес Советского правительства в январе 1946 года, — важное свидетельство относительно подготовки Германии с самого начала к агрессивной, но отнюдь не превентивной войне против Советского Союза. Цель операции была обозначена германским командованием как захват Москвы, Ленинграда и Украины с последующим завоеванием Северного Кавказа с его нефтяными промыслами. «Конечная цель, — писал германский фельдмаршал, — характеризует это планирование как прямую подготовку агрессии, что,

кроме того, вытекает из факта, что не предусматривались никакие оборонительные меры. Тем самым разоблачаются лживые утверждения верховного командования вермахта относительно превентивной войны против якобы угрожающей опасности, аналогичные распространявшимся геббельсовской пропагандой»⁸.

Известно, что уже в первые после нападения дни войны Германии против СССР главы правительств Великобритании и США — У. Черчилль и Ф. Д. Рузвельт, публично заявили, что будут действовать совместно с Советским Союзом против общего врага — нацистской Германии. Однако это было всего лишь заявление о намерениях, за которым должны были последовать конкретные действия, но начало реальных действий затянулось на многие месяцы, во время которых Советский Союз один противостоял вооруженному вторжению нацистской Германии и ее союзников. Правда, в течение нескольких недель было выработано весьма краткое (всего в один абзац) соглашение между СССР и Великобританией о совместной борьбе против Германии. Однако это не был еще союзный договор в собственном смысле слова. Правительство США прежде чем оказать реальную материальную помощь, хотя бы военными материалами, потребовало от Советского правительства сведения о золотом запасе страны. Только после известной миссии Гопкинса в Москву США приняли решение о применении закона о ленд-лизе к воюющей стране, однако в довольно ограниченных масштабах. В самый тяжелый начальный период войны Советский Союз вел боевые действия против превосходящих сил противника, не получая реальной помощи со стороны потенциальных союзников.

Еще в первый месяц войны И. В. Сталин в личном послании У. Черчиллю 18 июля 1941 г. поставил вопрос об открытии второго фронта в Европе против Германии⁹. С этого момента задачей советской дипломатии стало создание антинацистской коалиции государств и открытие второго фронта союзников в Европе. Однако формирование коалиции затянулось на несколько месяцев, а открытие второго фронта на целых три года. Выжидательная позиция Великобритании и США выражала расчет их правящих кругов вести войну против Германии чужими силами, силами Советского Союза, вплоть до полного истощения страны, «до последнего русского солдата».

Вынужденное отступление Красной армии дорого обошлось стране: территориальные, материальные и людские потери были неизмеримы. За несколько месяцев изнурительной войны страна потеряла довоенную кадровую армию, а имевшиеся резервы надо было не только одеть, обути и вооружить, но и подготовить к боевым действиям в суровых условиях зимы. Вопрос об ответственности за потери начального этапа войны до сих пор остается сложным,

и из него еще долго надо будет извлекать выводы и уроки. Именно так и ставит вопрос генерал армии М. А. Гареев. Главный урок из опыта большой войны заключается в том, что страна должна постоянно укреплять вооруженные силы, способные отстаивать интересы народа. Обвинять И. В. Сталина в том, что он сидел сложа руки и не готовил страну к серьезным испытаниям, к войне, было бы несправедливо. Такая подготовка, конечно, велась, иначе было бы невозможно вооружить и оснастить многомиллионную армию. Однако исторический просчет И. В. Сталина состоял в том, что в условиях уже идущей мировой войны он весной и летом 1941 г. держался установки не «поддаваться на провокации»: он исходил из предположения, что в 1941 г. войны не будет.

Оборона Москвы — с 6 сентября по 5 декабря 1941 г., а затем успешное контрнаступление советских войск стала первым стратегическим успехом Советской армии и первым крупным поражением нацистского вермахта в ходе Второй мировой войны. Организаторами этой первой крупной победы были Верховный главнокомандующий И. В. Сталин и его ближайший сподвижник Г. К. Жуков. Это утверждение не умаляет роль других военачальников, выполнявших свой долг на полях сражений на различных участках фронта. Однако организаторский талант одного и военное мастерство другого едва ли может подлежать сомнению¹⁰.

Каждое крупное сражение после разгрома вермахта под Москвой имело серьезные международные последствия: от увеличения поставок военных материалов до многократных обещаний открыть второй фронт и от разработки соглашений о коалиции до готовности обсуждать проблемы послевоенного устройства мира.

Именно в момент начавшегося 6 декабря контрнаступления советских войск в Москву пожаловал британский министр иностранных дел А. Иден. Одним из первых его желаний было увидеть хотя бы одного убитого немца, чего не довелось ему видеть в Европе. Для этого ему устроили поездку к линии фронта. Однако в тот момент британское правительство еще не было готово заключить полноценный союзный договор между двумя странами и таким образом сформировать антинацистскую коалицию. Камнем преткновения стало нежелание признать предвоенное территориальное положение Советского Союза, т. е. включение в его состав пограничных территорий в 1939–1940 гг. Только в результате миссии В. М. Молотова в Лондон в мае 1942 г. был подписан англо-советский союзный договор. Договор о союзе и послевоенном сотрудничестве от 26 мая 1942 г. закрепил формально складывавшиеся союзные отношения. За ним последовало соглашение СССР и США о принципах, применимых к совместной войне против Германии, который правящие круги США не захотели назвать союзным договором.

Поражение под Москвой означало для Германии несостоятельность стратегического плана под кодовым названием «Тайфун», на выполнение которого было брошено более 50 дивизий группы армий «Центр». План захвата Москвы был определен директивой германского командования за № 35 от 6 сентября 1941 года. В сражении под Москвой столкнулись миллионные группировки войск. С 1 января 1942 г. по 30 марта 1942 г. вермахт потерял под Москвой убитыми, ранеными и пропавшими без вести свыше 330 тысяч человек. Выведены из строя 16 германских дивизий. В целом потери Германии зимой 1941–1942 гг. превысили 830 тысяч человек. В ходе наступательных операций Советская армия отбросила противника на 100–150 км от Москвы, понеся также большие потери. В обороне столицы принимали участие более миллиона человек: такое число граждан было награждено медалью «За оборону Москвы». Сражение за Москву и изгнание противника продолжалось до 20 апреля 1942 года.

Цена победы, или Трагедия безвозвратных потерь

К лету 1942 года германское командование сосредоточило на южном фланге Восточного фронта значительные силы с целью развернуть наступление на Сталинград и выйти на подступы к Кавказу. Гитлер рассчитывал обеспечить вермахт горючим, добытым на грозненском промысле. Сражение миллионных группировок войск в пространстве между Доном и Волгой, продолжавшееся с 17 июля 1942 г. до 2 февраля 1943 г., закончилось, как известно, полным поражением и разгромом 6-й германской армии под командованием генерал-полковника Ф. Паулюса, произведенного в последний день в фельдмаршалы. А. Гитлер считал, что фельдмаршал не должен попасть в плен к русским. Из более чем 300-тысячной группировки 90 тысяч солдат и офицеров оказалось в плену, в том числе командующий армии фельдмаршал Ф. Паулюс.

Победа Советской армии в битве за Сталинград означала коренной перелом в ходе всей мировой войны. Непосредственным результатом этой великой битвы стало усиление движения сопротивления нацизму в ряде оккупированных стран Европы, в том числе в самой Германии¹¹.

Открытие второго фронта на европейском континенте в тот момент, конечно, могло бы ускорить разгром вермахта и окончание войны. Однако, несмотря на обещания и договоренности, западные державы затягивали подготовку открытия второго фронта. У Черчилль полагал, что разговоров об угрозе открыть второй фронт достаточно для психологического воздействия на противника. Высадка десанта в Северной Африке, а затем и на острове Сицилия мало влияла на ход войны на Восточном фронте. Гитлеровцы могли даже перебросить бронетехнику, выкрашенную в цвет пустыни, на Восточный фронт.

Если Московское сражение было выиграно огромным напряжением сил, но без заранее продуманного плана, а переход в контрнаступление стал возможен в результате постепенного накапливания сил в ходе тяжелых оборонительных боев, то разгром вермахта под Сталинградом имел место также при огромном напряжении сил, но уже по тщательно разработанному плану, имевшему кодовое обозначение «Уран». Подготовительную работу по поручению И. В. Сталина выполнили генералы Г. К. Жуков и А. М. Василевский. План операции был утвержден 13 ноября 1942 года. Огромное значение для успешных боевых действий имела подготовительная работа на северном и южном флангах.

Если в численности сухопутных сил и в авиации к началу наступления удалось создать некоторое преимущество (один миллион сто тысяч человек против примерно одного миллиона на стороне противника), то существенное преимущество удалось обеспечить в бронетехнике (танках и САУ) и в артиллерии — от полутора- до более чем двукратного превосходства. Артподготовка наступательных операций играла решающую роль. Не случайно именно в тот момент у советского командования сложилось убеждение, что артиллерия — это бог войны. Реализация замысла Верховного командования была возложена на три фронта: Юго-Западный (командующий генерал Н. Ф. Ватутин), Сталинградский (командующий генерал А. И. Еременко) и Донской (командующий генерал К. К. Рокоссовский). Координация действий трех фронтов возложена на генерала А. М. Василевского.

В сталинградскую эпопею вошли имена десятков тысяч героев — и солдат и офицеров. Поражение под Сталинградом германская пропаганда не могла скрыть от своего народа, а тем более от граждан других стран. Никакие слова о «выравнивании линии фронта» теперь не могли обмануть. Пришлось объявить национальный траур — пожалуй, впервые за все время войны. Однако германское командование не считало утраченной стратегическую инициативу.

1943 год вошел в историю Второй мировой войны как год коренного перелома в ходе всемирной войны. В конце января — начале февраля завершилась великая битва в пространстве между Волгой и Доном. В период с 12 по 30 января советские войска предприняли попытку прорвать кольцо блокады Ленинграда. Операция силами двух фронтов — Ленинградского и Волховского — привела к прорыву кольца, что несколько облегчило положение населения. Однако полностью снять блокаду города не удалось. Тогда же в феврале началась подготовка операции «Полярная звезда» с целью разгрома германской группировки «Север», однако выполнение этой задачи требовало времени и дополнительных сил. Определенным успехом стало овладение силами Северо-Западного фронта городом Старая Русса.

К лету 1943 г. германское командование сосредоточило на выгодных для себя рубежах на т. н. Курском выступе значительные силы, чтобы развернуть новое наступление. В этот момент, собственно в середине войны, против Советского Союза германский вермахт насчитывал до 10 млн. солдат и офицеров, вооруженных современной техникой, на оснащение которой работала промышленность стран не только Центральной, но и Западной Европы, а также оккупированных территорий. Советская армия имела 6,6 млн. человек личного состава, которые были оснащены более чем 100 тысячами орудий, 10 тысячами танков и САУ, более чем 19 тысячами самолетов. Перемещенные на восток страны заводы снабжали свою армию техникой и боеприпасами.

По плану «Цитадель» германское командование бросило против наших войск Центрального фронта (командующий генерал К. К. Рокоссовский) и Воронежского фронта (командующий генерал Н. Ф. Ватутин) 50 свежих дивизий, в т. ч. 16 танковых и моторизованных, из 196 дивизий, находившихся на Восточном фронте. Цель операции заключалась в том, чтобы отрезать от «большой земли» Курский выступ ударами от Орла и от Белгорода на Курск, втянув в котел стратегический резерв советского командования. Однако советское командование создало под Курском мощный оборонительный рубеж. Если германская группировка насчитывала около 990 тысяч живой силы, то советские войска составляли 1336 тысяч человек. Германские войска имели около 10 тысяч орудий и минометов, советские — более 19 тысяч единиц. По танкам и самолетам также было создано преимущество: 3400 танков против 2700 и 2200 самолетов против примерно 2000 немецких самолетов. Один из важных факторов успеха советских войск состоял в своевременной информации командования относительно плана наступления противника, что позволило нанести упреждающий удар после развертывания его сил для наступления.

На Курской дуге в районе деревни Прохоровка имело место крупнейшее в истории войн танковое и артиллерийское сражение, в котором верх взяли советские воины. По случаю освобождения г. Белгорода в Москве был дан первый артиллерийский салют. Вскоре после Курской битвы ближайшая союзница нацистской Германии — Италия — была вынуждена в сентябре 1943 г. сменить правительство и выйти из войны. В октябре 1943 г. в Москве встретились министры иностранных дел СССР, Великобритании и США, чтобы подготовить встречу и совещание «Большой тройки» с целью наметить контуры послевоенного устройства мира.

На Московском совещании министров иностранных дел СССР, США и Великобритании в октябре 1943 г. был принят ряд согласованных решений относительно дальнейших совместных действий в ходе войны, а также относительно послевоенного устройства мира. Особенно важным было принятие

в принципе идеи создания всемирной организации для обеспечения международного мира и безопасности, воплощенной затем в виде Организации Объединенных Наций.

Конференция глав правительств СССР, Великобритании и США — И. В. Сталина, У. Черчилля и Ф. Д. Рузвельта, состоявшаяся в Тегеране в конце ноября 1943 года, имела кодовое обозначение «Эврика». Декларации, принятые на конференции, разумеется, не раскрывали всех замыслов «Большой тройки». Скажем, если были намечены сроки открытия второго фронта, то в опубликованной 1 декабря 1943 г. Декларации трех держав было объявлено следующее: «Мы пришли к полному соглашению относительно масштаба и сроков операций, которые будут приняты с востока, запада и юга»¹².

Самое важное заключалось в том, что эта конференция, на которой принята Декларация трех держав об Иране, положила начало ряду встреч глав трех держав, на которых решались проблемы послевоенного урегулирования, территориального и политического устройства стран Европы и Азии. Сам факт встречи глав правительств за столом переговоров свидетельствовал о полном признании значения побед Советской армии и роли Советского Союза как великой державы в решении проблем мировой политики.

Согласованный в Тегеране срок открытия второго фронта не был точно выполнен. Второй фронт в Нормандии, на севере Франции, был открыт только 6 июня 1944 г., когда Советская армия нанесла по вермахту ряд стратегических ударов и продолжала очищение своей земли от нацистских захватчиков. Летом и осенью 1944 г. были выведены из войны Финляндия, Румыния и Болгария, что существенно сократило линию фронта для наступающей Советской армии. На фоне гигантских по масштабам сражений на Восточном фронте высадка десанта в Нормандии имела, конечно, определенное военное значение, но большее значение она имела, разумеется, политическое — как выражение воли западных держав участвовать в разгроме противника хотя бы на заключительном этапе войны.

В статистике потерь воюющих сторон не может быть бухгалтерского баланса, как не может быть рыночных отношений в военном деле. Нападающая сторона использует фактор внезапности и наносит удар в удобный для себя момент. На начальном этапе войны агрессор наносит большой ущерб жертве агрессии. Долговременные факторы, факторы затяжной войны вступают в силу не сразу, не автоматически. Вермахт вторгся на территорию нашей страны с заранее подготовленного плацдарма и начал продвижение на фронте в несколько тысяч километров. Блицкриг — молниеносная война — дала германскому командованию выигрыш на начальном этапе войны. Не только части, но и соединения оказывались в окружении противника. Именно поэтому значительные массы наших солдат попали в плен: 2 млн. человек в 1941 г. и 1,4 млн. человек в 1942 году.

Комиссия специалистов в Генштабе изучала материалы, относящиеся к учету потерь обеих сторон. Результаты расследования были опубликованы в виде целого тома сведений¹³. Обобщенные данные дают возможность сравнить потери СССР и Германии. Безвозвратные потери советских вооруженных сил составили около 9 млн. личного состава. Потери фашистского блока составили 9,3 млн. чел., в том числе 7,4 млн. германских граждан. Потери Советского Союза, таким образом, примерно на 1,5 млн. больше, чем потери Германии. Однако надо учитывать и потери союзников Германии. Значительное превышение потерь Советской армии объясняется и тем, что из 4,5 млн. советских солдат, попавших в плен, более 2 млн. погибли от голода и репрессий в германских лагерях, тогда как из примерно 2 млн. германских пленников большая часть выжили в суровых климатических условиях России и вернулись домой после определенного срока.

Общие потери населения Советского Союза превысили 26 млн. человек, главным образом из-за того, что германские оккупанты подвергли массовому уничтожению мирное население страны. В результате карательных операций, повальных расстрелов, голода и болезней погибло 18 млн. граждан страны. В блокаде Ленинграда погибло около миллиона граждан.

В фондах Российского Государственного Военного Архива нами выявлен важный документ, который дает точный ответ на вопрос, сколько военнопленных находилось в лагерях НКВД в 1941–1945 гг. Документ имеет название: «Статистические сведения о военнопленных европейских армий, принятых ГУПВИ МВД СССР за период войны 1941–1945 гг.». Достоверность сведений не подлежит сомнению, поскольку это официальный документ, составленный для служебного пользования. Папка имеет пометки: начато 1 января 1946 года, окончено 31 декабря 1946 года.

Из этого обстоятельного отчета следует, что всего за годы войны приняты в лагеря военнопленных 3 149 862 человека 59 национальностей, в том числе 1 949 994 немцев и 145 738 австрийцев. Абсолютное большинство военнопленных вскоре после окончания войны вернулись на родину. На 1 января 1946 г. в лагерях находились еще 1 645 183 человека, а на 1 января 1947 г. — 1 334 795 человек. Известно, что в 1953 г. все германские военнопленные были возвращены по месту их довоенного жительства. До 1955 г. в нашей стране находилось около девяти тысяч немцев, осужденных за военные преступления. Они были отпущены после установления дипломатических отношений между СССР и ФРГ¹⁴.

Основы послевоенного устройства

Основопологающей идеей послевоенного устройства кроме мирного урегулирования стала идея создания международной организации безопасности, идея предотвращения агрессии любой державы, но особенно держав «оси». Декларация

Объединенных Наций 1 января 1942 года уже дала приемлемую формулу: Объединенные Нации — не союзные и не ассоциированные, а именно объединенные в борьбе против агрессивных держав. Когда сегодня говорят, что Россия — союзница США в борьбе против террористов, следует помнить, что США не желали считать себя союзником России даже в годы совместной борьбы против Германии и Японии.

На Московской конференции министров иностранных дел трех держав (СССР, Великобритании и США, 19–30 октября 1943 г.) — первой конференции союзников в собственном смысле слова, а затем в Тегеране (ноябрь 1943 г.) было ясно выражено намерение создать всемирную организацию для поддержания международного мира и безопасности. Тогда же намечены первые контуры послевоенного устройства мира. В повестку дня вставал вопрос о составе, структуре и механизме деятельности такой международной организации. По предложению Советского Союза решено было начать работу по составлению устава международной организации с учетом опыта Лиги Наций.

Конференция представителей СССР, США и Великобритании была созвана 21 августа 1944 г. в местечке Думбартон-Окс в США¹⁵. Надо полагать, что в связи с очередной годовщиной окончания войны и создания ООН исследователи напомним об обстоятельствах выработки основных принципов этой универсальной организации, которая включила при учреждении 51 государство и в послевоенные десятилетия охватила более 190 государств мира. Это, конечно, показатель жизнестойкости не только самой идеи предотвращения агрессивных войн, но и эффективности ее деятельности при условии соблюдения принципов международного права. Чтобы модернизировать организацию, не превращая ее в прямо противоположный институт, надо знать основные намерения первоначальных участников. Иначе это будет уже иная организация.

Высадка десанта и экспедиционного корпуса союзников во Франции была, разумеется, важным политическим и военным событием. Оно могло бы иметь еще большее значение, если бы последовали серьезные наступательные действия и вторжение сил союзников на территорию собственно Германии. Однако серьезных сражений не последовало. Более того, в конце 1944 г. германское командование решило преградить путь англо-американским силам и отбросить их хотя бы на одном участке и, возможно, склонить США и Великобританию к сепаратному миру или хотя бы перемирию. Союзные войска оказались в районе Арденн в весьма сложном положении, можно сказать — в критическом. Союзники обратились за помощью к Советскому правительству. Личное и строго секретное послание У. Черчилля маршалу И. В. Сталину от 6 января 1945 г. начиналось словами: «На западе идут очень тяжелые бои...». Британский премьер поставил вопрос: «...Можем ли мы рассчитывать на крупное русское наступление на фронте

Вислы или где-нибудь в другом месте в течение января?...» И. В. Сталин дал ответ тотчас по получении послания У. Черчилля 7 января: «Мы готовимся к наступлению, но погода сейчас не благоприятствует нашему наступлению. Однако, учитывая положение наших союзников на Западном фронте, Ставка Верховного главнокомандования решила усиленным темпом закончить подготовку и, не считаясь с погодой, открыть широкие наступательные действия против немцев по всему центральному фронту не позже второй половины января. В зимних условиях затруднено применение не только авиации, но и артиллерии». Как только был получен ответ И. В. Сталина, У. Черчилль не преминул блеснуть дипломатическим мастерством, вставив фразу в очередное послание 9 января: «Битва на западе идет не так уж плохо». «Тяжелые бои», которые вели главным образом американцы на узком участке фронта в несколько десятков километров, превратились за три дня в «битву», которая, возможно, позволит «вытеснить гуннов», т. е. немцев, со своего выступа. Советская армия, между тем, развернула наступление на фронте в тысячу километров и в конце января вышла на довоенные границы Германии¹⁶.

Уже в конце 1944 г. в переписке между главами правительств СССР и Великобритании обсуждалась возможность новой встречи глав «Большой тройки», которой дано кодовое название «Аргонавт». Такая встреча состоялась в Крыму с 4 по 11 февраля 1945 г. в Ливадийском дворце. В итоге переговоров за круглым столом были согласованы действия союзников на завершающем этапе войны, политика трех держав в отношении послевоенной Германии, мирного урегулирования после окончания войны. Кроме того, подписан договор, определивший условия вступления СССР в войну против Японии. Особенно важное значение имела выработка к этому моменту Устава ООН. Три державы согласовали принципиальные положения для обеспечения их сотрудничества в будущем: условия приема в члены ООН, состав Совета Безопасности и процедуру голосования в Генеральной Ассамблее ООН и в Совете Безопасности. Принципиально важным было решение вопроса о принятии решений в Совете Безопасности ООН в конфликтных ситуациях: принцип единогласия постоянных членов Совета, получивший в обиходе название «право вето».

В ходе войны в центре внимания, естественно, находились вопросы, связанные с противоборством с агрессивными державами «оси», создания второго фронта против агрессоров, создание коалиции держав и взаимопомощи — военной и материальной, в частности по принципу ленд-лиза, т. е. займы и в аренду. На завершающем этапе войны на первый план, естественно, вышли проблемы территориального и политического устройства государств Европы и Азии после войны, политики в отношении вражеских государств. Особенно остро стоял вопрос:

как быть с Германией? В американских и британских правящих кругах вынашивались планы расчленения Германии на три-пять отдельных государств, деиндустриализации страны и превращения ее в сплошное «картофельное поле». Советское правительство склонялось к тому, чтобы сохранить единую Германию, которая стала бы миролюбивым, дружественным государством, которое не будет угрожать миру в Европе. В принципе был решен вопрос о том, что ответственная за развязывание войны Германия должна платить репарации, т. е. компенсацию за ущерб, нанесенный другим государствам в результате агрессии.

Ввиду успешного зимнего наступления Советской армии у некоторых командующих фронтами возник соблазн продвинуться по территории Германии и «с ходу» взять Берлин. Верховное командование, очевидно, взвесив все за и против, приняло решение тщательно подготовиться к ответственному сражению: необходимо было сосредоточить силы, подтянуть резервы, пополнить техникой и боеприпасами миллионные группировки войск. Не простой задачей оказалась ликвидация германской группировки в Восточной Пруссии и взятие Кёнигсберга.

В середине апреля 1945 г. три фронта Советской Армии приступили к реализации заключительной операции — взятию Берлина. 16 апреля началось наступление. К северу от Берлина в наступление перешел 2-й Белорусский фронт под командованием маршала К. К. Рокоссовского, к югу от Берлина — 1-й Украинский фронт под командованием маршала И. С. Конева, а на центральном направлении — 1-й Белорусский фронт под командованием маршала Г. К. Жукова. Все фронты имели в своем составе несколько группировок и армий, каждую из которых возглавляли закаленные и прославленные в сражениях генералы. Вермахт оказал отчаянное сопротивление советским войскам.

Штурм Берлина стал одним из самых крупных и кровопролитных сражений Второй мировой войны. Ожесточенные бои на Зееловских высотах на подступах к столице нацистского рейха стоили больших жертв. 1 мая 1945 г. Знамя Победы развевалось над рейхстагом. 2 мая Берлин капитулировал. В ночь с 8 на 9 мая 1945 г. в районе Карлсхорст командующие родами войск Германии подписали Акт о военной капитуляции. Это была безоговорочная капитуляция нацистского рейха. В последовавших за этим документах, в частности в Декларации о поражении Германии, было объявлено, что всю полноту власти на территории Германии взяли на себя представители держав-победителей. На конференции союзников в Потсдаме в июле-августе 1945 г. были приняты исторические решения, определившие политику в отношении Германии, потерпевшей сокрушительное поражение во Второй мировой войне. Германский вопрос, т. е. вопрос о статусе германской нации в Европе и в мире, стал одним из острых вопросов мировой политики на несколько послевоенных десятилетий.

Хроника основных событий Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

22 июня 1941 г.	Нацистская Германия и ее союзники начали агрессивную войну против Советского Союза
12 июля 1941 г.	Правительства Союза ССР и Великобритании подписали Соглашение о совместных действиях в войне против Германии
30 сентября — 5 декабря 1941 г.	Оборона Москвы
5 декабря — 20 апреля 1942 г.	Контрнаступление Советской армии на западном направлении, провал германского плана «Тайфун»
26 мая 1942 г.	Заключен договор между СССР и Великобританией «О союзе в войне против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны»
11 июня 1942 г.	Подписано соглашение между правительствами СССР и США «О принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии»
17 июля — 18 ноября 1942 г.	Оборонительные сражения Советской армии на Сталинградском направлении
19 ноября 1942 г. — 2 февраля 1943 г.	Разгром 6-й армии вермахта в Сталинграде по плану советского командования «Уран»
5 июля — 23 июля 1943 г.	Оборонительные сражения Советской армии на Курской дуге, провал германского плана «Цитадель»
12 июля — 23 августа 1943 г.	Контрнаступление Советской армии на пространстве между Орлом и Белгородом
3–8 сентября 1943 г.	Высадка британских войск на юге Италии, капитуляция Италии
19–30 октября 1943 г.	Конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании в Москве
28 ноября — 1 декабря 1943 г.	Конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании в Тегеране (кодовое название встречи «Эврика»)
27 января 1944 г.	Окончательное освобождение Ленинграда от блокады
24 декабря 1943 г. — 17 апреля 1944 г.	Разгром фашистских войск на правом берегу Украины
12 мая 1944 г.	Освобождение Крыма
23 июня — 29 августа 1944 г.	Белорусская наступательная операция
14 января — 1 марта 1944 г.	Ленинградско-Новгородская операция советских войск
14 сентября — 24 ноября 1944 г.	Прибалтийская наступательная операция
20–29 августа 1944 г.	Яско-Кишиневская наступательная операция
12 января — 3 февраля 1945 г.	Висло-Одерская наступательная операция Советской армии
4–11 февраля 1945 г.	Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (кодовое обозначение встречи «Аргонавт»)
16 апреля — 2 мая 1945 г.	Берлинская наступательная операция
8–9 мая 1945 г.	Подписание Акта о военной капитуляции Германии
5 июня 1945 г.	Подписание декларации о поражении Германии
17 июля — 2 августа 1945 г.	Потсдамская конференция глав правительств СССР, США и Великобритании (кодовое обозначение конференции «Терминал»).
2 сентября 1945 г.	Капитуляция Японии

¹ История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. М., 1960–1965, т. 1–6. История Второй мировой войны. 1939–1945. В 12 томах. М., 1973–1982. Вторая мировая война. Краткая история. М., 1984. Великая Отечественная война Советского Союза. 1941–1945. Краткая история. М., 1984. Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. М., 1985.

- ² И. Риббентроп. Мемуары нацистского дипломата. Смоленск, 1998. Й. Геббельс. Последние записи. «Прогресс», 1993. В. Шелленберг. Лабиринт. М.1991. Ф. Папен. Вице-канцлер Третьего рейха.1933–1947. М., 2005. А. Шпеер. Воспоминания. Смоленск, 1998.
- ³ Блюментрит Г. Фельдмаршал фон Рундштедт. М.,2005. Ф. Гальдер. Военный дневник.1941.Смоленск, 2006. Бок Ф. Дневники 1939–1945. Смоленск, 2006.
- ⁴ М. А. Гареев. Полководцы Победы и их военное наследие. М.,2004.
- ⁵ См. Вторая мировая война. Краткая история. «Наука. М., 1984. Великая Отечественная война Советского Союза. 1941–1945. Краткая история. Издание третье. М., 1984. Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. Изд. 2-е. М., 1985.
- ⁶ Маршал Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления в трех томах. М., 1995.
- ⁷ СССР и германский вопрос. 1941–1949. Документы из Архива внешней политики Российской Федерации. М., 1996.
- ⁸ Российский государственный военный архив. Фонд 463, опись 1, ед. хр. 17. «Учетное дело № 4613» (или «Папка № 17»).
- ⁹ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1958, с. 10–11.
- ¹⁰ Капченко Н. И. Политическая биография Сталина, том III (1939–1953). Тверь, 2009, с. 349–374.
- ¹¹ Пещерский В. «Красная капелла». М., 2000.
- ¹² Тегеран, Ялта, Потсдам. Сборник документов. М., 1970. с. 98–99. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В шести томах. Т. I. Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании. 19–30 октября 1943 г. Сборник документов. М., 1978.
- ¹³ См. также: Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Под общей редакцией Г. Ф. Кривошеева.
- ¹⁴ Российский государственный военный архив. Фонд 1-Е. опись 01, ед. хр. 55.
- ¹⁵ См. Крылов С. Б. История создания ООН. М., 1949 и 1961.
- ¹⁶ Переписка, т. 1, с. 298–299.

Об объективном освещении военной истории России

М. А. Гареев*

22 июня 2001 г., в 60-ю годовщину начала Великой Отечественной войны, Президент Российской Федерации В. В. Путин сказал, что мы будем защищать правду об этой войне и бороться с любыми попытками исказить эту правду, унижить и оскорбить память тех, кто пал. В выступлении 9 мая 2006 г. и в Послании Федеральному собранию РФ от 10 мая 2006 г. В. В. Путин еще раз подчеркнул нетленность памяти о Великой Победе и необходимость извлечения уроков из опыта Великой Отечественной войны.

На заседаниях Российского оргкомитета «Победа» обращалось внимание на необходимость более активного противостояния фальсификации истории Второй мировой войны и дискредитации Победы, которые приняли в последнее время беспрецедентные масштабы. С учетом всего этого возникает необходимость активизации нашей деятельности по реализации задач, поставленных Президентом РФ, и решений Российского оргкомитета «Победа».

В целом в этой области проводится большая работа. У ветеранов войны и большинства российских граждан вызывает удовлетворение то обстоятельство, что удалось достойно и в широком масштабе отметить 60-летие Победы над нацистской Германией. Прибытие в 2005 г. в Москву на празднование Дня Победы глав более 50 государств явилось еще одним актом признания решающего вклада нашей страны в достижение Победы. Этот факт имеет огромное историческое значение¹.

В органах управления, вузах, войсках и флотах Министерства обороны (МО), в структурах Министерства внутренних дел (МВД) и Федеральной службы безопасности России (ФСБ), в Министерстве иностранных дел (МИД) и в других государственных ведомствах, в исторических институтах РАН, в Институте военной истории МО, в Академии военных наук,

в ветеранских организациях Москвы, в регионах России проводятся научные конференции, посвященные истории Великой Отечественной войны. Для отстаивания правды о войне и патриотического воспитания молодежи особое значение имеют выступления ветеранов войны в различных аудиториях и встречах. Издаются новые добротные книги, статьи в газетах и журналах, среди которых можно отметить «Красную звезду», «Ветеран», «Военно-исторический журнал», «Военно-промышленный курьер», «Независимое военное обозрение», «Новую и новейшую историю».

Заслуживают внимания такие фундаментальные труды, как «Мировые войны XX века»² (издание подготовлено Институтом всеобщей истории РАН); военно-исторические очерки «Великая Отечественная война 1941–1945»³ и очерки о командармах и командирах корпусов, подготовленные Институтом военной истории МО; Документы внешней политики России, издаваемые МИД РФ; сборник документов «Органы госбезопасности в Великой Отечественной войне»⁴; «Очерки истории российской внешней разведки»⁵; серия «Русский архив»⁶ и др. Полезную работу проводит Координационный совет по военно-историческим вопросам, возглавляемый генерал-полковником А. С. Скворцовым. Есть и некоторые другие достижения.

Однако надо признать, что положение дел в области истории Великой Отечественной войны вообще и в отечественной военной истории в частности нельзя оценить как благополучное. Мы не можем не видеть, что искажается не только история Великой Отечественной войны. Попытки дискредитации Великой Победы и придания этому процессу исторической опоры сочетаются с пересмотром всей отечественной истории.

Ставятся под сомнение заслуги Александра Невского, победа Дмитрия Донского на Куликовом поле.

* Махмут Ахметович Гареев — доктор военных и доктор исторических наук, профессор, президент Академии военных наук, автор многих научных трудов.

Объявляются «реакционерами» Минин и Пожарский, поскольку, оказывается, они еще 400 лет назад сорвали возможность присоединения России к Западу. Последующее противодействие России иноземной экспансии — это-де «реакция», «ряд ошибок», в частности во время Великой Отечественной войны. Восхваляется гатчинская военная школа Павла I, которая якобы стояла выше суворовской науки побеждать.

Появилось много сенсационных и легковесных суждений об Отечественной войне 1812 г., Крымской, Русско-японской, Первой мировой войнах. В сугубо негативном плане изображается весь советский период истории Отечества. Присоединение США и Великобритании во время Второй мировой войны к Антигитлеровской коалиции объявляется ошибкой, а победа над фашизмом — чуть ли не злом. Популярная молодежная газета 22 июня, в день памяти и скорби, писала: «Нет, мы не победили. Или так: победили, но проиграли. А вдруг было бы лучше, если бы не Сталин Гитлера победил, а Гитлер — Сталина? Мы освободили Германию, может, лучше бы освободили нас?»⁷

В. В. Путин подчеркнул, что распад Советского Союза стал крупнейшей геополитической катастрофой XX столетия. С этим тезисом не согласен директор Московского центра Карнеги Э. Качинс. «Для Запада, — считает он, — крах СССР... означал величайший триумф XX века... Отказ от суверенитета ради безопасности является признаком Европы эпохи постмодерна, будучи сегодня основополагающим принципом Евросоюза»⁸. Все страны и народы, согласно этой точке зрения, должны жить под эгидой одной сверхдержавы. Вот такая историческая концепция и «национальная идея» навязывается сегодня России.

В дни, когда исполняется 65 лет после начала Великой Отечественной войны, есть смысл задуматься над тем, почему все это происходит.

Почему переиначивается наша история?

Понятно, что для оправдания такой концепции нужна переиначенная история, которая призвана внушить людям, что, если в прошлом у России ничего, кроме поражений и позора, не было, она не может рассчитывать ни на что путное ни сегодня, ни в будущем. Причем эта информационная диверсия осуществляется под предлогом поиска «правды» о войне. Но вместо правды плодятся ложь и новые мифы.

Нашу страну обвиняют и в сговоре с гитлеровской Германией в 1939 г., хотя до советско-германских соглашений 1939 г. был Мюнхенский договор; Прибалтийские страны и Польша заключили с Германией различного рода пакты и соглашения, в частности секретные.

Советский Союз объявляют виновником и зачинщиком Второй мировой войны. Извращаются подлинные причины наших неудач в начале Великой Отечественной войны. Возникают новые «версии»:

например, по мнению Г. Х. Попова, Курской битвы как таковой не было, так как после высадки союзников на Сицилии Гитлер увел все свои танковые дивизии на запад. Даже выдающиеся наступательные операции 1944–1945 гг., в частности Берлинская, объявляются бездарными, а отечественное вооружение и военное искусство — никудышними⁹.

Приводятся надуманные данные о наших военных и гражданских потерях во время войны. Называют и 40, и 50, и 60 млн. чел. — кому сколько заблагорассудится.

В переломные периоды исторического развития всегда возникало обостренное внимание к прошлым событиям, стремление толковать их с учетом нового видения и приспособления к потребностям решения назревших социально-политических проблем. В свое время даже говорили, что история — это политика, опрокинутая в прошлое.

Во всяком случае, крупные историки не только описывали прошлое, но и стремились делать выводы из прошлого, извлекать уроки из истории, необходимые для современности и для будущего, размышлять о судьбах Отечества, о задачах государства, формировать историческое сознание граждан. Например, Н. М. Карамзин в знаменитой «Истории государства Российского» ставил целью раскрыть смысл русской истории, роль России в мировой истории, подводя все к единению церкви и государства, бога и царя, в целом к единению России, которое спасало ее в наиболее трудные годы. Но жизнь скорректировала заветы даже такого умнейшего историка: идеи незыблемости самодержавия или крепостничества не могли существовать вечно, но идеи единения России будут востребованы всегда.

Карамзин оставил нам и другие полезные советы, к которым не грех прислушаться и в настоящее время. «Историк, — писал Карамзин, — должен ликовать и горевать со своим народом. Он не должен, руководимый пристрастием, исказить факты, преувеличивать счастье или умялять в своем изложении бедствие; он должен быть прежде всего правдив, но может, даже должен, все неприятное, все позорное в истории своего народа передавать с грустью, а о том, что приносит честь, о победах, о цветущем состоянии говорить с радостью и энтузиазмом»¹⁰.

Что-то оказалось жизненным, а что-то безвозвратно ушло в небытие и из наследия других известных историков — С. М. Соловьева, В. О. Ключевского и других.

Не во всем жизненным оказался и марксистский сугубо классовый подход к историческим событиям, а «прямолинейная» школа М. Н. Покровского только дискредитировала историю как науку.

Все это говорит о том, что, с одной стороны, ни один историк не может исследовать прошлое в полном отрыве от интересов общества, в котором он живет. С другой стороны, очевидно и то, что излишняя идеологизация и политизация исторической науки,

как правило, не могут поколебать фундамент этой науки, основанный на объективных фактах и логике исторических событий.

Иногда ставится вопрос: можно ли и нужно ли «переписывать» историю? Переписывать по конъюнктурным политическим соображениям — это дело бесплодное: другие опять переписут. Но когда появляются новые источники, факты, доказательства, безусловно, что-то приходится уточнять. Например, рано или поздно придется корректировать некоторые выводы, относящиеся к Крымской, Русско-японской, Первой мировой или Гражданской войнам в России.

В 2005 г. во время пребывания российской делегации ветеранов войны в Китае, в Порт-Артуре местные власти настойчиво рекомендовали нам не посещать кладбища, где похоронены русские воины, погибшие в Русско-японской войне 1904–1905 гг. Как сказали местные жители, это кладбище находится в запущенном состоянии. Мэр г. Далянь пытался объяснить неухоженность русских воинских захоронений тем, что царская Россия была империалистическим государством и осуществляла экспансию против Китая. Это обычный классовый подход, который не всегда объективно объясняет исторические события. Как показал последующий ход истории, национальные геополитические интересы России и Китая уже тогда требовали совместного противодействия японской агрессии. Даже при неудачном для России исходе войны Япония по Портсмутскому мирному договору должна была уйти из Северо-Восточного Китая.

События 1930-х — 1940-х годов лишь подтвердили необходимость активного участия нашей страны в дальневосточных делах. Как оказалось впоследствии, политика США, Великобритании и других стран, способствовавших (финансами и вооружением) росту военного могущества Японии, обернулась в конечном счете (особенно наглядно это видно на примере Перл-Харбора) против этих же государств. По настойчивой просьбе союзников Советский Союз в августе 1945 г. вступил в войну против Японии.

Да и в 1904–1905 гг. Россия проиграла отдельные сражения, но войну в целом она бы не проиграла и была бы даже способна успешно завершить ее. Однако в силу ряда субъективных и объективных причин, обострения революционной ситуации в стране Россия была вынуждена выйти из войны¹¹.

Нельзя бросаться из одной крайности в другую и в освещении истории Гражданской войны. Когда ставили памятник адмиралу А. В. Колчаку в Иркутске или занимались перезахоронением генерала А. И. Деникина в Москве, в речах организаторов этих мероприятий звучали нотки какой-то нашей виновности перед ними. Едва ли это справедливо. Еще до октября 1917 г., свергнув царя и изменив присяге, «русскую смуту» затеяли именно такие генералы, как Деникин (в марте 1917 г. он был назначен начальником штаба Ставки), и «демократы» типа Керенского. Красные

командиры Фрунзе, Буденный, Чапаев сражались не только против белых и за советскую власть, но и — не на словах, а на деле — за «единую неделимую Россию» против иностранных интервентов, стремившихся расчленивать нашу страну. Генерал Деникин, адмирал Колчак и их белые сподвижники, по существу, воевали в одном лагере с интервентами. Но независимо от того, кто и где сражался, — это были наши соотечественники. Солдаты и офицеры, белые и красные, выполняли свой воинский долг — так, как они его тогда понимали.

С точки зрения историографии необходимо объективно, критически рассматривать и советский период, но неправомерно только «чернить» или вообще «перечеркивать» его. Заместитель руководителя Администрации Президента РФ, помощник Президента РФ В. Ю. Сурков, выступая перед активистами «Единой России» 7 февраля 2006 г., говорил: «Ни в коей мере Советский Союз не заслуживает какого-то огульного осуждения: это все наши ближайшие родственники, это все фактически мы сами... Не будем забывать, что мы живем на наследство, доставшееся нам от Советского Союза, что мы пока мало сделали сами»¹². Это все — часть нашей общей истории. При описании советского периода некоторые авторы забывают о том, что, несмотря на все репрессии, притеснения и бедствия, народ не только продолжал жить, творить, но являлся и хранителем устоев духовной жизни, ее патриотических традиций.

Зарубежные историки признают вклад советских ученых в мировую историографию в том отношении, что советская наука отошла от традиции, когда вся история сводилась к описанию деятельности царей, полководцев, верхушки общества, и впервые серьезно занялась изучением деятельности народных масс, революционного и народно-освободительного движения. Это дало более полную и объективную картину исторического развития. Правда, кое-кто сегодня и от этого наследия начинает отходить. В Академии Генштаба ВС РФ выпущена книга «Стратегия духа», где, например, Емельян Пугачев, как и в царские времена, изображен как бродяга и бандит, где не говорится ни слова о том, что заставило казаков и крестьян поднять восстание.

Выдающиеся мыслители России отрицательно относились к нигилистическому подходу к отечественной истории. Л. Н. Толстой критиковал одностронность исследований истории С. М. Соловьевым, принижение им роли народа, который не только управлялся сменявшимися друг друга государями, но и созидал, жил своей жизнью. Такой подход, по мнению великого писателя, не давал историку постигнуть главную суть и саму тайну истории. «Читаю историю Соловьева, — писал Толстой. — Все, по истории этой, было безобразие в допетровской России: жестокость, грабеж, грубость, глупость, неумение ничего сделать... Читаешь эту историю и невольно приходишь к заключению, что рядом безобразий совершилась

история России. Но как же так ряд безобразий произвел великое, единое государство? Но, кроме того, читая о том, как грабили, правила, воевали (только об этом и речь в истории), невольно приходишь к вопросу: что грабили и разоряли? А от этого вопроса к другому: кто производил то, что разоряли?»¹³

Что касается советской историографии, в ее адрес много нелепых наветов, необоснованных обвинений, но немало и справедливых нареканий. В советской историографии были не только ошибки или необоснованные суждения, а просто произвол, когда история писалась или переписывалась в угоду тем или иным находившимся у власти политикам и военачальникам. Отсюда, как всегда, меткая реакция народа: «Воевал ли ты на Малой земле или отсиживался в окопах Сталинграда?»; «Великая Отечественная война — это эпизод в битве за Малую землю».

В одном из многотомных изданий истории Великой Отечественной войны 12 раз упоминался начальник Генерального штаба германских сухопутных войск генерал-полковник Ф. Гальдер и ни разу — наш начальник Генерального штаба генерал армии Г. К. Жуков, как будто его совсем не было на этой войне. А чего стоят хрущевские басни о том, что-де Сталин управлял военными операциями по глобусу?

Обо всем этом приходится лишний раз напоминать потому, что все еще живут и продолжают действовать те люди, которые раньше порождали неблагоприятные дела, а теперь их продолжают оправдывать. Но есть и другие — те, кто разрушает теперь то, что сами же прежде создавали.

В наше сложное время особенно важно возрождение правдивого и уважительного отношения к отечественной истории. Следуя советам П. Я. Чаадаева и Ф. М. Достоевского, можно не идеализировать старину, но вместе с тем нельзя забывать пушкинские слова о том, что «уважение к минувшему — вот черта, отличающая образованность от дикости. Гордиться славою своих предков не только можно, но и нужно»¹⁴.

Порою дело изображают таким образом, что мы — ветераны войны или историки, стоящие на объективных позициях, возмущаемся по поводу фальсификаций истории только из-за того, что мы «лакируем» историю и не хотим видеть негативные стороны и события войны.

Но дело не в этом. Просто невозможно согласиться с заведомой ложью и фальсификацией истории, выхватыванием отдельных угодных авторам фактов¹⁵.

Международный фонд «Демократия» под руководством академика А. Н. Яковлева издал сборник важнейших документов за 1941 год¹⁶. В предисловии к первой книге сказано, что никакой внезапности в начале войны не было, И. В. Сталин имел точные данные о готовящемся нападении, но преступно ими пренебрег. Но научной историографии для тех, кто все же хочет по-настоящему разобраться в прошлых событиях и дойти до истины, такого объяснения

недостаточно. Все равно остается вопрос: почему так поступил Сталин? Ведь, несмотря на все свои ошибки, он не был врагом своей страны, не хотел ее поражения, что подтверждается последующей его деятельностью в ходе всей войны.

Это говорится не для оправдания Сталина. Оправдать все это невозможно. Просто обстановка накануне войны была значительно сложнее, чем это иногда изображается, шли разведанные и документы не только о возможном нападении, но и о том, что это провокационные слухи, дезинформационные сведения. Но о таких документах в сборнике фонда «Демократия», как и в ряде других книг¹⁷, не упоминается. Однобокий подбор только угодных авторам фактов искажает историю. Полпред СССР в Лондоне И. М. Майский накануне войны сообщал в Москву подробные сведения о военных приготовлениях Германии и в конце донесения делал вывод, что Гитлер сможет напасть на СССР только после того, как покончит с Англией. Начальник Главного разведывательного управления Генштаба Красной Армии Ф. И. Голиков и нарком внутренних дел Л. П. Берия представляли Сталину доклады о развертывании германских вооруженных сил у наших границ и завершали их выводами о дезинформационном характере этих сведений. Назывались сроки гитлеровского нападения: 15 апреля, 1, 15, 20 мая, 15 июня. Сроки проходили, а нападения не было. Много поступало и другой противоречивой информации. Но сегодня иногда судят об этих противоречивых явлениях чрезмерно упрощенно и в отрыве от того, что происходило в действительности.

Это неправда, когда самый трудный для нас 1941 год изображается как сплошное паническое бегство, когда будто бы войска, побросав танки и другое вооружение, целыми соединениями сдавались в плен. Были и тяжелые отступления, и паника, и массовая сдача в плен, но многие соединения и в 1941 г., и в 1942 г. самоотверженно сражались, наносили контрудары, выходили из окружения. Неожиданное для противника упорное сопротивление наших войск было вынуждено признать и германское командование. Без упорного сопротивления невозможно было бы обескровить, остановить врага и перейти в наступление под Москвой, Сталинградом и Ленинградом.

Не может быть, чтобы гитлеровское командование и германские войска все правильно делали, воевали отменно и вдруг потерпели поражение. А мы все делали неправильно, бездарно воевали и вдруг каким-то чудом победили.

В историческом плане, победой или поражением окончилась война, определяется прежде всего тем, какие цели преследовали воюющие стороны и были ли эти цели достигнуты. Нацистская Германия стремилась поработить наши и другие народы, установить мировое господство. Советское государство имело целью защитить и освободить свои и другие народы,

сокрушить фашизм в Европе. Как известно, планы Гитлера кончились полным провалом, а наша страна и ее Вооруженные силы выполнили свою историческую миссию. И не фашисты пришли в Ленинград, Москву или Лондон, а Советская армия и ее союзники пришли в Берлин, Рим и Токио.

Разговоры о том, что мы завалили противника трупами своих солдат, тоже несостоятельны. Наши военные потери по отношению к германским составили 1,3 к 1, и то в основном за счет истребления более 2 млн. наших военнопленных в нацистских лагерях. Неисторичными являются и заявления о том, что народ победил вопреки сталинскому руководству. Во-первых, не то что вопреки, а без ведома Сталина ни один вопрос не решался и не мог решаться. Во-вторых, почему этот же народ не только одержал побед, но и потерпел поражение в Крымской, Русско-японской или Первой мировой войне? Ни один самый отверженный народ без твердого руководства, без руля и ветрил не может не только одержать победу, но и просто действовать организованно.

Пересмотр итогов Второй мировой войны, попытки принизить значение победы над фашизмом, решающую роль нашей страны в достижении Победы, начали давать о себе знать сразу после войны (тогда в основном за рубежом). В деле извращения истории войны свою негативную роль сыграл и Н. С. Хрущев. Но в последующем объективная история была в основном восстановлена. Тогда на более или менее объективных позициях стояли все государственные средства массовой информации (СМИ), театры, кино, большинство историков, практически все общество. Только диссиденты выступали с противоположных позиций.

Начиная со времен перестройки и особенно в последние годы все перевернулось вверх дном. Большинство СМИ, литература, школьные и вузовские учебники и особенно телевидение почти полностью переключились на искажение важнейших событий и пересмотр итогов Второй мировой войны в целом. Отстаивать подлинную правду о войне становится все труднее. Журналист, называющий себя историком, может месяцами вещать по телевидению, рассказывая всякого рода выдумки о войне. Настоящие историки или ветераны войны почти лишены возможности выступить в СМИ, сказать свое слово. Книги В. Суворова (Резуна) и других фальсификаторов издаются миллионными тиражами. Западные спонсоры и отечественные издательства этому способствуют. Выход же в свет и тем более распространение честных книг о войне крайне затруднительно, прежде всего по финансовым причинам.

Отчего это происходит? Оглядываясь в прошлое, нетрудно заметить, что по различным, как объективным, так и субъективным, причинам после Отечественной войны 1812 г. военная история России складывалась не лучшим образом. Достаточно вспомнить поражения в Крымской 1853–1856 гг., Рус-

ско-японской 1904–1905 гг. войнах, неудачах в Первой мировой войне 1914–1918 гг. В 1945 г., впервые за столетие, была одержана величайшая за всю отечественную историю победа — Победа над гитлеровской Германией — сильнейшим в военном отношении государством, покорившим до этого многие европейские страны, в том числе и Францию, и претендовавшим на завоевание в недалеком будущем мирового господства. При этом следует учитывать, что антисоветская составляющая идеологии фашизма имела немало сторонников среди влиятельных политических, финансовых, промышленных и военных кругов не только Германии, но и других западных держав, стремившихся «канализировать» агрессивные устремления Гитлера на восток и его руками расправиться с «общим врагом» — Советским Союзом. Однако история рассудила иначе, и западным державам, чтобы спасти себя, отстоять свою независимость, пришлось совместно с СССР противостоять гигантской военной машине агрессора, участвовать в ее разгроме, причем играя в этом процессе второстепенную роль. Именно эти обстоятельства до сих пор и выводят из себя тех, кто не хотел триумфа СССР, его Вооруженных сил, кто желал им поражения.

Известны высокие оценки усилий советского народа и его Вооруженных сил во Второй мировой войне, высказанные Ф. Рузвельтом, У. Черчиллем, Ш. де Голлем, другими видными политическими и военными деятелями¹⁸. В то же время существовали и существуют влиятельные круги, особенно за рубежом, которых такие оценки не устраивают. Генеральная Ассамблея ООН призвала все страны достойно отметить День Победы во Второй мировой войне как день примирения между народами. Однако около ста депутатов Европарламента подписали обращение к главам государств мира не праздновать его в Москве 9 мая. Ясно, что для зарубежных недоброжелателей нашей страны признание всемирно исторического значения Победы означает признание и решающей роли СССР в ее достижении. А это в свою очередь, предполагает незыблемость итогов Второй мировой войны и требует соответствующего места России как правопреемницы СССР в Европе и мире, что больше всего не устраивает тех, кто пытается сегодня определять судьбы человечества. Но все же и на Западе люди должны сделать для себя вывод: хорошо это или плохо, что народы Антигитлеровской коалиции при активном участии антинацистов Германии разгромили фашизм в 1945 году. И если будет решено, что одержанная победа — благо, то тогда не останется и никаких сомнений, как к ней относиться, как оценивать те или иные события минувшей войны.

Что же касается своих, доморощенных «новопротченцев» истории Великой Отечественной войны, то они, стремясь в своей ангажированности перечеркнуть весь советский период истории, считают, что память о Победе, преклонение перед ней — последний плацдарм, который еще удерживают «консерваторы».

Этот плацдарм «новопрочтенцы» пытаются ликвидировать.

Многие небылицы, сплетни, клеветнические наветы на советских полководцев, особенно на Г. К. Жукова, разоблачены, на неопровержимых фактах показана их несостоятельность. Тем не менее, их продолжают тиражировать. За последние 10–15 лет не показано ни одного нового фильма (кроме некоторых старых, таких как «Горячий снег» или документальный фильм «Мифы и факты»), где бы правдиво и доброжелательно по отношению к участникам войны отображалась ее история.

60-летие Курской битвы газета «Известия» озаглавила «сенсационным» сообщением: оказывается, немцы в знаменитом Прохоровском сражении потеряли 5 танков, а советские войска — 334¹⁹. Возникает резонный вопрос: почему же тогда гитлеровцы вместо того чтобы наступать стали отходить, а Красная Армия, преследуя врага, вышла к Днепру и с ходу форсировала его?

Переходит, например, с экрана на экран рассказ о том, будто бы Жуков сказал Эйзенхауэру, что мы во время войны специально посылали пехоту на противотанковые поля противника, чтобы она своими телами проделала проходы для танков (пехотные мины для танков не помеха). Но ведь известно, что для подрыва противотанковой мины нужно давление весом не менее 200–250 кг и пехотинец, наступая на противотанковую мину, не мог ее подорвать.

Не менее десятка писателей и историков написали о том, что Ленинград не надо было оборонять, а следовало бы сдать его. Но известен приказ Гитлера от 18 сентября 1941 г.: «Капитуляцию Ленинграда и Москвы не принимать, даже если она будет предложена»²⁰. Обороняя эти города, несмотря на огромные лишения, мы сохранили и войска и большую часть населения, а в случае сдачи они были бы полностью уничтожены.

Группа российских и немецких историков и литераторов выпустила сборник статей о Второй мировой войне²¹. В нем приводится справедливое высказывание бывшего президента ФРГ Р. фон Вайцекера: «И тем не менее с каждым днем становилось все яснее то, что мы сегодня должны высказать все вместе: 8 мая было днем освобождения. Этот день освободил всех нас от человеконенавистнической системы национал-социалистического деспотизма». Но в книге пишется и об оккупации Советской армией Польши, Венгрии, Прибалтийских стран. Почему для одних — освобождение, для других — оккупация, если цель нашей армии состояла в изгнании фашистских оккупантов с территории этих стран?

Если бы страны Прибалтики в 1940 г. не были в составе СССР, их бы Гитлер заставил воевать на стороне Германии и они оказались бы в стане побежденных со всеми вытекающими отсюда последствиями. По крайней мере, Литва сегодня не владела бы ни Вильнюсом, ни Клайпедой. Гросс-адмирал К. Дениц

в конце войны заявил, что германский вермахт сражался «героически», «с честью», «изо всех сил», неся большие жертвы, всегда оставаясь верной военной присяге, а «результаты его военных действий неизбежны»²². В таком духе пишут о вермахте и современные авторы, в частности и отечественные. А про армию, которая сокрушила этот вермахт, говорят, что она воевала бездарно и чуть ли не проиграла войну.

Один из авторов сборника «Память о войне 60 лет спустя» историк В. Ветте (ФРГ) отмечает: «Германский вермахт, конечно, проиграл Вторую мировую войну, зато добился победы после 1945 года, а именно в борьбе за представление о себе в глазах общественности — немецкой и международной»²³. Американцы после войны засадили гитлеровских генералов писать мемуары, обобщать опыт войны. Эта литература распространялась по всему миру, формировала общественное мнение.

Американский историк Дж. Най растолковывает нам, что «в информационный век побеждает тот, чья история убедительнее, чья история способна привлекать людей»²⁴.

Убедительность нашей истории в правде объективных исторических фактов. Но ее пытаются извратить, сделать непривлекательной.

Крайности в изучении истории Великой Отечественной войны

В изучении и освещении истории войны в последние годы, на мой взгляд, образовались две крайности. Одни авторы, иногда вроде бы из добрых патристических побуждений, не признают критического рассмотрения событий и действий тех или иных личностей. Но ведь еще Сталин говорил в 1945 г., что и у советского правительства были просчеты и ошибки, моменты отчаянного положения. Однако сейчас некоторые редакции газет и журналов, да, увы, и ветераны войны, этого не хотят слышать. Но при таком подходе нам просто не будут верить, а главное — без объективного критического анализа прошлых событий невозможно извлечь должных уроков, сделать выводы для современной деятельности. Но ничего не стоит литература и историческая наука, если она любую историческую личность, любые события не будет рассматривать объективно и критически. Когда нигилисты, занимающиеся ниспровержением нашей Победы, твердят только о наших неудачах, потерях, об отступлении до Москвы и Волги, при этом «забывая» чем кончилась война, что мы пришли в Берлин, то это тоже искажает правду о войне.

Или когда мы в пылу патристических чувств, рассказывая о таком необычайном подвиге руководителей и народа, как эвакуация в тыл 2500 промышленных предприятий и организации производства в новых районах, полагаем возможным умолчать о таких острых вопросах почему так произошло, что в самый ответственный период, когда идет война, войска несут потери и нужно их снабжать оружием,

боеприпасами, другими материальными средствами, именно в это время все демонтируется и откатывается на Восток. Как же мы планировали вести войну? Если мы будем от таких вопросов уходить, то наши позиции тоже будут уязвимы.

Как писал поэт Александр Твардовский, «нам только правда ко двору». Стремление оправдывать все, что было во время войны, изображая даже начало войны как сплошные победы, ни к чему хорошему привести не могут и в конечном счете льют воду не на нашу мельницу. Такая история не будет принята обществом, да и ветеранами войны. У нас есть достойная история со всеми ее великими достижениями, неудачами и огорчениями. Такую историю мы будем отстаивать.

Однако духовным основам Российского государства, его достоинству в настоящем и будущем наибольшую угрозу представляет ультралиберальный исторический нигилизм, когда опошляется и дискредитируется вся история Отечества, и в первую очередь история Великой Отечественной войны. При таком подходе вся история войны изображается как сплошная цепь безобразий и преступлений. Доходит даже до утверждений о том, что это была позорная война, в которой мы потерпели поражение²⁵.

Ко Дню Победы были изданы и широко распространяются такие оскорбляющие чувства ветеранов произведения, как «Беру свои слова обратно» В. Суворова (Резуна)²⁶, «Отцы-командиры» А. З. Лебединцева и Ю. И. Мухина²⁷, «Десять сталинских ударов» В. В. Бешанова²⁸, легковесные книги Б. В. Соколова²⁹, «Походно-полевые жены» Олега и Ольги Грейг³⁰. Последняя книга — характерный пример издания, в котором авторы придумывают небылицы или собирают сплетни. Авторы пересказывают, например, разговоры Г. К. Жукова с теми или иными историческими лицами, но нигде нет ссылок, откуда все это взято, чем авторы могут подтвердить то или иное высказывание. Для людей, знающих подлинную фронтовую жизнь, обстановку того времени, совершенно очевидна и надуманность многого из того, о чем пишут авторы. Из этой же серии монография Б. Н. Красильникова под характерным названием «Разгром Советского Союза»³¹.

Основной недостаток многих современных книг на историческую тему состоит в том, что они основываются не на объективном анализе и сопоставлении различных событий, фактов, свидетельств. Чаще всего заранее намечается определенная ангажированная версия и на нее нанизывается все то, что подтверждает авторскую позицию. Остальное же, даже существенное, просто отбрасывается за ненадобностью.

В качестве примера такого подхода можно назвать работу В. В. Бешанова³² и подобные ей книги. Они не являются плодом углубленных исследований, самостоятельных исторических изысканий. Это компиляция из того, что уже было написано в ранее изданных трудах. Но при том факты и вы-

воды подбираются и подаются настолько однобоко и тенденциозно, что неподготовленному читателю трудно понять, что же происходило в действительности. На исторической ниве подвизается немало так называемых «историков», которые ни по образованию, ни по научному статусу не имеют никакого отношения к исторической науке.

Возникает вопрос: почему же тогда даже такие массовые издания, как газета «Аргументы и факты», обращаются именно к таким авторам, особенно в дни юбилеев исторических событий? Разве нет других, более авторитетных, профессиональных историков или еще здравствующих участников тех или иных боев и сражений?

Примечательно, что иногда приводятся самые невероятные цифры или другие данные, но, как правило, ссылки на источники отсутствуют. При этом расчет делается на неосведомленного читателя. Неоднократно публиковался тезис, что 100-тысячный десант союзников во время Крымской войны победил 1,5-миллионную русскую армию. Причем для Англии, Франции и других армий берутся войска только в Крыму, а для России — на всей ее территории.

А. Н. Яковлев писал: «Мне нечего сказать в защиту тех, по чьей вине в Гражданскую войну погибли 20 млн. человек»³³, но не делается никакой попытки обосновать или объяснить эту цифру. В действительности общие демографические потери России на фронтах и в тылу (в боях, от голода, эпидемий, террора) в годы Гражданской войны составили 8 млн. человек³⁴. В начале 20-х годов XX в. в Европе только от испанского гриппа умерло 22 млн. человек. Но ни в одной стране их не относят к военным потерям.

Особенно много измышлений о нашей истории в зарубежной историографии³⁵. Американский военный историк Д. Глэнц, не разобравшись в сути операции «Марс» (осень в 1942 г.), написал книгу «Величайшее поражение маршала Жукова», которую некоторые отечественные его последователи всячески рекламируют³⁶.

Многие факты и события рассматриваются в отрыве от исторической обстановки. После войны появилось различные издания, где утверждается, что нарком Военно-морского флота (ВМФ) адмирал Н. Г. Кузнецов «вопреки Сталину» еще задолго до войны привел флот «в полную боевую готовность». Но полная боевая готовность, кроме подъема по боевой тревоге, предполагает укомплектование всех частей до штатов военного времени, т. е. их отмотивирование. У наркома ВМФ своих военкоматов и своего особого Верховного Совета не было. Мобилизацию он провести не мог. Указом президиума Верховного Совета СССР мобилизация была объявлена 23 июня 1941 года.

Распространяется миф, что в отличие от других округов в Одесском военном округе и войска были своевременно приведены в боевую готовность, авиация рассредоточена, поэтому войска и авиация этого округа не понесли больших потерь. Но противник

с территории Румынии перешел в наступление через неделю после начала войны. И в первые дни войны в полосе Одесского военного округа не было таких массивных ударов, как на западном или юго-западном направлении.

Г. Х. Попов написал книгу «Три войны Сталина», где «третью войну Сталина» он связывает с продолжением войны в 1944–1945 гг. за пределами СССР³⁷. Автор полагает, что с выходом на государственные границы Советскому Союзу надо было остановиться и дальше в войне не участвовать. Военные действия наших войск по освобождению Польши, Венгрии, Чехословакии и других стран и тем более оккупацию части Германии он считает агрессивными действиями Сталина, положившими начало «холодной войне». Г. Х. Попов прибегает к историческим аналогиям, к ссылкам на 1812 год. Изображая дело таким образом, что М. И. Кутузов не хотел идти в Европу и добивался того, чтобы остановиться на границе и дальше войска не посылать. Но 21 декабря 1812 г. (20 января 1813 г.) Кутузов в приказе по армии поблагодарил войска за изгнание врага из пределов России и призвал их «довершить поражение неприятеля на собственных полях его»³⁸. Исторически считается уже доказанным, что интересы стабилизации обстановки в Европе и национальные интересы России требовали совместных усилий европейских стран по пресечению наполеоновской экспансии. И конечно, участие русских войск в походе в Европу в 1813–1814 гг. было вполне оправданным.

Для правильных, обоснованных решений по назревающим проблемам нужен анализ сложившейся обстановки и перспективное понимание национальных, в том числе и геополитических интересов государства. Если исходить из этого, могло ли советское правительство в 1944 г. принять решение остановить войска у государственных границ и закончить на этом войну? Это было практически невозможно, если бы даже кто-то и принял бы такое решение.

Во-первых, советское правительство было связано соответствующими международными соглашениями с США, Великобританией, другими государствами о полном разгроме гитлеровской Германии и ее сателлитов, добиваясь безоговорочной капитуляции Германии, ее денацификации и демилитаризации.

Во-вторых, с точки зрения военно-политической, при отказе СССР переходить свои западные границы союзникам пришлось бы одним воевать против Германии, Италии, Венгрии и других стран гитлеровской коалиции, в том числе и против всех войск, снятых и переброшенных на запад с советско-германского фронта. Перед завершающей кампанией 1945 г. против советских войск действовало 179 немецких и 16 дивизий ее союзников, а против американско-английских войск — 107 дивизий. Нетрудно себе представить, особенно если вспомнить арденнские события декабря 1944 г., в какое положение попали бы союзники, если бы против них было переброшено еще

150–200 дивизий с германского Восточного фронта. Никто бы, конечно, в то время не пошел на прекращение военных действий на советско-германском фронте. Но если даже теоретически допустить такую возможность, то это означало бы катастрофу для союзников или они наверняка пошли бы на заключение сепаратного мира с Гитлером. Тогда продолжала бы существовать агрессивная германская империя и исходящая от нее военная угроза для нашей страны.

Госсекретарь США К. Хэлл вынужден был признать: «Только героическое сопротивление Советского Союза спасло союзников от позорного сепаратного мира с Германией. Это сепаратное соглашение открыло бы дверь для следующей 30-летней войны»³⁹.

Пусть здравомыслящий читатель рассудит, как, с учетом всего изложенного, можно было нашим войскам останавливаться у западных границ и отказываться от освобождения других стран, находящихся под фашистской оккупацией, а главное — дать возможность разбитому, но еще сильному противнику отступить в глубь своей территории и снова собраться с силами? Не говоря уже о том, что на оккупированной нацистами территории Европы и в Германии были лагеря наших военнопленных, угнанные в рабство соотечественники, которые ждали своего освобождения.

Даже в Германии не критикуют так резко гитлеровскую армию, потерпевшую сокрушительное поражение, как некоторые историки и публицисты в нашей стране — свою армию-победительницу. Должно же быть хотя бы элементарное уважение к делам и интересам России.

Автор вышедшего несколько лет назад фильма «Последний миф» В. Синельников говорит уже о виновности не только Сталина, Жукова, других высших руководителей страны и армии, но и всего народа, которому непременно надо покаяться перед всем миром. «Для меня, — пишет В. Синельников, — ... нет ничего важнее проблемы покаяния советского народа»⁴⁰. Враги хотели нас уничтожить, поработить, но мы победили захватчиков, спасли всю Европу от угрозы фашистской чумы, а теперь, оказывается, нам надо перед миром каяться! Нет, мы каяться по этому поводу не будем. Мы воевали не против немецкого или японского народов, а против фашизма и милитаризма.

В свое время поэт и дипломат Ф. И. Тютчев заметил в России явление, которое он назвал «наиболее прискорбной склонностью», выражающейся в стремлении «подходить ко всем вопросам с их самой мелочной и гнусной стороны, потребность проникать в хоромы через задний двор. Это в тысячу раз хуже невежества. Ибо в простой здоровой натуре невежество простодушно и забавно, тогда как эта склонность изобличает и всегда будет изобличать одну лишь злость»⁴¹.

К сожалению, в последние годы на исторической ниве России превалируют именно такая озлобленность и нигилизм по отношению к общественным

делам и интересам. Дошло до того, что мы уже вроде «стесняемся» побед своих Вооруженных сил. Победа осенью 1945 г. над Японией даже не обозначена в Федеральном законе «О днях воинской славы России». Но нельзя отменить того, что произошло. В памяти народа 3 сентября 1945 г. как было, так и останется Днем воинской славы — днем торжества отечественного оружия, нашей полководческой школы.

В истории не раз уже бывало, когда победившие революции во многом невольно копировали свергнутые режимы, повторяли в еще более жестоком виде методы их борьбы с противниками, оппозицией, и в конечном счете приходили к тому, против чего боролись. После августовских событий 1991 г., когда непримиримость ужесточилась, многие справедливо выражают озабоченность тем, что продолжение такой линии может привести к новой форме единомыслия, что было бы опасным не только для судеб исторической науки, но и вообще для демократии, для всего общества.

Нередко происходит шельмование инакомыслящих, озлобление и ожесточение против целых групп людей, исходя лишь из их корпоративной принадлежности. Редакции ряда журналов, газет, издательств часто публикуют только соответствующие их взглядам работы, недоброжелательно относятся к другим мнениям. Под напором нового идеологического прессы даже известные историки и писатели ломаются, высказывают суждения, прямо противоположные проповедовавшимся ими ранее. Пересмотр своих взглядов на основе новых фактов и жизненных явлений — дело естественное. Но тогда должны быть подвергнуты научной критике прежние взгляды и основаны новые.

Поощрение конъюнктурности неизбежно ведет к снижению научной требовательности. В научную среду под прикрытием модной политической демагогии проникают посредственности, возводящие ту самую глухую стену, о которую в истории науки разбивались многие новые мысли и открытия. Давно известно, что без сопоставления и борьбы мнений наука не может плодотворно развиваться. Некомпетентные суждения в области военной истории входят в оборот еще и потому, что выступить и развенчать их в печати не всегда дозволяется. Как говорил академик П. Л. Капица, когда в какой-то науке нет противоположных взглядов, нет борьбы, то эта наука идет по пути к кладбищу — на свои похороны.

При всех нынешних трудностях и в наши дни выпускаются новые книги, в частности ветеранскими организациями, рассказывающие о Московской, Ленинградской, Сталинградской или Курской битвах. Но обычно в них содержится то, что уже много раз публиковалось 20–30 лет назад. В этих изданиях нет разоблачения измышлений, которые распространяются сегодня об этих битвах. Поэтому эти, сами по себе нужные, книги не в полной мере достигают своей цели.

Историческая истина — это не просто поиск и воспроизведение документов и систематизация известных фактов, тем более что они не всегда адекватно отражают историческую действительность. Для постижения исторической правды нужно искать недостающие данные, сопоставлять их с известными фактами, неоднократно перепроверять источники для выяснения их достоверности, проникать в их подлинный смысл, глубоко и всесторонне анализировать разноречивые свидетельства. Но такой кропотливой работы часто недостает военно-историческим исследованиям. Поэтому некоторые стереотипы широко распространяются в печати без надлежащей их проверки и сопоставления с фактами.

Мы до сих пор не имеем обобщенных карт, воспроизводящих двусторонний ход операций. Когда уже в наши дни начинаешь сличать положение сторон в тех или иных операциях, то во многих случаях на германских и советских картах они существенно отличаются. До сих пор по-разному сообщаются данные о конкретных решениях, военных действиях, их результатах и потерях. Многие карты и схемы стратегической и оперативной обстановки, положения сторон перед началом и в ходе операции были разработаны у нас уже после войны. С целью соблюдения «секретности» они были основательно выхолощены, и на них остались лишь многочисленные стрелы. Из этих карт и схем нельзя получить представление о группировках наших войск и сил флотов, нумерации объединений и соединений, базировании авиации, тыловых органах, пунктах управления и других данных о положении и состоянии войск. Многие связанные с «секретностью» ограничения давно уже сняты, но подготовленные сразу после войны карты и схемы продолжают кочевать из одного издания в другое.

Даже историки союзных по Антигитлеровской коалиции стран — СССР, США, Англии, Франции по-разному описывают одни и те же боевые действия. Немало было допущено необъективности и предвзятости как со стороны советских историков, так и специалистов из Западных стран, поскольку история Второй мировой войны оказалась одним из полей «холодной войны».

Известно, что для того, чтобы правильно разобраться в исторических событиях, факты и документы следует брать в их взаимосвязи и во всей противоречивой совокупности, соотносить их с конкретной обстановкой рассматриваемого времени, объективно оценивать, к чему в конечном счете эти события привели. Однако и этот важнейший принцип историографии зачастую игнорируется.

В условиях такой однобокости и ангажированности любое слово историков, участников Великой Отечественной войны, пытающихся рассматривать ее события с позиций объективности и здравого смысла, встречается гневными нападками как с той, так и с другой стороны, и крайности, как всегда, смыкаются.

Начинает преобладать обывательский взгляд на историю войны. Такие подходы в идеологической борьбе, может быть, и удобны, но тогда мы никогда не узнаем, что же было на самом деле. А попытки оправдать все происходившее во время войны или, напротив, опорочить могут привести лишь к тому, что новое поколение просто никому не будет верить.

Чтобы преодолеть эти негативные явления, представителям государственной власти и обществу нужно, прежде всего, четко определиться в оценке значения Победы в Великой Отечественной войне. Без этого трудно добиться единства и согласия в обществе.

Всем нашим соотечественникам, независимо от их политических взглядов, необходимо понять: без добротного, прочного исторического фундамента невозможно построить новое достойное общество и сильное демократическое государство.

Когда не так давно в Японии был издан учебник для школ, где делалась попытка обелить японскую агрессию в Юго-Восточной Азии, немедленно последовал протест Китая. В результате в Японии этот учебник был изъят из сферы образования. К сожалению, в России нет подобной реакции ни со стороны как государственных, так и общественных организаций.

Мы в своем историческом соперничестве с фальсификаторами истории значительно уступаем в финансовом отношении. Враждебные нам книги издаются миллионными тиражами. Вместе с тем издать и распространить правдивые, объективные книги о войне, о наших полководцах крайне затруднительно.

Нет должной централизации руководства военно-исторической работой и внутри ведомств. В Министерстве обороны РФ Институт военной истории, органы планирования военно-исторической работы, архивная служба, военно-мемориальный центр подчинены разным должностным лицам. До сих пор не упорядочен доступ историков к архивным документам. Остается нерешенной проблема издания школьных и вузовских учебников, объективно освещающих историю Великой Отечественной войны. В результате все правильные, в частности официальные, оценки истории войны, прозвучав, минули вместе с юбилейными днями, а формируют общественное сознание, влияют на молодежь совсем другие взгляды и оценки — подрывающие наши исторические устои и противоречащие национальным интересам. Все это вызывает обеспокоенность общественности.

Отражением этих настроений явилась статья В. Т. Третьякова «Россия без истории»⁴². Как же так, трудится большой отряд профессионалов, издаются капитальные исторические труды — и вдруг «Россия без истории»?

По-своему правы и историки, и В. Т. Третьяков. Исторических трудов действительно много. Но их мало кто читает. Поэтому историческая наука и значительная часть общества живут порознь. В. Т. Третьяков пишет, что в России сегодня парал-

лельно существуют, если так можно сказать, две школы: советская (красная) и белая — традиционно антисоветская. Представители этих двух направлений даже не соприкасаются друг с другом, не сопоставляют свои взгляды, ограничиваясь заочной критикой. А общераспространенный курс российской истории XX в. создается ныне СМИ, отечественными дилетантами и антироссийски настроенными зарубежными историками. Некоторые историки считают, что не надо обращать внимания и отвечать таким лжеисторикам, как В. Суворов (Резун) и другие. Но ряд телеканалов, газет, журналов чаще всего именно этих людей привлекают на свои экраны и страницы. В значительной мере они формируют общественное сознание. Вы можете написать и хорошие книги, но они большинству читателей, в особенности молодежи, неведомы. В учебнике по литературе для старших классов из всех писателей, писавших о войне, рекомендованы только два: Иосиф Бродский (стихотворение «На смерть Жукова») и Георгий Владимов («Генерал и его армия»)⁴³. В одной из детских энциклопедий выдающимися полководцами Второй мировой войны названы Монтгомери, Гудериан и Власов.

Министерство образования лишь имитирует свою деятельность в области преподавания истории. В этом году в Москве вообще отменили вступительные экзамены по истории в вузы, ограничившись формализованным единым госэкзаменом (ЕГЭ) в виде тестов по принципу телевикторин. Так из истории выхолащивается ее содержание. Что будут знать выпускники средних школ, например, о том, «какие изменения произошли в Красной Армии в ходе войны» (об этом написаны сотни томов), если в качестве правильного ответа на этот вопрос ЕГЭ им предлагается такой: «были введены погоны, появились гвардейские части и заградительные отряды?»⁴⁴

По существу свернуто изучение военной истории в военных учебных заведениях.

Что можно и должно сделать?

Во-первых, с учетом высказанных Президентом РФ В. В. Путиным суждений, вынести вопрос об истории Великой Отечественной войны на заседание Оргкомитета «Победа», где принять обращение к общественности, СМИ, историкам о недопустимости и опасности извращения истории Отечества. Активизировать деятельность научных учреждений, историков, ветеранских организаций по предотвращению искажения отечественной истории, особенно истории Великой Отечественной войны. Необходимо давать достойную отповедь тем, кто принижает значение Победы, одержанной во Второй мировой войне при решающей роли нашей страны и ее Вооруженных сил.

Важно сплочение историков, писателей, журналистов, ветеранов войны, стоящих на здравых, объективных, а следовательно — на патриотических позициях. Надо отказаться от взаимных упреков

по пустякам и сосредоточиться на главном — отстаивании подлинной правды о войне.

Сделать главным содержанием работы Оргкомитета «Победа», государственных, ветеранских и других общественных организаций убедительное, научно обоснованное отстаивание значения и важности Великой Победы как важнейшего исторического фундамента для утверждения достоинства нашей страны и патриотического воспитания нового поколения.

Во-вторых, было бы желательно Указом Президента РФ или постановлением правительства создать комиссию по выработке концепции национальной истории, где должно быть отведено достойное место истории Великой Отечественной войны. Эта концепция, разумеется, не предполагает расставлять все точки над «i», регламентировать понимание всех вопросов. По каким-то проблемам споры идут, и они будут продолжаться. В концепции национальной истории желательно определить лишь основные направления понимания важнейших проблем отечественной историографии. Например, еще раз закрепить научно обоснованное понимание вопроса о зачинщиках и виновниках развязывания Второй мировой войны, подлинных причинах наших неудач в 1941 г., факторах, обеспечивающих нашу победу, определить историческую значимость победы в Великой Отечественной войне.

Конечно, по возможности не следует политизировать и идеологизировать историю. На это обращалось внимание и на XX Международном конгрессе исторических наук в Сиднее (Австралия) в июле 2005 года⁴⁵.

Можно согласиться с предложениями ряда историков и общественных деятелей о том, что современная история России должна опираться на лучшие достижения русской дореволюционной и советской исторической науки. История России должна быть преемственной, рассматриваться в контексте всемирной истории, представлять собой непрерывный процесс, не замалчивая и не приукрашивая ни один из периодов. История нашей Родины должна быть единой. В событиях Гражданской войны 1918–1922 гг. или гражданского противостояния 1991–1993 гг. действия противоборствующих сил должны освещаться объективно. История России должна рассматриваться как история государства Российского и одновременно как русской (российской) государственности, российской многонациональной цивилизации, породившей внутри себя не только Россию, но еще и ряд государств.

Надо признать, что истории стран СНГ за последние годы значительно разошлись, особенно в области военной истории. Но, видимо, постепенно эти расхождения надо преодолевать. В декабре 2005 г. по инициативе академика А. О. Чубарьяна в Институте всеобщей истории РАН было проведено совещание научных учреждений государств СНГ. Принято соответствующее коммюнике, где подчеркивается, что

наша общая история — это не только история Российской империи или СССР, но и история входивших в них народов⁴⁶.

Нужно развивать и более широкое международное сотрудничество, в частности со странами «дальнего» зарубежья. Тем более что сейчас есть общие угрозы для России, США и других стран, что требует объединения усилий для обеспечения безопасности и стабильности в мире. Но при этом нужно сохранять и достоинство своей страны, в частности и в области истории. К сожалению, на пути этого сотрудничества чинится много препятствий и зарубежные поездки недостаточно стимулируются, от чего мы много теряем.

В-третьих, следует признать, что существующая практика подготовки школьных и вузовских учебников по истории не оправдывает себя. Надо, видимо, как уже неоднократно предлагалось, собрать две-три группы ученых, соответствующим образом стимулировать их труд и поручить им на конкретной основе создать исторические курсы, которые в последующем послужили бы ориентирами для создания других учебников по истории.

В-четвертых, напрашивается необходимость создания фонда, который способствовал бы изданию и распространению, как в нашей стране, так и за рубежом, правдивой, объективной литературы по истории Великой Отечественной войны.

Надо выполнить решение Президента РФ В. В. Путина о подготовке и издании нового многотомника по истории Великой Отечественной войны. Организация подготовки этого труда явно затянулась.

Желательно также издать небольшую, но убедительную популярную книгу «Мифы и факты», где рассмотреть наиболее острые вопросы истории Второй мировой войны, которые больше всего извращаются, дать на них аргументированные ответы. Основа для такой книги подготовлена в Институте военной истории МО РФ совместно с Академией военных наук. Необходимо оперативно решить вопрос о финансировании ее издания.

При создании Общественной палатой органа по осуществлению общественного контроля за деятельностью радио и телевидения было бы целесообразно иметь в его составе консультантов (экспертов) по истории Великой Отечественной войны.

В-пятых, для дискредитации Победы в Великой Отечественной войне больше всего используются фальсифицированные данные о наших потерях в Великой Отечественной войне. В 1988 г. официальные данные о военных потерях Министерством обороны были представлены в ЦК КПСС и опубликованы в печати. Однако эти сведения о людских потерях носили все же ведомственный, а не общегосударственный характер, они не содержали данных о гражданских потерях.

Учитывая это, было бы желательно решением Президента РФ или главы правительства создать государственную комиссию из представителей

Федеральной службы государственной статистики, Федерального архивного агентства России (Росархива), Генштаба ВС РФ с привлечением представителей ФСБ, МВД, демографов РАН, авторитетных общественных деятелей для проверки и уточнения всех имеющихся данных о людских потерях за время войны. После окончания работы госкомиссии результаты следовало бы опубликовать на государственном уровне. Тем более что в настоящее время в России и других республиках бывшего СССР завершается работа по составлению Книг Памяти о погибших, открылись возможности для наиболее полного выявления всех видов потерь. Целесообразно ускорить принятие решения о продлении работы Объединенной редколлегии и редакции «Книги Памяти» Российской Федерации. Все это позволит выявить истинную картину потерь в Великой Отечественной войне и будет способствовать противодей-

ствию спекуляциям по этому вопросу. Выдающийся русский военный мыслитель А. А. Свечин считал, что, «каково бы ни было отношение народа к минувшей войне, он должен внимательно относиться к усилиям, упорству, самоотвержению и памяти тех, которые, не считая, усеяли своими скромными могилками нашу западную окраину. Постановка им памятника в виде официальной истории войны неизбежна для всякого правительства, продолжающего нуждаться в вооруженной силе и вновь призывающего народ к жертвам. Воинская доблесть нуждается в культе, и культ воинской доблести необходим, чтобы одерживать победы»⁴⁷.

Названные выше меры призваны переломить неблагоприятную ситуацию в освещении истории Великой Отечественной войны и в целом отечественной истории как важнейшей основы нашего духовного наследия и патриотических традиций.

¹ См. об этом: Гареев М. А. Мы мир спасли! — Красная звезда, 6.V.2006.

² Мировые войны XX века, в 4 кн. М., 2002.

³ Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки, в 4 кн. М., 1995.

⁴ Органы госбезопасности СССР в Великой Отечественной войне, в 2 кн. М., 2003.

⁵ Очерки истории российской внешней разведки, в 6 т., М., 1999–2006.

⁶ Русский архив. Великая Отечественная, т.13 (2–1). Приказы Народного комиссара обороны СССР, 1937 — 21 июня 1941 г. М., 1994; т. 13 (2–2). 22 июня 1941–1942 г. М., 1997; т.13 (2–3). 1943–1945 гг., М., 1997.

⁷ Московский комсомолец, 22.VI.2005.

⁸ Профиль, 9.V.2005.

⁹ Попов Г. Х. Три войны Сталина. М., 2005, с. 49–53, 88–91.

¹⁰ Карамзин Н. М. Соч., т. 2, Л., 1984, с. 49–50.

¹¹ См.: Балакин В. И. Причины и последствия Русско-японской войны 1904–1905 годов. — Новая и новейшая история, 2004, № 6.

¹² Цит. по тексту выступления В. Ю. Суркова на сайте: www.edinros.ru/news

¹³ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 48–49, М., 1952, с. 124.

¹⁴ Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. 5, М., 1950, с. 165.

¹⁵ См. об этом: Гареев М. А. История Великой Отечественной войны нуждается в защите. — Военно-промышленный курьер, 2006, № 23.

¹⁶ 1941 год, в 2 кн., серия «Россия XX век. Документы». М., 1998.

¹⁷ Непомнящий Н. Н. Военные загадки Третьего рейха. М., 2000, с. 280–290.

¹⁸ Коротков Г. И. Переломные сражения Великой Отечественной войны в оценках зарубежных государственных и военных деятелей. — Новая и новейшая история, 2005, № 2, с. 41–49.

¹⁹ Известия, 12.VI.2003.

²⁰ Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха. М., 1991, т. 2, с. 242.

²¹ Память о войне 60 лет спустя. Россия, Германия, Европа, М., 2005.

²² Там же, с. 541.

²³ Там же.

²⁴ Коммерсант, 6.III.2006.

²⁵ См. об этом: Гареев М. А. Итоги деятельности Академии военных наук за 2001–2005 годы и основные задачи Академии. — Вестник Академии военных наук, 2006, № 1, с. 10–11.

²⁶ Суворов В. Беру свои слова обратно. Донецк, 2005.

²⁷ Лебединцев А. З., Мухин Ю. И. Отцы-командиры. Звезды на погонах — звезды на могилах. М., 2004.

²⁸ Бешанов В. В. Десять сталинских ударов. М., 2005.

²⁹ Соколов Б. В. Неизвестный Жуков: портрет без ретуши. Минск, 2000. Его же. Георгий Жуков. Триумфы и падения. М., 2004.

³⁰ Грейг О., Грейг О. Походно-полевые жены. М., 2005.

- ³¹ Красильников Б. Н. Разгром Советского Союза. М., 2005.
- ³² Бешанов В. В. Указ. соч.
- ³³ Коммерсант власть, 15.IX.2005.
- ³⁴ Россия и СССР в войнах XX века. Потери Вооруженных сил. М., 2001, с. 111, 129.
- ³⁵ См., например, Хофман И. Сталинская война на уничтожение. Планирование, осуществление, документы. М., 2006.
- ³⁶ См. об этом: Гареев М. А. Операция «Марс» и современные «марсиане». — Военно-исторический журнал, 2003, № 10, с. 17–21.
- ³⁷ Попов Г. Х. Указ. соч., с. 95–104, 142–163.
- ³⁸ Российский государственный военно-исторический архив, ф. 9190, оп. 1636, св. 25, д. 14, л. 351–351об; См. также: «Исторические записки о жизни и воинских подвигах генерал-фельдмаршала Светлейшего князя М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленского». СПб., 1813, с. 272–274.
- ³⁹ Цит. по: Российская Федерация сегодня, 2005, № 9, с. 34.
- ⁴⁰ Версия, 2000, № 37.
- ⁴¹ Тютчев Ф. И. Соч., М., 1980, т. 2, с. 74.
- ⁴² Российская газета, 12.V.2005.
- ⁴³ Современная русская литература (1990 — XXI в). СПб., 2005.
- ⁴⁴ Пономарев М. В., Хартулари Г. С. Единый государственный экзамен 2006. История России. Тематические тренировочные задания. М., 2006, с. 98.
- ⁴⁵ Бибиков М. В., Тишков В. А., Волков В. К. XX Международный конгресс исторических наук. — Новая и новейшая история, 2006, № 1.
- ⁴⁶ Форум историков стран СНГ. — Новая и новейшая история, 2006, № 3, с. 6–7.
- ⁴⁷ Свечин А. А. Труды комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг., М., 1919, вып. 1, с. 6.

Тольятти, Сталин и «поворот в Салерно»

М. М. Наринский*

Квесне 1944 г. в Италии сложилась чрезвычайно сложная политическая обстановка. Страна была разделена на две части линией фронта, проходившей по рубежу Кассино — Ортона, в 120 км юго-восточнее Рима. Северная и центральная части Италии были оккупированы германскими войсками. Под эгидой оккупационных властей была создана марионеточная Итальянская социальная республика («республика Сало») во главе с Б. Муссолини.

В южной части страны находились войска союзников по Антигитлеровской коалиции. Политическая власть принадлежала королю Виктору-Эммануилу III и правительству во главе с маршалом П. Бадольо. Еще 13 октября 1943 г. правительство Бадольо объявило войну Германии. В сфере внутренней политики оно ликвидировало все основные институты фашистского режима, однако меры по дефашизации и демократизации политической жизни проводились весьма непоследовательно.

Политическая ситуация в стране во многом определялась антифашистскими партиями и созданной ими системой Комитетов национального освобождения (КНО), тремя главными центрами которой стали Центральный КНО в Риме, Североитальянский КНО в Милане и Южный КНО в Неаполе. Что касается вопроса о форме государственного правления, т.е. отношения к монархии, то Комитет национального освобождения в Милане занимал уклончивую позицию, стремясь сохранить единство всех участников Сопrotивления. В то же время левые партии, представители которых имели большинство в миланском КНО, резко враждебно относились к правительству Бадольо как к выразителю интересов реакционных сил¹.

Левые и умеренные партии, составлявшие большинство в Центральном КНО в Риме и Южном КНО в Неаполе, требовали немедленного отречения коро-

ля Виктора-Эммануила III и отказывались поддерживать правительство Бадольо. 28–29 января 1944 г. на территории Южного королевства, в городе Бари, состоялся конгресс представителей антифашистских партий, а также ведущих Комитетов национального освобождения. Настроения участников конгресса отражал проект резолюции, предложенный Партией действия: «Немедленное отречение короля от престола и предъявление ему обвинения в совершенном им нарушении статута; провозглашение настоящего конгресса постоянным представительным собранием, с тем чтобы в свое время состав этого собрания был дополнен за счет представителей областей, которые в настоящее время еще не освобождены, и чтобы оно существовало вплоть до созыва Учредительного собрания; избрание исполнительной джунты, которая должна представлять Италию перед Объединенными Нациями до тех пор, пока не будет освобожден Рим»². Не все требования этой резолюции были приняты, однако в целом конгресс подтвердил политическую линию на отречение короля и отставку правительства Бадольо.

Эту политическую линию отстаивали и итальянские коммунисты, исходившие из перспективы непосредственной борьбы за «народную» или «новую» демократию, которая должна была стать своего рода промежуточным звеном на пути борьбы за социализм. Правда, в октябре 1943 г. находившийся в Москве Пальмиро Тольятти допускал возможность участия коммунистов в правительстве Бадольо и решения вопроса о монархии после окончания войны³. Впрочем эти его соображения не получили развития в быстро менявшейся политической обстановке конца 1943 — начала 1944 года.

Руководитель южного центра коммунистической партии Эудженио Реале в докладе от 7 декабря 1943 г. (передан советским представителям 12 ян-

* **Михаил Матвеевич Наринский** — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений и внешней политики России МГИМО (У) МИД России.

варя 1944 г.) подчеркивал ответственность короля и Бадольо за положение, сложившееся в Италии. По его словам, реакционная клика генералов во главе с Бадольо хотела продолжать войну и позволила немцам сконцентрировать в Италии свыше 20 дивизий, которые потом завладели «нашей несчастной страной». Далее Реале так охарактеризовал позиции различных политических партий в отношении короля и правительства Бадольо: «...В настоящее время (сразу после перемирия и оккупации Италии немецкими войсками Национальный антифашистский фронт реорганизовался в Комитет национального освобождения) партии, представленные в Комитете освобождения, придерживаются — хотя было достигнуто формальное и кажущееся единство указанных комитетов — двух разных и противоположных тенденций: первая — левая (Компартия, Соцпартия, Партия действия и с некоторыми отклонениями Партия демократии труда), причем эти левые партии заняли ясную и решительную позицию против нынешнего правительства Бадольо и за отречение короля; вторая тенденция — правая (Либеральная партия и Партия христианских демократов), причем представители правых партий говорят о себе — правда с многочисленными оговорками, — что они за отречение короля; эти две партии в основном против занятия ясной непоколебимой позиции по отношению к правительству Бадольо, о котором они хотели бы судить на основании его деятельности»⁴. В связи с этим Реале обращал внимание на опасность раскола антифашистских партий. Вместе с тем он подчеркивал единодушие, с которым демократические силы страны требовали отречения короля: «Вопрос об отречении короля занимает сегодня всех итальянцев. Комитеты национального освобождения Южной Италии единогласно потребовали удаления короля и отказа от прав на трон со стороны достойного короля королевского сына... Политические партии поставили непременным условием их участия в правительстве удаление Виктора-Эммануила и его сына»⁵. Представляется, что доклад Реале, полученный в советской столице во второй половине января 1944 г., оказал влияние на находившихся в Москве руководителей итальянских коммунистов, в частности на П. Тольятти.

Реализуя свою политическую линию, руководители итальянских коммунистов 20 января отвергли предложение Бадольо о вхождении в состав правительства⁶. Требования отречения короля, отставки правительства Бадольо и формирования нового подлинно демократического правительства прозвучали и на конференции Итальянской коммунистической партии в Бари (25–30 марта 1944 г.). По полученной в Москве информации, один из руководителей компартии, Паоло Тедески, в докладе на конференции заявил: «...Но страна не может больше терпеть упорство короля, который препятствует ей видеть реализованным свое желание иметь наконец прави-

тельство, могущее управлять, правительство, которое произведет чистку, которое по-настоящему поведет войну против национал-фашизма, угнетающего две трети нашей страны, которое заключит соглашение с союзниками об экономической и промышленной реорганизации страны и разрешит огромную проблему продовольственного снабжения»⁷.

Вместе с тем политическое положение в Италии было настолько сложным, что в январе 1944 г. Реале и Тедески обратились в Москву с устной просьбой помочь им в решении волнующих их вопросов:

- «1. Следует ли коммунистам входить в демократическое правительство, если будет решено его образовать из представителей партий, входящих в Комитет национального освобождения. Реале и Тедески — за вхождение в правительство, при условии, что им будут предоставлены серьезные посты (например, министра внутренних дел).
2. Следует ли коммунистам оказывать содействие англо-американскому командованию и разведке в осуществлении диверсий за линией фронта, собирании всяких военных сведений и тому подобное, используя своих людей или даже передавая таких людей в распоряжение союзных военных властей. В виде примера они привели просьбу руководителей американского тренировочного лагеря, в котором производится подготовка людей для переброски на занятую немцами территорию, дать несколько молодых коммунистов для обучения в этом лагере. Эти три руководителя, по их словам, являются членами американской компартии и якобы действуют в данном случае по ее указанию»⁸.

Обращаясь в Москву за советами, Реале и Тедески вместе с тем настойчиво просили ускорить приезд в Италию лидера итальянских коммунистов Эрколи (Пальмиро Тольятти). Сам Тольятти настойчиво ставил вопрос о своем возвращении в Италию начиная с июля 1943 года⁹.

24 января 1944 г. Г. Димитров направил В. Молотову «Проект ответа итальянским товарищам»¹⁰. Очевидно, документ был подготовлен Димитровым совместно с Тольятти и включал следующие четыре пункта:

1. Коммунисты не должны участвовать в нынешнем правительстве Бадольо, во-первых, потому, что это правительство не является демократическим правительством, ведущим активную войну против врага, и во-вторых, потому, что вхождение коммунистов в нынешнее правительство расколает антифашистский национальный фронт и тем самым усилит реакционные элементы в окружении короля и Бадольо». Таким образом, предусматривалось закрепление негативного отношения коммунистов к правительству Бадольо, осуществление линии на союз левых партий против этого правительства.

2. Коммунисты должны выступать за создание правительства антифашистского национального фронта, эвентуально во главе с графом Сфорца. В таком правительстве активной народной войны они приняли бы участие». Тем самым Москва ориентировала итальянских коммунистов на борьбу за альтернативу правительству Бадольо, за участие только в таком правительстве, которое вело бы активную войну против нацистской Германии и вместе с тем энергично осуществляло бы демократические антифашистские преобразования в Италии.
3. Коммунисты должны поддержать требование о немедленном отречении короля, вокруг которого собираются мешающие ведению войны реакционеры. Коммунисты могут согласиться на временное регентство Бадольо при условии, что после окончания войны будет создано демократическим путем Учредительное собрание для решения вопроса о будущем государственном устройстве страны». Эти указания ориентировали коммунистов на продолжение борьбы за немедленное отречение короля Виктора-Эммануила III при решении вопроса о государственном устройстве страны послевоенным Учредительным собранием.
4. Коммунисты не могут прямо отказать в каком-либо содействии англо-американскому командованию в осуществлении операций за линией фронта, но они должны это свое содействие свести до самого возможного минимума и в особенности принять все меры против проникновения в партию и ее нелегальные звенья агентов англо-американской разведки». Таким образом, Москва продолжала линию Коминтерна на сохранение тайны деятельности компартии и сведение к минимуму сотрудничества с англо-американским командованием. За внешне лояльным отношением к союзникам чувствовались настороженность и подозрительность.

В целом подготовленный Димитровым и Тольятти документ ориентировал на сочетание активного ведения войны против нацистской Германии с энергичной борьбой за демократизацию Италии, за немедленное отречение короля и замену правительства Бадольо правительством антифашистского национального фронта. Однако «ответ итальянским товарищам» не получил одобрения Кремля и не был отправлен в Италию в связи с приближавшимся возвращением в страну П. Тольятти.

Готовясь к отъезду на родину, Тольятти подготовил программный документ «Об очередных задачах коммунистов Италии»¹¹. Перед итальянскими коммунистами выдвигались следующие непосредственные задачи:

- «а) добиваться максимального военного усилия итальянского народа как в оккупированной, так и в неоккупированной части страны в борьбе за

- скорейшее изгнание немецких захватчиков, за полный и окончательный разгром гитлеровской Германии». Подчеркивалось, что коммунистическая партия должна уделять наибольшее внимание организации сопротивления и вооруженной борьбы против немецких захватчиков и итальянских фашистов. Документ нацеливал на энергичное развитие движения Сопротивления в оккупированной части страны: «Задача движения Сопротивления в оккупированной Италии заключается сегодня не только в развитии диверсионных актов против оккупационных войск и фашистских чиновников, но и в переходе к широким военным и повстанческим действиям, охватывающим целые города и районы в тылу фронта захватчиков». В связи с развитием партизанского движения объединенному фронту антифашистских партий предлагалось приступить к созданию на местах органов народной власти для руководства вооруженной борьбой против оккупантов;
- б) вести последовательную и решительную борьбу за уничтожение остатков фашизма и его пагубных последствий во всех областях национальной жизни, за восстановление всех демократических свобод и установление в Италии подлинного демократического строя». Для облегчения страданий масс и усиления борьбы за уничтожение остатков и корней фашизма коммунистам предлагалось требовать немедленных мер по конфискации имущества фашистских вождей, лиц, обогатившихся во время фашистской диктатуры за счет народа и государства, и предателей, сотрудничавших с немецкими захватчиками;
  - в) восстановить по всей стране партийные организации, ликвидируя, с одной стороны, абстрактно-пропагандистские тенденции, с другой стороны, тенденции соскальзывания на путь беспринципной политики, придавая при этом деятельности коммунистической партии характер массовой народной организации, последовательно борющейся за свободу и независимость итальянского народа, за подлинные интересы и чаяния рабочего класса, крестьянских масс, трудовой интеллигенции, за возрождение Италии как прогрессивной демократической страны, где сам народ будет хозяином собственной судьбы».

Документ ориентировал коммунистов на оказание, широкой и эффективной помощи для удовлетворения непосредственных нужд народа.

Развивая линию, намеченную в «Проекте ответа итальянским товарищам», П. Тольятти так определил отношение коммунистов к королю Виктору-Эммануилу III и правительству Бадольо: «Исходя из решений Московской конференции и в союзе с остальными антифашистскими партиями коммунисты требуют создания временного демократического правительства в целях организации и руководства военными усилиями страны. В случае создания та-

кого правительства (во главе которого может стать граф Сфорца), коммунисты не отказываются от участия в правительстве. Они требуют отречения короля как сообщника создания фашистского режима и всех преступлений Муссолини и как центра объединения в настоящий момент всех реакционных, полуфашистских и фашистских сил, оказывающих сопротивление демократизации страны и сознательно саботирующих военные усилия Италии. Ввиду этого коммунисты (хотя в случае отречения короля могут согласиться на временное регентство маршала Бадольо) отказываются участвовать в нынешнем правительстве Бадольо и разоблачают политику этого правительства как препятствие к подлинному участию итальянского народа в войне против Германии». Сущность задач, намеченных Тольятти, можно было суммировать следующим образом: коммунисты мобилизуют народ на борьбу против немецких захватчиков и остатков фашизма в Италии, требуют немедленного отречения короля, отказываются участвовать в правительстве Бадольо и разоблачают его политику, добиваются создания временного демократического правительства и готовы войти в такое правительство.

Что касается будущего политического строя Италии после ее окончательного освобождения, то этот вопрос должен быть решен самим народом путем созыва Национального учредительного собрания, избранного всеобщим, прямым и тайным голосованием всего итальянского населения.

12 марта 1944 г. Г. Димитров направил изложенный на семи страницах текст В. Молотову со следующей сопроводительной запиской: «Направляю Вам приложенный к сему документ т. Эрколи об очередных задачах коммунистов Италии. Этот документ мы обсуждали вместе с т. Эрколи и нашли его основные положения правильными. Было бы очень полезно для дела, если бы Вы сумели лично принять т. Эрколи. Он уезжает в субботу, 4 марта 1944 г.»¹² (В действительности Тольятти не уехал 4 марта, задержавшись еще на несколько дней в Москве).

Вопросы стратегии и тактики итальянских коммунистов считали в Кремле в тот момент настолько важными, что Тольятти принял И. Сталин. В ночь с 3 на 4 марта состоялась его беседа с лидером итальянских коммунистов в присутствии Молотова. Последний 4 марта по телефону сообщил Димитрову о встрече с Эрколи. Во время этого телефонного разговора с Молотовым Димитров быстро набросал на листе бумаги основные тезисы, сформулированные Сталиным:

1. Не требовать немедленного отречения короля.
2. Коммунисты могут войти в правительство Бадольо.
3. Концентрировать свои главные усилия на создании и укреплении единства в борьбе против немцев»¹³.

Эти установки означали коренной пересмотр той политической линии, которую проводили итальянские коммунисты, тех задач, которые ранее наметили Тольятти и Димитров.

янский коммунисты, тех задач, которые ранее наметили Тольятти и Димитров.

На следующий день, 5 марта, Тольятти посетил Димитрова и подробнее проинформировал его о беседе со Сталиным. По словам Тольятти, Сталин так аргументировал свое понимание задач итальянских коммунистов: «Существование двух лагерей (Бадольо-король и антифашистские партии) ослабляет итальянский народ. Это выгодно англичанам, которые хотели бы иметь слабую Италию на Средиземном море. Если и дальше будет продолжаться борьба между этими двумя лагерями — это приведет к гибели итальянского народа. Интересы итальянского народа диктуют, чтобы Италия была сильной и имела сильную армию»¹⁴.

Таким образом, у Сталина на первом месте стояли геополитические соображения. Он был заинтересован в сильной Италии в Средиземноморье в качестве возможного противовеса усилению влияния Великобритании. «Вождь народов» уже размышлял о будущей расстановке сил в послевоенном мире и о возможном противоборстве с союзниками по Антигитлеровской коалиции. При этом задачи борьбы за демократию и социализм в Италии явно имели для него второстепенное значение. Поскольку Сталин был заинтересован в существовании сильной Италии, то он готов был ориентировать итальянских коммунистов на сотрудничество с королем и правительством Бадольо.

Далее Сталин прибег к псевдодиалектическим аргументам, на которые он был большой мастер: «Для марксистов форма никогда не имеет решающего значения. Решает суть дела. Король не хуже Муссолини. Если король идет против немцев, зачем требовать немедленного отречения. В Германии и Испании нет королей, но Гитлер и Франко не лучше самого реакционного короля»¹⁵.

Сталин сознательно запутывал суть дела рассуждениями о форме и содержании. Ведь Тольятти и другие руководители итальянских коммунистов выступали не вообще против монархии как таковой, а против правления Виктора-Эммануила III как сообщника создания фашистского режима, как соучастника преступлений Муссолини, как фигуры, объединявшей реакционные и полуфашистские силы. Всего этого Сталин как бы и не замечал.

Далее Сталин высказывался за участие коммунистов в правительстве Бадольо: «Коммунисты могут войти в правительство Бадольо для: усиления ведения войны против немцев, проведения демократизации страны и осуществления единства итальянского народа. Главное — единство итальянского народа в борьбе против немцев, за независимую сильную Италию». Как видим, Сталин в тот момент понимал единство итальянского народа очень широко — как единство всех сил, выступавших против гитлеровской Германии и режима Муссолини. По его замыслу, коммунисты призваны были не добиваться

отставки правительства Бадольо, а воздействовать на его политическую линию изнутри, войдя в состав правительства.

В конце беседы Сталин отметил: «Проводить подобный курс, не ссылаясь на русских; можно, конечно, дать понять, что и Советский Союз не возражал бы против подобной итальянской политики. Внешне с англичанами — лояльные отношения»¹⁶. Тем самым Сталин призывал итальянских коммунистов не слишком явно отождествлять свою позицию с политикой Советского Союза и поддерживать внешне лояльные отношения с западными союзниками. Подразумевалось, что, по сути дела, коммунисты призваны противостоять британской политике в Италии.

Таким образом, именно Сталин продиктовал Тольятти резкий поворот политической линии итальянских коммунистов. При этом кремлевский диктатор исходил из своих собственных геополитических соображений: он выступал за широкое единство всех национальных сил Италии в интересах борьбы против нацистской Германии и создания противовеса британскому влиянию в Средиземноморье. В январе 1945 г. Сталин в беседе с руководителями болгарских и югославских коммунистов отметил: «Кризис капитализма проявился в разделении капиталистов на две фракции: одна — фашистская, другая — демократическая. Получился союз между нами и демократической фракцией капиталистов, потому что последняя была заинтересована не допустить господство Гитлера, так как это жестокое господство довело бы рабочий класс до крайности и до свержения самого капитализма. Мы теперь с одной фракцией капиталистов против другой, а в будущем и против этой фракции капиталистов».

В соответствии со сталинской логикой 14 марта 1944 г. Советский Союз первым из стран Объединенных Наций заявил об установлении непосредственных отношений с правительством Бадольо. Газета «Известия» писала 30 марта: «Правительство Бадольо и Постоянная исполнительная джунта до сих пор не только не объединены, но, наоборот, они бесполезно истощаются в борьбе друг с другом». Споры о монархии, по мнению газеты, можно было отложить. Главное же состояло в том, чтобы безотлагательно «улучшить состав правительства Бадольо, расширить его базу в направлении его демократизации»¹⁷.

Советское правительство предприняло соответствующий демарш и перед союзниками по Антигитлеровской коалиции. 18 марта советским послом в Вашингтоне и Лондоне был передан по телеграфу из Москвы текст меморандума для вручения правительствам США и Великобритании. В этом документе отмечалось, что на данном этапе правительства трех союзных держав выступают за необходимость сохранения правительства во главе с Бадольо, поскольку оно должно обеспечить проведение в жизнь определенных мероприятий по объединению демократических и антифашистских сил Италии в интересах усиления борьбы против общего врага. С другой сто-

роны, нельзя не считаться и с тем обстоятельством, что теперешнее отрицательное отношение к правительству Бадольо политических групп и течений, объединяемых Постоянной исполнительной джунтой, не может быть преодолено, если не будет произведена некоторая реорганизация и улучшение итальянского правительства в соответствии с пожеланиями джунты. «Исходя из желательности и необходимости скорейшей ликвидации раскола в лагере политических групп и течений, расположенных сотрудничать с союзными демократическими странами, — говорилось в меморандуме, — Советское правительство предлагает правительствам Великобритании и Соединенных Штатов предпринять шаги к возможному объединению всех демократических и антифашистских сил освобожденной Италии на базе соответствующего улучшения состава правительства Бадольо»¹⁸.

Тогда же, в конце марта, в Италию вернулся Пальмиро Тольятти. Его выступление на Первом национальном совете ИКП в Неаполе 31 марта 1944 г. означало поворот в политической линии итальянских коммунистов — «неаполитанский поворот». Тольятти выступил за то, чтобы отложить вопрос о государственном устройстве (а значит, и о монархии) до будущего национального референдума. В качестве первоочередной задачи Тольятти выдвинул формирование правительства, которое всю свою деятельность направил бы на быстрейшую ликвидацию иноземного нашествия и всех остатков фашистского режима. Приоритетной целью компартии должно было стать осуществление национального единства.

12 апреля король Виктор-Эммануил III объявил о своем отречении от престола и передаче функций главы итальянского государства своему сыну Умберто в тот день, когда союзные войска войдут в Рим (Это произошло 4 июня 1944 г.).

Изменение позиции компартии и других антифашистских сил открыло возможности для возобновления переговоров маршала Бадольо о формировании правительства национального единства. Такое правительство во главе с Бадольо и с участием коммунистов было образовано 22 апреля 1944 года. По месту резиденции нового правительства это событие стало называться «поворот в Салерно».

С тех пор не прекращаются споры о том, насколько оправдан был поворот в политической линии компартии, насколько был допустим компромисс с монархией, каковы были реальные возможности для революционной антифашистской борьбы. Не берусь дать определенные ответы на эти вопросы, однако в дискуссиях историков следует учитывать, что за «неаполитанским поворотом» итальянской компартии стоял Сталин и его понимание геополитических интересов Советского Союза. Он стремился использовать европейские компартии как послушный инструмент для достижения своих собственных целей, для борьбы за влияние Советского Союза в послевоенном мире.

- ¹ Подробнее см.: Лопухов Б.Р. Эволюция буржуазной власти в Италии. Первая половина XX века. М., 1986. С. 176–178; Legnani M. *L'Italia dal 1943 al 1948: L'one politiche e sociali*. Torino, 1974.
- ² Цит. по: Батталья Р. История итальянского движения Сопротивления. М., 1954. С. 276.
- ³ См.: Vacca G. *Togliatti sconosciuto*. Roma, 1994. P. 71–72.
- ⁴ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 495. Оп. 74. Д. 258. Л. 18 (далее РГАСПИ).
- ⁵ Там же. Л. 7–8.
- ⁶ См.: Lepre A. *La svolta di Salerno*. Roma, 1966. P. 14.
- ⁷ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 258. Л. 32.
- ⁸ Там же. Л. 3.
- ⁹ См.: Vacca G. *Op. cit.* P. 67–74.
- ¹⁰ РЦХИДНИ Ф. 459. Оп. 74. Д. 259. Л. 3–4.
- ¹¹ Там же. Л. 9–15.
- ¹² Там же. Л. 7.
- ¹³ Там же. Л. 8.
- ¹⁴ Димитров Г. *Дневник (9 март 1933 — 6 февруари 1949)*, София, 1997, с. 410.
- ¹⁵ Там же, с. 410.
- ¹⁶ Там же, с. 410.
- ¹⁷ Известия. 1944. 30 марта.
- ¹⁸ Архив Президента Российской Федерации. Ф. 3 Оп. 65. Д. 247. Л. 109.

Московский Кремль в годы Великой Отечественной войны

В. И. Жиляев*

Война для воинов Кремлевского гарнизона началась в 8:30 утра 22 июня 1941 года. К этому времени на многих участках западных границ СССР уже шли кровопролитные бои. Согласно приказу о введении режима усиленной охраны и обороны Московского Кремля с выходного дня по тревоге был вызван командный состав комендатуры¹. К 19:00 на объект прибыли подразделения, находившиеся в летних лагерях Подмосковья. Полк специального назначения, личный состав отдельной транспортной роты и военно-пожарной команды, составляющие военный гарнизон Московского Кремля, переводились на казарменное положение. А с 20 июля это распространилось и на вольнонаемный состав гражданского отдела УКМК, без права выхода с территории Московского Кремля.

С введением дополнительных ограничений пропускного режима, проход в Кремль стал производиться с обязательным предъявлением двух документов (служебного удостоверения и паспорта), лица, идущие с оружием, обязаны были сдать его в бюро пропусков у Спасских или Троицких ворот. Это положение касалось и руководства Наркомата обороны, а с 20 октября и фельдъегерской службы НКВД СССР. Исключение составляли лишь военнослужащие комендатуры Московского Кремля и сотрудники 1-го отдела НКВД СССР. В УКМК произвели замену удостоверений личности и пропусков, в том числе и на автотранспорт, для прохода (проезда) в Московский Кремль. Были приняты меры, исключающие возможность попадания вновь введенных пропусков и личных документов на фронт.

Вскоре из-за стремительного изменения оперативной обстановки, резкого ухудшения положения на фронтах руководство страны вынужденно отка-

залось от начатых реформ в области государственной безопасности и приняло решение вернуться к состоянию на февраль 1941 года. В немалой степени возвращение к довоенному положению диктовалось также требованием предельной концентрации усилий подразделений различных направлений, необходимостью осуществления быстреего маневра имеющимися силами и средствами. В связи с этим 20 июля 1941 года в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР «Об объединении Народного Комиссариата Внутренних Дел и Народного Комиссариата Государственной Безопасности в единый Комиссариат Внутренних Дел Союза ССР» Управление коменданта Московского Кремля вошло в состав объединенного НКВД СССР.

В Московском Кремле, к началу войны, и в дни обороны столицы, были прописаны и имели квартиры следующие руководители Советского Союза:

И. С. Сталин — квартира № 1, корпус № 1;

В. М. Молотов — квартира № 36, корпус № 5 (Кавалерский);

К. Е. Ворошилов — квартира № 12, корпус № 9 (Апартаменты БКД);

Л. М. Каганович — квартира № 1, корпус № 20 (Детская половина БКД);

А. И. Микоян — квартира № 33, корпус № 5 (Кавалерский);

Н. А. Вознесенский — квартира № 28, корпус № 5 (Кавалерский), переехал на жительство в Московский Кремль в феврале 1942 года;

А. А. Андреев — член Политбюро ЦК ВКП(б), квартира № 22, корпус № 5 (Кавалерский);

А. А. Жданов — член Политбюро ЦК ВКП(б), квартира № 34, корпус № 5 (Кавалерский). За военный период квартира занималась хозяином девять раз, в дни приезда из Ленинграда;

* Валентин Иванович Жиляев — консультант-редактор Центра по связям с прессой и общественностью Федеральной службы охраны Российской Федерации.

М. И. Калинин — председатель Президиума Верховного Совета СССР, квартира № 30, корпус № 5 (Кавалерский);

Без учета охраняемых лиц и членов их семей, к началу войны в Московском Кремле проживало 68 семей (239 человек). В основном, это семьи персональных пенсионеров (Д. И. Ульянова — брата Владимира Ильича Ленина, С. С. Дзержинской — жены Ф. Э. Дзержинского, В. Р. Менжинской — жены В. М. Менжинского, З. Г. Павлуцкой-Орджоникидзе — жены (Серго) Г. К. Орджоникидзе, О. Е. Аллилуевой — матери жены И. В. Сталина, Надежды Сергеевны Аллилуевой, и многие другие). Здесь же, по соседству, проживали семьи руководителей Комендатуры Московского Кремля и его подразделений (коменданта Кремля Н. К. Спиридонова, его заместителей П. Е. Косынкина, Ф. И. Конкина, Н. С. Шпигова, командира Полка специального назначения Т. Ф. Евменчикова, командира Отдельного офицерского батальона И. К. Запорожца и других). Кремлевскую прописку имели также несколько сотрудников личной охраны и обслуживающего персонала 1-го отдела НКГБ СССР с семьями. В общежитии корпуса № 14, были прописаны несколько десятков холостых офицеров из ряда подразделений гарнизона. В общежитии Арсенала проживали несемейные сотрудники гражданского отдела Комендатуры. Посторонних людей в эти общежития категорически запрещено пропускать, поэтому гости к этой группе кремлевских жителей не могли приходиться.

Как известно, в Московском Кремле, с первых дней создания комендатуры, функционировал «гражданский отдел». Он занимался вопросами административно-хозяйственного обеспечения жизни и деятельности территории Московского Кремля, его ближайшего окружения. В состав гражданского отдела УКМК входили рабочие и служащие разных специальностей: электрики, сантехники, газовщики, связисты, дворники, истопники, повара, кровельщики, рабочие складов и так далее. Это был всегда вольнонаемный состав, и никто из них не имел брони. С началом войны не аттестованные мужчины призывного возраста из гражданского отдела УКМК были направлены в военные комиссариаты. В связи с их уходом в армию большую часть работы по обслуживанию Управления пришлось возложить на женщин и пенсионеров. В отдельных хозяйственно-производственных группах женщины замещали от 60 до 100% ранее занимаемых мужчинами должностей (дворники, истопники, сторожа, связисты и т. д.). Вновь на работу, с их согласия, а во многих случаях, по их просьбе, были приняты десятки старых квалифицированных работников — пенсионеров.

В начале октября 1941 года в Московском Кремле, как и во всех районах столицы, стали наблюдаться перебои с подачей электричества, быто-

вого газа и воды. С декабря газ в Кремле практически отключили, и все его обитатели стали посещать бани. Их к этому времени работало в столице всего девять. Сохранились свидетельства о том, что с января 1942 года, руководство Советского государства стало пользоваться услугами Центральных бань. Все военное время в Кремле для его жителей работала парикмахерская. Военнослужащие подстригались в своих подразделениях.

На 15 августа 1941 года УКМК НКВД СССР (совместно с 1-м отделом НКВД СССР) обеспечивало безопасность 25 охраняемых лиц во время их пребывания в Московском Кремле, а также при проведении мероприятий на Красной площади.

1.	И. В. Сталин
2.	В. М. Молотов
3.	А. И. Микоян
4.	А. А. Андреев
5.	Г. М. Маленков
6.	Н. А. Вознесенский
7.	А. С. Щербаков
8.	Н. С. Хрущев
9.	К. Е. Ворошилов
10.	С. К. Тимошенко
11.	Г. Димитров
12.	А. А. Жданов
13.	Н. М. Шверник
14.	С. М. Буденный
15.	А. С. Василевский
16.	Г. К. Жуков
17.	Б. М. Шапошников
18.	Л. М. Каганович
19.	Л. П. Берия
20.	М. И. Калинин
21.	В. Н. Меркулов
22.	А. Н. Булганин
23.	А. Я. Вышинский
24.	В. В. Ульрих
25.	М. М. Литвинов

(Список составлен в соответствии с номерами групп 1-го отдела НКВД СССР).

На территории Московского Кремля в здании правительства СССР (корпус № 1) размещались Совет Народных Комиссаров Союза ССР и Государственный Комитет Обороны (ГКО или как его называли в документах военной поры — ГОКО), сосредоточивший в своих руках всю полноту власти

в стране. Председателем ГКО, а с 8 августа и Верховным Главнокомандующим вооруженными силами СССР стал Председатель Совнаркома И. В. Сталин. Его кабинет находился на втором этаже, в Особом секторе ЦК ВКП(б). Там же размещались кабинеты членов ГКО К. Е. Ворошилова, Л. П. Берия, Н. А. Вознесенского, Л. М. Кагановича, А. И. Микояна, Г. М. Маленкова. Ряд помещений третьего этажа занимали кабинеты В. М. Молотова — заместителя Председателя ГКО СССР, и М. И. Калинина — председателя Президиума Верховного Совета СССР, с секретариатами и рабочим аппаратом. В декабре 1942 года для контроля работы наркоматов СССР было создано Оперативное бюро ГКО СССР. Председатель Оперативного бюро ГКО СССР Л. П. Берия и аппарат этого органа управления разместились на третьем этаже корпуса № 1.

В документах УКМК (книга регистрации) сохранились интересные сведения по пропуску через посты охраны Московского Кремля с ноября 1941 года по март 1942 года. Так, с 11 по 30 ноября 1941 года, в один из самых драматических периодов для столицы СССР и для страны, отмечено, что к И. В. Сталину, находившемуся в Московском Кремле, пропускали различных посетителей (в основном руководящий состав РККА) в дневное и ночное время в течение тринадцати суток. Эта информация существенно дополняет архивный комплекс документов, известный под названием «Посетители кремлевского кабинета И. В. Сталина. Журнал (тетради) записи лиц, принятых первым генсеком. 1924–1953 годы²».

Первая с начала войны воздушная тревога в гарнизоне Московского Кремля прозвучала уже 24 июня. Она была учебная и выявила ряд существенных недостатков в действиях личного состава. Комендант Кремля, в связи с этим, потребовал от командиров более четкого руководства нарядами в боевых условиях, установления необходимой связи с частями войск НКВД Московского гарнизона (ОМСДОН НКВД СССР), прибывающими к стенам Кремля для усиления обороны объекта, а также твердого знания личным составом инструкций действий по тревоге. Для ориентировки шоферов в темное время суток в арках Спасских, Боровицких и Арсенальных ворот нанесли специальные белые полосы. В ночное время скорость движения машин по Кремлю устанавливалась не свыше 5 км/час, с потушенными или затемненными фарами. Личному составу нарядов предписывалось следить за соблюдением правил светомаскировки.

26 июня генерал-майор Н. К. Спиридонов представил заместителю Председателя СНК СССР, Наркому Внутренних дел СССР Л. П. Берия записку, в которой предлагал безотлагательно приступить к маскировке Московского Кремля и прилегающих к нему территорий³. Предполагалось:

— затруднить противнику при полете отыскание Кремля на фоне города Москвы;

— уменьшить возможность прицельного бомбометания с пикированием по отдельным зданиям Кремля.

К записке прилагался проект плана маскировки Московского Кремля, подготовленный группой академика архитектуры Б. М. Иофана⁴. Хотя представленный план был утвержден только 14 июля 1941 года, фактически к работам приступили еще 28 июня, а основной их объем закончили к 1 августа.

Маскировку Кремля проводило Управление Коменданта Московского Кремля, прилегающих территорий и зданий (Красная площадь, ГУМ, Манеж и т. д.) — Моссовет и соответствующие ведомства, занимавшие здания.

Маскировка Московского Кремля предусматривала два варианта действий⁵. Первый вариант — плоскостная имитация, предусматривал в основном перекраску крыш и открытых фасадов всех кремлевских зданий и стен, для создания на них перспективного вида городских зданий (что стало немедленно реализовываться). Кремлевские звезды выключили (впоследствии их закрыли деревянными щитами), а также замаскировали позолоченные купола и кресты. Провели имитационную окраску и присыпку городских кварталов на Манежной и Красной площадях, на Ивановской площади в Кремле, перекрасили фасады дома № 2 Народного комиссариата обороны (НКО СССР) и ГУМа.

Второй вариант действий предусматривал проведение объемной имитации. Чтобы дезориентировать противника, выстраивались ложные городские кварталы с комбинацией различных макетов по типу городских зданий: в Александровском саду (по наружному контуру), на Красной площади, в Тайницком саду и по откосу, в Большом сквере Кремля. Над Мавзолеем возвели макет городского здания, примыкающего к кремлевскому корпусу № 1. Часть Тайницкого сада и трибуны Мавзолея перекрыли подвешенными полотнищами, раскрашенными под крыши зданий.

Эффективность маскировки неоднократно проверялась воздушным наблюдением и аэро съемкой с боевых высот. Так, 29 июля 1941 г. дневной осмотр маскировки Московского Кремля с высоты 1 000 метров со всех сторон и под различными углами произвела комиссия, в состав которой входил заместитель коменданта Московского Кремля майор государственной безопасности Н. С. Шпигов. Комиссия пришла к выводу о необходимости проведения дальнейшей работы по прикрытие центра столицы и московского Кремля⁶.

С наступлением ночи вокруг Кремля поднимали в небо большое количество аэростатов заграждения. Один из таких аэростатов, сбитый немецкими летчиками 7 августа 1941 г., упал и загорелся у Троицкого моста. Загорание было ликвидировано за пять минут.

Через неделю после начала войны, на крышах Оружейной палаты, Арсенала, Большого Кремлевского

дворца, корпусов № 3 и № 14 были размещены зенитные пулеметные точки. 29 июля, для повышения уровня противовоздушной обороны объекта, в районе Большого сквера Кремля установили две зенитные батареи корпуса ПВО, одна среднего калибра, другая мелкокалиберная.

Комендатура Кремля принимала превентивные меры для уменьшения людских потерь и материального ущерба. С 20 июля 1941 и до середины 1943 года, когда бомбардировки столицы прекратились, для тушения зажигательных бомб, падающих во время воздушных нападений на крыши и чердаки Кремлевских зданий, ежедневно подразделениями УКМК выделялось более сотни военнослужащих. При объявлении воздушной тревоги на территории Кремля с августа 1941 года дежурило пять подвижных медицинских постов.

Во время первой бомбардировки Москвы и Московского Кремля с 21 на 22 июля бомба фугасного действия, весом в 250 кг пробил крышу и потолочное перекрытие Георгиевского зала Большого Кремлевского Дворца. Достигнув пола зала, она не взорвалась, а развалилась, образовав воронку⁷. Если бы взрыв произошел, то большая часть Георгиевского зала и соседних с ним помещений оказались безвозвратно утеряны.

12 августа 1941 года при попадании фугасной авиационной бомбы (1000 кг) в Арсенал, погиб зенитный пулеметный расчет 11 роты полка, возглавляемый лейтенантом Г. Г. Ходаревым. Всего комендатура Московского Кремля потеряла в этот день убитыми 15 человек, 13 военнослужащих не были найдены, 40 — ранены. «Разрушена восточная часть здания Арсенала, серьезно пострадали малый гараж (Сталинский. — *Авт.*), расположенный во дворе этого здания, общежития подразделений гарнизона, складские помещения, столовая и кухня ХОЗУ УКМК. Разбиты стекла в оконных переплетах здания рабоче-крестьянского правительства, здания УКМК (корпус № 14. — *Авт.*), 3-го корпуса (старое здание Оружейной палаты. — *Авт.*) и в остальной не разрушенной части Арсенала». Бомбардировка вывела из строя не только городскую телефонную связь, но также телефонные кабели, связывавшие Кремль с Домом Правительства (сейчас это здание Государственной Думы Российской Федерации) и рядом наркоматов (НКО, НКВД, НКВД). На втором этаже корпуса № 1, в кабинете И. В. Сталина пришлось менять оконные переплеты, пришедшие в негодность во время бомбардировки.

«29 октября 1941 г. в 19:22., через 2–3 минуты с начала объявления воздушной тревоги, в момент следования подразделения из Арсенала в бомбоубежище, с вражеского самолета в Кремль на территорию двора Арсенала сброшена бомба фугасного действия (предположительно 500 кг.). Пострадало 146 чел. Убито — 41 чел., не найдено — 4 чел., тяжело ранено — 54 чел., легко ранено — 47 чел. Кроме того, разру-

шен малый гараж, разбиты 3 автомашины и один мотоцикл. Разрушены две арсенальские лестницы, выходящие во двор. В помещениях возник пожар, который также дополнил разрушения»⁸.

Всего за годы войны Московский Кремль подвергался бомбардировкам восемь раз — пять в 1941 году и три раза в 1942 году (последняя бомбежка зафиксирована 29 марта 1942 года). На Кремль, Александровский сад и Красную площадь сброшено 15 фугасных (от 50 до 1000 кг), 151 зажигательная, несколько осветительных бомб. Людские потери в гарнизоне от бомбардировок и участия в боевых действиях составили: убитыми, пропавшими без вести, умершими от ран — 95 военнослужащих, тяжело ранеными — 88, легко ранеными — 76 человек.

В августе 1942 года был составлен акт о разрушенных в результате бомбардировок немецкой авиации зданиях и сооружениях Московского Кремля, Стоимость восстановительных работ по этим объектам оценили в 3 млн 5 тыс. 908 рублей⁹. К 1 мая 1942 года в основном капитальные работы, связанные с восстановлением поврежденных зданий и сооружений Московского Кремля (Арсенал, Большой Кремлевский дворец), были в основном закончены.

Маскировочные мероприятия, проведенные Комендатурой в комплексе с другими организационными мерами (в том числе с активным применением средств ПВО) способствовали сохранению архитектурного ансамбля Московского Кремля, его зданий, музеев, исторических и культурных ценностей, а также помогли уменьшить людские потери.

В 1941 году Управление Коменданта Московского Кремля выполнило ряд специальных эвакуационных заданий руководства страны. Личный состав обеспечил вывоз из столицы в экстренном порядке большого количества особо важных грузов.

30 июня, 1 и 5 июля произведены эвакуации ценностей Государственной Оружейной палаты в город Свердловск. С 30 июня по 2 июля 1941 команда полка специального назначения организовала погрузку в вагоны и отправку из Москвы, ценностей Гохрана, хранившихся в Кремле.

4 июля 1941 г. специальная группа УКМК, приступила к эвакуации тела В. И. Ленина из Мавзолея в Тюмень¹⁰; а 7 июля — документов и архивов Совета Народных Комиссаров СССР из корпуса № 1. В августе 1941 в Свердловск отправили архив Управления Коменданта Московского Кремля.

В эти дни руководству Комендатуры Московского Кремля приходилось заниматься не только эвакуацией важнейших грузов государственных ведомств, но и бороться за сохранение исторических ценностей (не только от пожаров и авиационных бомб противника). Так, 29 июня 1941 года на запрос заместителя председателя СНК СССР М. З. Сабурова комендант Московского Кремля представил справку о старинных трофейных орудиях, находившихся на

постаменте у Арсенала, которые переместили на временное хранение в Тайницкий сад. 870 пушек, весом более 270 тонн, намечалось вывезти для переплавки на завод «Серп и молот». Н. К. Спиридонов предлагал оставить в Кремле хотя бы по одному экземпляру каждого вида стволов. К счастью, ввиду отсутствия грузового транспорта и служебной занятости личного состава УКМК, а также по ряду других причин, эти исторические экспонаты невредимы.

С 16 июля 1941 г., по указанию руководства Наркомата внутренних дел, Кремлевский гарнизон стал готовиться к возможному участию в эвакуации Советского правительства. Для этого на базе подразделений комендатуры Кремля началось формирование сводного подвижного отряда УКМК. Ядром отряда стал полк специального назначения. К концу июля 1941 года сводный отряд УКМК, которому придали свыше 250 автомобилей, с необходимым имуществом, вооружением, боеприпасами, был подготовлен к боевым действиям как на фронте (такой вариант также предусматривался), так и при эвакуационных мероприятиях.

15 октября 1941 года, в связи с резким обострением положения, руководство 1-го отдела НКВД СССР совместно с УКМК НКВД СССР подготовили план обеспечения охраны руководства государства на случай спешного отъезда из Москвы. Однако этот документ так и не был утвержден руководством НКВД. В это время комендант Московского Кремля подготовил два проекта боевого приказа сводному подвижному отряду УКМК. Первый — выдвижение на рубеж Можайска или Малоярославца (в зависимости от ситуации) и вступление в бой с частями противника. Второй — движение по маршруту: Москва — Ногинск — Владимир — Горький — Куйбышев. Этот вариант предусматривался только при эвакуации Советского правительства из Москвы автомобилями. Интересно, что в этом случае колонна на марше имела бы длину более пяти километров.

К 20 октября 1941 г. маршрут от Москвы до Куйбышева общей протяженностью 1 330 километров был окончательно проработан. Готовность к движению по второму варианту боевого приказа была определена на 29 октября. Предусматривалось также участие личного состава УКМК НКВД СССР, при эвакуации Советского правительства по железной дороге. Несколько поездов с личным составом должны были отправиться со станции Москва — Горьковская Товарная.

С декабря 1941 года по конец февраля 1942 года более полусотни военнослужащих Отдельного (офицерского) батальона и полка специального назначения УКМК НКВД СССР находились в специальной командировке в Куйбышеве. Они обеспечивали охрану зданий, в которых размещались эвакуированные на Волгу высшие органы государственной власти и управления СССР.

В 1942 году эвакуационные мероприятия с участием личного состава Комендатуры Московского Кремля продолжались. В связи с вновь возникшей угрозой бомбардировки Московского Кремля и его музеев немецкой авиацией 27 июля 1942 года в Свердловск была направлена вторая партия музейных ценностей Государственной Оружейной палаты — 61 ящик.

В феврале 1943 года Комендатура Московского Кремля по указанию руководства НКВД СССР выделила 52 автомобиля из отдельного автотранспортного батальона УКМК для перевозки личного состава и грузов (снаряды для реактивных минометов «Катюш», оружие, продовольствие) на Центральный фронт. За период выполнения специального задания каждая машина прошла около 2000 километров без поломок и вынужденных остановок. Было перевезено более 6000 военнослужащих, 400 тонн грузов, эвакуировано в тыл свыше 400 раненых.

В 1941 году, с первых дней сентября, в связи с приближением противника к столице Кремлевский гарнизон начал подготовку к возможному отражению наземного нападения и боям на территории объекта. С конца июля 1941 ввиду возможного соприкосновения с войсками противника в подразделениях УКМК НКВД СССР началась подготовка истребительных групп по борьбе с фашистскими танками (из расчета 2–3 человека на отделение). Теоретическая подготовка проходила в Кремле, практическое, боевое обучение — на полигоне. Менее чем через месяц поставленная задача по подготовке истребителей фашистских танков была в основном завершена. С этого времени все подразделения Кремлевского гарнизона имели закрепленные за ними участки обороны. Командиры подразделений, начальники застав (караулов), коменданты комендатур персонально отвечали за состояние обороны вверенного участка и были обязаны всеми имеющимися у них силами и средствами не допустить прорыва противника в Кремль, уничтожить его на подступах к объекту. Руководство обороной должно было осуществляться с места, где решался успех боя в отражении нападения.

Задачу по уничтожению бронетехники и живой силы противника в районе Боровицких, Троицких, Никольских и Спасских ворот поставили двум зенитным артиллерийским батареям, размещенным в сквере напротив здания УКМК (корпус № 14), а также пяти зенитным пулеметным расчетам, расположенным на крышах кремлевских зданий.

10 октября 1941 года комендант Московского Кремля сообщил в НКВД СССР о готовности к проведению специальных мероприятий (минированию) ряда объектов: правительственной и кремлевской АТС, водонасосной и тепловой станций, электрической подстанции, бомбоубежища. Для этого запрашивалось четыре тонны взрывчатых веществ, необходимое количество детонаторов и бикфордова

шнура. Н. К. Спиридонов просил указаний по проведению минирования утвержденных к уничтожению объектов¹¹. Но решение о минировании Московского Кремля принято не было.

Обстановка в районе столицы с каждым днем становилась все сложнее, и 20 октября 1941 года, на основании Постановления ГКО СССР «О введении в г. Москве осадного положения», Н. К. Спиридонов подписал приказ «О мероприятиях по усилению охраны Московского Кремля и боеспособности частей и подразделений». С этого момента объект практически полностью закрывался на ночь. Проезд автотранспорта, за исключением автомобилей охраняемых лиц, с полночи до шести часов в Кремль и из Кремля запрещался. Сотрудников фельдъегерской службы и посетителей, которым необходимо было попасть в Московский Кремль в ночное время, пропускали только через Спасские ворота.

В 1941 году на УМКК НКВД СССР и 1-й отдел НКВД СССР возложили проведение двух, вошедших в историю мероприятий в Москве: торжественного заседания 6 ноября 1941 года на станции метро «Маяковская» и парада на Красной площади 7 ноября. Они готовились в условиях жесточайшего лимита времени и строжайшей конспирации. Личный состав подразделений охраны узнавал о своих служебных заданиях только на месте их проведения, или во время инструктажа незадолго до начала мероприятий. Так, приказ об организации охраны торжественного заседания в помещении станции метро «Маяковская» был подписан лишь в день проведения мероприятия — утром.

6 ноября 1941 года полк специального назначения УМКК НКВД СССР выделил в резерв начальника охраны, два взвода автоматчиков во главе с командиром — лейтенантом М. Г. Красовским, которые были задействованы для закрытия проходов на платформу со стороны тоннелей. Начальник Управления коменданта Московского Кремля НКВД СССР генерал-майор Н. К. Спиридонов отвечал за обеспечение безопасности «в окружении входа» на станцию метро «Маяковская». Для перекрытия улиц и площади, к имеющимся в его распоряжении несколькими ротам ПСН приказом наркома дополнительно выделялось два батальона из ОМСДОН НКВД СССР¹².

А на следующий день, с 5 часов утра, Управление коменданта Московского Кремля совместно с 1-м отделом НКВД СССР приступили к выполнению очередного задания — обеспечению безопасности при проведении парада на Красной площади, всего в нескольких десятках километров от линии фронта.

Несмотря на предпринятые ПВО меры по недопущению налета вражеской авиации на центр Москвы, готовились к любому повороту событий. О сложности в обеспечении безопасности этого 25-минутного мероприятия (начало парада в 09:00, окончание — в 09:25) говорят следующие факты. Тридцать пять медицинских постов были готовы

оказать помощь в случае бомбардировки Красной площади. В их распоряжении находилось около десятка санитарных автомобилей. Пять восстановительных бригад и полтора десятка пожарных и других специальных автомашин, готовились к возможным действиям при разрушении зданий, мостовых, газовых и электрических сетей, возникновении пожаров¹³.

Парад обеспечивался минимальными силами, которые можно было собрать в это время. Так, в резерве коменданта Московского Кремля в эти часы находились только военнослужащие полковой школы, а командир полка находился до окончания мероприятия на командном пункте (КП) под «Царь-Колоколом». В сводках о ходе парада есть информация о досадной недоработке — отсутствии кинохроникеров, которые в спешке не успели снять на кинолентку выступление И. В. Сталина с трибуны Мавзолея. Погрешность пришлось исправлять через неделю. 14 ноября в 16:30 четырнадцать сотрудников Союзкинохроники и Радиокomiteта (плотники, звуковые техники, кинооператоры, осветители) приступили к работе в Свердловском зале (ныне Екатерининский зал) корпуса № 1 Московского Кремля. По заранее подготовленному чертежу из деревянных покрашенных деталей собрали ранее изготовленную на киностудии точную копию центральной трибуны Мавзолея В. И. Ленина. К вечеру установили осветительные приборы, кинокамеры, микрофон. А на следующий день, 15 ноября, после 16:00 начались репетиции, а затем и запись выступления И. В. Сталина, которая впоследствии и вошла в фильм «Парад наших войск на Красной площади в Москве 7 ноября 1941 года»¹⁴.

После успешного декабрьского контрнаступления под Москвой, ситуация в гарнизоне Московского Кремля изменилась. 3 января 1942 года отменили казарменное положение для сотрудников Гражданского отдела УМКК. Не аттестованный личный состав уходил домой на отдых, но обязан был при вызовах немедленно явиться в Кремль. Военнослужащих кремлевского гарнизона, свободных от службы (средний и старший начальствующий состав, командиры охраны Отдельного офицерского батальона НКВД СССР), разрешалось отпускать до 24:00.

Мероприятия по организации охраны Московского Кремля свидетельствуют о том, что в первые, тяжелейшие месяцы Великой Отечественной войны в сознании всех военнослужащих Кремлевского гарнизона постепенно происходил перелом: от неуверенности, неорганизованности — к мужеству, стойкости, сплоченности. Это позволило выстоять и победить.

Зимой 1942 года в Кремле приступили к восстановительным работам. В порядке подготовки к Первомайскому празднику было признано необходимым закончить кирпичную кладку разрушенной фасадной части стены Арсенала и восстановить крышу корпуса; в окнах кремлевских зданий, видимых с Красной площади, вставить стекла вместо фанеры, поправить

щиты, закрывавшие кремлевские звезды, провести ряд ремонтных и профилактических работ.

15 апреля 1942 года в ходе подготовки к Первомайскому параду и демонстрации на Красной площади разобрали маскировку Мавзолея В. И. Ленина, а у входа выставили круглосуточный парный пост.

1 мая 1942 года УКМК НКВД СССР совместно с 1-м отделом НКВД СССР организовали охрану парада и демонстрации на Красной площади. Это совершенно неизвестное в советской историографии мероприятие. На парад были выведены истребительные отряды НКВД СССР районов Москвы и Подмосковья. Впервые в параде участвовали партизанские отряды из Московской, Калининской, Смоленской и ряда других областей. При проведении первомайского мероприятия предусматривались меры по обеспечению безопасности на Красной площади и прилегающей территории. Сразу после парада, в связи с угрозой применения противником боевых отравляющих веществ, в Комендатуре Кремля приступили к мероприятиям по защите охраняемого объекта, сотрудников ведомств, находящихся на территории Кремля, и личного состава УКМК.

Летом 1942 года обстановка на фронте вновь обострилась. В июне Комендатура Кремля обеспечивала работу 9-й сессии Верховного Совета СССР 1-го созыва в Большом Кремлевском дворце. В случае объявления тревоги при возможном налете авиации противника информацию о временном прекращении работы сессии и эвакуации депутатов из зала должен был объявить председательствующий на заседании.

В сентябре 1942 года отдельную транспортную роту Комендатуры Кремля реорганизовали в отдельный автотранспортный батальон, а военно-пожарную команду УКМК переименовали в отдельную роту специального назначения. Казалось, что и дальше деятельность Управления коменданта Московского Кремля и сотрудников 1-го отдела НКВД СССР будет отличать размеренность и надежность. Однако 6-го ноября 1942 года произошел инцидент, крайне опасный по своим последствиям. Он-то и заставил не просто еще раз вспомнить о необходимости постоянной готовности, но и немедленно принять самые серьезные и жесткие меры по усилению безопасности высших должностных лиц страны.

В этот день, за три часа до открытия торжественного заседания в БКД, в самом центре столицы, на Красной площади, неожиданно завязался бой. Обстоятельства происшедшего внешне выглядели как классический сценарий террористического акта с четко скоординированными действиями преступной группы¹⁵.

В 14:55 специальная автомашина с А. И. Микояном выехала из Кремля через Спасские ворота по направлению улицы Куйбышева (ныне Ильинка). При подъезде к Лобному месту путь автомобилю преградил извозчик с возом сена, следовавший с Васильевского спуска по направлению к Красной

площади. Правительственный автомобиль и следовавшая за ним машина охраны снизили скорость и были вынуждены свернуть вправо, ближе к Лобному месту. Когда основной автомобиль поравнялся с Лобным местом, оттуда по нему трижды выстрелил из винтовки гражданин, одетый в военную форму. Автомобиль с А. И. Микояном продолжил движение, а из второй машины, где находилась личная охрана, для задержания преступника высадился сотрудник 1-го отдела НКВД СССР М. М. Милорадов.

Одновременно к месту происшествия бросились сотрудники Управления коменданта Московского Кремля Е. А. Вагин, Л. А. Степин, В. Т. Савин, начавшие перестрелку с нападавшим. Террорист залег, обстреливая вход на Лобное место, и ранил Л. А. Степина. Офицер комендатуры Московского Кремля Д. О. Цыба, находившийся на посту у входа в Спасские ворота, видя, что огнестрельным оружием преступника не обезвредить, выдвинулся к Лобному месту, вооружившись двумя ручными гранатами. Он бросил одну гранату, но оборонявшийся продолжал отстреливаться. После взрыва второй гранаты террорист поднял руки вверх и крикнул: «Сдаюсь!». Сотрудники охраны скрутили преступника и обыскали, найдя, кроме винтовки, 25 патронов и различные документы. Задержанного отвели в помещение бюро пропусков у Спасских ворот, а затем доставили на Лубянку.

Задержанный оказался С. Т. Дмитриевым, тридцати трех лет, уроженец города Усть-Каменогорска, ефрейтор 1-го зенитного полка ПВО, дислоцированного в Москве. Сын зажиточного крестьянина-старообрядца, малограмотный (окончил один класс начальной школы), женатый, отец двух детей, в прошлом — комсомолец. В армию его призвали в 1939 году в родном городе, где он до этого работал на стройке. После демобилизации Дмитриев поселился в Москве, устроился шофером на завод «Стройдеталь». С началом войны он вновь был призван в армию, подал заявление о вступлении во Всесоюзную Коммунистическую партию, но ему отказали. На допросах он признался в антисоветских настроениях. Немецкие листовки, которые он читал, вызвали в нем желание отомстить за неудавшуюся жизнь. В полдень 6 ноября 1942 года Дмитриев, заступив на пост в гараже полка, принял окончательное решение. Взял винтовку и 45 патронов, пошел на Красную площадь с твердым решением совершить покушение на кого-либо из членов правительства или покончить с собой. Примерно через час, выдавая себя за часового комендантского патруля, встал на «пост» у Лобного места и стал ожидать удобного момента, чтобы осуществить задуманное.

Следствие по делу С. Т. Дмитриева пришло к выводу, что в данном случае отсутствовал какой-либо заговор, а за террористом не стояли контрреволюционные организации или немецкие специальные службы. Покушавшийся был явно неуравновешен-

ным человеком с больной психикой. По этой причине передача материалов следствия и обвинения, подготовленного в марте 1944 года, в военный трибунал затянулась на много лет. Только 25 августа 1950 года состоялся суд над Дмитриевым, приговоривший его к высшей мере наказания.

Возможность совершения преступления в особо режимной зоне, на Красной площади, выявила существенные недостатки в организации работы подразделений государственной охраны в условиях военного времени, особенно в вопросах взаимодействия между 1-м отделом НКВД СССР и Управлением коменданта Московского Кремля. Решающую роль в задержании преступника сыграли высокая профессиональная подготовка и бесстрашие военнослужащих отдельного (офицерского) батальона и полка специального назначения УКМК НКВД СССР.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 января 1943 года в РККА были введены новые знаки различия для личного состава — погоны. С февраля 1943 года на повседневных погонах рядового и младшего командного состава подразделений Кремлевского гарнизона устанавливалось ношение следующих графических элементов: полк специального назначения — ПСН, отдельный автотранспортный батальон — ОАТБ, отдельная рота специального назначения — ОРСН.

Служащие Кремлевского гарнизона принимали участие в патриотическом движении по сбору средств в фонд обороны страны, в фонд Победы. Всего за время войны было внесено деньгами 3 017 051 рубль, сдано облигаций на сумму 464 850 рублей. Так, в подразделениях и отделах Управления коменданта Московского Кремля в конце 1942 — начале 1943 года проходил активный сбор средств на постройку танковой колонны «Чекист», и к 16 января 1943 года личный состав сдал 734 тысячи рублей. В это же время в гарнизоне закончился сбор средств на постройку истребительной авиационной дивизии имени И. В. Сталина. Общая сумма сбора — 735 420 рублей, что составило 44,5% общего фонда зарплаты гарнизона.

В апреле 1943 года государственными наградами были награждены 392 военнослужащих и гражданских сотрудников УКМК, из них орденами — 311, медалями — 81 человек. Так был отмечен большой вклад личного состава Комендатуры Московского Кремля в обеспечение государственной безопасности политического и культурного центра страны.

В первой половине 1943 года, в условиях наступления Красной Армии, было признано целесообразным вернуться к довоенной реформе органов государственной безопасности, которая максимально соответствовала задачам обеспечения фронта и конечной победы над немецко-фашистскими захватчиками.

14 апреля 1943 года был принят указ Президиума Верховного Совета СССР «Об образовании Народного Комиссариата государственной безопасности

СССР». С этого времени Управление коменданта Московского Кремля вошло в состав НКГБ СССР на правах самостоятельного управления, а 1-й отдел стал 6-м Управлением НКГБ СССР (Управление охраны руководящих кадров партии и правительства).

В конце 1943 года Комендатура Московского Кремля приступила к выполнению заданий, связанных с возвращением имущества и ценностей, вывезенных из Москвы в 1941–1942 годах. Эти мероприятия проводились планомерно, без спешки. В феврале 1944 года из Уфы в Москву специальная команда УКМК доставила особо важный груз — архив СНК СССР. Весной из Свердловска вернулся архив УКМК НКВД СССР.

С 16 по 19 февраля 1945 года провели реэвакуацию ценностей Государственной Оружейной палаты с Урала. Начальником специального эшелона из девяти вагонов был назначен директор Государственной Оружейной палаты подполковник госбезопасности Н. Н. Захаров, которому для охраны груза в пути был выделен взвод автоматчиков ПСН. О движении эшелона из Свердловска в Москву комендант Московского Кремля Н. С. Спиридонов докладывал лично два раза в сутки Наркому Государственной Безопасности СССР В. Н. Меркулову. В конце марта привезенное из Тюмени в Москву тело В. И. Ленина вновь поместили в Мавзолей. Как оказалось, это было последнее реэвакуационное мероприятие, из тринадцати специальных командировок, с участием военнослужащих Комендатуры Московского Кремля за годы войны.

Необходимо отметить еще одну славную страницу истории подразделений Комендатуры Московского Кремля. В 1942–1943 годы, на Западный и Волховский фронты для боевой практики и психологической закалки личного состава были направлены четыре группы снайперов полка специального назначения. Личный состав командировался на специальное задание со своим вооружением и боеприпасами (винтовки, револьверы, ножи патроны по 120 штук на каждого), а также экипировкой (бинокли, маскировочные халаты). За исключением командира (офицера), у членов группы, кроме аттестатов, других документов не было. Всего за время боевой стажировки снайперами полка уничтожили более 1200 фашистов. Не обошлось без потерь и с нашей стороны. При выполнении боевого задания погибли три снайпера полка.

Режим служебной деятельности военнослужащих УКМК был очень интенсивный. С августа 1941 года личный состав гарнизона нес службу на заставах (так тогда назывались кремлевские караулы) по двое суток подряд. После смены караула в течение двух «свободных» суток в подразделениях проводились занятия, а военнослужащие назначались в дополнительные наряды и на работы. До конца войны в связи с проведением государственных праздников 1 мая и 7 ноября, а также при обеспечении меро-

приятый в Московском Кремле офицерский состав гарнизона неоднократно переводился на казарменное положение.

Одним из самых любимых мероприятий личного состава всегда оставалось кино. Однако в военное время люди были так физически измотаны, что после начала сеанса почти все засыпали. Только с мая 1944 года смена гарнизонного наряда стала производиться ежедневно. При всем том нельзя не отметить самого существенного факта — качественно возросшего уровня оперативно-служебной деятельности личного состава Управления коменданта Московского Кремля.

В июне 1944 года впервые после трехлетнего перерыва, Боровицкие и Спасские ворота, предназначенные для проезда автотранспорта, в дневное время оставались открытыми. Для жителей Москвы и Кремля это говорило о многом.

К Победе в Московском Кремле начали готовиться заранее. В 1944 году приступили к ремонту зданий. Помыли окна и покрасили рамы. Крыши вновь обрели свой привычный зеленый цвет, сняли защитные чехлы с крестов и куполов на Кремлевских церквях и соборах (в отдельных местах смыли защитное покрытие 1941 года), освободили звезды на башнях от деревянных щитов. 1 мая 1945 года вновь засветились пять звезд на башнях Кремля. Военнослужащие Кремлевского гарнизона и москвичи любовались кремлевскими звездами и ждали. Ждали Победу.

1 мая 1945 года Комендатура Московского Кремля участвовала в обеспечении парада и демонстрации трудящихся города Москвы на Красной площади. Это был заключительный, третий по счету, парад на Красной площади, проводившийся в годы Великой Отечественной войны.

В 1941–1945 годах Комендатура Московского Кремля совместно с 1-м отделом НКВД СССР —

6-м Управлением НКГБ СССР — обеспечила безопасность семнадцати визитов глав иностранных делегаций во время их нахождения в Кремле. Это У. Черчилль (дважды), Ш. де Голль, Э. Бенеш, И. Б. Тито, А. Иден и другие гости. Всего за годы войны на охраняемом объекте было проведено сорок два крупных государственных мероприятия.

И еще одна малоизвестная страница деятельности УКМК. С 5 августа 1943 года по 9 мая 1945 года на территории Кремля были организованы 359 артиллерийских салютов в честь исторических побед Красной Армии на фронтах Великой Отечественной войны. Сводный салютирующий артиллерийский дивизион от двух дивизий НКВД СССР располагался во время стрельбы в Большом сквере Московского Кремля — в том месте, где еще совсем недавно размещались две зенитные батареи, отражавшие налеты авиации противника на Московский Кремль.

После капитуляции фашистской Германии подразделения Кремлевского гарнизона в мае-июне 1945 года обеспечивали безопасность ряда правительственных мероприятий, в том числе посвященных Победе в Великой Отечественной войне. Так, 24 мая личный состав УКМК НКГБ СССР принимал участие в проведении приема в Большом Кремлевском дворце в честь командующих войсками Красной Армии. Через месяц, 24 июня 1945 года, Комендатура Московского Кремля совместно с 6-м Управлением НКГБ СССР охраняли руководителей Советского государства и гостей на параде Победы. Кроме того, парадный расчет Полка специального назначения УКМК прошел по брусчатке Красной площади. На следующий день, 25 июня, на приеме в честь участников парада Победы в Большом Кремлевском дворце также по праву присутствовали военнослужащие Полка специального назначения УКМК НКГБ СССР.

¹ Лубянка в дни битвы за Москву: Материалы органов госбезопасности СССР из Центрального архива ФСБ России. М., 2002. С. 28—29.

² На приеме у Сталина: Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924—1953 гг.). М., 2008.

³ Лубянка в дни битвы за Москву. Материалы органов госбезопасности СССР из Центрального архива ФСБ России. М., 2002. С. 31—32.

⁴ Там же. С. 33—36, 44—45.

⁵ Там же. С. 33—36.

⁶ Там же. С. 63.

⁷ Там же. С. 49—50.

⁸ Там же. С. 93.

⁹ Там же. С. 136—140.

¹⁰ Там же. С. 42—44.

¹¹ Там же. С. 74—75.

¹² ОМСДОН НКВД СССР — отдельная мотострелковая дивизия особого назначения имени Ф.Э. Дзержинского НКВД СССР.

¹³ Лубянка в дни битвы за Москву: Материалы органов госбезопасности СССР из Центрального архива ФСБ России. М., 2002. С. 95—96.

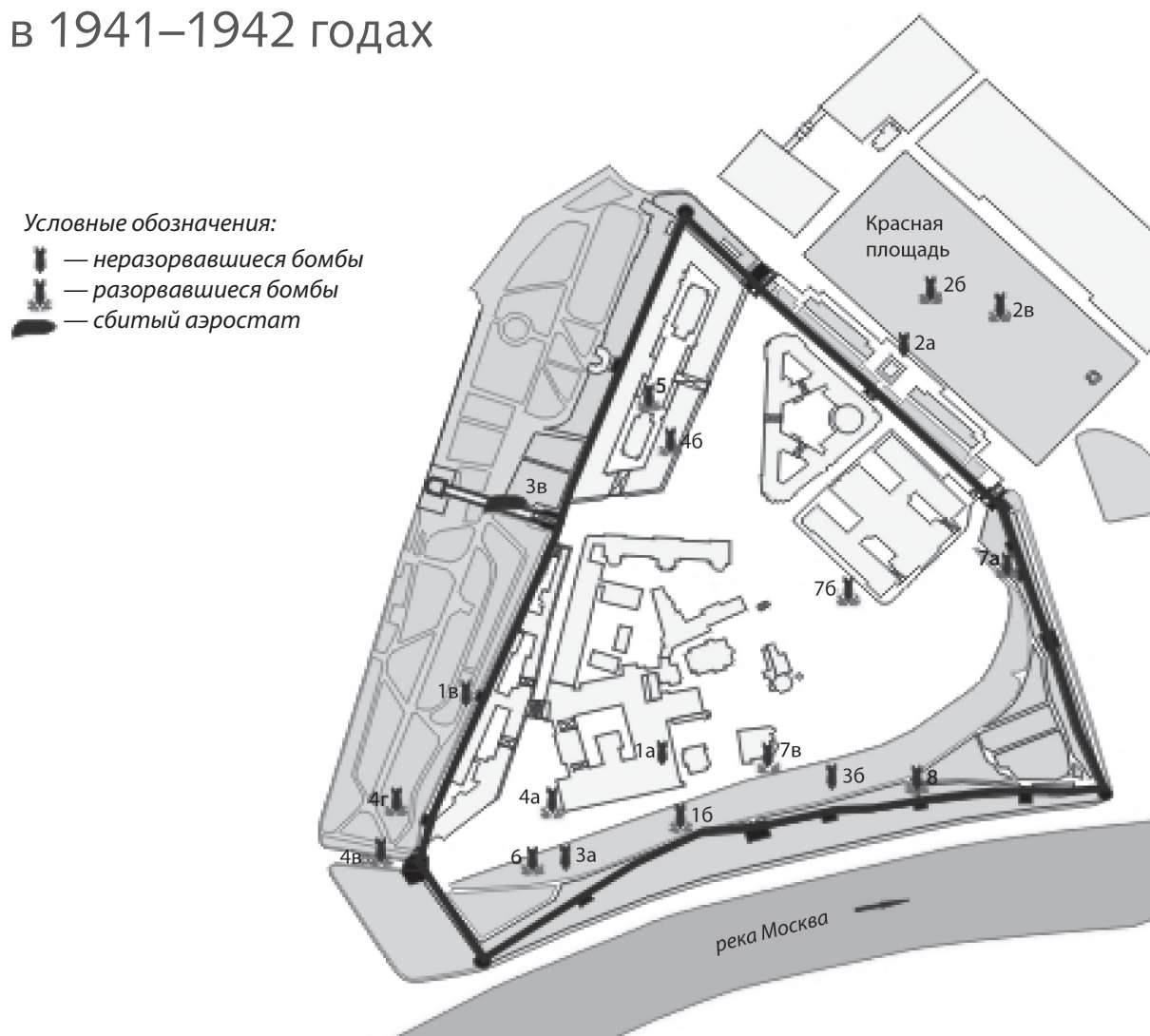
¹⁴ Кремлевский кинотеатр 1928—1953: Документы. М., 2005. Л. 639.

¹⁵ ЦА ФСБ России. АУД № — 20477. Т. 1, 2, 3.

Приложения

Схема Московского Кремля и ближайшего окружения с указанием мест попадания авиационных бомб противника в 1941–1942 годах

В ночь с 21 на 22 июля 1941 г.

1а.	ФАБ (фугасная авиационная бомба) массой 250 кг попала в Георгиевский зал БКД, пробив крышу и потолочное перекрытие. Бомба не взорвалась.
1б.	ФАБ массой 100 кг упала на склон Тайницкого сада в 30 м от БКД. Взорвалась, не причинив ущерба.
1в.	Наливная зажигательная бомба массой 25 кг была сброшена в районе Комендантской башни. Ударившись о Кремлевскую стену со стороны Александровского сада, горючее (нефть), разбрызганное на площади 60 м ² , не воспламенилось. <i>Примечание: во время бомбардировки на Московский Кремль было сброшено противником и обезврежено 8 зажигательных (термитных) бомб, каждая массой 1 кг.</i>

В ночь с 22 на 23 июля 1941 г.

2а, 2б, 2в.	Три ФАБ упали на Красную площадь (между Мавзолеем В.И. Ленина и зданием ГУМа), причинив незначительные повреждения тротуару и проезжей части. Одна бомба не взорвалась. <i>Примечание: во время бомбардировки на Московский Кремль было сброшено противником и обезврежено 76 зажигательных (термитных) бомб, каждая массой 1 кг.</i>

В ночь с 6 на 7 августа 1941 г.

3а, 3б. Две осветительные бомбы массой по 50 кг упали на территорию Тайницкого сада. Бомбы не воспламенились.
Примечание: во время бомбардировки на Московский Кремль было сброшено противником и обезврежено 67 зажигательных (термитных) бомб, каждая массой 1 кг.

3в. На территорию Троицкого моста упал сбитый и загоревшийся аэростат.

В ночь с 11 на 12 августа 1941 г.

4а. ФАБ массой 100 кг упала у подъезда президиума БКД со стороны Императорской площади.

4б. ФАБ массой 500 кг упала на здание Арсенала.

4в. ФАБ массой 50 кг упала на проезжую часть в 25 метрах от Боровицких ворот.

4г. ФАБ массой 100 кг упала на территорию Александровского сада в 50 м от Боровицких ворот.

29 октября 1941 г.

5. ФАБ массой 500 кг упала на территорию двора Арсенала, рядом со Сталинским гаражом.

6 января 1942 г.

6. ФАБ массой 500 кг упала на склон Тайницкого сада у Боровицких ворот

6 марта 1942 г.

7а. ФАБ массой 500 кг упала рядом с Набатной башней, в районе Спасских ворот.

7б. ФАБ массой 50 кг упала на Ивановскую площадь рядом с корпусом № 14.

7в. ФАБ массой 50 кг упала на проезжую часть напротив Архангельского собора.

29 марта 1942 г.

8. ФАБ массой 50 кг упала в районе Тайницкого сада напротив Безымянной башни.

Во время бомбардировок Московского Кремля на его территорию противником было сброшено несколько сотен пропагандистских листовок.

И. В. Сталин с группой военных осматривает самоходную артиллерийскую установку СУ-122 и другие образцы новой военной техники возле здания Арсенала. 1943 г.

В перерыве заседаний сессии Верховного совета СССР.
Георгиевский зал БКД. 1944 год.

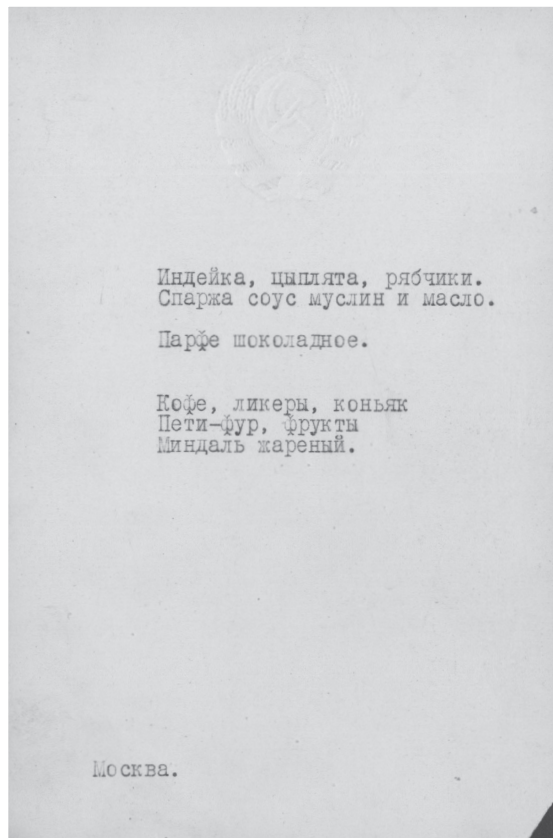
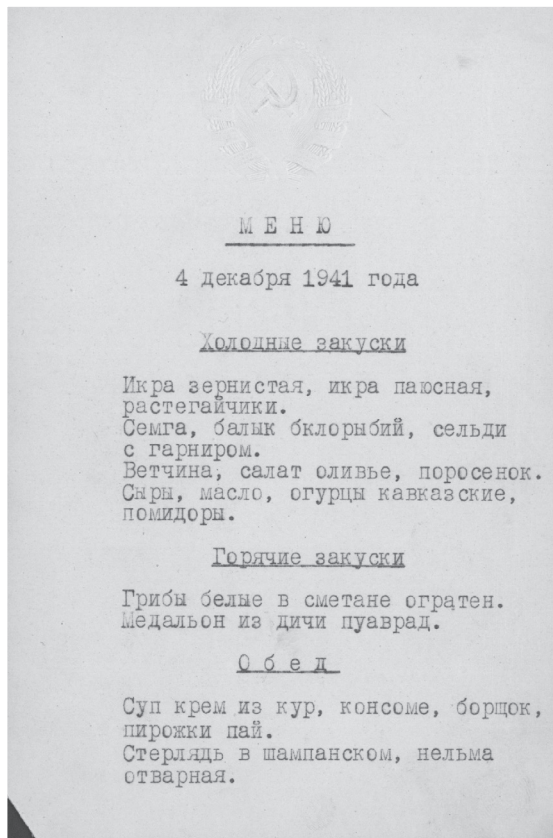
Перед Парадом Победы. 24 июня 1945 г.

Московский Кремль. 1942 г.

Подготовка личного состава Комендатуры Московского Кремля к отражению наземного нападения противника на подмосковном полигоне. Август-сентябрь 1941 г.

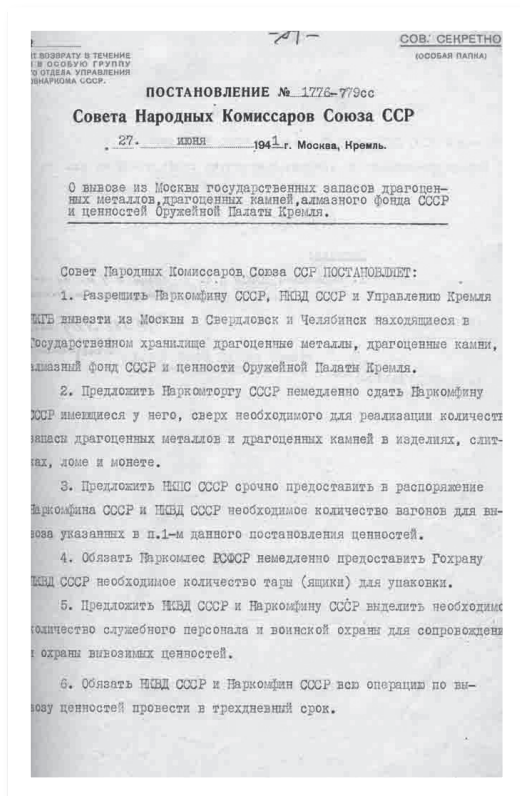

Меню официального обеда в Екатерининском зале Большого Кремлевского дворца 4 декабря 1941 г. (визит в СССР генерала Сикорского, премьер-министра польского правительства в изгнании).

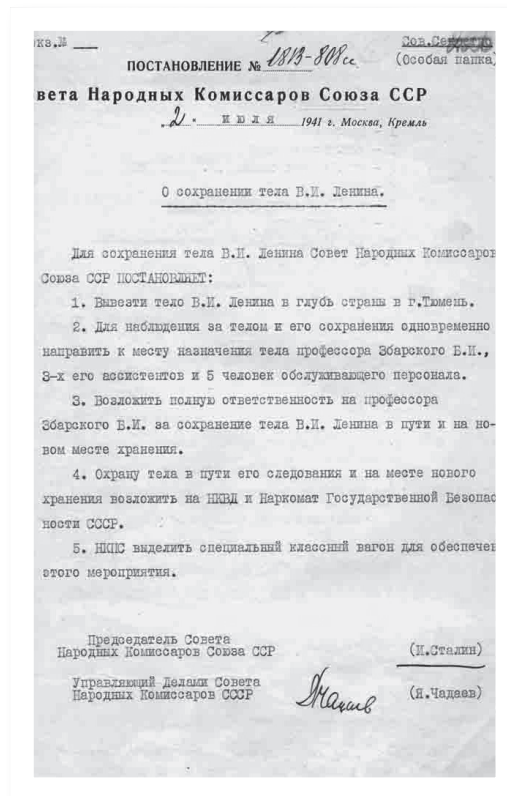

Постановление СНК СССР «О вывозе из Москвы государственных запасов драгоценных металлов, драгоценных камней, алмазного фонда и ценностей Оружейной Палаты Кремля». 27 июня 1941 г.

Протокольное постановление СНК СССР от 2 июля 1941 г. «О сохранении тела В. И. Ленина».

И. В. Сталин с группой военных осматривает самоходную артиллерийскую установку СУ-122 и другие образцы новой военной техники возле здания Арсенала. 1943 г.

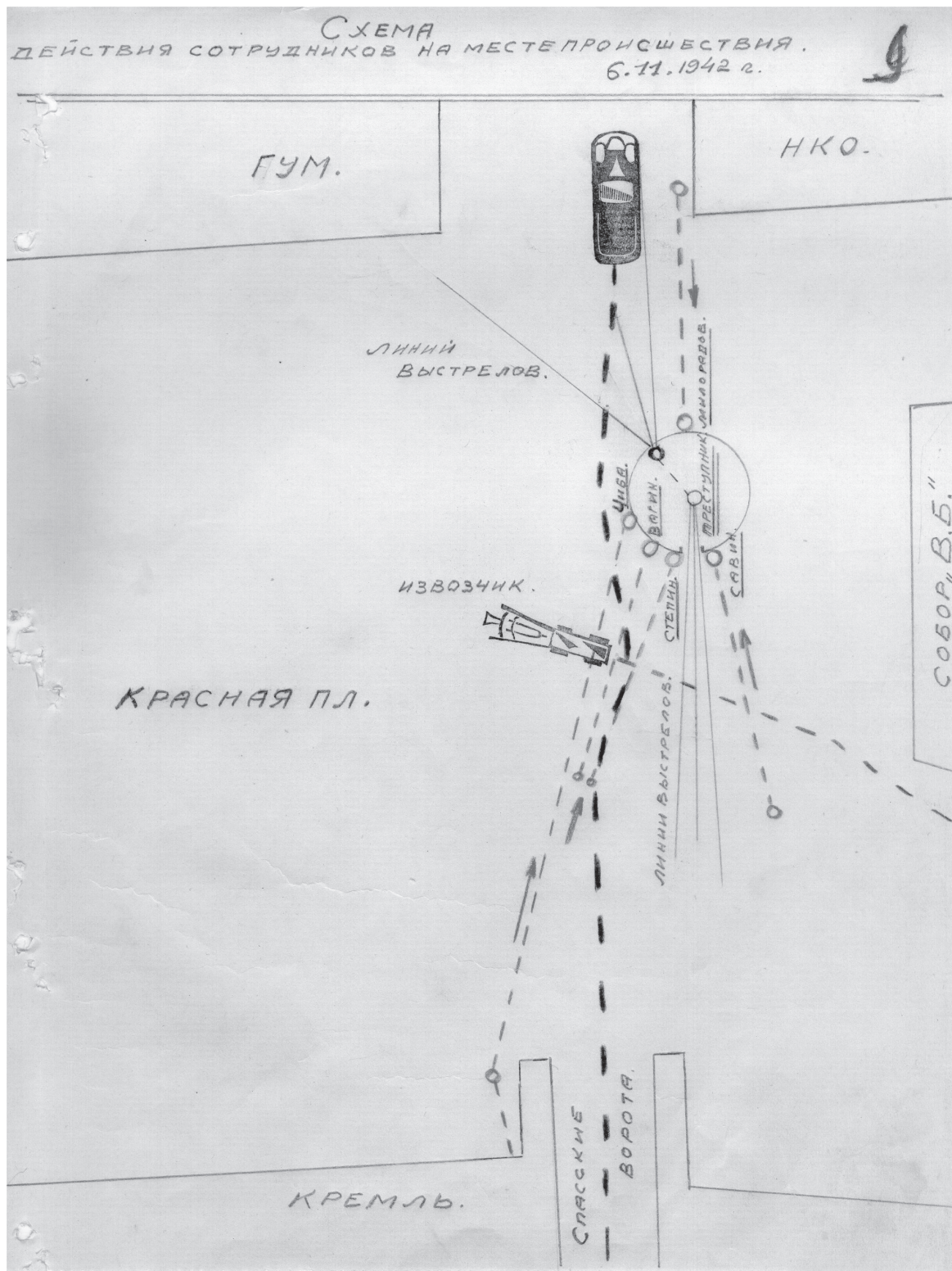

Схема действий сотрудников охраны Кремля во время покушения рядового Дмитриева. 6 ноября 1942 г.

Документы

Специальное положение о военнопленных, 1 июля 1941 г.¹ (извлечения)

I. Общие положения

1. Военнопленными признаются:

а) лица, принадлежащие к составу вооруженных сил государств, находящихся в состоянии войны с СССР, захваченные при военных действиях, а также граждане этих государств, интернированные на территории СССР;

б) лица, входящие в состав вооруженных отрядов, не принадлежащие к вооруженным силам противника, если они открыто носят оружие;

в) гражданские лица, сопровождающие с соответствующего разрешения армию и флот неприятеля, как-то: корреспонденты, поставщики и другие лица, захваченные при военных действиях.

2. Воспрещается:

а) оскорблять военнопленных и жестоко обращаться с ними;

б) применять к военнопленным меры принуждения и угрозы с целью получения от них сведений о положении их страны в военном и иных отношениях;

в) отбирать находящиеся при военнопленных обмундирование, белье, обувь и другие предметы личного обихода, а также личные документы и знаки различия.

Ценные вещи и деньги могут быть изъяты у военнопленных на хранение под официальные квитанции уполномоченных на то лиц.

3. Инструкции и правила, издаваемые НКВД СССР в развитие настоящего положения, вывешиваются в местах, где они могут быть прочитаны всеми военнопленными. Эти инструкции и правила, а также приказы и распоряжения, относящиеся к военнопленным, объявляются им на русском и на знакомых им языках.

II. Эвакуация военнопленных

4. Военнопленные после взятия их в плен должны быть немедленно направлены в лагеря для военнопленных. /.../

---

¹ Положение утверждено постановлением СНК СССР № 1798–800с от 1 июля 1941 г.

6. Раненые или больные военнопленные, нуждающиеся в медицинской помощи или госпитализации, должны быть немедленно направлены командованием части в ближайший госпиталь. Военнопленные после выздоровления передаются администрацией госпиталя в лагеря для военнопленных. /.../

III. Условия содержания военнопленных и их правовое положение

8. Приемные пункты лагерей для военнопленных развываются в армейском тылу по указанию командования армии, а лагеря организуются вне зоны военных действий распоряжением НКВД СССР по согласованию с наркомом обороны.

9. Военнопленные обеспечиваются жилыми помещениями, бельем, одеждой, обувью, продовольствием и другими предметами первой необходимости, а также денежным довольствием по нормам, установленным Управлением НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных. /.../

12. Военнопленные в медико-санитарном отношении обслуживаются на одинаковых условиях с военнослужащими Красной Армии. Для медико-санитарного обслуживания военнопленных помимо штатного состава лагерей возможно привлечение лиц медицинского состава неприятельской армии из числа военнопленных.

13. Военнопленным предоставляется право:

- а) при первой возможности сообщить на родину о своем нахождении в плену;
- б) приобретать за свой счет продукты, одежду, белье, обувь и другие предметы личного обихода и первой необходимости;
- в) беспошлинно, безлицензионно и без уплаты акцизов получать с родины и из нейтральных стран посылки с продовольствием и продуктами, одеждой и прочими предметами первой необходимости;
- г) получать с родины и из нейтральных стран денежные переводы. /.../

IV. Трудовое устройство военнопленных

20. Военнопленные рядового и унтер-офицерского состава могут привлекаться к работе как в лагере, так и вне лагеря в промышленности и сельском хозяйстве Союза ССР на основании особых правил, разрабатываемых Управлением НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных. Офицеры и приравненные к ним военнопленные могут привлекаться к работам лишь с их согласия.

21. На военнопленных, привлекаемых к работе, распространяется постановление об охране труда и рабочем времени, применяющееся в данной местности к гражданам Союза ССР, работающим в той же отрасли труда.

22. Военнопленные, привлекаемые к работе в различных отраслях народного хозяйства, получают зарплату в размере, установленном Управлением НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных.

Из заработной платы военнопленных производится удержание на возмещение расходов по содержанию (оплата жилой площади, коммунальных услуг, питание, если организовано общее котловое довольствие). /.../

V. Об организации справок и помощи военнопленным

30. Обмен списками военнопленных и сношение по делам о военнопленных с иностранными и международными краснокрестными организациями или справочными бюро осуществляется Исполнительным комитетом Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца.

Для этой цели при Исполкоме Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца учреждается Центральное бюро о военнопленных, действующее на основе особого положения, утверждаемого указанным комитетом по соглашению с Народным комиссариатом иностранных дел.

31. Представители иностранных и международных краснокрестных организаций допускаются на территорию Союза ССР для оказания помощи военнопленным с особого разрешения Народного комиссариата иностранных дел.

Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 2. Кн. 1. Начало. 22 июня — 31 августа 1941 года. М.: «Издательство „Русь“», 2000. С. 141–145

Распоряжение верховного командования вермахта об обращении с советскими военнопленными, 8 сентября 1941 г.

I. Общие вопросы обращения с советскими военнопленными.

Большевизм является смертельным врагом национал-социалистской Германии. Впервые перед германским солдатом стоит противник, обученный не только в военном, но и в политическом смысле в духе

разрушающего большевизма. Борьба с национал-социализмом привита ему в кровь и плоть. Он ведет ее всеми имеющимися в его распоряжении средствами: диверсиями, разлагающей пропагандой, поджогами, убийствами. Поэтому большевистский солдат потерял всякое право претендовать на обращение как с честным солдатом в соответствии с Женевским Соглашением.

Поэтому вполне соответствует точке зрения и достоинству германских вооруженных сил, чтобы каждый немецкий солдат проводил бы резкую грань между собой и советскими военнопленными... Самым строгим образом следует избегать всякого сочувствия, а тем более поддержки. Чувство гордости и превосходства немецкого солдата, назначенного для охраны советских военнопленных, должно во всякое время быть заметным для окружающих.

Поэтому предлагается безоговорочное и энергичное вмешательство при малейших признаках неповиновения, а особенно в отношении большевистских подстрекателей. Неповиновение, активное или пассивное сопротивление должны быть немедленно и полностью устранены с помощью оружия (штык, приклад и огнестрельное оружие). Правила о применении вооруженными силами оружия применимы лишь с ограничениями, так как эти правила исходят из предпосылок общей мирной обстановки. В отношении советских военнопленных даже из дисциплинарных соображений следует весьма решительно прибегать к оружию. Подлежит наказанию всякий, кто для понуждения к выполнению данного приказа не применяет или недостаточно энергично применяет оружие.

По совершающим побег военнопленным следует стрелять немедленно, без предупредительного оклика. Не следует производить предупредительных выстрелов. Существовавшие до сих пор правила, и в особенности положения устава сухопутных войск 38/2, стр.13 и т. д., в связи с этим отменяются.

Нюрнбергский процесс: Сборник материалов в 8 т. Т. 4. — М., 1990. С. 208

Из стенографической записи высказываний Гитлера о завоевательных планах Германии, 8–9 сентября 1941 г.

(...) Немец вызвал ненависть к себе во всем мире тем, что, где бы ни появлялся, принимал на себя роль повелителя. Народам не было от этого решительно никакой пользы. Ведь передававшиеся местному населению ценности вовсе не были ценностями с его точки зрения. Так, сознание долга в нашем понимании не существует в России. Зачем же воспитывать его у русских?

Когда мы будем осваивать русское пространство, то «имперские крестьяне» должны будут жить в поселениях выдающейся красоты. Немецкие административные и прочие учреждения должны размещаться в прекрасных зданиях, а губернаторы — во дворцах. Вокруг учреждений будет построено все то, что необходимо для жизни. А вокруг каждого города, в радиусе 30–40 км будут кольцом располагаться красивые деревни, соединенные первоклассными дорогами. Все, что лежит за пределами этого кольца, — иной мир, где мы разрешим русским жить, как они хотят. Лишь бы мы господствовали над ними. В случае какой-то революции нам будет достаточно сбросить на их города пару-другую бомб — и вопрос решен. Раз в год мы будем проводить через столицу империи партию киргизов, чтобы в их сознании запечатлилась мощь и величие каменных памятников этого города.

Чем для Англии была Индия, тем для нас станет восточное пространство. Ах, если бы я мог довести до сознания немецкого народа, сколь велико значение этого пространства для будущего!

Колонии — владения сомнительного достоинства. А эта земля всегда будет нашей. Европа — понятие не географическое, а обусловленное расовыми факторами.

В наше время уже понятно, почему китайцам пришла в голову мысль отгородиться каменной стеной от вечных монгольских нашествий. И потому кое-кто впадает в искушение соорудить гигантский вал, который укроет новый Восток от среднеазиатских масс. Однако при этом забывают историю, которая учит, что во всяком отгороженном пространстве неизбежно наступает прострация. В конечном итоге лучшей стеной всегда является вал живой.

Уж если какая-то нация имеет право на выселение чужих народов с насиженных мест, то это прежде всего мы, потому что мы неоднократно выселяли со своей территории людей. Из одной только Восточной Пруссии было выселено 800 000 человек. А насколько немцы сентиментальны, видно хотя бы из того, что нам казалось страшной жестокостью освободить свою землю от 600 000 евреев, между тем как эвакуацию наших собственных людей мы покорно восприняли как должное.

Нельзя больше допускать эмиграцию из Европы в Америку представителей германской расы. Всех норвежцев, шведов, датчан, голландцев мы должны направить в восточные области; они будут служить

империи. Перед нами великая задача будущего: проведение планомерной расовой политики. Мы вынуждены этим заняться уже потому, что необходимо воспрепятствовать кровосмешению, которое у нас все больше распространяется. Что же касается швейцарцев, то их придется использовать лишь в качестве трактирщиков.

Болот мы осваивать не будем. Мы возьмем лишь земли высокого качества, на первом этапе — даже самые лучшие. А на заболоченных территориях можно будет устроить гигантские зоны войсковых учений размером 3000 на 4000 км, пересеченные реками и всеми прочими препятствиями, которые могут встретиться войскам на местности (...)

Picker H. Hitlers Tischgesprache im Fuhrerhauptquartier. Bonn, 1965. S. 137, 184

Приказ начальника штаба верховного командования вермахта Кейтеля о подавлении коммунистического повстанческого движения, 16 сентября 1941 г.

Содержание: Коммунистическое повстанческое движение на оккупированных территориях.

1. С начала войны против Советской России на оккупированных Германией территориях повсеместно вспыхнуло коммунистическое повстанческое движение. Формы действий варьируются от пропагандистских мероприятий и нападений на отдельных военнослужащих вермахта до открытых восстаний и широкой войны силами банд.

Следует указать, что здесь речь идет о *массовом движении, централизованно руководимом из Москвы*. Отсюда проистекают и отдельные кажущиеся незначительными инциденты в областях, которые до сего времени были спокойными.

В связи с многочисленными политическими и экономическими трудностями на оккупированных территориях следует, кроме того, принять во внимание, что *националистические и другие* силы воспользуются этим обстоятельством, чтобы, присоединившись к коммунистическому восстанию, вызвать затруднения для немецких оккупационных властей. Таким образом, во все возрастающей степени возникает «угроза для немецкого руководства войной». Она пока проявляется во всеобщей неуверенности оккупационных войск и уже привела к отвлечению сил на главные очаги восстания.

2. Принимавшиеся *до сего времени мероприятия, направленные против* этого всеобщего коммунистического повстанческого движения, оказались *недостаточными*. Фюрер распорядился, чтобы повсюду пустить в ход самые крутые меры для подавления в кратчайший срок этого движения. Только таким способом, который, как свидетельствует история, с успехом применялся великими народами при завоеваниях, может быть восстановлено спокойствие.

3. При этом в своих действиях следует руководствоваться следующими положениями:

а) каждый случай сопротивления немецким оккупационным властям, независимо от обстоятельств, следует расценивать как проявление коммунистических происков;

б) чтобы в зародыше подавить эти происки, следует по первому поводу немедленно принять самые суровые меры для утверждения авторитета оккупационных властей и предотвращения дальнейшего расширения движения. При этом следует учитывать, что на указанных территориях человеческая жизнь ничего не стоит, и устрашающее воздействие может быть достигнуто только необычайной жестокостью. В качестве искупления за жизнь одного немецкого солдата в этих случаях, как правило, должна считаться смертная казнь для 50–100 коммунистов. Способ приведения приговора в исполнение должен еще больше усилить устрашающее воздействие.

Обратный образ действий — сначала ограничиваться сравнительно мягкими приговорами и угрозой более строгих мер — не соответствует этим положениям, и его следует избегать;

в) политические установки Германии относительно указанных территорий не должны влиять на действия военных оккупационных властей. Следует принять во внимание и использовать для пропаганды идею, что крутые меры освободят местное население от коммунистических преступников и тем самым пойдут ему на пользу. Искусная пропаганда такого рода воспрепятствует тому, чтобы в результате этих крутых мер против коммунистов в лояльно настроенных слоях населения возникла нежелательная обратная реакция;

г) силы из местного населения не годятся для проведения таких насильственных мероприятий. Увеличение этих сил создаст повышенную угрозу для собственных войск, и к нему поэтому не следует стремиться. Зато можно широко использовать премии и вознаграждения для населения, чтобы обеспечить его сотрудничество в подходящей форме;

д) если в порядке исключения потребуется проводить военно-полевые суды над участниками коммунистических восстаний и прочих действий против немецких оккупационных властей, то следует применять

самые строгие меры наказания. Действенным средством запугивания при этом может быть только смертная казнь. Особенно следует карать смертью шпионские действия, акты саботажа и попытки поступить на службу в наши вооруженные силы. В случае неразрешенного хранения оружия следует, как правило, выносить смертный приговор.

4. Командующие войсками на оккупированных территориях должны позаботиться о том, чтобы эти основные положения были немедленно доведены до сведения всех военных инстанций, которые заняты подавлением коммунистического движения.

Кейтель

Дашичев В. Банкротство стратегии... С. 431–432

Указание главного командования сухопутных войск Германии о порядке захвата Москвы и обращении с ее населением от 12 октября 1941 г.

Группе армий «Центр»

Верховное главнокомандование приказало:

«Фюрер вновь решил, что капитуляция Москвы не должна быть принята, даже если она будет предложена противником. Моральное обоснование этого мероприятия совершенно ясно в глазах всего мира. Так же, как и в Киеве, для наших войск могут возникнуть чрезвычайные опасности от мин замедленного действия. Поэтому необходимо считаться в еще большей степени с аналогичным положением в Москве и Ленинграде. То, что Ленинград заминирован и будет защищаться до последнего бойца, объявлено по русскому радио.

Необходимо иметь в виду серьезную опасность эпидемий. Поэтому ни один немецкий солдат не должен вступать в эти города. Всякий, кто попытается оставить город и пройти через наши позиции, должен быть обстрелян и отогнан обратно. Небольшие незакрытые проходы, предоставляющие возможность для массового ухода населения во внутреннюю Россию, можно лишь приветствовать. И для других городов должно действовать правило, что до захвата их следует громить артиллерийским обстрелом и воздушными налетами, а население обращать в бегство.

Совершенно безответственным было бы рисковать жизнью немецких солдат для спасения русских городов от пожаров или кормить их население за счет Германии.

Чем больше населения советских городов устремится во внутреннюю Россию, тем сильнее увеличится хаос в России и тем легче будет управлять оккупированными восточными районами и использовать их.

Это указание фюрера должно быть доведено до сведения всех командиров».

Дополнение главного командования сухопутных сил:

Следует как можно скорее отрезать город от коммуникаций, связывающих его с внешним миром.

Дальнейшие указания будут отданы позже.

Дашичев В. Банкротство стратегии... Т. 2. С. 255

Из писем советских военнослужащих своим родным, июнь–июль 1941 г.

А. ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО КОМАНДИРА ТАНКОВОГО БАТАЛЬОНА

КАПИТАНА И. И. БОКОВА СВОЕЙ СЕМЬЕ, 30 июня 1941 г.

«Здравствуйте, мои дорогие, родненькие Зинуська и доченька! Посылку и письмо получил, которым рад до слез. Благодарю и еще раз благодарю. Зинусик, ты пишешь, чтобы я сообщил о себе. Сообщу ниже. Зинуська, доченька, вам говорят, что я смело дерусь. Да, трусом я не был и не буду, а вам надо помнить одно: лучше быть вдовой и не иметь отца-героя, нежели быть женой и дочерью труса и изменника.

Был в бою четыре раза, четыре раза окружали и четыре раза героически выходили из боя (...)

Не поддавайся общей панике. Немцы имеют временный успех, и то незначительный, а сломить героизм наших людей и победить им никогда и ни за что не удастся... Ты себе не можешь представить, что делают эти красноармейцы-герои, когда им крикнешь: «За Родину!..»

Теперь пару слов о себе. Прежде всего — не волнуйся, в бою под Ровно во время атаки я получил легкое ранение в правое колено. Кость зацепило чуть-чуть. Сейчас поправляется нога, из строя не выхожу, в госпиталь с такой ерундой ложиться не стоит... Поправлюсь — поеду на передовую.

До свидания, дорогие мои. Крепко-крепко целую.

Ваш Ваня.

Пиши. Жду. Целуй и желей доченьку.

30.06.41 г.».

Б. ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО КРАСНОАРМЕЙЦА Е. М. ЗЛОБИНА СВОИМ РОДИТЕЛЯМ, 20 июля 1941 г.
«Добрый день, здравствуйте, дорогие родители, папаша и мамаша, и братья Петя и Вася и сестренка Таня. И всем остальным друзьям и товарищам.

В первых строках моего письма хочу вам сообщить, что я жив и здоров и того вам желаю всего хорошего, если вас там не побил германец, как ни далеко он был от вас в Смоленской области.

Папа и мама, вы знаете, что германец напал на Советский Союз 22 июня 1941 года, и я нахожусь уже в бою с 22 июня с 5 часов ночи. Германец перешел границу, а мы были не более 20 километров от него в лагерьях, и вот с этих дней, папа и мама, повидал я страху. Как с первых дней германец начал нас лупить, не найдем места. Мы попали в окружение его. Он нас и потрепал. От полка осталось человек 50, а то побил или в плен забрали. Ну, я насилиу из жадных лап его выскочил и сбежал. Нас прикрепили к другому полку, и мы стали отступать на Каунас. Прошли 100 километров. 23 июня подходим к Каунасу. Как нас там встретили самолеты, пушки, пулеметы германские, как начали по нам лупить — не знаем куда деваться...

Папа и мама, мосты через реку Неман были все разрушены, а нам один исход был — переправиться через реку во всем боевом. Много потопило, много побил. Я все жив был и потопал и то насилиу жив остался. Германец все за нами, мы отступали, все раскидали — танки, орудия, пулеметы, минометы. Ну, в общем, удирали без штанов, отступали на Двинск. Опять переходить реку Вилюю. Река большая, мостов нет, опять погибло много, а германец бьет и бьет. Подходим к Двинску, весь город занят. Мы на Минск — тоже занят и разбит, мы на Полоцк — тоже занят. Здесь опять река — Западная Двина, опять много погибло. А он за нами гонится, и все отступаем и отступаем, он нас бьет и бьет... Голодные, босые, ноги все потеряли (...)

Мы вышли из окружения. Стали нас кормить хорошо: масло вволю, сыр, сахар, сухари. Кухня стала варить. Сейчас мы в тылу пока. Не знаю, куда нас направят.

А германца встретили новые части Красной Армии. Как начали его лупить, только перья летят, и он стал нести большие потери и отступать.

Все, папа и мама. Остаюсь жив, здоров. Злобин Е. М.

20 июля 1941 г.».

Последние письма с фронта. 1941. Сборник. Т.1. М., Воениздат. 1991 С., 57–59, 85–86

Из воспоминаний бывшего работника Наркомата вооружения СССР В. Новикова, август 1941 г.

(...) В первых числах августа 1941 года около трех часов ночи меня и ряд других работников наркомата вызвал Д. Ф. Устинов² и объявил, что только что вернулся от Сталина, который дал указание срочно изготовить 40 пушек конструкции Шпитального³.

— Что же вы ответили товарищу Сталину?

— Я доложил, что для изготовления сорока пушек потребуется не менее полутора месяцев.

Услышав это, мы невольно переглянулись — срок был мало реален. Нарком понял нас:

— Вам просто переглядываться, а каково было мне? Сталин сказал, что и этот срок слишком большой.

— А вы объяснили, что нужно подождать результатов испытаний пушки Нудельмана?

Дмитрий Федорович кивнул головой:

— Знаете, как это воспринял Сталин? Он показал на портрет Суворова и заметил: «Вы знаете, товарищ Устинов, как ценил время Суворов. Он говорил: деньги дороги, жизнь человеческая еще дороже, а время дороже всего. Правильно он говорил? Думаю, правильно. В условиях войны выигрыш времени имеет часто

² Устинов Д. Ф. (1908–1984). В 1941–1953 гг. нарком (министр) вооружения СССР. Генерал-полковник инж-арт службы (1942). После войны на гос. и партийных постах, член политбюро ЦК КПСС, министр обороны.

³ Шпитальный Б. Г. (1902–1972), конструктор авиационного стрелково-пушечного вооружения, широко использовавшегося в годы войны. В 1936 году разработал 20-мм ав. пушку ШВАК. В 1940–1941 гг. под руководством Шпитального создана 37-мм пушка Ш-37, которая после широких испытаний в серию не пошла.

решающее значение. К созданию оружия это имеет самое непосредственное отношение. Надо подумать, как сократить время изготовления опытной партии новых авиационных пушек».

Без тени улыбки нарком посмотрел на нас:

— Что я мог на это ответить? Нет, мол, товарищ Сталин, давайте увеличим срок испытаний, подождем еще два, а то и три месяца и тогда будем решать?

Дмитрий Федорович, обращаясь ко мне, сказал, что основным изготовителем этих пушек намечен Ижевск (...)

Новиков В. Сроки диктовала война. / Живая память... Том первый. С. 532–533

Приказ народного комиссара обороны Союза СССР № 330 о введении красноармейской книжки, 7 октября 1941 г.

Введенная приказом НКО № 171 в 1940 г. красноармейская книжка пунктом 7 этого же приказа отменена для действующей армии. Ввиду этого красноармейцы и младшие командиры оказались на фронте без документов, удостоверяющих их личность, а наши дивизии, которые должны явиться замкнутой крепостью, недоступной для проникновения посторонних лиц, превратились на деле в проходной двор.

Противник воспользовался этим беспорядком и в некоторые части Красной Армии заслал своих людей, одетых в наше обмундирование. Не может быть сомнения, что при полном отсутствии документов, удостоверяющих личность военнослужащих, такие факты имеются и в других частях Красной Армии.

Далее, не может быть сомнения, что немало болтающихся людей в тылах дивизий и армий, одетых в красноармейскую форму, являются агентами противника, собирающими сведения о наших частях, борьба с которыми невозможна по причине отсутствия документов у бойцов Красной Армии, чтобы можно было отличать своих людей от агентуры противника.

И наконец, отсутствие на руках у красноармейцев документов лишает возможности органы снабжения проверять их обеспеченность обмундированием, оружием, снаряжением и другими видами довольствия.

В целях устранения допущенных ошибок, обеспечения частей Красной Армии от проникновения враждебных элементов и упорядочения учета личного состава Красной Армии

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Немедленно ввести во всех частях и учреждениях Красной Армии как в тылу, так и на фронте красноармейскую книжку с фотографической карточкой владельца, согласно объявленному образцу.

2. Красноармейскую книжку считать единственным документом, удостоверяющим принадлежность красноармейцев и младших командиров к Красной Армии.

Народный комиссар обороны СССР И. СТАЛИН

ЦАМО РФ. Ф. 353. Оп. 5864. Д. 1. Л. 30

Из воспоминаний А. Романова о трудовом фронте в советской деревне, зима–весна 1942 г.

(...) Петряево посуровело. Каждый номер газет читался старыми и малыми. Лишь напечатали призыв собирать металлолом для военных заводов, тут же распахнулись темные сараи, чуланы, кладовки, закутки, где годами скапливалась — по врожденной деревенской бережливости — разная железная надобность (...)

В тот же день отправили из Петряева больше двух тонн железа.

Потом сдавали для Красной Армии овчины, полушубки, валенки, шапки-ушанки, теплое белье, холстину. Вязали варежки, перчатки, носки. Шили и вышивали полотенца, кисеты, носовые платки. Сушили в печах желтыми кружочками картошку, собирали мешками алый шиповник (...)

Зима заснежила рано и морозно. По перепутку парни и девки, что постарше, укатали на лесозаготовки. Это было уже воинское предписание. Архангельским и сокольским комбинатам требовался лес. Много леса! В лесопунктах Озерене, Козлене и Микшине день и ночь топились бараки: люди еле успевали обсушиться и вновь на лошадях пробивались в сутробные ельники. Четыре кубометра пиловочника — обязательная сменная норма лесоруба. А елки — в обхват. Попробуй свали их да раскряжуй ручной пилой, да вывези на лошади к берегу! Изматывались люди и кони, а замены ждать было неоткуда.

В самом же Петряеве, не разгибаясь всю зиму, бабы трепали лен. По-соседски соберутся у кого-нибудь на полутемном дворе (берегли керосин — зажигали одну пятилинейную лампушку), натянут на телогреи передники, на которых нашиты резиновые подошвы от калош, чтобы трепала не так больно стучали по коленкам, и начнут выколачивать кострику из длинных льняных пасм. Пыль качается над головами, а трепала пляшут и пляшут на коленях. Всех терпеливей была Людмила Сахарова. Скромного ростика, тихая, с большими печальными глазами (у нее муж погиб), она пудами сдавала колхозу чистые, мягкие, в мерцающих искрах льняные узлы. Молчаливая Людмила, как и другие вдовы, лишь в такой непрерывной работе утишала горечь своего сердца.

В конце зимы по нашим деревням стали развозить эвакуированных из Ленинграда. В Петряеве оказались две семьи. С собой у них было прихвачено всего ничего. А сами — ветер повалит, в ботиночках, в легких пальтишках. Как слезли с дровней, так и ухнули в сугроб. Сразу их в теплые избы, да валенки на ноги. Да молоком отпаивать. Долго лежали, не вставали. А потом разбродились (...)

Хлеб в деревне кончился. Толкли старый льняной жмых и пекли из него черные сухари. Из семенной картошки вырезали «глазки» для посадки, а остальное с кожурой шло в еду. Жили ожиданием, когда брызнет у домов зеленая крапива, на лугах — щавель, на полях выскочат пестики. И рыба пойдет по Двине, сунется в наши кольчуги...

За зиму отправили в армию почти всех лошадей. Конюшня опустела, осунулась, и дядя Веня стал тачать хомуты и прилаживать веревочную упряжь уже для быков. Он крестил такими словами эту упрямую скотину, что бабы, слышавшие всякую ругань, хватались за бока. Однако сам он давно и заметно приободрился: слова его сбылись — немца еще до Нового года отшвырнули от Москвы.

— Вот она, наша пружина, — поднимал конюх свой вычерненный дратвой кулак, — сработала! Еще, погодите, не то будет. Заподскакивает немец, как на углях!..

Пишу я эти строки и чувствую: нет, не вмещается в них вся мера пережитого — настолько она велика! И деревенские люди тех лет, встающие в памяти, смотрят на меня, теперешнего, строго и взыскательно. Будто говорят они: «Ищи слово, равное своей судьбе. Только таким словом сможешь рассказать и о нас...»

Да, они ни в чем не пожалели себя. Выстояли. Выдержали все тяготы. И дивлюсь я теперь тому, как смогли они, скажем, в нашем колхозе не запустить в годы войны под бурьян и кустарники ни одной сотки пахотной земли, ни одного клочка пойменных сенокосов!

Романов А. Когда мужики ушли на фронт /

Живая память. Великая Отечественная: правда о войне. В трех томах. Том первый. С. 520–522

Документ № 12

Тотальная мобилизация военной экономики в фашистской Германии, январь–февраль 1943 г.

ИЗ РАСПОРЯЖЕНИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО
УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО МОБИЛИЗАЦИИ
РАБОЧЕЙ СИЛЫ, 27 января 1943 г.

1. Все мужчины в возрасте от 16 до 65 лет и все женщины от 17 до 45 лет, проживающие на территории империи... должны по получении особого уведомления зарегистрироваться по месту постоянного жительства в бюро труда.

2. От регистрации освобождаются... владельцы самостоятельных предприятий, имеющие на 1 января 1943 года более чем 5 человек персонала.

ИЗ РАСПОРЯЖЕНИЯ МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ
ДЕЛ ГЕРМАНИИ, 4 февраля 1943 г.

1. Все торговые предприятия, безусловно не необходимые для снабжения населения, закрываются...

2. Подвергнуть проверке все ремесленные предприятия. Все предприятия, жизненно не необходимые для военной экономики и для необходимого снабжения населения, закрыть.

Reichsgesetzblatt. Bd. I. 1943. S. 67

Из спецсообщения «О политико-моральном состоянии бойцов 57-й армии Южного фронта по материалам военной цензуры», не позднее 30 апреля 1942 г.

Начальнику управления особых отделов НКВД СССР комиссару госбезопасности 3-го ранга тов. АБАКУМОВУ

За отчетный период времени отделением военной цензуры ОО НКВД 57-й армии проведена следующая работа:

1. Прошло документов	130 084 (...)
5. Направлено меморандумов в ОО НКВД для оперативного использования	55
6. Направлено документов в территориальные органы НКВД для принятия мер	7
7. Конфисковано	246 (...)
д) писем с нецензурными выражениями	2 (...)

Из всех просмотренных писем военной цензурой установлено 9286 документов положительного характера.

Наряду с этим выявлены и отрицательные высказывания военнослужащими в письмах к родным и знакомым, а также сведения, не подлежащие оглашению, — 7023. В этих письмах бойцы пишут о местонахождении части, подробно указывая село, район, область, жалобы на плохое питание (331 случай), на вшивость (12) случаев, сведения о потерях и др.

Приводим несколько выдержек из писем бойцов и командиров, проявляющих здоровые, патриотические настроения, выражающих готовность продолжать разгром фашистских захватчиков.

Боец Звягин Н. М. (341 сд) пишет своим родителям в г. Астрахань:

«Помогайте нам — фронтовикам у себя в тылу, а мы будем бить их гадов, грабителей проклятых до последней капли крови. Папа, я вступил в комсомол и думаю если умереть, то быть партийным человеком».

Коровин А. Р. пишет своему брату: «Твоя награда еще больше накладывает на нашу семью бить беспощадно двуногих гитлеровских зверей, не щадя своих сил, ни самой жизни. Я знаю, что отцу нашему не стыдно будет за своих сыновей, мы в этой битве покажемся настоящими сыновьями нашей свободной счастливой родины. Так будем же бить, Федя, еще крепче эту озверелую банду за муки наших седых стариков, жен, детей, за разоренные, разгромленные наши дома, города, в которых мы росли, мужали, сами их строили, в них мы познали настоящую жизнь, великие идеи Ленина–Сталина, и в борьбе за эти идеи будем достойными сынами нашей партии, великого народа». (...)

Гаврелюк Василий (341 сд) пишет жене: «Враг мстит нам за вчерашний день, вчера наши герои-соколы 12 штук громили его так, что он не может до памяти дойти, чувствует свой конец и свою гибель. Настанет весна, через несколько дней начнется битва, какой не знает фашизм. Вшивые фрицики чувствуют мощь и силу нашего оружия. Это ему не Франция и не Польша. Сегодня не та война, что была 6 месяцев назад, сегодня деремся за каждую пядь земли русской, как учит нас великий Сталин». (...)

Боец Арназаров Ш. пишет своим родителям в Тадж. ССР: «Вы не думайте, что вы только беспокоитесь за нас, за меня не беспокойтесь, за нас беспокоится вся страна, наш дорогой и любимый вождь т. Сталин.

Дорогие братья и сестры, ни с чем не считайтесь, помогайте стране в оборонной работе, я нахожусь с хорошими ребятами и меня ничем не обижают, очень хороший командир, я себя чувствую неплохо» (...)

Боец Савюк В. Т. (130 тбр., н/я 14, батарея ППД) пишет своему товарищу Горшкову (ППС 183, особый отдел): «За смерть своего любимого брата Василия я буду бороться еще с большей ненавистью к кровавому фашизму, и за смерть своего брата я уничтожу не один десяток фрицев. Я как противотанкист заверяю, что от моего орудия не уйдет ни один фашистский танк. Я буду, со своим расчетом, бить их везде, где они появятся. Недавно я бил фашистскую нечисть, бил крепко и видал сам, как от моих залпов взлетали вверх фрицы и гансы. Смерть брата заставляет меня с удвоенной и утроенной ненавистью бить фашистскую гадину».

Остальное количество писем обычного характера.

За то же время из всей подвергнутой читке корреспонденции обнаружены 18 случаев с отрицательными высказываниями. Приведем несколько наиболее характерных выдержек из писем отрицательного характера: (...)

Боец Жмыркин Т. М. (74 кд) пишет своей жене: «Пишу я последнее письмо, иду в бой на передовую линию огня, так что одна мысль — либо ранят, либо убьют; если ранят — то большое счастье, так что вы меня больше не увидите».

Боец Аганьянцев Сергей (70 кд) пишет своей семье: «Я нахожусь в обозе, но жизнь всем незавидная, гибель всем, и я не думаю, что придется с вами увидаться, ибо положение очень плохое». (...)

Боец Краснов (349 сп) пишет семье: «Не думаю я домой прибыть, я располагаю, что мне придется в украинских краях и помирать. Надоели мне украинские края, только и ожидаешь себе смерти, как пойдут наши в наступление, так и мы едем следом на лошадях, подбираем раненых и везем в санчасть». (...)

В отдельных подразделениях и частях армии продолжает иметь место вшивость среди бойцов. За отчетную декаду обнаружено 12 случаев с жалобами бойцов на вшивость. /.../

Участились случаи высказывания в письмах к родным недовольства бойцов на плохое питание, на недостаточность его, скудность и однообразие. Так, за десять дней апреля месяца обнаружен 331 случай жалоб на питание. /.../

В переписке бойцов действующих частей с родными и друзьями продолжает занимать большое место разглашение сведений, составляющих военную тайну.

Очень часто в своих письмах родным бойцы сообщают об убитых и попавших в плен (1281 случай), о пункте, где он и его часть находятся, о потерях в части, пленениях и т. д. При этом описываются всевозможные подробные данные, являющиеся расшифровкой состояния и дислокации частей действующей армии.

Достаточно сказать, что из месяца в месяц количество задерживаемых писем такого характера не снижается, напротив, имеет тенденцию к еще большему росту.

Так, например, за отчетные первые 10 дней апреля задержаны 702 письма, в которых разглашаются сведения, составляющие военную тайну.

Письма, содержавшие в себе сведения приведенного выше характера, без ущерба для текста, подвергались затушевке и отправлялись адресатам или же, в исключительных случаях, подвергались конфискации и уничтожению (...)

Шевченко⁴

Публ. по: *Сталинградская эпопея.*
М.: «Звонница-МГ», 2000. С. 141–147

Приказ Наркомата обороны СССР о формировании центрального и региональных штабов партизанского движения, 16 июня 1942 г.

№00125 16 июня 1942 г.

В соответствии с постановлением Государственного Комитета Обороны от 30 мая 1942 г. № ГОКО-1837сс к 25 июня 1942 г. сформировать:

1. Центральный штаб партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандования по штату № 01/277, возложив формирование Центрального штаба на начальника штаба тов. Пономаренко П. К.⁵

2. Украинский, Брянский, Калининский, Западный, Ленинградский и Карело-Финский штабы партизанского движения по штатам 02/301–301 — Б.

3. Оперативные группы Штаба партизанского движения при военных советах армий по штату № 02/302. Перечень армий, при которых создаются оперативные группы, установить Центральному штабу партизанского движения.

4. Центральную школу организаторов партизанских отрядов Штаба партизанского движения по штату № 017/219 с дислокацией в г. Москва.

5. Центральную специальную радишколу по штату № 014/51 с дислокацией в г. Москва.

6. Подвижные радиоузлы при Центральном штабе партизанского движения и при Украинском, Брянском, Калининском, Западном, Ленинградском и Карело-Финском штабах партизанского движения — по штату № 014/60.

Оперативно-учебный центр, содержащийся по штату № 017/201, изъять из подчинения военного совета Западного фронта и передать в подчинение Центрального штаба партизанского движения.

⁴ Шевченко — в апреле–декабре 1942 г. начальник ОО НКВД 57-й армии, капитан госбезопасности (более полные сведения не обнаружены).

⁵ Пономаренко П.К. (1902–1984), один из организаторов и руководителей партизанского движения, генерал-лейтенант (1943). В 1938–1947 гг. 1-й секретарь ЦК КП(б) Белоруссии. С июня 1941 г. член военных советов армии и ряда фронтов. В 1942–1944 гг. начальник Центрального штаба партизанского движения. В 1944–1948 гг. председатель СМ БССР.

Формирование фронтовых штабов партизанского движения, оперативных групп при военных советах армий, подвижных радиоузлов возложить на военные советы соответствующих фронтов.

Начальнику Главного управления кадров НКО обеспечить формирование необходимыми кадрами начальствующего состава.

Обеспечение формирований всеми видами имущества и транспорта вести распоряжением начальников главных управлений НКО СССР.

Заместитель Наркома обороны СССР армейский комиссар 1-го ранга Е. ЩАДЕНКО

ЦАМО РФ. Ф. 4. Оп. 11. Д. 67. Л. 416–417

Из приказа наркома обороны СССР И. Сталина задачах партизанского движения №00189, 5 сентября 1942 г.

(...) История войн учит тому, что победа над захватчиками часто достигалась не только борьбой одной регулярной армии, но одновременно и народным партизанским движением, способствовавшим окончательному разгрому захватчиков.

Так было в Отечественную войну 1812 года (...)

Так было и в годы Гражданской войны (...)

Партизаны наносят серьезный урон живой силе, технике и дезорганизуют тыл противника. Однако партизанское движение еще не развернулось полностью, еще не стало делом всех и каждого, кто очутился в лапах немецких хищников, тогда как налицо все условия для повсеместного быстрого развития всенародной партизанской борьбы против немецких оккупантов.

(...) существующие сейчас партизанские отряды не должны замыкаться, а втягивать в партизанскую борьбу все более широкие слои населения. Нужно, наряду с организацией новых партизанских отрядов, создавать среди населения проверенные партизанские резервы, из которых и черпать пополнения или формировать дополнительно новые отряды. Нужно повести дело так, чтобы не было ни одного города, села, населенного пункта на временно оккупированной территории, где бы не существовало в скрытом виде боевого резерва партизанского движения. Эти скрытые боевые партизанские резервы должны быть численно не ограничены и включать в себя всех честных граждан и гражданок, желающих освободиться от немецкого гнета.

Основные задачи партизанских действий: разрушение тыла противника, уничтожение его штабов и других военных учреждений, разрушение железных дорог и мостов, поджог и взрыв складов и казарм, уничтожение живой силы противника, захват в плен или уничтожение представителей немецких властей.

В настоящий момент разрушение путей подвоза врага имеет важнейшее значение. Враг сейчас вынужден перебрасывать резервы, боевую технику, горючее и боеприпасы на фронт из далекого тыла, а также перебрасывать из нашей страны в Германию награбленный хлеб, мясо и всякое другое имущество. Железные, шоссейные дороги, по которым враг питает свои войска, растянулись на тысячи километров. Во многих местах они пересекаются лесами. Это создает благоприятные условия для действия партизанских отрядов по разрушению путей подвоза. Закрывать пути подвоза — значит лишить врага возможности пополнять фронт живой силой, техникой, горючим, боеприпасами, а также вывозить в Германию награбленное в нашей стране народное добро и тем самым облегчить Советскому Союзу разгром врага. (...)

8. Беспощадно истреблять или захватывать в плен фашистских политических деятелей, генералов, крупных чиновников и изменников нашей родины, находящихся на службе у врага. В этих целях постоянно наблюдать за генералами и крупными чиновниками. Выяснять, куда и по какому пути ездят, ходят, с кем ведут знакомство из местных жителей, какого поведения; кто и как их охраняет.

9. Партизанским отрядам и отдельным бойцам-партизанам вести непрерывную разведывательную работу в интересах Красной Армии. (...)

10. Руководящим органам партизанского движения, командирам и комиссарам партизанских отрядов, наряду с боевой работой, развернуть и вести среди населения постоянную политическую работу, разъяснять правду о Советском Союзе, о беспощадной борьбе Красной Армии и всего советского народа против фашистских захватчиков, о неизбежной гибели кровавых оккупантов. Разоблачать на фактах лживую немецкую пропаганду, воспитывать ненависть и озлобление к немецким захватчикам. В этих целях организовать издание газет, листовок и других печатных материалов на оккупированной территории. (...)

Совместными действиями Красной Армии и партизанского движения враг будет уничтожен.

Народный комиссар обороны СССР И. СТАЛИН

Сборнике боевых документов Великой Отечественной войны. №5. М., 1947. С. 11–14

Документ № 22

Приказ начальника Центрального штаба партизанского движения о партизанской рельсовой войне на коммуникациях врага, 14 июля 1943 г.

Советские партизаны своими действиями по разрушению коммуникаций противника оказывают большую помощь Красной Армии в деле разгрома немецких захватчиков.

Уничтожение вражеских эшелонов, паровозов, вагонов, взрывы мостов, водокачек, железнодорожной связи и оборудования являются важнейшей задачей партизанских групп и отрядов. Огромный размах партизанского движения позволяет в настоящее время наносить массированные повсеместные удары по железным дорогам с целью их полной дезорганизации и срыва операций врага на фронтах. Такой удар советскими партизанами должен быть нанесен врагу рельсовой войной, т. е. массовым повсеместным уничтожением рельсов. Враг уже сейчас испытывает недостаток рельсов. Запасные рельсы и многие рельсы станционных путей и второстепенных линий израсходованы на восстановление взрывааемых партизанами путей.

Во многих случаях со вторых путей и второстепенных линий рельсы сняты и направлены в переплавку. В этих условиях массовый вывод советскими партизанами рельсов, путем перебивания их пополам приведет врага к невосполнимым потерям и поставит в положение, граничащее с катастрофой.

Приказываю:

1. Партизанским соединениям и отрядам, дислоцирующимся в районе железных дорог, одновременно с другими диверсиями проводить систематическое и повсеместное разрушение рельсов на железных дорогах врага путем перебивания рельсов пополам.
  2. Перебивание рельсов производить на основных магистралях, запасных, подъездных, вспомогательных, деповских путях, уничтожать запасные рельсы, исключая для противника возможность перешивания и маневрирования рельсами.
  3. В целях внезапного удара первую операцию провести одновременно по сигналу Центрального штаба, а после этого действовать непрерывно, всеми средствами уничтожать рельсы.
  4. Командирам партизанских отрядов следить и сообщать в штабы партизанского движения о скоплениях эшелонов врага для бомбежки их советской авиацией.
  5. Вести учет количества перебитых рельсов каждым партизаном, отрядом, бригадой. Центральный штаб партизанского движения входит в правительство с предложением об установлении наград, включая и высшие награды, партизанам и командно-политическому составу за количество перебитых рельсов.
  6. Центральный штаб партизанского движения предупреждает партизан и партизанок, командный и политический состав отрядов и бригад, что операция эта имеет исключительное значение, может сорвать все замыслы врага, поставить его в катастрофическое положение, и призывает действовать непрерывно и беспощадно уничтожать рельсы врага, и пока враг восстанавливает один участок, взрывать другой.
- Эти действия и их результат составят историческую заслугу партизанского движения перед Родиной.
7. Начальникам областных и республиканских штабов партизанского движения, в соответствии с разработанным при участии начальников оперативных отделов штабов и утвержденным мною планом проведения первой операции по рельсовой войне, немедленно приступить к заброске грузов и подготовке к проведению операции. Готовность к проведению удара сообщит ЦШПД. Ориентировка на проведение операции 27–30 июля с.г.

Начальник Центрального штаба партизанского движения генерал-лейтенант Пономаренко

Великая Отечественная война. Военно-исторические очерки. Кн.2. М., 1998. С.459–460

Документ № 23

Орел после освобождения от немецкой оккупации (из книги А. Верта «Россия в войне»), август 1943 г.

(...) Освобождение древнего русского города Орла и полная ликвидация Орловского клина, в течение двух лет угрожавшего Москве, было прямым результатом разгрома немецко-фашистских войск под Курском.

Орел был одним из первых чисто русских больших городов, освобожденных в 1943 году. Кроме того, здесь (в отличие от Дона и Кубани) немцы находились в течение почти двух лет — с октября 1941 году.

На второй неделе августа я смог проехать на автомобиле из Москвы до Тулы, а затем до Орла. В при- водимом ниже рассказе, основанном на моих записях, сделанных в то время, описывается, как выглядел Орловский клин на переднем крае, что я увидел внутри клина, и в частности в самом Орле.

Чертополох стоял в рост человека. Густые заросли чертополоха и другой сорной травы образовывали полосу шириной примерно в три километра, тянувшуюся на запад, затем на восток и юг — почти по всему периметру Орловского клина. В этих зарослях, через которые теперь шла пыльная дорога из Тулы, на каждом шагу человека подкарауливает смерть. «Minen» (по-немецки), «мины» (по-русски) — читал я на старых и новых дощечках, воткнутых в землю. Вдали, на холме, под голубым летним небом виднелись руины церквей, остатки домов и одинокие печные трубы. Эти протянувшиеся на многие километры заросли сорняков почти два года были ничейной землей. Руины на холме были развалинами Мценска. Две старухи и четыре кошки — вот все живые существа, которых советские солдаты нашли там, когда немцы отошли 20 июля. Прежде чем уйти, фашисты взорвали или сожгли все — церкви и здания, крестьянские избы и все остальное. В середине прошлого века в этом городе жила «Леди Макбет» Лескова и Шостаковича. Как-то не укладывалось в голове, что эта драма страстей и крови развертывалась в городе, где теперь стоял запах крови, пролитой по совсем иным причинам.

Сквозь заросли сорняков мы подъехали к Мценску. Нет, одно маленькое кирпичное строение каким-то образом уцелело. «Пункт питания, — гласило объявление. — Здесь вы можете получить дневную норму пи- тания: завтрак, обед, ужин». Рядом другое объявление: «Враг разрушил и ограбил этот город, угнал в неволю его жителей. Они взывают к отмщению». «Чертова выдумка эти мины, — сказал полковник, встретивший нас в Мценске. — На участке всего 100 метров по обочине этой дороги мы вырыли 650 мин». Он рассказывал о новых минах замедленного действия, обнаруженных в немецких блиндажах. Взрыватель срабатывает, когда кислота разъест металл. Некоторые взрываются через два месяца. Кроме того, есть мины-ловушки, таких ловушек полно. Мины и мины-ловушки стали одним из важнейших видов оружия немцев в 1943 году. Для советских солдат они были самой большой неприятностью и главной темой разговоров. В сражении за Орел части Красной Армии понесли ужасные потери. Многие мины, как советские, так и немецкие, изготовленные в 1943 г., имели деревянный корпус, и поэтому их было особенно трудно обнаружить...

За последние несколько дней лишь около 200 человек вернулись в Мценск — из прежнего населения 20 тысяч. Вернувшиеся прятались где-то по деревням. По дороге на Орел, идущей по полям и прекрасным лесам, нигде не видно деревень. Только таблички стоят на развалинах, указывая, какая здесь была деревня.

Созданная немцами «зона пустыни» протянулась теперь от Ржева и Вязьмы до Орла. Орел, этот не так давно приятный, тихий провинциальный город, все еще полный воспоминаний о Тургеневе, сильно пострадал. Более половины домов было разрушено; в некоторых местах развалины еще дымились. Мосты через Оку были взорваны, но уже был наведен временный деревянный мост, и по нему на запад шли военные грузовики, а в Орел прибывали санитарные машины из Карачева — в пятидесяти километрах к западу, где шли тяжелые бои.

Как жил Орел в течение почти двухлетней немецкой оккупации?

Из 114 тыс. населения в городе сейчас осталось только 30 тысяч. Многих жителей оккупанты убили. Многие были повешены на городской площади — на той самой, где теперь похоронен экипаж советского танка, который первым ворвался в Орел, а также генерал Гуртьев — прославленный участник Сталинград- ской битвы, убитый в то утро, когда советские войска с боем взяли город. Говорили, что немцы убили 12 тыс. человек и вдвое больше отправили в Германию. Многие тысячи орловцев ушли к партизанам в орловские и брянские леса, ибо здесь (особенно на Брянщине) был район активных партизанских действий (...)

Верм А. Россия в войне 1941–1945. М., 1967. С. 488–494

Приказ рейхсфюрера СС Г. Гиммлера о разрушении Донбасса, 7 сентября 1943 г.

Рейхсфюрер СС. № 174/43.

Совершенно секретно. Государственной важности.

Высшему руководителю войск СС и полиции на Украине

Киев

Дорогой Прюцман!⁶

Генерал пехоты Штампф имеет особые указания относительно Донецкой области. Немедленно свяжитесь с ним. Я возлагаю на Вас задачу всеми силами содействовать ему. Необходимо добиться того, чтобы при

⁶ Прюцман возглавлял войска СС и полицию на Украине. В конце войны он был назначен руководителем фашистской организации «Вервольф» (Оборотень), призванной вести террористическую борьбу в тылу наступающих союзных войск.

отходе из районов Украины не оставалось ни одного человека, ни одной головы скота, ни одного центнера зерна, ни одного рельса; чтобы не остались в сохранности ни один дом, ни одна шахта, которая бы не была выведена на долгие годы из строя; чтобы не осталось ни одного колодца, который бы не был отравлен. Противник должен найти действительно тотально сожженную и разрушенную страну. Немедленно обсудите эти вопросы со Штапфом и сделайте все, что в человеческих силах, для выполнения этого...

Ваш Гиммлер

Военно-исторический журнал. 1965. № 7. С. 83

Документ № 28

Отчет о работе оперативного отдела Центрального штаба партизанского движения при Ставке Верховного главнокомандования за период с 17 апреля 1943 г. по 18 января 1944 г., январь 1944 г.

«Рельсовая война»

В июне месяце 1943 г. по инициативе начальника Центрального штаба партизанского движения генерал-лейтенанта тов. Пономаренко была разработана операция «Рельсовая война».

Задачей этой операции являлось нанесение массированных повсеместных одновременных ударов по железным дорогам противника с целью их полной дезорганизации и срыва операций врага на фронтах. Такой удар партизанами должен был быть нанесен врагу массовым, повсеместным уничтожением рельсов.

Возможность проведения такой массовой повсеместной операции обуславливалась следующими факторами:

- а) наличие широко развитого, активного, хорошо организованного партизанского движения, опирающегося на многочисленные слои населения временно оккупированной немцами территории СССР;
- б) возможность централизованного управления этим движением путем хорошо организованной и широко разветвленной сети радиосвязи и воздушного сообщения;
- в) невозможность противника в должной мере охранять свои коммуникации на всем их протяжении, так как массовые потери на фронтах сокращали его возможность маневрировать живой силой на фронте и в тылу...

В итоге проведения этой операции на 15.9.43 г. было взорвано 214 705 рельсов, что составляет 1342 км одноколейного железнодорожного пути.

Это мероприятие причинило коммуникациям противника значительный ущерб. По данным Главного разведывательного управления Красной Армии, пропускная способность железных дорог противника в результате воздействия партизан за период сентябрь–октябрь 1943 г. была недоиспользована на 30–40%.

Колоссальный результат, сравнительная легкость в проведении этой операции, возможность применять одновременно крупные партизанские силы, включая даже невооруженный резерв и мирное население, которое охотно помогало в этом партизанам, создали условия для повторения таких операций с перспективами на их бесперывность.

В сентябре 1943 г. Центральный штаб партизанского движения разработал повторную операцию по разрушению железных дорог противника. Операция именовалась «Концерт»...

В итоге проведения операции «Концерт» было взорвано 148 557 рельсов...

В декабре месяце 1943 года была разработана третья операция — «Зимний концерт», но отсутствие летной погоды задержало проведение подготовительных мероприятий. В связи с расформированием ЦШПД проведение этой операции возложено на республиканские и областные штабы партизанского движения.

Одновременно с операциями по разрушению рельсов была разработана операция по разрушению водоснабжения железнодорожных станций в тылу врага...

Всего на 15 января 1944 г. были получены сведения о разрушении 43 водокачек...

Проведенная операция по разрушению водокачек явилась хорошим дополнением к операции «Рельсовая война» и способствовала увеличению дезорганизации работы железных дорог противника.

Операции по разрушению железных дорог противника «Рельсовая война», «Концерт», разрушение водокачек сыграли исключительную роль в дезорганизации коммуникаций противника и в значительной мере способствовали успеху наступления Красной Армии летом и зимой 1943 года.

Начальник оперативного отдела ЦШПД

Великая Отечественная война. Военно-исторические очерки. Кн. 2. М., 1998. С. 456–458

Документ № 30

Доклад командующего бронетанковыми и механизированными войсками Красной Армии генерал-полковника Я. Федоренко И. Сталину о программе производства бронированных машин для действующей армии, февраль 1944 г.

НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ОБОРОНЫ
МАРШАЛУ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
товарищу С Т А Л И Н У
«__» февраля 1944 г.

Докладываю, что потребность в танках на фронтах с каждым месяцем увеличивается.

Танковые и механизированные войска действующей армии, непрерывно участвуя во всех операциях наших войск, имеют значительную убыль в танках.

Выпускаемое количество танков заводами Наркомтанкпрома не дает возможности удовлетворить минимальной потребности укомплектования действующих танковых частей. Создать же танковый резерв Ставки к весне 1944 года не представляется никакой возможности.

В то же время на таковых заводах при некоторых мероприятиях по обеспечению их металлом, материалами и частично рабочей силой имеются производственные возможности увеличить выпуск танков и артиллерийских самоходов.

Если в феврале месяце план выпуска тяжелых и средних танков, а также артиллерийских самоходов установлен в количестве 1575 машин, то в марте его можно довести до 1825 машин, в апреле — до 2000 машин и в мае — до 2200 машин.

Исходя из этих соображений, прошу Вас программу выпуска танков до 1 июня 1944 года установить по следующему расчету:

№ п/п	Завод-изготовитель	Тип танка или СУ	март	апрель	май	Примечание
1.	Кировский завод	ИС-2 ИСУ-152 Т-34	200 150 —	250 200 —	275 25 —	Выпуск танков на Кировском з-де прекращается 1.03.44
2.	Завод № 183	Т-34	750	750	800	
3.	Завод № 112	Т-34	300	325	350	
4.	Завод № 174	Т-34	200	225	250	
5.	Уралмашзавод	СУ-85	225	250	300	
6.	ИТОГО		1825	2000	2200	

В дальнейшем к 1.10.44 года выпуск танков и самоходных артиллерийских установок на указанных заводах довести до 3000 машин.

Для обсуждения вопроса повышения выпуска танков и отработки необходимых для этого мероприятий прошу Вас созвать совещание директоров, главных инженеров и военпредов танковых, дизельных и бронекорпусных заводов.

Прошу Вашего решения.

ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИК ТАНКОВЫХ ВОЙСК
(ФЕДОРЕНКО)

АП РФ. Ф. 3. Оп. 46. Д. 396. Л. 136–137

Документ № 31

Обращение Митрополита Крутицкого и Коломенского Николая (Ярушевича) к воинам танковой колонны им. Дмитрия Донского, март 1944 г.

Дорогие братья — воины нашей родной, нашей славной, победоносной Красной Армии!

Я чувствую себя глубоко счастливым быть среди вас в эти дни, когда вы, уже прошедшие необходимый этап военной подготовки, оснащенные могучей техникой, стоите накануне священных боев за дорогую Родину и готовы в любую минуту присоединить себя к красноармейским богатырям, добивающим фашистского зверя на нашей земле.

Я рад свидетельствовать перед вами, дорогие воины, что дни взносов средств на это святое дело были днями великого праздника для всей Русской православной церкви. И она сейчас горда тем, что сооруженная на общецерковные пожертвования ваша колонна танков имени Дмитрия Донского вложит свою долю в святое дело разгрома полчищ немецких разбойников. В лице моем она счастлива видеть своими глазами эти грозные танки, созданные на средства верующих и духовенства нашей страны, и вас, кому выпал почетный жребий вести эти танки в бой.

От имени патриарха Сергия, от имени нашей церкви я хочу сказать вам, дорогие братья-воины, из глубины сердца: Бог в помощь вам в вашем светлом деле защиты Родины! Пусть эти боевые машины, руководимые вашей крепкой, как гранит, волей к победе, несут мщение и смерть фашистским палачам нашего народа, истерзавшим и залившим кровью часть нашей священной Родины, этим сатанистам — врагам культуры и народного счастья, врагам человечества, недостойным носить человеческое имя, недостойным жить на земле!

Духом с вами будем все мы, весь наш советский народ, во всех ваших бранных подвигах. Мы пламенно молимся о победе нашего оружия и пламенно веруем в конечное торжество свободы, правды, мира, под знаменем которых воюют наш народ и все свободолюбивые народы мира, в скорую конечную победу над черными силами фашизма. Мы полны непоколебимой уверенности в том, что вы покроете свои боевые знамена бессмертной победной славой!

Вперед, дорогие воины; во имя полного очищения нашей земли от фашистской нечисти, во имя мирной жизни и счастья нашего народа. На священное дело — вперед!

Новые документы по новейшей истории. Хрестоматия. М., 1996. С. 57–58

Доклад председателю ГКО И. Сталину о наличии основных видов материальных ресурсов в государственном резерве, 14 ноября 1944 г. (извлечение)

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ
товарищу СТАЛИНУ И. В.
14 ноября 1944 г.

Докладываю о наличии основных видов материальных ресурсов в государственном резерве по состоянию на 1 ноября с. г. в сопоставлении с наличием этих резервов на начало войны:

	Единица измерения	Наличие к началу войны	Наличие на 1 ноября 1944 г.
Хлебофураж	Тыс. тонн	5405	5613
Мясо	—	49	29
Жиры животные	—	14	36

Жиры растительные	—	30	11
Рыба	—	19	39
Консервы (мясные и рыбные)	Млн. банок	199	154
Сахар	Тыс. тонн	366	9,4
Соль	—	563	351
Черные металлы и чугуны	—	721	130
Ферросплавы	—	75,1	24,8
Цветные металлы и прокат цветных металлов	—	150	235
Шерсть	—	15	33,6
Авторезина	Тыс. комплект.	160	266
Каучук натуральный	Тыс. тонн	7,2	7,9
Уголь	—	9143	5042
Нефтепродукты	—	3720	1052
Дрова	Тыс. кубм	1694	2870

(...)

Начальник Главного Управления
государственных материальных резервов
при Совнаркомом СССР(М. Данченко)

US. Library of Congress. Manuscript Division. «Volkogonov Collection». Reel 19

Из книги английского журналиста А. Верта «Россия в войне» о наступлении Красной Армии в январе–феврале 1945 года

(...) Наступление Красной Армии через Польшу и дальше в глубь Германии приняло огромный размах. Немцы отступали к Одру, оставляя, однако, в ряде мест гарнизоны для сдерживающих действий. Крупнейшая из этих сдерживающих группировок была постепенно изолирована на все сужавшемся участке в Восточной Пруссии. Но имелись еще гарнизоны в Познани, Торуня, а затем в Шнейдемюле и Бреславле. Горстка немцев отчаянно сопротивлялась в замке тевтонских рыцарей в Мариенбурге. Отступая через Польшу, немцы уничтожали все, что могли, а прежде всего железнодорожные мосты, но не успели разрушить Лодзь и Краков или такой огромный источник богатств, каким являлась для нового польского государства Силезия.

Во многих городах Германии началось настоящее вавилонское столпотворение: французские военнопленные, работавшие в деревне («Последние два года сельское хозяйство Восточной Пруссии держалось на нас, французах», — утверждали потом иные из них); английские военнопленные, из которых многие пережили Дюнкерк и уже были почти старожилками Германии; захваченные всего за несколько недель до этого в Бастони (Бельгия) американские солдаты, вошедшие в Германию с одного конца, а теперь уходившие из нее с другого; голландские, бельгийские, французские рабочие, польские и русские подневольные рабочие, итальянцы (чья участь тоже была немногим лучше участи поляков и русских); все они были возбуждены, растеряны, счастливы.

Позднее, в марте, мне довелось видеть много бывших военнопленных — англичан, американцев, французов, — которых отправляли на родину морем через Одессу. В первые дни освобождения было много неразберихи, и каждый из них мог рассказать свою историю, трагическую или забавную. Среди этих бывших

военнопленных возникло что-то вроде настоящей международной солидарности, и если иной раз не все шло гладко (а это было неизбежно), то тут ничего нельзя было поделать. У советских армий хватало других забот. В целом репатриация через Одессу проходила так хорошо, как только можно было надеяться в тех исключительно трудных условиях.

Несмотря на быстрое продвижение Красной Армии в январе–феврале и ее огромное превосходство в живой силе и во всех видах техники, немцы еще держались. Мне вспоминаются слова одного советского майора, который сказал мне: «Кое-где их сопротивление напоминает мне Севастополь в 1942 году. Иногда эти немецкие солдаты могут быть настоящими героями». А один кадровый военный писал в феврале в «Красной звезде»:

«Об ожесточенности боев в районе Познани можно судить по следующему эпизоду: в одном из пригородов Познани были отрезаны от своих войск около 500 немецких солдат и офицеров. Засев в нескольких каменных зданиях, они продолжали оказывать сопротивление нашим наступавшим войскам, пока почти все не были уничтожены. Только последние 50 немцев, поняв бесполезность дальнейшего сопротивления, сдались в плен».

Советская печать публиковала много мрачных описаний Берлина, особенно после массированного налета 4 февраля. Но большое сухопутное наступление на западе все еще не началось, и Красная Армия старалась продвигаться возможно быстрее.

Первого февраля войска Рокоссовского после шестидневной осады штурмом взяли Торунь.

Шестого февраля войска Конева форсировали на широком фронте Одер в Силезии и отрезали Бреславль.

К 9 февраля был почти полностью окружен Кенигсберг, в отношении которого приводились следующие слова немецкого военнопленного:

«Нам прочитали приказ, что на нас выпала почетная задача защищать столицу Восточной Пруссии... Но это не вызвало повышенного настроения среди нас. Все устали, и солдаты молча наблюдают панику среди населения. Она удручающе действует на солдат и офицеров. В городе распространяются мрачные слухи... Ранеными... забиты все школы, вокзалы, театры... Жителям города объявлено, что они должны уходить из Кенигсберга... кто как может».

Десятого февраля Рокоссовский взял Эльбинг, а 14 февраля войска Жукова, после продолжавшихся несколько дней уличных боев, заняли Шнейдемюль. 23 февраля после месячной осады войска Жукова взяли Познань и ее цитадель — последний опорный пункт немцев в этом районе (...)

В марте война на востоке развивалась менее бурным темпом, чем в январе–феврале. Немцы повсеместно оказывали отчаянное сопротивление. (...)

Верт А. Россия в войне 1941–1945. М., 1967. С. 694–701

Приказ Гитлера о «Выжженной земле», 19 марта 1945 г.

(...) Содержание: о разрушении объектов на территории Германии.

Борьба за существование нашего народа заставляет также и на территории Германии использовать все средства, которые могут ослабить боеспособность противника и задержать его продвижение. Необходимо использовать все возможности, чтобы непосредственно или косвенно нанести максимальный урон боевой мощи противника. Ошибочно было бы полагать, что после возвращения потерянных территорий можно будет снова использовать не разрушенные перед отступлением или выведенные из строя на незначительный срок пути сообщения, средства связи, промышленные предприятия и предприятия коммунального хозяйства. Противник оставит нам при своем отступлении лишь выжженную землю и не считается с нуждами местного населения. Поэтому я приказываю:

1. Все находящиеся на территории Германии пути сообщения, средства связи, промышленные предприятия и предприятия коммунального хозяйства, а также материальные запасы, которыми противник может в какой-либо мере воспользоваться, немедленно или по прошествии незначительного времени подлежат уничтожению.

2. Ответственность за уничтожение возлагается: на военные командные инстанции в отношении всех военных объектов (включая дорожные сооружения и средства связи), на гауляйтеров и государственных комиссаров обороны в отношении всех промышленных предприятий, предприятий коммунального хозяйства, а также всякого рода материальных запасов. Войска должны оказывать гауляйтерам и государственным комиссарам обороны необходимую помощь в выполнении стоящих перед ними задач.

3. Настоящий приказ немедленно довести до сведения всех командиров. Все распоряжения, противоречащие данному приказу, утрачивают свою силу.

Адольф Гитлер

Дашичев В. Банкротство стратегии... Т. 2. С. 604

Приказ командующего войсками 1-го Белорусского фронта маршала Жукова командующим армиями и командирам отдельных корпусов фронта о необходимости активизации наступательных действий на Берлин, 17 апреля 1945 г.⁷

17.04., 20.30

1. Хуже всех проводят наступательную Берлинскую операцию 69-я армия под командованием генерал-полковника Колпакчи, 1 ТА под командованием генерал-полковника Катюкова и 2 ТА под командованием генерал-полковника Богданова.

Эти армии, имея колоссальнейшие силы и средства, второй [день] действуют неумело и нерешительно, топчась перед слабым противником.

Командарм Катюков и его командиры корпусов Юшук, Дремов, Бабаджанян за полем и за действиями своих войск не наблюдают, отсиживаясь далеко в тылах (10–12 км). Обстановки эти генералы не знают и плетутся в хвосте событий.

2. Если допустить медлительность в развитии Берлинской операции, то войска истощатся, израсходуют все материальные запасы, не взяв Берлин.

Я требую: а) Не медля развить стремительность наступления. 1-й и 2-й танковым армиям и 9 тк прорваться при поддержке 3, 5 и 8-й гв. армий в тыл обороны противника и стремительно продвинуться в район Берлина.

Все крупные населенные пункты и узлы дорог обходить, имея в виду, что в этих местах противник будет иметь сильную ПТО. Танковым армиям не разбрасываться по фронту и действовать кулаком.

б) Всем командармам находиться на НП командиров корпусов, ведущих бой на главном направлении, а командирам корпусов находиться в бригадах и дивизиях первого эшелона на главном направлении. Нахождение в тылу войск категорически запрещено.

в) Всю артиллерию, в том числе БМ, подтянуть к первому эшелону и держать ее не далее 2–3 км за эшелоном, ведущим бой.

Действия артиллерии концентрировать на тех участках, где решается задача на прорыв.

Иметь в виду, что до самого Берлина противник будет сопротивляться и цепляться за каждый куст, а потому танкистам, самоходчикам и пехоте не ждать, пока артиллерия перебьет всех немцев и предоставит удовольствие двигаться по чистому пространству.

4. Бейте беспощадно немцев и двигайтесь вперед днем и ночью на Берлин, тогда Берлин будет очень скоро наш.

Жуков

Телегин⁸

Великая Отечественная война. Военно-исторические очерки. Кн. 3. М., 1999. С.471–472

Приказ Верховного главнокомандующего в связи со встречей на Эльбе 25 апреля 1945 г. войск 1-го Украинского фронта с частями англо-американских союзников, 27 апреля 1945 г.

Войска 1-го Украинского фронта и союзные нам англо-американские войска ударом с востока и запада рассекли фронт немецких войск и 25 апреля в 13 часов 30 минут соединились в центре Германии, в районе города Торгау. Тем самым немецкие войска, находящиеся в Средней Германии, отрезаны от немецких войск в южных районах.

⁷ Берлинская операция советских войск (1-й Белорусский фронт — ком. маршал Г. Жуков, 1-й Украинский фронт — ком. маршал И. Конев, 2-й Белорусский фронт — ком. маршал К. Рокоссовский) началась 16 апреля 1945 года. Немецкие войска Берлинского гарнизона капитулировали 2 мая 1945 года.

⁸ Телегин К. Ф. (1899–1981), генерал-лейтенант (1943). В ходе войны с июля 1941 г., член военного совета Московского ВО, с дек. 1941 г. — Московской зоны обороны, в 1942–1945 гг. — Донского, Центрального, Белорусского, 1-го Белорусского фронтов.

В ознаменование одержанной победы и в честь этого исторического события сегодня, 27 апреля, в 19 часов столица нашей родины Москва от имени Родины салютует доблестным войскам 1-го Украинского фронта и союзным нам англо-американским войскам 24 артиллерийскими залпами из 324 орудий.

Да здравствует победа свободолюбивых народов над Германией!

Верховный главнокомандующий

Маршал Советского Союза И. Сталин

27 апреля 1945 года.

Великая Отечественная война. Военно-исторические очерки. Кн. 3. М., 1999. С. 472

Донесение маршала Жукова Сталину о развитии боев за город Берлин и установлении разграничительной линии между войсками 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов, 28 апреля 1945 г.

ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ
МАРШАЛУ СОВЕТСКОГО СОЮЗА тов. СТАЛИНУ

Докладываю:

1. Войска 1-го Белорусского фронта, продолжая уличные бои в центре города Берлин, к 19.00 28.4.45 ведут бой на линии (по плану города Берлин 1:25000):

2 гв. ТА, наступая из района Сименштадт по южному берегу р. Шпрее в юго-восточном направлении вышла на линию: ЯР-4,59...

3 уд. А, наступая правым флангом в юго-восточном направлении, центром с севера на юг и левым флангом в западном направлении, вела бой на рубеже: ВК-34, 95 (...)

2. Я решил встречным ударом 2 гв. ТА и правого фланга 3 уд. А в юго-восточном направлении, всеми силами 5 уд. А, 1 гв. ТА и 8 гв. А в северо-западном направлении расколоть окруженную группировку в Берлине на две части, после чего оставшиеся очаги обороны уничтожить по частям.

По состоянию на 19.00 28.4.45 эти наступающие навстречу группы войск фронта находятся в удалении полтора километра одна от другой и в ближайшее время соединятся.

3. Две стрелковые дивизии 28 Армии и одна мсбр. 3 гв. ТА 1-го Украинского фронта, имея от Конева задачу наступать из района ст. Папештрассе (полтора километра западнее аэропорта Темпельхоф), на север вдоль железной дороги, 28.4.45 вышла в тыл боевых порядков 8 гв.А и 1 гв. ТА.

Наступление частей Конева по тылам 8 гв. А и 1 гв. ТА создало путаницу и перемешивание частей, что крайне осложнило управление боем. Дальнейшее их продвижение в этом направлении может привести к еще большему перемешиванию и к затруднению в управлении.

Докладывая изложенное, прошу установить разграничительную линию в городе между войсками 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов или разрешить мне сменить части 1-го Украинского фронта в городе Берлине.⁹

Командующий войсками
1-го Белорусского фронта
Маршал Советского Союза
(Жуков)

Член военного совета
1-го Белорусского фронта
генерал-лейтенант
(Телегин)

Начальник штаба
генерал-полковник
(Малинин)

ЦАМО РФ. Ф.233. Он. 2356. Д.574.

⁹ В период подготовки к Берлинской операции разграничительная линия между полосой наступления 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов была проведена Сталиным на карте лишь до юго-восточной окраины германской столицы. В ходе битвы за Берлин в город ворвались войска сразу обоих фронтов. Однако после телеграммы Жукова от 28 апреля во избежание неразберихи Ставка приказала отвести от центра города соединения 1-го Украинского фронта, сменив их соединениями 1-го Белорусского фронта.

«Политическое завещание» А. Гитлера, 29 апреля 1945 г.

С тех пор как я начиная с 1914 г. отдавал все свои скромные силы в Первой, навязанной рейху мировой войне, прошло более тридцати лет. В эти три десятилетия все мои помыслы, все мои действия и вся моя жизнь определялись только любовью к моему народу и верностью ему. Они давали мне силу принимать такие тяжелейшие решения, какие не доводилось принимать до тех пор ни одному смертному. За минувшие три десятилетия я израсходовал сполна все мое время, всю мою работоспособность и все мое здоровье.

Это неверно, будто я или кто-то другой в Германии желал в 1939 г. войны. Ее желали и развязали исключительно интернациональные государственные деятели либо еврейского происхождения, либо работавшие на еврейские интересы. Я вносил множество предложений по сокращению и ограничению вооружения, которые грядущие поколения не смогут вечно отрицать, чтобы возложить ответственность за возникновение этой войны на меня. Далее, я никогда не хотел, чтобы после Первой злосчастной мировой войны возникла Вторая мировая война против Англии или тем более против Америки. Пройдут века, но из руин наших городов и памятников искусства будет постоянно вырастать обновляющаяся ненависть к тому народу, который в конечном счете несет ответственность за все это, к тому народу, которому мы обязаны всем этим: к интернациональному еврейству и его пособникам.

Еще за несколько дней до того, как разразилась германо-польская война, я предложил британскому послу в Берлине решение германо-польской проблемы — как и в случае с Саарской областью — под международным контролем. Это предложение тоже не может отрицаться. Но оно было отвергнуто, потому что влиятельные круги английской политики желали войны, а отчасти подгонялись к ней организованной интернациональным еврейством пропагандой. Но я не оставлял также сомнения и на тот счет, что, если народы Европы рассматриваются как пакеты акций для интернациональных финансовых и промышленных заговорщиков, будет привлечен к ответственности и тот народ, который является единственным виновником этой смертоубийственной войны: еврейство! Я также не оставлял никакой неясности насчет того, что на сей раз настоящий виновник пусть и гуманными средствами, но будет наказан и поплатится за то, что миллионы детей европейцев арийской расы умрут от голода, что свою смерть найдут миллионы взрослых мужчин, а сотни тысяч женщин и детей сгорят в наших городах или погибнут от бомбежек.

После шестилетней борьбы, которая, несмотря на все неудачи, войдет в историю как самое славное и отважное выражение жизненной силы немецкого народа, я не могу оторвать себя от того города, который является столицей рейха. Поскольку силы наши слишком слабы, чтобы и дальше выдерживать натиск врага именно здесь, а собственное сопротивление постепенно обесценивается столь же ослепленными, сколь и бесхарактерными субъектами, я хотел бы, оставшись в этом городе, разделить судьбу с теми миллионами других людей, которых уже постигла смерть. Кроме того, я не хочу попасть в руки врагов, которым, на потеху ими науськанным массам, нужен новый, поставленный евреями спектакль.

А потому я решил остаться в Берлине и здесь по собственной воле избрать смерть в тот момент, когда увижу, что резиденция фюрера и рейхсканцлера удержана больше быть не может. Я умираю с радостным сердцем, зная о неизмеримых деяниях и свершениях наших солдат на фронте, наших женщин в тылу, наших крестьян и рабочих, а также о беспримерном участии во всем этом молодежи, носящей мое имя.

То, что всем им я выражаю идущую от всего сердца благодарность, столь же само собою разумеется, как и мое желание, чтобы они ни в коем случае не прекращали борьбы, а всюду продолжали вести ее против врагов фатерланда, оставаясь верны заветам великого Клаузевица. Из этих жертв наших солдат и из моей собственной связи с ними до самой моей смерти в германской истории так или иначе, но взойдет однажды посев сияющего возрождения национал-социалистского движения, а тем самым и осуществления подлинно народного сообщества.

Многие храбрейшие мужчины и женщины полны решимости до последнего мига связать свою жизнь с моею. Я просил их и под конец даже приказал им не делать этого, а принять участие в дальнейшей борьбе нашей нации. Командующих армиями, военно-морским флотом и люфтваффе я прошу самыми крайними мерами укрепить у наших солдат дух сопротивления в национал-социалистском смысле этого слова, указав на то, что я, как основатель и создатель этого движения, предпочел смерть трусливому бегству, а тем более — капитуляции. Пусть это станет однажды частью понятия чести германского офицера, как то уже имеет место в нашем военно-морском флоте: сдача какой-либо территории или города — невозможна, а командиры должны быть впереди и служить ярким примером верного исполнения своего долга вплоть до собственной гибели.

Перед своей смертью я изгоняю бывшего рейхсмаршала Германа Геринга из партии и лишаю его всех прав, которые могли бы вытекать из указа от 29 июня 1941 г., а также из моего заявления в рейхстаге от 1 сентября 1939 года. Я назначаю вместо него гросс-адмирала Дёница рейхспрезидентом и верховным главнокомандующим вермахта.

Перед своей смертью я изгоняю бывшего рейхсфюрера СС и имперского министра внутренних дел Генриха Гимmlера из партии, а также лишаю его всех государственных постов. Я назначаю вместо него гауляйтера Карла Ханке рейхсфюрером СС и шефом германской полиции, а гауляйтера Пауля Гизлера — имперским министром внутренних дел.

Геринг и Гимmlер без моего ведома вели тайные переговоры с врагом и вопреки моей воле предприняли попытку в нарушение закона захватить власть в государстве в свои руки, чем причинили стране и всему народу необозримый вред, совершенно не говоря уже о попрании верности мне лично.

Желая дать немецкому народу состоящее из достойных людей правительство, которое выполнит свое обязательство продолжить борьбу всеми средствами, я назначаю руководителями нации следующих членов нового кабинета: рейхспрезидент — Дёниц, рейхсканцлер — д-р Геббельс, министр по делам партии — Борман, министр иностранных дел — Зейсс-Инкварт, министр внутренних дел — гауляйтер Гизлер, военный министр — Дёниц, главнокомандующий сухопутными войсками — Шёрнер, главнокомандующий авиацией — Грайм, министр юстиции — Тирак, культов — Шеель, министр пропаганды — д-р Науман, министр финансов — Шверин-Крозиг, рейхсфюрер СС и шеф германской полиции — Ханке, министр хозяйства — Функ, министр сельского хозяйства — Бакке, министр труда — д-р Хупфауэр, министр вооружения — Зауэр, руководитель германского трудового фронта и член имперского кабинета — имперский министр д-р Лей.

Хотя некоторое число таких людей, как Мартин Борман, д-р Геббельс и другие, решили по своей воле считать себя, вместе с их женами, неразрывно связанными со мною и не желают ни при каких обстоятельствах покидать рейх, а готовы погибнуть вместе со мною, я все же вынужден просить их подчиниться моему требованию и в этом случае поставить интересы нации выше своих чувств. Благодаря своей деятельности и своей верности соратников они и после моей смерти останутся мне столь же близки, ибо, как я надеюсь, дух мой пребудет с ними и всегда будет сопровождать их. Да будут они твердыми, но никогда — несправедливыми! Пусть никогда страх не станет советчиком в их действиях, пусть превыше всего на Земле для них стоит честь нации. И пусть, наконец, они сознают, что наша задача — построение национал-социалистического государства — является делом грядущих поколений, которое обязывает каждого в отдельности служить общим интересам, не противопоставлять им свои собственные выгоды. От всех немцев, от всех национал-социалистов, от всех мужчин и женщин, от всех солдат вермахта я требую, чтобы они были верны новому правительству и новому президенту и повиновались ему до самой смерти.

Но прежде всего я обязываю руководство нации и общества строжайшим образом соблюдать расовые законы и оказывать безжалостное сопротивление всемирным отравителям мира для всех народов — интернациональному еврейству.

Совершено в Берлине 29 апреля 1945 г. в 4.00.

Адольф Гитлер

Свидетели:

д-р Йозеф Геббельс, Мартин Борман, Вильгельм Бургдорф, Ганс Кребс¹⁰

Якобсен Г.-А. 1939–1945. Вторая мировая война. Хроника и документы // Вторая мировая война. Два взгляда. М., 1995. С. 229–230

Акт о безоговорочной капитуляции германской армии, 8 мая 1945 г.

1. Мы, нижеподписавшиеся, действуя от имени германского Верховного Командования, соглашаемся на безоговорочную капитуляцию всех наших вооруженных сил на суше, на море и в воздухе, а также всех сил, находящихся в настоящее время под немецким командованием, — Верховному Главнокомандованию Красной Армии и одновременно Верховному Командованию Союзных экспедиционных сил.

2. Германское Верховное Командование немедленно издаст приказы всем немецким командующим сухопутными, морскими и воздушными силами и всем силам, находящимся под германским командованием, прекратить военные действия в 23.01 часа по центральноевропейскому времени 8 мая 1945 года, остаться на местах, где они находятся в это время, и полностью разоружиться, передав все их оружие и военное имущество местным союзным командующим или офицерам, выделенным представителями Союзного Верховного Командования, не разрушать и не причинять никаких повреждений парходам, судам и самолетам, их двигателям, корпусам и оборудованию, а также машинам, вооружению, аппаратам и всем вообще военно-техническим средствам ведения войны.

¹⁰ А. Гитлер покончил жизнь самоубийством 30 апреля 1945 г.

3. Германское Верховное Командование немедленно выделит соответствующих командиров и обеспечит выполнение всех дальнейших приказов, изданных Верховным Главнокомандованием Красной Армии и Верховным Командованием Союзных экспедиционных сил.

4. Этот акт не будет являться препятствием к замене его другим генеральным документом о капитуляции, заключенным Объединенными Нациями или от их имени, применимым к Германии и германским вооруженным силам в целом.

5. В случае если немецкое Верховное Командование или какие-либо вооруженные силы, находящиеся под его командованием, не будут действовать в соответствии с этим актом о капитуляции, Верховное Командование Красной Армии, а также Верховное Командование Союзных экспедиционных сил предпримут такие карательные меры или другие действия, которые они сочтут необходимыми.

6. Этот акт составлен на русском, английском и немецком языках. Только русский и английский тексты являются аутентичными.

Подписано 8 мая 1945 г. в гор. Берлине

От имени Германского Верховного Командования:

Кейтель, Фридебург, Штумпф.

В присутствии:

По уполномочию Верховного Главнокомандования Красной Армии Маршал Советского Союза Жуков;

По уполномочию Верховного Командующего Экспедиционными силами Союзников Главный маршал Авиации Теддер, Командующий Стратегическими Воздушными силами США Главнокомандующий Генерал Спаатс.

При подписании также присутствовали в качестве свидетелей:

Французской Армии генерал Делатр де Тассиньи

Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны.

Т. III. М., 1947. С. 261–262

Из воспоминаний Д. Эйзенхауэра о встрече союзников на Эльбе и капитуляции германских войск в Европе, апрель–май 1945 г.

(...) Наш выход на Эльбу почти случайно совпал с мощным наступлением Красной Армии в западном направлении с занимаемых ею рубежей на Одере. Наступление велось в широкой полосе более чем в двести миль. Русские успешно наступали по всему фронту. На севере они продвигались в направлении Дании, их центральная группировка была нацелена на Берлин, а на юге они выходили в район Дрездена. 25 апреля разведывательные дозоры 69-й дивизии 5-го корпуса встретили на Эльбе подразделения 58-й гвардейской дивизии Красной Армии. Эта встреча состоялась у Торгау, приблизительно в семидесяти пяти милях южнее Берлина. 5-й корпус, как и 7-й, участвовал в первоначальной высадке на побережье Нормандии, и казалось исключительно справедливым, что войска одного из этих корпусов первыми установили контакт с Красной Армией и завершили расчленение Германии. По мере нашего продвижения через Центральную Германию проблема связи с русскими войсками приобретала все более важное значение. Неотложные вопросы уже не были связаны с большой стратегией, а носили чисто тактический характер. Одна из основных трудностей заключалась в опознавании друг друга (...)

5 мая в наш штаб прибыл представитель от адмирала Дёница¹¹. За день до этого мы получили известие о его прибытии. В это же время нам сообщили, что немецкое правительство отдало приказ всем своим подводным лодкам вернуться в порты. Я сразу же сообщил обо всем этом Советскому Верховному Главному Командованию и просил назначить офицера в качестве русского представителя на возможных переговорах с Дёницей. Я информировал русских, что не приму никакой капитуляции, если она не будет предусматривать одновременную капитуляцию повсюду. Советское Верховное Главное Командование назначило генерал-майора Сулопарова своим представителем.

Фельдмаршал фон Кессельринг, командовавший немецкими войсками на Западном фронте, также прислал мне известие с просьбой разрешить направить к нам своего уполномоченного, чтобы договориться

¹¹ Дениц К. (1891–1980), гросс-адмирал германского ВМФ (1943). С 1936 г. командовал всеми подводными силами Германии. С янв. 1943 г. — главнокомандующий ВМФ. 1 мая 1945 г. по завещанию Гитлера стал рейхсканцлером и Верховным главнокомандующим. 2-5 мая сформировал новое «имперское правительство» в Мюрвик-Фленсбурге. Приговорен Нюрнбергским трибуналом к 10 годам лишения свободы.

о капитуляции. Поскольку права Кессельринга распространялись только на Запад, я ответил, что не буду вести никаких переговоров, если на них речь не пойдет обо всех немецких войсках на всех фронтах.

Когда 5 мая в Реймс прибыл адмирал Фридебург, он заявил, что хотел бы уяснить ряд вопросов. С нашей стороны переговоры вел начальник штаба генерал Смит. Он заявил Фридебургу, что нет смысла что-либо обсуждать, что наша задача сводится просто к принятию безоговорочной капитуляции. Фридебург возражал, заявив, что не имеет полномочий на подписание такого документа. Ему было разрешено передать по радио депешу для Дёница; в ответ сообщили, что Йодль выехал в нашу штаб-квартиру, чтобы помочь ему в переговорах.

Нам было ясно, что немцы стремились выиграть время, с тем чтобы перевести за нашу линию фронта как можно больше немецких солдат. Я сказал генералу Смиту, чтобы он передал Йодлю, что если они немедленно не прекратят выдвигать всякие предлоги и тянуть время, то я закрою весь фронт союзников, чтобы впредь не пропускать никаких немецких беженцев через нашу линию фронта. Я не потерплю дальнейшего промедления.

Наконец Йодль и Фридебург составили телеграмму Дёницу с просьбой дать им полномочия подписать акт о полной капитуляции, вступающей в силу через сорок восемь часов после его подписания. Немцы могли найти ту или иную причину, чтобы отсрочить капитуляцию и тем самым получить дополнительное время для себя. Поэтому через генерала Смита я информировал их, что капитуляция вступит в силу через сорок восемь часов начиная с нынешней полуночи; в противном случае моя угроза закрыть Западный фронт будет немедленно осуществлена.

Наконец Дёниц понял неизбежность выполнения наших требований, и акт о капитуляции был подписан Йодлем в 2 часа 41 мин. утра 7 мая. Боевые действия должны были прекратиться в полночь 8 мая.

После того как необходимые бумаги были подписаны Йодлем и генералом Смитом в присутствии французского и русского представителей, подписавших документы в качестве свидетелей, Йодля привели в мой кабинет. Я спросил его через переводчика, полностью ли он понимает все статьи подписанного им документа.

Он ответил: «Да».

Тогда я ему сказал: «Вы официально и лично будете нести ответственность, если условия этой капитуляции будут нарушены, в том числе за прибытие немецких командующих в Берлин в такое время, какое будет установлено русским главным командованием для оформления официальной капитуляции перед тем правительством. Все».

Он отдал честь и вышел.

Последствия победы

По условиям подписанного акта о капитуляции руководители немецких видов вооруженных сил должны были прибыть в Берлин 9 мая, чтобы подписать ратификацию в русском штабе. Эта вторая церемония, как мы понимали, должна была символизировать единство западных союзников и Советов и оповестить немцев и весь мир о том, что капитуляция осуществлена перед всеми, а не только перед западными союзниками. По этой причине нам было указано ничего не сообщать о первом подписании, пока не будет проведена вторая церемония.

Для того чтобы американские и английские корреспонденты имели полное представление о капитуляции в Реймсе, мы пригласили на церемонию подписания репортеров. Принимая приглашение, они согласились воздержаться от публикации материалов о капитуляции, пока не будет официального заявления, согласованного между союзниками. Однако какой-то американский репортер опубликовал свой репортаж раньше времени, чем вызвал ярость других корреспондентов, которые оставались верны данному ими обещанию. Этот инцидент вызвал значительную шумиху, хотя общему делу не было причинено никакого вреда, за исключением ущерба репортажам других корреспондентов.

На церемонию подписания капитуляции в Берлин были приглашены и западные союзники, однако я считал лично для себя неподходящим ехать туда. Немцы уже побывали в штаб-квартире западных союзников, чтобы подписать акт о безоговорочной капитуляции, и я полагал, что ратификация в Берлине должна быть делом Советов. Поэтому я назначил своего заместителя — главного маршала авиации Теддера представлять меня на церемонии. Это было трудное дело — отработать все детали, связанные с определением времени, числа и категории лиц, которым будет разрешено присутствовать на церемонии, составлением маршрута полета наших самолетов над занятой русскими территорией. Однако все эти вопросы были улажены, и Теддер, сопровождаемый офицерами, солдатами, представителями женского вспомогательного корпуса и печати, которых набралось в общей сложности два или три полных самолета, выполнил возложенную на него задачу. Спустя несколько месяцев я увидел в Москве кинофильм — всю эту церемонию в Берлине заснятую на пленку (...)

Эйзенхауэр Д. Во главе союзных войск // Вторая мировая война в воспоминаниях... М., 1990. С. 494–508

Обращение тов. И. Сталина к народу, 9 мая 1945 г.

Товарищи! Соотечественники и соотечественницы!

Наступил великий день победы над Германией. Фашистская Германия, поставленная на колени Красной Армией и войсками наших союзников, признала себя побежденной и объявила безоговорочную капитуляцию.

7 мая был подписан в городе Реймсе предварительный протокол капитуляции. 8 мая представители немецкого Главнокомандования в присутствии представителей Верховного Командования союзных войск и Верховного Главнокомандования советских войск подписали в Берлине окончательный акт капитуляции, исполнение которого началось с 24 часов 8 мая.¹²

Зная волчью повадку немецких заправил, считающих договора и соглашения пустой бумажкой, мы не имеем права верить им на слово. Однако сегодня с утра немецкие войска во исполнение акта о капитуляции стали в массовом порядке складывать оружие и сдаваться в плен нашим войскам. Это уже не пустая бумажка. Это — действительная капитуляция вооруженных сил Германии. Правда, одна группа немецких войск в районе Чехословакии все еще уклоняется от капитуляции. Но я надеюсь, что Красной Армии удастся привести ее в чувство. Теперь мы можем с полным основанием заявить, что наступил исторический день окончательного разгрома Германии, день великой победы нашего народа над германским империализмом.

Великие жертвы, принесенные нами во имя свободы и независимости нашей Родины, неисчислимые лишения и страдания, пережитые нашим народом в ходе войны, напряженный труд в тылу и на фронте, отданный на алтарь Отечества, не прошли даром и увенчались полной победой над врагом. Вековая борьба славянских народов за свое существование и свою независимость окончилась победой над немецкими захватчиками и немецкой тиранией.

Отныне над Европой будет развиваться великое знамя свободы народов мира и между народами.

Три года назад Гитлер всенародно заявил, что в его задачи входит расчленение Советского Союза и отрыв от него Кавказа, Украины, Белоруссии, Прибалтики и других областей. Он прямо заявил: «Мы уничтожим Россию, чтобы она больше никогда не смогла подняться». Это было три года назад. Но сумасбродным идеям Гитлера не суждено было сбыться — ход войны развеял их в прах. На деле получилось нечто прямо противоположное тому, о чем бредили гитлеровцы. Германия разбита наголову. Германские войска капитулируют. Советский Союз торжествует победу, хотя и не собирается ни расчленять, ни уничтожать Германию.

Товарищи! Великая Отечественная война завершилась нашей полной победой. Период войны в Европе кончился. Начался период мирного развития.

С победой вас, мои дорогие соотечественники и соотечественницы!

Слава нашей героической Красной Армии, отстоявшей независимость нашей Родины и завоевавшей победу над врагом!

Слава нашему великому народу, народу-победителю!

Вечная слава героям, павшим в боях с врагом и отдавшим свою жизнь за свободу и счастье нашего народа!

Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1947. С.192–194.

Выступление тов. И. Сталина на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии, 24 мая 1945 г.

Товарищи, разрешите мне поднять еще один, последний тост.

Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего Советского народа, и прежде всего — русского народа (*Бурные продолжительные аплодисменты, крики «ура»*).

Я пью прежде всего за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне общее признание — как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он — руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение.

¹² Текст акта о безоговорочной капитуляции фашистской Германии см. стр. 349.

У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941–1942 годах, когда наша армия отступала, покидала родные нам села и города Украины, Белоруссии, Молдавии, Ленинградской области, Прибалтики, Карело-Финской республики, покидала, потому что не было другого выхода. Иной народ мог бы сказать правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошел на это, ибо он верил в правильность политики своего правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. И это доверие русского народа Советскому правительству оказалась той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества — над фашизмом.

Спасибо ему, русскому народу, за это доверие!

За здоровье русского народа! (*Бурные, долго не смолкающие аплодисменты*).

Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1947. С. 196–197

Сравнительная таблица балансов использования людских ресурсов в вооруженных силах СССР¹³ и Германии в период Второй мировой войны (1939–1945) (в тыс. человек)

	СССР	Германия
К началу войны состояло по списку в армии и на флоте:		
на 01.01.39 г. (1.09.39 г., Германия)	2028,4	3214,0
на 22.06.41 г.	4826,9	8500,0
В ходе войны призвано, мобилизовано (за вычетом повторно призванных)	29 574,9 ¹⁴	17 893,0
Всего за годы войны привлечено в армию, на флот (с учетом служивших до начала войны) в формированиях других ведомств и для работы в промышленности (СССР с 22.06.41 г., Германии с 1.09.39 г.)	34 476,7	21 107,0
Убыло из армии и флота в ходе войны — всего	21 636,9	16 307,0
Из них:		
а) безвозвратные потери:	11 944,1	11 844,0
— убито и умерло от ран, болезней, погибло в катастрофах, покончило жизнь самоубийством, расстреляно по приговорам судов	6885,1	4457,0
— пропало без вести, попало в плен	5059,0	7387,0
из них: погибло, умерло в плену	2300,0	442,1 ¹⁵
б) другая убыль:	9692,8	4463,0
— уволено по ранению и болезни	3798,2	2463,0
— передано для работы в промышленности, в местную противовоздушную оборону и в подразделения военизированной охраны	3614,6	2000,0
в) оставалось в армии и на флоте после окончания войны,	12 839,8	4800,0
в том числе:		
— в строю	11 390,6	4100,0
— в госпиталях на излечении	1046,0	700,0

¹³ Некоторые данные СССР (не нужные для сравнения) опущены.

¹⁴ В том числе 805 264 военнообязанных, находившихся к началу войны в войсках на Больших учебных сборах.

¹⁵ Только на территории СССР.

Потери на советско-германском фронте (1941–1945)

Демографические потери (списочного состава)	8668,4	5076,7
Все безвозвратные потери	11 944,1	8649,3
минус:		
— вернувшиеся из плена	1836,0	3572,6
— вторично призванные на освобожденной территории	939,7	
Общие демографические потери (с 500 тыс. призванных военнообязанных, но не прибывших в часть, пропавших без вести)	9168,4	

Кривошеев Г. Сравнительная таблица балансов использования людских ресурсов в вооруженных силах СССР и Германии в период Второй мировой войны (1939–1945) // Вестник военной информации. 1999. № 4. С. 18

Донесение члена военного совета главного командования советскими войсками на Дальнем Востоке И. Шикина наркому обороны о ходе капитуляции Квантунской армии, 21 августа 1945 г.

Докладываю: В течение 20 августа продолжалось пленение капитулировавших японо-маньчжурских войск. Многие части и соединения Квантунской армии сдаются организованно во главе с командованием.

<Особоуполномоченных штаба Забайкальского фронта на аэродромах встречали: в Мукдене — представитель императора Маньчжурии Пу И и начальник мукденского гарнизона, в Чанчуне — заместитель начальника штаба Квантунской армии генерал-майор Мацамура>. ¹⁶

20.8 подвижные части Забайкальского фронта вступили в Мукден и Чанчунь, гарнизоны последних капитулировали и сложили оружие. В Мукдене пленено 40 000 личного состава 63, 136 пд и 66, 130 пбр противника. В числе плененных командующий 3-м фронтом полный генерал Усироку, начальник штаба фронта генерал-майор Оцубо, командующий 44-й армией генерал-лейтенант Хонго, начальник штаба этой армии генерал-майор Обаба, командующий первым военным округом Маньчжоу-Го полный генерал Китасу Ван и другие генералы. В Чанчуне сложили оружие 12 000 плененных 148 пд противника.

За истекшие сутки войска 2 ДВФ [Дальневосточного фронта. — *Ред.*], продолжая продвижение в Маньчжурии и на южной части о.Сахалин, на ряде направлений принимали личный состав капитулировавших частей противника. <Штаб 15-й армии> организовал разоружение 134 пд противника. Бронекатера доставили в Харбин пехотный десант. Части АКФ [Амурской Краснознаменной флотилии. — *Ред.*] совместно с пехотой разоружили и взяли под охрану Сунгарийскую речную флотилию. Разоружение Харбинского гарнизона продолжается. В депо Харбин захвачен подвижной состав и 114 паровозов, которые используются нами для перевоза войск 1-й армии в Харбин.

Войска 1 ДВФ за 19 и 20 августа пленили более 68 000 солдат и офицеров, среди которых 8 генералов. В течение 20.8 продолжалось разоружение 124, 126, 135-й пехотных дивизий и приданных частей 5-й армии противника. Захвачено 63 склада с боеприпасами, 80 автомашин и другие трофеи, количество которых подсчитывается.

Для объяснения причин столь быстрой капитуляции всей Квантунской армии, на которую противник возлагал большие надежды, заслуживают внимания показания плененного командующего 5-й японской армией генерал-лейтенанта Симидзу Норицунэ, который показал:

«5-я армия прикрывала главное операционное направление на Харбин и к началу войны 8.8 имела в своем составе 65 000 человек. Мы не думали, что русская армия пройдет через труднопроходимые районы тайги. Такое молниеносное наступление русских было для нас неожиданным. Строительство оборонительного рубежа на линии Линькоу — Мулин и далее на Муданьцзян армией не было закончено. Потери

¹⁶ Текст в угловых скобках в оригинале зачеркнут рукой И. Шикина.

армии составили более 40 000 человек. Отстоять Муданьцзян не представлялось возможным. Оказывать дальнейшее сопротивление армия не могла».

С утра 20.8 приступлено к разоружению частей Гиринского гарнизона.

К 21.8 общее количество пленных на 1 и 2 ДВ и Забайкальском фронтах составляет свыше 200 000 человек.

Жители городов Мукден, Чанчунь, Харбин восторженно встречают наши части. Взаимоотношение личного состава наших войск с населением нормальные. Бойцы и офицеры, за исключением единичных случаев, ведут себя достойно и высоко держат честь воинов Красной Армии.

Шикин

русский архив: Великая Отечественная. Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 1930–1940-е годы: Документы и материалы: В 2 т. Т. 18(7–2). — М.: ТЕПРА, 2000. С. 64

Акт о капитуляции Японии, 2 сентября 1945 г. (извлечение)

1. Мы, действуя по приказу и от имени императора, японского правительства и японского императорского генерального штаба, настоящим принимаем условия Декларации, опубликованной 26 июля в Потсдаме главами правительств Соединенных Штатов, Китая и Великобритании, к которой впоследствии присоединился Советский Союз, каковые четыре державы будут впоследствии именоваться союзными державами.

2. Настоящим мы заявляем о безоговорочной капитуляции союзным державам японского императорского генерального штаба, всех японских вооруженных сил и всех вооруженных сил под японским контролем вне зависимости от того, где они находятся.

3. Настоящим мы приказываем всем японским войскам, где бы они ни находились, и японскому народу немедленно прекратить военные действия, сохранять и не допускать повреждения всех судов, самолетов и другого военного и гражданского имущества, а также выполнять все требования, которые могут быть предъявлены Верховным командующим союзных держав или органами японского правительства по его указаниям.

4. Настоящим мы приказываем японскому императорскому генеральному штабу немедленно издать приказы командующим всех японских войск и войск, находящихся под японским контролем, где бы они ни находились, безоговорочно капитулировать лично, а также обеспечить безоговорочную капитуляцию всех войск, находящихся под их командованием.

6. Настоящим мы даем обязательство, что японское правительство и его преемники будут честно выполнять условия Потсдамской декларации, отдавать те распоряжения и предпринимать те действия, которых в целях осуществления этой декларации потребует Верховный командующий союзных держав или любой другой назначенный союзными державами представитель.

8. Власть императора и японского правительства управлять государством будет подчинена Верховному командующему союзных держав, который будет предпринимать такие шаги, какие он сочтет необходимыми для осуществления этих условий капитуляции.

Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М., 1947. Т. 3. С. 480, 481

Обращение И. Сталина к советскому народу, 2 сентября 1945 г.

Товарищи!

Соотечественники и соотечественницы!

Сегодня, 2 сентября, государственные и военные представители Японии подписали акт о безоговорочной капитуляции. Разбитая наголову на морях и на суше и окруженная со всех сторон вооруженными силами Объединенных Наций, Япония признала себя побежденной и сложила оружие.

Два очага мирового фашизма и мировой агрессии образовались накануне нынешней мировой войны: Германия — на западе и Япония — на востоке. Это они развязали Вторую мировую войну.

Это они поставили человечество и его цивилизацию на край гибели. Очаг мировой агрессии на западе был ликвидирован четыре месяца назад, в результате чего Германия оказалась вынужденной

капитулировать. Через четыре месяца после этого был ликвидирован очаг мировой агрессии на востоке, в результате чего Япония, главная союзница Германии, также оказалась вынужденной подписать акт о капитуляции.

Это означает, что наступил конец Второй мировой войны.

Теперь мы можем сказать, что условия, необходимые для мира во всем мире, уже завоеваны.

Следует отметить, что японские захватчики нанесли ущерб не только нашим союзникам — Китаю, Соединенным Штатам Америки, Великобритании. Они нанесли серьезный ущерб также и нашей стране. Поэтому у нас есть еще свой особый счет к Японии.

Свою агрессию против нашей страны Япония начала еще в 1904 г. во время Русско-японской войны. Как известно, в феврале 1904 г., когда переговоры между Японией и Россией еще продолжались, Япония, воспользовавшись слабостью царского правительства, неожиданно и вероломно, без объявления войны, напала на нашу страну и атаковала русскую эскадру в районе Порт-Артура, чтобы вывести из строя несколько русских военных кораблей и создать тем самым выгодное положение для своего флота. И она действительно вывела из строя три первоклассных военных корабля России. Характерно, что через 37 лет после этого Япония в точности повторила этот вероломный прием в отношении Соединенных Штатов Америки, когда она в 1941 г. напала на военно-морскую базу Соединенных Штатов Америки в Перл-Харборе и вывела из строя ряд линейных кораблей этого государства. Как известно, в войне с Японией Россия потерпела тогда поражение. Япония же воспользовалась поражением царской России для того, чтобы отхватить от России Южный Сахалин, утвердиться на Курильских островах и таким образом закрыть на замок для нашей страны на востоке все выходы в океан — следовательно, также все выходы к портам советской Камчатки и советской Чукотки. Было ясно, что Япония ставит себе задачу отторгнуть от России весь ее Дальний Восток.

Но этим не исчерпываются захватнические действия Японии против нашей страны. В 1918 г., после установления советского строя в нашей стране, Япония, воспользовавшись враждебным тогда отношением к советской стране Англии, Франции, Соединенных Штатов Америки и опираясь на них, — вновь напала на нашу страну, оккупировала Дальний Восток и четыре года терзала наш народ, грабила советский Дальний Восток.

Но и это не все. В 1938 г. Япония вновь напала на нашу страну в районе озера Хасан, около Владивостока, с целью окружить Владивосток, а в следующий год Япония повторила свое нападение уже в другом месте, в районе Монгольской Народной Республики, около Халхин-Гола, с целью прорваться на советскую территорию, перерезать нашу Сибирскую железнодорожную магистраль и отрезать Дальний Восток от России.

Правда, атаки Японии в районе Хасана и Халхин-Гола были ликвидированы советскими войсками с большим позором для японцев. Равным образом была успешно ликвидирована японская военная интервенция 1918–1922 гг., и японские оккупанты были выброшены из районов нашего Дальнего Востока. Но поражение русских войск в 1904 г. в период Русско-японской войны оставило в сознании народа тяжелые воспоминания. Оно легло на нашу страну черным пятном. Наш народ верил и ждал, что наступит день, когда Япония будет разбита и пятно будет ликвидировано.

Сорок лет ждали мы, люди старого поколения, этого дня. И вот этот день наступил. Сегодня Япония признала себя побежденной и подписала акт о безоговорочной капитуляции.

Это означает, что Южный Сахалин и Курильские острова отойдут к Советскому Союзу и отныне они будут служить не средством отрыва Советского Союза от океана и базой японского нападения на наш Дальний Восток, а средством прямой связи Советского Союза с океаном и базой обороны нашей страны от японской агрессии.

Наш советский народ не жалел сил и труда во имя победы.

Мы пережили тяжелые годы. Но теперь каждый из нас может сказать: мы победили. Отныне мы можем считать нашу Отчизну избавленной от угрозы немецкого нашествия на западе и японского нашествия на востоке. Наступил долгожданный мир для народов всего мира.

Поздравляю вас, мои дорогие соотечественники и соотечественницы, с великой победой, с успешным окончанием войны, с наступлением мира во всем мире!

Слава вооруженным силам Советского Союза, Соединенных Штатов Америки, Китая и Великобритании, одержавшим победу над Японией!

Слава нашим дальневосточным войскам, Тихоокеанскому военно-морскому флоту, отстаившим честь и достоинство нашей Родины!

Слава нашему великому народу, народу-победителю!

Вечная слава героям, павшим в боях за честь и победу нашей Родины!

Пусть здравствует и процветает наша Родина!

Правда. 1945. 3 сентября

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ АККОРДЫ «БОЛЬШОЙ ВОЙНЫ»

Книга седьмая

В. М. Фалин

К предыстории пакта о ненападении между СССР и Германией 7

М. А. Мунтян

Антигитлеровская коалиция: достижения и проблемы союзнического партнерства 36

М. М. Наринский

Советское руководство и проблема границ и сферы влияния СССР в 1941–1946 гг. 52

Л. Я. ГибианскийЮгославия в балканской и европейской политике в начале Второй мировой войны:
попытка лавирования и ее крах ..... 62**А. Ю. Тимофеев**Контакты СССР с югославским королевским эмигрантским правительством
в годы Второй мировой войны ..... 82**А. М. Филитов**«Комиссия Ворошилова» — ведущий орган советского планирования
по Германии в период Великой Отечественной войны ..... 89**А. С. Стыкалин**

Боевые действия Красной Армии осенью 1944 г. и проблема выхода Венгрии из войны 95

Документы ..... 103**ПУТЬ К ИЗБАВЛЕНИЮ**

Книга восьмая

М. Ю. Мягков

Битва за Берлин 189

Д. Байерли

«60 лет высадки в Нормандии» (Москва, май 2004) 193

А. С. Сенявский, Е. С. СенявскаяВоенная повседневность как предмет исторического исследования: теоретико-
методологические проблемы ..... 197**В. А. Пережогин**

Советское партизанское движение 212

О. А. Ржешевский, Е. Н. Кульков

Народ и война 223

С. В. Бажанов

Экономика великой Победы: итоги и уроки первой модернизации 240

Ю. В. Кудрина

Русская Православная Церковь в годы войны 247

В. Н. Земсков

Репатриация перемещённых советских граждан 249

В. Е. Мартынов

Людские потери во Второй Мировой войне 264

А. А. Орлов

Создание Организации Объединённых Наций — результат победы над фашизмом 269

Л. В. Поздеева	
Ленд-лиз для СССР: дискуссия продолжается.....	273
А. А. Ахтамзян	
К историографии Великой Отечественной войны. Полководцы Победы	282
М. А. Гареев	
Об объективном освещении военной истории России	293
М. М. Наринский	
Тольятти, Сталин и «поворот в Салерно»	306
В. И. Жиляев	
Московский Кремль в годы Великой Отечественной войны.....	312
Документы	328

Научное издание

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА

ТОМ III
ПОБЕДА

Верстка А. С. Туманова

Макет обложки А. С. Руденко

Корректоры Л. А. Залётина
Э. П. Семенюк
Н. Г. Ханина

Издательство «МГИМО — Университет»

119454, Москва, пр-т Вернадского 76.

Тел.: (499) 431-58-28, (495) 434-54-17

Подписано в печать 15.06.2015.

Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 45. Уч. изд. л. 39.8. Тираж 500 экз. Заказ № 101.

Отпечатано в ООО «Аквариус»

г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а

Тел.: (4872) 49-76-96, (4872) 49-73-73

E-mail: grif-tula@mail.ru, aquarius-press@mail.ru